T 26
351

26.
351.

ПРАВОСУДІЕ

и

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОКЪ

въ

ВОЙСКАХЪ.

Юридическое изслѣдованіе

В. А. Соболевскаго.

Библиотека М.П.М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая.
1882.

ПРАВОСУДІЕ

и

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОКЪ

въ

ВОЙСКАХЪ.

§1 Ш-34 ИД

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. А. Соболевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Больш. Подъяч., № 39.
1882.

2007056008

СОДЕРЖАНІЕ.

стран.

Цѣль значеніе и мѣсто труда; малое знакомство военныхъ съ жизнью войска, съ дѣйствительностью, причины того; удобство изученія вопросовъ правосудія и провиннаго порядка въ войскахъ, интересъ такого изученія для общества; особенныя условія изученія правосудія въ войскахъ — отсутствіе источниковъ . . . . . 1— 20

Военный судъ, его противники; значеніе реформированнаго суда; военный судъ съ судьями изъ военныхъ, какъ самостоятельное установленіе, необходимъ, полезенъ, не только для военныхъ но и для общихъ преступленій; общій характеръ дѣятельности военнаго суда—свободное и разумное отношеніе суда къ своей задачѣ, что особенно важно, потому что военные законы безусловно неопредѣленны; особенная строгость, слѣдованіе буквѣ закона не составляютъ неизбѣжной принадлежности военнаго суда, его природы; что нужно для военнаго суда. . . . . 20— 39

Организація военнаго суда, источники комплектованія военно-судебнаго персонала, штатскіе въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, ихъ пригодность для отправленія правосудія въ военныхъ судахъ, военные. . 39— 64

Организація военнаго суда; общій характеръ судебной реформы; дореформенные мотивы даютъ себя знать въ реформированномъ судѣ, полковой судъ, канцелярія главнаго военнаго суда, дѣла о побѣгахъ и дурномъ поведеніи; основанія организаціи военнаго суда, предсѣдатели и постоянные члены суда по закону и по законодательнымъ работамъ; независимость судовъ и судей на дѣлѣ . . . . . 64—108

Положеніе военныхъ слѣдователей по закону и въ дѣйствительности, какъ судъ понимаетъ положеніе слѣдователей ихъ права обязанности и слѣдственное производство, значеніе начальства въ предварительномъ слѣдствіи, какъ слѣдователи понимаютъ и исполняютъ свои обязанности, отношенія слѣдователей къ начальству войскъ . . . . 108—185

СТРАН.

Военные прокуроры, взаимныя отношенія судей и прокуроровъ; собственные взгляды прокуроровъ на свое значеніе . . . . . 185—196

Личный составъ военно-судебнаго вѣдомства, его нравы . . . 196—218

Уровень знаній военно-судебныхъ дѣятелей; толкованіе старыхъ законовъ, законовъ по духу и смыслу, понятіе о превышеніи власти, необходимая оборона, участіе въ преступленіи, вздорныя обвиненія, непониманіе своего назначенія, судебные дѣятели среди законовъ не умѣютъ разбираться; неумѣнье владѣть юридическимъ языкомъ, не умѣнье вести засѣданія; формализмъ, буквоѣдство; формальныя доказательства, собственное сознаніе обвиняемыхъ, расположеніе къ письменности, непровѣренныя формальныя доказательства; обвинительные акты. 218—318

Гарантіи правосудія; соблюдаются-ли они въ военномъ судѣ. . . 318—363

Практика главнаго военнаго суда : . . . . . 363—399

Участіе начальства военнаго въ отправленіи правосудія, сущность провалаго порядка въ войскахъ, обособленность военныхъ, военные интересы, личность подчиненнаго, чѣмъ она гарантирована, права на нее начальника, понятіе о повиновеніи, дисциплина; причины нареканій на военные суды со стороны военныхъ, ихъ значеніе и сущность; истинный характеръ взаимныхъ отношеній между военнымъ судомъ и начальствомъ; въ чемъ секретъ что судъ изъ судей, взятыхъ изъ среды арміи не удовлетворяетъ военное начальство, судъ полковой и военный въ чемъ причина ихъ несходства; какой судъ намъ нуженъ; пригодность офицеровъ къ отправленію правосудія и откуда можно ждать измѣненій къ лучшему въ прававомъ порядкѣ въ войскахъ; степень общаго и юридическаго образованія въ войскахъ. Дознанія производимыя офицерами; вліяніе начальства на ходъ правосудія . . . . . 399—608

Сущность тѣхъ измѣненій, сословія которыя необходимы въ военно-уголовномъ законодательствѣ . . . . . 610—625

Наша армія, наше военное вѣдомство мало извѣстны не только обществу, но даже и самимъ военнымъ. Очень часто и военные узнаютъ о томъ или другомъ явленіи изъ жизни военной, или понимаютъ смыслъ и значеніе извѣстнаго факта очень поздно, и часто для военныхъ представляется новостью то, что въ сущности уже устарѣло. Причины такого положенія вещей очень просты. Объ арміи, о военномъ вѣдомствѣ, о военной жизни пишутъ очень мало — писать некому; военная служба не привлекаетъ къ себѣ талантовъ, какъ это мы увидимъ ниже; да и писать-то стоитъ только то, что представляетъ изъ себя правду, а лгать охочи только однѣ бездарности. Хотя профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба Газенкампфъ, защищая академію въ газетахъ, утверждаетъ, что академія дала много писателей, но писанія-то ихъ весьма односторонніе: все битвы, да сраженія, да походы, да дѣйствія войскъ въ бою въ прошедшемъ (военная исторія) и въ настоящемъ (тактика и стратегія) или очень плохи, какъ напр., военное хозяйство Газенкампфа, замѣстившее собою тоже крайне плохое военное хозяйство Аничкова *).

Внутренняя жизнь въ арміи, ея бытъ, условія, ея интересы, потребности, ихъ развитіе, современное положеніе оставались и оста-

---

*) Между прочимъ, самъ профессоръ Газенкампфъ, извѣстный счетчикъ иностранныхъ армій до турецкой войны, все считалъ, что военныя силы Турціи составляютъ такъ около тыс. 150 чел., отчего и мы начали войну съ незначительными силами, и пришлось намъ раскаяться въ томъ, что повѣрили Газенкампфу.

ются совершенно не затронутыми. Нѣтъ людей, которые бы взяли на себя такой трудъ. Одни этого просто не хотятъ,—не хотятъ допустить такой трудъ—это шло бы въ разрѣзъ съ ихъ интересами, которые могутъ процвѣтать только при полномъ мракѣ; другимъ такой трудъ не подъ силу; не можетъ быть тамъ ничего хорошаго, гдѣ атмосфера, гдѣ среда, именно та, въ которой живутъ военные, не допускаетъ свободы мысли, знаній, гдѣ способности, личность подавляются съ такимъ же искусствомъ, но съ большей силой, чѣмъ въ любомъ нетерпимомъ, религіозномъ обществѣ; вѣдь только для служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ былъ изданъ и существовалъ до послѣдняго времени законъ, запрещавшій печатать что бы то ни было безъ разрѣшенія начальства, и законъ этотъ не нарушался, потому уже, что мало кто писалъ. Сверхъ того, вопросы о войскахъ и ихъ внутренней жизни принадлежали къ числу такихъ, которые во время господства спеціальныхъ распоряженій объ изъятіяхъ изъ числа предметовъ, подлежащихъ обсужденію печати, усерднѣе всего причислялись къ этимъ изъятіямъ.

Поднимались голоса объ этой внутренней жизни арміи, но сама услужливая печать старалась заглушить ихъ; такого отношенія къ дѣлу, конечно, нельзя простить печати, потому что если умѣютъ принуждать ее молчать, то кто бы могъ принудить ее поднять голосъ для заглушенія свободно высказываемыхъ мыслей? Мы напомнимъ одинъ подходящій фактъ, довольно свѣжій, и, можетъ быть, наиболѣе серьезный изъ существовавшихъ.—Недавно, когда возникъ вопросъ о недостаточномъ числѣ военныхъ врачей, объ ихъ неискусствѣ, изъ среды этихъ врачей раздались голоса, объяснявшіе эти обстоятельства; было указано тогда на то, что положеніе военныхъ врачей столь невыносимо, что порядочные врачи избѣгаютъ службы въ войскахъ, что врачъ, пожелавшій исполнить свою обязанность какъ слѣдуетъ, будетъ подавленъ произволомъ, силою власти эгоистичнаго, рутиннаго, бездѣятельнаго начальства. И чтоже? печать, главнымъ обра-

зомъ «Голосъ», съ недовѣріемъ, съ презрительнымъ высокомѣріемъ остановила врачей, увѣряя, что всѣ ихъ жалобы—напраслина, вызванная отсутствіемъ такъ называемаго такта, т. е. неумѣніемъ обдѣлывать дѣлишки, излишней чувствительностью, много о себѣ, о своемъ просвѣщеніи воображающихъ врачей, а что на самомъ дѣлѣ все обстоитъ благополучно. И врачи замолчали,—и не мудрено; только имѣя въ своемъ распоряженіи массу фактовъ, болѣе или менѣе крупныхъ, очевидныхъ, не допускающихъ смягчающихъ обстоятельствъ, можно сражаться съ недобросовѣстнымъ противникомъ; а добыть такіе факты возможно только тамъ, гдѣ дѣло ведется на чистоту, въ упоръ, гдѣ вопросы категорически, ребромъ ставятся и также разрѣшаются; но такъ не могли поставить дѣла врачи, находящіеся въ тѣсной связи съ войсковой организаціей, въ глубокомъ подчиненіи войсковому начальству, исполняющіе лаконическія его приказанія. Все ограничивалось мелочами, глухой подземной борьбой; ненормальность положенія чувствовалась болѣе. Потому врачи спасовали при первомъ же вопросѣ, съ какимъ вообще ловкіе бойцы, знающіе изложенную слабость своихъ противниковъ, обращаются къ нимъ. Ихъ спрашивали: «докажите», и не позаботившіеся ранѣе вооружиться, какъ можно лучше, не готовившіеся къ борьбѣ, врачи ничего, кромѣ общихъ фразъ не могли представить, почему ихъ голосъ явился не убѣдительнымъ и замеръ въ пространствѣ, при общемъ удовольствіи различныхъ подхалюзинъ и всѣ успокоились на фразѣ: «все обстоитъ благополучно».

Недавно повели атаку противъ генеральнаго штаба; но чтоже доказали? Опять ничего. Генералъ Драгомировъ побѣдоносно спрашивалъ въ печати: гдѣ же доказательства негодности академіи генеральнаго штаба? И опять не предусмотрительные противники генеральнаго штаба явились съ пустыми руками, и оказались слабыми въ борьбѣ, потому что заранѣе не приготовились къ ней; опять они могли указать только на общее убѣжденіе, столь же силь-

ное, сколь и вѣрное—но не болѣе. Сильные противники выставили изъ среды себя Газенкампфа, который съ самоувѣренностью назвалъ до 50 именъ, просилъ, чтобъ ему указали хотя одного начальника, который бы, когда нибудь, сказалъ, что услуги офицеровъ генеральнаго штаба не нужны,—никто на это не отвѣтилъ, и опять, конечно, успокоятся на томъ, что все благополучно; хотя въ самомъ дѣлѣ назвать за 50 лѣтъ до 50 именъ, къ тому же не безспорныхъ героевъ, еще не много. При боязливости мысли, при отсутствіи самостоятельности и гражданской доблести въ военныхъ, кто же изъ нихъ рѣшится высказать обвиненіе въ лице сильнымъ генеральнаго штаба? А между тѣмъ несомнѣнно, что неблагопріятное мнѣніе существуетъ, но не имѣетъ путей пробиться наружу, оно передается гдѣ нибудь втихомолку изъ устъ въ уста, какъ мнѣніе людей, не чувствующихъ потребности высказаться, дряблыхъ, неустойчивыхъ въ своихъ мысляхъ. Дѣлу отъ этого однако не лучше.

Существовало напр., во время польскаго возстанія предубѣжденіе, антипатія къ регулярной кавалеріи; пѣхота предпочитала ей казаковъ и была готова идти въ экспедицію безъ регулярной кавалеріи; дурное мнѣніе пѣхоты о кавалеріи было распространенное, основательное, иногда сильное; регулярная кавалерія, которую командиры предпочитали держать въ конюшнѣ, лишь бы не кормить, подсмѣивалась сама надъ собою, но кто же объ этомъ говорилъ въ печати, кто же это теперь можетъ доказать?—Все подобное изглаживается изъ памяти людей, не понимающихъ общаго смысла и значенія фактовъ, и новые подобные факты возстаютъ въ ихъ умахъ безсвязными, для того чтобъ тотчасъ же быть забытыми. Напрасно мы бы ждали, что кто нибудь укажетъ примѣръ строеваго начальника, который прямо и открыто заявилъ бы, что офицеры генеральнаго штаба для него излишни, но тѣмъ не менѣе отъ этого нельзя приходить къ заключенію, что все обстоитъ благополучно.

Въ «Новомъ Времени» была помѣщена еще статья въ пользу

генеральнаго штаба, поддерживающая Газенкампфа; статья принадлежитъ какому-то А. П-р-скому, который, защищая генеральный штабъ, доказывая, что между генеральнымъ штабомъ и арміей установились теперь самыя дружескія отношенія, все-таки топчетъ въ грязь тѣхъ же армейцевъ и доказываетъ, что все держится на генеральномъ штабѣ, а армейскіе офицеры не выдерживаютъ критики; П-р-скій утверждаетъ, что это доказано турецкой войной, гдѣ мы «опирались болѣе на нравственныя доблести арміи— выносливость, стойкость, храбрость, засвидѣтельствованныя передъ лицемъ всего міра, чѣмъ на искусство соображеній и дѣйствій». Мы думаемъ, что все это затемняетъ вопросъ, а не выясняетъ его; все таки, мы не знаемъ, чтоже въ самомъ дѣлѣ такое нашъ генеральный штабъ? Отъ кого же требовалось искусство соображеній и дѣйствій? — преимущественно отъ офицеровъ генеральнаго штаба, а если мы опирались болѣе на нравственныя доблести арміи, то въ чемъ же слава генеральнаго штаба, и что же значутъ тѣ 50 именъ которыя перечислены Газенкампфомъ?

Въ академіи генеральнаго штаба давно преподавали, что наша регулярная кавалерія ходитъ перемѣннымъ аллюромъ и дѣлаетъ такимъ образомъ 7 верстъ въ часъ. Офицеръ, оставившій военную академію на время польскаго возстанія, по вызову начальства, имѣлъ случай явиться самостоятельнымъ начальникомъ полу-эскадрона кавалеріи и повелъ его перемѣннымъ аллюромъ и сколько же непріятностей имѣлъ онъ за это! Эскадронный командиръ, только разъ въ недѣлю выводившій своихъ уланъ на ученіе, съ тѣмъ, чтобъ имѣть возможность давать лошадямъ только по гарнцу овса въ день, обвинялъ полу-эскадроннаго командира чуть не въ государственной измѣнѣ.

И такъ, что мы знаемъ о военной службѣ, все это далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности, все это какъ бы нарочно разсчитано

на сокрытіе того, что есть на самомъ дѣлѣ. Всякій вопросъ стараются замять, отдѣлаться общими фразами.

Въ настоящее время идетъ, или шелъ, вопросъ объ округахъ, или корпусахъ и все это обсуждалось безъ достаточнаго знанія дѣла; бродятъ въ темнотѣ; нѣтъ той свободы мысли, свободы слова, при которой только и возможно обнаруженіе истины. Конечно и округа, какъ все на свѣтѣ, имѣютъ и свои недостатки, и свои выгоды, и всегда можно надѣяться услышать отъ сторонниковъ округовъ нѣсколько общихъ фразъ въ пользу округовъ и во вредъ корпусовъ, и наоборотъ; но отъ этого дѣло не подвинется ни на шагъ впередъ, потому что люди судятъ безъ достаточнаго знанія дѣла, съ задними мыслями и т. д.—Будутъ толковать напр., что округа введены съ цѣлью децентрализаціи власти военнаго министерства, и въ сферѣ общихъ, недоказанныхъ мыслей, кто-же возразитъ что нибудь противъ этого; а между тѣмъ децентрализація эта существуетъ у насъ давнымъ-давно; она, нисколько не связанная съ округами, и при существованіи округовъ не измѣнила своего характера. Децентрализація эта въ сущности состоитъ въ томъ, что всякій, сколько нибудь крупный начальникъ и до округовъ дѣлалъ и при округахъ дѣлаетъ что ему угодно, все подчиняетъ только своему усмотрѣнію, не сдерживаемому никакимъ контролемъ. Сказанное нисколько не опровергается тѣмъ, что до округовъ провинціальные начальники управленій должны были относиться о всякомъ пустякѣ въ столицу; провинціальные дѣлали свое дѣло, а доносили, или спрашивали только для формы о томъ, что уже или давно было сдѣлано, или чего вовсе на дѣлѣ не было, или писали свои донесенія такъ, что въ нихъ ничего понять нельзя было. Тоже, какъ мы увидимъ, дѣлается и теперь; напр. и теперь только что испрашиваютъ разрѣшеніе на постройку казематовъ на фронтѣ одной изъ крѣпостей, только что шлютъ еще планы казематовъ на утвержденіе въ главное инженерное управленіе, а казематы уже два мѣсяца, какъ начали строить.—Вотъ такая

децентрализація у насъ всегда и вездѣ царствовала; и неизвѣстно когда такому царствованію настанетъ конецъ. Говорятъ, что при округахъ объединились раздробленныя управленія различными частями, объединились въ личной власти начальника округа и власти окружнаго военнаго совѣта; но это не такъ. И въ совѣтъ вносятся дѣла только для формы, только для виду; на дѣлѣ всякій отдѣльный начальникъ, внося предложеніе въ совѣтъ, впередъ знаетъ, что его предложеніе будетъ принято; все основывается на взаимныхъ уступкахъ. Окружный интендантъ рѣшаетъ дѣло по интендантству, зная, что ему не будетъ противорѣчить начальникъ инженеровъ, или начальникъ артиллеріи округа, которые безъ возраженій утверждаютъ все чего желаетъ интендантъ, въ надеждѣ, что интендантъ отплатитъ имъ тѣмъ же, когда они будутъ нуждаться въ немъ. Въ такихъ незначительныхъ числомъ членовъ учрежденіяхъ, какъ окружный совѣтъ, дѣятельность котораго окружена тайной, круговая порука устанавливается скоро. И вотъ, опять, предполагавшееся объединеніе различныхъ отраслей военной администраціи есть лишь одинъ пустой звукъ.

Но кому изъ обсуждавшихъ окружную систему вздумалось бы это высказать, а кто это знаетъ, и кто хотѣлъ бы это высказать, гдѣ и передъ кѣмъ онъ это сдѣлаетъ?

Наши округа ничего существеннаго не ввели въ нашу армію. Говорятъ, что начальники округовъ являются посредниками между войсками и хозяйственными учрежденіями; но хотѣли бы мы, чтобы намъ указали конкретные случаи, когда это посредничество проявлялось; мы знаемъ, что такихъ случаевъ намъ указали бы весьма мало. Сложная машина, представляемая нашею армію, сама собою двигается, разъ заведенная; двигается ни шатко, ни валко и продолжаетъ быть крѣпкою. Еслибъ посредничество, о которомъ говорятъ, существовало на самомъ дѣлѣ, тогда не было бы того, что наприм. въ петербургскомъ округѣ смотритель магазина, находясь въ соглашеніи съ подрядчикомъ, получая отъ него разнаго

сорта вещи, чтобъ скрыть дурныя качества вещей, распредѣляетъ ихъ такъ: даетъ лучшій сортъ гвардіи, а похуже войскамъ подальше стоящимъ, а самый плохой въ мѣста наиболѣе отдаленныя, потому что вступиться за войска, стоящія въ Архангельскѣ, некому, а сами они, или ихъ ближайшіе начальники безпокоить интендантства не станутъ. И все идетъ подобнымъ же образомъ.

Говорятъ, что округа сближаютъ войска съ источниками ихъ снабженія. Можетъ быть такъ дѣлается въ Пруссіи, но не у насъ. Какова близость войскъ съ источниками снабженій, это видно напр. изъ того, что сапоги, сукно, и. т. д. нужное напр. для войскъ кіевскаго округа, привозятся изъ петербургскаго округа. Что имѣетъ общаго окружная система съ такимъ способомъ снабженія? развѣ то-же самое не могло бы быть при всякой другой системѣ? Войска напр. варшавскаго военнаго округа комплектуются новобранцами изъ-за Волги, язычниками, изъ Москвы, Владиміра, Полтавы—въ чемъ тутъ можетъ проявиться дѣятельность начальствъ варшавскаго военнаго округа? на нихъ работаютъ начальства казанскаго, московскаго округовъ. Мы не разбираемъ подробно вопроса о корпусахъ и округахъ, не въ томъ наша задача, мы не сторонники ни настоящихъ округовъ, ни будущихъ корпусовъ, мы касаемся вопроса этого только на столько, на сколько нужно намъ доказать, что о нашей армейской жизни мало знаютъ, и только для того указали на все приведенное выше, чтобъ доказать, что все, что говорится въ защиту округовъ или корпусовъ, представляетъ только общія фразы, разлетающіяся въ прахъ при болѣе основательномъ знакомствѣ съ вопросомъ. Наши округа явились плодомъ подражанія Франціи,—подражанія,—которое охватило нашихъ военныхъ дѣятелей послѣ итальянской кампаніи 1589 года. Наши военные авторитеты по тактикѣ, стратегіи, и т. п. кажутся какими самобытными! а между тѣмъ они-то теперь также безъ толку подражаютъ прусакамъ, какъ подражали французамъ послѣ 1859 г., ихъ настоящее презрѣніе къ заслугамъ и способностямъ Макъ-Ма-

гона послѣ 1870 г., равняется по своей силѣ и внутреннему содержанію развѣ только той наивности, съ которою превозносили того же Макъ-Магона послѣ 1859 г. за Мадженто и Сольферино.

Вопросъ о нашей академіи генеральнаго штаба, объ ея устройствѣ, былъ такимъ же живымъ и настоятельнымъ въ началѣ 60 годовъ, какъ и теперь, съ тою разницею, что тогда само начальство академіи сознавало неудовлетворительность академическаго преподаванія, а теперь ему пришлось защищаться отъ нападокъ на академію извнѣ. И въ началѣ 60-хъ годовъ посылались люди для изученія системъ французской и прусской, и пр.; много писалось тогда по этому поводу, много помѣщалось статей въ «Военномъ Сборникѣ». Сравнивали французскую академію съ прусской, указывали на массу общеобразовательныхъ предметовъ въ прусской академіи, порицали потому прусскую академію за преобладаніе теоріи надъ практикой, и съ восторгомъ останавливались на французской, гдѣ такъ мало было науки, но гдѣ такъ много было практики. Составили цѣлый проэктъ преобразованій въ академіи съ цѣлью придать болѣе практичности академическому образованію, послали съ проэктомъ генерала О. въ Парижъ посовѣтоваться съ проживавшимъ тогда тамъ генераломъ Жомини и не получили отъ него одобренія. А теперь времена измѣнились, и на академію нападаютъ за увлеченіе общими науками, теоріей.

Увлекались Франціей до нельзя. Думали и у насъ устроить интендантство на тѣхъ же началахъ, что и во Франціи; особенно восхищались тѣмъ фактическимъ контролемъ, который давалъ возможность французскимъ интендантамъ усчитать каждую ниточку; а между тѣмъ война 1870 г. доказала, что напрасны и обманчивы были всѣ эти увлеченія французскимъ интендантствомъ. — Увлекались Франціей до того, что изъ Франціи выписывали въ громадномъ количествѣ консервы капусты, которые сложили въ продовольственныхъ магазинахъ Новгородской губерніи, гдѣ они сгнили и съ большимъ

трудомъ, за безцѣнокъ были проданы на кормъ свинямъ. — И вотъ въ этотъ-то періодъ увлеченія всѣмъ французскимъ, у насъ появились округа. — Вотъ гдѣ истина!

Наше общественное сознаніе весьма не послѣдовательное и не глубокое, осуждая часто дѣятельность цѣлаго учрежденія, падаетъ ницъ передъ личностями, руководящими этими самыми учрежденіями. Сколько похвалъ, сколько лести расточается бывшему военному министру за устройство и преобразованіе арміи, а между тѣмъ сколько лжи во всемъ этомъ! Можно доказать, что ни мысль какой бы то ни было изъ военныхъ реформъ не принадлежала бывшему министру, ни самое приведеніе въ исполненіе этихъ реформъ не можетъ быть приписано вліянію, убѣжденію министра. Основанія, идеи всѣхъ реформъ давно уже составляли достояніе военной науки, лучшихъ военныхъ умовъ въ Россіи; введеніе же всѣхъ реформъ послѣдовало подъ неотразимымъ давленіемъ жизни. Отмѣтимъ здѣсь относительно реформы военно-судебной, что она раздѣляла судьбу всѣхъ остальныхъ, и проведена была неискренне и непослѣдовательно.

Реформировано у насъ было вооруженіе арміи, и введеніе ружей заряжающихся съ казенной части, особенно энергично было поведено послѣ 1870 года. Вопросъ о превосходствѣ оружія, заряжающагося съ казенной части, прусскихъ Zundelnadelgewehr былъ положительно разрѣшенъ даже въ школьной военной наукѣ еще въ началѣ 50 годовъ; но все медлили, ждали, чтобъ опытъ войны доказалъ превосходство оружія; вотъ громъ грянулъ, сначала въ 1866 г. затѣмъ въ 1870, и только тогда принялись за дѣло горячо, но Боже мой, съ какими колебаніями, неумѣлостью, нерѣшительностью; то одна система принималась, то другая ее замѣняла, чтобъ тотчасъ же уступить мѣсто третьей, и чего все это стоило!!. Проведено было перевооруженіе арміи въ высшей степени неумѣло, и въ результатѣ оказалось, что все-таки въ 1877—78 гг. наша армія была вооружена хуже турокъ, имѣла худшій порохъ. И въ дни покоя на-

чальство, на театрѣ войны, производило опыты надъ сравнительной силой пороха турецкаго и русскаго. И все то чего стоило, откуда пошло перевооруженіе, все это невѣдомо, забыто, не понято и превратилось въ подвигъ!

Общеобязательная воинская повинность принадлежала уже давно школьной военной наукѣ; уже въ 50-хъ годахъ и вербовка, и конскрипціонная, и ландверная, и милиціонная системы были тщательно разработаны и отдано рѣшительное преимущество ландверной системѣ. Приводилось одно только возраженіе противъ этой системы; говорилось, что ландверная система возможна только тамъ, гдѣ правительство довѣряетъ народу; приводили подходящій примѣръ, что, когда Пруссія собиралась напасть на крошечную Швейцарію за Нефшатель, ландверъ не захотѣлъ надѣть мундира.

И вотъ мысль была извѣстна, но не осуществлялась; потому не зачѣмъ заслугу введенія у насъ общеобязательной повинности приписывать одному человѣку; только гнетъ обстоятельствъ, гнетъ жизни, только чувство самосохраненія сдѣлали свое дѣло, и послѣ войны 1870 года и у насъ схватились за общеобязательную повинность. Какое счастье, что не намъ пришлось почувствовать на себѣ и превосходство отличнаго вооруженія и ландверной системы!

А между тѣмъ съ этой точки зрѣнія военная организація у насъ не разсматривалась, общество наше слышало только разсказы о казовой, внѣшней сторонѣ реформъ. Недавно даже, неизвѣстный авторъ въ «Вѣстникѣ Европы» выступилъ съ защитою реформъ и по прежнему старается оставить общество въ прежнемъ невѣдѣніи внутренняго быта войскъ, дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Авторъ излагаетъ только въ чемъ состояли цѣли и намѣренія реформаторовъ, и опускаетъ совершенно вопросъ о томъ, какъ эти цѣли и намѣренія осуществились. Не знаемъ, кого увѣритъ авторъ въ томъ, будто бы военный совѣтъ совершенно самостоятеленъ, независимъ отъ военнаго министра; будто военный министръ по дѣламъ хозяй-

ственнымъ и законодательнымъ лично никакихъ правъ почти не имѣетъ и все зависитъ отъ самостоятельныхъ рѣшеній совѣта. Самостоятельность военнаго совѣта, будто, указана Императоромъ Николаемъ I и твердо удержана его преемникомъ, не смотря на бывшія не разъ покушенія ограничить дарованныя военному совѣту права. Не знаемъ отъ чьихъ покушеній уцѣлѣла независимость военнаго совѣта, но думаемъ, что всякій, кто знакомъ съ тѣмъ, какъ дѣлаются дѣла у насъ въ Россіи, усомнится въ справедливости голословныхъ заявленій автора, и поостережется вѣрить, чтобъ члены военнаго совѣта, назначаемые туда въ возрастѣ, въ которомъ чиновники другихъ государствъ обязательно выходятъ въ отставку (Бельгія 65 лѣтъ), могли сохранить самостоятельность передъ военнымъ министромъ, который ихъ награждаетъ, въ такихъ къ тому же вопросахъ, какъ законодательные.

Затѣмъ авторъ повторяетъ старую пѣсню о томъ, что округа имѣютъ цѣлью «завѣдываніе разнообразными элементами, которыхъ «требуетъ военно-административное устройство, поддержаніе полной связи и единства между ними, устраненіе розни и неурядицы, приведеніе ихъ въ такое стройное соглашеніе, чтобъ въ случаѣ войны можно было съ возможною быстротою направить всѣ «средства къ одной цѣли, именно къ сформированію армій и къ «обезпеченію ихъ источниками снабженія на время войны».

Мы уже говорили, что все это значитъ на самомъ дѣлѣ, и потому очевидно насколько эти строчки общихъ фразъ скрываютъ истину.

Затѣмъ авторъ старается внушить читателю мысль, что вопросъ объ округахъ у насъ выросъ самостоятельно, изъ имѣвшихся у насъ нѣсколькихъ единичныхъ округовъ на окраинахъ, и затѣмъ, если уже приписывать намъ подражаніе, то скорѣе всего прусскимъ округамъ, которымъ подражала вся Европа. Но странно вотъ что: почему это было такъ, что и прусскіе округа существовали съ начала 19 стол., и наши

окраинные округа тоже устроены были давно, просуществовали на глазахъ Императора Николая, о которомъ авторъ говоритъ, что съ своимъ свѣтлымъ и практическимъ взглядомъ на дѣла государственныя, онъ не могъ не признавать, что въ военномъ вѣдомствѣ, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ необходимо единство направленія и стройность организаціи, а между тѣмъ до начала 60-хъ годовъ, округовъ, въ ихъ современномъ видѣ, у насъ не было въ Европейской Россіи. Обстоятельство это просто объясняется тѣмъ, что округа у насъ введены въ подраженіе французскимъ «divison militaires» въ согласіи съ нашимъ общимъ стремленіемъ, въ началѣ 60 годовъ, подражать во всемъ Франціи. Тѣмъ болѣе, что наши округа не устроены, да и не могутъ быть такъ устроены какъ прусскіе территоріальные корпуса.

Авторъ представляетъ заманчивую картинку сокращеній штатовъ со введеніемъ округовъ, но онъ умалчиваетъ, что все-таки нашъ военный бюджетъ росъ и росъ, потому что средства растрачивались на неудачное веденіе перевооруженія, на неудачныя выписки изъ Франціи консервовъ капусты; на неумѣлое переустройство обоза, мѣнявшаго по нѣсколько разъ свою конструкцію и, все-таки, оказавшагося въ послѣднюю войну никуда негоднымъ и т. д. и т. д.

Авторъ говоритъ о злоупотребленіяхъ и воровствѣ въ дореформенное время; однакоже все это скрываетъ истину. Слѣдуетъ не забывать, что громаднѣе воровства, какъ было въ послѣднюю войну, трудно себѣ вообразить. Къ тому же и мирное время, до послѣдней войны, отличалось значительнымъ распространеніемъ хищничества и никто его не преслѣдовалъ. Въ интендантствахъ всѣмъ извѣстно до точности, какая должность сколько приноситъ, и, только въ случаѣ обнаруженія продѣлокъ посторонними, виновные перемѣщаются съ одного мѣста на другое.

Было время когда разслѣдывалось дѣло Овсянникова; изъ слѣдствія оказалось, что многіе интендантскіе служаки получали громад-

ное ежемѣсячное жалованье; засуетились въ интендантствѣ и трехъ изъ провіантскаго отдѣленія удалили отъ должности:—начальника отдѣленія, бухгалтера и столоначальника. Начальникъ отдѣленія удалился въ свой домъ на Васильевскомъ острову, купленный незадолго до дѣла Овсянникова; но не долго пришлось всѣмъ троимъ жить опальными. Скоро ихъ приняли на службу и начальникъ отдѣленія превратился въ чиновника особыхъ порученій главнаго интенданта и посланъ былъ наблюдать за поставкою сухарей въ дѣйствующую армію. Ну, хороши же были сухари! не мудренно, что подъ подобнымъ надзоромъ выросло сухарное дѣло.

Таковы-то были реформы, таковая-то правда пишется о нихъ. Думаемъ, что мы были правы, сказавши, что общество не знаетъ ихъ истиннаго значенія. И неужели правда нигдѣ, никѣмъ не выскажется, неужели мы будемъ знакомиться съ дѣломъ всегда только по общимъ фразамъ, при помощи которыхъ всякое вопіющее дѣло можно представить въ наилучшемъ видѣ.

Какъ ни многочисленны были реформы въ военномъ вѣдомствѣ, какъ ни многочисленны были перемѣны въ системахъ военно-административной политики, во всѣхъ этихъ перемѣнахъ все-таки не доставало полноты, и благодаря тому реформы далеко не достигали благопріятныхъ результатовъ, если только эти результаты искренно желались!....

Внутренній бытъ въ войскахъ оставался столь же стѣснительнымъ, столь же безправнымъ, даже болѣе безправнымъ чѣмъ прежде, вслѣдствіе того, что прежнее безправіе какъ бы стало болѣе сознающимъ себя; все окружающее, вся общественая жизнь развивалась, дѣлалась свободнѣе, просвѣщеннѣе, гуманнѣе, справедливѣе, а въ войскахъ все продолжала господствовать личность, эгоистическіе интересы, продолжалось отсутствіе справедливости, попраніе закона; крѣпостное состояніе въ народѣ пало, а въ войскахъ царитъ, по прежнему царитъ крѣпостническій строй жизни; авторъ статьи «воен-

ныя реформы» въ «Вѣстникѣ Европы» бичуетъ дореформенный порядокъ, утверждая, что тогда «каждый начальникъ могъ дѣйствовать по своему уму-разуму, хозяйничая напр. въ полку какъ въ своемъ хуторѣ», но увы! такой же порядокъ господствуетъ и теперь, но теперь онъ живѣе чувствуется, потому что становится съ каждымъ днемъ все въ болѣе и болѣе рѣзкое противорѣчіе съ прогрессирующею окружающею его жизнью. И теперь подчиненный стоитъ связаннымъ и по рукамъ и по ногамъ передъ начальникомъ, который руководится только своимъ усмотрѣніемъ, безотвѣтственъ за свои дѣйствія въ отношеніи подчиненныхъ, который по прежнему распоряжается у себя какъ на хуторѣ; не даромъ же онъ и официально называется хозяиномъ въ своей части, не даромъ же въ законодательныхъ документахъ вся внутренняя жизнь полка называется *домашнею, частною,* не даромъ эта домашняя жизнь подальше ставится отъ глазъ посторонняго.

Нельзя сказать, чтобъ внутренняя жизнь вовсе не была предметомъ передѣлокъ въ реформенный періодъ; такимъ образомъ, бывшій военный министръ съ системой юнкерскихъ училищъ носился какъ съ своимъ дѣтищемъ; мы знаемъ, что и правосудіе подверглось улучшеніямъ, и послѣднее-то и будетъ составлять предметъ настоящаго труда; но уровень образованія съ юнкерской системой, смѣло можемъ сказать, понизился среди офицеровъ, но улучшенія въ правосудіи окончились только реформой суда и судопроизводства, правовой же порядокъ въ войскахъ, значеніе законности въ арміи не улучшились, остались безъ движенія, безъ прогресса, а все что стоитъ, все то отстаетъ. Напротивъ того, бывшій министръ ввелъ въ систему, что начальникъ есть безотвѣтственный распорядитель судьбы подчиненнаго, есть безотвѣтственный разрѣшитель и вязатель всѣхъ дѣлъ, что высшій начальникъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла между низшимъ начальникомъ и его подчиненнымъ, что начальникъ не можетъ быть несправедливымъ, что каждый начальникъ безотчетно, безконтрольно

выбираетъ себѣ помощниковъ; съ изданіемъ дисциплинарнаго устава, удерживаемаго во всей строгости и нынѣ, по всѣмъ правиламъ казуистическаго искусства, была отнята всякая возможность подчиненному искать справедливости; былъ введенъ новый офицерскій судъ, нераціональность устройства котораго все дѣлалась большею и большею; все это вмѣстѣ сдѣлало то, что люди способные оставляютъ войска. Такимъ образомъ и реформа военно-судебная, потребованная настоятельно жизнью, подготовлявшаяся издалека, издавна, явилась неизбѣжною уступкою гнету обстоятельствъ; реформа эта является непослѣдовательно проведенною сама въ себѣ, и стоящею въ прямомъ разладѣ, если не съ ухудшеніемъ правоваго порядка въ войскахъ, то уже, во всякомъ случаѣ, съ правовымъ порядкомъ, оставшимся безъ прогресса, безъ улучшеній, и потому отставшимъ отъ жизни. Отсюда то неустойчивое равновѣсіе въ которомъ очутился военный судъ съ его процессомъ, отсюда та безпрерывная неувѣренность за завтрашній день суда реформированнаго, которая высказывалась и среди военно-судебнаго персонала, и среди войскъ; отсюда то трепетное ожиданіе втораго реакціоннаго періода въ отправленіи правосудія въ войскахъ, которое никогда не оставляло и военно-судебный персоналъ и войска.

Неполнота, односторонность реформъ отозвалась тѣмъ, что реформы, можетъ быть и благія, остались безъ исполнителей и не дали возможныхъ результатовъ.

Настоящій трудъ будетъ обнимать одну только область, только одну изъ сторонъ военнаго быта, только условія правовой жизни нашей арміи; состояніе правосудія въ войскахъ. Мы съузимъ нашу задачу, не будемъ касаться всей войсковой жизни, но за то будемъ въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ тѣ, которые до насъ пытались проникнуть во внутреннюю жизнь войскъ; мы чувствуемъ себя въ избранной нами области на твердой почвѣ; судъ, судебный процессъ, правосудіе даютъ обильный матеріалъ, твердую почву, на которой могутъ быть обоснованы важные, положительные

выводы, не допускающіе сомнѣнія, недосказанности. Вопросы и потребности, возникающіе въ правовой сферѣ жизни войска и ставятся и разрѣшаются такъ положительно и судомъ и отправленіемъ правосудія вообще, что изложеніе состоянія правосудія въ войскахъ является въ высшей степени важнымъ.

Вопросъ о положеніи правосудія въ войскахъ въ высшей степени интересенъ для нашего общества, особенно съ тѣхъ поръ, какъ наше общество начало себя сознавать, особенно со времени введенія у насъ общеобязательной воинской повинности, а между тѣмъ вопросъ этотъ представляетъ для нашего общества terra incognita.

Военные суды, ихъ организація, законы опредѣляющіе эту организацію, практика судовъ, согласіе ее, или, напротивъ, противорѣчіе съ закономъ, насколько она вліяетъ на улучшеніе законовъ, по необходимости отстающихъ отъ жизни, отъ требованій предъявляемыхъ непрестанно развивающеюся, безпрестанно выдвигающею новые интересы, безпрестанно мѣняющею относительную важность интересовъ жизнью, все это вопросы важные, интересные,—интересные не для однихъ военныхъ, но для всего русскаго народа, для котораго военная служба, условія жизни въ войскѣ, имѣютъ существенное значеніе. Громадный процентъ населенія вступаетъ въ ряды войска и потому народъ долженъ знать, что именно каждый, вступающій обязательно въ войско, пріобрѣтаетъ или теряетъ въ своихъ правахъ, правахъ человѣка; каждый долженъ знать насколько его личность въ войскѣ сохраняетъ ту обезпеченность, хотя бы и не большую, которая принадлежитъ ему въ гражданской жизни.

Все населеніе естественно должно знать, должно интересоваться положеніемъ правосудія въ войскахъ; народъ имѣетъ право ожидать, чтобъ въ войскахъ судъ отправлялся со всѣми тѣми гарантіями справедливости, какими пользуется всякій въ гражданскомъ быту; населеніе должно знать—не приносятся ли человѣческія права каждаго

военнаго въ жертву самовластія, произвола, рутины, неспособности, корысти, эгоизма власть имущихъ?

При томъ уровнѣ образованія, умственнаго развитія, который поддерживается въ войскахъ, при условіяхъ военной жизни, при извращенномъ пониманіи дисциплины, способствующемъ процвѣтанію произвола, безнаказанности власть имущихъ, только судъ, ничто больше, можетъ служить серьезной гарантіей для слабыхъ и малыхъ; важность суда въ военной жизни, такимъ образомъ, чрезмѣрна, и народъ долженъ знать о положеніи правосудія во всѣхъ подробностяхъ, ему нужно знать въ какихъ рукахъ находится отправленіе правосудія.

Но откуда же все это можетъ быть извѣстно обществу, гдѣ тѣ источники, по которымъ населеніе можетъ слѣдить за отправленіемъ правосудія въ войскахъ?

Въ гражданскомъ быту отправляетъ правосудіе самъ народъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, чѣмъ въ рѣшенія суда вносится гражданская правда; гласность гораздо шире въ судахъ гражданскихъ, печать болѣе интересуется гражданскими процессами, залы засѣданій гражданскихъ судовъ гораздо доступнѣе репортерамъ, любознательная публика наполняетъ суды гражданскіе во время засѣданій, посѣщать залы гражданскихъ судовъ вошло въ нравы публики; обвиняемые, люди свободные, очень часто люди весьма образованные, а также и свидѣтели, интересуются процессомъ, и тѣ и другіе умѣютъ защитить себя, умѣютъ довести до свѣдѣнія публики о тѣхъ неправдахъ, которымъ они сами, или другіе могутъ подвергнуться.

Совсѣмъ не то въ судахъ военныхъ; число газетъ, легально имѣющихъ право печатать отчеты о засѣданіяхъ въ военныхъ судахъ, ограничено двумя или тремя; корреспонденты стѣснены цензурой предсѣдателей судовъ; отправленіе правосудія, какъ мы увидимъ ниже, ведется такъ, что предсѣдателямъ есть поводъ бояться гласности *).

*) Какъ-то разъ чиновникъ В. В. О. С. Г. помѣстилъ въ «Голосѣ» коротенькую замѣтку о засѣданіи суда по дѣлу объ офицерѣ Граб.; замѣтка не

Чтобы не только не бояться гласности, а напротивъ, идти ей на встрѣчу, надо глубоко сознавать право народа, все знать о дѣлахъ общественныхъ, быть проникнутымъ сознаніемъ, что все, всякія учрежденія, существуютъ ради общества, что внѣ служенія обществу, его интересамъ нѣтъ причинъ для существованія учрежденій, а такой взглядъ весьма трудно встрѣтить какъ у чиновниковъ, такъ и офицеровъ.

Содержаніе массы дѣлъ, разсматриваемыхъ военными судами, составляетъ чисто военныя нарушенія, слѣдовательно нарушенія однѣхъ установившихся формъ и порядка военной службы, и потому засѣданія по этимъ дѣламъ, маловажнымъ самимъ по себѣ, мало интереснымъ, рѣдко посѣщаются публикой, и безъ преувеличенія можно сказать, что эти засѣданія въ сущности происходятъ при закрытыхъ дверяхъ. Публика, усвоившая себѣ обычай не ходить въ засѣданія военныхъ судовъ, отсутствуетъ и въ засѣданіяхъ по дѣламъ возбуждающимъ высокій интересъ, глубоко затрогивающимъ интересы человѣческой личности вообще, интересы справедливости. Обвиняемые и свидѣтели въ военныхъ судахъ все, большею частью, люди темные, не умѣющіе вступиться за себя, не знающіе какъ и когда они могутъ аппелировать къ общественному мнѣнію.

Сказаннаго достаточно, чтобъ показать, что о военномъ правосудіи мало извѣстно обществу; но есть еще другія основанія, дающія право утверждать, что общество почти ничего не знаетъ о правосудіи, о правовомъ порядкѣ, господствующемъ въ войскѣ. Правосудіе отправляется, судебная власть принадлежитъ въ военномъ быту не однимъ судебнымъ учрежденіямъ. Судебная власть, участіе въ отправленіи правосудія въ войскахъ въ широкихъ предѣлахъ принадлежитъ военному начальству; затѣмъ отъ судебной власти и дѣятельности

понравилась и прейсѣдатель суда, тотчасъ же отдалъ по суду приказъ, напоминающій о законѣ, запрещавшемъ военнымъ чиновникамъ печатать что бы то ни было.

*

нельзя отдѣлить власти и дѣятельности военныхъ слѣдователей и прокуроровъ, а все это происходитъ, такъ сказать, за кулисами, и до сихъ поръ въ печати не было объ этомъ ни малѣйшихъ свѣдѣній; все это составляло полнѣйшую тайну для общества.

Отправленіе правосудія зависитъ отъ организаціи суда, обычаевъ, порядковъ, преданій, умственнаго и нравственнаго уровня судебнаго персонажа, цѣлей, стремленій, въ силу которыхъ организація функціонируетъ. Общество стоитъ далеко отъ военныхъ судовъ, далѣе чѣмъ отъ гражданскихъ, ничего о сказанномъ не знаетъ.

Настоящій трудъ и имѣетъ цѣлью восполнить тотъ пробѣлъ въ знаніяхъ общества, о которомъ сейчасъ мы сказали.

Военный судъ въ настоящемъ его устройствѣ имѣетъ противниковъ двухъ родовъ.

Одни изъ противниковъ высказываются противъ суда военнаго въ самомъ принципѣ; имъ кажется, что военный судъ, особенно для преступленій общихъ, излишенъ и вреденъ; излишенъ, потому что не для чего имѣть двухъ различныхъ учрежденій для одной и той же цѣли, а вреденъ потому, что военный судъ, организованный изъ элементовъ, воспитанныхъ въ строгой дисциплинѣ, строгъ, жестокъ въ своихъ приговорахъ, потому еще, что судъ военный состоитъ изъ плохихъ юристовъ, вообще людей мало образованныхъ, приговоры его не разумны, неправильны; наконецъ, судъ военный не есть судъ независимый отъ начальства и потому есть судъ пристрастный, несправедливый.

Между противниками военнаго суда, держащимися приведенныхъ взглядовъ — военныхъ людей мало *), но почти всѣ они изъ среды людей гражданскихъ (Таганцевъ, наприм.). Другіе находятъ, что судъ военный въ принципѣ, хотя и необходимъ, но что въ современномъ его устройствѣ не только не удовлетворяетъ потребностямъ войска, но положительно вреденъ. Сторонники такого взгляда на воен-

---

*) Не слѣдуетъ забывать, однако, что одинъ изъ военныхъ въ своей диссертаціи на степень адъюнкта военно-юридической академіи, проводилъ именно взгляды о безполезности военнаго суда для преступленій общихъ рядомъ съ судомъ гражданскимъ.

ный судъ принадлежатъ къ войску, находятся въ его рядахъ, и пользуются силою, вліяніемъ, или же суть сторонники старыхъ порядковъ. Побужденія первыхъ понятны: въ судѣ они боятся встрѣтить преграду своему произволу; о вторыхъ нечего и говорить *). Военные противники военныхъ судовъ утверждаютъ, что новые суды колеблютъ дисциплину, что строгая дисциплина несовмѣстима съ порядками военныхъ судовъ, что современные суды снисходительны въ своихъ приговорахъ, что они слишкомъ формальны, требуютъ формальныхъ доказательствъ, не вѣрятъ на слово начальникамъ, а требуютъ доказательствъ въ видѣ свидѣтельскихъ показаній и т. д., что явные и важные преступники ускользаютъ отъ правосудія **), что процессъ въ современныхъ судахъ медленъ, что суды дороги.

Чтобъ отвѣтить такимъ порицателямъ, нужно многое изслѣдовать, разобрать, представить въ настоящемъ свѣтѣ, что и составитъ предметъ настоящаго труда, въ настоящее же время мы можемъ сказать только, что возвратъ къ старымъ порядкамъ невозможенъ; жизнь такъ ушла впередъ, что реакція не можетъ пройдти безнаказанною и всѣ реакціонныя мѣры просуществуютъ недолго. Мы ни на минуту не

---

*) Мы можемъ упомянуть въ ряду многихъ подполковника Шан., выслужившагося изъ древнихъ юнкеровъ; онъ командуетъ батальономъ въ пѣхотномъ полку и увѣряетъ, что такъ не любитъ военныхъ судовъ, что никогда ни одного солдата не отдалъ и не отдастъ подъ судъ; отъ сослуживцевъ его мы узнали, что подполковникъ предпочитаетъ суду собственноручную расправу; надъ его собственной головою виситъ судъ, котораго онъ счастливо до сихъ поръ избѣгалъ.

**) Изъ такихъ противниковъ настоящаго устройства военныхъ судовъ мы можемъ указать на полковаго командира гусарскаго полка, нѣмца (Эт.), родственники котораго все важные генералы, яраго поклонника Пруссіи. Онъ утверждалъ, что въ Пруссіи каждый жандармъ имѣетъ право застрѣлить, безъ дальнихъ околичностей, всякаго не повинующагося ему, и обязанъ только на трупѣ оставить карточку съ своей фамиліей. Эт. увѣрялъ, что самъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ такой расправы; восхищался такимъ порядкомъ, и выражалъ недоумѣніе, почему у насъ въ судахъ не вѣрятъ на слово начальству, а требуютъ доказательствъ.

сомнѣваемся въ невозможности возврата къ чему нибудь въ родѣ старыхъ полковыхъ аудиторовъ, вполнѣ зависѣвшихъ отъ командира полка, непремѣнно выслужившихся изъ писарей, или чего нибудь подобнаго (другихъ охотниковъ до аудиторскихъ мѣстъ не много находилось), заправлявшихъ, однако, всѣмъ производствомъ тайнаго, закрытаго суда; это старое время, когда никто, никогда не разсчитывалъ на правду въ судѣ, на защиту суда, на возможность оправдаться въ судѣ, когда царствовалъ одинъ произволъ начальника при вполнѣ безправномъ положеніи подчиненнаго, когда все правосудіе выражалось въ коротенькомъ афоризмѣ «старшій всегда правъ, младшій всегда виноватъ», мы увѣрены, кануло безвозвратно въ Лету. Повторяемъ, реформированный судъ военный не есть даръ напрасный, даръ случайный, а, какъ и всѣ реформы, вынужденъ обстоятельствами.

Мы убѣждены, что начала современнаго суда такъ уже вошли въ плоть и кровь русскаго человѣка, что и тѣхъ, которымъ выпала трудная доля служить въ войскѣ, не рѣшатся совсѣмъ лишить благодѣяній, вносимыхъ въ жизнь началами современнаго суда.

Что касается до противниковъ отдѣльнаго существованія военнаго суда въ принципѣ, то въ защиту такого существованія можно сказать слѣдующее.

Отдѣльные военные суды имѣютъ за себя тѣ же мотивы, что и существованіе судовъ съ присяжными засѣдателями.

Если присяжные засѣдатели лучше рѣшаютъ дѣла, чѣмъ суды коронные, если за обществомъ признаютъ право принимать участіе въ отправленіи правосудія въ лицѣ присяжныхъ, то потому, конечно, что присяжные засѣдатели знаютъ условія общественной жизни, среди которыхъ преступленіе родилось и выросло, лучше въ состояніи оцѣнить насколько сильны были побужденія къ преступленію, какъ глубоко нарушены общественныя отношенія, въ какой степени, въ какой силѣ проявилась злая воля преступника, насколько нарушенныя отношенія были важны въ общественныхъ интересахъ и т. д., и потому

они лучше могутъ оцѣнить преступность и избѣжать строгихъ, ненужныхъ наказаній; но тѣ же самыя основанія могутъ быть выставлены въ защиту отдѣльнаго военнаго суда, съ судьями только изъ военныхъ. Судьи изъ военныхъ лучше, чѣмъ кто нибудь другой могутъ оцѣнить обстановку, среди которой совершено преступленіе военнымъ, а потому приговоръ военнаго суда надъ военнымъ будетъ справедливѣе.

Общія преступленія военно-служащихъ весьма часто порождаются мотивами изъ жизни военной, и потому еслибъ существовали суды военные только для военныхъ преступленій, а общія преступленія судились бы въ общихъ судахъ, то кто же опредѣлялъ бы подсудность дѣлъ?—Кто рѣшалъ бы, что въ общемъ преступленіи нѣтъ ничего военнаго, и потому оно подсудно общему суду; пришлось бы имѣть тогда особое учрежденіе для такой сортировки подсудности.— Это особое учрежденіе, прежде чѣмъ дѣло поступило бы въ судъ, рѣшало бы вопросъ какому суду подсудно дѣло. Мало того, почти каждый военный судился бы въ двухъ судахъ, потому что рѣдко обвиняемые военные обвиняются въ однихъ общихъ преступленіяхъ, а почти всегда рядомъ съ обвиненіемъ въ общихъ преступленіяхъ, возникаютъ и обвиненія въ военныхъ преступленіяхъ. Зачѣмъ такая сложность, изъ недовѣрія къ военнымъ судамъ, ничѣмъ не оправдываемаго.

Нечего опасаться, что военные суды отличаются, какою-то особою строгостью, жестокостью; въ доказательство особенной строгости судовъ, будучи незнакомы съ дѣятельностью военныхъ судовъ, основательныхъ доказательствъ противники судовъ привести не могутъ. Намъ случилось читать въ одной газетной статьѣ, ратовавшей противъ военныхъ судовъ, что, будто-бы, почти одновременно, гражданскій судъ за покражу изъ церкви денегъ, драгоцѣнныхъ камней большой цѣнности, приговорилъ виновныхъ къ тюрьмѣ, а военный судъ за покражу небольшаго количества денегъ изъ церковной кружки

приговорилъ къ каторжной работѣ. Можетъ быть и такъ, — дѣла бываютъ различныя; но, можно съ увѣренностью сказать, что если искать такую параллель между двумя различными гражданскими судами, то и тамъ легко можно было бы открыть несообразность въ строгости приговоровъ двухъ судовъ, подобную приведенной выше. Мало того, мы знаемъ примѣръ весьма недавній, что въ одномъ и томъ же гражданскомъ судѣ, по одному и тому же преступленію, въ отношеніи 3-хъ участниковъ этого преступленія состоялись разные приговоры. У мироваго судьи 17-го участка города Петербурга обвинялись солдатская жена Зорина и отставные солдаты Тимофѣевъ и Аксеновъ; основаніемъ обвиненія послужилъ полицейскій протоколъ, въ которомъ излагалось, что обвиняемые были задержаны съ вязанками дровъ, собранныхъ ими на полотнѣ желѣзной дороги, по которому дрова были разбросаны. Обвиняемые оправдывались тѣмъ, что всѣ собирали и брали дрова, такъ и они брали, брали не тайно, а открыто, съ молчаливаго согласія находившихся тутъ же рабочихъ и въ виду полиціи. Мировой судья призналъ обвиняемыхъ виновными въ кражѣ и приговорилъ ихъ всѣхъ къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію. Тимофѣевъ и Аксеновъ приговоромъ остались довольны, и отбыли наказаніе; Зорина же сначала аппелировала въ столичный мировой съѣздъ, который, признавъ ее виновною въ кражѣ 5 полѣнъ дровъ, смягчилъ только наказаніе, назначенное мировымъ судьей: назначилъ ей вмѣсто 3-хъ мѣс. тюрьмы — $1^1/_2$ мѣсяца такой же тюрьмы. Зорина неудовлетворилась и тѣмъ и перенесла свое дѣло въ Сенатъ, гдѣ приговоръ о ней былъ отмѣненъ и дѣло передано для новаго разсмотрѣнія въ уѣздный мировой съѣздъ, который, разсмотрѣвъ дѣло 9-го сентября 1881 г., призналъ Зорину не виновною.

И такъ за одинъ приговоръ болѣе строгій, чѣмъ приговоръ, состоявшійся въ гражданскомъ судѣ, еще нельзя обвинять военный судъ въ особенной жестокости; разныя причины бываютъ, почему приговоры могутъ быть различны, а иногда эта разница исчезаетъ

совершенно, если поглубже вдуматься въ то и другое дѣло. Для насъ важно лишь то, что о военномъ судѣ вообще можно сказать тоже самое, что и о судѣ присяжныхъ, что военный судъ не упускаетъ изъ виду нравственную сторону дѣла, общественное значеніе преступнаго дѣянія, оцѣниваетъ его не по формальному, буквальному смыслу закона, а по внутреннему значенію дѣянія и оправдываетъ обвиняемыхъ, дѣянія которыхъ, хотя и подходятъ подъ букву закона, но предъ общественной совѣстью являются не преступными, или не подлежащими наказанію; военный судъ напр., часто отступаетъ передъ особенною строгостью военнаго закона; найдя, что обвиняемый заслуживаетъ наказанія, хотя и не столь строгаго, какъ требуетъ обвиненіе, судъ къ избранному имъ наказанію подбираетъ составъ преступленія.

При крупныхъ растратахъ, въ которыхъ замѣшаны всегда крупныя лица, военному суду отдаютъ только козловъ отпущенія, и судъ ихъ оправдываетъ, причемъ судьи прямо выражаютъ, что оправдываютъ потому, что крупныхъ не отдаютъ подъ судъ. Таково оправданіе Кал., преданнаго суду безъ соучастниковъ — Зел. и другихъ. Такимъ образомъ отдавали подъ судъ смотрителей военно-временныхъ госпиталей за злоупотребленія во время формированія госпиталей, а между тѣмъ, завѣдывавшій формированіемъ всѣхъ госпиталей, полковникъ Гем., болѣе всѣхъ поживившійся, суду не былъ преданъ. Въ виду такой доли Гем., судъ оправдывалъ всѣхъ смотрителей.

Заранѣе можно быть увѣреннымъ, что военный судъ никогда не признаетъ обвиненія военно-служащаго въ оскорбленіи земскаго стражника въ Польшѣ, только потому, что обвиненіе всегда предъявляется противъ такихъ военныхъ не по 31 ст. мир. устава, а по 113 и 114 ст. XXII св. воен. пост., какъ за оскорбленіе часоваго, влекущее весьма строгія наказанія. Военный судъ почти всегда находитъ такія обвиненія недоказанными, или же самое большее, вмѣсто очевиднаго оскорбленія, признаетъ неисполненіе законнаго требованія страж-

ника, чтобъ совсѣмъ не оставить безъ наказанія очевидно виновнаго субъекта.

Можно быть увѣреннымъ, что судъ изъ 100 случаевъ обвиненій по 126 и 127 ст. XXII, въ 95 случаяхъ оправдаетъ обвиняемаго, именно вслѣдствіе несостоятельности редакціи и содержанія этихъ статей. Изъ нихъ 127 стат., предусматриваетъ болѣе важное преступленіе, а наказаніе по ней назначено менѣе строгое чѣмъ по 126 статьѣ. Затѣмъ военный законъ и военно-судебная практика, устанавливая преступность часто независимо отъ цѣли, съ которою нарушеніе было совершено, или ставя эту цѣль на задній планъ, напр.; въ побѣгахъ, оскорбленіяхъ и т. п., въ 126 и 127 статьяхъ преслѣдуютъ только одну цѣль, цѣль уклоненія отъ службы, хотя бы при этомъ внѣшняя сторона преступленія не имѣла ровно никакого значенія; достаточно отрубить себѣ кончикъ пальца, прострѣлить руку и свободно владѣть ею, чтобъ субъектъ, все-таки, былъ привлеченъ къ суду въ силу 127 статьи, если только цѣлью было уклоненіе отъ службы. Передъ судомъ является субъектъ высокій, стройный, расторопный, который сознается, что дѣйствительно отрубилъ себѣ кончикъ указательнаго пальца съ цѣлью уклониться отъ службы, но теперь раскаивается, хочетъ служить, поврежденіе не мѣшаетъ ему служить, и начальство отзывомъ подтверждаетъ его слова, и судъ безъ колебаній оправдываетъ такого субъекта.

Растрата на незначительную сумму, въ виду большой строгости наказанія за растрату, охотно признается судомъ утратою, или небрежнымъ храненіемъ. Судъ военный видитъ, что обвиняемый растратилъ, но растратилъ на нѣсколько всего рублей; въ его убѣжденіи ничтожное наказаніе было бы достаточно въ данномъ случаѣ, и можно быть увѣреннымъ, что, къ выбранному наказанію, судъ подберетъ и соотвѣтствующее преступленіе—небрежное храненіе напр. Одно время въ силу рѣшеній главнаго военнаго суда за кражу, совершенную

дневальнымъ, подводили 2 част. 160 ст. XXII, назначающую каторжную работу, какъ за кражу караульнымъ, а военный судъ или вовсе оправдывалъ обвиняемаго именно въ виду строгости наказанія, или, не смотря на очевидность факта дневальства, признавалъ, что кража была совершена, но не во время дневальства и потому и наказывалъ по 169 ст. мир. устава.

Военный судъ осторожно относится къ обвиненіямъ въ нарушеніи особыхъ обязанностей караульной службы, влекущихъ за собою строгое наказаніе и охотно признаетъ обвиняемыхъ въ нарушеніи особыхъ обязанностей караульной службы виновными въ нарушеніи общихъ обязанностей. Очень рѣдко военный судъ не пользуется своимъ правомъ смягчать наказаніе на двѣ степени, находя массу уменьшающихъ вину обстоятельствъ, обыкновенно, весьма однообразныхъ. Почти всякій обвиняемый оказывается неразвитымъ, легкомысленнымъ, сознающимся, даже и тогда, когда дѣйствительно запирался на судѣ.

Побѣги, продолжающіеся напр. по десяткамъ и болѣе лѣтъ, судъ наказываетъ иногда дисциплинарнымъ взысканіемъ, побѣги же продолжающіеся не многимъ болѣе 6 дней наказываетъ военною тюрьмою и это потому, что судъ знаетъ, что, пробывшій въ бѣгахъ 10 и болѣе лѣтъ уже человѣкъ совершенно потерянный для службы, служить уже по отбытіи наказанія не будетъ, а прямо будетъ перечисленъ въ запасъ и исправлять его слѣдовательно не въ чемъ; между тѣмъ, какъ буквоѣдъ и возвратившагося изъ бѣговъ послѣ 10, 15 лѣтъ, приговорилъ бы къ дисциплинарнымъ баталіонамъ. Существуетъ 159 ст. XXII св. воен. пост., которая говоритъ: за умышленное со стороны военнаго караула допущеніе къ побѣгу плѣннаго или арестанта, виновные подвергаются и т. д., а между тѣмъ обвинители требуютъ, чтобъ судъ наказывалъ по 159 ст. всякое самовольное освобожденіе караульными чинами заключенныхъ изъ подъ ареста, хотя бы и не съ цѣлью предоставленія имъ возможности къ побѣгу, а для свиданія съ отцемъ напр., и когда никакого побѣга не бываетъ и арестованные исправно

возвращаются въ свои мѣста заключенія. Судъ всегда отвергаетъ подобныя обвиненія.

Военный судъ иногда оправдываетъ даже тогда, когда и защитникъ объ этомъ не смѣетъ просить. Такимъ образомъ въ военномъ быту встрѣчаются преступленія, вся сущность которыхъ въ томъ, что солдатъ, желая заставить какую нибудь женщину къ половому совокупленію, отнимаетъ платокъ съ головы, или другую вещь изъ рукъ женщины; особенно обиженными считаютъ себя солдаты, если предварительно истратились на угощеніе женщины. Главный военный судъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ, призналъ, что такія дѣянія составляютъ грабежъ; отнятіе имущества, *независимо по цѣли*, говоритъ главный военный судъ, есть грабежъ; совѣсть судей возмущается противъ признанія грабителемъ сорвавшаго съ головы женщины платокъ для того, чтобъ заставить ее удовлетворить его страстямъ, но судъ также не можетъ послушать и защитника, который самъ сознаетъ, что дѣяніе его кліевта есть самоуправство, и проситъ обвинить его по 142 ст. мир. устава, потому что тогда, по установленнымъ признакамъ дѣянія обвиняемаго, главный военный судъ отмѣнитъ рѣшеніе, и военный судъ выпутывается изъ дилеммы, оправдывая обвиняемаго, благо въ этомъ судъ безконтроленъ.

Главный судъ, въ виду оправданій сознавшихся, мнитъ поставить предѣлъ произволу судей, тѣмъ что установилъ принципъ, что если судъ не производилъ слѣдствія судебнаго послѣ сознанія подсудимаго, то не имѣетъ уже права оправдывать обвиняемаго, такъ какъ значитъ судъ не встрѣчалъ сомнѣнія въ справедливости сознанія обвиняемаго. Одинъ, другой оправдательный приговоръ, не смотря на сознаніе обвиненія и не производство слѣдствія, главный военный судъ отмѣнилъ, и военные суды быстро и ловко примѣнились къ взгляду главнаго военнаго суда и поставили-таки на своемъ. Обвиняемый сознается во всемъ чистосердечно, прокуроръ не требуетъ производства слѣдствія, защитникъ тоже отказывается отъ слѣдствія,

но судъ постановляетъ произвести слѣдствіе; вызываютъ и спрашиваютъ двухъ-трехъ свидѣтелей, прочитываютъ какую нибудь бумаженку; свидѣтели доказываютъ преступленіе, обвиняемый, не понимая къ чему дѣло клонится, выслушиваетъ свидѣтелей, повѣсивъ голову; прочтенная бумаженка подтверждаетъ обвинительный актъ, но для цѣлей суда этого довольно. Выслушавши рѣчь защитника, который, не просивши слѣдствія, признаетъ себя вправѣ просить только о снисхожденіи, судъ выноситъ оправдательный приговоръ съ увѣренностью, что главный военный судъ не скажетъ уже ему, что онъ не могъ постановить оправдательнаго приговора; обвиняемый сознался, но судъ не повѣрилъ сознанію обвиняемаго и провѣрялъ его допросомъ свидѣтелей; въ протоколъ показанія свидѣтелей не записываются по существу, а еслибъ и записывались и тогда не бѣда; судъ могъ въ показаніяхъ свидѣтелей видѣть то, чего никто другой не видѣлъ, видѣть не подтвержденіе обвиненія, что видѣли всѣ присутствовавшіе, а напротивъ, опроверженіе сознанія и обвиненія, и оправдать по *недоказанности; недоказанность* великое слово—оно покрываетъ всѣ ошибки суда вольныя и невольныя. (Дѣло стрѣлка Экз.; самъ сознался, свидѣтели доказывали виновность его, защитникъ просилъ о снисхожденіи, и судъ оправдалъ его по обвиненію въ кражѣ рубашки у товарища. Судьи объясняли свой приговоръ тѣмъ, что похитилъ ничтожную рубашку, а наказаніе ему грозило строгое.)

Передъ судомъ, на скамьѣ подсудимыхъ, часто ставятъ нѣсколько обвиняемыхъ, въ дѣяніяхъ которыхъ нѣтъ никакой существенной связи, разсчитывая запутать дѣло и вырвать у судей обвинительный приговоръ, но судьи тонко разбираютъ кто правъ и насколько, и скорѣй огуломъ оправдаютъ, если путаница велика, чѣмъ всѣхъ обвинятъ.

Можно ли обвинять судъ, если онъ отвергаетъ обвиненіе стражника пограничнаго въ нарушеніи особыхъ обязанностей караульной

службы, или службы часоваго, когда напр. стражникъ у себя въ казармѣ, въ компаніи товарищей, пьетъ контрабандную водку, отбитую другимъ и принесенную на кардонъ; или обвиненіе пограничнаго стражника, который, зайдя по своимъ надобностямъ въ цейхгаузъ, выпиваетъ, изъ стоявшаго въ цейхгаузѣ боченка, контрабандную водку, въ кражѣ на часахъ? а между тѣмъ такія обвиненія иногда предъявляются, причемъ выходятъ изъ абсурднаго положенія, ничего неимѣющаго въ себѣ реальнаго, что пограничный стражникъ находится постоянно при отправленіи своихъ обязанностей караульной службы, даже въ то время, когда онъ спитъ спокойно на своей кровати, отдыхаетъ у себя въ казармѣ въ непродолжительные промежутки времени между часами дѣйствительнаго отправленія обязанностей часоваго, караульнаго. Невозможно, чтобъ прокурорскія предположенія, иллюзіи о томъ, что спящій въ своей казармѣ стражникъ не спитъ, а стоитъ на часахъ, судьи принимали бы за реальность.

Изложенные нами факты совѣстливаго сознательнаго отношенія военныхъ судей, къ своей задачѣ особенно драгоцѣнны, особенно нужны въ виду свойствъ нашихъ военныхъ законовъ, значительное количество которыхъ является безусловно неопредѣленными не столько относительно наказаній въ нихъ назначенныхъ, сколько относительно самаго состава преступленія.

Такимъ образомъ главный военный судъ въ своихъ рѣшеніяхъ (1877 г. № 152) сознается, что въ законѣ неопредѣлены признаки, которыми оскорбленіе начальника неприличнымъ дѣйствіемъ отличается отъ неоказанія начальнику должнаго уваженія, которое также можетъ проявиться въ дѣйствіяхъ болѣе, или менѣе неприличныхъ.

Интересно рѣшеніе главнаго военнаго суда 1871 г. № 177, въ которомъ дѣйствія нижняго чина, сами по себѣ не оскорбительныя, но потому что въ одно время съ этими дѣйствіями нижній чинъ оказалъ и неповиновеніе, преступленіе совершенно само-

стоятельное, съ самостоятельнымъ составомъ, были признаны оскорбленіемъ неприличнымъ дѣйствіемъ, предусмотрѣннымъ 97 ст. XXII кн. св. воен. пост. только въ силу связи съ оказаннымъ подсудимымъ неповиновеніемъ. Вслѣдствіе такой неточности закона, главный военный судъ крайне нерѣшителенъ въ своихъ выраженіяхъ; онъ какъ бы сомнѣвается самъ въ своей справедливости, и напр. въ рѣшеніи 1876 г. № 197 выражается такъ: слова, сказанныя нижнимъ чиномъ: «Капитанъ, вы отвѣтите за мое арестованіе, отправьте меня къ Полковнику», *ближе* подходитъ подъ 97 ст., чѣмъ подъ 96 ст. А между тѣмъ это сомнительное *ближе* очень тяжело отзывается на наказаніи. Затѣмъ, невозможность совладать съ неопредѣленностью закона приводитъ главный военный судъ къ тому, что онъ не считаетъ нужнымъ даже сообразовать дѣйствія обвиняемаго съ составомъ преступленія; главный военный судъ просто видитъ, что самое строгое, подходящее наказаніе закономъ назначено въ 98 ст., которая предусматриваетъ прямыя оскорбленія начальника насильственнымъ, или въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ, съ другой стороны видитъ въ дѣйствіяхъ обвиняемаго не оскорбленіе дѣйствіемъ, а лишь тягчайшее нарушеніе военной дисциплины, и подводитъ 98 ст., какъ опредѣляющую тягчайшее наказаніе (р. гл. воен. суда. 1874 г. № 160).

Нижній чинъ оскорбилъ офицера *словами*, при чемъ обращался фамильярно, угрожалъ побить офицера и главный военный судъ призналъ это тягчайшимъ нарушеніемъ дисциплины, предусмотрѣннымъ 98 ст. не само по себѣ, а опять въ совокупности и связи съ оказаннымъ неповиновеніемъ и сопротивленіемъ (р. гл. воен. суда. 1876 г. № 102).

Въ рѣшеніи 1872 г. № 60, главный военный судъ говоритъ, что въ законѣ не указаны признаки, которыми отличается оскорбленіе начальника на словахъ отъ неоказанія ему уваженія; по мнѣнію главнаго военнаго суда, для оскорбленія начальника на словахъ во-

все не требуется произнесенія собственно бранныхъ словъ и отнесеніе подобныхъ преступленій къ тому или другому роду нарушенія чиноночитанія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла по соображеніи ихъ съ условіями военной службы и требованіями дисциплины. Установившіяся же въ общественномъ мнѣніи понятія о личныхъ обидахъ не имѣютъ ничего общаго съ тѣми отношеніями, которыя установливаются въ военной службѣ между начальникомъ и подчиненнымъ (1869 г. № 7, 80; 1870 г. № 5 и 46). И въ самомъ дѣлѣ, напр. заочная брань начальника, по практикѣ военныхъ судовъ есть оказаніе неуваженія начальнику, тогда какъ въ гражданскомъ быту не наказуема.

Въ соображеніяхъ составителей воинскаго устава о наказаніяхъ мы находимъ признаніе, что опредѣленіе понятія общихъ и особенныхъ обязанностей караульной службы не точно (стр. 672).

Главный военный судъ въ своихъ рѣшеніяхъ (1873 г. № 76) объяснилъ, что нарушенія обязанностей караульной службы не могутъ быть отнесены къ числу такихъ преступленій, которыя, по признакамъ своимъ, прямо подходятъ подъ опредѣленіе извѣстнаго закона; тоже самое нарушеніе можетъ быть и особеннымъ, и общимъ, смотря по обстоятельствамъ (р. главнаго военнаго суда 1877 г. № 22, 1871 г. №№ 37 и 51, 1874 г. № 130, 1875г. № 79). Точно также весьма шатокъ и неопредѣленъ составъ преступленій по 104 и 105 ст., и тутъ нужно со стороны судей много вниманія къ внутреннему смыслу преступленія, много правильнаго взгляда на военную службу, свободнаго отношенія къ буквѣ закона. Въ сборникѣ законодательныхъ работъ (314 ст.) мы находимъ слѣдующій взглядъ на дѣло. 104 ст. XXII кн. св. воен. пост. предусматриваетъ такіе случаи неисполненія приказанія начальника, которые были послѣдствіемъ лишь невниманія, или небрежія со стороны виновнаго, когда же въ неисполненіи приказанія проявляется преступное участіе злой воли подчиненнаго, то оно *переходитъ* въ неповиновеніе, предусмо-

трѣнное 105 ст. «Переходитъ въ неповиновеніе»—слова показывающія, какая обширная работа требуется отъ суда, чтобъ сказать, гдѣ черта, отдѣляющая преступленіе, предусмотренное 104 ст. отъ 105 ст. Оттого-то главный военный судъ въ своихъ рѣшеніяхъ такъ и колеблется. Можно стать въ тупикъ въ виду рѣшенія военнаго суда, по дѣлу Жменько, который на приказаніе эскадроннаго командира идти въ карцеръ отвѣтилъ, что не пойдетъ: «не пойду, сказалъ, доложите маіору, какъ ему будетъ угодно», и судъ призналъ, что Жменько сказалъ эти слова, потому что былъ боленъ ногами до такой степени, что не могъ идти на гауптвахту; военный судъ нашелъ, что отвѣтъ обвиняемаго, какъ заключавшій въ себѣ заявленіе о преступной рѣшимости уклониться отъ исполненія требованія начальника, по смыслу 105 ст., составляетъ неповиновеніе ($\frac{72}{10}$). Но гдѣ же неповиновеніе, когда ноги болѣли? Затѣмъ, отъ 104 ст. идетъ цѣлая цѣпь преступленій, незамѣтно переходящихъ одно въ другое. Неповиновеніе переходитъ въ сопротивленіе. По рѣшеніямъ главнаго военнаго суда ($\frac{75}{230}$) 105 ст. предусматриваетъ умышленное неисполненіе приказанія начальника безъ противодѣйствія его распоряженію, когда же при этомъ обнаруживается, въ чемъ либо, внѣшнее проявленіе злой воли преступника съ цѣлью противодѣйствовать распоряженіямъ начальника, то преступленіе получаетъ характеръ сопротивленія. Что это за неопредѣленность? начальникъ говоритъ стой тутъ, а подчиненный уходитъ; что это? вѣдь злая воля внѣшнимъ образомъ проявилась, и проявилась съ цѣлью противодѣйствовать распоряженіямъ начальника; но будетъ-ли тутъ сопротивленіе? нѣтъ, любой казуистъ военной практики отвѣтитъ вамъ, что тутъ только неповиновеніе. А затѣмъ вотъ примѣръ, какъ неповиновеніе главный военный судъ переводитъ въ сопротивленіе; *упорство въ неповиновеніи*, значитъ при наличности все-таки признаковъ, входящихъ въ составъ только неповиновенія, *вслѣдствіе высшей своей степени преступности*, за которую

можно было бы только взять высшую мѣру наказанія, главный военный судъ не стѣсняется превратить въ совершенно другое преступленіе, въ сопротивленіе. А именно: рядовой Евдокимовъ захватилъ возжи у извощика; является офицеръ и требуетъ, чтобъ Евдокимовъ выпустилъ возжи; Евдокимовъ возжей не пускаетъ; офицеръ повторяетъ приказаніе, и, пусти Евдокимовъ возжи, было бы только неповиновеніе, но Евдокимовъ продолжаетъ держать возжи, то есть только упорствуетъ въ неповиновеніи, нисколько не измѣняетъ своего положенія въ отношеніи офицера и главный военный судъ, *это упорство въ неповиновеніи*, признаетъ сопротивленіемъ (р. Г. В. С. 1877 г. № 53).

Затѣмъ какая разница между 111 и 112 ст.? 111 ст. говоритъ о соглашеніи въ числѣ двухъ или болѣе лицъ съ цѣлью противодѣйствовать военному начальству, а 112 ст. говоритъ о подговорѣ и подстрекательствѣ къ неповиновенію и сопротивленію; но развѣ можетъ быть подговоръ или подстрекательство между менѣе чѣмъ двумя лицами; если нѣтъ, то къ чему же еще 112 статья. Она состоитъ изъ двухъ частей: сначала говорится, что подговоръ наказывается по 120 ст. улож., но для этого достаточно 111 ст. и общаго правила о примѣненіи общей части уложенія къ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ воинскимъ устав. о наказ. Вторая часть 112 ст. говоритъ, что подговоръ наказуемъ и тогда, когда преступленіе остановилось на степени умысла. Но и эта часть статьи совершенно лишняя въ виду рѣшенія глав. воен. суда 1874 г. № 203, 1877 г. № 145, которые утверждаютъ, что 111 ст. предусматриваетъ одно лишь соглашеніе между военно-служащими съ цѣлью противодѣйствовать начальству или его распоряженіямъ *безъ приведенія* онаго въ исполненіе, въ противномъ же случаѣ вступаетъ въ свои права ст. 110 о возстаніи (1878 г. № 62). Можетъ быть скажутъ, что 112 ст. говоритъ о подстрекательствѣ къ неисполненію *приказанія, неповиновенію* или *сопротивленію*, а 111 ст. говоритъ о согла-

шеніи противодѣйствовать начальству или его распоряженіямъ; но спрашивается, если 2, или 3 согласились совершить неповиновеніе, сопротивленіе, развѣ это не будетъ соглашеніе съ цѣлью противодѣйствовать, и тогда 111 ст., да общей части уложенія для наказанія подговорщиковъ такъ, какъ хочетъ того 112 ст., развѣ недостаточно? Указанная нами спутанность 111, 112 и др. статей отразились и на рѣшеніяхъ главнаго военнаго суда; такъ рѣшеніями главнаго военнаго суда 1872 № 35 и 1874 г. № 203, главный военный судъ соглашеніе нижнихъ чиновъ не отвѣчать на привѣтствіе ротнаго командира и приведеніе въ исполненіе этого соглашенія признадъ неповиновеніемъ. Въ рѣшеніи 1876 г. № 125, глав. воен. судъ старается выбраться изъ затрудненія и дѣлаетъ такую градацію: нижніе чины согласились не отвѣчать на привѣтствіе, и не привели въ исполненіе соглашенія—примѣняется 111 ст.; согласились и не отвѣчали первый разъ, то есть привели въ исполненіе соглашеніе, примѣняется 96 ст., назначающая наказаніе гораздо меньшее чѣмъ 111 ст.; затѣмъ согласились не отвѣчать и не отвѣчали не только на первое привѣтствіе, но и на послѣдующія—примѣняется 105 ст. о неповиновеніи, все же назначающая меньшія наказанія, чѣмъ 111 ст., наказывающая только соглашеніе. Но затѣмъ рѣшеніе глав. воен. суда 1871 г. № 174 сбиваетъ всѣ эти категоріи и оказывается, что подъ 111 ст. подходитъ не только соглашеніе не отвѣчать начальнику на его привѣтствіе, но и приведеніе этого соглашенія въ исполненіе.

Можно сказать, что рѣшеніе 1876 г., какъ позднѣйшее обязательно передъ всѣми другими, но вѣдь и это рѣшеніе 1876 г. приводитъ къ абсурду, такъ какъ одно соглашеніе наказывается строже исполненія соглашенія.

И такъ мы кажется достаточно доказали, что наши военные законы суть законы безусловно неопредѣленные, и что свободное и разумное отношеніе къ нимъ со стороны военныхъ судей весьма дра-

гоцѣнно. Кромѣ неопредѣленности текста закона, главный военный судъ сдѣлалъ еще болѣе труднымъ примѣненіе закона, вслѣдствіе въ высшей степени распространительныхъ толкованій и безъ того, какъ самъ судъ сознается, неопредѣленныхъ законовъ. Изъ рѣшеній главнаго военнаго суда мы имѣемъ въ виду сдѣлать особую главу и тамъ подробнѣе разработаемъ вопросъ о неустойчивости главнаго военнаго суда.

Всего изложеннаго о характерѣ дѣятельности военныхъ судовъ достаточно только для того, чтобъ имѣть основаніе утверждать, что жестокость, что рабское отношеніе къ буквѣ закона не составляютъ *неизбѣжной* принадлежности военнаго суда, его природы, а потому нѣтъ основанія возставать противъ военныхъ судовъ въ принципѣ.

Но мы скажемъ болѣе. Мы скажемъ въ пользу отдѣльныхъ военныхъ судовъ, что если только отправленіе правосудія въ войскахъ будетъ обставлено извѣстными гарантіями, то правильное пониманіе дѣлъ, правильное ихъ рѣшеніе, говоря вообще, будетъ болѣе обезпечено въ военномъ судѣ, чѣмъ въ судѣ гражданскомъ. Присяжные засѣдатели военнаго суда, то есть временные военные судьи, могутъ представить изъ себя болѣе однородный и болѣе образованный составъ, чѣмъ составъ, которыхъ еще долго, очень долго будутъ представлять изъ себя присяжные засѣдатели нашихъ уѣздныхъ захолустій, то есть большей части Россіи. Составъ военнаго суда всегда обезпеченъ въ томъ отношеніи, что въ него войдутъ люди равнаго средняго, или, вѣрнѣе, промежуточнаго между среднимъ и низшимъ образованіемъ, тогда какъ суды присяжныхъ въ большинствѣ Россіи составляются изъ людей безграмотныхъ въ большей части, или въ половинѣ состава присяжныхъ. Мы не смѣемъ сравнивать военныхъ судовъ съ судомъ присяжныхъ въ Петербургѣ, гдѣ старшинами присяжныхъ являются люди вродѣ профессора Таганцева, но такіе суды вѣдь рѣдкость.

Разсматривая вопросъ о передачѣ дѣлъ по чисто общимъ пре-

ступленіямъ въ общіе суды съ точки зрѣнія сбереженій, мы должны сознаться, что такая мѣра не достигла бы цѣли. Пришлось бы увеличить штатъ гражданскихъ судовъ, потому что конечно ихъ работа увеличилась бы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и очень. Не нужно забывать что войска состоятъ изъ людей такого пола и возраста, когда человѣкъ наиболѣе склоненъ къ преступленіямъ, и слѣдовательно въ войскахъ всегда можно ожидать большаго % преступленій, чѣмъ въ гражданской жизни.

И такъ военный судъ въ принципѣ необходимъ, полезенъ, нужно только придать ему раціональное устройство, нужно самый процессъ обставить достаточными гарантіями справедливости.

Составители судебныхъ уставовъ, нынѣ дѣйствующихъ, признавали, что военный судъ долженъ быть устроенъ по возможности на одинаковыхъ началахъ, что и судъ общій; но они сами же сознавали ясно, что ушли далеко отъ цѣли, особенно въ полковомъ судѣ, если не рѣшились распространить подсудности полковому суду на тѣ дѣла, въ которыхъ участниками преступленій являются лица гражданскія.

Посмотримъ же насколько гарантирована у насъ справедливость въ нашихъ военныхъ судахъ самимъ закономъ, а затѣмъ, что сдѣлала изъ закона практика въ военныхъ судахъ.

Первая гарантія справедливости суда заключается въ самой организаціи суда. Судъ долженъ быть независимъ, судъ долженъ быть составленъ изъ людей съ высокимъ гражданскимъ чувствомъ, честныхъ, чуждыхъ рутины, а потому изъ людей достаточно образованныхъ, сознающихъ, что цѣль суда есть только одна справедливость. Назначеніе на судебныя должности должно быть таково, чтобъ призывались люди лучшіе.

Правосудіе обезпечено, когда персоналъ судебнаго вѣдомства хорошъ, и затѣмъ, когда законъ, опредѣляющій организацію суда и уголовный процессъ—хорошъ; изъ этихъ двухъ элементовъ, качество закона важнѣе. Законъ такъ можетъ хорошо поставить право-

судіе, что какія бы не употреблялись ухищренія, какъ бы не искажали законъ, все-таки всегда, что нибудь, да останется хорошаго. Изъ судебнаго персонала все-таки найдется нѣсколько хорошихъ дѣятелей, которые съумѣютъ вести свое дѣло.

Законъ можетъ снабдить обвиняемаго дѣйствительно серьезными гарантіями, сломить которыя никто не будетъ въ состояніи, законъ можетъ установить такую отвѣтственность всѣхъ и каждаго за свою дѣятельность, что, при всемъ желаніи, много дурнаго не сдѣлаешь. Но съ другой стороны и личный составъ судебной организаціи важенъ: при хорошемъ личномъ составѣ вредъ неудачныхъ законныхъ опредѣленій можетъ быть парализованъ.

Разработывая вопросъ о положеніи нашего правосудія въ войскахъ, мы прослѣдимъ и состояніе нашего закона и дѣятельность личностей, въ рукахъ которыхъ находится правосудіе.

Первый вопросъ, который мы разберемъ въ дѣлѣ организаціи суда, будетъ вопросъ о томъ, гдѣ должны лежать источники комплектованія состава постоянныхъ военныхъ судей, прокурорскаго надзора и военныхъ слѣдователей. Объ этомъ вопросѣ было высказано нѣсколько мнѣній; одни полагаютъ, что воевно-судебный персоналъ долженъ состоять исключительно изъ военныхъ, другіе утверждаютъ, что въ военно-судебныхъ учрежденіяхъ, наряду съ военными, могутъ дѣйствовать гражданскія лица и при томъ, если не съ большимъ успѣхомъ, то ни въ чемъ не уступая военнымъ.

Разрѣшеніе этого вопроса находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о существованіи суда военнаго, какъ отдѣльнаго учрежденія и предѣловъ его вѣдѣнія.

Если утверждать, что военный судъ можетъ существовать только для разсмотрѣнія однихъ военныхъ преступленій, то мы думаемъ что не долго станутъ спорить противъ того, что личный составъ военно-судебнаго вѣдомства весь безъ исключенія долженъ быть изъ военныхъ.

Но разъ военный судъ разсматриваетъ, будетъ разсматривать, всякія дѣла о военно-служащихъ, вопросъ о томъ, кѣмъ будетъ комплектоваться военно-судебный персоналъ, требуетъ болѣе основательнаго изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, если гражданскіе, вступающіе въ военно-судебное вѣдомство, будутъ люди, представляющіе изъ себя не отброски университета, которые пойдутъ въ военный судъ потому только, что не въ состояніи выдержать борьбы за существованіе при свободной конкуренціи, а люди съ хорошимъ университетскимъ образованіемъ. то такіе люди были бы, конечно, всегда въ военно-судебномъ вѣдомствѣ желанными пришельцами. Они внесутъ обновленіе, жизнь, свѣжесть, знанія въ военно-судебную практику, отъ чего всѣ могутъ только выиграть.

Но совсѣмъ другое, если въ военно-судебное вѣдомство будутъ приходить люди не только плохо окончившіе курсъ университета, но даже вообще съ плохимъ образованіемъ, отбросы общественные, люди, ищущіе только спокойнаго прозябанія подъ прикрытіемъ привилегированнаго положенія чиновника на государственной службѣ. Такіе люди будутъ всегда только вредны для военно-судебнаго вѣдомства; они внесутъ съ собою невѣжество и дурныя моральныя качества, способныя уничтожить все, что могло-бы зародиться и образоватися хорошаго въ нравственномъ отношеніи въ военныхъ судахъ. Дурно образованные, они принесутъ съ собою рутину, формализмъ, вѣчныя ошибки, вѣчныя колебанія, будутъ преслѣдовать только свои личныя цѣли, свои личныя выгоды; общественный интересъ они промѣняютъ за увѣренность оставаться въ должности, будутъ прихвостнями, льстецами, угодниками всякаго, у кого въ рукахъ сила; они далеки будутъ отъ того, чтобъ сознавать свое общественное значеніе и не будутъ думать о служеніи общественному дѣлу, справедливости.

А мы можемъ положительно утверждать, чтъ изъ штатскихъ шли

и пойдутъ въ военные суды только люди нежеланные. Для таланта открывается поприще гораздо болѣе широкое и почетное въ гражданскихъ судахъ; гораздо болѣе матеріальныхъ выгодъ ждетъ его тамъ; военно-судебное вѣдомство не придется штатскимъ по вкусу уже въ силу одного того, что оно военное; дѣятельность въ военномъ судѣ, болѣе чѣмъ скромная, многія ея требованія, занесенныя туда изъ потребностей военной службы таковы, что въ военно-судебное вѣдомство изъ гражданскихъ пошли бы однѣ только бездарности, и самое большое—посредственности.

Въ настоящее время въ судебномъ вѣдомствѣ большинство гражданскихъ, а именно въ 1881 году въ цѣломъ военно-судебномъ вѣдомствѣ считалось 450 служащихъ, изъ нихъ военныхъ 135, слѣдовательно гражданскихъ 315, то есть военные составляютъ 30%, изъ нихъ собственно военныхъ судей 79; военныхъ слѣдователей и прокуроровъ всего 175, изъ нихъ военныхъ 56, т. е. 33% всего числа военныхъ прокуроровъ и слѣдователей.—Вслѣдствіе того мы можемъ сказать, что если мы увидимъ, что правосудіе въ военныхъ судахъ стоитъ неудовлетворительно, то, главнымъ образомъ, мы обязаны этимъ штатскимъ.

Практика главнаго военнаго суда, оставляющая желать многого, вся есть результатъ дѣятельнести штатскихъ.

Штатскіе въ военно-судебномъ вѣдомствѣ занимаютъ, или занимали положеніе наиболѣе вліятельное; главное военно-судное управленіе, представляющее изъ себя канцелярію главнаго военнаго суда, въ которой сосредоточено все дѣлопроизвоство, вся дѣятельность главнаго военнаго суда, сплошъ состояло изъ штатскихъ. Изъ 10 прокуроровъ военныхъ судовъ, только два военныхъ *). Всѣ штатскіе или изъ старыхъ аудиторовъ, получившихъ образованіе еще въ аудиторскомъ училищѣ, долго практиковавшихъ въ старыхъ судахъ,

*) Въ послѣднее время 3.

или болѣе молодые штатскіе, кончившіе юридическое училище и потомъ вступившіе въ военно-судебное вѣдомство потому, что некуда болѣе дѣваться, а тутъ имъ покровительствовали болѣе старые ихъ товарищи — аудиторы. Образованіе, получавшееся въ военно-юридическомъ училище, весьма недостаточное и туда поступали отбросы другихъ учебныхъ заведеній. Очень понятно почему все правосудіе въ военныхъ судахъ должно было получить характеръ старыхъ судовъ, почему оно не должно было носить на себѣ слѣдовъ просвѣщенія. Штатскіе, какъ мы сказали, составляли 70% всего личнаго состива судебнаго вѣдомства.

Могутъ сказать, что если въ военно-судебное вѣдомство не идутъ таланты изъ штатскихъ, то отчего же могутъ тамъ оказаться таланты изъ военныхъ? Мы утверждаемъ только, что военные стоятъ гораздо выше штатскихъ.

Прежде всего мы должны раздѣлить личный составъ военно-судебнаго вѣдомства изъ военныхъ на двѣ части: на стариковъ, и болѣе молодыхъ. Стариковъ мы не будемъ принимать въ разсчетъ и сразу съ ними покончимъ; это люди, вспомнимъ выраженіе Мальтуса, раньше другихъ поспѣшившіе «на пиръ природы», когда военно-судебное вѣдомство, служба въ немъ была особенно заманчива; они прямо заняли мѣста судей, благодаря тому, что были уже въ чинахъ, а судейскія мѣста только что открылись; они не слушали академическаго курса, не практиковали въ роляхъ помощниковъ прокуроровъ и военныхъ слѣдователей, стояли внѣ всякой конкуренціи, были внѣ нормальнаго положенія.

Насъ занимаетъ болѣе позднѣйшая формація офицеровъ военно-судебнаго вѣдомства, въ которую попадали только по окончаніи академическаго курса, и пройдя черезъ сильную конкуренцію. Говоря о такихъ офицерахъ, мы должны сказать, что они попали въ военно-судебное вѣдомство вовсе не изъ-за такихъ печальныхъ причинъ, какъ штаскіе. Военные выходившіе въ военно-судебное вѣдомство,

тоже выходили изъ среды не особенно интелигентной, но все-таки эти выходившіе были *лучшіе* въ своей средѣ. Люди, попадавшіе въ военную службу, попадали туда по разнымъ случайнымъ причинамъ, затѣмъ, выходя изъ армейщины въ военную академію, они, такъ сказать, переходили изъ мрака къ свѣту, съ узкой и кривой дороги на болѣе прямую, болѣе широкую; они были лучшіе, а лучше быть лучшимъ даже въ плохой средѣ, чѣмъ худшимъ въ лучшей средѣ; къ тому же среда армейская не послѣдняя изъ различныхъ общественныхъ сферъ. Давно извѣстно, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ.

Въ вопросѣ о томъ, кто лучше—офицеры, или тѣ штатскіе, которые наполняютъ военно-судебное вѣдомство, сошлемся на слѣдующій фактъ. —Гражданскимъ покровительствовалъ бывшій главн. военн. прокуроръ Философовъ; однако же, не смотря на его авторитетъ, люди, близко знавшіе и офицеровъ, готовившихся въ военно-юридической академіи къ судебной дѣятельности, и гражданскихъ, готовившихся въ юридическомъ училищѣ, именно профессора военно-юридической академіи, преподаватели юридическаго училища, признали нужнымъ закрыть юридическое училище, оставить одну академію,—признали, что съ офицерами могутъ стать на ряду только кончившіе университетъ, для которыхъ и открытъ былъ доступъ въ 3-й курсъ юридической академіи. Мало того, способъ полученія мѣстъ въ судебномъ вѣдомствѣ былъ таковъ, что чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе способные изъ гражданскихъ удерживались въ военно-судебномъ вѣдомствѣ и получали мѣста. Многіе офицеры, окончивъ академію, прикомандировавшись къ судамъ, не имѣли терпѣнія выжидать тамъ мѣста; имъ было куда дѣваться,—дѣваться во фронтъ, а между тѣмъ у нихъ не хватало терпѣнія быть продолжительное время зрителями того, какъ прокурорскіе приспѣшники получали мѣста, а ихъ, способныхъ и достойныхъ, обходили. Гражданскіе, не имѣя способностей, не имѣя возможности куда нибудь пристроиться, оставались при военно-судебномъ вѣдом-

ствѣ и послѣ долгаго искуса, путемъ угодничества, лести, даже взятокъ, путемъ прислуживанія, лѣтъ черезъ 6, черезъ 8 самой убогой въ нравственномъ отношеніи жизни, достигали-таки своей цѣли и попадали въ помощники прокурора, или военные слѣдователи. Время, какъ бы просѣивало кандидатовъ и болѣе способные раньше выходили изъ судебнаго вѣдомства. Такимъ путемъ штатскіе вытѣсняли военныхъ. Изъ военныхъ прикомандировывали изъ кончившихъ академію только лучшихъ 12, а изъ юридическаго училища всѣхъ, и изъ этихъ-то 12, уступая свое мѣсто неспособнымъ, но пройдохамъ, военные уходили въ войска обратно, гдѣ командуютъ теперь частями. — Присутствіе штатскихъ въ военныхъ судахъ объясняется не необходимостью, а причинами, прямо идущими въ разрѣзъ съ интересами военно-судебнаго дѣла, личными симпатіями бывшаго главнаго военнаго прокурора.

Въ организаціи военно-судебнаго вѣдомства именно отразилась общая черта, замѣчаемая у насъ при разрѣшеніи различныхъ государственныхъ вопросовъ. Бывшій военный прокуроръ, преобразившійся въ таковые изъ генералъ-аудиторовъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ оставить на службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ прежнихъ аудиторовъ; потому и главное военно-судное управленіе сохранило прежнихъ чиновниковъ и дореформенную организацію *канцеляріи* главнаго военнаго суда; сохранило строй и основанія дореформенныхъ судебныхъ мѣстъ, состояло изъ 4 отдѣленій и канцеляріи, въ которыхъ сосредоточивалась вся дѣятельность главн. военнаго суда; все значеніе удерживалось въ этой канцеляріи главн. военнаго суда, а не въ самомъ судѣ. Такое значеніе главнаго военно-суднаго управленія, и обширный его штатъ прямо стояли въ противорѣчіи съ кореннымъ основаніемъ производства дѣлъ въ новыхъ судахъ, и могли свидѣтельствовать только о вынужденности суд.рефор., свидѣтельствовать не о желаніи пользы дѣла, а лишь о стараніи устроить личныя дѣла массы старыхъ аудиторовъ, — стараніи обратить военно-судебное вѣдомство въ какую-то богадѣльню. Точно такое же значеніе имѣло и учрежденіе при каждомъ военномъ судѣ

одного гражданскаго судьи. Аномалія такихъ должностей гражданскихъ судей, у которыхъ самъ законъ отнималъ какую бы то ни было дѣятельную роль, была такъ очевидна, что введеніе въ штатъ военныхъ судовъ должностей гражданскихъ судей, сочли необходимымъ оправдать различными оговорками. Хотѣли представить дѣло такъ, что гражданскіе судьи, перешедшіе изъ старыхъ аудиторовъ, будто бы были необходимы для юридическихъ совѣтовъ военнымъ судьямъ только что сформированныхъ военныхъ судовъ, и утверждали, что ихъ сохранятъ только на первое время; но истинная цѣль,— учрежденіе синекуръ ясна была изъ того, что въ гражданскіе судьи назначались старые аудиторы, лишенные всякаго юридическаго образованія, и что не смотря на то, что всѣмъ извѣстна былаихъ жалкая роль въ военныхъ судахъ, ихъ все-таки удержали до послѣдняго времени.

Военно-судебное вѣдомство очень бѣдно талантами, но все-таки нужно сказать, что если въ судебное вѣдомство попадали люди, чѣмъ нибудь выдававшіеся въ своей дѣятельности до поступленія въ судебное вѣдомство и впослѣдствіи то это именно были военные. Среди штатскихъ такихъ нѣтъ. Такимъ образомъ военный судья Розенгеймъ—поэтъ; бывшій виленскій прокуроръ и затѣмъ военный судья Навродскій—писатель и журналистъ; военный профессоръ юридической академіи Владиміровъ—писатель и журналистъ; двѣ должности адъюнктъ-профессоровъ заняты по конкурсу послѣ написанія и защиты дисертацій двумя военными—Мушниковъ, Шендзиковскій; соискателемъ еще былъ третій—Мельницкій. Въ судебномъ вѣдомствѣ служитъ Терентьевъ, кое-что сдѣлавшій на поприщѣ литературы. Мы можемъ къ этому списку присоединить еще Середу, какъ составителя руководства для полковыхъ судовъ и временныхъ судей. Среди военныхъ явился еще прокуроръ, о которомъ говорятъ, что онъ облагодѣтельствовалъ цѣлое постороннее вѣдомство; мы говоримъ о Щербаковѣ, который былъ виновникомъ и руководителемъ реформы въ таможен-

номъ вѣдомствѣ. Среди военно-судебнаго персонала есть люди, кончившіе курсъ въ нѣсколькихъ военныхъ академіяхъ.

Изъ штатскихъ мы можемъ указать только на Калинина, который написалъ руководство для юнкерскихъ училищъ; мы не знаемъ, почему ему было дано предпочтеніе передъ другими, но теперь руководство это заброшено, и нигдѣ не практикуется.

Есть еще два дѣятеля, вездѣ появляющіеся вдвоемъ, кстати и не кстати; эти Касторъ и Полуксъ военнаго судебнаго вѣдомства—Мартыновъ и Анисимовъ; они издаютъ XXII, XXIII; XXIV св. воен. пост., помѣщая подъ статьями закона разъясненія статей рѣшеніями главнаго военнаго суда. Но эти изданія представляютъ изъ себя чисто механическій трудъ, утомительный для обращающихся къ нему, загроможденный излишними подробностями, въ которыхъ трудно уловить общую мысль; очень часто, вслѣдствіе разбросанности, неудачнаго подбора положеній къ статьямъ, можно впасть въ ошибку о взглядахъ главнаго военнаго суда; трудъ этотъ далеко уступаетъ труду члена главнаго военнаго суда, генер. Сиверса, въ которомъ болѣе системы, больше обработки. Особенно безпорядочно, безтолково въ трудѣ Мартынова разработаны статьи о постановкѣ вопросовъ, ихъ разрѣшеніи, постановкѣ приговоровъ, изложеніи резолюціи и приговора въ окончательной формѣ, тогда какъ у генер. Сиверса этотъ отдѣлъ читается легко, положенія схватываются легко, съ гораздо меньшею затратою времени.

Затѣмъ эти же Касторъ и Полуксъ издали въ послѣднее время свой проэктъ необходимыхъ измѣненій въ отправленіи военнаго правосудія; удивляемся, зачѣмъ этотъ трудъ появился въ печати. Составители могли разсчитывать попасть въ тактъ начальству и получить вознагражденіе, но можно удивляться, какъ могли они явиться съ своимъ проэктомъ передъ публикой. Удивляемся, зачѣмъ на столь пустую, безсодержательную работу—нужно было тратить трудъ двухъ личностей. Спеціальнаго разбора этотъ проэктъ вовсе не заслуживаетъ,

скажемъ только, что авторы въ немъ проявили такое невѣжество, такую безцеремонность въ отношеніи къ дѣлу, которому, повидимому, хотѣли служить, что, конечно, не могутъ дѣлать чести той средѣ, къ которой принадлежатъ. Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ дѣлать ссылки на этотъ проэктъ и докажемъ, что наше сужденіе не голословно. Мартыновъ и Анисимовъ все-таки, выдающіеся штатскіе, лучшіе штатскіе и по нимъ можно судить объ остальныхъ.

Наконецъ тѣ самыя основанія, которыя мы приводили въ доказательство необходимости и полезности учрежденія отдѣльныхъ военныхъ судовъ, всецѣло примѣнимы и въ отношеніи допущенія въ военно-судебное вѣдомство личностей гражданскихъ. Преступленія, совершаемыя военными, конечно въ большинствѣ своемъ суть нарушенія того или другаго вида военной дисциплины — чинопочитанія, подчиненности, интересовъ военной службы.

Очевидно, что военнымъ людямъ извѣстны ближе интересы дисциплины; очевидно, что военные люди могутъ основательнѣе оцѣнить относительную важность того или другаго нарушенія дисциплины, могутъ лучше рѣшить, гдѣ проявляется придирчивость, несостоятельная претендательность начальника, гдѣ начинается дерзкая наглость обвиняемаго; военные могутъ различить основательнѣе безцѣльныя требованія начальника, гдѣ начальникъ по злоупотребленію преслѣдовалъ не интересы службы, а дрессировалъ подчиненнаго какъ собаку, и тѣмъ могъ вызвать справедливое раздраженіе подчиненнаго, напр. во время фронтоваго ученія, стрѣльбы и т. п. Мы знаемъ напр. уже, что понятія объ оскорбленіяхъ между частными лицами, въ гражданскомъ быту не имѣютъ ничего общаго съ оскорбленіями въ военномъ быту, какъ то рѣшилъ главный военный судъ. Но откуда же штатскій будетъ знать эти особенности? когда же онъ успѣетъ отказаться отъ понятій, пріобрѣтенныхъ въ гражданскомъ быту; мы знаемъ что въ составъ преступленій входятъ

такія техническія условія, какъ напр. строй, фронтъ и эти понятія служили камнемъ преткновенія для правильнаго рѣшенія дѣлъ; главный военный судъ разъяснялъ эти понятія; но можетъ ли оцѣнить вѣрно понятіе фронта тотъ, кто никогда не стоялъ во фронтѣ?

Въ XXII кн. св. воен. пост., есть много статей, отличающихся техническою спеціальностью, напр. есть статья 136-я, въ ней сказано: «за побѣгъ въ виду непріятеля виновный подвергается и т. д.». Для того чтобъ уяснить себѣ вопросъ, что значитъ побѣгъ въ виду непріятеля по опредѣленію 136 ст., нужно быть близко знакомымъ съ военной техникой, даже съ военной наукой, а потому и примѣненіе этой статьи едвали можетъ быть не только удачно проведено, но даже и понято штатскимъ.

Мы знаемъ какъ на судѣ проводилось обвиненіе по 136 ст., и судъ призналъ обвинявшагося виновнымъ въ побѣгѣ въ виду непріятеля, но слушатели изъ штатскихъ судебныхъ дѣятелей, во время бесѣды, въ ожиданіи резолюціи суда, горячо оспаривали, что побѣгъ былъ совершенъ не въ виду непріятеля, потому что не во время сраженія, чѣмъ не только высказывали незнаніе военной техники, но даже существованія 246 ст. XXII кн. св. воен. пост, которая положительно раздѣляетъ понятіе побѣга во время сраженія и въ виду непріятеля, хотя и приравниваетъ оба преступленія по наказанію.

На основаніи 25 ст. XXIII кн., подпрапорщикъ пользуется правами офицера, съ тѣхъ поръ какъ заступаетъ мѣсто офицера; подпрапорщикъ напр. назначенъ въ караулъ за офицера, и является вопросъ: съ какого момента онъ пользуется правами офицера? Конечно съ тѣхъ поръ только, когда караулу сдѣланъ разсчетъ, когда караулъ составленъ; но можетъ быть такой случай, что подпрапорщикъ явится къ исполненію своей обязанности раньше, чѣмъ караулъ разсчитанъ и готовъ и потребуетъ себѣ почестей офицерскихъ; такой подпрапорщикъ можетъ увлечься, утверждать, что ему неповинуются, какъ офицеру, можетъ именно напуститься на тѣхъ людей, которые въ

составъ караула не входятъ, слѣдовательно на такихъ, которые ему не подчинены, и чтоже будетъ тогда дѣлать штатскій прокуроръ, слѣдователь, который не знаетъ, что такое разсчетъ караула, что такое составъ караула? Конечно, ошибка неизбѣжна. Такимъ образомъ въ пѣхотномъ М. полку возникло дѣло объ оскорбленіи подпрапорщика Ш. фельдфебелемъ М. Дѣло состояло въ томъ, что подпрапорщикъ, назначенный наканунѣ приказомъ по полку начальникомъ офицерскаго караула, явился на дворъ казармъ для принятія караула, въ то время, когда М. дѣлалъ разсчетъ караула, и, не получивъ отъ фельдфебеля почестей, подобающихъ офицеру, потребовалъ этихъ почестей и получилъ отказъ; возникло дѣло о неповиновеніи. Для правильнаго разрѣшенія дѣла нужно было обладать юридическими свѣдѣніями и, кромѣ того, техникой военнаго дѣла. Юридическое образованіе указывало на то, что дѣйствительно подпрапорщикъ имѣетъ права офицера, но только въ отношеніи извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ личностей, то есть входящихъ въ составъ караула, и то съ извѣстнаго момента; а военная техника указывала именно этотъ моментъ, и кто входитъ въ составъ караула. Только знакомый съ техникой военнаго дѣла понимаетъ, что разсчетъ караула не есть моментъ, съ котораго подпрапорщикъ вступалъ въ права офицера, что не разсчитанный еще строй не составляетъ караула, что фельдфебель, расчитывающій караулъ, т: е. приготовляющій караулъ, не входитъ въ составъ караула. Между тѣмъ штатскій военный слѣдователь принялъ дѣло о М. къ своему производству. Могутъ возразить, что вотъ и военный, полковой командиръ, передавшій дѣло слѣдователю, тоже вѣдь не оцѣнилъ надлежаще дѣла, что такимъ образомъ и военная служба не спасаетъ отъ ошибокъ; да, не спасаетъ; полковому командиру, чтобъ избѣжать ошибки, нужно было быть юристомъ и военнымъ въ одно и тоже время; какъ мало быть только юристомъ, также мало быть только военнымъ техникомъ. Мы утверждаемъ, что правильно

вести дѣла можно только будучи юристомъ и въ тоже время техникомъ военнымъ. Того или другаго, самаго по себѣ, мало.

Вопросъ о томъ, что такое особыя, что такое общія обязанности караульной службы, является столь спорнымъ въ судебной практикѣ, столь спутаннымъ въ кассаціонной практикѣ только потому, что большинство военно-судебныхъ дѣятелей суть штатскіе и они своимъ недомыслiемъ и нерѣшительностью заражаютъ и военныхъ.

Нашъ законъ даетъ довольно близкое къ дѣйствительности опредѣленіе, что такое особыя обязанности караульной службы; а именно законъ называетъ особенными такія обязанности, для которыхъ постъ учрежденъ. Это общее опредѣленіе нужно только умѣть примѣнять къ данному дѣлу, а вѣрное примѣненіе обезпечивается знаніемъ военной техники. Нужно опредѣлить: нарушилъ ли обвиняемый тѣ обязанности, которыя возникли для него потому, что онъ *вообще* былъ поставленъ на часы, вошелъ въ составъ караула, или же такія обязанности, которыя существовали для него только на извѣстномъ посту; основаніе для разрѣшенія такого вопроса, во многихъ случаяхъ, знакомый съ военной техникой станетъ искать въ спеціальной сдачѣ, то есть въ томъ, что, становящемуся на часы, *особенно* передаетъ сдающій постъ. Вотъ если обвиняемый нарушилъ то, что ему *особенно* передано въ сдачѣ, онъ несомнѣнно нарушилъ особыя обязанности службы.

Такимъ образомъ вопросъ разрѣшается сдачей, между тѣмъ вы не встрѣтите ни одного предварительнаго слѣдствія, ни одного обвиненія, гдѣ дѣйствуютъ штатскіе, гдѣ бы былъ поставленъ категорически вопросъ о «сдачѣ». Все дѣло въ рукахъ штатскаго вертится на томъ: «вотъ не усмотрѣлъ, арестантъ бѣжалъ, послѣдствія важныя, надо и наказаніе болѣе строгое, обвиняемый слѣдовательно нарушилъ особыя обязанности. А впрочемъ, какъ суду будетъ угодно».

Случается, что иногда дѣла военныя по ошибкѣ, или потому

что сначала военная сторона дѣла заслонена общимъ характеромъ преступленія, попадаются къ слѣдователямъ гражданскихъ судовъ, и что же? всегда въ такихъ случаяхъ выказывалась полная непригодность судебныхъ слѣдователей.

Во время учебной стрѣльбы въ пѣхотномъ полку, въ 1879 году, былъ убитъ одинъ изъ махальныхъ—рядовой Ш.; слѣдствіе, за отсутствіемъ военнаго слѣдователя, произвелъ судебный слѣдователь, который, произведя нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія, допросивъ нѣсколькихъ свидѣтелей, представилъ дѣло къ прекращенію за необнаруженіемъ преступленія и преступниковъ; убійство казалось для судебнаго слѣдователя результатомъ несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Слѣдствіе затѣмъ перешло въ руки военнаго, и въ его рукахъ раскрылось, что убійство было слѣдствіемъ положительныхъ нарушеній правилъ производства цѣльной стрѣльбы,—нарушеній, въ которыхъ виновными оказались два маіора (Д. и Н.). Конечно, судебный слѣдователь, при полномъ незнаніи военной техники, не могъ открыть этихъ нарушеній, особенно тамъ, гдѣ они тщательно скрывалась людьми, чувствовавшими и знавшими въ чемъ бѣда.

Изъ г. В. въ П. слѣдовалъ транспортъ съ мѣдными деньгами въ 14 ящикахъ; каждый ящикъ вѣсилъ около 14 пудовъ; транспортъ этотъ сопровождали охранители его—два конвойные нижніе чина, да присяжный П. казначейства, и во время пути, на большой дорогѣ, ночью, два ящика исчезли, были сняты съ дрогъ; кѣмъ — неизвѣстно. Возникло слѣдствіе о кражѣ ящиковъ. Изъ всего видно было, что кража могла быть совершена только при несоблюденіи конвойными обязанностей конвойной службы. Слѣдствіе производилъ слѣдователь Пл. окружнаго суда, и конечно направлено было къ раскрытію только кражи, но раскрыто ничего не было. Утомленный безплодностью слѣдствія, убѣдившись, что жандармы только толкутъ воду, будто бы, выбиваясь изъ силъ, чтобъ только обнаружить кражу, слѣдователь, не провѣривъ всѣхъ подробностей, всѣхъ розысковъ

жандармовъ, представилъ дѣло прокурору окружнаго суда; слѣдователь вовсе не коснулся вопроса о томъ, соблюдены ли были конвойными ихъ обязанности конвойной службы, а между тѣмъ это могло бы разъяснить многое. Конечно, нельзя же было требовать отъ судебнаго слѣдователя, чтобъ онъ разслѣдовалъ то, о чемъ не имѣлъ никакого понятія. Но здѣсь обращаетъ наше вниманіе слѣдующее: отъ прокурора П. Суда слѣдствіе попало въ военно-прокурорскій надзоръ В. В.-Окружнаго Суда, и здѣсь прямо въ руки штатскаго помощника военнаго прокурора, который возвратилъ дѣло Судебному Слѣдователю Пл. окружнаго суда, съ тѣмъ чтобъ онъ непремѣнно провѣрилъ всѣ розыски жандармовъ; но опять и помощникъ военнаго прокурора не обратилъ вниманія на нарушеніе конвойными обязанностей службы. Только когда дѣло вернулось отъ слѣдователя и попало въ руки военнаго помощника военнаго прокурора, только тогда дѣло получило надлежащее направленіе.

Въ управленіи К. воинскаго начальника совершилась растрата, а именно нижній чинъ, которому былъ повѣренъ цейхгаузъ съ казенными, вещами сложенными въ цейхгаузѣ, одинъ смотрѣвшій за этими вещами, одинъ имѣвшій право входа въ цейхгаузъ, такъ какъ у него одного былъ ключъ отъ цейхгауза, выносилъ оттуда казенное имущество, солдатскую одежду и продалъ такой одежды въ разное время на значительную сумму. Дѣло для производства слѣдствія попало ошибочно къ судебному слѣдователю К. окружнаго суда, который, начавши слѣдствіе. пришелъ къ убѣжденію, что продажа нижнимъ чиномъ изъ цейхгауза имущества, находившагося въ его вѣдѣніи, на его отвѣтственности, на его храненіи, составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 162 ст. XXII кн. и возвратилъ дѣло начальнику обвиняемаго для преданія обвиняемаго полковому суду. Такимъ образомъ судебный слѣдователь смѣшалъ растрату имущества, ввѣреннаго для сохраненія, преступленіе предусмотрѣнное 232 ст.

XXII кн. св. воен. пост. съ растратою имущества, выданнаго для употребленія, предусмотрѣнною 162 ст., XXII кн. св. воен. пост.; Но конечно, мы не станемъ винить судебнаго слѣдователя за сдѣланную ошибку; откуда же ему знать такую разницу.

Примѣры съ судебными слѣдователями, хотя между ними и служащими въ военно-судебномъ вѣдомствѣ и есть разница, все-таки доказываютъ, что въ военномъ быту есть такія вещи, которыя, не изучивъ, нельзя рѣшить на основаніи юридическихъ знаній, доказываютъ, что военная жизнь представляетъ изъ себя спеціальность.

Говорятъ, что не бѣда, если штатскій вступаетъ въ судъ, не зная вовсе условій военнаго быта, не имѣя понятія о техникѣ военнаго дѣла, дисциплина и требованія военной службы, говорятъ, могутъ быть изучены штатскимъ, какъ изучается всякое понятіе. Пусть будетъ такъ, но тогда зачѣмъ же присяжные? вѣдь они засѣдаютъ въ судахъ во имя того, что, живя общественными интересами, живя и дѣйствуя въ той средѣ, изъ которой вышелъ преступникъ они лучше понимаютъ преступленіе; отчего же не скажутъ, что коронные судьи также могутъ изучитъ жизнь и потому присяжные не нужны. Могутъ возразить, что вопросъ идетъ не о судьяхъ, а о допущеніи штатскихъ въ число прокуроровъ и слѣдователей; но вѣдь и военн. прокурорамъ, и слѣдователямъ нужно знать военную жизнь, а военная жизнь, военный бытъ есть такая спеціально-техническая область, которой не изучить, слушая только разсказы о ней; она болѣе спеціальна чѣмъ жизнь вообще, которою, конечно, живетъ каждый гражданскій прокуроръ и слѣдователь. Гдѣ изучать военную жизнь? Такихъ академій не существуетъ; военная жизнь не имѣетъ серьезной литературы; изучать военную жизнь можно только однимъ способомъ — живя такой жизнью.

Штатскіе дѣйствуютъ подъ страхомъ упрековъ въ непониманіи дисциплины и потому они, по самому своему положенію, болѣе склонны къ преувеличеніямъ, натяжкамъ, которыхъ военный не допуститъ.

Мы знаемъ напр. дѣло о казакѣ донскаго казачьяго полка Еф., который былъ привлеченъ къ отвѣтственности за неповиновеніе при такой формальной внѣшней обстановкѣ, при которой для штатскаго составителя обвинительнаго акта (Бор.) не представлялось сомнѣнія въ наличности преступленія со стороны Еф. Въ одно и тоже время былъ привлеченъ къ отвѣтственности урядникъ Ин., обвинявшійся въ вымогательствѣ отъ Еф., который оказалъ ему неповиновеніе и военный судъ съ рѣдкимъ единодушіемъ оправдалъ и Еф. и Ин., причемъ особенно большое вліяніе имѣлъ на исходъ дѣла, находившійся въ составѣ временныхъ судей, казачій офицеръ, объяснившій суду внутренній смыслъ тѣхъ дѣяній, которыя въ обвинительномъ актѣ считались преступными.

Пет. гр. полка деньщики Сим. и Ол. обвинялись по обвинительному акту, составленному тѣмъ же штатскимъ прокуроромъ (Бор.) въ томъ, что 8 іюня 1881 г. въ $9^1/_2$ час. вечера, находясь въ квартирѣ офицеровъ, при которыхъ они числились деньщиками, произвели *такой шумъ*, что, жившій въ томъ же домѣ, подпоручикъ Г. *вынужденъ* былъ послать къ нимъ своего деньщика съ приказаніемъ прекратить шумъ; а когда шумъ этотъ нѣсколько разъ возобновлялся и когда, наконецъ, посланный опять, деньщикъ Г. нашелъ дверь квартиры запертою, подпоручикъ Г. самъ пошелъ къ нимъ и, найдя квартиру запертою, требовалъ, чтобы они отворили дверь, но обвиняемые не исполнили этого приказанія, повтореннаго имъ нѣсколько разъ и рядовой С. заявилъ подпоручику Г., замѣтившему его въ окно, что онъ двери не отопретъ. Дѣяніе это, сказано въ обвинительномъ актѣ, относительно каждаго изъ обвиняемыхъ, предусмотрѣно 105 ст.; кромѣ того деньщики О. и С. обвинялись въ томъ, что, когда при содѣйствіи полиціи квартира наконецъ была отперта и поручикъ Г. спросилъ обвиняемыхъ, почему они не отворили дверь по его приказанію, О. и С. отвѣчали ему въ непочтительной формѣ, стояли

передъ нимъ свободно, размахивая руками, что относительно каждаго изъ нихъ предусмотрѣнно 2 частью 96 статьи. Проводить это дѣло въ судѣ приходилось военному, но военный, видя несостоятельность обвиненія, предложилъ самому составителю обвинительнаго акта провести обвиненіе; тотъ, волею-неволею, долженъ былъ проводить дѣло на судѣ и казнился за свое невѣжество. Военный судъ, къ чести его сказать, оправдалъ обвиняемыхъ: и въ самомъ дѣлѣ, только рабское чувство штатскаго могло видѣть въ дѣлѣ хотя бы тѣнь неповиновенія; скорѣе слѣдовало обвинять офицера въ буйствѣ; онъ не имѣлъ права врываться въ чужую квартиру и запрещать, находившимся тамъ, играть на гармоніи. Изъ всего видно, что игра эта происходила скромно; если-бъ она представляла изъ себя какое нибудь безобразное явленіе, была бы нарушена общественная тишина, то конечно обратила бы на себя вниманіе не одного офицера Г., а всѣхъ жильцовъ дома, дворника и хозяина дома преимущественно, и полиціи, и дѣло этихъ послѣднихъ было бы принять мѣры для возстановленія общественной тишины, но никто кромѣ Г. не счелъ нужнымъ останавливать скромное веселье бѣдныхъ солдатъ, не считалъ себя вправѣ распоряжаться въ чужой квартирѣ. Г. не имѣлъ такого права даже въ отношеніи деньщиковъ. Тѣмъ болѣе Г. не имѣлъ права требовать открытія для него дверей чужой квартиры, а если не имѣлъ права, то деньщики имѣли право его не слушать; подобное требованіе являлось самоуправствомъ, буйствомъ со стороны офицера. Солдаты къ тому же имѣли приказаніе офицеровъ, у которыхъ они служили деньщиками, никого не впускать въ квартиру. На судѣ открылись факты, представляющіе поведеніе офицера еще въ худшемъ свѣтѣ. Оказалось, что Г. послѣ отказа нижнихъ чиновъ открыть двери, поставилъ у двери квартиры, въ которой деньщики играли на гармоніи, своего деньщика, какъ бы часовымъ, и приказалъ ему никого не впускать, и никого не выпускать. Очевидно, что самодурство было доведено до послѣднихъ предѣловъ возможности и невѣжества.

Интересно было бы знать, кого обвинялъ бы прокуроръ въ томъ случаѣ, если-бы деньщикъ Г., поставленный на часы, пропустилъ бы самихъ хозяевъ квартиры? Вѣроятно явилось бы новое обвиненіе, именно обвиненіе деньщика Г., въ неповиновеніи приказанію Г. никого не впускать въ квартиру, а слѣдовательно даже хозяевъ.

Только присутствіемъ гражданскаго элемента, его сильному преобладанію въ судѣ военномъ и среди органовъ устанавливающихъ военно-уголовное законодательство, можно объяснить ту строгость, съ которою, руководимый штатскимъ прокуроромъ, главный военный судъ, относится къ отдѣльнымъ случаямъ и прибѣгаетъ къ распространительнымъ толкованіямъ многихъ статей XXII кн. св. воен. пост. приводящимъ къ абсурдамъ, противорѣчащимъ истиннымъ потребностямъ военной службы.

Такимъ образомъ въ законѣ точно опредѣлено понятіе часоваго; въ самыхъ войскахъ понятіе часоваго сопряжено съ чувствомъ особаго уваженія, важности, торжественности его обязанностей и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если законъ за нарушеніе обязанностей часоваго наказываетъ строго, но противно интересамъ военной службы, если, не по разуму усердные, штатскіе своими распространительными толкованіями умаляютъ значеніе часоваго, низводятъ понятіе о немъ до легкаго взгляда. Взглядъ военнаго никогда не можетъ примириться съ приравненіемъ къ часовому, какого нибудь интендантскаго служителя, поставленнаго съ лопатой для сгребанія овса, разсыпаннаго для просушки. Понизится въ войскахъ понятіе о часовомъ, понизится также и строгое отношеніе часоваго къ своимъ обязанностямъ. А между тѣмъ главный военный судъ 160 ст. XXII кн. св. воен. пост, опредѣляющую весьма строгое уголовное наказаніе караульному за кражу, ввѣреннаго его охраненію, имущества, примѣняетъ къ интендантскому служителю, укравшему гарнецъ овса, перемѣрка котораго была ему поручена (р. гл. в. судъ. 1877 г. № 49).

Главный военный судъ требовалъ примѣненія 160 ст., къ дне-

вальному, похитившему имущество нижняго чина, помѣщавшагося въ той казармѣ, гдѣ похититель былъ дневальнымъ; чувство военныхъ возмущалось противъ такого толкованія глав. воен. суда, и военные суды оправдывали обвиняемыхъ при несомнѣнной доказанности предметовъ, предъявленнаго обвиненія.

Для полноты изложенія считаемъ невозможнымъ умолчать о слѣдующемъ; чѣмъ, какъ не преобладаніемъ штатскаго элемента въ законодательствѣ, можно объяснить слѣдующую редакцію 254 ст. XXII кн. «за самовольное отступленіе отъ утвержденнаго для военныхъ дѣйствій плана, виновный подвергается такому-то наказанію»... И это безъ всякихъ оговорокъ, безъ всякихъ условій, не сдѣлано даже изъятія для побѣдителя, котораго, какъ извѣстно всякому военному, не судятъ.

Имѣя передъ собою такую статью, штатскій прокуроръ, съ свойственнымъ ему формализмомъ и буквоѣдствомъ, будетъ мучиться надъ примѣненіемъ этой статьи; а въ случаѣ невозможности примѣненія, будетъ казаться, что мы имѣемъ мертвую статью въ нашемъ законѣ; а конечно, чѣмъ больше мертвыхъ статей, тѣмъ болѣе все законодательство кажется неудовлетворительнымъ, тѣмъ меньше силы и непоколебимости признается за остальными статьями.

Но будемъ справедливы.

Намъ извѣстенъ одинъ случай въ практикѣ, рѣзко противорѣчащій всему сказанному; случай тѣмъ болѣе цѣнный, что имѣлъ мѣсто въ военномъ судѣ, гдѣ прокурорствовалъ военный, осыпаемый всѣми возможными наградами, считавшійся у нѣкоторыхъ первымъ между прокурорами—военный прокуроръ С. Тамъ совершенно штатскій, даже не кандидатъ на военно-судебныя должности, часто появляющійся на театральныхъ подмосткахъ въ качествѣ актера, вольный адвокатъ М., сражаясь, на почвѣ чисто военныхъ вопросовъ, въ высшей степени спеціальныхъ, на голову поразилъ, выступившаго обвинителемъ въ качествѣ замѣстителя С., имъ руководимаго, его помощника, военнаго Д.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ:

Изъ К. тюремнаго замка, бѣжали политическіе арестанты Д. и др., почему были преданы суду начальникъ караула, офицеръ 98 пѣхотнаго дерптскаго полка Т. и старшій въ караулѣ унтеръ-офицеръ П.; арестантамъ удалось бѣжать изъ тюрьмы подъ видомъ тюремной прислуги; они были выпущены въ тюремныя ворота, отворенныя однимъ изъ нижнихъ чиновъ караула, у котораго оказались въ распоряженіи ключи отъ тюремныхъ воротъ; хранить у себя ключи отъ тюремныхъ воротъ, никому ихъ не давать, на основаніи гарнизоннаго устава, составляло исключительную, особую обязанность караульной службы *начальника караула, офицера*; никто другой, слѣдовательно и старшій унтеръ-офицеръ въ караулѣ, такою особою обязанностью не обложенъ, а между тѣмъ по обвинительному акту унтеръ-офицеръ П. обвинялся въ нарушеніи особой обязанности караульной службы, состоявшей въ томъ, что онъ не хранилъ у себя ключей и передалъ ихъ другимъ, ефрейторамъ Д. и В. приказавъ имъ отворять ворота для впуска и выпуска изъ тюрьмы, имѣвшихъ надобность въ томъ. Офицеръ тоже обвинялся въ нарушеніи той же особой обязанности караульный службы, что не хранилъ у себя ключей, а передалъ ихъ П. Защитникъ въ своей рѣчи доказывалъ, что за одно и тоже нарушеніе можно обвинять только кого нибудь одного, и если надо обвинять кого, то ни въ какомъ случаѣ не П., потому что онъ былъ старшимъ въ караулѣ унт.-офиц., а § 98 устава о службѣ въ гарнизонѣ храненіе у себя ключей ставитъ въ обязанность единственно начальника караула; судъ оправдалъ П.

И такъ могутъ быть и среди штатскихъ люди, понимающіе военные вопросы лучше военныхъ, потому-то въ принципѣ мы и не возстаемъ противъ службы штатскихъ въ военныхъ судахъ, особенно если военнымъ судамъ подсудны общія преступленія, совершенныя военными; мы говоримъ только, что нѣтъ надежды, чтобы въ военно-судебное вѣдомство поступали сколько нибудь достойные штат-

скіе, а потому изъ практическихъ соображеній лучше отказаться отъ штатскихъ, зная, что можно получить только плохихъ.

Мы знаемъ, что, вслѣдствіе требованій нынѣшняго главнаго военнаго прокурора, поступили къ нему мнѣнія прокуроровъ военныхъ судовъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которые необходимы въ военно-судебномъ вѣдомствѣ; всѣмъ хотѣлось указать на возможность экономіи отъ сокращенія штатовъ, между прочимъ прокуроръ В. В. О. С., вкупѣ со своими штатскими помощниками, выразилъ различныя мысли о сокращеніяхъ, указалъ, что сокращеніемъ штата судей безъ оглядки можно отнять у военныхъ слѣдователей и помощниковъ прокуроровъ всякую надежду на карьеру, и такимъ образомъ нетолько отбить охоту у сколько нибудь способныхъ идти въ военно-судебное вѣдомство, но и находящіеся теперь на службѣ уйдутъ. Соображенія совершенно вѣрныя, но попробуемъ ихъ примѣнить къ штатскимъ. Помощники прокуроровъ и военные слѣдователи изъ штатскихъ никакой карьеры не имѣли впереди и до настоящаго времени, такъ какъ въ составѣ каждаго военнаго суда былъ всего одинъ штатскій судья, а число судей — одинъ на судъ, есть именно то число, какое, по мнѣнію военнаго прокурора В. В. О. суда и его штатскихъ помощниковъ, можетъ убить всякую надежду на карьеру, но не смотря на то штатъ военныхъ слѣдователей и прокуроровъ кишѣлъ штатскими. Изъ изложеннаго и слѣдуетъ, что, служившіе до сихъ поръ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ штатскіе суть люди неспособные — приговоръ, произнесенный самими штатскими.

Способные уходятъ изъ гражданскихъ судовъ, что же мы будемъ надѣяться, что способные придутъ въ военные суды. Въ майской книжкѣ отечественныхъ записокъ за 1879 г., въ статьѣ: признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ, говорится: «суды обременены «работою и работою пустою — переливаніемъ изъ пустаго въ порож-«ное, а серьезная работа въ сторонѣ; никто не заботится о качествѣ ра-«боты; силы занятыя чепухой, отвращаются отъ работы осмысленной, и

«лучшіе уходятъ изъ судовъ; число факультетскихъ слушателей умень-«шается, и въ суды идутъ работать неспособные».

Но мало того, вотъ еще какой вредъ возникаетъ изъ присутствія нынѣшнихъ штатскихъ въ военныхъ судахъ. Съ слѣдующими соображеніями согласится всякій, знакомый съ жизнью, знающій какъ дѣлаются дѣла въ жизни.

Штатскіе въ военныхъ судахъ de jure представляли изъ себя лишь только терпимый элементъ, они допущены были первоначально только въ виду печальной необходимости—отсутствія при открытіи военныхъ судовъ достаточнаго количества военныхъ офицеровъ, приготовленныхъ къ службѣ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, но такое положеніе штатскихъ въ военныхъ судахъ совершенно измѣнилось съ теченіемъ времени; съ теченіемъ времени ихъ число все увеличивалось и увеличивалось, и много очень способныхъ офицеровъ, кончившихъ военно-юридическую академію, первыми, или изъ первыхъ, должны были уйдти во фронтъ, такъ какъ мѣста, благодаря происканъ, искательствамъ, до которыхъ не хотѣли унизиться военные, раздавались штатскимъ. Но мало достигнуть вождѣленнаго мѣстечка, нужно еще его удерживать, а удерживать возможно—или благодаря способностямъ, но ихъ-то и нѣтъ, ихъ къ тому же никто не требуетъ, а напротивъ, стараются тѣхъ, у кого онѣ есть, заставить спрятать ихъ подальше, или, же прибѣгая къ интригамъ, искательству и т.п. недостойнымъ средствамъ; затѣмъ всѣмъ извѣстно, конечно, кто только имѣетъ уши, чтобъ слышать и очи, чтобъ видѣть, что люди, находясь въ положеніи, подобномъ нашимъ штатскимъ, въ виду военныхъ, которымъ принадлежатъ мѣста, такъ сказать, по праву, которыхъ положеніе представляетъ болѣе выгодъ, всегда сплачиваются въ группы, кучки, кагалы, члены которыхъ, въ извѣстномъ смыслѣ, дѣйствуютъ сообща. Точно также и въ военно-судебномъ вѣдомствѣ; штатскіе составляютъ группы, интригующія противъ военныхъ; штатскіе стараются выдвигать своихъ и вредить военнымъ елико возможно. Доходитъ до того, что штат-

скій секретарь на судѣ, если только требованіе о прочтеніи документа исходитъ отъ военнаго, старается чтеніемъ придать документу неблагопріятный, для потребовавшаго прочтенія, смыслъ; штатскіе слѣдятъ за дѣйствіями военныхъ и наоборотъ, прикрываютъ ошибки своихъ. Въ интригу даже впутываются жены штатскихъ, и употребляются для распущенія разныхъ сплетенъ. Распускаются напр. слухи о томъ, что офицеры, кончившіе академію, не умѣютъ грамотно писать, распускаются, конечно, самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Въ в. судѣ, гдѣ штатскихъ особенно много, и гдѣ во главѣ ихъ стоитъ М., составился даже особенный порядокъ привлеченія къ суду офицеровъ, неоправдываемый необходимостью, и противорѣчащій практикѣ суда. Такимъ образомъ за личныя оскорбленія частныхъ лицъ офицеры наказываются по мировому уставу; наказанія, опредѣленныя уставомъ незначительны, нисходятъ до такихъ, которыя могутъ быть наложены дисциплинарною властью начальниковъ. Изъ практики мировыхъ судей мы знаемъ, что, въ виду частости личныхъ оскорбленій, оскорбители отдѣлываются ничтожными наказаніями, денежными штрафами, не то не хватило бы арестныхъ помѣщеній; точно также и суды военные офицерамъ, преданнымъ суду за оскорбленія, назначаютъ самыя незначительныя наказанія, меньше тѣхъ, которыя можетъ назначить начальникъ въ дисциплинарномъ порядкѣ; но такіе уроки не смущаютъ штатскихъ прокуроровъ; они знаютъ, что не въ ихъ власти назначить наказаніе, но знаютъ за то, что они могутъ съ позоромъ повлечъ офицера на судъ, знаютъ, что одно нахожденіе подъ судомъ уже горько отзывается на офицерѣ, отнимаетъ у него нѣкоторыя права по службѣ; штатскіе знаютъ это и за всякій проступокъ, какъ бы онъ ни былъ пустъ, какъ бы онъ ни былъ мало доказанъ, влекутъ офицера на судъ, и, съ свойственною каждому чиновнику крючковатостью, стараются доказать справедливость своихъ поступковъ. Они говорятъ, что за оскорбленія частныхъ лицъ назначены въ законѣ разныя наказанія,

но высшія изъ нихъ таковы, что могутъ быть назначены только военнымъ судомъ, и потому военный судъ и долженъ разсматривать дѣла объ оскорбленіяхъ, въ силу того закона, что дѣло всегда подсудно тому суду, который вправѣ назначить высшее наказаніе; штатскіе твердятъ, что нельзя начальнику дать право прекращать даже частную жалобу, что достаточно того, что есть жалоба, а тамъ справедлива ли она—рѣшить можетъ только судъ. И штатскіе не слушаютъ никакихъ доводовъ логики, не обращаютъ вниманія на воззванія къ справедливости. Для нихъ мало того, что имъ говорятъ: развѣ вы сами не прекращаете обвиненій, и не вносите ихъ въ судъ, если вамъ кажется, что обвиненіе является не доказаннымъ; имъ мало дѣла до того, что въ сборникѣ законодательныхъ работъ сказано: «отъ полковаго командира зависитъ дать дальнѣйшій ходъ донесенію ротнаго командира, сообщеніямъ мироваго судьи, полиціи, администраціи, и жалобѣ частнаго лица, которыми нижніе чины обвиняются въ преступленіяхъ. Полковой командиръ обязанъ удостовѣриться въ обстоятельствахъ происшествія, и затѣмъ можетъ или предать обвиняемаго полковому суду, или ограничиться наложеніемъ дисциплинарнаго взысканія, или прекратить дальнѣйшее производство дѣла, если окажется, что извѣщеніе, или жалоба не основательны». Штатскіе не могутъ понять, что то, что справедливо для нижняго чина, тоже справедливо и для офицера. Штатскіе забываютъ, что за оскорбленія частныхъ лицъ назначаются не разныя наказанія, которыя могутъ быть опредѣлены только тѣмъ или другимъ судомъ, но наказанія, которыя могутъ быть опредѣлены или судомъ, или въ дисциплинарномъ порядкѣ, а 10-я статья дисциплинарнаго устава прямо говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда за проступокъ законъ опредѣляетъ наказаніе, налагаемое по суду, или въ дисциплинарномъ порядкѣ, начальникъ имѣетъ право наказать дисциплинарно, не предавая суду. Въ воинскомъ уставѣ о наказ. есть много статей, опредѣляющихъ разомъ различныя наказанія,

которыя могутъ быть наложены военнымъ судомъ, полковымъ судомъ, или въ дисциплинарномъ порядкѣ, и сплошь и рядомъ прокуроры даютъ начальникамъ заключенія такого рода: «предайте такого то суду, или по вашему усмотрѣнію накажите въ дисциплинарномъ порядкѣ». Отчего же только въ отношеніи офицеровъ, не соблюдается этотъ справедливый и законный порядокъ? Отчего объ офицерахъ пишутъ коротко и ясно: «предайте его суду», чуть не кричатъ «распните его»; по дѣлу офицера Ж., ближайшій начальникъ не согласился съ требованіемъ прокурора, и упрямый прокуроръ перенесъ дѣло къ высшему начальнику, который уступилъ настойчивости прокурора Поэтому дѣлу была подана кассаціонная жалоба, но главный военный судъ не измѣнилъ себѣ, и по обычаю, умылъ руки. Главному военному суду жаловались на то, что прокуратура считаетъ безусловно необходимымъ преданіе суду офицеровъ за проступки, предусмотрѣнные мировымъ уставомъ, что прокуратора настаиваетъ на томъ, что хочетъ или не хочетъ начальникъ предавать суду офицера онъ обязанъ это сдѣлать, но главный военный судъ, разрѣшая лишь данный случай, высказался, что если прокуроръ требуетъ преданія суду и высшій начальникъ согласился съ мнѣніемъ прокурора, то Ж. былъ правильно преданъ суду. Такъ бы вопросъ и оставался въ запутанномъ положеніи, но въ послѣднее время взглядъ воен. прокурора измѣнился; чего не могла сдѣлать логика, то легко разрѣшили посторонніе разсчеты.

Случилось несчастіе съ сыномъ начальника дивизіи Д. Г., Д., лице нужное, на всякій случай опасно было раздражать генерала; до случая съ сыномъ отношенія были всегда заискивающія, и вотъ сразу забыта необходимость всегда предавать офицеровъ суду, несмотря на нежеланіе начальника, забыта невозможность наложенія наказанія въ дисциплинарномъ порядкѣ и начальству сына Д. была только сообщена жалоба еврея, собирающаго сборъ у заставы съ въѣзжающихъ въ В. и побитаго Д. Начальство сына Д. было почти-

тельнѣйше увѣдомлено, что оно можетъ распорядиться съ своимъ подчиненнымъ на основаніи 10 ст. XXIII кн. св. воен. пост., если найдетъ его въ чемъ либо виновнымъ. Начальство Д. распорядилось съ нимъ по своему и прокурорскій надзоръ на томъ и успокоился.

Обвиненія офицеровъ штатскими прокурорами составляются натянуто, страстно. Написалъ офицеръ П. интендантства поручикъ Ц. непріятную правду о чиновникѣ Б. склада К., сейчасъ Ц. подъ судъ, но судъ оправдалъ его, найдя дѣяніе его вовсе не преступнымъ.

Случилось одному гвардейскому офицеру, артиллеристу Б. показаться въ некрасивомъ видѣ на улицѣ, обнажить саблю и т. п. и М. пишетъ о немъ обвинительный актъ, въ которомъ вступаетъ въ азартную полемику съ офицеромъ, доказываетъ ему, что онъ поступилъ, забывъ свое званіе, въ ущербъ своему достоинству, достоинству порядочнаго человѣка и т. д. и т. д.

И такъ мы разсмотрѣли два вопроса, являющіеся существенными въ организаціи военныхъ судовъ, имѣющіе между собою внутреннюю связь, одинъ другой опредѣляющіе. Вопросы эти были намѣчены и обсуждаемы въ печати и такъ или иначе разрѣшаемы.

Мы рѣшили вопросы въ томъ смыслѣ, что военные суды для сужденія не только спеціальныхъ преступленій, но и общихъ совершенныхъ военно-служащими и полезны и необходимы, во-вторыхъ, что лучшая организація военныхъ судовъ требуетъ, чтобы военно-судебные дѣятели были изъ военныхъ, потому что штатскіе не обладаютъ знаніемъ военнаго быта и военной техники, потому что въ силу вещей въ военные суды изъ штатскихъ будутъ идти только худшіе люди, которымъ некуда дѣваться, которые не могутъ нигдѣ найдти вознагражденія за свою работу, равняющагося окладамъ, даваемымъ службою, которые не надѣются на свою силу; штатскіе такимъ образомъ не внесутъ ничего полезнаго въ военные суды, потому въ нихъ нѣтъ никакой надобности. Къ первому вопросу мы еще вернемся.

Затѣмъ мы перейдемъ къ такимъ вопросамъ организаціи суда, которые до сихъ поръ оставались безъ всякой обработки.

Мы должны сдѣлать здѣсь прежде всего одно общее замѣчаніе относительно организаціи суда и судебнаго процесса, — замѣчаніе, которое полезно всегда имѣть въ виду при оцѣнкѣ существующаго.

Въ законодательныхъ работахъ не разъ высказывалась мысль, что при составленіи XXII и XXVI кн. св. воен. пост., старались отступать отъ общихъ судебныхъ уставовъ только въ виду самой крайней необходимости, вызываемой особенностями военнаго быта и пользой военной службы; но эти отступленія столь многочисленны и столь существенны, что, при извѣстномъ направленіи въ военно-судебныхъ дѣятеляхъ, военно-уголовный процессъ оставляетъ многаго желать, чтобъ можно было его считать удовлетворительнымъ.

Видно, что жалѣли стараго, что и старое считалось удовлетворительнымъ, и какъ почти весь личный составъ былъ взятъ изъ старыхъ аудиторовъ, то есть въ новые мѣха было влито старое вино, такъ и въ законѣ весьма часто проглядываютъ сожалѣнія о старомъ.

Старый, формальный, ревизіонный порядокъ сохранился вполнѣ въ организаціи полковыхъ судовъ и главнаго военно-суднаго управленія и въ судебномъ процессѣ по нѣкоторымъ преступленіямъ.

Такимъ образомъ военный судъ является только одною формальностью въ дѣлахъ о побѣгахъ и о дурномъ поведеніи.

Въ этихъ дѣлахъ самъ законъ, мотивы разъясняющіе законъ, не требуютъ удовлетворительнаго разбора дѣла на судѣ и главнымъ образомъ рѣшеніе суда основывается на документахъ.

Главный военный судъ разъяснилъ (1872 г. №№ 47 и 100) что побѣгъ обусловливается исключительно временемъ отлучки съ мѣста службы, независимо отъ цѣли, съ которою она совершена.

Побѣгъ есть число формальное преступленіе, въ которомъ намѣреніе, умыселъ почти ничего не значитъ. Солдатъ намѣревался бѣжать

съ тѣмъ, чтобъ никогда не возвратиться, но его ловятъ раньше 6 дней и онъ отвѣчаетъ за отлучку, и наоборотъ, солдатъ намѣревался отлучиться на 2, 3 дня, но, по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, пробылъ въ отлучкѣ долѣе 6 дней, и отвѣчалъ какъ за побѣгъ. Въ побѣгѣ, такимъ образомъ, имѣютъ значеніе только внѣшнія дѣйствія, тутъ является единственный примѣръ, никогда не повторяющійся, покушенія, остановленнаго не по собственной волѣ, превращающагося въ другое преступленіе значительно слабѣе наказываемое: побѣгъ—въ отлучку.

Судъ въ такихъ преступленіяхъ есть чистая формальность. Явка обвиняемаго въ полковой судъ, гдѣ защита, право объвиняемаго объяснить свое преступленіе—не допускается, представляется вовсе излишнею.

Въ дѣлахъ о побѣгахъ, говоритъ 322 ст. XXVI кн., судъ, по выслушаніи объясненій подсудимаго, обязанъ немедленно постановить на основаніи закона приговоръ. Непонятно, къ чему еще объясненія подсудимаго, когда тутъ же говорится, что если окажутся обстоятельства, выясняющія причину побѣга, требующія ближайшаго разъясненія, то полковой судъ доноситъ о семъ особо полковому командиру, для зависящаго съ его стороны распоряженія. Но къ чему же это все, когда бывшій въ бѣгахъ уже осужденъ и наказанъ? Вотъ еслибъ выясненіе причинъ могло бы оказать вліяніе на рѣшеніе вопроса о виновности обвиняемаго, тогда другое дѣло. Затѣмъ 323 статья еще характеритичнѣе; въ дѣлахъ о нижнихъ чинахъ, говоритъ 323 ст., предаваемыхъ суду на основаніи дисциплинарнаго устава за неисправимо дурное поведеніе, полковой судъ обязанъ преимущественно руководствоваться выписками изъ штрафнаго журнала, и удостовѣреніями ближайшаго начальства подсудимыхъ, не производя разслѣдованій и повѣрки тѣхъ дѣйствій, за которыя обвиняемый подвергался оштрафованію, и не прибѣгая, *безъ крайней въ томъ необходимости*, къ разспросу свидѣтелей относительно

поведенія подсудимаго. Тѣ, которые знаютъ, какъ догадливы наши исполнители относительно мысли законодателя, поймутъ, что подчеркнутыя слова, обратятся на практикѣ въ *никогда*. Въ подкрѣпленіе сказаннаго, на 353 стр. законодательныхъ соображеній, мы читаемъ: «при производствѣ дѣлъ о побѣгахъ и дурномъ поведеніи нижнихъ чиновъ, суду вмѣняется въ обязанность не вдаваться въ подробное изслѣдованіе различныхъ обстоятельствъ, такъ какъ очевидность преступленія доказывается самымъ фактомъ побѣга, выпискою изъ штрафнаго журнала и удостовѣреніемъ ближайшаго начальства подсудимаго о дурномъ его поведеніи. Такое руководительное правило необходимо было включить въ уставъ для того, чтобъ предупредить возможность, посредствомъ изворотливыхъ показаній, достигать умышленныхъ промедленій для отклоненія отъ себя на долгое время, слѣдующаго обвиняемымъ по закону, наказанія».

Невольно спросишь себя: зачѣмъ же послѣ того судъ, зачѣмъ такое униженіе суда? Ставятъ передъ судомъ человѣка и говорятъ суду, ты не смѣешь его оправдать; какъ все это противорѣчитъ основамъ современнаго, справедливаго суда!

Далѣе XXIV кн. св. воен. пост., относительно полковыхъ судовъ оставила въ силѣ прежнюю ревизію, прежнюю конфирмацію полковаго командира. Въ силу 359 ст., судное дѣло, по подписаніи судомъ приговора, обязательно переходитъ на конфирмацію полковаго командира и приговоръ утверждается или нѣтъ полковымъ командиромъ, который имѣетъ право собственною властью смягчать, или увеличивать строгость приговора суда въ извѣстныхъ предѣлахъ. Большей власти административнаго лица надъ судомъ быть не можетъ. Полковой командиръ самъ предастъ солдата суду и затѣмъ имѣетъ право оспаривать, измѣнять приговоръ суда; опять спросимъ: зачѣмъ же судъ тогда,—прямо можно отдать все на произволъ начальника. Затѣмъ члены суда полковаго, ихъ назначеніе, смѣна, дѣятельность—все это находится въ полномъ распоряженіи полковаго командира. Очевидно, что полковой

судъ, есть судъ вполнѣ старый, за то полковой судъ, какъ это мы увидимъ и пользуется въ войскахъ уваженіемъ не большимъ, чѣмъ пользовался старый судъ.

Главный военный судъ, главное военно-судное управленіе, въ которыхъ предстояло дѣйствовать главному руководителю военно-судебной реформы, бывшему главному военному прокурору, въ устройствѣ своемъ глубже всего скрывали тайныя мысли и симпатіи бывшаго главнаго военнаго прокурора; и мы видимъ главное военно-судное управленіе, какъ управленіе, и какъ канцелярію главнаго военнаго суда, наводненнымъ старыми аудиторами, и представляющимъ изъ себя, за упраздненіемъ петербургской управы благочинія, учрежденіе наиболѣе близкое къ типу дореформенныхъ судебныхъ учрежденій. Ближе всего можно сравнить главный военный судъ по роду дѣятельности съ кассаціонными департаментами сената; но кассаціонные департаменты сената устроены такъ, что въ нихъ оберъ-прокуроръ является только блюстителемъ законовъ, стороною, но отнюдь не вѣршителемъ дѣлъ, не руководителемъ сената. Составленіе докладовъ, писаніе приговоровъ, примѣненіе законовъ, все это непосредственно лежитъ на обязанности самихъ сенаторовъ; канцелярія неопытная, далеко менѣе просвѣщенная чѣмъ сенаторы, играетъ подчиненную, совершенно пассивную роль. Не то нашъ главный военный судъ съ главнымъ военно-суднымъ управленіемъ. Старый порядокъ, дѣйствовавшій въ теченіи долгаго времени, научилъ какъ вредно передавать производство дѣлъ въ канцелярію, а между тѣмъ главное военно-судное управленіе и составляетъ канцелярію главнаго военнаго суда, дѣйствующую на старомъ основаніи.

Тамъ существуетъ такой порядокъ:

Опротестованный, или обжалованный приговоръ съ подлиннымъ дѣломъ поступаетъ не въ главный военный судъ, а въ главное военно-судное управленіе какъ канцелярію, завѣдываемую главнымъ военнымъ прокуроромъ; (ст. 66 XXIV), столоначальникъ главнаго военно-

суднаго управленія составляетъ письменное заключеніе по дѣлу, ставитъ вопросы, подводитъ приличные къ дѣлу законы (ст. 950 XXIV кн.) и такое заключеніе отъ имени главнаго военнаго прокурора передается члену главнаго военнаго суда, которымъ и прочитывается главному военному суду подъ именемъ доклада. Какую самостоятельную и рѣшающую роль присвоила себѣ канцелярія главнаго военнаго суда — главное военно-судное управленіе, видимъ изъ дѣла фельдшера Слѣпова, которое съ большею подробностью мы изложимъ впослѣдствіи. Въ настоящее время мы коснемся этого дѣла насколько это нужно для характеристики отношеній главнаго военнаго суда и главнаго военно-суднаго управленія. Дѣло поступило въ главное военно-судное управленіе, которое, подготовляя дѣло для рѣшенія его въ главномъ военномъ судѣ, встрѣтивъ сомнѣніе въ свойствѣ дѣянія Слѣпова, нашло нужнымъ испросить отъ администраціи наставленій, какъ смотрѣть на дѣло, и по собственному почину, такъ что главный военный судъ ничего не зналъ, вошло въ сношеніе съ администраціей и затѣмъ обязательно передало главному военному суду мнѣніе администраціи.

Составленный въ главномъ военно-судномъ управленіи докладъ, содержаніе котораго было низведено до повторенія только сущности мнѣнія администраціи, былъ прочтенъ въ главномъ военномъ судѣ его членомъ, а затѣмъ и самое рѣшеніе главнаго военнаго суда явилось лишь копіей мнѣнія администраціи.

Сколько самодѣятельности, сколько знаній нужно имѣть членамъ главнаго военнаго суда, и потому сколь правильны могутъ быть рѣшенія главнаго военнаго суда, при такомъ порядкѣ, это понятно всякому.

Мы сказали о полковомъ судѣ, о главномъ судѣ съ его канцеляріею—главнымъ военно-суднымъ управленіемъ, во главѣ котораго стоитъ все тотъ же главный военный прокуроръ; теперь посмотримъ, что представляетъ изъ себя военный судъ, его организація,

судебный процессъ въ военномъ судѣ; каковы законы, опредѣляющіе и то и другое и что сдѣлала изъ нихъ, какъ воспользовалась ими практика военныхъ судовъ.

Первое условіе удовлетворительной организаціи суда есть его независимость.

По существующему закону предсѣдатели судовъ и военные судьи могутъ получать выговоры и замѣчанія только отъ главнаго военнаго суда за всѣ упущенія и проступки противъ судейскихъ обязанностей, за проступки же не касающіеся собственно судейскихъ обязанностей, выговоры и замѣчанія имѣетъ право дѣлать судьямъ только военный министръ. Удаленіе отъ должности и увольненіе отъ службы предсѣдателя, или члена военнаго суда можетъ послѣдовать не иначе какъ по опредѣленію главнаго военнаго суда. На временныхъ членовъ военнаго суда дисциплинарное наказаніе налагается за нарушеніе судейскихъ обязанностей—главнымъ военнымъ судомъ или его отдѣленіемъ, а за всѣ прочіе проступки военнымъ начальствомъ на общемъ основаніи.

Военные слѣдователи поставлены закономъ гораздо ниже членовъ суда; дисциплинарно наказать военнаго слѣдователя имѣетъ право и военно-окружный судъ и главный военный судъ за нарушенія по должности; удалить отъ должности или уволить отъ службы военнаго слѣдователя во всѣхъ случаяхъ имѣетъ право только главный военный судъ. Военный министръ и предсѣдатель суда могутъ наказать военнаго слѣдователя легкимъ дисциплинарнымъ взысканіемъ и то за преступленія не по должности.

Лица прокурорскаго надзора могутъ быть наказываемы старшимъ лицемъ того же надзора за всякаго рода проступки. Эти главныя положенія распространяются и дополняются слѣдующими. Дисциплинарное производство возбуждается относительно предсѣдателей военно-окружныхъ судовъ, военныхъ судей и временныхъ членовъ военныхъ судовъ—опредѣленіями главнаго военнаго суда, или его

отдѣленій, или предложеніями военнаго министра; относительно слѣдователей тѣмъ же порядкомъ, или предложеніями предсѣдателя суда.

Въ каждомъ военно-судебномъ мѣстѣ ближайшій надзоръ за скорымъ и правильнымъ движеніемъ дѣлъ и за точнымъ исполненіемъ должностными лицами своихъ обязанностей принадлежитъ предсѣдателю, который, замѣтивъ какіе либо безпорядки, принимаетъ мѣры къ отвращенію ихъ. Ни военно-судебныя мѣста, ни предсѣдатели ихъ не входятъ въ обсужденіе дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора, но о неправильностяхъ или противузаконіяхъ такихъ лицъ сообщаютъ высшимъ чинамъ того надзора по принадлежности, или доводятъ до свѣдѣнія военнаго министра.

Предсѣдатели военно-окружныхъ судовъ и военные судьи *непосредственно* подчинены военному министру.

Предсѣдатели военно-окружныхъ судовъ и военные судьи могутъ быть переводимы изъ одного суда въ другой по распоряженію военнаго министра.

Должностныя лица военно-судебнаго вѣдомства, въ случаѣ перемѣщенія безъ ихъ просьбы изъ одной мѣстности въ другую, получаютъ сверхъ прогоновъ пособія въ количествѣ отъ 150 до 500 р. по назначенію военнаго министра.

Наконецъ должностныя лица военно-судебнаго вѣдомства, находясь въ составѣ военнаго министерства, пользуются правами и преимуществами, предоставленными всѣмъ вообще чинамъ военнаго министерства, и носятъ присвоенную имъ форму.

Вотъ статьи, опредѣляющія положеніе лицъ военно-судебнаго вѣдомства; вотъ какими узаконеніями военное законодательство старалось обезпечить независимость судей.

Мы видимъ, что военные судьи и военные слѣдователи не смѣняемы, не перемѣщаемы до извѣстныхъ предѣловъ, что взысканія могутъ быть налагаемы на судей и слѣдователей извѣстными опре-

дѣленными лицами, или цѣлыми учрежденіями, строго судебными, что единоличная власть административныхъ властей надъ военными судьями и слѣдователями сильно ограничена, что военные судьи и слѣдователи получаютъ чины и ордена и т. п. Затѣмъ законъ ясенъ въ томъ отношеніи, что предсѣдатели военныхъ судовъ и военные судьи совершенно равны между собою, что первые не имѣютъ никакой власти надъ вторыми. Это ясно изъ того, во-первыхъ, что военные судьи подчинены *непосредственно* военному министру, и только ему одному, на правахъ совершенно одинаковыхъ съ предсѣдателемъ; во вторыхъ, вездѣ гдѣ въ законѣ говорится о правахъ предсѣдателя, вездѣ на ряду съ нимъ ставятся и члены судовъ. Лишь только одна статья, именно 153, заключаетъ въ себѣ какъ бы намекъ на подчиненное отношеніе судей къ предсѣдателямъ, именно въ отпуски на срокъ менѣе 28 дней военные судьи увольняются предсѣдателями. Но, соображая это правило съ другими статьями военно-судебнаго устава, изъ которыхъ безспорно слѣдуетъ, что военные судьи равны во всемъ съ предсѣдателемъ, зная основное положеніе науки, что судьи должны быть независимы отъ предсѣдателей, что взаимныя отношенія предсѣдателей и судей опредѣляются формулою prima inter pares, мы должны придти къ заключенію, что если законъ и разрѣшилъ предсѣдателямъ увольнять судей въ отпускъ, то только потому, что некому было поручить эту формальность. Точно также напрасно мы старались бы искать среди статей, опредѣляющихъ уголовный процессъ, такихъ, которыя ставили бы предсѣдателя начальникомъ надъ военными судьями. Дискреціонная власть предсѣдателя въ судебномъ засѣданіи очень обширна, но все это только потому, что нужно же кому нибудь одному поручить разрѣшеніе возникающихъ вопросовъ, а затѣмъ дискреціонная власть принадлежитъ собственно не предсѣдателю суда, а предсѣдательствующему, какимъ бываетъ по очереди всякій военный судья; и дискреціоннымъ распоряженіямъ предсѣдательствую-

щаго обязанъ подчиняться и предсѣдатель, если находится въ залѣ судебнаго засѣданія. Затѣмъ разрѣшеніе всѣхъ сколько нибудь существенныхъ вопросовъ, возникающихъ на судѣ, принадлежитъ всему составу суда.

Чтобъ яснѣе понять цѣли и стремленія законодателя относительно независимости суда, слѣдуетъ обратиться къ сборнику законодательныхъ работъ.

Такимъ образомъ, вотъ что мы читаемъ въ сборникѣ законодательныхъ работъ: «устройство военныхъ судовъ необходимо возможно больше уподобить устройству общихъ судовъ. Военные суды, соотвѣтствующіе окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ, должны быть, подобно имъ, отдѣлены отъ вліянія административныхъ властей, т. е. начальниковъ войскъ. Изъ этого слѣдуетъ, что военные исудь отнюдь не должны быть ни назначаемы, ни собираемы военными начальниками по каждому дѣлу, а должны быть судами постоянными, независящими отъ военныхъ начальниковъ. Еслибъ, говорятъ законодательныя работы, судъ былъ учрежденъ при дивизіи напр., то подобная система организаціи судовъ сопряжена была бы съ слѣдующими недостатками: состоя постоянно при штабѣ дивизіи, судъ дѣлается какъ бы принадлежностью штаба, невольно подчиняется вліянію начальника дивизіи и потому легко утратитъ ту независимость, которая составляетъ одинъ изъ главныхъ принциповъ новаго судоустройства. Самое названіе суда такой-то дивизіи указываетъ на мысль о зависимости суда отъ начальника дивизіи. Слѣдуя за всѣми передвиженіями штаба, судъ лишенъ будетъ возможности пользоваться удобнымъ для публичнаго судопроизводства помѣщеніемъ».

«Однимъ изъ главныхъ недостатковъ прежняго порядка военнаго судопроизводства, читаемъ мы въ сборникѣ законодательныхъ работъ, справедливо признавали то положеніе, въ которомъ находились судьи относительно военнаго начальства, которое, предавая обвиняемаго суду, само же распоряжалось о назначеніи въ военный судъ

членовъ и при томъ избирало ихъ изъ лицъ непосредственно ему подчиненныхъ. Въ этихъ видахъ, при составленіи проекта устава, принято было за правило образовать военные суды, по возможности, независимые отъ администраціи, или подчиненные ей въ той мѣрѣ, какая безусловно необходима для сохраненія въ военномъ вѣдомствѣ общаго порядка службы и дисциплины. Съ этою цѣлію предположено всѣхъ должностныхъ лицъ военно-судебнаго вѣдомства изъять изъ непосредственнаго подчиненія главнымъ мѣстнымъ военнымъ начальникамъ, съ тѣмъ, чтобы предсѣдатели, военные судьи и слѣдователи за всѣ нарушенія по должности преслѣдовались не иначе, какъ главнымъ, или военно-окружнымъ судами, а за преступленія и проступки не касающіеся обязанностей по должности, подвергались взысканіямъ—предсѣдатели и постоянные члены военныхъ судовъ военнымъ министромъ, чины прокурорскаго надзора своимъ начальствомъ, а остальные чины военно-судебнаго вѣдомства, не исключая и военныхъ слѣдователей, предсѣдателями военныхъ судовъ. Отступленіе отъ этихъ правилъ и непосредственное подчиненіе предсѣдателей и членовъ военныхъ судовъ и военныхъ слѣдователей мѣстному военному начальству послужило бы нарушеніемъ основной мысли о предоставленіи военнымъ судамъ возможной самостоятельности». Все это чрезвычайно какъ вѣрно. Вѣдь суды, судьи судятъ, или могутъ судить, всякихъ военныхъ начальниковъ; вѣдь принципы, основанія дисциплины проводятся судами въ ихъ приговорахъ, вѣдь эти основанія должны быть обязательны для военныхъ начальниковъ всѣхъ ранговъ; вѣдь суды же должны наказывать всѣхъ начальниковъ за отступленіе отъ законовъ, правильнаго ихъ пониманія, потому суды должны быть вполнѣ независимы. Если же будетъ иначе, если суды будутъ подчинены начальству, то не суды будутъ судить начальство, а начальство будетъ судить и наказывать суды и судей; не приговоры судовъ будутъ обязательны для начальниковъ, а напротивъ, взгляды и усмотрѣнія начальниковъ бу-

дутъ обязательны для судовъ. Суды должны стоять въ сторонѣ отъ администраціи, отъ ея личныхъ, исключительныхъ интересовъ.

По сборнику законодательныхъ работъ, военные прокуроры между прочимъ поставлены: 1) для облегченія военныхъ начальниковъ въ разсмотрѣніи законныхъ, нерѣдко сложныхъ, вопросовъ о признакахъ преступленій и 2) для неупустительнаго охраненія силы законовъ, которая обезпечивается преслѣдованіемъ и наказаніемъ виновныхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нарушены и забыты требованія закона, въ этомъ послѣднемъ отношеніи голосъ прокурора имѣетъ рѣшительное значеніе; если онъ признаетъ необходимымъ преданіе обвиняемыхъ суду, то дѣло не можетъ быть оставлено безъ послѣдствій, хотя бы военный начальникъ считалъ возможнымъ прекратить преслѣдованіе (136 стр.).

Мы знаемъ теперь мысли и основанія, которыми руководились составители военно-судебныхъ уставовъ; мы знаемъ положительный законъ въ который эти основанія были облечены законодателемъ. Мы думаемъ, что если-бъ законодатель остановился только на тѣхъ статьяхъ, которыя нами приведены, то самостоятельность судовъ мало чего оставляла бы желать; мысли законодателя были бы почти удовлетворительно осуществлены; но, къ сожалѣнію, въ нашъ уставъ брошены двѣ статьи, статьи внушенныя такъ наз. ревнителями чисто военныхъ интересовъ, и статьи эти много вреда принесли общему строю, общему направленію военнаго правосудія.

Мы говоримъ о 172 ст., XXII кн. св. воен. пост., въ которой читаемъ: «взысканія дисциплинарныя налагаются на лицъ военно-судебнаго вѣдомства, на основаніи общихъ правилъ, установленныхъ дисциплинарнымъ уставомъ. Изъятія изъ сего опредѣлены въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, и затѣмъ слѣдуютъ именно статьи, содержаніе которыхъ мы только что изложили.

Вторая статья 181 говоритъ: правила, означенныя въ 173—180 ст., не измѣняютъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ военно-судебныя

должностныя лица должны находиться къ главному начальнику военнаго округа наравнѣ со всѣми военнослужащими, на основаніи св. воен. пост. 1869 г. II. 5.

Эти двѣ статьи прямо противорѣчатъ всему изложенному въ законѣ и въ законодательныхъ работахъ;—181 статья прямо противорѣчитъ тому, что напечатано выше на стр. 73—74,—совершенно безсодержательны, потому не могутъ имѣть никакого значенія при правильномъ ихъ примѣненіи, и вредны потому, что могутъ вызвать вольныя и невольныя искаженія смысла ихъ разными дѣятелями. Въ послѣднее время предполагается реорганизація военно-судебныхъ учрежденій на началахъ прямо противоположныхъ тому, что изложено въ приведенныхъ нами выдержкахъ изъ законодательныхъ работъ, и думаютъ направить новую реформу судебныхъ учрежденій къ подчиненію ихъ военному начальству. Теперь на всѣ лады повторяютъ фразы, что военные суды удалились отъ войскъ, что нужно уничтожить это разобщеніе, сблизить суды съ войсками, для потребностей которыхъ суды собственно и существуютъ.

Статьи 172 и 181 ст., ставятъ дѣло въ такое положеніе, что между чиномъ судебнаго вѣдомства и всякимъ другимъ офицеромъ нѣтъ разницы, что нѣтъ особой самостоятельности какую хотѣли придать судебному вѣдомству. Вѣдь для каждаго офицера, во-первыхъ опредѣлены прямые начальники и въ дисциплинарномъ уставѣ есть статья, гдѣ сказано, что никто кромѣ прямаго начальника не имѣетъ права наказывать, а затѣмъ въ томъ же дисциплинарномъ уставѣ существуютъ 56, 57 статьи, которыя даютъ право всякому старшему, въ извѣстныхъ случаяхъ указывать, приказывать, наказывать, арестовать младшаго. Точно также и въ военно-судебномъ уставѣ, если взять нераздѣльно статьи 172—181, окажется, что статьи 173—180 опредѣляютъ прямыхъ начальниковъ, а затѣмъ 172 и 181 статьи подчиняютъ лицъ судебнаго вѣдомства дѣйствію 56, 57 статей дисциплинарнаго устава, и всякій чинъ

судебнаго вѣдомства въ извѣстныхъ случаяхъ становится въ подчиненное положеніе и можетъ быть арестованъ всякимъ старшимъ, можетъ получить отъ старшаго наставленіе, указанія какъ слѣдуетъ себя вести. Многіе, весьма многіе изъ военно-судебнаго персонала такъ и смотрятъ на дѣло. Но это совершенно неосновательно; гдѣ же тогда независимость судовъ? Разъ въ законѣ сказано, что взысканія дисциплинарныя на лицъ судебнаго вѣдомства могутъ налагать *только* извѣстныя лица и учрежденія, понятно, что никто другой наложить взысканіе, или стать къ нимъ въ положеніе начальника не можетъ. Если законъ прямо говоритъ, что съ чина судебнаго вѣдомства можетъ взыскать *только* главный военный, или военно-окружный судъ, министръ или предсѣдатель суда, военный прокуроръ, или главный военный прокуроръ, то тутъ уже мы имѣемъ не частности, а прямую замѣну всѣхъ правилъ дисциплинарнаго устава; значитъ—никто, ни самъ начальникъ округа, ни комендантъ, ни кто другой не могутъ наложить на чина судебнаго вѣдомства дисциплинарнаго взысканія ни въ какомъ случаѣ; разъ сказано кто только можетъ наложить взысканіе, то этимъ сказано положительно и кто не можетъ. Если каждый старшій имѣлъ бы право наказать чина военно-судебнаго вѣдомства, посадить его подъ арестъ, и еслибъ чинъ военно-судебнаго вѣдомства могъ бы оказать неповиновеніе всякому старшему на основаніи 56, 57 ст. ст. XXIII кн. св. воен. пост., то это противорѣчило бы принципу самостоятельности чиновъ судебнаго вѣдомства, осуществленному въ статьяхъ 173—180 XXII кн. С. В. П., и основаніямъ, высказаннымъ въ законодательныхъ мотивахъ, въ силу которыхъ чины военно-судебнаго вѣдомства и за преступленія и проступки, не касающіеся обязанностей по должности, должны подвергаться взысканіямъ: — предсѣдатели и постоянные члены военныхъ судовъ по опредѣленію военнаго министра, чины прокурорскаго надзора—только своего начальства, а остальные чины военно-судебнаго вѣдомства, не исключая и военныхъ слѣдователей,—пред-

сѣдателями военныхъ судовъ. Отступленіе отъ этихъ правилъ и непосредственное подчиненіе предсѣдателей и членовъ военныхъ судовъ и военныхъ слѣдователей мѣстному начальству послужило-бы нарушеніемъ основной мысли о предоставленіи военнымъ судамъ «самостоятельности».

Мы знаемъ, что просто трудно найдти причину, поводъ, въ силу которыхъ начальникъ округа могъ бы проявить свою власть въ отношеніи судебнаго вѣдомства, такъ же какъ и надъ другими вѣдомствами. Другимъ вѣдомствамъ начальникъ округа можетъ приказать какъ поступить, какъ дѣйствовать, въ чемъ они дурно поступаютъ, потребовать отъ нихъ отчета, распорядиться обревизовать ихъ, имѣть за ними наблюденіе, принимать на нихъ жалобы; начальникъ округа рѣшаетъ окончательно увольненіе офицера изъ службы въ дисциплинарномъ порядкѣ, представляетъ къ наградамъ. Все это слѣдуетъ изъ цѣлой II кн. св. воен. пост., на которую сдѣлана ссылка въ 181 ст. XXIV кн., св. воен. пост.; собственно же ст. 5, на которую указано въ 181 ст. XXIV кн. не имѣетъ никакого опредѣленнаго содержанія, и вовсе не видно какія именно права она даетъ начальнику округа. А въ военно-судебномъ вѣдомствѣ что же подобнаго можетъ сдѣлать начальникъ округа? Приказать рѣшить дѣло такъ или иначе, дать выговоръ суду, защитнику или прокурору за такой, или другой образъ дѣйствій, за такой или другой приговоръ; потребовать отчета отъ суда, почему онъ поступилъ такъ или иначе? Мы знаемъ, что рѣшаться на подобныя дѣйствія позволяли себѣ начальники округовъ, что многіе военно-судебные дѣятели считаютъ, что начальники округовъ дѣйствовали тогда по закону, согласно 172 и 181 ст. XXIV кн. С. В. П., но мы думаемъ, что если все это возможно въ отношеніи любаго изъ вѣдомствъ, то въ отношеніи военнаго суда все это является превышеніемъ власти, крайнимъ беззаконіемъ. Поэтому мы думаемъ, что 172 и 181 ст. XXIV кн. св. воен. пост., какъ не имѣющія содержанія, совершенно лишнія.

Такую-то сбивчивость; такую неправильность въ организацію военнаго суда вносятъ 172 и 181 ст. ст. XXVI кн. С. В П.; существованіе этихъ статей доказываетъ ту неискренность, съ которою у насъ взялись за судебную реформу; потому-то и понадобилось составителямъ уставовъ оставить выходы, черезъ которые всегда, когда бы только захотѣли, можно было парализовать ненавистную самостоятельность судовъ.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись судебные дѣятели къ своимъ правамъ, какъ они ихъ понимаютъ; удержали ли они ихъ за собою, какъ отстаивали ихъ, или же продали ихъ, какъ продалъ Исавъ Іакову свои права—за чечевичную похлебку.

Независимо того непремѣнное условіе справедливости суда, есть коренное основаніе уваженія и довѣрія, которыя можетъ питать общество къ суду; не будетъ независимости суда отъ начальства, не будетъ и суда, будутъ только ширмы, прикрывающія произволъ, будетъ только для произвола предлогъ въ свое оправданіе ссылаться: «такъ судъ рѣшилъ, значитъ — вѣрно», популярность не будетъ удѣломъ такихъ ширмъ; не только общество не будетъ уважать такіе суды, но самимъ судьямъ будетъ тяжело влачить свое жалкое существованіе. Справедливость должна быть единственною цѣлью судей и судовъ, а справедливость возможна только при независимости судей; судьи обязаны хранить свою независимость не изъ личнаго интереса, они обязаны ее хранить ради интересовъ общественныхъ; судьи не имѣютъ права поступиться ни на волосъ въ своей независимости. Если судьи высоко нравственны, высоко образованы, то въ нихъ твердо должно быть сознаніе, что они существуютъ только ради общества, и что служеніе обществу только и возможно при независимости суда.

Наши судьи далеки отъ желаннаго положенія, и многіе изъ судей и военныхъ прокуроровъ въ окружныхъ штабахъ приносятъ въ жертву свою независимость, свои права и за это въ возвратъ по-

лучаютъ награды, деньги, пособія на леченіе, даровую прислугу въ видѣ вѣстовыхъ и т. д.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на военнаго судью Ак., который представленъ былъ въ генералы отъ военнаго округа; на военнаго судью Г., который по мановенію бровей Д. упряталъ бы кого угодно, куда бы то ни приказали; на Мор. Вел. Ст.; на п. С., который молилъ штабъ о подаяніи и успѣлъ получить 500 руб. на поѣздку заграницу; на Мар. и много другихъ, имъ же нѣсть числа. Для того, чтобъ по наружности, какъ нибудь, прикрыть забвеніе единственной цѣли суда—справедливости, придумали весьма странную форму: цѣль военнаго суда есть справедливость и соблюденіе интересовъ военной службы. Мартыновъ, въ изданномъ имъ проэктѣ, говоритъ: «не слѣдуетъ забывать, что суды военные имѣютъ своей задачей не только идею справедливости, но и другую, не менѣе важную задачу,—охраненіе воинской дисциплины и интересовъ военной службы». Не знаешь чему удивляться непониманію дѣла съ какимъ написана эта фраза, или, быть можетъ, безцеремонности человѣка, желавшаго угодить предполагаемымъ взглядамъ лицъ, для которыхъ проэктъ предназначался. Можно думать, что тутъ было и то и другое. Выходитъ, какъ будто справедливость существуетъ сама по себѣ, а военные интересы, военная служба сами по себѣ: но развѣ что бы то ни было имѣетъ право на существованіе помимо справедливости? Если военные интересы справедливы, то конечно они уже вошли, они уже обняты выраженіемъ: «задача суда есть справедливость». Если военные интересы не справедливы, если ихъ нужно упоминать рядомъ съ справедливостью, отдѣльно, тогда они ни въ какомъ случаѣ не могутъ составлять задачи военнаго суда. Тѣмъ не менѣе, фразы о военныхъ интересахъ являются въ настоящее время модными. Мартынову и Анисимову онѣ очень нравятся и они не разъ помѣщаютъ ее въ своемъ проэктѣ (стр. 19 и 28). Говорятъ, будто бы суды должны суще-

ствовать для арміи, а не армія для судовъ, какъ это, будто бы, было до сихъ поръ. Можемъ увѣрить, что такъ не было до сихъ поръ, а затѣмъ суды не должны существовать только для арміи; пора же наконецъ понять, что и сама армія существуетъ ни для кого больше, какъ для общества, и военные суды тоже существуютъ для общества, для проведенія, осуществленія, поддержанія правды въ части общества—арміи, и больше ни для чего иного.

Среди судебнаго персонала постоянно слышны жалобы на карьеру, на то, что у судей нѣтъ карьеры, на судьбу, раскаяніе въ томъ, что оставили другое поприще, на которомъ, будто бы, непремѣнно звѣзды небесныя скатились бы на ихъ плечи и грудь. Самолюбіе судей забавляется игрою въ почетъ, причемъ они выдумываютъ самыя странныя понятія о дисциплинѣ; судьи стремятся всѣ отношенія, возникающія и развивающіяся среди лицъ военно-судебнаго персонала, самыя причудливыя притязанія, оправдывать искажаемою ими дисциплиной; независимость, проявляемая другими, не даетъ имъ спокойствія. Уступая свою независимость передъ сильными, вознаграждаютъ себя, давя тѣхъ, кто ниже стоитъ. Связь между тѣмъ и другимъ такъ тѣсна и такъ общеизвѣстна! Военные судьи равны между собою, но разъ кто нибудь попадаетъ въ генералы, онъ уже ищетъ въ дисциплинѣ какихъ нибудь рудій, для того чтобъ превознестись передъ вчерашними товарищами по чину.

Вопреки извѣстному принципу, что предсѣдатель есть prima inter pares, среди нашихъ судей, при всякомъ случаѣ, предсѣдатели и предсѣдательствующіе являются узурпаторами главенства, начальства, а младшіе охотно, безъ сопротивленія принимаютъ подчиненное положеніе. Въ этомъ случаѣ оказываетъ помощь 172 статья, въ силу которой, и ссылаясь на общій дисциплинарный уставъ, на ст. 54 XXIII св. воен. пост. утверждаютъ, что разъ собираются два военныхъ, то старшій изъ нихъ, по производству даже, является

начальникомъ младшаго; узурпаторовъ не смущаетъ даже и то, что въ дисциплинарномъ уставѣ и въ рѣшеніи главнаго военнаго суда 1875 года № 276 сказано, что приведенное правило примѣнимо только тогда, когда права, встрѣчающихся за однимъ и тѣмъ же дѣломъ, не опредѣлены точно закономъ; съ другой стороны подчиняющіеся не думаютъ этимъ пользоваться вслѣдствіе того, что они не привыкли, служа въ арміи, къ самостоятельности, независимости. Такимъ образомъ мы знаемъ изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1871 года № 44, что предсѣдатели военно-окружныхъ судовъ считаютъ себя вправѣ отмѣнять, сдѣланныя предсѣдательствовавшими въ засѣданіи суда по какому-либо дѣлу членами суда, распоряженія по этому дѣлу и главный военный судъ былъ вынужденъ объяснить, что право, присвоенное предсѣдателями, принадлежитъ только главному военному суду. Съ другой стороны мы знаемъ вотъ что: въ К. военномъ судѣ по дѣлу рядоваго П., участвовавшій въ засѣданіи прокуроръ, согласно рѣшенію кассаціоннаго департамента сената 1869 г. № 997, заявилъ, что помощникъ секретаря суда Р. не можетъ быть защитникомъ, какъ служащій въ томъ же судѣ. Предсѣдательствовавшій судья П., не отъ имени суда, а отъ самаго себя, заявилъ, что помощникъ секретаря является правоспособнымъ защитникомъ, такъ какъ назначеніе его защитникомъ сдѣлано предсѣдателемъ суда, а распоряженія предсѣдателя суда, сдѣланныя внѣ судебнаго засѣданія не могутъ быть отмѣняемы въ судебномъ засѣданіи суда. Такимъ образомъ судъ, который долженъ держаться одного закона, не долженъ стѣсняться распоряженіемъ какой бы то ни было власти, имѣетъ право разбирать, отмѣнять распоряженія всякихъ властей, если они незаконны, торжественно заявилъ, что онъ безусловно, безъ критики, какъ подчиненный, подчиняется распоряженію предсѣдателя, состоявшемуся внѣ суда, до суда; чего еще больше?

Тотъ-же судья П. засѣдалъ съ предсѣдателемъ г.-м. С. по дѣлу, въ которомъ судъ призналъ обвиняемаго виновнымъ, но

заслуживающимъ снисхожденія и предсѣдатель, составляя приговоръ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, измыслилъ причины снисхожденія; П. нашелъ, что это не тѣ причины, которыя судъ на самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду, и подалъ особое мнѣніе. С., чтобъ избавиться отъ безпокойнаго *подчиненнаго*, чтобъ его успокоить, безъ долгихъ разговоровъ не принялъ особаго мнѣнія, а П. только сказалъ: «какъ вашему превосходительству будетъ угодно», и особое мнѣніе подверглось участи всѣхъ ненужныхъ бумагъ.

Начальникъ земской стражи въ В. уѣздѣ, не то прапорщикъ, не то поручикъ М. пожаловался своему губернатору на то, что будто бы въ засѣданіи по одному дѣлу, въ которомъ земская стража представляла потерпѣвшую оскорбленіе сторону, судъ глумился надъ стражей. Губернаторъ заступился за своихъ подчиненныхъ и представилъ жалобу высшей власти; высшая власть передала жалобу въ судъ, требуя объясненій, почему было допущено глумленіе надъ земской стражей. Временно и. д. предсѣдателя вмѣсто настоящаго, больнаго, полковникъ Ак. требуетъ отъ судьи предсѣдательствовавшаго въ засѣданіи по дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, полковника К., чтобъ онъ далъ объясненіе ему, предсѣдателю. К. ходитъ по суду испуганный, всѣмъ выражаетъ опасеніе за свою карьеру и пишетъ пространное объясненіе предсѣдателю; тогда какъ по закону такого объясненія могъ бы потребовать отъ него только министръ, или главный военный судъ. А. въ свой чередъ оправдывается передъ генералъ-губернаторомъ, который милостиво оставляетъ дѣло безъ послѣдствій.

А сколько приказовъ, сколько приказовъ сыплется отъ предсѣдателей, по «подвѣдомымъ» имъ судамъ! Точно по гарнизону города Глупова; тутъ встрѣтите приказанія, въ родѣ того, чтобъ подчиненные были коротко острижены и т. п.

Предсѣдатели въ приказахъ ставятъ членамъ суда на видъ ихъ дѣянія, дѣлаютъ замѣчанія. Предсѣдатели забываютъ законъ, и вмѣ-

сто закона ставятъ свои властныя усмотрѣнія. Проситъ защитникъ напр. разрѣшенія разсматривать дѣло для приготовленія къ защитѣ и предсѣдатель А., игнорируя законъ, отвѣчаетъ письменно: «разрѣшаю; кромѣ двухъ послѣднихъ дней передъ засѣданіемъ». Предсѣдательствующіе ведутъ себя въ публичныхъ засѣданіяхъ какъ истые начальники и руководствуются своими усмотрѣніями, какъ бы они не противорѣчили закону. Вздумается предсѣдателю, что защитникъ предлагаетъ свидѣтелю вопросы затруднительные и предсѣдатель разрѣшаетъ не отвѣчать на нихъ; но главный военный судъ, къ счастью, разъяснилъ, что такіе предсѣдатели нарушаютъ 715, 716 и 719 ст. ст. XXIV кн., на основаніи которыхъ подсудимому должны быть предоставлены предсѣдателемъ всевозможныя средства оправданія и предсѣдатель долженъ направлять ходъ дѣла въ порядкѣ наиболѣе способствующемъ раскрытію истины. Во время засѣданія предсѣдательствующіе громко выражаютъ свое мнѣніе о дѣлѣ, чѣмъ конечно вліяютъ на предрѣшенія этихъ дѣлъ въ умахъ временныхъ членовъ, а между тѣмъ по смыслу 714, 749, 752, 753 ст. ст. XXIV ·св. воен. пост. предсѣдателю не разрѣшается выражать на судѣ мнѣнія своего относительно значенія того или другаго изъ обстоятельствъ дѣла, обсужденіе коихъ въ ихъ совокупности принадлежитъ цѣлому составу суда (р. главн. воен. суда, 1875 г, № 243). Изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1880 г. № 36 видно напр., что предсѣдательствующій, во время перерыва судебнаго засѣданія, находясь возлѣ комнаты, въ которой находились свидѣтели и дверь которой была открыта, высказывалъ свой взглядъ на дѣло, называя его *сальнымъ*. Свидѣтелю вздумается, что вопросы защитника выражаютъ какое-то пристрастіе и онъ перестанетъ давать отвѣты защитнику, предсѣдательствующій вмѣсто того, чтобъ внушить свидѣтелю его обязанность давать отвѣты, разрѣшаетъ ему вовсе не отвѣчать.

Предсѣдательствующіе любятъ распоряжаться, какъ имъ вздум-

мается, а затѣмъ имъ и законъ не свой братъ. Что имъ публика, представительница того общества, во имя котораго, для котораго отправляется правосудіе? Случилось такъ, что судъ засѣдалъ въ такъ расположенномъ помѣщеніи, что суду нужно было, удаляясь для совѣщаній, проходить изъ залы засѣданія чрезъ нѣсколько комнатъ канцеляріи, и потому предсѣдательствовавшій въ судѣ, чтобъ не безпокоить себя, когда нужно было обсудить требованіе прокурора о прочтеніи надписи, имѣвшейся въ дѣлѣ, распорядился удалить изъ залы засѣданія публику, прокурора, секретаря и защитника, а самъ остался совѣщаться съ судьями въ залѣ засѣданія (рѣш. главн. воен. суда 1876 г. № 170).

Предсѣдатели весьма нецеремонны съ сторонами, съ защитниками. Поведеніе защитника не нравится предсѣдателю А. и онъ говоритъ защитнику: «я прикажу васъ выгнать вонъ изъ залы (рѣш. главн. военн. суда 1875 г. № 1). Впрочемъ такъ позволяютъ себѣ поступать предсѣдатели только съ кандидатами на военно-судебныя должности, являющимися защитниками, т. е. съ людьми, съ которыми отношенія успѣли опошлиться вслѣдствіе частыхъ безпрерывныхъ сношеній; съ людьми новыми, присяжными повѣренными, изрѣдка появляющимися защитниками въ военныхъ судахъ, предсѣдательствующіе обращаются иначе; тутъ возбуждается любопытство,—любопытство дикаря, смущеніе дикаря, мало образованнаго передъ чѣмъ-то новымъ, неизвѣданнымъ; робость эта, смущеніе вовсе не зависятъ отъ превосходства присяжныхъ повѣренныхъ надъ кандидатами; какъ бы ни было незначительно, безсодержательно, проповѣдуемое присяжнымъ повѣреннымъ, все то выслушивается съ глубокимъ вниманіемъ, такъ и видишь какъ судья обратился въ слухъ, какъ его внѣшность походитъ на внѣшность ученика, слушающаго знаменитаго учителя. Какъ-то намъ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ предсѣдательствующій, услышавъ въ устахъ *своего* слово «сюрпризъ», замѣтилъ ему: «не употребляйте тривіальныхъ выраженій»; впослѣдствіи

предсѣдательствующій объяснялъ, что онъ употребилъ слово «тривіальныхъ» случайно, что онъ хотѣлъ сказать «иностранныхъ»; пусть такъ, можетъ быть и впрямь у предсѣдателя языкъ запутался о зубы въ его рту, но вотъ что интересно; вскорѣ тотъ же предсѣдательствующій слушалъ присяжнаго повѣреннаго съ раскрытымъ ртомъ, когда тотъ въ своей рѣчи нанизывалъ иностранныя слова.

Сказанное нами сейчасъ, думаемъ, въ порядкѣ вещей; просимъ только читателя вспомнить сказанное, когда мы будемъ говорить объ уровнѣ образованія судей; тамъ разгадка сказаннаго.

Предсѣдатели распоряжаются произвольно процессомъ; имѣютъ они законное право отложить процесъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и вотъ этимъ правомъ пользуются произвольно для различныхъ цѣлей, ничего общаго съ законными неимѣющихъ. Такимъ образомъ во временномъ военномъ судѣ въ Новгородѣ оказалось по одному дѣлу, что помощникъ военнаго прокурора, по оплошности, не вызвалъ свидѣтеля потерпѣвшаго; неловко дѣлается на судѣ обвиненію и предсѣдательствующій умудряется; обвиняемый дѣлаетъ вздорное заявленіе, что грабежъ, въ которомъ онъ обвиняется, совершенъ однимъ изъ свидѣтелей, предсѣдательствующій спѣшитъ объявить, что въ дѣлѣ является новое обстоятельство и прерываетъ засѣданіе по 735 ст. XXIV кн. Недѣли черезъ двѣ тоже дѣло является на судѣ, безъ всякихъ добавленій, съ тою только разницею, что число свидѣтелей увеличилось на одного—потерпѣвшаго отъ преступленія.

Постоянные члены, предсѣдательствуя въ судахъ, деспотически командуютъ временами военными судьями, въ этомъ отношеніи есть цѣлая масса судей, пріобрѣвшихъ себѣ печальную извѣстность въ этомъ отношеніи: Ст., Гро, А. (о Ходкевичѣ) и др. Какъ только временные судьи не согласны съ ихъ мнѣніемъ, они собираютъ голоса по нѣсколько разъ, предупреждаютъ временныхъ судей, что не отпустятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ рѣшено правильно, то есть такъ, какъ имъ, предсѣдательствующимъ, угодно; и въ этомъ отношеніи они по-

зволяютъ себѣ еще опираться на законъ, требующій, чтобъ судьи склоняли свои мнѣнія къ единогласію. Но, конечно, во-первыхъ, это только желаніе закона, а не обязательность; законъ знаетъ же раздѣленіе голосовъ на два и на три мнѣнія; во-вторыхъ, «склонять» мнѣніе судей позволительно пока не послѣдовало голосованіе; разъ голосованіе послѣдовало — не позволительно, конечно, перерѣшать дѣло, вновь голосовать, и повторять это голосованіе до тѣхъ поръ, пока не получится то, что угодно предсѣдательствующему; это уже не склоненіе мнѣній къ единогласію, а вымучиваніе, вымогательство извѣстныхъ рѣшеній.

Законъ нашъ, излагая ходъ процесса, нигдѣ не даетъ рѣшительнаго значенія предсѣдательствующему, но судьи отступили отъ этого и главный военный судъ наталкиваетъ на такое отклоненіе отъ закона и старается поставить предсѣдательствующаго превыше всѣхъ.

Такимъ образомъ, на основаніи закона (ст. 819 и 825), вопросы ставятся военнымъ судомъ; это очевидно изъ сопоставленія 819 съ послѣдующими статьями. Въ 819 говорится, что вопросы предлагаются предсѣдательствующимъ, затѣмъ идетъ рядъ статей опредѣляющихъ, какъ ставятся вопросы, что должно быть ихъ предметомъ, что вліяетъ на ихъ видоизмѣненіе, и наконецъ говорится, что по установленіи вопросовъ, вопросный листъ подписывается предсѣдателемъ. Изъ этого ясно, что на основаніи закона, вопросы ставятся не однимъ предсѣдателемъ, а всѣмъ составомъ суда, иначе законъ въ 819 ст. вмѣсто слова «предлагаются», употребилъ бы «ставятся»; предсѣдатель предлагаетъ вопросы не подписанными, потому, что вопросы имъ предложенные еще могутъ быть измѣнены судомъ. Затѣмъ слова *«по установленіи»* употреблены въ томъ смыслѣ что вопросы разсматриваются, обсуждаются, соглашаются судомъ съ правилами установленными въ 820—824 ст.; иначе вся статья 825, если бы вопросы не дебатировались судомъ, была-бы лишнею; только тогда, когда судъ продебатируетъ вопросы, когда онъ ихъ установитъ, вопросы эти являются окон-

чательными и предсѣдателемъ подписываются. Но главный военный судъ нарушилъ такой простой смыслъ закона, нарушилъ его въ духѣ увеличенія власти предсѣдательствующихъ и, значитъ, противъ основаній процесса. Главный военный судъ объяснилъ положительно по дѣлу казака Якова Щепотьева, въ 1881 году, что постановка вопросовъ составляетъ исключительное право предсѣдателя и остальные члены суда, въ случаѣ несогласія съ постановкой вопросовъ, могутъ свободно излагать свое мнѣніе въ, даваемыхъ ими на вопросы, отвѣтахъ. Очевидно, что ставить вопросы, или выражать несогласіе съ постановкой вопросовъ въ отвѣтахъ двѣ вещи разныя и извѣстная постановка вопросовъ можетъ такъ исказить все дѣло, что никакими прибавками его не поправить. Главный военный судъ, ломая законъ, придаетъ предсѣдательствующему такое первенство, такую власть, отъ которой законъ всегда удерживается.

Со всѣхъ сторонъ и все клонитъ судей къ тому чтобы они больше и больше забывали свое призваніе, и, отправляя правосудіе, смотрѣли бы на себя какъ на военныхъ командировъ, въ судѣ распоряжались-бы какъ на ученьи, въ бою. Военному суду наряжается почетный караулъ, въ которомъ не нуждается, и безъ котораго обходится гражданскій судъ; извѣстно, что почетные караулы назначаются въ особенно торжественныхъ случаяхъ, лично высокимъ военнымъ начальникамъ. Солдатъ Кирилюкъ напр., между прочимъ обвинялся (дѣло его разсматривалось 16 мая 1878 года въ К., П.), въ томъ, что не подписалъ своего показанія даннаго имъ передъ полковымъ судомъ. Судъ требовалъ подписи, Кирилюкъ отказался и вышло неповиновеніе — совсѣмъ, какъ передъ начальствомъ. И для чего эта подпись; еслибъ понимали сущность, значеніе суда, то не требовали-бы подписи, если Кирилюкъ не хотѣлъ ее дать; не плодили-бы преступленій. И безъ собственной подписи Кирилюка протоколъ, подписанный судьями, имѣлъ-бы всегда полную силу. Солдатъ объявляетъ передъ начальникомъ, что не хочетъ служить и его об-

виняютъ въ неповиновеніи; точно также оказываетъ неповиновеніе по нашей судебной практикѣ солдатъ, заявляющій передъ судомъ, что онъ не хочетъ служить. (Рѣшенія главнаго военнаго суда 1875 г. №№ 60, 107, 285). Опять судъ начальство; хотя бы замѣтили противорѣчіе, въ которое впадаютъ; ибо если солдатъ оскорбитъ судъ словами, то такого солдата судятъ не какъ за оскорбленіе начальника, а за оскорбленіе присутственнаго мѣста по 282 ст. уложенія; 282 ст. опредѣляетъ болѣе строгое наказаніе, чѣмъ 97 ст. XXII кн. свод. военн. пост. за оскорбленіе начальника словами, такъ зачѣмъ же дарить солдату этотъ излишекъ? а то, что судъ одинъ разъ высматриваетъ, какъ присутственное мѣсто, а другой разъ, какъ начальникъ, что же въ томъ за бѣда. Военные интересы, военная служба требуютъ строгихъ наказаній и этого достаточно.

Смыслъ сдѣланныхъ нами сейчасъ указаній въ томъ, что военный судъ, судьи стараются какъ можно больше захватить себѣ власти, надъ тѣми кто имъ не только не подчиненъ, но и равенъ, а извѣстно, что всѣ такіе, наоборотъ не умѣютъ, не пытаются ограждать своихъ правъ отъ покушеній со стороны другихъ сильныхъ распоряжающихся наградами, раздачею матеріальныхъ благъ.

Извѣстное дѣло напр., что начальники округовъ стараются пользоваться 181 ст. XXII кн. св. воен. пост. и накладываютъ руку на судей, но извѣстны только два случая, когда судьи съ достоинствомъ защищали себя противъ начальниковъ округовъ Г. М. и П., считавшихъ себя вправѣ *наказывать* военныхъ судей за неотданіе имъ чести и т. д. Вообще же у самыхъ судей преобладаетъ общее убѣжденіе, что военные судьи подчинены начальникамъ округовъ, что ихъ могутъ третировать всѣ высшіе генералы, наравнѣ со всѣми. Вопросы объ отношеніи судей къ высшимъ военнымъ начальникамъ дебатировались въ распорядительныхъ засѣданіяхъ судовъ и распорядительныя засѣданія спѣшили заявить, что считаютъ за честь стоять

къ начальникамъ округовъ и т. п. въ такихъ же отношеніяхъ какъ и всѣ строевые.

Судьи забываютъ и статьи XXIV кн. св. военн. пост. приведенныя нами, подчиняющія ихъ только министру и главному военному суду, и общія законодательныя соображенія о независимости судовъ.

Судьи наши особенно не любятъ восходить къ общимъ принципамъ, и потому что имъ до того, что самъ законодатель торжественно заявилъ, что независимость судовъ есть условіе sin qua non справедливости судовъ. Судьи умѣютъ запоминать однѣ только отдѣльныя статьи, на которыя къ тому же имъ укажутъ другіе, и понимать ихъ, безъ взаимной связи. Мелкіе, тщеславные судьи, готовы носить цѣпи которыя на нихъ надѣваетъ ложно понимаемая дисциплина; они привыкли переходить въ небытіе передъ старшими; по своей слабости, неприготовленности къ какого бы то ни было рода дѣятельности, они не могутъ стоять иначе и оставляютъ себѣ въ утѣшеніе, что и имъ не только не помѣшаютъ, но помогутъ угнетать слабѣйшихъ.

Бывали случаи, что судей призывали къ себѣ начальники округовъ (Д. и К.) и давали имъ выговоры за постановленныя ими рѣшенія, обвиняли въ дурномъ образѣ мыслей защитниковъ изъ военныхъ, за ихъ защиты на судѣ,—защиты, въ которыхъ судъ и предсѣдательствовавшіе въ судахъ не усматривали ничего невозможнаго. Но не однимъ начальникамъ округовъ поддаются судьи; любому важному генералу захочется прочесть судьямъ нотацію за ихъ, будто бы, недостаточно дисциплинированный духъ и судьи готовы выслушать назиданіе. Въ К. заѣхалъ для чего-то, съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ во время послѣдней войны ген. К., а можетъ быть и для чего другаго; толковали только, что онъ присланъ былъ разузнать духъ и настроеніе войскъ, оставшихся въ Россіи; вообще много толковали, много страху натерпѣлись, пока гроза не проѣхала; вѣрно только то, что въ одинъ прекрасный день отъ ген. К. прислано было требованіе, чтобъ предсѣдатель суда и прокуроръ явились передъ нимъ какъ листъ передъ травой, и никто не

доискивался, что за генералъ, откуда, какія права имѣетъ, на какомъ основаніи требуетъ, а оба потребованные въ назначенный часъ были въ указанномъ мѣстѣ. И чтоже? и предсѣдатель и прокуроръ, наравнѣ съ другими начальниками частей, почтительно выслушали неудовольствіе генерала, что ихъ подчиненные не съ должной граціей подъ козырекъ дѣлаютъ; вообще не соблюдаютъ дисциплины. Кто такіе подчиненные, гдѣ? ничего не ясно, не объяснено. Достаточно, что таково было впечатлѣніе генерала, вынесенное имъ изъ нѣсколькихъ дней пребыванія въ К. и его заведеніяхъ. И такой репримандъ выслушали кто же? предсѣдатель и прокуроръ, которые должны сами лучше всѣхъ строевыхъ понимать дисциплину, на судѣ оцѣнивать взгляды самихъ генераловъ, и въ случаѣ надобности осудить эти пониманія. Очевидно, что мириться съ такимъ своимъ положеніемъ могутъ только судебные дѣятели уже очень податливые, не понимающіе своего значенія.

Въ военн. судѣ въ 1881 г., весною, разсматривалось дѣло З и разсматривалось при открытыхъ дверяхъ. Черезъ нѣсколько времени поступилъ въ судъ запросъ отъ начальника округа: какъ смѣли разсматривать дѣло при открытыхъ дверяхъ. Конечно, это было превышеніе власти начальника округа, это было посягательство на независимость суда, давленіе на судъ; но чтоже? возвысилъ ли судъ свой голосъ, высказалъ ли самостоятельность? Ничуть не бывало. Судъ запросилъ пощады у начальника округа, и обѣщалъ, что впередъ будетъ стараться. Нужно знать какія были послѣдствія запроса начальника округа. Предстояло затѣмъ разсматривать дѣло о музыкантахъ пѣхотнаго полка, побившихъ офицера М., который являлся въ дѣлѣ весьма въ скандальномъ положеніи, въ грязномъ видѣ. Нарушеніе дисциплины было громкое, грязи было много, но все таки изъ-за этого стульевъ не стоило ломать, не стоило дверей запирать. Однакоже за нѣсколько дней до разсмотрѣнія дѣла членъ суда К., которому предстояло предсѣдательствовать, забилъ тревогу и сталъ

агитировать о необходимости закрыть двери зала засѣданія. К. представили малое достоинство его поведенія, всю важность нарушенія гласности судопроизводства, и тогда онъ успокоился. Другой судья, вскорѣ послѣ запроса штаба по дѣлу З., предсѣдательствовалъ по дѣлу писаря управ. в. уѣз. воинскаго начальника Т., обвиняемаго въ упускѣ арестанта, и въ этомъ дѣлѣ помощнику прокурора оберъ-офицеру приходились допрашивать свидѣтеля полковника, и оберъ-офицеръ сопровождалъ свои вопросы приличными жестами; напуганный предсѣд. Ч. вообразилъ, что капитанъ нарушаетъ дисциплину и замѣтилъ это ему, чего, не будь запроса по дѣлу З, не сдѣлалъ бы предсѣдатель, да и раньше того на дѣлалъ. Между тѣмъ стали поговаривать о томъ, что имѣютъ въ виду провести общую мѣру, чтобъ всѣ дѣла о нарушеніи дисциплины разсматривались бы при закрытыхъ дверяхъ, но не было еще официально извѣстно объ такихъ замыслахъ. Пришлось однако разсматривать дѣло о писарѣ Т. полка Н., который оскорбилъ офицера Г.—Г. являлся въ дѣлѣ совершенно приличнымъ, не то что М. въ дѣлѣ съ музыкантами; а между тѣмъ забили тревогу, и на спискѣ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію, прокуроръ отмѣтилъ, что дѣло Н. будетъ разсматриваться при закрытыхъ дверяхъ; сдѣлалъ у себя на дѣлѣ о томъ отмѣтку для памяти и предсѣдатель. Помощникъ прокурора, которому приходилось приводить дѣло на судѣ, выразилъ недоумѣніе, почему дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ, и въ послѣднюю минуту, видя несочувствіе помощника прокурора, предсѣдательствующій измѣнилъ свое мнѣніе и дѣло прошло при открытыхъ дверяхъ. Странно было закрывать двери засѣданія на дѣло Н., когда незадолго передъ тѣмъ дѣло музыкантовъ и М., прошло при открытыхъ дверяхъ; но ужъ такъ подѣйствовалъ на судей слухъ о томъ, что вверху думаютъ закрыть двери для всѣхъ преступленій по нарушенію дисциплины, и запросъ штаба.

Судъ, дѣйствующій именемъ Государя, судъ, никому не подчиненный кромѣ главнаго военнаго суда, судъ независимый, судъ, база-

лось бы, справедливый, для котораго не должно существовать вліяній, судъ, въ которомъ всѣ безъ исключенія подчиняются распоряженіямъ предсѣдательствующаго, судъ, вниманіе котораго должно быть всецѣло поглощено разсматриваемымъ дѣламъ, судъ непрерывный, такой судъ долженъ стараться свою сущность выказывать на внѣшности, потому не долженъ вставать, прерывать свои занятія развлекаться при входѣ въ зало засѣданія начальника военнаго округа. Какой же гражданскій судъ встанетъ передъ, какъ бы ни было высоко поставленной, личностью?

А между тѣмъ мы были свидѣтелемъ, что при разсмотрѣніи въ К. судѣ дѣла о трехъ офицерахъ Б. Т. и К., въ зало засѣданія вошелъ начальникъ округа и весь судъ поднялся со своихъ мѣстъ, какъ одинъ человѣкъ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока великій саповникъ тихимъ маніемъ руки не посадилъ судей на ихъ кресла.

Пропитанный ложно дисциплинарными пониманіями своего служенія, судъ рѣшаетъ дѣла, какъ то угодно начальству.

Въ 1873 году случилось такъ, что начальникъ К. округа остался весьма недоволенъ судомъ за снисходительный его приговоръ объ офицерѣ. Вскорѣ послѣ того дѣла, К. судъ разсматривалъ дѣло объ молодомъ офицерѣ, прапорщикѣ Д., обвинявшемся въ томъ, что онъ бывши начальникомъ караула, принялъ щедрое угощеніе отъ двухъ арестантовъ—С. и другаго. Оказалось на слѣдствіи, что офицеръ впалъ въ соблазнъ потому, что былъ голоденъ и взалкалъ. Напившійся и наѣвшійся офицеръ размягчился и отпустилъ арестантовъ въ публичный домъ. Слушать дѣло явился начальн. округа Д., чтобъ воочію убѣдиться, что дѣлается на судѣ; предсѣдатель суда С. захотѣлъ отличиться и постарался закатать Д., приговорилъ его на 4 года въ крѣпость. Нужно знать, что и временные члены суда, выходившіе изъ войскъ, стоявшихъ въ К. военномъ округѣ, были въ высшей степени надрессированы; такъ что когда эти войска ушли на войну, то, пришедшіе вмѣсто ихъ изъ В. военнаго округа, привели въ отчаяніе прокурора своею снисходительностью и непокорностью. Обвиненія, разсчитанныя

на прежній составъ, то и дѣло проваливались передъ новыми судьями, которымъ пришлось эти обвиненія разсматривать.

Мѣсяца черезъ два послѣ дѣла Д., К. военный судъ разсматривалъ дѣло о племянникѣ начальника мѣстныхъ войскъ К., офицерѣ Л., который обвинялся въ преступленіи, подобномъ преступленію Д. Разница была въ томъ, что Л. былъ человѣкъ не первой молодости, самъ напился, и напоилъ тѣхъ же, что напились при Д. арестантовъ— С., и др. и самъ ихъ выпустилъ на время изъ арестнаго помѣщенія. Судъ подъ предсѣдателемъ того же С. приговорилъ племянника къ заключенію въ крѣпости на $1^1/_2$ года.

Въ В. военно-окружномъ судѣ, еще до обнародованія положенія объ усиленной охранѣ 1881 года, былъ преданъ военному суду еврей за то, что оказалъ сопротивленіе городовому и оскорбилъ его. Для суда было составлено чрезвычайное присутствіе изъ однихъ полковниковъ. Сопротивленіе состояло въ томъ, что еврей не хотѣлъ запереть дверей кабака до окончанія службы въ церквахъ по случаю воскресенья; на судѣ оказалось, что городовой самъ зашелъ въ кабакъ до окончанія богослуженія, напился тамъ пьянъ и, разсердившись за что-то, вдругъ сталъ требовать отъ еврея, чтобъ тотъ закрылъ двери кабака до окончанія богослуженія, и этому-то требованію еврей не подчинился и оскорбилъ городоваго. Пьяный городовой, не желавшій платить за выпитую водку, свиснулъ, прибѣжали другіе городовые и несчастнаго жида потащили въ участокъ. На судѣ выяснилось, что городовой буйствовалъ, билъ жида, самъ городовой показалъ, что его били и оскорбили, но не самъ хозяинъ заведенія, а кто-то другой, кто?—онъ не замѣтилъ и потому назвать не могъ. Противъ обвиняемаго не было доказательствъ, обвинитель находился въ затруднительномъ положеніи, и спустилъ свое обвиненіе до того, что просилъ судъ по крайней мѣрѣ признать еврея виновнымъ въ томъ, что онъ открылъ торговлю ранѣе окончанія богослуженія въ церк-

вахъ. Судъ однакоже призналъ обвиняемаго виновнымъ въ неисполненіи законныхъ требованій полиціи и въ оскорбленіи городоваго, и приговорилъ его къ возможно строгому наказанію. Несправедливость приговора поразила всѣхъ, даже самихъ свирѣпыхъ судей—Ст. напр.; Ст. подошелъ къ одному изъ временныхъ судей, засѣдавшихъ по дѣлу, и началъ его усовѣщевать: «какъ же вы такъ несправедливо приговорили», но судья полковникъ гордо отвѣчалъ: «что же, развѣ вы думаете, что насъ, полковниковъ, даромъ звали; не для того насъ побезпокоили, чтобъ мы оправдали, а конечно для строгаго наказанія; а виновенъ ли онъ или нѣтъ, это намъ вовсе не нужно знать».

Солдатъ былъ преданъ суду; дѣло разсматривалось въ Новгородѣ, предсѣдательствовалъ М. и судъ склонялся къ оправданію обвиняемаго; но случайно въ составѣ суда находился членомъ, изъ того же полка что и обвиняемый, полковникъ К.; онъ держалъ такую рѣчъ передъ судьями, находившимися въ совѣщательной комнатѣ: хотя обвиняемый въ настоящемъ дѣлѣ и невиновенъ, но вы сдѣлаете зло, если выпустите его на свободу; это такой мерзавецъ, отъ котораго полковой командиръ не знаетъ, какъ избавиться и судъ обвинилъ его.

Хотя дѣло кончилось оправданіемъ по слѣдующему дѣлу, но оно для насъ важно въ томъ отношеніи, что оправданіе состоялось все-таки подъ давленіемъ начальства.

Въ началѣ 1878 г., разсматривалось въ К. судѣ дѣло о трехъ офицерахъ резервнаго баталіона Б., Т. и К.; обвинялись они въ дерзости противъ своего баталіоннаго командира; дѣло было совершенно доказано, если примѣнять къ нему обыкновенный шаблонъ; всѣ слушавшіе вынесли такое убѣжденіе; было и показаніе начальства, поддержанное адъютантомъ и другими свидѣтелями, но судъ, все-таки, поразилъ неожиданнымъ приговоромъ, и оправдалъ обвиняемыхъ по совершенно постороннимъ дѣлу соображеніямъ; именно

предсѣдатель С. объяснилъ передъ судомъ въ комнатѣ совѣщаній, что само начальство смотритъ неблагосклонно на оскорбленнаго баталіоннаго командира, и намѣрено устранить его отъ командованія, и этого было достаточно, чтобъ три офицера были оправданы.

Не умѣютъ судьи отстаивать своихъ правъ, откуда бы нарушеніе ихъ не исходило, разумѣется кромѣ подчиненныхъ; дряблы, хилы они для этого; они вовсе не стремятся къ тому, чтобы въ отношеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было господствовалъ одинъ только законъ; масса соображеній, которыми руководствуются вообще бюрократы, направляетъ военныхъ судей. Пусть нарушенъ законъ, но стоитъ ли изъ-за этого безпокоиться, и законными путями возстановлять право? лишь бы все было шито и крыто. Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ Ч. писалъ знаменитому прокурору Ст.: предлагаю в. в. сдѣлать распоряженіе о немедленномъ производствѣ черезъ военнаго слѣдователя, подъ непосредственнымъ вашимъ руководствомъ и наблюденіемъ, слѣдствія о нарушеніи обязанностей караульной службы ш.-к. Т. и у.-о. П., послѣдствіемъ чего былъ побѣгъ политическаго арестанта Д. Прокуроръ радъ стараться; забывая законъ, назначаетъ собственною властью кандидата на военно-судебныя должности В., назначаетъ только для того, чтобъ имѣть около себя пѣшку и дѣлать что ему угодно, и дѣло ведетъ самъ Ст.; самъ вызывалъ свидѣтелей, самъ допрашивалъ, самъ писалъ своею рукою протоколы, самъ собственноручно требовалъ документы и т. д. По закону назначить лицо для производства слѣдствія имѣлъ право только предсѣдатель; но что за дѣло до того Ст., заручившемуся предписаніемъ Ч, стоило ли ему думать о предсѣдателѣ С.; онъ былъ увѣренъ, что С. не сдѣлаетъ ни шагу для того, чтобъ обратить его на путь закона. С. сердился, негодовалъ на похищеніе изъ его рукъ власти, не потому что нарушенъ законъ, который, ограждая безпристрастіе слѣдствія, запрещаетъ самымъ прокурорамъ производить слѣдствіе, не потому что нарушена самостоятельность слѣдователя,

а потому что Ст. игнорировалъ личность С. Сердился С., но ничего не сдѣлалъ и уѣхалъ въ отпускъ; уѣхалъ С. и остался вмѣсто его Г.; и Г. волновался, будировалъ, говорилъ, но все напрасно; всѣ въ тихомолочку негодовали на произволъ Ст., но впрочемъ скоро успокоились; стоило ли о чемъ нибудъ думать; каждый зналъ одно: «а мнѣ-то что? ни тепло ни холодно»; подумали да на томъ и успокоились, и все быльемъ поросло; а затѣмъ настанетъ, или настало новое нарушеніе, и въ представленіи недѣятельныхъ судебныхъ дѣятелей оно явится одинокимъ, ни съ чѣмъ не связаннымъ, не ассоціируется оно въ ихъ умахъ съ воспоминаніями о прежнихъ, и слабо раздражаетъ ихъ нервный центръ.

Ободренный Стр., совершенное имъ нарушеніе по дѣлу о бѣгствѣ Д., вскорѣ повторилъ по дѣлу о Гр., обвинявшемся по жалобѣ родовитой сестрицы милосердія въ оскорбленіи будто-бы этой сестрицы.

Не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ умственной дѣятельности наши военно-судебные дѣятели совершенно не самостоятельны, отовсюду ждутъ разъясненій и получаютъ такія разъясненія чаще всего отъ *администраціи*. Едва только явится что нибудь новое, сейчасъ становятся въ тупикъ и никогда не рѣшаются сами на какой нибудь шагъ. Въ К. пожарные оскорбили своего, неимѣющаго чина, брантмейстера; сейчасъ запросъ полицмейстеру, что за права принадлежатъ брантмейстеру и тотъ отвѣчаетъ и отвѣтомъ руководствуются; нѣтъ того чтобъ изучить эти права самимъ и наставить полиціймейстера въ случаѣ надобности.

Особенно осторожны въ дѣлахъ денежныхъ, по которымъ легче всего попасть въ просакъ, такъ какъ тутъ все опредѣляется безспорною цифрою, да и отвѣчать-то придется деньгами. Дадутъ выговоръ — что-же, его проглотить легко, брань на вороту не виснетъ; а вотъ деньгами отвѣчать не охота; недаромъ же говорятъ, что рублемъ скорѣй пробьешь, чѣмъ дубьемъ, потому о всякомъ отпускѣ денегъ, о всякомъ расходѣ, если только онъ не ежедневный, обращаются къ администраціи

за разъясненіями, за наставленіями—то къ интендантству, то къ штабу войскъ, то въ главное военно-судное управленіе. Во время послѣдней войны, всѣ служащіе въ К. военномъ округѣ стали получать суточныя; къ прокурорскому надзору были прикомандированы два офицера, приказъ по округу оказался недостаточнымъ для того, чтобъ рѣшить вопросъ: слѣдовало ли этимъ офицерамъ давать суточныя или нѣтъ? Вошли въ штабъ съ особымъ заявленіемъ, просили инструкцію, разъясненій, оттуда разъяснили и въ прокурорскомъ надзорѣ стали поступать по разъясненіямъ.

Были во время послѣдней войны исполнявшіе должность тѣхъ слѣдователей, которые были командированы въ дѣйствующую армію, и отъ главнаго военно-суднаго управленія получено было распоряженіе давать исполняющимъ должность все содержаніе слѣдователей. Но такое распоряженіе оказалось недостаточнымъ; пошли спросы да распросы, что значитъ *все*—разъяснили, и только тогда стали поступать какъ слѣдуетъ.

И это судьи, судебные дѣятели, которые сами рѣшаютъ на судѣ вопросы о неправильномъ удовлетвореніи, требованіи, растратѣ и т. д., и т. д. Неужели же и на судѣ подобные вопросы могутъ разрѣшаться на основаніи административныхъ разрѣшеній. Судъ, который долженъ направлять другихъ, который своими рѣшеніями долженъ руководить правовыми отношеніями, самъ судъ испрашиваетъ у администраціи разъясненій; думаемъ, что извращеніе судейскихъ функцій дальше идти не можетъ.

Вопросъ о службѣ въ пограничной стражѣ является для необразованныхъ судебныхъ дѣятелей слишкомъ скользкимъ; они все не рѣшаются стать въ опредѣленныя отношенія къ пограничной стражѣ, взять въ свои руки тѣ простыя отношенія пограничной службы, которыя въ сущности не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, ничего такого, что не поддавалось бы изученію людей съ юридическими познаніями, знающихъ службу вообще и военную въ особенности. Военно-

судебные дѣятели останавливаются передъ пограничной стражей, какъ передъ какой-то невѣдомою спеціальностью, которая можетъ быть понятна только для посвященныхъ. Пограничной стражѣ такая наивность и робость на руку, и она эксплоатируетъ ихъ въ свою пользу, пуще начинаетъ пыхтѣть и надуваться, принимаетъ таинственный видъ и требуетъ, чтобъ ей дано было право руководить слѣдователями, судами, чтобъ ей были даны собственные суды; и все это во имя, будто бы, интересовъ пограничной службы. Во имя этихъ интересовъ таможенное начальство требуетъ, чтобъ судьи проводили тѣ юридическіе абсурды, которые имъ кажутся верхомъ практическаго ума, и чтоже? среди военно-судебныхъ дѣятелей находятся личности, приходящіе въ восторгъ отъ административной мудрости, и готовы служить ей, поддерживая юридическіе абсурды.

Мы коротко познакомимся съ этими притязаніями пограничной стражи, увидимъ, какъ при первомъ же серьезномъ отпорѣ оказывается, что эти притязанія являются результатомъ напускной загадочности, съ цѣлью въ мутной водѣ рыбу ловить; дѣло покажетъ, что ничего-то спеціальнаго въ пограничной стражѣ нѣтъ.

Господствующія отношенія между военно-судебными дѣятелями и пограничной стражей подробно и обстоятельно обрисованы въ брошюрѣ бывшаго помощника военнаго прокурора варшавскаго воен. окр. суда полковника Щербакова: «О необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ законоположеніяхъ о пограничной стражѣ». Въ этой брошюрѣ сказано: «въ 1875 году въ варшавскомъ военно-прокурорскомъ надзорѣ въ сферѣ дѣлъ пограничной стражи запутанность достигла до того, что рѣшено было обратиться за разъясненіемъ законовъ къ департаменту таможенныхъ сборовъ»,—какъ это хорошо; прокурорскій надзоръ обращается къ департаменту съ просьбой научить его; вмѣсто того, чтобъ самимъ сдѣлать усиліе выдти изъ затрудненія, просятъ администрацію научить какъ понимать законы. Хороша самостоятельность прокурорскаго надзора; можно тогда надѣяться на

такой прокурорскій надзоръ; хороши будутъ тѣ совѣтники прокуроры, какихъ предлагаетъ дать военному начальству тоже одинъ изъ помощниковъ прокуроровъ варшавскаго военно-окружнаго суда Мартыновъ; видно у него много такта, о которомъ онъ такъ наивно распространяется въ своей брошюрѣ, если является съ такими предложеніями въ то время, когда дѣятельно обсуждается вопросъ о подчиненіи военныхъ судовъ военной администраціи, и передъ тѣми именно, кто хочетъ подчинить суды начальству.

Г. Щербаковъ утверждаетъ въ своей брошюрѣ, что военный прокуроръ такъ формулировалъ свой вопросъ департаменту таможенному: «какія именно обязанности лежатъ на чинахъ пограничной стражи въ то время, когда они свободны отъ разъѣздовъ и не поставлены на посты въ качествѣ часовыхъ, а находятся лишь въ казармѣ своего кардона»?

И такъ, вмѣсто того, чтобы изучить самому этотъ вопросъ по законамъ, и смотрѣть за таможеннымъ начальствомъ, чтобъ оно не предъявляло лишнихъ требованій къ солдатамъ, предавать начальство суду за бездѣйствіе или превышеніе власти, военный прокуроръ самъ бездѣйствуетъ и проситъ, чтобъ таможенное начальство разжевало ему вопросъ и въ ротъ положило.

«На изложенный вопросъ, утверждаетъ г. Щ. на 6 стр. своей брошюры, почти черезъ мѣсяцъ (какая точность изложенія), послѣдовалъ отвѣтъ со стороны департамента таможенныхъ сборовъ. Департаментъ объяснилъ, что всѣ чины пограничной стражи, какъ непосредственно исполняющіе свои обязанности на границѣ: разъѣздами, обходами или нахожденіемъ на часахъ, такъ равно и находящіеся на кардонахъ, всегда и во всякое время, обязаны содѣйствовать всѣми отъ нихъ зависящими мѣрами къ исполненію спеціальнаго назначенія пограничной стражи — охраненію границы отъ проноса контрабанды и перехода ея какими бы то ни было лицами, помимо таможенныхъ учрежденій. Вслѣдствіе сего, департаментъ въ окончательномъ

своемъ выводѣ, высказался, что нижніе чины, возвращающіеся *на свои кардоны, по окончаніи своей службы на границѣ, отнюдь не могутъ считаться свободными отъ спеціальныхъ своихъ служебныхъ обязанностей* (и по окончаніи службы состоятъ на службѣ; прелестно!). Послѣ такого отвѣта, составляющаго не болѣе, какъ разъяснительное толкованіе 374 ст. устава таможеннаго (какъ легко значитъ было выучиться самому, что нужно было знать) въ военно-прокурорскомъ надзорѣ варшавскаго военно-окружнаго суда *наконецъ убѣдились*, что, находящееся въ означенной статьѣ, выраженіе «на постахъ своихъ», означаетъ другими словами—«на своихъ кардонахъ» и уже никоимъ образомъ не означаетъ такихъ наблюдательныхъ пунктовъ, на которые выставляются часовые съ условіями, указанными въ примѣчаніи къ 113 ст., XXII кн. св. воен. пост., и § 14 устава о службѣ въ гарнизонѣ, какъ то полагалось въ названномъ надзорѣ до этого времени».

«Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что, согласно изложенному разъясненію департамента таможенныхъ сборовъ, чины пограничной стражи, *являются обязанными охранять государственную* границу отъ водворенія контрабанды даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются *совершенно свободными отъ исполненія своихъ спеціальныхъ обязанностей*». По нашему это абсурдъ, противорѣчіе, а г. Щ. кажется, что это только удивительно какъ тонко.

«Означенное объясненіе департамента таможенныхъ сборовъ оказало для судебной практики, пишетъ г. Щ., весьма осязательную услугу тѣмъ, что освѣтило съ точки зрѣнія современныхъ *практическихъ таможенныхъ требованій* совершенно устарѣлый и неясный смыслъ редакціи 374 ст. устава таможенной стражи. Оказалось, что караульную службу стражи слѣдуетъ понимать въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, т. е. что всѣ чины пограничной стражи постоянно, всегда и во всякое время (стр. 9) находятся при исполне-

ніи караульныхъ обязанностей. Стало быть по прямой послѣдовательности необходимо придти относительно караульной службы пограничной стражи къ слѣдующимъ выводамъ:

Во 1-хъ, что кардоны сутъ ничто иное, какъ караульные дома и во 2-хъ, что команды нижнихъ чиновъ, состоящія на кардонахъ, предназначены *непрерывно* (для командъ это возможно, но для отдѣльныхъ единицъ о которыхъ собственно и рѣчь идетъ у Щ.—невозможно; разъ стражникъ пересталъ исполнять обязанности службы, онъ уже ничего не охраняетъ) охранять соотвѣтствующее протяженіе границы при посредствѣ часовыхъ, разъѣздовъ и обходовъ. Выводы эти, вытекающіе съ очевидною ясностью изъ означеннаго разъясненія, вызвали въ военно-прокурорскомъ надзорѣ варшавскаго военно-окружнаго суда необходимость измѣнить, существовавшій до того времени, неправильный взглядъ на 374 ст. устава таможеннаго, а слѣдовательно и на караульныя обязанности пограничной стражи, а съ измѣненіемъ такого взгляда, исчезла цѣлая масса сомнѣній и затрудненій при юридической оцѣнкѣ спеціальныхъ преступленій чиновъ стражи (а намъ кажется, что она только настала). Вслѣдствіе сего примѣненіе въ пограничныхъ дѣлахъ статей св. воен. пост. 1869 года изд. 2-го, опредѣляющихъ отвѣтственность за нарушеніе общихъ и особыхъ обязанностей караульной службы (153—160 ст. XXII), упростилось и облегчилось въ весьма значительной степени».

И такъ прокурорскій надзоръ варшавскаго военно-окружнаго суда, а въ томъ числѣ и г. Щ., былъ слѣпъ, его умственныя очи были заслонены различными юридическими сомнѣніями, приводившими къ заключенію, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ стражника, отдыхающаго въ кругу своихъ товарищей, моющагося въ банѣ, спящаго считать находящимся все-таки на часахъ и примѣнять къ нему 154 и 153 ст. ст., которыя говорятъ именно о нарушеніи обязанностей караульной службы, или службы *стоящаго на часахъ*, и отъ своей слѣпоты прокурорскій надзоръ былъ излеченъ—чѣмъ же? Разъясненіями

таможеннаго департамента, который, *руководясь пользами* пограничной службы, хорошо сознавая, что тяжелая пограничная служба можетъ поддерживаться только чрезвычайными строгостями, толкнулъ варшавскій военно-прокурорскій надзоръ на почву юридическаго абсурда, научивъ его принимать иллюзіи за реальность.

Г. Щербаковъ, практиковавшій въ варшавскомъ военномъ прокурскомъ надзорѣ, поддерживая соображенія таможеннаго департамента, формулируетъ слѣдующія несообразности. Чины пограничной стражи всегда и во всякое время своей службы находятся при исполненіи своихъ спеціальныхъ обязанностей службы, и всѣ эти спеціальныя обязанности суть безспорно обязанности караульной службы, службы часовыхъ. Чины пограничной стражи обязаны *постоянно*, т. е. вездѣ и *во всякій моментъ времени* быть готовыми къ исполненію своихъ спеціальныхъ обязанностей, почему существенно необходимо, чтобъ законъ въ опредѣленной и категорической формѣ призналъ чиновъ пограничной стражи, находящимися при постоянномъ отправленіи обязанностей караульной службы, почему г. Щербаковъ проэктируетъ такую статью закона: «чины пограничной стражи, какъ находящіеся на своихъ кардонахъ и долженствующіе по каждой тревогѣ прибыть немедленно на мѣсто происшествія, такъ равно и высылаемые на самую границу для непосредственнаго наблюденія за оною, признаются въ отношеніи пограничнаго надзора постоянно исполняющими обязанности караульной службы и за нарушеніе таковыхъ обязанностей подвергаются отвѣтственности на основаніи 153—160 ст. XXII кн. св. воен. пост.».

Очевидно, что осуществленіе такихъ положеній невозможно. Невозможно потому, что такими положеніями уничтожается всякая равномѣрность отвѣтственности, соразмѣрность вины съ наказаніемъ; невозможно того, кто дѣйствительно стоитъ на часахъ и выпиваетъ водку, отбитую имъ у контрабандира, сравнить съ тѣмъ, который сидитъ у себя въ казармѣ, отдыхаетъ и пьетъ водку отбитую другимъ

у контрабандира, принесенную на кордонъ отбившимъ. Невозможно того, кто воруетъ водку, задержанную отъ контрабандира и спрятанную въ цейхгаузъ, признать совершающимъ кражу въ бытность на часахъ имущества, ввѣреннаго его охранѣ и примѣнять къ нему статью, опредѣляющую каторжную работу.

Бывали такіе случаи, что стражникъ спитъ ночью на своей постели, и, разбуженный принесшими контрабандную водку, выпиваетъ водку по настоянію товарищей, и тотчасъ же засыпаетъ; пьетъ водку, не спрашивая, что за водка, откуда, никто этого ему не говоритъ, и такого стражника обвиняли въ нарушеніи особыхъ обязанностей караульной службы и обвиняли въ силу теоріи, созданной таможеннымъ департаментомъ и развитой г. Щербаковымъ. Невозможно никакъ свыкнуться съ такой теоріей; создать такую теорію понадобились, какъ увѣряетъ г. Щ., ради интересовъ таможенной службы. Вотъ оно служеніе-то интересамъ службы къ чему приводитъ; къ тому, что уничтожается въ правосудіи всякая справедливость, всякая разумность. Тамъ, ради охраненія будто бы интересовъ службы, уничтожаютъ публичность суда; здѣсь требуютъ признанія физической невозможности, что человѣкъ всегда находится въ работѣ, при исполненіи обязанностей караульной службы. Весьма вѣроятно, что щербаковская теорія дастъ много сумасшедшихъ; мысль, умъ солдата, подъ давленіемъ этой теоріи, всегда будетъ находиться въ тревожномъ настроеніи; солдатъ долженъ напрягать свой умъ, чтобъ увѣрить себя въ томъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; солдатъ молится Богу, раздѣвается, чтобъ лечь спать, солдатъ пришелъ усталый, мокрый, прозябшій съ часовъ съ границы, ему бы отдохнуть, анъ нѣтъ, онъ долженъ увѣрять себя, что онъ находится на часахъ, въ караулѣ, гоняется за контрабандиромъ; понятно, что нѣсколько лѣтъ такой тревожной жизни не выдержатъ никакіе нервы и солдатъ впадетъ въ сумасшествіе.

Г. Щ. хочетъ усилить наказаніе стражникамъ и вотъ онъ, прокуроръ и вмѣстѣ послушный послѣдователь толкованій таможеннаго

департамента, а за нимъ будто-бы весь прокурорскій надзоръ разсуждаютъ такъ: «хотя есть прямая статья въ уложеніи, которая предусматриваетъ проносъ контрабанды стражниками для собственнаго употребленія, именно статья 805, которая прямо говоритъ: *таможенные чины* за всякое умышленное попущеніе, а тѣмъ болѣе способствованіе провозу товаровъ, подвергаются такому-то наказанію; но такъ какъ статья эта опредѣляетъ незначительное наказаніе, то, признавши, что таможенные чины находятся всегда въ карауле или на часахъ, слѣдуетъ примѣнять 154 ст. XXII кн. св. воен. пост., которая говоритъ о неисполненіи особыхъ обязанностей караульной службы и наказаніе назначаетъ болѣе строгое (10—12 стр. брошюры г. Щербакова). Едва-ли хотя одинъ правильно понимающій дѣло одобритъ подобные абсурды.

Мы думаемъ, что изложенное достаточно показываетъ печальные результаты подчиненія прокурорскаго надзора разъясненіямъ администраціи.

Затѣмъ дальше. Состоялся приказъ въ военное время о сформированіи резервныхъ полковъ изъ резервныхъ баталіоновъ, и въ прокурорскій надзоръ поступило дѣло о нижнемъ чинѣ, которое возникло, было направляемо и разрѣшаемо, еще при существованіи резервныхъ баталіоновъ, командиромъ баталіона. Вопросъ состоялъ въ несогласіи баталіоннаго командира съ баталіоннымъ судомъ; но затѣмъ состоялся приказъ о сформированіи изъ баталіоновъ полковъ, баталіоны вошли въ составъ полковъ, очевидно, что дальнѣйшее направленіе дѣла зависѣло отъ полковаго командира, а не отъ баталіоннаго командира, который утратилъ свои прежнія права, хотя бы только на общемъ основаніи. Однако же прокуроръ Стр. усомнился — не сохранилось ли за прежними командирами отдѣльныхъ баталіоновъ какихъ нибудь прежнихъ правъ; помощникъ его ему объяснялъ, что это абсурдъ; Стр. все-таки сдѣлалъ сношеніе съ окружнымъ штабомъ, и ему отвѣтили тоже, что никакихъ правъ командиры

баталіоновъ, вошедшихъ въ составъ полковъ сохранить не могли. Тогда Стр. успокоился.

Но что дѣятели военно-окружныхъ судовъ! Самъ главный военный судъ не съумѣлъ сохранить за собою самостоятельность и искалъ наставленій и руководительства у администраціи, которая конечно весьма охотно взялась разъяснить главному военному суду юридическій вопросъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Фельдшеръ *Слѣповъ* продалъ наборъ хирургическихъ инструментовъ, выданный ему казною. За продажу набора военный судъ призналъ Слѣпова виновнымъ въ растратѣ, ввѣреннаго ему по службѣ, имущества. На этотъ приговоръ защитникъ фельдшера Слѣпова принесъ кассаціонную жалобу, въ которой объяснилъ, что, согласно приказу по военному вѣдомству 1875 г, № 294, выданный Слѣпову наборъ инструментовъ, составляетъ его полную собственность и потому Слѣповъ за продажу набора не подлежитъ никакому наказанію, такъ какъ продажею набора онъ осуществилъ только, принадлежащее ему, право собственности; защитникъ просилъ объ отмѣнѣ приговора. Предварительно внесенія дѣла Слѣпова въ главный военный судъ, главное военно-судное управленіе сносилось по возбужденному этимъ дѣломъ вопросу съ главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ, которое отношеніемъ отъ 13 января 1881 года № 522 увѣдомило, что, на основаніи приказа по военному вѣдомству 1875 г. № 294, карманные хирургическіе фельдшерскіе наборы, которыми снабжаются фельдшера выдаются имъ *въ полную собственность*; и дѣйствительно въ п. 11 правилъ, Высочайше утвержденныхъ для спеціальнаго образованія фельдшеровъ въ войскахъ и въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ, приложенномъ къ приказу 1875 года № 249, прямо сказано, что фельдшера получаютъ по одному карманному набору *въ полную собственность*. Слѣдовательно, высказавши свое мнѣніе, главное военно-медицинское управленіе основывалось единственно на коротенькомъ приказѣ № 294, который былъ въ рукахъ главнаго военнаго суда

и потому онъ самъ могъ понять и растолковать этотъ приказъ достаточно, повторяемъ, полный и недопускающій никакихъ сомнѣній, а потому къ чему же еще было обращаться за руководствомъ къ главному военно-медицинскому управленію.

Вообще въ послѣднее время администрація взялась съ энергіей за толкованіе законовъ,—толкованіе, которому судебнымъ органамъ остается только подчиняться. Такимъ образомъ, по поводу возникшаго сомнѣнія о томъ, слѣдуетъ ли къ офицеру, оскорбившему городоваго, примѣнять 483 ст. част. I кн. III св. воен. пост. 1859 г., главный штабъ, никто другой, разъяснилъ циркуляромъ, что 483 ст. должна считаться отмѣненною; сомнѣніе возникло въ судебномъ вѣдомствѣ, тамъ осталось не разъясненнымъ, а теперь разъяснено обязательно для судебнаго вѣдомства главнымъ штабомъ. Какъ это, что и откуда пошло, мы изложимъ впослѣдствіи.

Затѣмъ военной администраціей былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ за недостаткомъ офицеровъ извѣстнаго чина невозможно составить офицерскій судъ въ законномъ составѣ, поступать съ тѣми офицерами, которые совершили что нибудь роняющее честь и достоинство мундира, что по закону подвѣдомо судамъ общества офицеровъ? Конечно, судъ общества офицеровъ учрежденъ былъ какъ гарантія справедливости; право судиться судомъ общества офицеровъ считалось драгоцѣннымъ правомъ для офицеровъ, потому вопросъ, возбужденный администраціей, весьма важенъ; возбуждался такимъ образомъ вопросъ о гарантіи, о правахъ офицеровъ, разъясненіе его всего лучше было бы повести въ законодательномъ порядкѣ; въ разъясненіи его приняло участіе главное военно-судное управленіе, слитое съ главнымъ военнымъ судомъ; стат. 998 XXIV кн. и послѣдующія указываютъ порядокъ разрѣшенія главнымъ военнымъ судомъ законодательныхъ вопросовъ, но въ главный военный судъ вопросъ о томъ, какъ поступать съ офицерами тѣхъ частей войскъ, гдѣ не можетъ составиться закон-

ный составъ суда общества офицеровъ, не былъ внесенъ, а разрѣшенъ по соглашенію главнаго военно-суднаго управленія съ главнымъ штабомъ, въ томъ смыслѣ, что въ тѣхъ частяхъ войскъ, гдѣ за недостаткомъ офицеровъ извѣстныхъ чиновъ не можетъ быть достигнутъ законный составъ суда общества офицеровъ, офицеры, изобличенные въ поступкахъ не согласныхъ съ достоинствомъ мундира, должны быть увольняемы административнымъ порядкомъ. И такъ вопросъ важный, вопросъ, касающійся правъ офицеровъ, гарантій, дарованныхъ имъ закономъ, разъясненъ окончательно главнымъ штабомъ, учрежденіемъ чисто административнымъ, въ циркулярѣ его отъ 13 февраля 1882 г.

Далѣе случилось въ варшавскомъ военно-окружномъ судѣ примѣненіе 109 ст. XXII кн. св. воен. пост., неправильное, какъ то нашелъ главный военный судъ, подробно и обстоятельно разъяснившій вопросъ въ своемъ рѣшеніи, которое сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ судамъ для всѣхъ ихъ обязательнымъ; но такой порядокъ разъясненія закона оказался недостаточнымъ и администрація, главное военно-судное управленіе, сочло нужнымъ обратиться *къ судамъ и судьямъ* съ циркуляромъ, въ которомъ рѣшеніе главнаго военнаго суда рекомендовалось особенному вниманію предсѣдателей и судей.

Мы разсмотрѣли, такъ сказать, внѣшнія отношенія военныхъ судей, военно-судебнаго персонала, отношенія къ постороннимъ властямъ, и изъ внутреннихъ отношеній только взаимныя отношенія судей; теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію внутреннихъ отношеній къ низшимъ органамъ судебной власти—къ слѣдователямъ и помощникамъ прокуроровъ.—Судья судьѣ все-таки ровня, судья судьѣ все-таки можетъ пригодиться, судья судьѣ—рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ, а *слѣдователь* что такое? Нужно же надъ кѣмъ нибудь да «покуражиться», нужно же кого нибудь да попереть своею пятою; но надъ кѣмъ это всего удобнѣе, какъ не надъ слѣдователемъ. Хотя по закону должность слѣдователя высоко поставлена, хотя

по закону слѣдователь тотъ же судья, но одного закона, къ несчастью, мало. На самомъ-то дѣлѣ слѣдователь низко стоитъ, подчиненъ всецѣло если не всему суду, то предсѣдателю; въ нравы и обычаи всѣхъ вошло смотрѣть на слѣдователя, какъ на что-то низшее изъ судебнаго персонала, туда будто бы и назначаютъ менѣе способныхъ (какъ будто куда нибудь назначаютъ способныхъ?). Войска какъ-то смотрятъ на слѣдователя, какъ на прежняго аудитора; аудиторъ стоялъ близко къ войскамъ, а теперь слѣдователь ближе другихъ стоитъ къ нимъ, такъ чѣмъ же не аудиторъ? такую и кличку даютъ слѣдователямъ: «ей, вы! аудиторъ-молъ». А между тѣмъ должность слѣдователя весьма трудна, требуетъ разнообразныхъ способностей и характера, и ума. Слѣдователь есть и судья: онъ долженъ оцѣнить и улики и доказательства, понимать хорошо составъ каждаго преступленія, отъ этого зависитъ разрѣшеніе вопросовъ—слѣдуетъ ли начинать слѣдствіе и какъ и куда его вести, и какія мѣры принять противъ обвиняемаго, содержать ли его подъ стражею, или нѣтъ, прекратить ли дѣло. Слѣдователь долженъ умѣть поставить себя, и на мѣсто прокурора; только при такихъ условіяхъ слѣдователь можетъ хорошо направить слѣдствіе, собрать столько и такія улики, чтобъ можно было построить обвиненіе; улики должны быть поставлены твердо, чтобъ онѣ не могли на судѣ улетучиться. Слѣдователь въ тоже время долженъ выполнить и задачу защитника, онъ долженъ собрать съ точностью и доказательства невинности обвиняемаго; этимъ послѣднимъ качествомъ долженъ въ особенности обладать военный слѣдователь, такъ какъ онъ имѣетъ дѣло преимущественно съ солдатами, людьми положительно не умѣющими постоять за себя въ сферѣ правовой; солдаты не умѣютъ собрать данныя, нужныя для ихъ защиты, не знаютъ гдѣ, откуда взять эти данныя.

Всѣми достоинствами слѣдователи должны обладать тѣмъ въ высшей степени, что слѣдователи разбросаны по одиночкѣ, и должны надѣяться только на свои собственныя силы; имъ не съ кѣмъ по-

совѣтоваться, не съ кѣмъ обмѣняться мыслями, не у кого чѣмъ нибудь позаимствоваться.

При такой многосторонней дѣятельности слѣдователя, весьма естественно, что ему приходится обращаться къ властямъ и частнымъ лицамъ съ требованіями, непріятными для нихъ, а только быстрое, точное выполненіе требованій слѣдователя можетъ обезпечивать успѣхъ слѣдствій.

Изъ этого слѣдуетъ, что слѣдователь долженъ быть поставленъ закономъ высоко, онъ долженъ быть независимъ, ему, часто являющемуся однимъ воиномъ въ полѣ, необходимы сочувствіе и подержка въ судѣ.—Такимъ образомъ и смотритъ нашъ законъ на слѣдователей. Значеніе дѣятельности слѣдователей сознавалось правительствомъ, быть можетъ, менѣе, чѣмъ относительно другихъ органовъ судебной власти, и потому общая судебная реформа и началась съ того, что правительство прежде всего подняло положеніе слѣдователя. Понятно, что отъ тѣхъ, къ кому приходится слѣдователю обращаться съ своими требованіями, не исключая и органовъ правительственной власти, нельзя ждать, чтобъ они съ готовностью исполняли требованія слѣдователя изъ одного убѣжденія въ томъ, что требованія эти предъявляются во имя общественныхъ интересовъ, что онѣ справедливы, законны; конечно, требованія слѣдователей тогда только будутъ исполняться, когда будетъ существовать полное убѣжденіе въ твердости власти судебныхъ слѣдователей, въ неизбѣжности исполненія требованій слѣдователей, въ опасности дурныхъ послѣдствій отъ неисполненія требованій.

Добровольное признаніе за слѣдователями важности общественнаго ихъ значенія, полное признаніе за ними независимости, возможно только ожидать отъ людей проникнутыхъ сознаніемъ общественныхъ потребностей, отъ лицъ понимающихъ солидарность интересовъ всѣхъ членовъ общества, отъ людей отдающихъ рѣшительное

преимущество интересамъ чуждымъ своекорыстныхъ стремленій, поползновеній, передъ личными интересами.

Вглянемъ же съ этой точки зрѣнія на положеніе слѣдователей; съ одной стороны мы укажемъ какъ сами слѣдователи понимаютъ свои обязанности, гарантируется ли ихъ положеніемъ справедливость въ предварительномъ слѣдствіи, а съ другой стороны тѣ отношенія военныхъ судей и военныхъ судовъ, которыя мы изложимъ, послужатъ пробнымъ камнемъ внутренняго достоинства судей, судебнаго персонала.

Отношенія судей, вообще судебнаго персонала къ военнымъ слѣдователямъ, какъ разъ противоположно тому, что было бы желательно; суды, предсѣдатели только въ слѣдователяхъ имѣютъ подчиненыхъ, а страсть властвовать сильна у нашихъ судей; предсѣдатели и судьи смотрятъ на службу какъ на дѣло частное, какъ на аренду, какъ на крѣпость, и потому вторгаются въ частную жизнь слѣдователей, требуютъ угодливости отъ слѣдователей себѣ и всѣмъ покумившимся съ ними; требуютъ отъ нихъ, чтобъ они были люди пріятные во всѣхъ отношеніяхъ, требуютъ отъ нихъ обезличенія, отрѣшенія отъ общегражданскихъ достоинствъ, чтобъ слѣдователь былъ проникнутъ убѣжденіемъ своей безправности; достоинство слѣдователя полагается въ томъ, чтобъ онъ былъ тише воды, ниже травы, и никогда не помнилъ, что онъ общественный дѣятель, что честь его состоитъ въ исполненіи только закона.

Съ другой стороны сами слѣдователи не умѣютъ себя поставить; слабые своими познаніями, неувѣренные въ себѣ, они уступаютъ всякому насилію, всякому нарушенію ихъ правъ изъ боязни разгнѣвать сильныхъ, въ рукахъ которыхъ и милости и преслѣдованія.

Мы сказали много, но мы надѣемся доказать сказанное.

Прежде всего о самихъ слѣдователяхъ.—Слѣдователи робки, не самостоятельны; стоитъ начальству поручить имъ производить слѣдствіе, о чемъ бы то ни было и они утверждаютъ, что они обязаны

все сдѣлать безъ возраженій. Мы напротивъ думаемъ, что это доказываетъ въ слѣдователяхъ низкое пониманіе своихъ обязанностей. Вѣдь обязанности слѣдователя точно опредѣлены, а слѣдовательно никто не можетъ навязать имъ что либо такое, что не входитъ въ кругъ ихъ обязанностей. Приказывать можетъ военному слѣдователю только судъ военный, или главный и больше никто. Все это положительно выражено въ статьяхъ закона, опредѣляющихъ спеціально права и обязанности слѣдователей; таковъ вообще смыслъ законовъ о повиновеніи—приказывать всякому военно-служащему можетъ только прямой начальникъ, а вовсе не всякій старшій. Слѣдователи, толкуя объ обязательности для нихъ приказанія всякаго старшаго, раздѣляютъ общее заблужденіе, о которомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

Потому слѣдователь имѣетъ полное право возвратить начальнику дознаніе, присланное съ требованіемъ производства слѣдствія, если онъ видитъ, что дѣло не подлежитъ военному суду и т. д.

Слѣдователи нуждаются въ самыхъ точныхъ указаніяхъ начальства о томъ, въ чемъ обвиняется личность, о которой начальство предлагаетъ произвести слѣдствіе, просятъ этихъ указаній, если начальство, какъ нибудь забудетъ дать ихъ; мало того что въ предложеніи начальства о производствѣ слѣдствія указаны всѣ обстоятельства дѣла, какъ и гдѣ оно совершилось, слѣдователи просятъ начальство указать и о томъ, подъ какую же статью подведено дѣяніе обвиняемаго начальствомъ, и безъ этого они не рѣшатся приступить къ производству слѣдствія, а получивъ эти указанія, слѣдователи ужъ ни на волосъ отъ нихъ не отступаютъ. Такъ напр. слѣдователь С., получивши дознаніе о пограничномъ стражникѣ М., въ которомъ подробно были изложены преступныя дѣянія М., спросилъ дополнительно у начальства, что же за преступленіе по мнѣнію начальства совершилъ М., какую статью онъ нарушилъ?

Совершилось святотатство, въ дознаніи приведены обстоятельства дѣла, обозначено кто подозрѣвается въ преступленіи, только что дѣло не озаглавлено «о такомъ-то» и слѣдователь проситъ почтительнѣйше указать ему—кого же онъ долженъ привлечь къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. (Постановленіе А., о рядовомъ Вар.).

Слѣдователь Н., получивъ дознаніе о многочисленныхъ растратахъ, совершенныхъ фельдфебелемъ нов. ар. З., и вотъ слѣдователь спрашиваетъ начальство, чтобъ оно ему указало, какая статья должна быть примѣнена къ дѣйствіямъ З., и мотивируетъ эту свою просьбу тѣмъ, что на основаніи закона, преслѣдованіе возбуждается начальствомъ; какъ будто этотъ законъ требуетъ не только чтобъ начальство указало на преступныя дѣянія, на субъекта преступленія, но еще и указало законъ?—Неужели этого не въ состояніи знать самъ слѣдователь? Н. успокоился только тогда, когда начальство не только разжевало вопросъ, но и въ ротъ положило; а затѣмъ началъ развивать въ своемъ дѣлѣ ошибочную квалификацію начальства.

Слѣдователи рѣдко рѣшаются пріостановить по собственному почину слѣдствіе, хотя не находятъ въ нихъ основаній для продолженія слѣдствій. Слѣдователю напр. поручено произвести слѣдствіе объ увѣчьи, совершенномъ съ цѣлью уклониться отъ службы (дѣло слѣдов. П.); изъ слѣдствія выяснилось, что у обвиняемаго срѣзана была, можно сказать, только кожица съ верхушки пальца, и однакоже слѣдователь долго производилъ слѣдствіе и направилъ его къ прокурору, у котораго оно было прекращено; самъ же слѣдователь не рѣшился пріостановить дѣла.

Слѣдователи имѣютъ право сами непосредственно сноситься со всѣми властями, а слѣдовательно и военнымъ министромъ; но военные слѣдователи не рѣшаются сами безпокоить особу военнаго министра, и напр. Д., имѣя надобность завести сношенія съ австрійскими властями о выдачѣ пограничныхъ стражниковъ Р. и С., сдѣлалъ сношеніе

съ военнымъ министромъ не самъ, а обратился къ посредничеству военно-окр. суда.

По дѣлу Р и Б., сначала былъ привлеченъ къ отвѣтственности Б., по обвиненію въ оскорбленіи старшаго въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ, а за тѣмъ, во время слѣдствія, возникла мысль о привлеченіи Р. въ качествѣ обвиняемаго въ покушеніи на убійство Б., и слѣдователь задалъ себѣ вопросъ: сдѣлать ли изъ слѣдствія надъ Б. и Р. одно дѣло, или два, какъ того требовалъ Б. Такого простаго вопроса слѣдователь не могъ рѣшить самостоятельно и, забывъ о своей самостоятельности, объ обязанности, возложенной на него 435 ст. XXIV св. воен. пост., дѣйствовать самостоятельно, обратился въ судъ и просилъ у суда указанія, какъ ему слѣдуетъ поступить. Въ такомъ страхѣ держатъ слѣдователей суды; слѣдователи боятся шагъ ступить самостоятельно.

Особенно въ повинновеніи у себя держалъ слѣдователей прокуроръ к. суда. Слѣдователь того суда, нынѣ членъ суда, полковникъ Г. составилъ даже себѣ извѣстность тѣмъ, что каждое утро являлся къ прокурору С. за полученіемъ дневныхъ приказаній и наставленій.

Не церемонился С. съ слѣдователями. Поступаетъ напр. слѣдственное дѣло о кражѣ, составляется заключеніе о прекращеніи слѣдствія за отсутствіемъ доказательствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пишется безцеремонное объявленіе слѣдователю, что его актъ осмотра, составленъ такъ безтолково, что ничего изъ дѣла понять нельзя. Еслибъ это не было только излишнее надругательство сильнаго надъ слабымъ, то, вмѣсто оскорбленія, слѣдовало бы обратить дѣло для дослѣдованія; если же можно было прекратить дѣло, то значитъ дѣло, а вмѣстѣ съ нимъ и актъ осмотра, были настолько ясны, что на основаніи ихъ можно было дать заключеніе о прекращеніи дѣла.

Прямому, самостоятельному исполненію своихъ обязанностей

мѣшаютъ слѣдователямъ извращенныя дисциплинарныя понятія, дурно усвоенныя, къ укрытію за которыми прибѣгаютъ всегда, когда хотятъ выпутаться изъ тины, въ которой завязли.

Военный слѣдователь Д., производя слѣдствіе, раскрылъ, что побѣгъ арестанта послѣдовалъ вслѣдствіе небрежности дежурнаго по карауламъ офицера Л., но не исполнилъ своей обязанности, не составилъ постановленія о привлеченіи къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго офицера. Ему было возвращено слѣдствіе отъ прокурора съ указаніемъ, что нужно привлечь офицера. Слѣдователь хотя и выполнилъ требованіе военнаго прокурора, но съ оговорками; онъ находилъ, что противно дисциплинѣ входить къ начальнику съ представленіемъ о привлеченіи къ дѣлу офицера, такъ какъ начальникъ уже имѣлъ въ виду дѣяніе офицера при самой передачѣ дознанія военному слѣдователю для производства слѣдствія, однакоже удержался отъ требованія слѣдствія и надъ офицеромъ. Такими оговорками слѣдователь высказалъ разомъ и дурное пониманіе дисциплины, и дурное пониманіе своей обязанности, и то и другое, смѣшанное съ робостью Когда по дѣлу еще только произведено дознаніе, оно еще не вполнѣ разъяснено, и потому, если изъ дознанія начальникъ не видѣлъ необходимости назначать надъ кѣмъ нибудь слѣдствіе, то онъ можетъ увидѣть эту необходимость послѣ того, какъ слѣдствіе произведено вполнѣ; слѣдователю нужно только съумѣть развить въ своемъ постановленіи основанія привлеченія, извлеченныя изъ предварительнаго слѣдствія. Дисциплина никогда не можетъ быть нарушена тамъ. гдѣ человѣкъ исполняетъ законъ. Обращаясь къ начальству съ требованіемъ о привлеченіи къ слѣдствію лицъ въ качествѣ обвиняемыхъ, о которыхъ не упомянуто начальникомъ при передачѣ дознанія слѣдователю для производства слѣдствія, слѣдователь, во-первыхъ, исполняетъ 435 ст. XXIV, въ силу которой онъ долженъ принимать всѣ необходимыя мѣры, клонящіяся къ достиженію правосудія по собственному своему почину, самостоятельно; почему въ извѣстныхъ случаяхъ онъ обя-

занъ дѣлать постановленія о привлеченіи къ слѣдствію такихъ лицъ, о которыхъ начальникъ ничего не упоминалъ въ своемъ первоначальномъ предложеніи о производствѣ слѣдствія; (на основаніи 422 ст. XXIV); во-вторыхъ военный слѣдователь обязанъ провѣрять, дополнять и отмѣнять дѣйствія, произведенныя во время первоначальнаго изслѣдованія, и представленіе слѣдователя о привлеченіи кого нибудь къ слѣдствію, есть не болѣе какъ, разрѣшенное статьей 440, дополненіе первоначальнаго изслѣдованія. (Дѣло о К., обвинявшемся въ упускѣ арестанта).

Слѣдователи вообще не знаютъ правъ, недостаточно образованы, не понимаютъ своего положенія и даже и не думаютъ о томъ, что ихъ дѣятельность есть дѣятельность публичная, общественная. Еслибъ имъ сказали, что ихъ должности слѣдуетъ упразднить, они не нашлись бы какъ доказать необходимость своихъ должностей; они сами убѣждены, что они лишніе, что за нихъ могутъ работать всѣ кого ни поставитъ начальство; сидѣть смирно хотѣли бы они, чтобъ правительство о нихъ забыло, не то, пожалуй, упразднятъ ихъ какъ не нужныхъ. Въ самомъ дѣлѣ по понятіямъ слѣдователей, кто бы ни допросилъ свидѣтелей, гдѣ бы ни допросилъ—это все равно, и потому очень часто слѣдователи и недопрашиваютъ; къ чему? развѣ Америку откроешь? просто выдаютъ бланки свидѣтелямъ, особенно высокопоставленнымъ и отъ нихъ получаютъ эти бланки заполненные хитросплетенными показаніями. Часто допросъ поручается просто писарю, и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же писарь допроситъ хуже чѣмъ самъ слѣдователь, вышедшій изъ писарей, старый аудиторъ или что нибудь вродѣ того; послѣ смерти одного слѣдователя, Чер., осталось много протоколовъ, свидѣтельскихъ показаній, писанныхъ писарской рукой, слѣдователемъ не подписанныхъ. Это могло произойти только тогда, когда слѣдователь допрашивалъ не самъ, потому что ничего не стоило бы слѣдователю, допросивъ свидѣтеля, составивъ тутъ же протоколъ, тутъ же его и подписать.

Производится слѣдствіе, приходится произвести осмотръ состоянія, поврежденія здоровья субъекта, далеко живущаго; по закону нужно сдѣлать это, поручивъ осмотръ мѣстному слѣдователю; но съ какой стати слѣдователь будетъ утруждать другаго слѣдователя? «когда еще тотъ слѣдователь соберется произвести осмотръ, а что онъ тамъ особеннаго сдѣлаетъ? Америку не откроетъ; такъ-же какъ и я грѣшный смастеритъ нехитрый безсодержательный протоколъ; не стоитъ обращаться къ нему»; разсуждаетъ слѣдователь и пишетъ старшему врачу того полка, въ которомъ состоитъ субъектъ, подлежащій изслѣдованію, чтобъ онъ прислалъ свое заключеніе о состояніи здоровья субъекта. Врачъ съ готовностью берется не за свое дѣло и высылаетъ безсодержательную бумаженку, а слѣдователь этимъ доволенъ и заканчиваетъ дѣло. (Дѣло ряд. М. пѣхотнаго полка Іо. произвед. Д.).

Робость слѣдователей создаетъ цѣлыя категоріи привилегированныхъ свидѣтелей, имѣющихъ право не явиться по требованію слѣдователя. Нужно къ слѣдствію напр. вызвать сестру милосердія; слѣдователь церемонится, не пишетъ повѣстки ей какъ бы слѣдовало по закону, а обращается съ покорнѣйшей просьбой къ начальству госпиталя, прося пригласить сестру къ нему, слѣдователю; начальство госпиталя отвѣчаетъ, что сестра милосердія не можетъ быть выслана безъ разрѣшенія «самого» предсѣдателя общества краснаго креста и слѣдователь такъ и оставляетъ свидѣтельницу безъ допроса: гдѣ же ему тревожить такую особу, какъ предсѣдатель; а дѣйствуй слѣдователь по закону, послалъ бы онъ повѣстку съ обозначеніемъ штрафа въ случаѣ неявки, сестра бы и явилась. Вѣдь интересы правосудія важнѣе интересовъ общины сестеръ милосердія, особенно тѣхъ, которые приходится исполнять *отдѣльнымъ* сестрамъ, такъ какъ ихъ всегда можно замѣнить. (Дѣло слѣдоват. М. о рядовомъ Ильѣ Н.; вызывалась сестра милосердія Ф.)

Не умѣютъ военные слѣдователи поставить свою должность твердо. Является какой нибудь не вопросъ, а просто вопросецъ по дѣлу,

положимъ незнакомый слѣдователю, слѣдователь вмѣсто того, чтобъ изучить его хорошенько и быть мастеромъ въ разъясненіи вопроса, обращается за инструкціями чуть ли не къ обвиняемымъ. Это какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы говорили выше, вообще, и подкрѣпляетъ сказанное. Производилось слѣдствіе о злоупотребленіяхъ въ К. продовольственномъ магазинѣ; (слѣд. Ск.) оказалась тамъ мѣра, заподозрѣнная въ ея законности, и чтобы слѣдователю ознакомиться съ вопросомъ о мѣрахъ и вѣсахъ въ интендантскихъ магазинахъ по закону? такъ нѣтъ же—пишетъ слѣдователь въ окружное интендантство, стоявшее горой за своихъ подчиненныхъ, «покорнѣйшее прося разъяснить ему, какія мѣры законныя, какой матеріалъ: желѣзо или дерево гарантируетъ большую правильность измѣреній, съ какими казенными печатями: должны быть печати сургучныя, выжженныя, восковыя?» отсылаетъ слѣдователь бумажку, ждетъ-пождетъ, отвѣта и думаетъ, вотъ какъ тамъ въ интендантствѣ будутъ удивляться полнотѣ моихъ предусмотрѣній! интендантство отвѣтъ-то дало, но присовокупило горькій намекъ на то, что вамъ бы, г. слѣдователь, съ законами поближе познакомиться, такъ отъ того прибавилось бы недостающей у васъ самостоятельности.

Не умѣютъ отстаивать своихъ правъ слѣдователи.

Нѣкто Н. производилъ слѣдствіе о полицейскомъ, обвинявшемся въ неповиновеніи своему начальству и т. д.; обвиненіе оказалось преувеличеннымъ, несправедливымъ. Околодочнымъ, фигурировавшимъ въ дѣлѣ въ качествѣ свидѣтелей, такое направленіе дѣла показалось не подходящимъ, и они вздумали поправить дѣло тѣмъ, что оплѣли слѣдователя. Стали жаловаться, что ихъ показанія неправильно записываются, будто Н. бунтовалъ обвиняемаго городоваго, наталкивалъ его на мысль, что полицейскій приставъ Р. Л., самъ полякъ, притѣсняетъ русскихъ городовыхъ, обѣщалъ ему перевести его своею властью въ другой участокъ и т. п., поощрялъ его къ обвиненіямъ полицейскаго начальства. Околодочные пожаловались В. полиціймейстеру

Б.; Б. поспѣшилъ съ жалобой къ высшей власти, которой писалъ, что Н. оскорбляетъ и его, Б., такъ какъ выходитъ, что онъ, Б., неумѣетъ выбирать хорошихъ приставовъ. Набольшой назначилъ, состоявшаго въ его распоряженіи, г. М., произвести о проступкахъ слѣдователя строжайшее дознаніе; и вотъ въ квартиру слѣдователя является неожиданно М., чѣмъ страшно напугалъ слѣдователя. Объяснилось, что М. явился произвести дознаніе о слѣдователѣ; Н. попробовалъ было сослаться на то, что слѣдователи независимы, даютъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ лицамъ и учрежденіямъ въ XXIV кн. св. воен. пост., точно обозначеннымъ, изъ числа которыхъ генералъ-губернаторъ и его чиновники исключены; но все было напрасно. М настойчиво требовалъ объясненій, объяснилъ слѣдователю, что онъ вѣроятно не отдаетъ себѣ отчета, кого хочетъ ослушаться? что нельзя ослушаться генералъ-губернатора, который можетъ прогнать слѣдователя туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ; слѣдователь, дорожащій мѣстомъ, дающимъ ему средства существованія, увѣренный, что военно-окр. судъ его не поддержитъ, волей-неволей уступилъ требованіямъ, и такимъ образомъ чиновникъ генералъ-губернатора произвелъ дознаніе о дѣйствіяхъ военнаго слѣдователя. Законъ былъ нарушенъ, слѣдователь понялъ, что его независимость—иллюзія, что законъ его не защищаетъ и не нашелъ въ себѣ энергіи и силы для того, чтобъ бороться противъ произвола. Жалоба околодочныхъ оказалась кляузою, всѣ ихъ показанія оказались собственноручно записанными въ протоколъ, но конечно околодочные остались безнаказанными.

Трудно слѣдователямъ и бороться, когда они и законъ-то плохо понимаютъ. Здѣсь мы можемъ припомнить о проэктѣ Мартынова и Анисимова. Мартыновъ помощ. прокурора, а Анисимовъ—военный слѣдователь, того мнѣнія, что начальство обвиняемыхъ поставлено руководить слѣдователями, при производствѣ ими слѣдствій, что будто бы таковъ смыслъ 463 ст.; собственно значеніе 463 ст. мы разберемъ

впослѣдствіи, когда встрѣтимся съ болѣе категорическимъ и подробнымъ взглядомъ цѣлаго суда на значеніе 463 ст., теперь же для насъ достаточно констатировать фактъ торжественнаго заявленія со стороны слѣдователя и помощника военнаго прокурора, что слѣдствіемъ руководитъ начальство обвиняемыхъ; думаемъ, что такое пониманіе обязанностей слѣдователя прямо уничтожаетъ его самостоятельность. Въ силу такого-то пониманія 463 ст., слѣдователь Д. и другіе открываютъ передъ начальствомъ подлинное слѣдственное производство. Производитъ Д. слѣдствіе о пограничныхъ стражникахъ. Б., В., С. и Л.; 7 іюня 1880 года получилъ слѣдователь Д телеграмму отъ начальства съ требованіемъ выслать къ нему по встрѣтившейся спѣшной надобности подлинное слѣдственное производство; высылаетъ Д. дѣло начальству и на телеграммѣ дѣлаетъ отмѣтку, что дѣло выслано. Телеграмма съ требованіемъ о высылкѣ дѣла была подана въ Са. въ 4 ч. 23 м., а изъ отмѣтки Д. на телеграммѣ видно, что дѣло изъ Л. выслано имъ въ $6^1/_4$ часовъ. Похвальная поспѣшность, аккуратность, заслуживающая ордена Станислава 4 степени, но вредная въ слѣдственныхъ дѣлахъ; отъ начальника таможеннаго округа дѣло было получено обратно 24 іюня, слѣдовательно пролежало у начальника таможеннаго округа безъ движенія 17 дней.

Независимость слѣдователей не составляетъ необходимой потребности—такъ думаютъ сами слѣдователи. Слѣдователь Анисимовъ вкупѣ съ Мартыновымъ въ своемъ проэктѣ утверждаютъ, что число слѣдователей можетъ быть уменьшено значительно, если только слѣдствія по дѣламъ будутъ производиться офицерами просто служащими во фронтѣ, не имѣющими никакихъ юридическихъ познаній. Прожекторы убѣждены, что слѣдствія могутъ быть производимы также хорошо фронтовыми офицерами, какъ и слѣдователями; оставляя вопросъ о томъ—могутъ ли офицеры по своимъ юридическимъ и общимъ познаніямъ замѣнить слѣдователей до разсмотрѣнія нами спеціально вопроса объ образованіи нашихъ офицеровъ, теперь мы скажемъ только, что

прожекторы упустили изъ виду, что для раціональной судебной организаціи весьма важнымъ условіемъ является не только юридическое образованіе для слѣдователей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и независимое положеніе слѣдователя. А понятно, что офицеръ, служащій въ фронтѣ, независимости не имѣетъ никакой.

Готовность передать дѣло слѣдователей въ руки офицеровъ, которые находятся въ полномъ подчиненіи у начальства, высказанная слѣдователемъ да помощникомъ военнаго прокурора, доказываетъ однако, что независимость, самостоятельность слѣдователей, по мнѣнію самихъ современныхъ слѣдователей, составляетъ излишнюю обузу для нихъ.

Таковы-то наши слѣдователи на самомъ дѣлѣ; очевидно, что они необладаютъ качествами необходимыми для слѣдователей; правовая постановка должности военнаго слѣдователя, которую мы встрѣчаемъ на самомъ дѣлѣ, далеко отстаетъ отъ закона и не можетъ не отозваться вредно на дѣлѣ правосудія.

Думаемъ, что важно знать насколько наши слѣдователи образованы вообще и по своей спеціальности въ особенности. Въ этомъ отношеніи слѣдователи, конечно, не представляютъ изъ себя ничего выдающагося ни въ ту, ни въ другую сторону, сравнительно съ другими личностями военно-судебнаго вѣдомства, и все, что мы скажемъ впослѣдствіи объ образованіи военно-судебнаго персонала, все это будетъ относиться и до военныхъ слѣдователей. Хотя и изъ сказаннаго уже о слѣдователяхъ, видно, на сколько они образованы юридически. Здѣсь мы не можемъ, однако, не привести для примѣра маленькой выдержки изъ протокола одного слѣдователя, чтобъ показать какія личности занимаютъ мѣста слѣдователей, здравствуютъ на этихъ мѣстахъ, получаютъ ордена, содержаніе, плодятся и множатся. Вотъ выдержка, составленнаго слѣдователемъ Б. протокола. Сентября 5-го дня 1881 года г. К. Зовутъ меня П. Г., унт.-офицеръ пѣхотнаго С. полка, отъ роду 24 лѣтъ,

вѣроисповѣданія православнаго, подъ судомъ не былъ. Наша рота плохо стрѣляла и командиръ роты ш.-к. Л. приказалъ прибыть къ его квартирѣ. Я прибылъ съ унтеръ-офицерами П., А. и К. и ротный командиръ ш.-к. Л. *выговаривали* намъ, что мы дурно стрѣляемъ; затѣмъ ш.-к. Л. намъ *выговаривали*, что мы унтеръ-офицеры дурно стрѣляемъ. Я служу съ 1879 г. изъ крестьянъ К. г., уѣзда Ч., волости и селенія В., женатъ, дѣтей нѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго; жена на родинѣ, послѣ того ш.-к. велѣли унт.-оф. П., А., К. и *мнѣ* замолчать, мы всѣ замолчали и болѣе ничего не говорили. Подъ судомъ не былъ и взысканіямъ дисциплинарнымъ не подвергался, болѣе ничего заявить не могу. На стрѣльбѣ тогда мы всѣ по одной пулѣ попали.

Къ этому протоколу прибавлять отъ себя нечего. Такъ отличился слѣдователь подполковникъ, а вотъ какъ отличился штатскій. Защищаясь противъ жалобы одного изъ обвиняемыхъ, онъ писалъ: «капитанъ К, въ большей части случаевъ, признавая дѣйствія военнаго слѣдователя къ его вреду, подалъ другой рапортъ отъ 3 декабря за № 90, въ коемъ позволяетъ дѣлать не только критическій разборъ дѣйствій военнаго слѣдователя по возбужденному о немъ дѣлу, но и выражать ту мысль, что будто бы слѣдователь совѣтовалъ экспертамъ посовѣтоваться о своемъ заявленіи съ одѣялами; но это объясняется тѣмъ, что *если* была рѣчь объ одѣялахъ, имѣющая мѣсто въ дѣлѣ о капитанѣ К., но никакъ не въ видѣ шутки, а капитанъ К., какъ слѣдуетъ полагать, не разслышалъ словъ въ правильномъ смыслѣ ихъ значенія; при такомъ взглядѣ кап. К. можно записывать всякія фразы, обращенныя къ лицу, съ которымъ даже идешь на улицѣ. Да и подобное записываніе фразъ въ заявленіи къ дѣлу вовсе не относится, даже не выражается никакихъ дѣйствій со стороны слѣдователя, клонящихся къ поколебанію интересовъ обвиняемаго кап. К. по возбужденному на него обвиненію». Другой слѣдователь Чер., считавшійся

хорошимъ, получилъ такой комплиментъ отъ слѣдователя, къ которому онъ обращался для допроса свидѣтеля; возвращая протоколъ допроса свидѣтеля, слѣдователь 3 участка изм. суда Гар. присовокупилъ въ назиданіе Чер.: «протоколъ допроса фельдшера Тяпочкина имѣю честь препроводить военному слѣдователю в. военно-окружнаго суда, присовокупляя, что, если протоколъ допроса не полонъ, то не моя въ томъ вина; требованіе за № 756 составлено весьма не ясно, одни и тѣже вопросы повторяются по нѣсколько разъ и изъ требованія этого невозможно понять въ чемъ дѣло. О подробностяхъ же конечно не можетъ быть рѣчи. 10 января 1879 г.». Конечно, грустно встрѣчать подобную переписку между слѣдователями, но она дѣйствительно была вызвана безграмотностью Чер.

Теперь перейдемъ къ вопросу о томъ, каковы правовыя отношенія судей къ слѣдователямъ.

Судьи имѣютъ поползновеніе становиться въ начальническое положеніе относительно слѣдователей; мы говоримъ не только о предсѣдателѣ суда, но и о судьяхъ. Такимъ образомъ въ в. военно-окружномъ судѣ судья Т., пріѣхавшій въ П., оскорбился тѣмъ, что, находящійся тамъ военный слѣдователь С. неявился къ нему, и затѣмъ, возвратившись въ В., нажаловался на С., а извѣстно, что въ военномъ вѣдомствѣ являются только подчиненные начальникамъ, пріѣхавшимъ въ городъ.

Предсѣдатели даютъ слѣдователямъ предписанія о томъ, чтобъ они по тому или другому шаблону вели свою переписку. Предсѣдатели требуютъ отъ слѣдователей объясненій, помимо тѣхъ путей, которые указаны въ законѣ.

Такъ напр. на слѣдователя Н. поступила жалоба околодочныхъ, обвинявшихъ Н. въ неправильныхъ дѣйствіяхъ при производствѣ слѣдствія. По закону эта жалоба должна была быть подана околодочными самому слѣдователю и имъ приложена къ дѣлу съ его объясненіемъ; затѣмъ эта жалоба могла быть разсмотрѣна

цѣлымъ составомъ суда, послѣ того какъ дѣло поступило бы въ судъ или съ обвинительнымъ актомъ, или же, при прекращеніи его въ періодъ слѣдствія, для утвержденія счета судебныхъ издержекъ и т. п. Потому, получивъ черезъ полиціймейстера Б. жалобу околодочныхъ на дѣйствія слѣдователя, предсѣдатель долженъ былъ возвратить ее Б. для направленія въ законномъ порядкѣ, но предсѣдатель А. поступилъ не такъ: онъ принялъ измышленныя несчастія полицейскихъ близко къ своему сердцу и прямо потребовалъ немедленныхъ объясненій слѣдователя, какъ потребовалъ бы баталіонный командиръ отъ субалтернъ-офицера, и трепетный слѣдователь, забывъ свои права, представилъ свои объясненія, не думая указывать А., что онъ выходитъ изъ предѣловъ своей власти, и просилъ только чтобъ предсѣдатель надъ нимъ смиловался.

Слѣдователей войска держатъ въ черномъ тѣлѣ; во внѣшности выражается сущность. Такимъ образомъ въ крѣпости Н., если туда пріѣзжаетъ слѣдователь и требуетъ квартиры, ему отводятъ самый грязный казематъ самъ по себѣ, и еще болѣе омерзительный потому, что находится въ самомъ грязномъ корридорѣ. Вообще въ цѣлой крѣпости атмосфера ужасная отъ отхожихъ мѣстъ, весьма неудобно расположенныхъ, но особенно ужасная атмосфера въ корридорахъ и казематахъ, выходящихъ въ эти корридоры; въ казематахъ, выходящихъ въ корридоры, проживаютъ или по нѣсколько офицеровъ, или цѣлыя семейства въ каждомъ; тутъ же у дверей, выходящихъ въ корридоры, устроены тамбуры, служащіе отхожими мѣстами; офицеры все народъ бѣдный, иначе кто же станетъ служить и жить въ крѣпости, потому изъ экономіи тутъ же въ корридорахъ противъ своихъ казематовъ, выкармливаютъ свиней, держатъ цѣлыя стада утокъ, гусей, курей; можно себѣ представить, что за мученіе жить въ такихъ казематахъ; офицеры, составляющіе гарнизонъ, волею-неволею живутъ тамъ, свыклись съ своимъ положеніемъ—но слѣ-

дователь человѣкъ свѣжій, для него жить въ такомъ казематѣ невыносимо; а между тѣмъ другихъ помѣщеній не даютъ. Совсѣмъ другое дѣло судья или прокуроръ; для нихъ всегда готово чистое помѣщеніе, даже изящное при такъ называемыхъ царскихъ покояхъ; эти же помѣщенія отводятся и штабъ-офицерамъ отъ войскъ. И такъ въ размѣщеніи личностей выражается взглядъ начальства крѣпости на значеніе личностей; слѣдователи считаются неизмѣримо ниже и судей, и прокуроровъ, ниже штабъ-офицеровъ отъ войскъ и имъ отводятся помѣщенія рядомъ со свинушниками. Чувствуя невыгоду такихъ помѣщеній, слѣдователи стараются останавливаться въ гостинницѣ въ маленькомъ городкѣ, предмѣстьи Н.; въ гостинницѣ слѣдователи имѣютъ къ своимъ услугамъ самоваръ, прислугу и т. п.; въ казематахъ, отводимыхъ слѣдователямъ, хотя и есть и то другое, но пользоваться тѣмъ и другимъ не приходится; слѣдователь требуетъ самоваръ, ему отвѣчаютъ «занятъ-съ, унесли въ царскіе комнаты для полковника, или для прокурора»; требуетъ прислугу,—отвѣчаютъ: «полковникъ услали, или у судьи-съ» и т. д. Мало того, разъ слѣдователь заѣхалъ въ крѣпость, надъ нимъ тяготѣетъ власть; слѣдователь дѣлаетъ какое нибудь распоряженіе, комендантъ требуетъ въ немъ отъ него отчета, такъ какъ «безъ вѣдома коменданта ничто въ крѣпости, будто бы, не можетъ быть сдѣлано». Слѣдователи хотѣли бы избѣжать такого унизительнаго, невыгоднаго, неудобнаго, стѣснительнаго положенія, и потому останавливаются въ предмѣстьи Н., но судъ требуетъ отъ слѣдователей, чтобъ они непремѣнно останавливались въ самомъ Н., въ тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, о которыхъ мы говорили. Такое отношеніе судей къ слѣдователямъ, выдающее ихъ головою, мы думаемъ, печально; но судьямъ по душѣ то различіе, съ которымъ относятся въ крѣпости къ нимъ и къ слѣдователямъ. Судьи говорятъ, что, заставляя слѣдователей останавливаться въ казематахъ, они сберегаютъ 1 р. 25 коп. квартирныхъ, получаемыхъ слѣдователями въ день. Фальшивая экономія!! крокодиловы слезы!!

Судъ и судьи, играютъ съ слѣдователяли «какъ съ пѣшками». По варшавскому военному округу состоялся приказъ о томъ, что бы военные выводили прогоны не по почтовому дорожнику, въ которомъ всѣ разстоянія и направленія между городами привислянскихъ губерній были показаны не по желѣзнымъ дорогамъ, а по грунтовымъ, но чтобъ выводили свои разъѣзды по желѣзнымъ дорогамъ. Почтовый дорожникъ былъ изданъ въ 1875 году, а желѣзныя дороги — Привислянская и другія — были открыты позже и потому въ почтовый дорожникъ не вошли; отъ соблюденія приказа по варшавскому округу казна сберегла нѣкоторыя средства, такъ какъ по желѣзнымъ дорогамъ въ предѣлахъ варш. воен. окр. полагается по $2^1/_2$ коп., на версту съ лошади, а по грунтовымъ дорогамъ $5^1/_2$ коп., да и разстоянія длиннѣе.

Опираясь на 1062 ст. XXIV св. воен. пост., въ которой сказано, что слѣдователи разсчитываютъ свои путевыя издержки по дорожнику, слѣдователи военные и послѣ приказа по округу продолжали выводить издержки по грунтовымъ дорогамъ, не принимая въ разсчетъ Привислянской желѣз. дороги и др. Интендантство возставало противъ слѣдователей, ставило различныя препятствія въ выдачѣ денегъ, происходили пререканія, и нѣкоторые слѣдователи, чтобъ разъ на всегда кончить съ пререканіями, представили въ окружный судъ, который утверждаетъ всѣ счеты военныхъ слѣдователей, требованія интендантства съ тѣмъ, чтобъ воен. окр. судъ, разъ на всегда разрѣшилъ вопросъ. Варш. воен. окр. судъ въ распорядительномъ засѣданіи опредѣлилъ, что приказъ по войскимъ варшав. воен. округа не обязателенъ для слѣдователей, для которыхъ обязательна только 1062 ст. XXIV, пока она не измѣнена, не отмѣнена и т. п.

Потому слѣдователи, опираясь на такое рѣшеніе варш. воен. суда, продолжали выводить свои издержки по дорожнику. Такъ продолжалось мѣсяцевъ 6. Наконецъ командиръ одного изъ стрѣковыхъ баталіоновъ подалъ частную жалобу въ главный военный судъ, который при-

знать, что приказъ по варшавскому военному округу о производствѣ передвиженій по желѣзнымъ дорогамъ, хотя бы то приходилось уклоняться въ сторону и о выводѣ расхода денегъ по желѣзнымъ дорогамъ, обязателенъ и для слѣдователей, даже въ виду не отмѣненной ст. 1062. Тогда варш. воен. окр. судъ сталъ руководствоваться рѣшеніемъ главнаго военнаго суда, и утверждалъ всѣ счеты слѣдователей только по желѣзнымъ дорогамъ, не только считая съ времени опубликованія рѣшенія главнаго военнаго суда, но далъ этому рѣшенію и обратную силу, и потребовалъ со слѣдователей всѣ излишнія деньги, выведенныя въ расходъ, на основаніи рѣшенія того же варш. воен. окр. суда, объ обязательности для слѣдователей только 1062 ст.

Справедливость требовала, чтобъ варшавскій судъ самъ возвратилъ всѣ перерасходованныя деньги, такъ какъ рѣши судъ дѣло по представленію слѣдователей иначе, ни одинъ слѣдователь, конечно, не вывелъ бы лишнихъ денегъ. Но слѣдователей можно гнуть куда угодно.

Грубые матеріальные инстинкты, эгоизмъ вотъ побужденія, которыми руководятся въ своей службѣ судьи; они не могутъ возвыситься до болѣе достойныхъ взглядовъ на свое назначеніе; они не могутъ никому представить доказательствъ, пользы приносимой ими обществу, и потому какъ то бываетъ всегда при такихъ положеніяхъ, они стараются возвысить себя, несправедливо унижая другихъ; козлами отпущенія у нихъ являются слѣдователи, и мало того что отъ судей вы услышите мнѣнія о томъ, что слѣдователи плохо исполняютъ свои обязанности, не умѣютъ, неспособны производить удачно слѣдствія, но они еще утверждаютъ, что слѣдствія, производимыя слѣдователями, гораздо ниже по своимъ достоинствамъ тѣхъ дознаній, которыя производятся строевыми офицерами и служатъ началомъ для всякаго слѣдственнаго производства. Мы говорили выше какія качества необходимы для слѣдователей, и конечно этими ка-

чествами въ большей или меньшей степени должны же обладать люди, посвятившіе себя спеціально слѣдовательской дѣятельности, и безъ сомнѣнія въ большей степени чѣмъ фронтовые офицеры, стоящіе далеко отъ судебной дѣятельности; въ своемъ мѣстѣ мы разберемъ вопросъ о дознаніяхъ и тогда справедливость мнѣнія судей о слѣдователяхъ будетъ ясна сама собою. Отношенія судей къ слѣдователямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство самихъ судей представится яснымъ изъ того что мы изложимъ сейчасъ.

Мы изложимъ факты дѣйствительные безъ прикрасъ, безъ всякихъ добавленій и дѣло будетъ говорить само за себя.

Нѣкто С былъ назначенъ и. д. воен. слѣдователя В. воен.-окр. суда. Предсѣдатель суда ген.-м. Г. зналъ С. еще въ школѣ, ребенкомъ и затѣмъ судьба свела ихъ опять черезъ 20 лѣтъ. Случилось такъ, что въ самый первый визитъ С. къ предсѣдателю, къ послѣднему зашелъ губернаторъ губерніи, въ которую С. былъ назначенъ. Предсѣдатель, нынѣ умершій, обращаясь къ губернатору, сказалъ объ С. «рекомендую тебѣ слѣдователя; онъ будетъ твоимъ покорнымъ слугою». С. при этомъ ничего не прибавилъ отъ себя, но поспѣшилъ удалиться. Пріѣхавъ на мѣсто службы, С. очутился въ провинціальномъ городкѣ, въ которомъ, какъ и вездѣ, царила апатія, отсутствіе какихъ бы то ни было общественныхъ интересовъ, вся жизнь строилась на мелочахъ, на пошлости, на своекорыстіи, на взаимныхъ услугахъ по пословицѣ рука руку моетъ, на дружбѣ, держащейся до тѣхъ поръ пока есть выгода, хотя бы отъ выпивокъ, угощеній, до первой брошенной кѣмъ нибудь кости; вездѣ господствовала полная умственная спячка, незнаніе какъ убить время; служба ограничивалась однѣми формальностями, переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, все для виду; вездѣ нерадивость, медленность, пренебреженіе къ интересамъ лицъ, имѣвшихъ несчастіе обращаться къ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ для устройства своихъ интересовъ и дѣлъ. С. не могъ сочувствовать такому обществу, не имѣлъ съ нимъ

ничего общаго, а между тѣмъ въ маленькомъ городишкѣ всѣ на перечетъ, всѣ рады пріѣзду новаго человѣка, какъ пріѣзду новаго партнера, новаго собутыльника, новаго разскащика и т. п. Своей неповладистостью С. скоро возстановилъ противъ себя, какъ говорится, все общество, конечно маленькое, жалкое, чиновничье общество. С. не обращалъ на это вниманіе, не зналъ этого, не заботился о популярности, но скоро былъ выведенъ изъ невѣдѣнія. Въ одинъ прекрасный день С. получаетъ слѣдующее письмо отъ предсѣдателя В. суда.

19-го декабря. Со всѣхъ сторонъ до меня доходятъ слухи, что въ самое короткое время вашего пребыванія въ К. вы успѣли, къ сожалѣнію, возбудить противъ себя неудовольствіе всѣхъ лицъ *высоко поставленныхъ* тамъ, начиная съ губернатора и чиновъ судебнаго персонала до низу. Причинъ къ тому очень много; между прочимъ укажу вамъ на нѣкоторыя. Производя слѣдствіе о побѣгѣ арестанта изъ окружнаго суда, вамъ нужно было допросить двухъ членовъ суда и судебнаго пристава; вмѣсто того, чтобъ спросить предварительно, когда эти лица свободны отъ судебныхъ занятій и ихъ на тотъ день вызвать, а еще лучше отправиться въ судъ и тамъ допросить, вы ихъ прямо вызвали, черезъ что нарушили судебное засѣданіе, и кромѣ того, не взирая на свидѣтельство отъ предсѣдателя суда, что приставъ не могъ явиться по службѣ (было засѣданіе) къ назначенному вами сроку, а явился въ 5 часовъ, вы, заявивъ ему, что теперь будете обѣдать и допрашивать не станете, оштрафовали его 10 руб. Вы, кромѣ того, на вечерѣ съ вашей супругой невѣжливо отвѣтили распорядителю танцевъ, который вамъ представился и предлагалъ свои услуги по рекомендаціи кавалеровъ и проч. и проч., все это произвело столь невыгодное впечатлѣніе на *К. публику*, что противъ васъ составилось неудовольствіе, причиною котораго, какъ вы и сами согласитесь, была *недостаточность такта*. Пишу вамъ это письмо съ тѣмъ чтобъ, какъ бывшій вашъ учитель, предостеречь

васъ отъ могущихъ произойти непріятныхъ послѣдствій; все можетъ быть исправлено визитами къ губернатору, судебному персоналу и къ военному начальству, а затѣмъ болѣе мягкими формами при исполненіи возложенныхъ на васъ обязанностей.

Такъ вотъ оно понятіе о службѣ, пониманіе мягкихъ формъ, гнѣздящихся въ военно-судебныхъ сферахъ, выраженныхъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ и умныхъ, какъ его считали, представителей судебнаго вѣдомства; такъ вотъ онъ персоналъ гражданскихъ судовъ! Мы видимъ, сообразивъ все до сихъ поръ изложенное, что письмо предсѣдателя есть только откровенное выраженіе общихъ сокровенныхъ мыслей, что оно вполнѣ гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ, съ общими взглядами судей.

Вотъ въ чемъ состоятъ доблести слѣдователя; вотъ въ чемъ состоятъ болѣе мягкія формы при исполненіи обязанностей службы, вотъ въ чемъ заключается тактъ. Слѣдователь долженъ, вопреки закону, вопреки равенству всѣхъ передъ закономъ, дѣлать угодное, дѣлать попущенія членамъ судовъ и вообще, высокопоставленнымъ лицамъ; ихъ нужно спрашивать, когда имъ угодно, чтобъ ихъ допросили; не тогда, когда это нужно по ходу дѣла, не тогда, когда этого требуютъ интересы быстраго производства слѣдствія, а когда сильнымъ вздумается удостоить слѣдователя; а то, что тратится время, что много его будетъ упущено, что все время обвиняемые будутъ сидѣть подъ стражей, что вообще отъ этого страдаетъ общественный интересъ, все это ничего не значитъ. Еще лучше, совѣтуетъ предсѣдатель, слѣдовало бы явиться къ членамъ суда въ судъ, въ ихъ квартиру, а не то такъ и на кухню къ нимъ, и ждать тамъ пока они выспятся, пока выпьютъ, пока кончатъ преферансъ. Хорошъ будетъ допросъ; можно себѣ представить, какъ будетъ этотъ допросъ безпристрастенъ. Вотъ оно достоинство слѣдователя. Законъ равенъ для всѣхъ, изъ него сдѣланы немногія исключенія, не сочувственно принятыя всѣми, что только есть мыслящаго, а практика,

и дѣйствительность, а исполнители заходятъ неизмѣримо дальше законныхъ исключеній, и предсѣдатель требуетъ отъ слѣдователя не исполненія закона, а угодливости, потворства личностямъ, прихотямъ, требуетъ нарушенія закона въ пользу его пріятелей, и слѣдователю, который заявилъ себя противъ такихъ поползновеній, желаетъ держаться закона, предсѣдатель дѣлаетъ указанія на недостатокъ такта. Такта вѣроятно много у тѣхъ, которые коверкаютъ законъ, и изъ служителей закона попадаютъ служителями на кухню, въ прихожую къ высокопоставленнымъ, у тѣхъ кто пресмыкается и ползаетъ въ штабахъ, чтобъ ихъ только представили въ чинъ, кто, забывъ свою самостоятельность, забывъ высокое значеніе судьи, выпрашиваетъ въ штабѣ денежныя пособія для себя.—Судьи окруж. суда были вызваны къ слѣдователю потому, что того требуетъ законъ, потому что такъ долженъ былъ поступить всякій, дорожащій справедливостью, правдою. Судьи могли бы не явиться, если дѣйствительно заняты были службою. Выходитъ, что слѣдователь долженъ бояться не того, чтобъ нарушить законъ, а бояться сплетень, бояться огорчить предсѣдателя и членовъ суда, долженъ бояться того, чтобъ не имѣть такъ называемыхъ столкновеній, хотя бы онъ самъ представлялъ интересы закона, и сталкивался бы съ тѣми, кто нагло нарушаетъ законъ. Столкновеній стараются у насъ избѣгать, даже предупреждая эти столкновенія спеціальными статьями закона.

Составители XXIV св. воен. пост., тщательно и очень часто стараются избѣгать такъ наз. столкновенія властей, и отношенія между властями допускаютъ не на почвѣ потребностей правды, а на почвѣ какой-то политики, гдѣ стараются не о томъ, чтобы выиграло дѣло, а чтобы все было мирно. Пусть погибаетъ законный интересъ, лишь бы личныя страстишки не были забыты; таковы всѣ статьи опредѣляющія отношенія прокуроровъ и слѣдователей къ начальству обвиняемыхъ. Такимъ образомъ 339 ст. XXIV именно избѣгаетъ столкновеній, хотя быть можетъ отъ этого могутъ пострадать

справедливые законные интересы. На основаніи 339 статьи, если полковой судъ встрѣчаетъ необходимость произвести осмотръ, освидѣтельствованіе или обыскъ въ мѣстахъ не состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, то эти *судебныя* дѣйствія поручаются полиціи; какъ на мотивы такой жертвы интересами правосудія, въ сборникѣ законодательныхъ работъ указано то, что возложеніе обязанностей производства осмотра на полковой судъ могло бы нерѣдко возбуждать непріятныя столкновенія военнаго начальства съ гражданскимъ, а иногда нареканія на военныхъ начальниковъ. Но возможны ли такія опасенія тамъ, гдѣ обѣ стороны дѣйствовали бы по закону; очевидно что нѣтъ, что столкновенія возможны тамъ, гдѣ дѣйствуютъ противузаконно. И такъ не одинъ предсѣдатель суда заботится о мирномъ разрѣшеніи затрудненій на почвѣ беззаконія.

Все, что въ письмѣ сказано относительно штрафа 10 руб., все это сплетня, распутать которую вкратцѣ мы позволимъ себѣ ради того, чтобы показать какъ сплетня, всякій пустой слухъ можетъ вліять на положеніе слѣдователя. Дѣло происходило такъ. Былъ вызванъ судебный приставъ К. повѣсткою и не явился, повѣстка была послана поздно, и потому полагая, что приставъ не явился только вслѣдствіе поздняго полученія повѣстки, С. написалъ другую повѣстку, назначилъ другой срокъ для явки, но приставъ опять неявился и только тогда былъ на пристава наложенъ штрафъ въ 10 руб.— Только по наложеніи штрафа, К. представилъ удостовѣреніе члена суда, предсѣдательствовавшаго въ окружномъ судѣ, что въ день вызова К. къ слѣдователю, онъ исполнялъ обязанности службы въ засѣданіи до 3 часовъ по полудни, но предсѣдательствовавшій не удостовѣрилъ того, что въ день засѣданія, или раньше, К. заявлялъ предсѣдателю, что онъ вызванъ къ слѣдователю на день, въ который онъ долженъ былъ быть въ засѣданіи, и что, даже въ случаѣ такого заявленія, К. не могъ быть никѣмъ замѣненъ. Принимая во вниманіе, что въ судѣ нѣсколько приставовъ, и что еслибъ К. сдѣ-

лалъ заявленіе заранѣе, то могъ бы быть замѣненъ другимъ приставомъ въ засѣданіи суда, а самъ бы имѣлъ возможность явиться въ качествѣ свидѣтеля, штрафъ не былъ сложенъ, и тогда К. представилъ слѣдователю новое удостовѣреніе, подписанное другимъ членомъ суда; въ этомъ удостовѣреніи говорилось глухо, вообще, что К. не могъ явиться къ слѣдователю на число, на которое вызывался. Не довѣряя второму свидѣтельству, ничего положительно не удостовѣрявшему, выданному другимъ членомъ, никакого отношенія къ дѣлу не имѣющимъ, не тѣмъ, который былъ въ засѣданіи въ день назначенный для явки, видя въ этомъ недостойную игру втораго члена окружнаго суда, который ни кѣмъ не вызванный, ни кѣмъ не уполномоченный позволилъ себѣ уловку, направленную къ уничтоженію удостовѣренія выданнаго первымъ членомъ, видя смѣлый разсчетъ опутать слѣдователя, произвести на него давленіе, С. оставилъ выданное вторымъ членомъ удостовѣреніе безъ всякихъ послѣдствій. К. жаловался на С. военному суду, судъ разсмотрѣлъ жалобу, и еслибъ дѣйствительно оказалось, что С. наложилъ штрафъ на К. уже послѣ того какъ имѣлъ въ рукахъ достаточное удостовѣреніе отъ окружнаго суда, что К. не могъ явиться въ назначенный день по уважительной причинѣ, то судъ не преминулъ бы подвергнуть С. отвѣтственности. — Напротивъ того, судъ нашелъ всѣ дѣйствія С. правильными, значитъ то, что писалъ предсѣдатель С. о К. было плодомъ сплетень; значитъ предсѣдатель поспѣшилъ послушать сплетни, и изъ сплетень заключилъ, что у слѣдователя нѣтъ такта.

Далѣе предсѣдатель упрекалъ С. въ томъ, что онъ невѣжливо отвѣчалъ распорядителю танцевъ; выходитъ, что и это тоже было преступленіе по должности. И въ самомъ дѣлѣ. Губернаторъ, пріятель предсѣдателя, щедриновскій помпадуръ, занятъ былъ такъ называемымъ устроеніемъ и развитіемъ общественной жизни въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ; занятъ былъ соединеніемъ разъединеннаго общества, заботился объ украшеніи города и требовалъ,

чтобъ всѣ, весь городъ танцовалъ, собирался бы въ клубы.... Изъ любознательности, желая присмотрѣться къ обществу, С. пошелъ въ клубъ и распорядитель танцевъ надоѣлъ ему своими рекомендаціями кавалеровъ, почему С. просилъ распорядителя, чтобъ онъ оставилъ его и его жену въ покоѣ, и вотъ получилось преступленіе, замѣтьте—преступленіе по должности, которое мѣшаетъ слѣдователю быть хорошимъ слѣдователемъ, и предсѣдатель берется исправлять слѣдователя.

Каковы были нарушенія, совершенныя С., о которыхъ писалъ ему предсѣдатель, отъ которыхъ предостерегалъ его, что такое были эти нарушенія, видно изъ той очистительной жертвы, которую С. для очищенія себя отъ обвиненій, для искупленія своей вины, долженъ былъ принести на алтарь самодурства, пошлости К. общества, предсѣдателя военно-окружнаго суда. С.—слѣдователь долженъ былъ сдѣлать визиты на предстоявшій новый годъ; но С. такихъ визитовъ не сдѣлалъ, и надъ нимъ разразилось то бѣдствіе, которымъ грозилъ С. предсѣдатель. С. отвѣтилъ предсѣдателю на его письмо въ свое оправданіе то, что въ сущности изложено выше, и добавилъ, что онъ понимаетъ свои обязанности такъ, какъ ихъ долженъ понимать всякій порядочный человѣкъ, и намѣренъ въ своихъ отношеніяхъ руководиться только интересами службы.

6 января С. получилъ отъ предсѣдателя бумагу, въ которой разгнѣванный предсѣдатель писалъ С.: «вслѣдствіе происшедшихъ между вашимъ высокоблагородіемъ, гражданскимъ начальствомъ и присутственными мѣстами недоразумѣній, происходящихъ отъ неуступчивости вашего характера, что мною усмотрѣно изъ собранныхъ свѣдѣній, я вынужденъ поставить это вамъ на видъ; въ устраненіе же могущихъ произойти на будущее время подобныхъ столкновеній, я признаю необходимымъ перевести васъ въ городъ П.»—Такъ вотъ что значитъ дисциплинарная, безконтрольная власть, которою злоупотребляютъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумать, на какомъ же основаніи не вѣ-

рить начальнику, если онъ говоритъ, что все изслѣдовалъ, всего доискался и находитъ обстоятельства вѣрными и преступными; кто могъ бы подумать, что собранныя свѣдѣнія суть не болѣе какъ сплетни, что требованія начальства незаконны, выходятъ изъ самыхъ низкихъ побужденій, что начальникъ такъ преступно пользуется, случайно попавшею въ его руки, властью? Однако же, приведенное нами письмо показываетъ, что тутъ никакія сомнѣнія неумѣстны. С. сохранилъ письмо, приготовляясь когда нибудь выступить съ обличеніемъ, зная какъ невыгодно являться для обличеній съ пустыми руками.

Не долго С. пробылъ въ П., и тамъ, понимая должность слѣдователя, какъ того требовалъ законъ, онъ вскорѣ столкнулся съ начальствомъ, а затѣмъ и съ цѣлымъ судомъ. Это столкновеніе съ начальствомъ и съ судомъ мы считаемъ необходимымъ изложить съ подробностью, потому что въ немъ отразилась закулисная сторона взглядовъ, понятій, побужденій, которые гнѣздятся въ умахъ судей, начальства, и незаконность которыхъ прикрывается всегда общими фразами въ родѣ слѣдующихъ: да неужели же начальство дѣйствуетъ когда нибудь неправильно, не добросовѣстно; неужели начальство можетъ лгать и т. п.

Столкновенія С. въ. П. съ начальствомъ, изъ-за которыхъ произошло столкновеніе съ судомъ, произошло отъ того, что С. производилъ слѣдствія по дѣламъ, въ которыхъ было заинтересовано начальство, администрація, которое потому и вступило въ борьбу, чтобъ прикрыть, замаскировать тѣ неправды и хищенія, которыя С. раскрылъ и былъ на порогѣ раскрытія еще большихъ неправдъ. Дѣла, о которыхъ мы будемъ говорить суть: дѣло начальника инженернаго управленія, остановленное на пути къ раскрытію важныхъ злоупотребленій и затѣмъ дѣло о прапорщикѣ пограничной стражи Д., который обвинялся въ томъ, что превысилъ власть, запретивши охоту и затѣмъ задержалъ 17 человѣкъ, выѣхавшихъ на

охоту. Начальство пограничной стражи въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ отстаивало свое право распоряжаться произвольно въ 7 верстномъ разстояніи отъ границы, и потому раскрыло всѣ свои силы, чтобъ только спасти Д. отъ суда.

Сущность этихъ дѣлъ, относительно того, насколько въ нихъ выразилось всемогущество администраціи, мы разсмотримъ впослѣдствіи, когда займемся спеціально вопросомъ о вліяніи администраціи на правосудіе въ войскахъ, въ настоящее же время мы разсмотримъ эти дѣла настолько, насколько въ нихъ выразилось положеніе военнаго слѣдователя въ отношеніи суда, его независимость, возможность съ его стороны неуклонно держаться закона, и затѣмъ юридическія познанія судей.

На дѣйствія С. были поданы жалобы со стороны начальника Н. инженернаго управленія и капитана Ш. — В. военно-окружной судъ, разсмотрѣвъ въ распорядительномъ засѣданіи эти жалобы, нашелъ: «что въ военно-судебномъ уставѣ содержатся положительныя правила, коими слѣдуетъ руководствоваться при обыскахъ и выемкахъ предметовъ обнаруживающихъ преступленіе, при собраніи и сохраненіи вещественныхъ доказательствъ, а именно военный слѣдователь, приступая (438 ст. XXIV) къ выемкѣ и отобранію вещественныхъ доказательствъ при самомъ открытіи ихъ, обязанъ (508 ст.) производить это въ присутствіи понятыхъ и все найденное и могущее служить къ обнаруженію преступленія, къ уликѣ преступника, должно быть подробно описано въ протоколѣ, съ указаніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ отысканіе и взятіе вещественныхъ доказательствъ, которыя затѣмъ (522 ст.) должны быть по возможности пронумерованы, и приложены къ дѣлу. Между тѣмъ капитанъ С., отобравъ отъ полковника З. нѣсколько документовъ, имѣвшихъ по объясненію С. значеніе важныхъ, для дѣла *вещественныхъ* доказательствъ, забылъ приведенное выше требованіе закона и пріобщилъ къ дѣлу документы вовсе не въ *качествѣ ве-*

щественныхъ доказательствъ. Хотя С. объясняетъ, что отобраніе документовъ происходило во время допроса купчихи В., оконченаго лишь за позднимъ временемъ, котораго поэтому не достало для составленія протокола, но таковое объясненіе, въ виду положительнаго требованія закона, не можетъ быть признано уважительнымъ; притомъ при неясности *«выраженія слова отобралъ»*, употребленнаго С. и при утвержденіи полковника, что документы были вырѣзаны изъ принесеннаго имъ для справки дѣла, вопреки возраженія полк. З., указывавшаго на противозаконность такого поступка, дѣйствія С. являются самопроизвольными. Во-вторыхъ, судъ нашелъ, что хотя на основаніи 565 ст.. XXIV св. воен. пост. С. имѣлъ право первоначально допрашивать Р., П. и Р. свидѣтелей по дѣлу З., въ отсутствіи обвиняемаго З., но затѣмъ, по точному 564 ст. смыслу, обязанъ былъ снятые допросы прочитать обвиняемому; впрочемъ, заключаетъ судъ, неисполненіе сего со стороны С. по разъясненію уголовнаго касаціоннаго департамента сената 1869 г. № 695, не составляетъ существеннаго нарушенія правъ обвиняемаго З., которому было предъявлено все слѣдственное производство по окончаніи онаго». Относительно жалобъ капитана Ш. на непринятіе, предъявленныхъ имъ, отводовъ исправляющаго должность военнаго слѣдователя капитана С., В. военно-окружный судъ находилъ, «что на основаніи 444 и 447 ст. XXIV св. воен. пост., отводъ слѣдователя предъявляется ему самому, и онъ обязанъ сообщить о томъ на разрѣшеніе начальника, по распоряженію коего началось слѣдствіе; начальникъ же, если признаетъ причины отвода уважительными, передаетъ производство слѣдствія другому слѣдователю. Въ противномъ же случаѣ вопросъ объ отводѣ передается военнымъ начальникомъ черезъ военнаго прокурора на разрѣшеніе военнаго суда; между тѣмъ по дѣлу Ш. оказывается, что Ш. подалъ по начальству рапортъ, въ которомъ, описывая разныя притѣсненія, неправильныя и пристрастныя дѣйствія капитана С. въ отношеніе къ нему Ш. при отобраніи отъ него

показанія, и указывая причины, вызвавшія подобные поступки С., просилъ начальство объ огражденіи его отъ произвола С. и объ отводѣ послѣдняго отъ производства слѣдствія. Начальникъ инженеровъ г.-м. Д., по распоряженію коего производилось слѣдствіе о капитанѣ Ш., препроводилъ переписку къ военному прокурору, причемъ, находя необходимымъ, вслѣдствіе изложеннаго въ рапортѣ капитана Ш., немедленно устранить капитана С. отъ производства слѣдствія въ крѣпости Н. на основаніи 446 ст. св. воен. пост., во избѣжаніе могущихъ произойти при дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія въ названной крѣпости уголовныхъ преступленій отъ повторенія столкновеній съ С., просилъ распоряженія о назначеніи другаго слѣдователя, но военный прокуроръ вмѣсто того, чтобъ исполнить означеное требованіе приведенной 446 ст., передалъ переписку самому С. на основаніи 593 XXIV св. воен. пост., гласящей о поданіи жалобы тому должностному лицу, на дѣйствія коего она приносится и съ своей стороны С., получивъ отъ военнаго прокурора переписку объ отводѣ, и не признавая ее ни жалобой, ни отводомъ, постановилъ пріобщить ее къ дѣлу. Когда же затѣмъ капитанъ Ш. по предписанію начальства подалъ лично капитану С. *бумагу въ формѣ отношенія* съ поясненіемъ въ ней тѣхъ же обстоятельствъ и причинъ къ отводу, какъ и въ рапортѣ начальству, и просилъ С. отвести себя отъ производства слѣдствія, то послѣдній возвратилъ отношеніе Ш. съ требованіемъ, чтобъ тотъ отдѣлилъ, что въ бумагѣ составляетъ жалобу отъ того, что собственно относится къ причинамъ отвода. Ш., сдѣлавши поправки въ отношеніи, снова представилъ его къ С., прося считать отношеніе отводомъ. С. и на этотъ разъ не принялъ отношенія, но оно впослѣдствіи неизвѣстно какимъ путемъ было доставлено къ нему; тогда С., въ особомъ постановленіи, давши объясненія противъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ отношеніи Ш., заключилъ, не считая бумагу Ш. отводомъ, приложить ее къ дѣлу. Такимъ образомъ С. вмѣсто того, чтобы предъявленный противъ

него отводъ сообщить начальству на разрѣшеніе, какъ то требуется закономъ, самъ вошелъ въ оцѣнку отвода, настойчиво отказывался подъ разными предлогами отъ принятія предъявленнаго ему *отношенія* съ изложеніемъ въ немъ *отвода*, пріобщилъ его къ дѣлу. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, и принимая во вниманіе, что С. нынѣ состоитъ помощникомъ военнаго прокурора воен.-окр. суда, и что, состоявшееся о немъ 4 октября, постановленіе распорядительнаго засѣданія сего суда по однородному съ настоящимъ предмету, сообщено главному военному прокурору, в. военно-окружной судъ опредѣляетъ, руководствуясь 163 ст., XXIV св. воен. пост., о выше изложенномъ по жалобѣ З. и Ш., сообщить главному военному прокурору на его усмотрѣніе.

Постановленіе 4 октября, о которомъ упомянуто выше, разрѣшало жалобы на С. начальника А. таможеннаго округа, прапорщика Д. и ефрейтора Ф. и состояло въ томъ, что военно-окружный судъ, сообразивъ оныя съ объясненіями исправлявшаго должность военнаго слѣдователя и протоколами предварительнаго слѣдствія, нашелъ: 1) что начальникъ А. таможеннаго округа жалуется на нарушеніе исправляющимъ должность военнаго слѣдователя С. 463 ст. XXIV кн. св. воен. пост., тѣмъ, что при производствѣ предварительнаго слѣдствія объ офицерѣ А. бригады пограничной стражи Д., С. не допустилъ назначеннаго имъ, начальникомъ округа, на основаніи предписанія департамента таможенныхъ сборовъ, кап. Сав. къ ознакомленію съ положеніемъ производимаго слѣдствія, къ разъясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, являющихся по предмету дѣйствія чиновъ пограничной стражи въ 7-ми верстномъ пространствѣ отъ черты границы. Не отвергая этого обстоятельства С. объяснилъ, что въ силу 463 ст., онъ сообщилъ кап. Сав. о ходѣ производившагося слѣдствія, но тотъ никакихъ взглядовъ (слогъ стараго семинариста судьи докладчика) къ разъясненію чего либо не высказалъ, раскрытіе же передъ начальникомъ округа, или его уполномоченнымъ подлиннаго про-

изводства о Д. было невозможно такъ какъ могло бы вредно отозваться на разъясненіи вопроса — на сколько само таможенное начальство допустило по этому предмету бездѣйствіе власти; допустить Сав. къ присутствію при производствѣ слѣдствія, чего тотъ домогался, онъ, С., былъ не въ правѣ по закону. Принимая въ соображеніе, что возбужденіе въ военномъ вѣдомствѣ обвиненій противъ лицъ того вѣдомства всецѣло принадлежитъ военному начальству и безъ его уполномочія военные слѣдователи не имѣютъ права приступить къ слѣдствію, почему оба они — и *военный слѣдователь и начальство* являются нѣкоторымъ образомъ солидарны въ раскрытіи истины по возбужденному обвиненію, что по закону, если при производствѣ слѣдствія слѣдователь и дѣйствуетъ самостоятельно, то съ другой стороны и военный начальникъ не лишенъ *нѣкотораго права принимать участіе въ слѣдствіи*, причемъ участіе это, по точному смыслу 463 ст., не можетъ быть ограничено однимъ сообщеніемъ начальству со стороны слѣдователя о допросѣ столькихъ-то лицъ, о вытребованіи къ дѣлу нужныхъ документовъ и другихъ подобныхъ неопредѣленныхъ свѣдѣній, такъ какъ въ противномъ случаѣ начальники будутъ лишены возможности исполнить другое требованіе 463 ст.: обращать вниманіе слѣдователя на такія обстоятельства, которыя они признаютъ нужнымъ для разъясненія дѣла, военный судъ находитъ, что 463 ст. даетъ военному начальнику, или его уполномоченному право поближе познакомиться съ положеніемъ слѣдствія, разсматривать слѣдственное производство (это откуда?); почему недопущеніе С., назначеннаго согласно распоряженію таможеннаго департамента, офицера пограничной стражи къ *ближайшему ознакомленію съ слѣдственнымъ производствомъ и къ разъясненію вопросовъ по этому производству*, является нарушеніемъ приведенной 463 ст., тѣмъ болѣе важнымъ, что по свойству обвиненій Д., о которомъ производилось слѣдствіе, указанія офицера *пограничной стражи могли бы быть весьма полезны для дѣла.* Кромѣ того, полу-

чивъ отъ начальника таможеннаго округа жалобу на его дѣйствіи для представленія по 593 ст. XXIV въ военно-окружный судъ, С. обязанъ былъ немедленно возвратить жалобу начальнику округа для направленія за силою 463 ст., черезъ военнаго прокурора въ окружный судъ, *или же самъ представитъ въ оный немедленно съ подлежащимъ объясненіемъ*; не сдѣлавъ ни того ни другаго, и пріобщивъ къ дѣлу жалобу съ своимъ объясненіемъ, даннымъ черезъ $1^1/_2$ мѣсяца по полученіи ея, равнымъ образомъ не представивъ жалобы въ судъ по требованію предсѣдателя военно-окружнаго суда, объяснивъ, что жалоба эта подлежитъ пріобщенію къ дѣлу, С. тѣмъ самымъ отнялъ у начальника и военнаго суда возможность къ своевременному разъясненію возбужденнаго вопроса. 2) жалоба обвиняемаго Д. заключается въ томъ, что во время производства слѣдствія, слѣдователь С. обращался съ нимъ невѣжливо, грубо, дерзко, оскорбительно, старался угрозами принудить къ показаніямъ, отобралъ отъ него замѣтки, составленныя имъ себѣ для памяти и назвалъ чиновъ пограничной стражи контрабандирами, что С. отказалъ въ выдачѣ копій протоколовъ слѣдственнаго производства и постановленій слѣдователя. Военный судъ нашелъ: а) что въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія дѣйствительно незначится, чтобъ слѣдователь дѣлалъ какія либо оскорбленія и дерзости и проч., однако Д. утверждаетъ, что онъ не вносилъ въ протоколъ, по незнанію своего права вносить туда жалобы на слѣдователя, б) что отобраніе въ силу 437, 438, 443 ст. ст. отъ Д., если не замѣтокъ, составленныхъ себѣ для памяти, то, какъ утверждаетъ С., списка оружія охотниковъ, представляется неправильнымъ потому, что эти статьи уполномочиваютъ военнаго слѣдователя къ принятію своевременныхъ мѣръ, необходимыхъ для собиранія доказательствъ къ уличенію или оправданію обвиняемаго, для сохраненія слѣдовъ преступленія, для отобранія вещественныхъ доказательствъ и вещей добытыхъ черезъ преступное дѣяніе; между тѣмъ, ничего подобнаго упомянутому, за-

писка въ себѣ не заключаетъ и пріобщена къ дѣлу вовсе не въ качествѣ вещественнаго доказательства, да и слѣдствіе производилось не объ отобраніи оружія и патроновъ отъ бывшихъ на охотѣ, а въ превышеніи Д. власти запрещеніемъ охоты и арестованіемъ охотниковъ, в) на основаніи 584 ст. XXIV кн. св. воен. пост.; слѣдователь обязанъ выдавать, по просьбѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, къ числу которыхъ по закону относятся и обвиняемые, копіи съ протоколовъ и постановленій. По смыслу 599 и 600 ст. ст. той же книги св. воен. пост., слѣдователь обязанъ повѣрить новыя обстоятельства, на которыя укажетъ обвиняемый, при предъявленіи слѣдственнаго производства, если они могутъ имѣть вліяніе на рѣшеніе дѣла, *а затѣмъ по 601 ст. слѣдователь объявляетъ о заключеніи слѣдствія*; изъ чего слѣдуетъ, что до тѣхъ поръ, пока слѣдственное производство находится у слѣдователя, послѣдній обязанъ исполнять требованіе обвиняемаго о выдачѣ ему копій и протоколовъ, почему невыдача прапорщику Д. просимыхъ имъ копій, является со стороны слѣдователя С. нарушеніемъ 584 ст., имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ замедленіе въ производствѣ дѣла на 5 мѣсяцевъ, такъ какъ, представленное къ военному прокурору 18 января, дѣло было возвращено прокуроромъ слѣдователю С. для выдачи Д. просимыхъ имъ копій, каковые были выданы заступившимъ мѣсто С., К., который дополнялъ дѣло по указанію Д. и затѣмъ снова доставилъ дѣло къ военному прокурору 16 іюня и 3) ефрейторъ А. бригады пограничной стражи Ф., допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, жалуется, что во время допроса его, слѣдователь С. обращался съ нимъ грубо и жестоко, не отпускалъ никуда изъ своего помѣщенія и 30 іюля 1879 года, съ перваго часа пополудни до $10^1/_2$ часовъ вечера продержалъ его въ камерѣ, заставляя его стоять до и послѣ допроса. С., отвергая это обвиненіе, объясняетъ, что 30 іюля только съ 7 часовъ вечера до 10 часовъ Ф. лишь присутствовалъ при допросѣ нижнихъ чиновъ; хотя, продолжаетъ судъ, въ дѣлѣ не находится никакихъ

указаній на неприличное и жестокое обращеніе С. съ обвиняемымъ ефрейторомъ Ф., и изъ протоколовъ предварительнаго слѣдствія видно, что допросъ нижнихъ чиновъ 30 іюля происходилъ въ присутствіи Ф. именно съ 7 часовъ вечера, но въ виду того, что протоколъ допроса помѣщается на 7 страницахъ самаго убористаго письма, что того же 30 числа, Ф., какъ подлежавшій допросу, *могъ и долженъ* былъ быть призванъ раньше начатія допроса и что 31 іюля въ $11^1/_2$ часовъ начался допросъ одного свидѣтеля, а въ $3^1/_2$ часа допросъ другаго свидѣтеля въ присутствіи ефрейтора Ф., и оба протокола допросовъ помѣщены на 18 страницахъ, написанныхъ самимъ убористымъ почеркомъ; въ виду всего этого, требующаго весьма продолжительнаго времени для отобранія показаній и *въ связи съ другими жалобами по настоящему дѣлу*, особенно съ жалобой прапорщика Д., военно-окружный судъ не можетъ не придти къ заключенію, что жалоба Ф. имѣетъ *нѣкоторое основаніе* къ признанію ея справедливою».

«По всѣмъ изложнымъ обстоятельствамъ и соображеніямъ воен.-окр. судъ находитъ достаточные поводы къ возбужденію дисциплинарнаго производства противъ С., но, принимая во вниманіе, что С. состоитъ нынче помощникомъ военнаго прокурора и руководствуясь 163 ст. XXIV св. воен. пост., судъ опредѣляетъ; о всемъ изложенномъ сообщить на усмотрѣніе главнаго воен. прокурора». Мы сказали, что все изложенное разсмотримъ здѣсь только въ томъ отношеніи, насколько выражается въ немъ справедливость суда, его юридическія познанія, тотъ взглядъ, который усвоилъ себѣ судъ на слѣдователя.—Прежде всего двумъ опредѣленіямъ суда, по иниціативѣ С., было дано два различныхъ направленія, чтобъ только показать суду всю нераціональность его дѣйствій. Одно опредѣленіе суда о З. и Ш., С. только обжаловалъ помимо суда въ докладной запискѣ къ главному военному прокурору, и потому дѣло это съ опредѣленіемъ суда направилось къ главному военному прокурору; по другому же дѣлу о Д.

и по претензіямъ его начальства, на опредѣленіе суда, С. подалъ частную жалобу на имя главнаго воен. суда.

С. жаловался на явное нарушеніе законовъ, на то, что судъ, выслушавъ только письменный докладъ своего члена, постановилъ рѣшеніе, не зная дѣла, такъ какъ въ докладѣ факты были невѣрно изложены, обо многомъ умолчано, что однако представляло бы дѣло совершенно въ другомъ видѣ; многія толкованія закона были слишкомъ неправильны; судомъ были нарушены законы даже въ самомъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, результатомъ чего были два изложенныхъ опредѣленія суда.

Вѣдь если судъ подробно сообразилъ, какъ то говорилось въ его опредѣленіяхъ, всѣ находившіяся въ дѣлѣ письменныя объясненія С. противъ жалобъ, и пришелъ къ положительному выводу о существованіи поводовъ къ возбужденію противъ С. дисциплинарнаго производства, о его виновности, то, значитъ, судъ обсуждалъ *поводы* къ возбужденію дисциплинарнаго производства, то есть выполнилъ то, что буквально предусмотрѣно въ 185 ст., то что могъ выполнить только судъ которому *подвѣдомо дѣло*. Въ 185 ст. прямо сказано: о поводахъ къ начатію дисциплинарнаго производства, вмѣстѣ со всѣми относящимися къ нему бумагами и свѣдѣніями, предсѣдатель того суда, *которому подвѣдомо дѣло* предлагаетъ на предварительное обсужденіе въ распорядительномъ засѣданіи суда. При такомъ предварительномъ обсужденіи дисциплинарнаго дѣла, на основаніи 187 ст., судъ собираетъ необходимыя по дѣлу справки и требуетъ объясненій отъ обвиняемаго должностнаго лица, которое имѣетъ право представить оныя словесно, или письменно. Изъ этого очевидно, что прежде чѣмъ обсуждать поводы къ дисциплинарному производству, судъ долженъ былъ рѣшить подвѣдомо-ли ему дѣло С.? Такъ всегда дѣлается, когда судъ дѣйствуетъ нелицепріятно—прежде всего рѣшается подсудность дѣла. Между тѣмъ судъ поступилъ на оборотъ прежде обсудилъ поводы дисциплинарнаго производства,

призналь наличность ихъ, а затѣмъ спохватился, будто бы ему дѣло С. не подвѣдомо, а подвѣдомо главному военному прокурору; мотивомъ этого было то, что С. уже былъ не слѣдователь, а помощникъ военнаго прокурора; но вѣдь это не было новымъ обстоятельствомъ, раскрывшимися по разсмотрѣніи дѣла, а было извѣстно до разсмотрѣнія дѣла. Тутъ-то является и нарушеніе прямого смысла закона и несправедливость, которая состояла въ томъ, что судъ, признавши что С. ему не подвѣдомъ, отправилъ лицу, имѣвшему власть надъ С., дѣло предрѣшенное; судъ утверждалъ, что онъ все взвѣсилъ, все сообразилъ, сообразилъ объясненія С. съ обстоятельствами дѣла, и нашелъ, что С. совершилъ дисциплинарныя нарушенія. Справедливость требовала, если судъ не считалъ С. себѣ подвѣдомымъ, чтобъ судъ созналь, что онъ не имѣлъ вовсе права входить въ разсмотрѣніе дѣла; это принадлежало уже всецѣло тому, кому С. былъ подвѣдомъ.

Очевидно, что главный прокуроръ, получивши готовое рѣшеніе суда, который увѣрялъ, что все уже соображено и взвѣшено, могъ отнестись съ предвзятою мыслью къ дѣлу, не быть уже столь внимательнымъ, столь осторожнымъ; а между тѣмъ докладъ члена суда, по которому состоялось опредѣленіе суда, былъ написанъ неполно, многія существенныя обстоятельства были опущены, многое изложено не согласно съ обстоятельствами дѣла, что было положительно констатировано позже, при второмъ разсмотрѣніи дѣла; послѣ того какъ С., въ силу рѣшенія главнаго военнаго суда, былъ выслушанъ окружнымъ судомъ, тотъ же самый судъ, послѣ словесныхъ объясненій С., тождественныхъ съ письменными его объясненіями, отвергнулъ и существованіе, признанныхъ имъ раньше, фактовъ, и толкованіе законовъ, встрѣчающееся въ его опредѣленіяхъ; оказалось, что С. правильно понималъ и исполнялъ законы.

С. былъ оправданъ и ему говорили тѣже судьи: «ахъ, еслибъ мы это знали прежде, мы бы иначе поступили!?» Но зачѣмъ же судьи, незнавши дѣла, рѣшили, что С. виноватъ. Вотъ въ чемъ вопросъ; С.

добивался, чтобы при обсужденіи поводовъ дисциплинарнаго производства допустили его до личныхъ объясненій, но этого не хотѣли сдѣлать, а еслибъ сдѣлали, то случилось бы то, что случилось послѣ, то есть не нашли бы никакихъ поводовъ къ дисциплинарному производству; но развѣ военные судьи стремятся къ истинѣ, къ выясненію истины? къ выясненію дѣла?

Судъ, не допуская С. до личныхъ объясненій, не могъ заранѣе сказать, что объясненія эти будутъ излишни; затѣмъ на основаніи 187 ст., обвиняемый *по его выбору имѣетъ право дать словесныя* или *письменныя объясненія*, и С. требовалъ, чтобъ его допустили къ словеснымъ объясненіямъ.

На основаніи закона о предварительномъ обсужденіи мотивовъ къ дисциплинарному производству, С. имѣлъ бы право отвести кого ему нужно было, но это ему не было разрѣшено; потомъ, когда по указанію главнаго военнаго суда, С. былъ допущенъ къ объясненіямъ, къ предъявленію отвода, С. предъявилъ отводъ противъ 3-хъ; хотя ему и не удалось добиться отвода, но, все-таки, своимъ отводомъ онъ сконфузилъ главныхъ радѣтелей о немъ.

Такимъ образомъ дѣло С. ясно показало преимущество новаго порядка, когда обвиняемый самъ является защищаться; при старомъ порядкѣ, когда все производство было бумажное, дѣло зналъ только докладчикъ; въ докладѣ онъ могъ искажать дѣло сколько ему угодно; кто же его поправитъ,—судьи? Но они только о томъ и думаютъ, какъ бы скорѣе отдѣлаться, вѣрятъ докладчику на слово, ни во что не вникаютъ; не вѣрить докладчику нельзя, вѣдь онъ свой, недовѣріе приметъ за личность, и отомститъ тѣмъ же. Совсѣмъ не то, когда дѣло производится словесно, тогда судьи хоть черезъ десятое въ пятое да слушаютъ, и ясное, какъ Божій день, дѣло всегда выгораетъ.

Судъ дѣлалъ ошибку за ошибкой. Въ виду 163 ст. XXIV кн.

судъ постановилъ, что онъ не имѣетъ права разсматривать дѣло С., но это только послѣ того, какъ разсмотрѣвъ дѣло, далъ по немъ свое опредѣленіе. Посмотримъ, что же говоритъ 163 статья? 163 ст. запрещаетъ суду входить въ разсмотрѣніе дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора, жалобы же на С., разсмотрѣнныя судомъ, были принесены на дѣйствія слѣдователя, совершенныя С. въ то время, когда онъ былъ слѣдователемъ; слѣдовательно при чемъ же тутъ 163 ст.? Къ тому же существуетъ опредѣленіе распорядительнаго засѣданія кассаціоннаго департамента сената, по которому должностное лицо подлежитъ дисциплинарному взысканію по опредѣленію того судебнаго мѣста, которому подсудно по той должности, по которой допущены неправильныя дѣйстія (Трахтенбергъ, стр. 115). Судъ пренебрегъ правомъ слѣдователя быть судимымъ только судомъ, судъ не зналъ этого права, не хотѣлъ его знать, не смотря на то, что ему на это право указывали; судъ не въ состояніи былъ оцѣнить это драгоцѣнное право.

Судъ нарушилъ 184 ст. XXIV св. воен. пост., по которой дисциплинарное производство не можетъ быть возбуждено, если прошелъ годъ послѣ совершенія нарушенія; въ разбираемомъ нами дѣлѣ, ко времени разсмотрѣнія его судомъ, уже минулъ годъ со времени нарушенія, но судъ, все-таки, возбудилъ преслѣдованіе; интересна та казуистика, къ которой прибѣгъ судъ, чтобъ парализовать эту 184 ст., судъ обращался къ нѣсколькимъ способамъ исчисленія давности, бралъ за исходный пунктъ—то время составленія С. объясненій на жалобы, то время вступленія дѣла въ судъ, то время отсылки дѣла слѣдователемъ прокурору, и т. д. множество сроковъ произвольныхъ приводилось судомъ, тщательно обходился только срокъ указанный въ 184 ст., именно: время самого дѣйствія, или упущенія.

Тутъ были соображенія и о томъ, что если принять годовой срокъ со времени упущенія, то много послѣднихъ останутся не наказанными; никакъ не хотѣли держаться точнаго смысла закона, тогда

какъ въ другихъ отношеніяхъ судъ именно указывалъ, гдѣ хотѣлъ обвинить С., что онъ держится точнаго смысла закона. А между тѣмъ и точное и распространительное толкованіе могло бы послужить въ пользу прекращенія дисциплинарнаго производства за давностью. Стоило только не бить на наказаніе, во что бы то ни стало. Вѣдь что такое давность? Давность вѣдь можетъ существовать только въ гуманныхъ законодательствахъ, тамъ, гдѣ законодатель смотритъ на свое право наказывать, какъ на печальную обязанность; вѣдь если нарушеніе покрыто давностью, забыто, то и Богъ съ нимъ! Слава Богу, что съ нимъ покончили; нужно только избрать безобидный срокъ давности, и, конечно, такой срокъ лучше всего обдуманъ въ законѣ; если законъ точно выразился, что черезъ годъ по учиненіи нарушенія оно забывается, то только какая нибудь особая, личная мстительность можетъ рваться къ другому сроку. Для С. давность не имѣла существеннаго значенія, такъ какъ судъ оправдалъ С. по существу. Судъ не обратилъ вниманія на противоположное его взглядамъ толкованіе сенатомъ 273 ст. учреж. судеб. установленій, отвѣчающей 184 ст. XXIV св. воен. пост. (Трахтенбергъ, стр. 115).

На опредѣленіе суда по дѣлу Д., С. подалъ частную жалобу, въ которой жаловался на вышеприведенныя нарушенія со стороны суда, но судъ не принялъ отъ С. частной жалобы по основаніямъ, которыя мы здѣсь приведемъ и разберемъ, какъ имѣющія важное значеніе для констатированія и уясненія отношеній суда къ слѣдователямъ.

В. военно-окружный судъ отказалъ С. въ принятіи частной жалобы на томъ основаніи: а) что частныя жалобы могутъ быть подаваемы на опредѣленія военнаго суда, постановляемыя по жалобамъ на слѣдственныя дѣйствія, лишь участвующими въ дѣлѣ лицами, какими по 4 п. 866 ст. XXIV признаются подсудимые съ ихъ защитниками, гражданскіе истцы, частные обвинители и ихъ повѣренные, что потому С., по отношенію къ произведенному имъ по должности военнаго слѣдователя предварительному слѣдствію о прапорщикѣ Д.,

не можетъ считаться участвующемъ въ дѣлѣ лицомъ; б) что по праву надзора за военными слѣдователями по ихъ должности военно-окружные суды дѣйствуютъ *въ предѣлахъ закона безаппеляціонно*, т. е. безъ права слѣдователей приносить жалобы на дѣйствія суда; такъ жалоба С. и не была передана судомъ въ главный военный судъ.

Можно удивляться В. военному суду, который договорился до вышеприведенныхъ несостоятельныхъ положеній; судъ безпристрастный, справедливый не долженъ-бы дѣлать такія очевидныя натяжки. С. жаловался на одно — судъ говорилъ совершенно объ другомъ. С. жаловался по своему дѣлу, по дисциплинарному дѣлу, обвиняемымъ въ которомъ былъ С., и никто другой, не Д.; дѣло Д. кончилось, судъ нашелъ его виновнымъ и оно кануло въ вѣчность; изъ дѣла Д. возникло дѣло С., но дѣло С. не дѣло Д.; между дѣломъ С. и дѣломъ Д. общаго было только то, что первоначальныя бумаги по этимъ двумъ дѣламъ были въ одной синенькой обложкѣ; не поэтому ли случайному признаку В. военно-окружный судъ опредѣляетъ единство дѣлъ? Дальше увидимъ — что такъ. Но не такъ учитъ наука; но что же суду до науки? до этого напраснаго бремени? Думаемъ, что будемъ правы, если скажемъ, что единство и раздѣльность дѣлъ опредѣляются: въ зависимости отъ объекта, субъекта преступленія, отъ содержанія обвиненія. Тамъ, гдѣ эти условія различны, тамъ нѣтъ единства дѣла. Въ дѣлѣ прапорщика Д. и стражника Ф. объектомъ преступленія являлись множество заарестованныхъ, содержаніемъ обвиненія было преступленіе, предусмотрѣнное 151 ст. XXII с. в. п. и 1540 ст. улож. о наказ. Въ дѣлѣ же, по которому состоялось постановленіе 4 октября, субъектомъ являлся С., объектомъ Д. и Ф., содержаніемъ обвиненія — нарушеніе по должности, но судъ не внялъ такимъ простымъ, яснымъ соображеніямъ, и, не сводя глазъ съ синенькой обложки, съ твердостью настаивалъ на томъ, что будто бы С., жалуясь на нарушеніе его правъ по дисциплинарному дѣлу, возбужденному

объ С., гдѣ обвиняемымъ являлся одинъ С., въ сущности жаловался по дѣлу Д.

Еще не понятнѣе второй поводъ, по которому судъ отказалъ С. въ принятіи частной жалобы; судъ торжественно заявилъ, что дѣйствія слѣдователей осуждаются судомъ безаппеляціонно. Не знаемъ, какой судъ можетъ утѣшать себя тѣмъ, что его приговоры надъ слѣдователями безаппеляціонны? Правда, за такой взглядъ суда стоятъ законодательныя соображенія къ XXIV св. воен. пост., хотя и не положительный законъ, но суду нужно бы поглубже смотрѣть въ дѣло. Судъ вѣдь толковалъ 184 ст., во вредъ С., когда она была въ пользу С., чего же тутъ судъ отказался отъ толкованій. Законодательныя соображенія говорятъ (стр. 317), что нашимъ закономъ не допущены жалобы ни въ аппеляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкѣ на дисциплинарныя взысканія, наложенныя на слѣдователей по постановленію военно-судебныхъ мѣстъ *). Но все таки скажемъ, что это изъятіе, это безправное состояніе слѣдователей нигдѣ не выражено положительнымъ закономъ.

Военные слѣдователи законодательными соображеніями, какъ бы, принесены въ жертву спокойствію главнаго военнаго суда, хотя отъ этого, нѣтъ сомнѣнія, терпитъ справедливость, правовой порядокъ; немногочисленность слѣдователей, неважность ихъ должности позволила, по объясненію законодательныхъ работъ, сдѣлать такую жертву. Выходитъ такъ, что чтобы ни дѣлалъ судъ со слѣдователями — слѣдователи должны оставаться безотвѣтными; слѣдователи, такимъ образомъ, являясь передъ судомъ, должны стоять передъ нимъ связанные по рукамъ и ногамъ. А между тѣмъ судъ можетъ быть не-

*) Кстати замѣтимъ здѣсь, что уст. угол. суд. даетъ судебнымъ слѣдователямъ право аппеляціи, и слѣдовательно въ XXIV св. воен. пост. сдѣлано важное отступленіе отъ началъ ус. уг. суд. ничѣмъ не оправдываемое; а между тѣмъ въ законодательныхъ соображеніяхъ не разъ говорится, что составители воинс. уставовъ стремились къ возможному приближенію къ уставамъ.

справедливъ, превысить власть, наложить наказаніе не допускаемое закономъ, ломать законы, не обращать вниманія на давность, и нѣтъ управы на судъ! суду дана привилегія быть произвольнымъ! Но такое положеніе дѣла невозможно, дѣло С. это доказало; судъ отказался отъ наложенія взысканія на слѣдователя, передалъ его ошельмованнаго въ руки главнаго военнаго прокурора; судъ близокъ былъ постановить рѣшеніе, не выслушавши С., судъ могъ бы наказать С., какъ бы ему то понравилось и нѣтъ на судъ управы!

С. прямо подалъ въ главный военный судъ частную жалобу, гдѣ жаловался на непринятіе военнымъ судомъ отъ С. жалобы и главный военный судъ подтвердилъ, что рѣшенія военнаго суда безаппеляціонны и судъ правильно не принялъ отъ С. жалобы. Но главный судъ все-таки нашелъ, что В. военно-окружный судъ неправильно передалъ дѣло о неправильныхъ дѣйствіяхъ С. по дѣлу Д. главному военному прокурору, и возвратилъ В. военно-окружному суду его опредѣленіе 4-го октября съ дѣломъ для новаго разсмотрѣнія дѣла С. съ обязательствомъ примѣнить къ дѣлу С. всѣ законы, опредѣляющіе порядокъ дисциплинарнаго производства. Главный военный судъ выразилъ, что возвращеніе дѣла С. въ военно-окружный судъ, для новаго разсмотрѣнія, постановлено главнымъ военнымъ судомъ по частному протесту военнаго прокурора, а не по жалобѣ С. Такимъ образомъ оказалось, что военный судъ можетъ же нарушать законы дисциплинарнаго производства, но если отнять у слѣдователей право жалобы, тогда такія нарушенія могутъ оставаться не отмѣненными и слѣдователи будутъ нести неправильно назначенныя наказанія; главный военный судъ признаетъ, что приговоры военныхъ судовъ о слѣдователяхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ окончательные, но всегда и вездѣ окончательные приговоры подлежатъ обжалованію, что мы и видимъ въ статьѣ 396 учр. суд. установл. Не будь протеста прокурора въ дѣлѣ С., оно или было бы не конченнымъ, или же главный военный прокуроръ превысилъ бы власть и взыскалъ бы со слѣдователя.

Было бы скорѣе первое, такъ какъ главный военный прокуроръ, получивъ опредѣленіе В. военно-окружнаго суда о томъ, что дѣйствія С. по дѣлу полковника З. и капитана Ш. передаются судомъ на усмотрѣніе главнаго военнаго прокурора, возвратилъ опредѣленіе В. военно-окружному суду, какъ неправильно къ нему направленное, и указалъ, что судъ долженъ былъ самъ разсмотрѣть дѣло. Вышло такимъ образомъ, что главный военный прокуроръ не подчинился рѣшенію В. военно-окружнаго суда, и опредѣленіе В. военно-окружнаго суда было отмѣнено не судомъ, не судебною властью, а главнымъ военнымъ прокуроромъ. Некрасивое положеніе, въ которое судъ былъ приведенъ своимъ незнаніемъ точнаго смысла и духа законовъ!!

В. военно-окружный судъ въ опредѣленіи 4 октября призналъ, что С. ему не подвѣдомъ, подвѣдомъ главному военному прокурору, а затѣмъ послѣ, не желая принять отъ С. частной жалобы, судъ сказалъ, что С. ему подчиненъ безаппеляціонно. Удивительное смѣшеніе понятій.

Мало того, плоха та, такъ называемая уголовная политика, которая наталкиваетъ на непринятіе частныхъ жалобъ. В. военно-окружный судъ не принялъ частной жалобы С., но С. обошелъ судъ и подалъ частную жалобу прямо въ главный военный судъ.

Кассаціонная практика сената гораздо болѣе справедлива, болѣе гуманна; уже не говоря о томъ, что судебные слѣдователи имѣютъ положительно выраженное закономъ, право жалобы, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что практика сената (рѣшенія 15 мая 1875 г. и 10 декабря 1871 г.) признаетъ, что стѣсненіе права жаловаться для такихъ лицъ, о правѣ которыхъ жаловаться въ законѣ положительно не упомянуто, противно духу закона. Не можетъ же главный военный судъ о своихъ судахъ сказать, что они никогда не ошибаются и судятъ всегда правильно.

Не принявъ частной жалобы С., В. военно-окружный судъ неправильно поступилъ, въ виду не возбуждающаго никакихъ сомнѣ-

ній рѣшенія главнаго военнаго суда 1872 г. № 91, въ которомъ положительно, ясно выражено, что по точному смыслу 946 и 972 ст. ст. XXIV, разсмотрѣніе частныхъ жалобъ и протестовъ, слѣдовательно опредѣленіе ихъ основательности, или неосновательности принадлежитъ не военно-окружному суду, а главному военному суду, въ виду чего военно-окружный судъ не въ правѣ входить въ разсмотрѣніе жалобъ и протестовъ, а тѣмъ болѣе отказать въ представленіи оныхъ въ главный военный судъ въ виду неосновательности ихъ.

Столько нарушеній сдѣлалъ В. военно-окружный судъ по дѣлу С. и ему все-таки пришлось пересмотрѣть дисциплинарное дѣло объ С. Судъ разсмотрѣлъ разомъ и неправильныя дѣйствія С. въ дѣлѣ о Д. и въ дѣлахъ Ш. и З., не смотря на то, что опредѣленіе суда по дѣламъ Ш. и З. было возвращено для новаго разсмотрѣнія не главнымъ военнымъ судомъ, а главнымъ военнымъ прокуроромъ; такимъ образомъ судъ пересматривалъ самъ такое дѣло, по которому его опредѣленіе, не было отмѣнено компетентною властью.

18 января 1881 г., разсматривалось дѣло дисциплинарное о С. по жалобамъ на него, начальства таможеннаго, Д., З и Ш. Мы возьмемъ изъ этого дѣла то, что имѣетъ общій интересъ, что разъясняетъ положеніе того или другаго вопроса правосудія.

В. военно-окружный судъ въ первоначальномъ опредѣленіи по дѣлу полковника З., рѣшилъ, что С. нарушилъ 438, 507, 508 ст. ст. XXIV. Судъ такимъ образомъ выказалъ неправильное пониманіе закона, и самъ своими руками росписался въ этомъ, такъ какъ, выслушавъ объясненія С., оправдалъ его въ томъ, въ чемъ прежде обвинялъ. Въ словеспомъ объясненіи 18 января С. доказалъ суду, что выводы доклада смѣшали тѣ обязанности, которыя возлагаются на слѣдователя 507 и 508 ст. ст. XXIV, съ тѣми правами слѣдователя, которыя изложены въ 438 ст., XXIV. Отобраніе вещественныхъ доказательствъ въ силу 438 ст., отличается отъ того, что предусмотрѣно 507 и 508 ст. ст., отличается кореннымъ образомъ.

Къ обыскамъ и выемкамъ въ домахъ, опредѣляемымъ 507 и 508 ст. ст., есть возможность заранѣе приготовиться, приготовить понятыхъ и т. п., разсчитать все заранѣе; но очень часто слѣдователь бываетъ въ необходимости отбирать такія вещи, на которыя онъ, такъ сказать, натыкается неожиданно, которыя, въ силу 437 и 438 ст. ст., обязанъ отобрать отъ обвиняемаго немедленно; тутъ уже нѣтъ мѣста для выемки при понятыхъ — пока понятые соберутся, вещи могутъ исчезнуть. На отобранные С. отъ З. письменные документы, С. наткнулся именно неожиданно, не во время обыска или выемки въ домѣ, и потому считалъ себя вправѣ отобрать ихъ безъ понятыхъ; описывать въ особенномъ протоколѣ, пронумеровывать и т. д., отобранные у п. З. документы, С. несчиталъ необходимымъ, потому что и то и другое важно для вещей могущихъ измѣниться, многочисленныхъ, дробныхъ, немогущихъ быть пришитыми къ дѣлу, а ни то, ни другое, ни третье не имѣло мѣста въ отношеніи пяти письменныхъ документовъ, составляющихъ доказательство не по внѣшнему виду, а по содержанію, отобранныхъ отъ З.; о нихъ достаточно было упомянуть, между прочимъ, въ протоколѣ допроса и пришить ихъ къ дѣлу. Въ докладѣ о винѣ С. прибавлялось, что документы, приложенные къ дѣлу, не были приложены въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ; что это значитъ? чего не хватало? можетъ быть потому, что эти документы не были названы вещественными доказательствами, они теряли, свое значеніе, силу? Нѣтъ, тутъ, видно, дѣло въ словахъ; стоитъ замѣтить и не забыть этотъ примѣръ формализма суда. Отобранное было приложено въ качествѣ *письменныхъ* доказательствъ и изъ дѣла было видно откуда и какъ они попали къ дѣлу. Полковникъ З. не рѣшался оспаривать, что С. отобралъ отъ него именно тѣ документы, которые приложены къ дѣлу и въ томъ количествѣ, въ какомъ были отобраны; напротивъ полк. З. удостовѣрялъ въ своихъ многочисленныхъ жалобахъ, что все что было взято, то и было при дѣлѣ. Какъ хотите называйте извѣстные письменные до-

кументы: письменными доказательствами или вещественными доказательствами—сущность отъ того нисколько не измѣнится; они могутъ быть прочтены на судѣ, на нихъ имѣютъ полное право ссылаться стороны, судъ долженъ принять ихъ въ соображеніе при постановленіи приговора. Способъ полученія слѣдователемъ вещественнаго *или* письменнаго доказательства, т. е. добыто ли оно черезъ обыскъ или представлено свидѣтелемъ, или инымъ законнымъ путемъ, не имѣетъ вліянія на значеніе его какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи (р. кас. деп. сената 1871 г. № 873); письменный документъ по рѣш. кас. деп. сената 1874 г. № 302 отождествляется съ вещественнымъ доказательствомъ; письменный документъ есть самъ по себѣ вещественное доказательство; непонятно, какое магическое значеніе придаетъ В. военно-окружный судъ слову «вещественное доказательство»? Всѣ письменные акты, которые въ обвинительномъ актѣ или опредѣленіи о преданіи суду указаны въ числѣ основаній къ обвиненію и пріобщены къ дѣлу, какъ письменныя доказательства, могутъ по требованію сторонъ быть прочитаны передъ судомъ (рѣш. кас. деп. сената 1871 г. № 470 и 1874 г. № 626). Записка, посланная обвиняемымъ къ одному изъ свидѣтелей, пріобщенная къ дѣлу, считается вещественнымъ доказательствомъ (рѣш. кас. деп. сената 1874 г. № 410) и можетъ быть прочтена на судѣ. Какія таинственныя дѣйствія нужно было бы предпринять слѣдователю надъ такой запиской для того, чтобъ она считалась вещественнымъ доказательствомъ, это секретъ В. военно-окружнаго суда, а главное его докладчика. Но мы не знаемъ этого секрета и изъ рѣшенія касац. деп. сената видно, что достаточно просто приложить ее къ дѣлу, чтобъ она считалась вещественнымъ доказательствомъ. Отказъ суда въ прочтеніи, пріобщеннаго къ дѣлу и упоминаемаго въ обвинительномъ актѣ въ числѣ документовъ, письменнаго доказательства составляетъ по рѣш. кассац. департ. сената существенное нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства

(1874 г. № 225). Отказъ суда въ прочтеніи документовъ, пріобщенныхъ къ дѣлу, хотя бы имъ и не было составлено протокола осмотра, составляетъ существенное нарушеніе (рѣш. кассац. департ. сената 1875 г. № 399). Полковникъ З. не требовалъ отъ С. составленія особаго протокола, документамъ выданнымъ имъ, хотя и не совсѣмъ добровольно, но, послѣ извѣстныхъ убѣжденій, все-таки собственноручно, и потому еще въ послѣдній разъ скажемъ, въ виду рѣшенія кассац. департ. сената 1871 г., № 399, несоставленіе особаго протокола о полученныхъ С. письменныхъ документахъ не составляетъ нарушенія. Можетъ понадобиться описаніе письменныхъ документовъ, но не всякихъ; для большинства ихъ, являющихся только письменными доказательствами, достаточно пріобщенія къ дѣлу, и дѣйствительно, обыкновенно, письменныя доказательства просто пріобщаются къ дѣлу безъ особыхъ описаній ихъ внѣшности; такое описаніе необходимо безусловно только въ отношеніи подложныхъ или испорченныхъ документовъ и 371 ст. уст. угол. суд. только на подложные документы и указываетъ. Взятые у полковника З. письменные документы всѣ прямо относились къ дѣлу, но ни одинъ изъ нихъ подложнымъ не считался. Докладъ ставитъ въ упрекъ С., что онъ не удовлетворился обѣщаніями п. З., обвиняемаго и вмѣстѣ съ тѣмъ начальника управленія, прислать со временемъ копіи съ письменныхъ документовъ, которыя З. обѣщалъ заготовить въ своей канцеляріи, но дѣло вотъ въ чемъ. С. приступилъ къ слѣдствію о полковникѣ З. уже послѣ нѣкоторой опытности, показавшей С., какъ начальство относится къ законнымъ требованіямъ слѣдователя. Такъ, по производившемуся раньше дѣлу объ обвалѣ земли во время работъ на Остроленскомъ фронтѣ одной изъ крѣпостей, нужный къ слѣдствію документъ—разрѣшеніе подлежащаго начальства о начатіи работъ, полученъ былъ отъ п. З. послѣ настойчивыхъ требованій, послѣ трехъ рапортовъ; п. З. то отрицалъ существованіе разрѣшенія, какъ документа вовсе не требуемаго порядкомъ

службы, то, какъ будто, не понималъ С., то утверждалъ, что у него кое-что есть, да не то, что было нужно С.

По дѣлу п. З. съ В., С. просилъ у п. З., чтобъ онъ выдалъ копіи бумагъ, о существованіи которыхъ С. узналъ изъ осмотра книгъ и журналовъ управленія. Просьба эта была нѣсколько разъ повторена и З., этотъ обвиняемый и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ управленія, все не давалъ бумагъ; точно также поступалъ и его начальникъ г. Д. С. просилъ послѣдняго препроводить къ дѣлу объ обвалѣ земли на Остроленскомъ фронтѣ, его донесенія въ главное управленіе о началѣ работъ на остроленскомъ фронтѣ, но Д. рѣшилъ за С., что, требуемая С., бумага не относится къ дѣлу и не выслалъ ея. Все что С. могъ сдѣлать, это донести о г. Д. командующему войсками о преданіи суду г. Д., за то что онъ мѣшаетъ С. производить слѣдствіе. Но это г. Д. не испугало; онъ зналъ уже о представленіи С. и все-таки, когда С. попросилъ отъ него еще подлинный актъ объ измѣреніи количества нечистотъ въ крѣпости, нужный къ дѣлу о п. З., то генералъ вторично рѣшилъ за С., что актъ этотъ къ дѣлу не относится, и такъ его и не выслалъ; хорошо еще что черновой этого акта, С. отобралъ у п. З. А между тѣмъ вопросъ шелъ о подложномъ составленіи этого акта, и потому подлинникъ былъ необходимъ къ дѣлу. Все сейчасъ изложенное заключалось въ объясненіяхъ С. на жалобу З., приложенную къ дѣлу, и несмотря на то въ опредѣленіи 4 октября судъ нашелъ, что С. не имѣлъ права отобрать отъ З. письменныхъ документовъ безъ соблюденія формальностей, предписываемыхъ 507 и 508 ст. XXIV св. воен. пост., но послѣ словесныхъ объясненій данныхъ С. въ засѣданіи суда, въ которыхъ С. лишь развилъ свои письменныя объясненія, оставаясь въ существѣ имъ совершенно вѣрнымъ, судъ нашелъ, что С. дѣйствовалъ правильно и не призналъ его въ чемъ либо виновнымъ. Хорошо значитъ судъ вникалъ въ то, что ему было доложено 4 октября, и какъ онъ значитъ твердъ въ пониманіи обязанностей слѣдователя.

Далѣе второй пунктъ обвиненія С. по дѣлу состоитъ въ томъ, что С. не извѣщалъ З. о времени допроса свидѣтелей по его дѣлу. Камера С. помѣщалась рядомъ съ управленіемъ З., ему разъ на всегда было объяснено о допросѣ свидѣтелей, гдѣ и въ какое время онъ производился; п. З. самъ находился на свободѣ, черезъ него, какъ черезъ начальника почти всѣхъ свидѣтелей, производился вызовъ свидѣтелей, его подчиненныхъ, и ему нужно было еще особо рапортовать, какъ начальнику: не соблаговолите ли пожаловать къ допросу такого-то свидѣтеля?! Кромѣ того нѣкоторыхъ свидѣтелей нужно было именно допрашивать въ отсутствіи З., какъ ихъ начальника, или потому что онъ вліялъ на нихъ, какъ на подрядчиковъ его управленія. В. судъ было поставилъ въ вину С. допросъ свидѣтелей въ отсутствіи З., но послѣ объясненій 18 января оправдалъ С. совершенно; опять—на какомъ же основаніи 4 октября суду дѣйствія С. казались нарушеніемъ?

Что касается до жалобы Ш., то мы считаемъ необходимымъ, чтобъ особенно не распространяться, сказать только, что, такъ называемый, отводъ Ш. былъ предъявленъ только тогда, когда С. узналъ, что отъ него отбираютъ участокъ, въ которомъ былъ З. и Ш. съ ихъ дѣлами, и вотъ въ чемъ была главная причина, къ которой С. не придавалъ особеннаго значенія отводу; С. зналъ что ему уже и безъ того не придется производить слѣдственныхъ дѣйствій по дѣлу Ш., что дѣйствительно такъ и было. Но для того, чтобъ не пріучать начальства къ неосновательнымъ отводамъ безъ всякихъ причинъ, лишь бы избавиться отъ неподатливаго слѣдователя, С. считалъ необходимымъ поставить отводъ на надлежащую почву. Въ самомъ дѣлѣ и по уставу, да и по самому существу дѣла, нельзя же жалобу на слѣдственныя дѣйствія смѣшивать съ отводомъ; иначе, какъ только слѣдователь неправится, стоитъ написать на него, какую бы то нибыло пустенькую жалобу, назвать ее отводомъ и дѣло въ шляпѣ, и слѣдователь отведенъ, а если еще начальство держитъ

сторону обвиняемаго, то конечно всякій отводъ будетъ достигать своей цѣли. Потому есть основаніе требовать, чтобъ отводящій предъявлялъ настоящія причины отвода, а не дѣлалъ бы изъ жалобы отвода. Отводъ и жалоба, вѣдь, имѣютъ различныя направленія—отводъ представляется начальству, а жалоба пріобщается къ дѣлу съ объясненіями, потому уже самому необходимо строго различать отводъ отъ жалобы. Вслѣдствіе такой фактической обстановки дѣла, вслѣдствіе такихъ юридическихъ соображеній, представленныхъ С. въ засѣданіи 18 января передъ судомъ, судъ призналъ С. не виновнымъ, а между тѣмъ 4 октября, хотя обстоятельства были на столько же ясны изъ письменныхъ объясненій С., судъ призналъ С. нарушившимъ свои обязанности.

Что касается до жалобы Д. и его начальства, то здѣсь самый главный вопросъ, имѣющій общій интересъ, сводится къ слѣдующему: какими же правами пользуется начальство обвиняемыхъ въ отношеніи предварительнаго слѣдствія, какъ смотрятъ судъ и судьи на эти права, на положеніе слѣдователя? Воен. окр. судъ призналъ въ концѣ концовъ дѣйствія С. правильными, законными, но это вопросъ случая, частнаго факта, и снова могутъ появиться военно-судебные дѣятели, которые все-таки станутъ утверждать, что начальство имѣетъ право само или черезъ своихъ представителей присутствовать при слѣдствіи, разсматривать подлинное слѣдственное производство, пока оно находится на рукахъ у военнаго слѣдователя, направлять предварительное слѣдствіе, принимая на себя обязанности слѣдователя, отодвигая слѣдователя на задній планъ. Вопросъ этотъ весьма важенъ и въ военно уголовномъ законодательствѣ вовсе не разработанъ, имѣетъ прямое отношеніе къ разсматриваемому нами, въ этой части нашего труда, вопросу объ отношеніяхъ судей къ военнымъ слѣдователямъ, и вообще о положеніи правосудія въ нашихъ войскахъ, насколько оно зависитъ отъ дѣятельности воен. слѣдователей.

Статья XXIV св. воен. пост., говорящая о правахъ начальства

обвиняемаго, въ отношеніи уже начатаго и производящагося предварительнаго слѣдствія, на нарушеніе которой жаловалось таможенное начальство, есть статья 463.

У насъ нѣтъ военно-юридической литературы, которая обработывала бы вообще вопросы военной юриспруденціи, а между тѣмъ только отъ военныхъ и можно ждать такой обработки; нельзя же ожидать, чтобъ такимъ трудомъ занялся кто нибудь изъ лицъ занятыхъ вообще вопросами юридическими. Военное вѣдомство пользуется выгодами тѣхъ, или другихъ статей воен. судеб. устав. или, напротивъ того, страдаетъ отъ неумѣлаго ихъ примѣненія, потому и нужно разсчитывать только на военныхъ: въ уст. уг. суд. нѣтъ ничего подобнаго 463 ст. с. в. п.

Пора разработать 463 статью, она имѣетъ весьма важное значеніе, и о ней имѣются самыя смутныя и невѣрныя представленія.— Вотъ и Мартыновъ съ Анисимовымъ въ своемъ проэктѣ, о которомъ мы не разъ упоминали, утверждаютъ, будто бы военно-судебный уставъ даетъ право начальству руководить слѣдствіемъ и, утверждая это, прямо ссылаются на ст. 463.

Общія начала, положенныя въ основаніе военно-судебныхъ уставовъ, какъ мы видѣли, твердятъ, что судъ надо отдѣлить отъ администраціи и вдругъ Мартыновъ съ Анисимовымъ объявляютъ, что 463 ст., даетъ право начальству обвиняемыхъ руководить слѣдствіемъ. Такъ и чувствуется, что что-то да не такъ. Мартыновъ съ Анисимовымъ говорятъ о 463 ст. чрезвычайно коротко, за то В. в.-о. судъ въ своемъ опредѣленіи 4 октября сильно распространяется о 463 ст., потому мы и будемъ держаться въ нашемъ изложеніи, приведеннаго нами доклада; вѣдь это мнѣніе цѣлаго суда! Слѣдуя за судомъ, мы раскроемъ насколько нашъ судъ понимаетъ слѣдственный процесъ, и на сколько онъ понимаетъ свое собственное положеніе.

Что начальство обвиняемыхъ не призвано руководить военными слѣдователями, это видно изъ статьи 435, которая прямо говоритъ, что военные слѣдователи дѣйствуютъ самостоятельно, а затѣмъ и

463 ст., опредѣляетъ, что указанія начальства вовсе необязательны для военнаго слѣдователя—онъ просто можетъ не обратить на нихъ вниманія; слѣдователю если и придется слушать, такъ только судъ, въ который начальникъ можетъ жаловаться; если судъ признаетъ, что требованія начальства основательны, то можетъ обязать слѣдователя поступить такъ или иначе; ясно, что отъ такого порядка до руководительства—цѣлая бездна. Вообще можно затрудниться отвѣтить на вопросъ: зачѣмъ въ воинскомъ уставѣ существуетъ 463 ст.? такъ какъ тѣ права, которыя она даетъ начальству, ему принадлежатъ и на общемъ основаніи. Что даетъ 463 ст. начальству, мы это выведемъ изъ подробнаго разсмотрѣнія смысла и значенія 463 ст.

Въ опредѣленіи суда 4 октября сказано, что обвиненія противъ С. основаны на прямомъ смыслѣ 463 ст., но въ томъ-то и дѣло, что прямого смысла эта 463 ст. вовсе не имѣетъ, и если прямо смотрѣть на дѣло, то никакъ не отгадаешь, для чего введена эта статья въ уставъ. Статья эта говоритъ, что военный начальникъ, по требованію коего производится слѣдствіе, можетъ освѣдомляться лично или черезъ довѣренное лицо о положеніи слѣдствія, обращать вниманіе слѣдователя на такія обстоятельства, какія признаетъ нужнымъ для разъясненія дѣла. Такимъ образомъ прямой смыслъ статьи весьма незатѣйливъ—начальство имѣетъ право узнавать о положеніи дѣла; но кто же *не имѣетъ* права узнавать о положеніи дѣла? И полиція можетъ справляться о положеніи дѣла; любое административное вѣдомство, и тюремное начальство, иногда, нуждается въ свѣдѣніяхъ о положеніи дѣла; но никто же не станетъ утверждать, что тюремное начальство можетъ руководить слѣдствіемъ; частныя лица, страховыя общества, наконецъ, могутъ справляться и часто справляются у слѣдователя о положеніи дѣла.

Далѣе, на основаніи 463 ст., военное начальство имѣетъ право обращать вниманіе слѣдователя на извѣстныя обстоятельства въ

дѣлѣ, но опять кто же не имѣетъ права обращать вниманія слѣдователя на извѣстныя обстоятельства и при томъ съ равною для слѣдователя обязательностью; начальство можетъ обращать вниманіе слѣдователя на извѣстныя обстоятельства, но слѣдователь можетъ не обратить ни малѣйшаго вниманія на представленія начальства, и начальство лишь можетъ обратиться въ судъ съ жалобой на слѣдователя, слѣдовательно, снова, 463 ст., даетъ начальству очень мало.

Присутствіе 463 ст. въ XXIV с. в. п. объясняется просто; комиссія, составлявшая XXIV кн. с. в. п., должна была прислушиваться къ мнѣніямъ разныхъ лицъ, дѣлать имъ уступки. Подъ вліяніемъ сильныхъ военныхъ администраторовъ въ нашъ уставъ попала не одна 463 ст., противорѣчащая общему духу воен.-судебн. уставовъ, а и много другихъ напр. ст. 172, 181; присутствіе такихъ статей указываетъ на разныя теченія на глубинѣ, съ которыми приходилось считаться, указываетъ на то, какъ старались удержать побольше старины, и уступали только необходимости. Въ отправленіи правосудія, предварительное слѣдствіе есть важный моментъ; слѣдствіе можетъ раскрыть многое, можетъ глубоко запустить испытующій зонтъ въ темныя области, и потому представители разныхъ интересовъ старались оставить за собою побольше прежнихъ правъ; юристы въ комиссіи не могли противустать сильнымъ вліяніямъ, однако поступались интересами правосудія не охотно, старались уступить поменьше и въ результатѣ явилась 463 ст. Юристы, какъ бы, удовлетворили представителей различныхъ интересовъ, дали имъ статью, о которой во время составленія судебныхъ уставовъ и послѣ толковали, что она даетъ право начальству руководить слѣдствіемъ, но съ другой стороны редактировали 463 ст. такъ, что она въ сущности никакихъ правъ начальству не даетъ, чего представители сторонникъ правосудію интересовъ не замѣтили однако.

Игра однако вышла плохая, и въ извѣстныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, хватаются за эту 463 ст. для того, чтобы провести, чуждые правосудію, интересы, чтобъ достигнуть результатовъ противоположныхъ справедливости; и тутъ уже угодливые юристы спѣшатъ явиться на помощь, опрометчиво провозглашая, что 463 ст. даетъ право начальству руководить слѣдствіемъ. Услужливые люди готовы вывести самыя широкія права начальства изъ 463 ст.; удивляемся, зачѣмъ только эти люди произвола стараются всегда облекать свои беззаконія въ законныя формы? самыя беззаконныя стремленія уничтожить всякую самостоятельность, всякое значеніе слѣдователя, опираютъ на 463 ст. XXIV. По этому-то такія статьи, какъ 463 и являются пробнымъ камнемъ для судебной организаціи, ея живучести, достоинства судей, ихъ самостоятельности, независимости, стремленія только къ одной правдѣ.

С. своею дѣятельностью и доставилъ В. военно-окружному суду высказаться въ этихъ отношеніяхъ.

Дѣло было такъ. Въ 7-ми верстномъ пространствѣ отъ границы въ Л. и Р. уѣздахъ П. губерніи лежатъ помѣстья богатыхъ землевладѣльцевъ. Въ этой 7-ми верстной полосѣ хозяйничаютъ и земская полиція и пограничная стража; полоса тѣсная, а вмѣстѣ съ тѣмъ соблазнительная, и двѣ полиціи столкнулись на ней. Между пограничной стражей и однимъ изъ землевладѣльцевъ Л. существовали старинныя недоразумѣнія. Домъ, въ которомъ помѣщались люди пограничной стражи, принадлежалъ Л., и конечно онъ хотѣлъ, чтобъ его имущество приносило доходъ, но и офицеръ пограничной стражи В., считая выгоднымъ для себя помѣщать постъ въ готовомъ домѣ, не менѣе выгоднымъ считалъ также не платить денегъ за занимаемый домъ, хотя деньги отъ казны получалъ. Землевладѣлецъ требовалъ платежа, пограничная стража къ нему придиралась. Случилось, что пограничному стражнику прострѣлили ногу, когда онъ былъ на границѣ; пограничная стража стала обвинять прислугу землевладѣльца Л.

въ томъ, что ногу прострѣлилъ одинъ изъ прислуги Л., проносившій контрабанду для Л.—шампанское и т. п. Стражникъ однако впослѣдствіи сознался, что прострѣлилъ себѣ ногу самъ, изъ желанія уклониться отъ службы. Магнаты любятъ доставлять своимъ богатымъ сосѣдямъ удовольствія, устраивая для нихъ облавы, и вотъ для пограничной стражи прекрасный случай досадить Л.; Л. назначаетъ на такое-то число облаву, о ней заранѣе вездѣ говорятъ, но офицеръ пограничной стражи заявляетъ торжественно, что облавы не допуститъ. Къ старому нерасположенію прибавляется и съ той и съ другой стороны желаніе показать себя. Л. проситъ, какъ то и слѣдовало по закону, земскую полицію разрѣшить ему устроить облаву; разрѣшеніе дается; извѣщается о разрѣшеніи офицеръ пограничной стражи Д., что только и требовалось по закону; отъ него получается запрещеніе охотиться, изложенное на почтовой бумагѣ, на ломанномъ французскомъ языкѣ. Предлогъ для запрещенія охоты состоялъ въ томъ, будто бы, что секретно было сообщено, что соціалисты хотятъ провезти контрабанду, а охота можетъ способствовать тому, и еще то, что будто-бы таможенный уставъ предписываетъ въ 7-ми верстномъ разстояніи не допускать никакихъ сборищъ людей. Какъ извѣстно, за благовидными предлогами для прикрытія произвола и своекорыстія, у нашихъ начальствъ остановки не бываетъ, благо начальствамъ нашимъ въ сущности рѣдко когда приходится отвѣчать. Таможенный уставъ запрещаетъ собственно не сборище вообще, а сборища *подозрительныхъ лицъ*, но для начальства это все равно; развѣ много нужно, чтобъ начальство признало всѣхъ подозрительными; поди ты доказывай тамъ, что ты не подозрительный; передъ кѣмъ это доказывать? да никто и слушать не станетъ: пр. Д. утверждаетъ, что *всякое* сборище пограничныхъ людей есть уже всегда подозрительное, значитъ оно такъ и есть. Истолковать всякій законъ произвольно, этому искусству учиться не надо, оно и безъ того хорошо знакомо.

Для пограничной 7-ми верстной полосы на счетъ охоты существуетъ законъ, что разрѣшать устройство облавъ предоставляется земской полиціи, а сверхъ того, намѣревающіеся охотиться, обязаны заранѣе о своемъ намѣреніи извѣстить ближайшаго офицера пограничной стражи, съ тѣмъ чтобъ охота для него не была неожиданностью, чтобъ онъ не принялъ выстрѣловъ охотниковъ за тревогу, чтобъ былъ на-сторожѣ. Такъ и мотивировано это послѣднее распоряженіе. Не смотря на разъясненіе распоряженія указаніемъ его цѣли, Д. толковалъ, что если требуется *извѣщеніе* офицера, то значитъ офицеръ *имѣетъ право запрещать* охоту по своему усмотрѣнію.

И такъ Л. получилъ разрѣшеніе на облаву отъ земской полиціи; въ виду извѣстнаго ему намѣренія Д., запретить и помѣшать охотѣ, Л. постарался еще запастись земскимъ стражникомъ, который по распоряженію начальника уѣзда долженъ былъ всюду сопутствовать облавѣ.

Утромъ, въ день охоты, собравшіеся у Л. охотники, богатые магнаты, порѣшили, что Д. законнаго права запрещать облаву не имѣетъ, объ облавѣ онъ своевременно извѣщенъ, и потому выѣхали охотиться; но едва они въѣхали въ лѣсъ—передъ ними, какъ изъ подъ земли, выросъ маленькій отрядъ пограничной стражи и, предводительствовавшій отрядомъ, Ф. задержалъ охотниковъ, объявивъ имъ, что они арестовываются, въ самомъ дѣлѣ ихъ арестовалъ и препроводилъ въ казарму пограничнаго поста, гдѣ имъ Д. объявилъ, что доставитъ ихъ въ таможню. Кончилось дѣло тѣмъ, что отъ нихъ отобрали оружіе, продержали столько времени, сколько нужно было, чтобъ отобрать оружіе, чтобъ имѣть возможность поломаться, поважничать и затѣмъ согласились отпустить охотниковъ по домамъ съ тѣмъ, чтобъ они утромъ были въ таможнѣ для составленія протокола. Стражникъ земскій Г., сопровождавшій охоту, въ доказательство ея легальности, тоже былъ задержанъ вмѣстѣ съ охотниками.

Дѣло это, доказавшее старую истину, о которой часто говорятъ, что у насъ одновременно дѣйствуетъ нѣсколько полицій, надѣлало много шуму. П. губернаторъ, извѣщенный о происшествіи, тотчасъ телеграфировалъ о немъ выше, какъ о чрезвычайномъ происшествіи, выставилъ на видъ арестованіе земскаго стражника, оскорбленіе его различными угрозами, насиліемъ; такого же содержанія телеграмма была послана министру в. д. Жандармскій полковникъ произвелъ дознаніе и увѣдомилъ губернатора, что земскій стражникъ Г. подкупленъ, съ тѣмъ чтобъ онъ далъ льготное для пограничной стражи показаніе, и дѣйствительно при первомъ же допросѣ, вопреки имѣвшимся у губернатора свѣдѣніямъ, стражникъ Г. далъ показаніе, что никто надъ нимъ насилія не учинялъ, пистолета къ груди не приставлялъ, смертью не угрожалъ. Тогда П. губернаторъ собралъ совѣтниковъ губернскаго правленія и съ ними порѣшилъ, что Г. своими, противорѣчащими истинѣ, показаніями уронилъ достоинство земской стражи, почему Г. былъ тотчасъ же уволенъ изъ службы. Затѣмъ завязалась переписка между губернаторомъ и военнымъ прокуроромъ о необходимости слѣдствія, такъ какъ былъ оскорбленъ пограничной стражей земскій стражникъ, что обыкновенно преслѣдуется какъ оскорбленіе часоваго. Съ своей стороны начальство пограничной стражи распорядилось производствомъ дознанія и пришло въ восторгъ отъ распорядительности и правильности дѣйствій Д. Всѣ его доводы и оправданія, указанные нами выше, были признаны безукоризненными; дознаніе прошло черезъ много рукъ, и всякій, черезъ чьи руки проходило дознаніе, присоединялъ свое мнѣніе, доказывающее справедливость Д. По настоянію П. губернатора, дѣло не ограничилось дознаніемъ, а было передано военному слѣдователю для производства слѣдствія. Началось слѣдствіе, таможенное начальство засуетилось, таможенный департаментъ предписалъ начальнику округа, чтобы онъ назначилъ офицера для защиты во время слѣдствія интересовъ пограничнаго вѣдомства. Г., уволенный изъ полиціи, былъ приглашенъ

на службу въ таможенное вѣдомство на большое содержаніе. Начальникъ таможеннаго округа, передавая С. дѣло для производства слѣдствія, писалъ заранѣе, что онъ считаетъ Д. правымъ и извѣстилъ С., что по требованію таможеннаго департамента назначаетъ Сав. для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся дѣйствій нижнихъ чиновъ пограничной стражи въ 7-ми верстномъ пространствѣ отъ границы при производствѣ С. слѣдствія о прапорщикѣ Д., обвиняемомъ въ нарушеніи караульной службы и превышеніи власти. Самъ Сав. извѣщалъ С., что онъ назначенъ состоять при С. во время производства *судебнаго* (?) слѣдствія о прапорщикѣ Д. для разъясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, являющихся по предмету дѣйствія чиновъ пограничной стражи. Оба — и начальникъ округа и Сав. требовали, чтобъ С. сообщилъ имъ заранѣе о времени и мѣстѣ производства слѣдствія. Зная, что таможенное начальство заинтересовано, заранѣе составило мнѣніе о дѣлѣ, старалось во что бы то ни стало провести свои взгляды, отстоять такъ называемые интересы пограничной службы, старалось во что бы то ни стало обезпечить себѣ и на будущее время возможность дѣйствовать произвольно, находя, что требованія начальства незаконны, напоминаютъ прежнихъ депутатовъ съ военной стороны при производствѣ слѣдствія, С. рѣшился не допустить таможенное начальство вмѣшаться въ дѣло и не отвѣтилъ ни слова ни Сав., ни начальнику таможеннаго округа. Достаточно того, что С., требуя высылки свидѣтелей, извѣщалъ о времени и мѣстѣ слѣдствія; С. выѣхалъ на мѣсто производства слѣдствія, произвелъ его, и докончилъ все существенное въ слѣдствіи и только тогда Сав., догадавшись изъ переписки, что слѣдствіе о Д., С. уже производитъ, явился на мѣсто производства слѣдствія. Здѣсь онъ предъявилъ требованіе о допущеніи его къ присутствованію при самомъ слѣдствіи, такъ какъ онъ присланъ былъ начальствомъ для того, чтобы приступить къ разъясненію *могущихъ встрѣтиться* при производствѣ дѣла о Д. вопросовъ, *разъясненіе которыхъ при-*

знается имъ нужнымъ; С. отвѣтилъ Сав., что онъ и его начальство не вѣрно понимаютъ 463 ст., не допустилъ его присутствовать при слѣдствіи, не показалъ ему подлиннаго производства и уѣхалъ изъ Р., мѣста производства слѣдствія. И вотъ на такія-то дѣйствія С. начальникъ таможеннаго округа жаловался окружному суду, утверждая, что С. нарушилъ 463 ст., за такія-то дѣянія В. военно-окружный судъ, въ опредѣленіи 4 октября, призналъ необходимымъ возбудить противъ С. дисциплинарное производство.

Въ своемъ отвѣтѣ Сав., С. доказывалъ, что притязанія его и его начальства незаконны, что требованія Сав. таковы, какъ будто онъ хочетъ замѣнить С. въ качествѣ слѣдователя; если онъ хотѣлъ состоять при С. во время производства слѣдствія, если онъ хотѣлъ самъ приступить къ разъясненію вопросовъ, то значитъ хотѣлъ самъ быть слѣдователемъ; иначе, если онъ хотѣлъ присутствовать въ качествѣ эксперта, то эксперты избираются слѣдователемъ, а не начальствомъ, и тогда, когда то признаетъ нужнымъ слѣдователь, а не начальство. 463 ст. требуетъ, чтобы начальство точно, опредѣленно указало какіе именно вопросы оно считаетъ нужнымъ изслѣдовать во время слѣдствія, и слѣдователь, на основаніи той же 463 ст., можетъ отказать въ изслѣдованіи этихъ вопросовъ, а между тѣмъ Сав. требовалъ допустить его къ разъясненію неопредѣленныхъ заранѣе вопросовъ, какихъ онъ самъ не зналъ напередъ, а ждалъ, что эти вопросы ему представятся изъ самаго слѣдственнаго производства. С. доказывалъ, что присутствовать при слѣдствіи начальство не можетъ, такъ какъ нашъ законъ, точно обозначая, что присутствовать при слѣдствіи могутъ обвиняемые, гражданскіе истцы, прокуроры и то только наблюдающіе за производствомъ слѣдствія, еслибы хотѣлъ распространить тоже право и на начальство, выразилъ бы это или въ 463, или въ особой статьѣ съ такою же категоричностью, какъ выразилъ это относительно обвиняемыхъ и т. д., если же законъ, занимавшійся вообще вопросомъ о значеніи началь-

ства, этого не сдѣлалъ, то конечно потому, что и не считалъ нужнымъ вооружить начальство особыми правами. Для насъ вполнѣ понятно, почему такъ поступилъ законъ. Начальникъ, имѣющій безграничную власть надъ обвиняемымъ, свидѣтелями, присутствуя при слѣдствіи, можетъ повліять на направленіе слѣдствія; начальникъ можетъ наказать свидѣтелей, показавшихъ во вредъ лично начальнику, или защищаемому имъ дѣлу; начальникъ, зная о ходѣ дѣла, можетъ принять мѣры для сокрытія слѣдовъ преступленія, изобличающихъ его самаго, или порядки его части; обвиняемый будетъ стѣсненъ въ своихъ объясненіяхъ, если будетъ давать показанія въ присутствіи начальника. Точно такія же соображенія можно привести въ доказательство невозможности открывать передъ начальникомъ подлинное производство. Почти въ каждомъ дѣлѣ, такъ или иначе начальство заинтересовано, замѣшано; начальство всегда можетъ быть привлечено къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. Очевидно, что нѣтъ никакого основанія давать начальнику болѣе правъ, чѣмъ то ему даетъ 463 ст., а именно слѣдователь обязанъ извѣщать только начальство о положеніи дѣла, и затѣмъ выслушивать точныя указанія начальства на предметы, которые необходимо изслѣдовать. Только такія отношенія начальства вполнѣ согласны съ общими принципами, которыхъ старалась достигнуть XXIV ст. вое. пост., а именно съ отдѣленіемъ власти военно-административной отъ судебной; слитіе судебной власти съ административной признано важнымъ недостаткомъ прежней системы судоустройства и судопроизводства. В. же военно-окружный судъ, въ опредѣленіи своемъ отъ 4 октября, стремился возвратиться къ прежней системѣ. В. военно-окружный судъ, утверждая, что его мнѣніе о томъ, что С. долженъ былъ допустить Сав. *къ разъясненію вопросовъ, могущихъ встрѣтиться, которые признаются имъ нужными* и показать ему подлинное слѣдственное производство, прямо вытекаетъ изъ точнаго смысла 463 ст., долженъ былъ, однако, чтобъ доказать свое положеніе, допустить широкое толкованіе

463 ст., подойдти къ своему положенію обходомъ, изворотами. За исходную точку своего взгляда В. военно-окружный судъ принялъ, будто бы, цѣли начальства и военнаго слѣдователя тождественны, тогда какъ нѣтъ ничего несправедливѣе такого положенія; оно гораздо менѣе справедливо положенія, что цѣли обвиняемаго и слѣдователя тождественны. Начальство имѣетъ въ виду, преслѣдуетъ всегда такъ наз. интересы военной службы, а слѣдователь долженъ знать только интересы правосудія; слѣдователь, вопреки интересамъ начальства, можетъ пріостановить дѣло; слѣдователю, изслѣдуя дѣло, почти всегда приходится разслѣдовать тѣ порядки въ войскѣ, которые создаютъ преступленія; а можетъ ли тотъ, кто разслѣдываетъ порядки, открываетъ въ нихъ зародыши преступленій, быть солидарнымъ съ тѣмъ, кто такіе порядки создаетъ, поддерживаетъ и отвѣчаетъ за нихъ. Законъ ясно все это опредѣляетъ. Въ законѣ сказано, что слѣдователь производитъ слѣдствіе совершенно самостоятельно, а начальство должно только всѣми мѣрами оказывать содѣйствіе военному слѣдователю, совершенно такъ же, какъ полиція содѣйствуетъ судебному слѣдователю. Слѣдователь, сказано въ законѣ, измѣняетъ, дополняетъ то, что сдѣлано начальствомъ во время дознанія. Солидарность интересовъ слѣдователя и начальства докладъ прямо опираетъ на то, что, будто бы, помимо начальства не можетъ быть начато слѣдствіе. Такое мнѣніе распространено весьма, и даже Спасовичъ, защищая Розена повторилъ это мнѣніе передъ морскимъ судомъ, но тѣмъ не менѣе оно крайне невѣрно. Высказывающіе такое мнѣніе или сознательно эксплоатируютъ въ своихъ интересахъ нѣкоторыя неосторожныя фразы въ законѣ, или же наивно ошибаются. Слѣдователь, на основаніи 435 ст., можетъ самъ изслѣдовать предметы обвиненія, находящіеся въ тѣсной связи съ тѣмъ, что составляетъ первоначальный предметъ изслѣдованія, какъ бы эти предметы, находящіеся въ тѣсной связи, не измѣнили первоначальнаго содержанія обвиненія; какъ бы начальство не противи-

лось, слѣдователь самостоятельно имѣетъ полное право изслѣдовать предметы, находящіеся въ тѣсной связи. Только при обнаруженіи обвиненій, неимѣющихъ положительной связи съ изслѣдуемымъ уже дѣломъ, на основаніи 422 ст., слѣдователь долженъ узнать согласно ли начальство на обслѣдованіе этихъ не имѣющихъ связи предметовъ; но и тутъ начальство не произвольно, надъ нимъ виситъ Домокловъ мечъ въ видѣ статьи закона, по которой само начальство можетъ быть привлечено, какъ за укрывательство преступленія. По общимъ преступленіямъ преслѣдованіе можетъ быть возбуждено военнымъ прокуроромъ какъ бы тому ни противилось начальство (421 ст.). На основаніи 423 ст. XXIV сводъ военныхъ постановленій, слѣдователи окружныхъ судовъ могутъ начинать совершенно самостоятельно слѣдствія о нижнихъ чинахъ, совершившихъ общія преступленія въ мѣстахъ, не состоявшихъ въ вѣдѣніи военнаго начальства. Такія слѣдствія возникаютъ на основаніи устава уголов. судопр. и такихъ слѣдствій въ военномъ вѣдомствѣ производится очень много. Слѣдствія объ офицерахъ могутъ быть начаты и производиться на основаніи 424 ст. тоже помимо и вопреки воли начальства. Частное лице имѣетъ право настоять на возбужденіи преслѣдованія противъ военно-служащаго вопреки волѣ начальства, обвиняемаго 419 и 431 ст. ст. XXIV. Затѣмъ на основаніи 835 ст. XXIV, военно-служащій можетъ быть преслѣдуемъ и наказанъ по иниціативѣ военнаго суда помимо всякаго участія непосредственнаго начальства; на основаніи 843 ст., преслѣдованіе можетъ быть тоже возбуждено судомъ помимо всякой воли начальства. Главный военный судъ, наконецъ, въ распорядительномъ засѣданіи 1 октября 1870 г. опредѣлилъ, что прокуроръ не можетъ быть стѣсненъ въ предметахъ обвиненія.

Такимъ образомъ исходный пунктъ, по которому въ опредѣленіи военно-окружнаго суда 4 октября считалось, что начальство имѣетъ

право руководить слѣдствіемъ — не основателенъ. Опредѣленіе суда, утверждая, что оно держится точнаго смысла 463 ст., оказывается между тѣмъ крайне нерѣшительнымъ въ своихъ выводахъ; въ этомъ опредѣленіи разъ говорится, что начальство имѣетъ несомнѣнное право распоряжаться слѣдствіемъ, въ другой же разъ опредѣленіе дѣлается крайне сдержаннымъ и утверждаетъ, будто бы начальство имѣетъ лишь *нѣкоторое право принимать* участіе въ слѣдствіи; но если смыслъ 463 ст. точенъ, то мало сказать, что начальство имѣетъ право, но необходимо сказать *какое же именно* право признается закономъ за начальствомъ; это оказывается однако невозможнымъ, такъ какъ законъ не даетъ начальству никакихъ особенныхъ правъ. Кого законъ намѣревается снабдить извѣстными правами, о тѣхъ, напр. о прокурорахъ, можно положительно и точно сказать въ чемъ именно ихъ участіе въ производствѣ слѣдствія должно состоять; въ законѣ обозначена съ точностью самая форма участія. Въ докладѣ суду было изложено, что 463 ст. будто бы даетъ начальству право разсматривать во время производства слѣдствія слѣдственное производство, иначе начальство будетъ въ невозможности выполнить другое требованіе 463 ст., обращать вниманіе слѣдователя на такіе предметы, разъясненіе которыхъ начальство признаетъ нужнымъ; но, во-первыхъ, это только выводъ изъ 463 ст., прямо объ этомъ въ 463 ст. не говорится; во-вторыхъ, кто же говоритъ, что статья 463 *требуетъ* отъ начальства, чтобъ оно обращало вниманіе слѣдователя? 463 ст. даетъ *только право* начальству обращать вниманіе слѣдователя, а это не одно и тоже. Начальство можетъ обращать вниманіе слѣдователя на извѣстные факты, извѣстныя ему обстоятельства, но такіе, которые стали ему извѣстны путемъ дознанія, слуховъ и т. п., а никакъ не изъ слѣдственнаго производства; съ фактами, добытыми слѣдствіемъ, уже конечно лучше чѣмъ начальство съумѣетъ распорядиться слѣдователь, а затѣмъ прокуроръ. Начальство на основаніи 463 ст. можетъ обращать вниманіе слѣдователя на тѣхъ же

точно основаніяхъ какъ полиція, участіе которой въ разслѣдованіи преступленій воинскихъ и общихъ, совершенныхъ въ мѣстностяхъ, находящихся въ исключительномъ вѣдѣніи начальства, устраняется. Въ разслѣдованіи этихъ преступленій, роль начальства прямо приравнивается къ роли полиціи; таковъ точный смыслъ 253, 390, 395, 398, 400, 399, 435, 440, 441, 442; вездѣ въ этихъ статьяхъ военное начальство упоминается на ряду съ полиціей, что поручается полиціи вообще, то поручается и военному начальству. Въ 390 статьѣ прямо сказано, что слѣдствія производятся «*при содѣйствіи военнаго начальства или полиціи*». Эта 390 ст. прекрасно разъясняетъ смыслъ 463 ст. Если слѣдствіе производится только при такомъ же *содѣйствіи* начальства, каково содѣйствіе полиціи, какъ положительно утверждаетъ 390 ст. XXIV, то кто же можетъ утверждать, что начальство «руководитъ слѣдствіемъ», что начальство имѣетъ право вступать въ права слѣдователя; что обязанности начальства тѣже что обязанности слѣдователя? Развѣ только круглые невѣжды. А вотъ слѣдователь, такъ тотъ на основаніи прямаго закона имѣетъ полное право поручать начальству производить дознаніе, разслѣдованіе, совершенно также какъ и полиціи. Слѣдователь по закону отмѣняетъ, повѣряетъ все, что сдѣлано начальствомъ. Вотъ въ чемъ истинныя, законныя отношенія слѣдователя къ начальству. Все это очень далеко отъ того, будто слѣдователемъ руководитъ начальство.

Дать начальству право разсматривать слѣдственное производство, это все равно, что дать ему право присутствовать при слѣдствіи, а мы доказали, что такое право весьма вредно отразится на дѣлѣ, можетъ мѣшать открытію истины.

И такъ 463 ст. не даетъ права начальству участвовать въ разъясненіи вопросовъ, оно только можетъ обращать вниманіе слѣдователя на эти вопросы, при чемъ эти вопросы должны быть намѣчены заранѣе и точно опредѣлены начальствомъ; начальство не имѣетъ права изъ

самого слѣдственнаго дѣла выбирать вопросы, какъ того требовало таможенное начальство отъ С., потому что для этого пришлось-бы начальству разсматривать подлинное дѣло; выискиваніе вопросовъ въ самомъ слѣдственномъ дѣлѣ равнялось-бы руководительству слѣдователя начальствомъ, а это прямо противно, какъ мы доказали, закону. Къ тому-же сущность дѣла нисколько не теряетъ отъ того, что законъ устранилъ начальство отъ производства слѣдствія; домогаться руководства слѣдствіемъ во время слѣдствія могутъ только люди пустые, тщеславные, властолюбивые, своенравные, стремящіеся подчинить подъ свои ноги всякое проявленіе независимости и самостоятельности. Есть много гарантій того, чтобъ слѣдствіе производилось достаточно полно; всякое слѣдствіе разсматривается прокуроромъ и затѣмъ съ его заключеніемъ, все-таки, поступаетъ къ начальству. Начальство тогда можетъ сдѣлать свое замѣчаніе, о неполнотѣ слѣдствія; но нужно сказать, что за все время существованія суда, нигдѣ не слыхано, чтобъ когда нибудь начальство указало на серьезную необходимость дослѣдованія дѣла. Не было такого случая, что по требованію начальства оказывалась необходимость возвращать дѣло для дослѣдованія.

Начальство можетъ, говоримъ мы, обратить вниманіе слѣдователя на вопросы, но оно можетъ это дѣлать такъ, какъ дѣлаетъ это полиція; къ начальству, которое имѣетъ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ средой, въ которой совершилось преступленіе, разныя полезныя свѣдѣнія для слѣдствія могутъ притекать раньше, чѣмъ они дойдутъ до слѣдователя непосредственно. Напр. слѣдователь производитъ слѣдствіе о кражѣ, произвелъ обыскъ и ничего не нашелъ; нѣсколько времени спустя въ трубѣ казармы находятся искомыя вещи; начальство можетъ обратить вниманіе слѣдователя на это обстоятельство. Слѣдствіе производится, и во время слѣдствія начальство узнаетъ, что воръ имѣетъ любовницу и дарилъ ей ворованныя вещи; начальство узнаетъ это случайно, въ первоначальномъ дознаніи, переданномъ

слѣдователю, объ этомъ не было рѣчи, и, конечно, начальство можетъ обратить вниманіе слѣдователя на это. Вотъ какія свѣдѣнія имѣла въ виду 463 стат. В. военно-окружный судъ не понялъ смысла 463 ст., и осуждая С. за то, что онъ не допустилъ начальство до участія въ слѣдствіи, не показалъ ему слѣдственнаго производства, сдѣлалъ натянутое толкованіе, которымъ выдалъ головою свое учрежденіе, цѣлость, неприкосновенность котораго ему должна-бы была быть дорогою.

Хотя, при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла 18 января, послѣ личныхъ объясненій С. передъ судомъ, В. военно-окружный судъ призналъ дѣйствія С. правильными, но дѣло уже было испорчено; не то было бы, еслибъ судъ съ перваго раза, рѣшительно, поставилъ-бы принципъ самостоятельности слѣдствія; тогда можетъ быть Мартыновъ съ Анисимовымъ не рѣшились-бы утверждать, что 463 ст., даетъ право начальству *руководить* слѣдствіемъ; теперь Мартыновъ съ Анисимовымъ могутъ защищаться тѣмъ, что они понимаютъ 463 ст. такъ, какъ понималъ ее В. военно-окружный судъ, хотя лишь въ первоначальномъ своемъ опредѣленіи. Не будь двухъ рѣшеній суда, тогда другой слѣдователь, какъ мы говорили выше, быть можетъ не посылалъ-бы подлиннаго слѣдственнаго производства на просмотръ начальству. Въ послѣднее время одинъ изъ кандидатовъ военно-судебнаго вѣдомства Д., производя слѣдствіе по очень важному дѣлу объ убійствѣ унтеръ-офицера Павлова, допустилъ присутствовать при слѣдствіи начальника и еще жандармскаго офицера и кончилось дѣло тѣмъ, что всѣ свидѣтели, и всѣ обвиняемые на судѣ отказались отъ своихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, объяснял это тѣмъ, что ихъ показанія вынуждены были пыткою.

Затѣмъ судъ, въ опредѣленіи 4 октября, призналъ, что С. неправильно отобралъ отъ Д. списокъ оружія и другихъ вещей, отобранныхъ отъ задержанныхъ имъ охотниковъ. Въ этомъ отношеніи

судъ, осуждая С., опять сослался на то, что слѣдователь при отобраніи вещественныхъ доказательствъ долженъ руководствоваться не только 437 и 438 ст. XXIV св. воен. пост., но и 507 и 508 стат. той-же кн. и затѣмъ судъ нашелъ, что списокъ отобраннаго оружія къ дѣлу не относится.

Что касается до того, какое отношеніе существуетъ между 437, 438, 507, 508 ст. ст. и обязанъ-ли слѣдователь руководствоваться ст. ст. 507 и 508 вездѣ и во всякое время, мы уже разбирали выше и доказали тамъ всю неосновательность и несостоятельность судейскихъ взглядовъ; теперь мы считаемъ достаточнымъ сказать только, что на списокъ оружія, составленный Д., С. наткнулся совершенно случайно, и потому обязанъ былъ руководствоваться 437 и 438 ст., но не 507 и 508 ст.

Второе основаніе, почему С. не имѣлъ права отобрать списка оружія, судъ видѣлъ въ томъ, что этотъ списокъ оружія никакого отношенія къ дѣлу Д. не имѣлъ. Этотъ вопросъ требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, такъ какъ тутъ выражается неумѣніе вообще понимать дѣло и особенно вопросъ о связи между дѣлами, между обстоятельствами, что, однако, отражается очень вредно, какъ это мы увидимъ еще не разъ, на практикѣ судовъ.

Въ опредѣленіи суда 4 октября было сказано, что такъ какъ Д. обвинялся въ превышеніи власти, выразившемся въ запрещеніи охоты и въ задержаніи охотниковъ, то списокъ, отобраннаго отъ охотниковъ оружія, къ дѣлу не относился. Не знаемъ чего больше обнаружили при этомъ судьи — несправедливости или неправильности взгляда на дѣло; думаемъ, что тутъ было много и того и другаго. Несправедливо было со стороны судей обвинять С., не смотря на письменныя его объясненія, бывшія въ виду суда до 4 октября, и затѣмъ оправдать С. послѣ словесныхъ объясненій, когда дѣло нисколько не измѣнилось. 18 января С., хотя и далъ словесныя объясненія, но въ нихъ ничего не убавилъ и не прибавилъ противъ письменныхъ объ-

ясненій; ясно, что судъ 4 октября не вникъ въ дѣло, не позаботился себѣ уяснить то, что подлежало его рѣшенію. С. объяснялъ, что, задержанные Д., охотники предъявили къ послѣднему претензію, что многихъ вещей, изъ отобранныхъ у нихъ, онъ имъ не возвратилъ, что вещи эти такъ и пропали; кромѣ того отобраніе оружія входило въ понятіе объ арестованіи охотниковъ, какъ одна изъ слагаемыхъ; задержаніе по объясненію Д. въ томъ и состояло, что охотниковъ арестовали, привезли на кордонъ и держали ихъ тамъ пока не отобрали оружія. Такимъ образомъ списокъ отобраннаго оружія удостовѣрялъ фактъ отобранія оружія, и могъ служить къ оправданію Д. въ томъ, что имъ было возвращено все, что было отобрано. Списокъ этотъ при слѣдствіи предъявлялся всѣмъ свидѣтелямъ, всякій изъ нихъ спрашивался то ли отъ него отобрано, что въ спискѣ значится, и все-ли что значится было возвращено. Такимъ изслѣдованіемъ было нейтрализовано позорное обвиненіе; стало очевиднымъ, что все то, что было отобрано, все то было и возвращено. Ясно, такимъ образомъ, что списокъ оружія относился къ дѣлу и послужилъ основаніемъ для оправданія Д., по одному изъ обвиненій; а если такъ, то списокъ долженъ былъ быть отобранъ ради пользы обвиняемаго, ради пользы дѣла. И что всего страннѣе, что связи между спискомъ оружія и дѣломъ Д. не видѣлъ тотъ самый судъ, который, какъ мы излагали выше, нашелъ связь между слѣдственнымъ дѣломъ Д., обвиняемомъ въ запрещеніи охоты и задержаніи охотниковъ, и дѣломъ С., по которому обвиняемымъ являлся С. и обвинялся въ нарушеніяхъ по производству слѣдствія.

Докладъ, по которому состоялось опредѣленіе 4 октября, обвиняющее С., былъ несправедливъ въ томъ, что, вслѣдствіе пропусковъ, обстоятельства совершенно невинныя представлялись преступными. Объ этомъ мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ этимъ не менѣе всего уже сказаннаго доказывается на сколько можно поручиться за внимательное и справедливое отношеніе

къ дѣлу со стороны судей къ важному вопросу объ отвѣтственности слѣдователей, къ ихъ независимости, что въ свою очередь показываетъ на сколько судьи могутъ дорожить собственною независимостью. Нельзя-же уважать въ себѣ то, чего не можете уважать въ другихъ. Такимъ образомъ докладъ настаивалъ на томъ, что С. написалъ объясненіе на жалобу Д. не сейчасъ послѣ полученія жалобы, а спустя полтора мѣсяца. С. могъ бы скрыть это обстоятельство, стоило лишь помѣтить объясненіе заднимъ числомъ никто вѣдь не контролировалъ тогда С., но С. того не сдѣлалъ и объяснилъ только почему далъ объясненіе спустя $1^1/_2$ мѣсяца. Слѣдователи военные рѣдко сидятъ на мѣстѣ, и конечно не возятъ съ собою своихъ канцелярій; изъ постояннаго мѣстопребыванія, С. выѣхалъ въ г. Н. Д. и дѣло Д. оставилъ въ П. Жалобу начальства Д., С. получилъ въ Н. Д. и, не имѣя подъ руками дѣла, не могъ написать объясненія все время пока находился въ Н. Д., но, возвратившись въ П., тотчасъ-же написалъ объясненіе. Докладчикъ имѣлъ передъ собою это обстоятельство, ничего не могъ найдти фальшиваго въ объясненіяхъ С., не выставилъ положительныхъ обвиненій, но нѣсколько разъ возвращался къ напоминаніямъ суду, что С. далъ объясненіе спустя $1^1/_2$ мѣсяца. Во-вторыхъ, между первымъ представленіемъ С. дѣла прокурору и возвращеніемъ дѣла вторично прокурору по выдачѣ копій Д. прошло 5 мѣсяцевъ и все это время докладъ отнесъ на счетъ С., утверждая, что медленность производства на 5 мѣсяцевъ произошла отъ того, что С. первоначально отказалъ Д. выдать копіи. Но дѣло въ томъ, что дѣло, представленное С. прокурору въ январѣ, было возвращено отъ прокурора для выдачи копій только въ апрѣлѣ, слѣдовательно вотъ уже изъ 5 мѣсяцевъ просрочки, 3 мѣсяца должны быть отнесены не на счетъ С., а на счетъ другаго. Требованіе выдачи копій было заявлено обвиняемымъ только при окончательномъ предъявленіи ему дѣла; слѣдовательно, если С. долженъ былъ выдать копіи, то дѣло не поступило-бы къ прокурору въ

январѣ, а поступило-бы въ апрѣлѣ, такъ какъ выдача копій, произведенная уже не С., а заступившимъ его мѣсто, взяла 3-хъ мѣсячное время; за тѣмъ дѣло пролежало-бы у прокурора 3 мѣсяца, какъ это было на самомъ дѣлѣ, и все-таки поступило-бы въ судъ въ іюлѣ, какъ и при возвращеніи дѣла отъ прокурора для выдачи копій; слѣдовательно докладъ вовсе не правъ, насчитывая, что дѣло пролежало 5 мѣсяцевъ по винѣ С.

Что касается до невыдачи копій, то тутъ взвалили вину съ больной головы на здоровую, во всемъ отвѣтилъ слѣдователь, какъ самый низшій безотвѣтный органъ судебной власти; безотвѣтный— такъ какъ судъ призналъ, что постановленіе его о слѣдователяхъ безапеляціонно.

Дѣло было громадно, самъ обвиняемый присутствовалъ при всемъ слѣдствіи, подписывалъ каждый протоколъ, давалъ пространныя объясненія, и во все время производства слѣдствія не заявлялъ просьбы о выдачѣ копій, а сдѣлалъ такое заявленіе только при окончательномъ предъявленіи дѣла. Тутъ было очевидное желаніе протянуть время и на долго. Видя это ясно, зная, что есть множество потерпѣвшихъ, жаждавшихъ скорѣйшаго окончанія дѣла, С. отказалъ въ выдачѣ копій, хорошо понимая, что этимъ С. не уничтожалъ права Д. на полученіе копіи, такъ какъ если не С., то судъ былъ обязанъ выдать копіи, и тогда дѣйствительно дѣло разсмотрѣно было бы 5 мѣсяцами раньше. Копіи приготовлялись бы въ то время пока дѣло лежало въ судѣ безъ движенія, ожидая своей очереди, во время предварительныхъ суду распоряженій. По рѣшенію сената 1868 г. № 575 выдача копій съ предварительнаго слѣдствія обязательна и для суда.—Слѣдователь долженъ выдать копіи, но пока слѣдствіе имъ производится, а не тогда, когда просьба предъявляется уже въ то время когда у слѣдователя въ рукахъ оконченное дѣло; требованіе копіи предъявленное въ моментъ его предъявленія, есть требованіе предъявленное послѣ окончанія слѣдствія; статья 599 говоритъ, что дѣло предъяв-

ляется обвиняемому уже конченное; такое слѣдствіе можетъ быть задержано у слѣдователя, но только по причинамъ указаннымъ въ 600 ст., къ числу которыхъ выдача копій не относится.

Судъ въ своемъ опредѣленіи утверждалъ, что дѣло должно считаться оконченнымъ только послѣ того, какъ объ окончаніи его *объявлено* обвиняемому; но 599 говоритъ, что еще до предъявленія дѣла обвиняемому слѣдствіе уже кончено. Оно можетъ потомъ возобновиться, но не конченаго слѣдствія нельзя предъявлять, и если обвиняемый не сдѣлаетъ уважительныхъ указаній о неполнотѣ слѣдствія, то оно такъ и не возобновляется.

Судъ охотно призналъ, что слѣдователь долженъ былъ выдать копіи, потому что иначе это задало-бы суду, его канцеляріи работу.

Наконецъ послѣднее, въ чемъ высказалась невнимательность докладчика, а слѣдовательно и суда состояло въ слѣдующемъ: Д. обвинялъ С. въ томъ, что онъ былъ съ нимъ невѣжливъ, дерзокъ, грубъ, но не представилъ ничего фактическаго въ доказательство своихъ обвиненій кромѣ общихъ словъ, а вѣдь извѣстно, что офицерская честь слишкомъ обидчива; вѣдь Д. обвинялся въ превышеніи власти, а такіе люди паче всего обидчивы. Д. являлся къ С. въ камеру съ собакой, С. просилъ его являться на будущее время безъ собаки, и конечно это было признано Д. за обиду. Самое обвиненіе Д. въ превышеніи власти, онъ говорилъ, было для него обидой; такой взглядъ на вещи принадлежалъ не одному Д., а всякій офицеръ, совершивши что нибудь не красивое, потомъ обижается, когда его привлекаютъ къ отвѣтственности.

И В. окружный судъ, который самъ долженъ знать, которому это твердитъ главный военный судъ, что для того, чтобъ обвинить кого нибудь, нужно прежде всего установить фактъ, предметъ обвиненія, а потомъ уже обращаться къ квалификаціи; этотъ самый судъ принялъ отъ Д. готовую квалификацію, не требовалъ отъ него ни единаго факта; сказать о человѣкѣ голословно, что онъ грубъ, дер-

зокъ, мы думаемъ этимъ нельзя никого убѣдить, особенно этого должно быть недостаточно для суда; обвинитель долженъ доказать гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, при какихъ обстоятельствахъ случилось то - то, и то - то, что именно сказалъ человѣкъ, какое движеніе сдѣлалъ,— вотъ что нужно знать суду, и уже самъ судъ скажетъ было ли это грубо или дерзко; судъ не долженъ подчиняться на вѣру ни чьей квалификаціи. Все обвиненіе было бы понятно, если бы докладъ обрисовалъ личность Д., а для того въ дѣлѣ было много данныхъ. Изъ дѣла было видно, что Д. въ своихъ объясненіяхъ на показанія свидѣтелей, въ одномъ изъ протоколовъ, безъ всякаго основанія, безъ всякихъ данныхъ, очернилъ какъ нельзя больше гминнаго судью Дз., свидѣтельствовавшаго противъ Д. Д. не церемонился несправедливо утверждать, что Дз. имѣетъ за собою не хорошее прошлое, что онъ своими приговорами покровительствуетъ контробандирамъ. Когда слѣдователь спросилъ Д. жаловался ли онъ, или кто другой на приговоры Дз., онъ отвѣтилъ, что ни разу, но не посовѣстился тутъ же утверждать, что конфиденціальными письмами просилъ губернатора помѣшать выбору Дз.; губернаторъ сдѣлалъ дознаніе и оказалось, что всѣ обвиненія вздоръ. Д. не скупился на обвиненія; законъ говоритъ, что офицеры пограничной стражи имѣютъ право не допускать на границѣ сборища подозрительныхъ людей, и Д. огуломъ всѣхъ приграничныхъ жителей считаетъ подозрительными. Свое обвиненіе противъ С., Д. довелъ до того, что С. будтобы убилъ его шпіона или по крайней мѣрѣ способствовалъ этому убійству. Такое чрезвычайное обвиненіе, само по себѣ нелѣпое, важно было въ томъ отношеніи, что рисовало личность Д. и отъ его другихъ обвиненій отнимало всякую вѣру, но докладчикъ умолчалъ объ этихъ обстоятельствахъ, онъ однако, если вѣрилъ обвиненіямъ Д., долженъ былъ обвинять С. также и въ убійствѣ, а если не вѣрилъ обвиненію С. въ убійствѣ, то долженъ былъ заподозрить всѣ обвиненія Д. Мы употребляемъ слово вѣрилъ, такъ какъ другое слово здѣсь неумѣстно, потому что Д. ничего не указывалъ, а предста-

вилъ готовую квалификацію. Умолчать объ обвиненіяхъ Д. докладчикъ не имѣлъ основаній, а если умолчалъ, то сдѣлалъ это изъ побужденій несовмѣстныхъ съ справедливостью. Въ своихъ словесныхъ, 18 февраля, объясненіяхъ С. представилъ личность Д. и его обвиненія въ надлежащемъ свѣтѣ, и тотъ же судъ, который по письменному докладу, 4 октября, призналъ С. виновнымъ, 18 января оправдалъ его. Мало того; судъ сказалъ въ своемъ опредѣленіи 4 октября, что грубость, дерзость С. противъ Д. не подтверждается протоколами, само оно несостоятельно, но въ виду совокупности жалобъ на С., судъ въ опредѣленіи 4 октября приходилъ къ убѣжденію, что *есть нѣкоторое* основаніе довѣрять обвиненіямъ Д. Возьмемъ фразу суда въ подлинникѣ «въ связи съ другими обвиненіями»; развѣ она возможна для суда, понимающаго свои обязанности. Судъ можетъ признать обвиненіе только тогда, когда оно само по себѣ непреложно доказано; неслыханная вещь, чтобъ раціональный судъ, взявъ нѣсколько обвиненій, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности ни чѣмъ не доказано, сложилъ бы эти обвиненія въ одно совершенно доказанное; можетъ ли судъ утверждать что человѣкъ виноватъ, если самъ говоритъ, что есть *лишь нѣкоторыя основанія* къ обвиненію; судъ уважающій, сознающій себя, только тогда постановляетъ обвинительный приговоръ, когда обвиненіе вполнѣ доказано, а не тогда, когда есть лишь *нѣкоторыя* основанія.

Дѣло объясняется, если мы скажемъ, что докладъ, по которому состоялось опредѣленіе суда 4 октября, былъ написанъ прежнимъ аудиторомъ; вся фразеологія доклада принадлежала старому аудитору, попавшему въ члены суда; старый аудиторъ не могъ забыть, какъ въ дни практики дореформеннаго суда нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ превращались въ одно совершенное, какъ люди, противъ которыхъ были «нѣкоторыя основанія», оставлялись въ подозрѣніи, и вотъ всю эту вопіющую старину членъ суда изъ аудиторовъ помѣстилъ въ свой докладъ, а судъ въ докладъ не вникъ до-

статочно, и пришлось почувствовать С. невыгоду политики прежняго главнаго военнаго прокурора, влившаго такъ много новаго вина въ старые мѣха.—Еслибъ пострадалъ одинъ С., это еще куда бы не шло, но сегодня пострадалъ С., завтра А., послѣ завтра Б. а тамъ В., Г. и т. д., и страдаетъ общественное дѣло.

Наконецъ докладъ, а затѣмъ и опредѣленіе суда 4 октября обвиняли С. въ томъ, что С. продержалъ Ф. цѣлый день на ногахъ, дѣлая ему допросъ, но это обвиненіе торжественно провалилось, такъ какъ изъ протоколовъ видно было, что въ тотъ самый день къ которому относилась жалоба Ф., Ф. присутствовалъ при допросѣ только съ 7 до 10 часовъ вечера. Докладчикъ видѣлъ, что Ф. несправедливо обвинилъ С., но чтобы набросить тѣнь на С., докладчикъ пошелъ далѣе самаго Ф.; докладчикъ подробно исчисляетъ число исписанныхъ листовъ, составившихъ протоколы допросовъ свидѣтелей, произведенныхъ слѣдователемъ 31 іюля и приходитъ къ выводу, что С. долженъ былъ дѣйствительно употребить цѣлый день для составленія этихъ протоколовъ, а потому *вѣроятно* и Ф. цѣлый день простоялъ передъ С.; но всѣ эти соображенія докладчика излишни, такъ какъ самъ Ф. не обвинялъ С. въ томъ, что 31 іюля онъ продержалъ его на ногахъ цѣлый день.

Конечно, несправедливо, жестоко продержать цѣлый день солдата на ногахъ, но этого быть не могло; вѣдь слѣдователь же человѣкъ, и снимать и писать допросъ даже труднѣе чѣмъ стоять на ногахъ; вѣдь вѣроятно же и слѣдователь давалъ себѣ отдыхъ, а когда отдыхаетъ слѣдователь, то конечно тогда отдыхаютъ и свидѣтели и обвиняемые; кромѣ того кто бы обвинялъ, да не военный судъ, передъ которымъ часто обвиняемые простаиваютъ на ногахъ по 12 часовъ въ сутки; еслибъ кто нибудь сказалъ объ этомъ судьямъ, то у нихъ готовъ отвѣтъ: нельзя иначе—дисциплина запрещаетъ подчиненному сидѣть передъ начальникомъ, то есть передъ судомъ. А ужъ, конечно, судьямъ спокойно просидѣть въ креслахъ

12 ч. гораздо легче, чѣмъ обвиняемому простоять передъ ними столько же времени, или слѣдователю составлять протоколы.

Разсмотрѣвъ все дѣло С., 18 января, военно-окружный судъ призналъ въ концѣ-концовъ все-таки С. виновнымъ въ томъ, что С. не выдалъ копій Д. и во-вторыхъ въ томъ, что на требованіе предсѣдателя суда представить ему жалобу таможеннаго начальства и Д. отдѣльно отъ дѣла, раньше представленія прокурору оконченнаго дѣла, С. этого требованія предсѣдателя не исполнилъ, сославшись на то, что жалобы, какъ не подходящіе подъ категорію жалобъ, опредѣленную 595-й ст. XXIV воен. пост. должны быть на основаніи 596 ст. пришиты къ дѣлу, съ которымъ въ свое время и поступятъ въ судъ. По мнѣнію суда С. долженъ былъ представить жалобы въ судъ по требованію предсѣдателя, а не подшивать ихъ къ дѣлу, потому что это были такого рода жалобы, которыя не указаны въ 596 ст. (?!); но можно ли такъ спутать вопросъ? Дѣло въ томъ, что если жалобы не относились къ категоріи жалобъ, указанныхъ въ 595 ст., т. е. на медленность производства, относительно обезпеченія иска, которыя должны быть представлены въ теченіи трехъ дней, или на лишеніе свободы, представленіе которыхъ обязательно въ теченіе сутокъ, то конечно относились къ числу жалобъ указанныхъ въ 596 ст., которая говоритъ, «*по всѣмъ другимъ предметамъ не означеннымъ въ предшедшей статьѣ* 595, жалобы пріобщаются къ слѣдственному дѣлу». Никакой третьей категоріи жалобъ, которыя бы законъ обязывалъ слѣдователей представлять по требованію предсѣдателей, въ законѣ не существуетъ. И съ такимъ простымъ вопросомъ судъ не съумѣлъ справиться; можетъ ли быть что нибудь неправильнѣе такого соображенія: такъ какъ жалобы не относились къ указаннымъ въ 596 ст., то должны были быть представлены по требованію предсѣдателя!! Жалобы относились къ указаннымъ въ 596 ст., такъ какъ не относились къ 595 ст. Мало того; представленіе жалобъ въ судъ, тот-

часъ по полученіи ихъ, могло еще требоваться съ точки зрѣнія доклада и опредѣленія 4 октября, въ которыхъ признавалось, что С. неправильно не допустилъ къ участію въ производствѣ слѣдствія уполномоченнаго отъ таможеннаго вѣдомства капитана Са., и что судъ, получивши жалобы, могъ бы принять своевременныя мѣры къ исправленію допущенной С. неправильности, но представленіе жалобъ въ судъ являлось вовсе не нужнымъ послѣ рѣшенія суда, признавшаго, что С. правильно не допустилъ Са. къ участію въ производствѣ слѣдствія; исправлять значитъ ничего и не требовалось, и никакого вреда отъ непредставленія жалобъ не послѣдовало. Вопросъ о службѣ въ пограничной стражѣ, оказалось, былъ поставленъ С. правильно, дѣло разъяснено вполнѣ, такъ какъ высшее таможенное начальство, таможенный департаментъ, который имѣлъ въ своихъ рукахъ подлинное слѣдственное производство, по окончаніи его, не нашелъ ничего такого, что требовало бы дополненія и разъясненія.

Такимъ образомъ ничего утѣшительнаго не представляетъ положеніе слѣдователей; оно противорѣчитъ интересамъ правосудія, шатко, не вѣрно; тѣ, на поддержку которыхъ могли бы разсчитывать слѣдователи, выдаютъ ихъ головою начальству обвиняемыхъ, преслѣдуютъ въ нихъ добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, соблюденіе закона, и требуютъ отъ нихъ заискиванія, угожденія прихотямъ, произволу, дѣлаютъ ихъ жертвами сплетень.

Перейдемъ теперь къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ судей и прокуроровъ. Здѣсь тоже, что и въ отношеніяхъ предсѣдателей къ судьямъ, судей между собою, и къ военнымъ слѣдователямъ: со стороны прокуроровъ неумѣніе взглянуть на свои обязанности, какъ на служеніе общественнымъ интересамъ, забвеніе, что всѣ должны быть одушевлены единымъ стремленіемъ къ осуществленію цѣлей правосудія.

Одинъ изъ судей, тотъ самый, который выгналъ публику, защитника, прокурора для того, чтобъ самому не безпокоиться, именно Ф.,

по поводу его распри съ однимъ изъ помощниковъ прокурора, получилъ упрекъ отъ главнаго военнаго суда, что онъ часто вступаетъ въ неправильныя, безполезныя пререканія съ прокуратурой. Тотъ-же полковникъ Ф., руководимый именно своимъ мелочнымъ себялюбіемъ, заставилъ стоять передъ собою помощника прокурора подполковника, все время пока ему хотѣлось что-то такое объяснять помощнику прокурора въ судебномъ засѣданіи. Въ объясненіяхъ своихъ главному военному суду, до свѣдѣнія котораго дошла притязательность Ф., онъ оправдывался, что заставилъ стоять передъ собою П. на основаніи рѣшенія кассац. департ. сената 1870 г. за № 282, въ которомъ какъ разъ нельзя найдти ничего оправдывающаго Ф. Именно въ этомъ рѣшеніи кассац. департ. сената сказано, что прокуроры не должны давать свои заключенія суду сидя, а если и случится такой грѣхъ, что прокуроръ, произнося заключеніе, сидѣлъ, то это несоставляетъ существеннаго нарушенія, такъ какъ правило о томъ, что прокуроръ долженъ давать заключеніе стоя, *не выражено въ законѣ*; разница громадная. Тамъ прокуроръ давалъ заключеніе, обращался къ цѣлому суду и сидѣлъ, и сенатъ призналъ это хотя и нарушеніемъ, но не существеннымъ, призналъ, что обязанность вставать передъ судомъ для прокурора нигдѣ въ законѣ положительно не выражена, а тутъ въ дѣлѣ Ф., наоборотъ, предсѣдатель обращался къ прокурору съ длиннымъ объясненіемъ и послѣдній сидѣлъ.

Явится странное желаніе у предсѣдателя дать себя почувствовать прокурору и вотъ начнетъ предсѣдатель читать натацію прокурору въ теченіи цѣлаго часа и извольте стоять. Ф. въ объясненіяхъ главн. в. суду оправдывалъ себя еще другимъ мотивомъ; онъ утверждалъ, что прокуроръ долженъ былъ встать передъ нимъ на основаніи общаго порядка военной службы, обязывающаго младшаго выказывать уваженіе старшему. Но такая ссылка Ф., справедливая вообще, крайне несправедлива въ данномъ случаѣ. Въ какомъ смыслѣ Ф. полагаетъ, что онъ былъ старшій въ отношеніи П.? Какъ полков-

никъ къ подполковнику, но на основаніи дисциплинарнаго устава, на основ. XXII с. в. п., 100 ея стат.; штабъ-офицерскіе чины считаются равными; штабъ-офицеры являются старшими только въ отношеніи оберъ-офицеровъ. Оказаніе неуваженія, оскорбленіе младшимъ старшаго вообще нарушеніе дисциплины подполковникомъ передъ полковникомъ по закону немыслимо. Если Ф. считалъ себя имѣющимъ право на военное уваженіе къ нему со стороны П., потому что Ф. былъ предсѣдателемъ, то это опять коренная ошибка, потому-что такихъ отношеній между предсѣдателемъ и прокуроромъ нечего искать въ XXIV с. в. п., тамъ ничего подобнаго не найдется; если Ф. разумѣлъ 54 ст., XXIII, въ которой говорится, что если сойдутся разныхъ чиновъ люди на общемъ дѣлѣ, то старшій не только въ чинѣ, а по времени службы даже, является начальникомъ остальныхъ, то и эта статья не можетъ оправдать Ф. ради кончика той же 54 ст.; этотъ кончикъ говоритъ, что сходбище разныхъ чиновъ людей подчиняется старшему какъ начальнику только въ такомъ случаѣ, если отношенія между сошедшимися не опредѣлены точно въ законѣ, права же и обязанности прокурора и предсѣдателя въ засѣданіи суда точно опредѣлены; такимъ образомъ ясно, что предсѣдатель полковникъ не имѣетъ права требовать отъ прокурора подполковника никакихъ внѣшнихъ выраженій уваженія, установленныхъ военною службою, потому что такихъ выраженій никакимъ закономъ не установлено. И такъ, даже въ предѣлахъ дисциплинарныхъ отношеній, дѣйствія Ф. являются ничѣмъ не оправдываемымъ нарушеніемъ взаимной независимости всѣхъ органовъ суда, и показываютъ только какъ мало справедливыя отношенія, обезпечивающія правосудіе проникли въ сознаніе военно-судебныхъ дѣятелей, и какъ они замѣняются произвольными побужденіями и дѣйствіями. Укажемъ еще на примѣръ того, какъ обращаются судьи съ прокурорами. Полковнику Казину, предсѣдательствовавшему въ судѣ, не понравился прокуроръ и онъ кричитъ на него въ засѣданіи суда, въ то время когда прокуроръ произноситъ свою

рѣчь. «Г. Прокуроръ, я не позволю вамъ касаться предварительнаго слѣдствія.... *приказываю* вамъ не касаться.... я требую, чтобъ вы подчинились моему *приказанію*» (р. гл. воен. суда 79 № 298). Другой членъ суда М., предсѣдательствуя въ засѣданіи, тоже изъ за того что прокуроръ не хотѣлъ подчиниться его требованію говорить *да* вмѣсто *да-съ*, и не всталъ съ мѣста, довелъ свои пререканія съ прокуроромъ до того, что должны были закрыть засѣданіе. А вотъ еще подходящій примѣръ, какъ прокуроры понимаютъ старшинство чиновъ, которое они въ виду дисциплинарнаго устава, 100 ст., XXII с. воен. пост., должны знать какъ свои пять пальцевъ. Но здѣсь мы разумѣемъ уже не простаго помощника военнаго прокурора, а товарища самого главнаго военнаго прокурора М. Онъ ревизовалъ суды и, въ числѣ многихъ замѣчаній, пишетъ, что оберъ-офицеръ, въ письмѣ баталіонному командиру обвинялъ несправедливо *штабсъ-капитана* того-же баталіона въ преступленіи, и г. М. узрѣлъ въ томъ преступленіе *противъ старшаго въ чинѣ*. Оберъ-офицеръ—старшій въ чинѣ въ отношеніи *оберъ-офицера?*

Прокуратора и защита при правильной постановкѣ отправленія правосудія должны пользоваться совершенной самостоятельностью. Не даромъ-же существуетъ 163 ст. XXIV, въ которой сказано, что судьи не входятъ въ обсужденіе какихъ-бы то ни было дѣяній прокуратуры, но о всемъ замѣченномъ сообщаютъ высшему лицу прокурорскаго надзора. Необходимость изъятія лицъ прокурорскаго надзора, отъ какой бы то ни было власти судей, какіе бы не представились мотивы для этой власти, очевидна сама собою. Странно было бы положеніе прокурорскаго надзора, который долженъ слѣдить за судьями и во время судебныхъ засѣданій, и внѣ засѣданій за ихъ судейскою службою, еслибъ подлежащій надзору имѣлъ право наказывать за что бы то ни было своихъ надзорцевъ. Но судьи не понимающіе своихъ обязанностей толкуютъ дѣло иначе. Такіе судьи утверждаютъ, что, во что бы то ни стало, между лицами судебнаго вѣдомства существуютъ общія

дисциплинарныя отношенія, и кромѣ того судебныя, что всѣ особенныя правила не касаются общихъ дисциплинарныхъ отношеній; имъ нѣтъ дѣла до того, что не выдумано такихъ перегородокъ, которыя-бы отдѣляли отношенія, что въ одномъ и томъ-же человѣкѣ чувства, вызванныя одними отношеніями переходятъ на другія, что, ставъ въ непріятныя отношенія въ одной сферѣ, пользуются властью въ другой сферѣ отношеній, чтобъ вымѣстить свое огорченіе вызванное посторонними отношеніями; можетъ быть и понимаютъ это, но прикидываются наивными, имѣютъ передъ своими глазами извѣстные факты, но не въ состояніи обобщить фактовъ; все имъ представляется безсвязнымъ, разобщеннымъ, тогда какъ въ жизни все комбинируется, связывается. Разграниченіе отношеній есть плодъ казуистики, чиновническаго крючкотворства, своекорыстнаго лицемѣрія. Создалась цѣлая теорія, въ силу которой подчиненный, ставшій въ какія нибудь неловкія отношенія къ начальнику, считается неудобнымъ для службы съ этимъ начальникомъ; на этомъ основаны цѣлыя массы перемѣщеній, переводовъ, отставокъ, вездѣ считается, что подчиненный служитъ собственно никому иному какъ только лично начальнику; вездѣ въ служебныя отношенія замѣшаны личныя отношенія, вездѣ обязательства, услуги вызванныя въ сферѣ частныхъ отношеніяхъ, стараются возмѣстить службою, льготами на службѣ и вдругъ, когда желаютъ сдѣлать незамѣтными преслѣдованія по службѣ изъ за частныхъ отношеній утверждаютъ, что служебныя отношенія сами по себѣ, а частныя сами по себѣ. Желая избавиться отъ человѣка, передъ которымъ пасуютъ въ сферѣ судебной дѣятельности, стараются вымстить свои ущербы въ сферѣ диспиплинарной, да и прикидываются безпристрастными. Такіе пріемы имѣютъ свою исторію, ведутъ свое начало издавна; когда существовала тайная канцелярія, еще тогда, чтобъ насолить своему недругу, объявляли за нимъ слово и дѣло и пропадалъ не другъ, теперь въ, превратно понимаемой, дисциплинѣ ищутъ

такого-же сильнаго орудія какимъ располагали прежде въ «словѣ и дѣлѣ».

Военный судья А., совершенно нетвердый въ судебномъ дѣлѣ былъ сердитъ на одного помощника прокурора за длинные протоколы, выходившіе такими вслѣдствіе безпрерывныхъ ошибокъ судьи, когда приходилось судьѣ засѣдать съ нелюбимымъ помощникомъ и перенесъ судья свои огорченія въ дисциплинарную сферу и т. д., и т. д.

Для характеристики прокуроровъ, мало знать какъ къ нимъ относятся судьи, нужно еще знать какъ они сами смотрятъ на себя, понимаютъ себя.

Эти взгляды прокуроровъ на самихъ себя отлично рисуются въ проэктѣ Мартынова и Анисимова; они напечатали свой проэктъ реформъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, значитъ надѣялись, что сказали что-то дѣльное, стоющее вниманія; кромѣ того не стали бы они печатать того, что вовсе не раздѣляется ихъ товарищами, потому на мнѣніяхъ М. и А., какъ на мнѣніи многихъ, стоитъ и остановится.

Помощники прокуроровъ въ настоящее время не пользуются несмѣняемостью, а находятся въ полномъ подчиненіи прямымъ своимъ начальникамъ, прокурорамъ; затѣмъ фактически, они до сихъ поръ не находятся въ подчиненіи у войсковыхъ начальниковъ. Помощники прокуроровъ съ этими начальниками и войсками не имѣютъ никакихъ точекъ непосредственнаго соприкосновенія; между помощниками прокуроровъ и войсками стоитъ преграда въ видѣ прокурора, который въ свою очередь, вообще говоря, никакихъ собственно военныхъ интересовъ не преслѣдуетъ, могъ бы быть въ дѣлахъ лично не заинтересованнымъ, и потому для помощниковъ прокурора есть полная возможность совершенно самостоятельно со стороны военныхъ интересовъ смотрѣть за своимъ дѣломъ. Если, какъ мы увидимъ, прокурорскій надзоръ чинитъ, все-таки, волю начальства, то не въ силу самаго порядка вещей, не въ силу самой системы, но для каждаго дѣла въ особенности. Сами начальники стоятъ отъ прокурора далеко;

кромѣ того прокуроръ, все-таки, всегда старый полковникъ и войсковые начальники, помѣщающіеся съ своими частями въ захолустныхъ городахъ, смотря на него издалека, полагаютъ, что-коли прокуроръ, то долженъ быть генералъ и пишутъ ему рапорты. Извѣстное дѣло, что къ лицу стоящему далеко, невидимому и невиданному, люди всегда находятся въ какомъ-то дѣтскомъ, наивномъ почитаніи, и большая разница, если почитатель вдругъ очутится лицомъ къ лицу съ почитаемымъ—все дѣтское послушаніе исчезаетъ. Извѣстно, что самые плохіе, самые невѣрные католики суть римляне, жители города Рима, которые, зная папу въ лицо, видя его своими глазами, не очень-то пребываютъ къ нему въ страхѣ. Потому какъ бы ни было мало по закону самостоятельности въ прокурорѣ, черезъ котораго соприкасаются съ войсками его помощники, отдаленные отъ него начальники, пребываютъ къ нему въ почтеніи и страхѣ. Совсѣмъ другое было-бы, еслибъ помощники прокурора, были, раскассированы, по дивизіямъ, въ видѣ какихъ-то юридическихъ совѣтниковъ начальниковъ; тогда всѣ миражи исчезли-бы; непосредственно сносясь съ помощниками прокуроровъ, начальники сами видѣли-бы, что помощники прокурора суть ничто иное какъ капитаны, подполковники, какіе нибудь, съ которыми церемониться очень не стоитъ. Конечно—предписавъ разсѣяніе прокуроровъ, законодатели, увлекаемые требованіями дисциплинарной стройности, дадутъ какія нибудь опредѣленія о подчиненіи прокуроровъ начальству войскъ; если составители судеб. уставовъ 1867 г. нашли нужнымъ сказать объ судьяхъ, что они находятся въ подчиненіи начальн. воен. округовъ, то ужъ конечно о прокурорахъ при дивизіяхъ скажутъ и болѣе и опредѣленнѣе.

А между тѣмъ Мартыновъ и Анисимовъ идутъ на встрѣчу подчиненнымъ отношеніямъ прокуроровъ начальникамъ, совѣтуютъ «раскассировать» помощниковъ прокуроровъ и придать по одному прокурору каждому начальнику дивизіи въ видѣ юридическаго совѣтника; они сами находятъ, что будущіе помощники прокуроровъ, прикомандиро-

ванные къ дивизіямъ, будутъ очень похожи на прежнихъ аудиторовъ, но это только ласкаетъ ихъ воспоминанія. Они въ восторгѣ отъ своей мысли и говорятъ, что помощники прокуроровъ будутъ оказывать большую пользу службѣ, чѣмъ бывшіе аудиторы. Мартыновъ и Анисимовъ утверждаютъ, что бывшіе аудиторы, эти люди безъ всякаго общаго и спеціальнаго образованія, вполнѣ зависѣвшіе отъ полковыхъ командировъ, по прихотямъ которыхъ аудиторовъ ссылали туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, будто бы, были хорошими совѣтниками начальниковъ; Мартынову и Анисимову, тоже бывшимъ аудиторамъ, пріятно лелѣять такія обманчивыя воспоминанія, но кто хотя немного зналъ бывшихъ аудиторовъ, тотъ съ удивленіемъ выслушаетъ мечтанія Мартынова и Анисимова. Мартыновъ и Анисимовъ идеализируютъ и утверждаютъ, что съ одной стороны начальства не будутъ предъявлять своимъ совѣтникамъ прокурорамъ невозможныхъ требованій, съ другой стороны и прокуроры съумѣютъ при извѣстномъ *тактѣ* служить съ пользою правосудію; въ доказательство того, что начальства одушевлены самыми благими намѣреніями, Мартыновъ приводитъ лишь одинъ фактъ, но главнымъ образомъ отдѣлывается общими фразами. Всѣ доказательства Мартынова, приведенныя имъ въ пользу того, что самостоятельности помощниковъ прокурора послѣ ихъ разсѣянія по дивизіямъ не грозитъ ни малѣйшая опаспость, сводятся къ слѣдующему вопросу, выраженному въ общей фразѣ; неужели же можно опасаться, что начальство кровожадно и несправедливо изъ самаго принципа? Что можно возражать на такой вопросъ, имѣя въ своемъ распоряженіи только такія же общія фразы? Конечно ничего убѣдительнаго. А между тѣмъ можно положительно доказать, что прокуроры при начальникахъ дивизій, потеряютъ всякую самостоятельность, что начальники не будутъ ихъ слушать, что прокурорамъ неудастся провести или отстоять ничего законнаго или справедливаго. Вѣдь пишутъ же Мартыновъ и Анисимовъ, что цѣль военнаго суда «справед-

ливость и *военные интересы*». Что такое военные интересы? какой смыслъ имѣютъ эти слова? отдали ли себѣ въ этомъ отчетъ Мартыновъ и Анисимовъ? нѣтъ. Во имя этихъ интересовъ военной службы правосудіе считаютъ необходимымъ исправить, передѣлать судебные уставы, будто бы нарушающіе интересы военной службы; во имя этихъ военныхъ интересовъ уничтожаютъ гарантіи правосудія вѣками извѣданные, вездѣ принятые. Утверждаютъ, что военный судъ долженъ существовать ради арміи, для интересовъ арміи. Что такое интересы военной службы, которымъ противорѣчатъ интересы правосудія? спросите у людей ратующихъ за первые и изъ отвѣтовъ окажется, что они сами не понимаютъ о чемъ говорятъ, или же, понимая эти интересы, не рѣшатся перечислить ихъ во всеуслышаніе, такъ мало въ нихъ справедливаго, разумнаго; говоря о военныхъ интересахъ, дальше общихъ фразъ не идутъ, а между тѣмъ эти фразы на самомъ дѣлѣ скрываютъ въ себѣ бездну зла. Мы докажемъ въ своемъ мѣстѣ, что это за интересы военной службы, противорѣчащіе справедливости. Для насъ пока достаточно знать, что интересы военной службы ставятся твердо, громко, выше справедливости, рядомъ съ нею, противуполагаются ей; и неужели же можно допустить, чтобъ какой нибудь генералъ, считающій себя спеціалистомъ въ опредѣленіи военныхъ интересовъ, считающій себя лицемъ, которому именно поручено охраненіе этихъ интересовъ, который сознаетъ превосходство военныхъ интересовъ передъ интересами правосудія, который въ пониманіи военныхъ интересовъ сознаетъ свое личное превосходство предъ какимъ нибудь помощникомъ военнаго прокурора, неужели можно думать, что такой генералъ остановится, уступитъ предъ представленіями какого-то помощ. прок., о необходимости правосудія, или передъ его юридическими толкованіями, которыя и печатью, съ которою онъ знакомъ, и обществомъ, въ которомъ онъ вращается, приравниваются къ софизмамъ, прелюбодѣйству мысли и т. п. Думаемъ, что оставаться въ такомъ пріятномъ ожиданіи могутъ только люди весьма наивные;

конечно, ни одинъ начальникъ не станетъ слушать помощ. прок. прикомандированнаго къ нему для совѣтовъ, а будетъ дѣлать такъ, какъ ему внушитъ собственное его пониманіе военныхъ интересовъ. Разъ произнесена фраза «суды должны существовать для арміи»—суды, прокуроры, слѣдователи, все это будетъ не болѣе какъ одна ширма. Кто знаетъ тѣ пружины, которыя у насъ двигаютъ всѣмъ, кто знаетъ, что у насъ играютъ роль чинъ, связи, своекорыстныя страстишки, что у насъ и интендантство, и таможня, и гимназіи, и банки частные и государственные, и многіе участники въ земскихъ учрежденіяхъ и гражданскихъ судахъ, и полиція, и духовенство, и губернаторы, и администрація и морской медицинскій инспекторатъ, распоряжаясь народнымъ достояніемъ, благомъ, имуществомъ, преслѣдуютъ свои личные интересы, игнорируютъ законъ, расхищаютъ общественное достояніе, кто знаетъ, что все это легко тысячу разъ доказать общеизвѣстными фактами—неужели тотъ можетъ ласкать себя надеждой, что въ военномъ вѣдомствѣ, и только въ военномъ вѣдомствѣ, которое есть плоть отъ плоти и кость отъ кости нашего общества, люди будутъ безстрастны, преслѣдовать одну справедливость, что любой генералъ, начальникъ постѣснится съ какимъ-то, ничѣмъ не гарантированнымъ, помощникомъ прокурора, котораго не только чужіе, но и свои, кто посильнѣе, давятъ, готовы уничтожить. Развѣ у насъ есть надежда на то, что люди будутъ руководиться идеями общаго блага? А только на почвѣ общаго блага можно ожидать согласнаго дѣйствія. Только прислужники произвола, въ надеждѣ выиграть при расширеніи произвола, могутъ спросить, гдѣ же доказательства того, что наше начальство военное руководится одними своекорыстными побужденіями, несправедливо и т. д.? Мы принимаемъ этотъ вызовъ и посвятимъ цѣлую главу такимъ доказательствамъ. Могутъ ли начальники уважать принципы правосудія, когда, мы увидимъ это ниже, они не понимаютъ никакихъ такихъ принциповъ, знать ихъ не хотятъ. Однако же Мартыновъ, какъ бы безсознательно, подчиняясь тѣмъ убѣжденіямъ, взгля-

дамъ среди которыхъ живетъ, чувствуетъ, что помощникамъ прокурора нельзя будетъ устоять на почвѣ принципа, на почвѣ закона, и утверждаетъ, что «тактъ» позволитъ прокурорамъ достигать своихъ цѣлей. Въ то время когда вездѣ, среди цивилизованныхъ обществъ, интелигентныхъ личностей, стараются о правахъ, о господствѣ закона и въ этихъ только опорахъ ищутъ самостоятельности, правды и справедливости, какой-то бывшій аудиторъ, непонимающій даже, какъ онъ доказалъ въ своей брошюрѣ, смыслъ употребляемыхъ имъ словъ *), призываетъ на помощь какой то *«тактъ»*. *Тактъ*, на бюрократическомъ языкѣ, значитъ уступки, сдѣлки, угодливость, достиженіе матеріальныхъ успѣховъ, удержаніе за собой должности, полученіе повышеній, наградъ, всевозможными подлостями, шпіонствомъ, измѣной дружбѣ, пожертвованіями своей чести, своихъ женъ, дочерей, взятками подъ видомъ займа и т. д. и т. д. Кто же, сознающій силу закона, опирающійся на справедливость, будетъ нуждаться въ такъ называемомъ *тактѣ*. Всякій жидъ, умѣвшій обдѣлать свои дѣлишки, всякій умѣвшій авансировать по службѣ угодливостью, наз. человѣкомъ съ тактомъ. Мартыновъ самъ приводитъ въ своемъ проэктѣ образчикъ того такта, который далъ ему возможность удержаться въ должности аудитора. Говоря о томъ, что справедливость и снисходительность есть девизъ нашего начальства, онъ доказываетъ это тѣмъ, что онъ, будучи аудиторомъ, приговорилъ кого-то къ смертной казни, а какой-то генералъ этому приговоренному къ смерти смягчилъ наказаніе до 2-хъ мѣсяцевъ тюрьмы. Мы положительно утверждаемъ, что путемъ конфирмаціи немыслимо низвести наказаніе отъ смертной казни до 2-хъ мѣсяцевъ тюрьмы. Примѣръ приводимый Мартыновымъ можно объяс-

---

*) Такимъ образомъ въ брошюрѣ Мартынова и Анисимова у абсолюта оказываются степени; неумѣстно употреблены слова компетентность, анахронизмъ и т. д. Мартыновъ писалъ одному слѣдователю, что онъ призвавъ къ себѣ опытныхъ экспертовъ дроводѣловъ, не добылъ отъ нихъ всего что можно было бы добыть у такихъ *«правоспособныхъ»* экспертовъ и т. д.

нить тѣмъ, что тактичный аудиторъ М., а впослѣдствіи не менѣе того тактичный помощникъ прокурора, желая услужить начальнику, дать ему случай проявить свое великодушіе въ частномъ случаѣ, безъ всякихъ основаній, приговорилъ къ смертной казни человѣка, ни въ чемъ неповиннаго. Мы видѣли что и Г., требуя отъ С. беззаконія, упрекая С. на основаніи сплетень въ разныхъ неправильностяхъ, требуя отъ С. вѣжливости къ распорядителю танцевъ, относя танцы къ доблестямъ слѣдователя, увѣрялъ, что въ этомъ состоитъ *«тактъ»*. Мы положительно утверждаемъ, что при господствѣ взглядовъ, по которымъ правосудіе должно пасовать передъ требованіями военной службы, при высокомъ іерархическомъ положеніи тѣхъ начальниковъ, которымъ помощники военныхъ прокуроровъ, еслибъ былъ принятъ проэктъ Мартынова, подавали бы совѣты, интересы правосудія, принципы правосудія будутъ далеко отброшены, и помощники военныхъ прокуроровъ будутъ низведены къ положенію прежнихъ аудиторовъ, о которыхъ всѣ вспоминаютъ съ глубокою горечью. Изъ сказаннаго видно на сколько состоятельны мѣры, предлагаемые Мартыновымъ и Анисимовымъ въ ихъ брошюрѣ; но эта брошюра имѣетъ то значеніе, что открываетъ какъ низко понимаютъ свои обязанности, свою должность сами помощники прокуроровъ, если сами идутъ на встрѣчу тому ярму, которое на нихъ готовы надѣть.

Изложенное, думаемъ, достаточно познакомило съ организаціей суда, тѣмъ духомъ, который одушевляетъ нашихъ дѣятелей военно-судебнаго вѣдомства, тѣми идеями, которыя циркулируютъ въ средѣ военно-судебнаго вѣдомства.

Но пойдемъ далѣе; о чиновникахъ мы говорили что это за люди. О военныхъ мы сказали, что въ военно-судебное вѣдомство поступаютъ лучшіе люди изъ своей среды, но это еще не значитъ, что если они лучшіе, такъ и удовлетворяютъ всѣмъ необходимымъ условіямъ. Конечно среда, изъ которой выходятъ люди, всегда почти опредѣляетъ выходцевъ изъ нея. Мы приведемъ впослѣдствіи отзывы лю-

дей, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть заподозрѣны въ недоброжелательствѣ къ средѣ офицерской; изъ этихъ отзывовъ видно, какъ низко стоитъ образованіе въ войскахъ. Затѣмъ, поступивъ въ военно-судебное вѣдомство, что же тамъ встрѣчаетъ выходецъ изъ офицерской среды? Ничего особенно такого, что способствовало бы процвѣтанію, развитію таланта. Тяжело тамъ людямъ съ болѣе широкимъ взглядомъ на вещи. Среда военно-судебныхъ дѣятелей, ея суровыя, стѣснительныя, ложно понимаемыя дисциплинарныя отношенія, отсутствіе свободы кафедры прокурорской и защитниковъ, необходимость служенія двумъ интересамъ: и правосудію и, выдвигаемымъ противъ него, интересамъ военной службы, такъ называемымъ, не могутъ считаться благопріятными; не тамъ мѣсто таланту, гдѣ не можетъ шевельнуться ни одна живая мысль, гдѣ мысль не можетъ быть свободно выражена, гдѣ всѣ скованы формализмомъ, ложнымъ дисциплинаризмомъ, гдѣ все мертво, гдѣ нѣтъ любви къ своей дѣятельности, гдѣ все отправляется спустя рукава, безъ интереса къ дѣлу, вяло, лишь бы окончить какъ нибудь свою барщину; гдѣ всякая оригинальная мысль сплетается съ боязнью исповѣдника этой мысли за свой покой, гдѣ все рутина, при которой пріучились ходить только на помочахъ. Недостаточность образованія военно-судебнаго персонала проявляется всюду и вездѣ. Общество военно-судебныхъ дѣятелей чрезвычайно скучно, однообразно, заботится только объ убиваніи времени, не интересуется ничѣмъ живымъ, разумнымъ, собирается только за картами, проводитъ время въ сплетняхъ, дрязгахъ, въ игрѣ въ лото, которая, по сознанію самыхъ дѣятелей, спасительна въ томъ отношеніи, что избавляетъ отъ необходимости разговаривать; если только что нибудь оживляетъ компанію, такъ разговоры о наградахъ, чинахъ, переводахъ, перемѣщеніяхъ, погонахъ за наживой, о томъ, какъ благодаря такту, кто нибудь составилъ себѣ карьеру. Въ каждомъ отдѣльномъ субъектѣ поражаетъ бѣдность мысли, отсутствіе понятій, какого бы то ни было труда,

кромѣ по должности, какъ ремеслу; вопросы спеціальные возбуждаютъ отвращеніе, всякій обмѣнъ мыслей избѣгается, все, какъ будто, давно усвоено, разрѣшено, опредѣлено, а между тѣмъ постоянныя, грубыя ошибки, постоянныя колебанія, никакого усовершенствованія, развитія, прогреса; напротивъ, всюду регресъ, забвеніе, и область самостоятельнаго, здраваго, научнаго взгляда все съуживается, и уступаетъ мѣсто расплывающимся, все захватывающимъ дисциплинарнымъ чувствамъ; собранія для обмѣна мыслей никому невѣдомы. Никто ничего не читаетъ, избѣгаетъ всякихъ знакомствъ съ сочиненіями общими, или спеціальными; журналы спеціальные никѣмъ не выписываются, библіотекъ никто не составляетъ; исключеній весьма мало, одинъ, два, три и то военные (У. и др.). Словомъ военно-судебные дѣятели живутъ въ разбродъ, ничего общественнаго; общества военно-судебныхъ дѣятелей, это какія-то общества воздержанія отъ чтенія, науки. И никто не сознаетъ ненормальности подобнаго хода дѣла; еслибъ эта ненормальность была сознана, то этимъ половина вины съ плечъ долой, но нѣтъ такого сознанія. И въ гражданскихъ судахъ, тамъ тоже на этотъ счетъ не благополучно, но тамъ эти недостатки сознаются, объ нихъ пишутъ. Такимъ образомъ вотъ что мы читаемъ въ отечественныхъ запискахъ въ статьѣ «признаки времени, въ мірѣ новыхъ судовъ». «У судей нѣтъ времени не только для научныхъ трудовъ, но и для того чтобъ освѣжить свои познанія, слѣдя за успѣхами науки». Воен.-судеб. дѣятели объ этомъ не заботятся. Когда спрашивали о измѣненіи въ штатахъ, то спрошенные заявляли такія мнѣнія, которыя были порождены желаніемъ угодить начальству и никому и въ мысль не приходило, что дѣйствительно для судебныхъ дѣятелей нуженъ досугъ, для того чтобъ мозгъ ихъ не плесневѣлъ отъ рутины.

Нѣкоторыми изъ военно-судебнаго персонала изучаются рѣшенія главнаго военнаго суда, но на сколько эти рѣшенія могутъ имѣть полезное, отрезвляющее, двигающее впередъ значеніе, мы это

увидимъ впослѣдствіи. Всѣ стремятся усвоить себѣ бюрократическіе взгляды, и верхомъ успѣха считается усвоеніе канцелярскаго слога, хотя практика должна-бы научить всякаго, сколько нибудь шевелящаго мозгами, что канцелярскій слогъ не выдерживаетъ критики; передъ глазами неразвитыхъ проходитъ безслѣдно тотъ фактъ, что почти всѣ бумаги, приказы, законы, изображаемые канцелярскимъ языкомъ, становятся удобопонятными только послѣ массы разъясненій, толкованій.

Общество познается по тѣмъ идеаламъ, которые оно себѣ создаетъ. Какіе-же идеалы лелѣетъ военно-судебное вѣдомство? Строго говоря, у судебнаго вѣдомства нѣтъ идеаловъ; такое мало-дѣятельное общество, какъ военно-судебное, идеаловъ собственно не имѣетъ; оно не ищетъ, не создаетъ себѣ ихъ, нѣтъ такихъ образовъ, которые служили-бы критеріумомъ дѣятельности каждаго отдѣльно; каждый молодецъ на свой образецъ. Каждый обдѣлываетъ свои дѣлишки самъ по себѣ, держа въ секретѣ тѣ пути, тѣ средства, которыми приходитъ къ результату; и результатъ только и видѣнъ. Одинъ не въ очередь получилъ орденъ, — это молодецъ; другой получилъ чинъ, еще большій молодецъ; одинъ обработалъ себѣ мѣстечко—дважды молодецъ; другой помогъ другому столкнуть такого-то съ мѣста и сѣсть на его мѣсто —товарищъ и молодецъ; третій успѣлъ пристроиться на хлѣба къ какой нибудь вдовушкѣ, или замужней женщинѣ— молодецъ. Успѣхъ, одинъ успѣхъ, какимъ-бы нравственнымъ паденіемъ онъ не былъ купленъ, вотъ одно, что обращаетъ на себя вниманіе, вызываетъ попытки подражанія. Нѣтъ такихъ дѣльцовъ, слава о которыхъ обошла-бы всѣ суды; кто же станетъ заботиться о томъ, что дѣлается дальше его носа. Такое существованіе дѣльцевъ для каждой маленькой мѣстности, узенькаго общества—не новость; пойдите куда нибудь въ глушь, въ деревню, вы увидите что для жителей деревни, мѣстности и люди, живущіе за 25 верстъ, уже находятся на краю свѣта, за умственнымъ кругозоромъ жителей

центральной деревни, которая является пупомъ, центромъ вселенной, а въ этомъ центрѣ существуетъ еще масса меньшихъ центровъ,—для каждаго свой домъ. Такъ и въ судебномъ вѣдомствѣ, каждый судъ составляетъ свой центръ. Въ одномъ судѣ напр. образцомъ совершенно случайно, такъ сказать насильственно, является личность со всѣми замашками, со всѣмъ міровоззрѣніемъ апраксинскаго торговца; другой побывалъ напр. въ одномъ судѣ, перешелъ въ другой, покуда онъ былъ въ первомъ судѣ, тамъ служилъ предметомъ удивленія, имѣлъ завистниковъ, но перешелъ въ другой, гдѣ его вовсе не знали, куда онъ явился незнакомцемъ и начала расти его слава въ этомъ другомъ судѣ, а въ первомъ, конечно, стала увядать и скоро совсѣмъ увяла; это такъ естественно въ неинтелигентной средѣ, гдѣ память всегда короткая. Но чѣмъ-же отличался этотъ экземпляръ. Онъ во-первыхъ то, что говорится бонъ-виванъ, особенно на чужой счетъ, весельчакъ, танцоръ, въ собраніяхъ дерижируютъ танцами, мастеръ устраивать любовныя интрижки, похожденія и больше ничего; понятій, идей, принциповъ—никакихъ, своимъ дѣломъ конечно серьезно не занимается, ни надъ чѣмъ не задумывается; всѣмъ занимается слегка; случится проруха—не бѣда, вѣдь все скоро забывается и прощается вялыми натурами. Защищаетъ и стоитъ всегда за то, что въ данный моментъ сильно. что можетъ похвалить начальство, въ которомъ всегда имѣетъ горячаго защитника. Зная нѣсколько сальныхъ анекдотовъ, разсказываетъ ихъ старичкамъ, а извѣстное дѣло—ни чѣмъ такъ нельзя угодить старичкамъ, и собирающейся у нихъ публикѣ, какъ разсказами анекдотовъ. Отданъ былъ подъ судъ офицеръ, вышедшій сперва въ отставку и затѣмъ оскорбившій своего бывшаго полковаго командира, нашли нужнымъ предать его суду за тяжкое нарушеніе дисциплины; трудно-же устоять на такомъ обвиненіи, несостоятельность его очевидна, но разъ дѣло такъ поставлено на судѣ нужно было подыскать подходящаго истца за пользы военной службы и нашли такого въ

описанномъ героѣ; велѣли ему распинаться — и распинался; чего только не наговорилъ; доказывалъ необходимость дисциплины; доказывалъ, что дисциплинируй Адамъ Каина, Каинъ не убилъ-бы Авеля, а затѣмъ вызывались тѣни и Аннибала, и Александра Македонскаго; рубилъ съ плеча для того только, чтобъ доказать, что человѣкъ *не находившійся въ дисциплинарныхъ* отношеніяхъ, оскорбивши полковаго командира, совершилъ важное нарушеніе дисциплины, за что его надо строго наказать. Герой доказывалъ, что дисциплина такъ должна овладѣть всѣмъ существомъ военнаго, что даже и выйдя въ отставку онъ долженъ принадлежать ей всѣмъ тѣломъ. Другой экземпляръ извѣстный, какъ исключеніе и за предѣлами суда въ которомъ служилъ, особенно когда его произвели въ генералы, былъ человѣкъ когда-то, въ 60 годахъ, интересовавшійся наукою, но забросившій чтеніе, какъ дѣло не приносящее пользы въ службѣ, любившій при случаѣ, среди невѣждъ, повторять зады, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно, категорично заявлявшій, что ученье тьма, что всему голова — практика; оно и понятно,—что ему, чувствовавшему свое безсиліе въ наукѣ, оставалось дѣлать? собственные успѣхи по службѣ онъ могъ авторитетно выставлять, какъ доказательство своей проповѣди. Мы говоримъ о Ст.; какъ дѣятель въ своей спеціальности, онъ былъ произволенъ, примѣры его произвола мы уже указывали, не признавалъ общихъ началъ науки, замѣнялъ ихъ личными похотливыми измышленіями, усмотрѣніями, немилосердно, сколько могъ, давилъ вокругъ себя все живое, всякую свѣжую мысль, всякую самостоятельность и т. д. Вотъ они люди имѣвшіе успѣхъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ!

Тайныя пружины, закулисная сторона взаимныхъ отношеній военно-судебныхъ дѣятелей представляютъ изъ себя некрасивое зрѣлище; все основано на личностяхъ, на дрязгахъ, на своекорыстіи; за существованіе борятся на самой недостойной почвѣ. Прокуроръ въ засѣданіи попроситъ предсѣдателя держаться закона—и ужъ навѣрно

враги, и вражду свою переносятъ на службу, на дѣло, стараются свою личную злобу выместить на службѣ, на дѣлѣ правосудія; одинъ съ другимъ не согласился въ мнѣніяхъ, противорѣчили другъ другу и уже дѣлаются врагами и свои личныя отношенія такъ и вводятъ въ дѣло правосудія; прокуроръ или защитникъ стараются выяснить дѣло, входятъ въ обсужденіе, критику закона, стараются доискаться истины и этимъ тяготятся, оскорбляются, говорятъ «что насъ учатъ, какъ будто мы сами не знаемъ» и опять свою обиду вымещаютъ на дѣлѣ; циркуляръ военнаго министра 20 апрѣля выросъ не на чуждой военно-судебному міру почвѣ. Не такъ поклонится, не такъ слово сказалъ, на новый годъ и въ пасху не явился съ визитомъ и пошла потѣха, и опять отдувается дѣло. Вездѣ интриги и происки; такъ и стремятся одинъ другому напакостить.

Попался одинъ помощникъ прокурора П.; составилъ онъ обвинительный актъ, переписалъ писарь безграмотно, а помощникъ прокурора отчасти не съумѣлъ, отчасти по невнимательности пропустилъ ошибки и послалъ въ судъ актъ испещренный грамматическими ошибками; въ судѣ былъ не столько зоркій судья, сколько, какъ назначенный только что изъ помощниковъ прокурора, желавшій отличиться—Р., захотѣлось ему придавить своихъ бывшихъ сослуживцевъ, показать имъ новое свое положеніе, превосходство его—знай, молъ, нашихъ, и вотъ, докладывая суду о дѣлѣ, внесенномъ съ обвинительнымъ актомъ П., Р.; доложилъ суду, что въ обвинительномъ актѣ гибель ошибокъ, что такой обвинительный актъ не можетъ быть принятъ судомъ, и показалъ суду актъ весь исчерченный карандашемъ, весь испещренный замѣтками объ ошибкахъ; судъ ахнулъ и поскорѣе, моментально, рѣшилъ возвратить обвинительный актъ прокуратурѣ, съ жесткимъ объясненіемъ причинъ возвращенія. Конечно судъ не провѣрилъ своего члена, правильно ли онъ самъ знаетъ грамматику; гдѣ суду пускаться въ такія тонкости, такъ

глубоко вникать въ дѣло; мы вѣдь уже видѣли примѣръ внимательности суда по дѣлу слѣдователя С. Обвинительный актъ былъ возвращенъ къ П., тотъ конечно задался цѣлью уничтожить своего противника, и тщательно провѣрилъ замѣчанія, сдѣланныя Р.; оказалось, что самъ Р. плохо знаетъ грамматику и напр., въ своихъ поправкахъ счелъ слово *штаны* рода женскаго, потому что слово штаны множественное число, отъ слова *штанина,* которое, какъ оканчивающееся на *а,* женскаго рода. Провѣряя такимъ образомъ замѣтки Р., П. удалось отбиться отъ половины ошибокъ, насчитанныхъ на него судомъ, и потому обвинительный актъ опять былъ возвращенъ суду, съ маленькой репримандой, на тему «врачу, исцѣлися самъ»; съ тѣхъ поръ судъ уже не пикировался въ такомъ родѣ съ прокурорскимъ надзоромъ. Но если не то, такъ другое, если не въ томъ родѣ, такъ въ другомъ. Пикируются два помощника М. и П.; одинъ изъ нихъ М. временно исправлялъ должность прокурора, и вотъ нужно знать какъ это халифатство на часъ эксплоатируетъ временный прокуроръ? — на то чтобъ надѣлать возможно болѣе пакостей своему антагонисту. Уѣхалъ этотъ антагонистъ въ отпускъ по болѣзни; до отъѣзда подалъ рапортъ о болѣзни, почему имѣлъ полное право не исполнить формальности, обязывающей отъѣзжающихъ въ отпускъ являться начальству; конечно, эта формальность обязательна только для здоровыхъ, а не больныхъ, больные избавлены отъ несенія службы, не могутъ одѣться въ парадную форму, требующуюся для явки, не могутъ ходить и т. д. Но для халифа на часъ все это казалось неимѣющимъ значенія. Вѣдь и Абу-Гасанъ молилъ судьбу, чтобъ она сдѣлала его халифомъ на часъ только для того, чтобъ наказать трехъ шейховъ, своихъ личныхъ враговъ (смотри арабскія сказки «тысяча одна ночь»), такъ и М.; П. къ нему не явился, этого было достаточно, и М. отдаетъ грозный приказъ въ которомъ объявляетъ выговоръ П. за неявку, а затѣмъ, что ему за дѣло до того, что П. былъ болѣнъ, что имѣлъ право не явиться, что М. не имѣлъ права

его наказать, объявляя ему выговоръ; и такъ выговоръ и остался; никакъ и ничѣмъ нельзя было смыть этого выговора, что записано перомъ, того не вырубишь топоромъ; настоящій прокуроръ, пріѣхавшій изъ отпуска, на заявленіе о вопіющей несправедливости М., предательски развелъ руками и сказалъ, что онъ дѣла исправить не можетъ. Можно предугадать, какъ такіе прокуроры будутъ отстаивать при помощи такта интересы справедливости передъ начальствомъ, какъ говоритъ въ своей брошюрѣ Мартыновъ.

Мало того, пока М. еще былъ халивомъ, получена была телеграмма, вызывающая П. въ коммиссію, которая занялась раскрытіемъ интендантскихъ злоупотребленій въ минувшую войну, и членамъ которой давали по 5 руб. суточныхъ, а кромѣ того были надежды на награды. Сдѣлаться членомъ коммиссіи жаждалъ всякій, и П. хотя и болѣнъ былъ, но для выгоднаго предложенія готовъ былъ бы прервать курсъ леченія и летѣть въ коммиссію; получивши телеграмму, М. скрылъ ее отъ всѣхъ сослуживцевъ П. и отвѣтилъ вызывавшимъ П. въ коммиссію, что П. находится въ отпуску, и гдѣ именно проживаетъ неизвѣстно, а просилъ, чтобъ его, М., взяли въ коммиссію. Между тѣмъ, гдѣ проживалъ П., въ прокурскомъ надзорѣ было извѣстно всѣмъ, жена П. жила тутъ же въ В., и, не говоря уже ни о чемъ другомъ, ежемѣсячно 20 числа являлась въ канцелярію прокурорскаго надзора за жалованьемъ, и могла сообщить гдѣ жилъ ея мужъ, гдѣ онъ лечился. Какъ мало бываетъ правды въ поступкахъ военно-судебныхъ дѣятелей, видно изъ слѣдующаго рѣшенія главнаго военнаго суда, состоявшагося 1875 г. 7 января. Защитникъ жаловался главному военному суду, что на вопросъ предсѣдательствовавшаго полковника Акинина признаетъ ли защитникъ возможнымъ не допрашивать оставшихся двухъ свидѣтелей онъ отвѣчалъ, что такъ какъ свидѣтели вызваны не по его просьбѣ, то по его мнѣнію слѣдуетъ, но предсѣдательствующій тотчасъ же рѣзко прервалъ его слѣдующими словами съ раздраженіемъ и кри-

комъ: будьте воздержаннѣе, вы слишкомъ дерзки, я прикажу васъ выгнать вонъ. Въ протоколѣ судебнаго засѣданія изложено, что когда предсѣдательствующій спросилъ защитника: находитъ ли онъ нужнымъ допрашивать остальныхъ двухъ свидѣтелей, защитникъ отвѣтилъ «прошу судъ съ подобными вопросами ко мнѣ не обращаться, такъ какъ свидѣтели вызваны не по его желанію, а по его мнѣнію слѣдуетъ». Предсѣдательствовавшій остановилъ защитника словами: «извольте воздержаннѣе выражаться, иначе я прикажу васъ вывести вонъ изъ залы». На этомъ протоколѣ помощникъ секретаря сдѣлалъ надпись, что протоколъ переписанъ по приказанію предсѣдательствовавшаго полковника Акинина, слова, приписанныя защитнику «прошу судъ съ подобными вопросами ко мнѣ не обращаться», не были имъ произнесены. Справедливость этого заявленія подтвердили помощникъ военнаго прокурора и защитникъ подсудимаго. Варшавскій военно-окружный судъ въ заключеніи своемъ по этимъ замѣчаніямъ выразилъ, что «все, что записано въ протоколѣ судебнаго засѣданія происходило такъ, какъ изложено въ оном, а не согласно замѣчаніямъ защитника, помощника военнаго прокурора и помощника секретаря». Такимъ образомъ тутъ что нибудь одно изъ двухъ—или секретарь, въ составленномъ имъ первоначально протоколѣ, помѣстилъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія и помощникъ прокурора является его сообщникомъ, или же наоборотъ предсѣдательствующій полковникъ Акининъ составилъ завѣдомо въ защиту себя невѣрный протоколъ, неправильно уличаетъ въ неправдѣ секретаря и помощника прокурора и потому должны были идти подъ судъ или секретарь и помощникъ прокурора, или же полковникъ Акининъ со всѣмъ составомъ суда. Вопросъ былъ важный, шелъ о чести, достоинствѣ суда; возможно-ли, чтобъ судъ или съ другой стороны прокуроръ остались безнаказанны за важное удостовѣреніе и искаженіе истины, когда ихъ назначеніе наказывать это въ другихъ. Судъ, допросъ свидѣтелей, перекрестный допросъ, очныя ставки выяснили-бы истину. Но суда никакого не

было, все осталось закрытымъ, вслѣдствіе чего можно думать, что въ судѣ подобные факты, какъ обыкновенные, никого не поразили, и что слѣдовательно протоколамъ нельзя вполнѣ довѣряться. Вообще о справедливости мало заботятся, и среди судебнаго вѣдомства царятъ такіе же взгляды что и въ строевыхъ частяхъ. Начальникъ далъ выговоръ—это его дѣло; правъ или неправъ начальникъ, онъ правъ, потому что онъ начальникъ и больше ничего; удостовѣрился или неудостовѣрился начальникъ—это все равно, онъ начальникъ, онъ самъ знаетъ какъ поступить, въ чемъ должно быть удостовѣреніе. Мы видѣли, что такъ относился судъ къ слѣдователю С., судъ считалъ это нормальнымъ, но это не мѣшало, конечно, тѣмъ же судьямъ говорить о несправедливости въ слѣдующемъ случаѣ. Разсматривалось дѣло въ судѣ о дисциплинарномъ нарушеніи; судъ къ этому нарушенію примѣнилъ 109 ст. XXII св. воен. пост., дозволяющую ему уменьшить виновному наказаніе на двѣ степени; главный военный судъ нашелъ это неправильнымъ, а помощникъ прокурора, проводившій дѣло въ судѣ, получилъ выговоръ за то, что не протестовалъ на непримѣненіе судомъ къ дѣлу 1 и 2 п.п. 76 ст. XXII, на то что вопросъ поставленный въ обвинительномъ актѣ былъ раздѣленъ въ вопросномъ листѣ для судей, и наконецъ на примѣненіе 109 ст. А между тѣмъ изъ приговора суда видно съ положительностью, что 1 и 2 п.п. 76 ст. были примѣнены, такъ какъ эти пункты даютъ право суду возвышать наказаніе въ мѣрѣ и судъ назначилъ высшую мѣру наказанія. Затѣмъ по рѣшеніямъ главнаго военнаго суда, протесты возможны на неправильную постановку вопросовъ только тогда, когда она отразилась на приговорѣ. А въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе раздѣленія вопросовъ, наказаніе все-таки въ окончательномъ результатѣ являлось тѣмъ же, что и при одномъ вопросѣ; и если отразилось что на приговорѣ, то только примѣненіе 109 ст., давшей право суду назначить каторжныя работы на 12 лѣтъ, вмѣсто каторжной работы безъ срока, въ чемъ и усмотрѣли

нарушеніе интересовъ военной службы. Интересы военной службы были бы, видите ли, удовлетворены только тогда, еслибъ каторжная работа была назначена безъ срока. Пусть будетъ такъ; въ настоящее время, насъ интересуетъ только справедливо ли данъ выговоръ помощнику? Обвинительный актъ составленъ былъ не имъ, а въ обвинительномъ актѣ 109 ст. была указана, прокурорскій надзоръ солидаренъ, слѣдовательно получившій выговоръ, какъ только проводившій дѣло на судѣ по готовому обвинительному акту, не могъ возставать противъ квалификаціи обвинительнаго акта; онъ имѣлъ подъ собою шаткую почву подъ ногами въ рѣшеніяхъ главнаго военнаго суда, изъ которыхъ многія оправдывали примѣненіе 109 ст. въ данномъ случаѣ; помощникъ прокурора возбуждалъ вопросъ передъ прокуроромъ, одобрившимъ обвинительный актъ съ 109 ст., но прокуроръ указалъ, что изъ рѣшеній главнаго военнаго суда, нѣкоторыя требовали въ данномъ случаѣ примѣненія 109 ст.; какъ же могъ протестовать помощникъ военнаго прокурора—все передъ тѣмъ жеглавнымъ военнымъ судомъ. Затѣмъ помощникъ военнаго прокурора есть личность не самостоятельная, потому что протесты не самостоятельно представляются помощниками прокуроровъ, они пишутся ими, но вносятся въ судъ прокурорами, и слѣдовательно какой же протестъ, на примѣненіе 109 ст., въ данномъ случаѣ, могъ имѣть мѣсто, если самъ прокуроръ въ обвинительномъ актѣ помѣстилъ 109 ст.; но выговоръ былъ присланъ изъ Петербурга помощнику военнаго прокурора не справляясь о томъ, кто остановилъ протестъ, не требовалъ ли помощникъ военнаго прокурора протеста, и не остановленъ ли былъ этотъ протестъ прокуроромъ. Такимъ образомъ если 1 и 2 п. п. 76 статьи были примѣнены въ приговорѣ, если раздѣленіе вопросовъ не отразилось на приговорѣ, если 109 ст. была въ обвинительномъ актѣ, если проводившій дѣло имѣлъ возможность протестовать только съ согласія прокурора, подписавшаго обвинительный актъ, если не была сдѣлана предварительно справка, кто виноватъ, дѣлалъ ли представленіе проку-

рору, проводившій дѣло помощникъ о необходимости протестовать, то выговоръ проводившему на судѣ былъ несправедливъ, всѣ такъ говорили, потому что всѣмъ грозило тоже самое, и забывали о томъ, что сами дѣлаютъ такія же несправедливости съ кѣмъ можно.

Или такъ поступаютъ перенося частныя отношенія на службу во вредъ службѣ.

Одному слѣдователю А. не хотѣлось жить въ захолустьи, а во чтобы то ни стало хотѣлось жить въ окружномъ городѣ, и вотъ М. помощникъ прокурора, другъ А. употреблялъ всѣ усилія, чтобъ перевести А. въ окружный городъ, для этого сколько могъ прижималъ по должности слѣдователя всѣхъ тѣхъ слѣдователей, которые жили въ окружномъ городѣ, чтобъ ихъ представить недостойными жить въ окружномъ городѣ. Но ничего не удавалось сначала. Наконецъ удалось-таки устроить такъ, что тѣ, отъ кого зависѣло, слѣдователя Н. рѣшили перевести въ захолустьѣ, а на мѣсто его перевести въ окружный городъ А. Приготовляясь къ этому, прежній участокъ А. увеличили сколько было возможно, присоединивши къ нему мѣстности изъ участка Н., затѣмъ для бывшаго участка А., теперь увеличеннаго, назначили мѣстомъ пребыванія слѣдователя городокъ Ск.; но эти предположенія путемъ просьбъ, моленій, Н. успѣлъ въ отношеніи себя измѣнить, именно за нимъ оставили его прежній участокъ и пребываніе въ окружномъ городѣ; но для А. все-таки была сдѣлана льгота: участокъ за нимъ оставили его прежній, который прочили для Н., но позволили А. жить не въ Ск. какъ то проэктировалось для Н., а въ окружномъ городѣ. Городокъ Ск. дѣйствительно составлялъ центральное мѣсто для участка А., и потому для сбереженія времени и расходовъ Ск. былъ удачно выбранъ. но, оставляя участокъ за А., въ угоду ему, назначили мѣсто жительства въ окружномъ городѣ, который вовсе къ участку А. не принадлежитъ, въ которомъ А. не придется производить ни одного слѣдственнаго дѣйствія, который лежитъ далеко въ сторонѣ участка

А., внѣ его границъ. Вотъ, когда нужно порадѣть нужному человѣчку, такъ и интересы службы забываются; забывается и экономія, о которой теперь такъ много говорятъ, и которую соблюдаютъ, когда только это совпадаетъ съ личными интересами распорядителей экономіи. Потребовали отъ разныхъ должностей соображеній объ экономіи, и дѣйствительно пишетъ прокуроръ Се. свои соображенія объ уничтоженіи цѣлаго суда, сулитъ журавля въ небѣ, экономію тысячъ въ 200; но легко дѣлать соображенія объ интересахъ отдаленныхъ, на сколько же соображенія эти серьезны — это видно изъ того, что, тутъ же, подъ руками совершенно ненужная должность переводчика и «о сокращеніи ея» — молчокъ. Еслибъ спросили у Се., покажите пожалуста работу вашего переводчика, какъ часто приходится ему дѣлать переводы, оказалось-бы, что за полъ-десятка лѣтъ, было сдѣлано полъ десятка переводовъ. Писарей держится цѣлая куча, а работа идетъ медленно, потому что фавориты почти не имѣютъ работы, получаютъ разрѣшеніе работать на сторонѣ.

Такъ на военно-судебномъ персоналѣ отзывается среда, изъ которой происходитъ этотъ персоналъ, но это вліяніе еще усиливается способомъ назначенія военно-судебныхъ дѣятелей. Первоначально были назначены на должности прокуроровъ и ихъ помощниковъ дѣятели старыхъ порядковъ, бывшіе аудиторы, и ихъ тлетворное вліяніе не могло не дать себя чувствовать; военными судьями были назначены, ознакомившіеся съ наукой права въ такъ называемыхъ, офицерскихъ классахъ; все было на скорую руку, и, въ виду большаго количества вакансій, отъ занимающихъ мѣста военныхъ судей никакихъ способностей не требовалось. Затѣмъ, по мѣрѣ открытія вакансій судей, получали мѣста помощники прокуроровъ и слѣдователи, а на ихъ мѣста избирались изъ кандидатовъ: на должности помощниковъ прокуроровъ непосредственно прокурорами военно-окружныхъ судовъ, а слѣдователи при ихъ вліяніи.

По закону требуется, чтобъ помощники прокуроровъ и слѣдо-

ватели имѣли общее образованіе и спеціальное; но нужно ли было на дѣлѣ это образованіе, когда сами прокуроры были изъ старыхъ аудиторовъ, не имѣвшіе ни того, ни другаго образованія. Главный военный прокуроръ, который могъ бы взять на себя замѣщеніе всѣхъ должностей, чтобъ не трудиться, сдалъ отъ себя эту обязанность прокурорамъ окружныхъ судовъ, и правителю своей канцеляріи, а тѣ наводнили все судебное вѣдомство такими же аудиторами какъ и сами; главный военный прокуроръ, самъ старый генералъ-аудиторъ, съ любовію взиралъ на то, какъ прокуроры окружныхъ судовъ дѣйствовали въ его планахъ. Главный прокуроръ, кажется, гордился, ставилъ себѣ въ заслугу свою незаинтересованность, отсутствіе въ немъ властолюбія, но этимъ сдѣлалъ много вреда. Завѣдуй назначеніемъ военно-судебнаго персонала самъ главный военный прокуроръ, все-таки, назначенія были бы лучше; тогда быть можетъ не имѣли бы значенія въ назначеніяхъ на должности мелкіе интересы, мелкія интриги, мелкія протекціи съ задняго крыльца у военныхъ прокуроровъ; а было изъ-за чего интриговать, бороться; бывшіе аудиторы, считавшіе свое жалованье сотнями рублей, вдругъ получили возможность, превращаясь въ помощники военныхъ прокуроровъ и слѣдователей, считать жалованье тысячами. Всѣ пружины пускались въ ходъ.

Бывшіе аудиторы безъ образованія сами, кого они могли выбирать? Неужели они избирали бы лучшихъ себя, съ болѣе высокимъ образованіемъ, людей лучшихъ! Такого безкорыстнаго отношенія къ дѣлу нельзя ждать отъ бюрократовъ. Никакого внѣшняго стимула рѣшительно не существовало для того, чтобъ выбирались лучшіе. При неудовлетворительности военно-судебной практики, когда ошибки нагромождались на ошибки, конечно нѣтъ сомнѣнія, никакого контроля, никакой отвѣтственности не существовало; засѣданія судовъ происходили не публично, въ томъ смыслѣ, что публика сама не стремилась въ залы засѣданій, и потому единственное условіе,

требовавшееся отъ назначаемыхъ, было—пріятность ихъ для прокуроровъ; а могъ ли имъ быть пріятнымъ человѣкъ дѣйствительно способный, образованный, дѣятельный. Конечно нѣтъ. Способный, образованный можетъ указать ошибку, незнаніе; дѣятельный будетъ слишкомъ часто дѣлать эти указанія; и способный и дѣятельный на бюрократическомъ языкѣ легко превращается въ безпокойнаго, и потому непріятнаго. Тутъ хочется, чтобъ дѣло какъ нибудь шло само собою, ни шатко ни валко, чтобъ спокойно получалось жалованье, спокойно проживалось, чѣмъ цѣль человѣческаго существованія и исчерпывается; къ чему же тогда еще какія-то тревоги, заботы о пользѣ общей, объ интересахъ общественныхъ, какіе-то общественные дѣятели, какія-то гражданскія скорби; какая-то жажда знанія, къ чему это все, что за польза изъ всего этого? Да Богъ съ ними, все это лишнее, не потерять бы жалованья; слава тебѣ Господи, что отъ нѣсколькихъ сотенъ добрались до тысячъ, благодать Божья съ неба свалилась, сидѣть бы ниже травы тише воды, да благодарить Господа въ тишинѣ, а тутъ эти способные, да безпокойные, съ какими-то вопросами лезутъ, объ усовершенствованіи заботятся. И вотъ появились въ помощникахъ прокурора, въ слѣдователяхъ не юристы, не люди, одушевленные любовью къ своему дѣлу, не люди, для которыхъ интересы правосудія выше всего, для которыхъ въ самомъ исполненіи долга и награда, не люди смотрящіе на свое дѣло съ высоты просвѣщенія, высокаго пониманія дѣла, а просто начальническіе кредиторы, начальническіе кумовья, протеже нужныхъ людей, начальническіе лакеи и няньки, усердныя поздравители съ именинами и т. п.

Лица, захватившіе лакомые куски, знающіе только такъ называемую практику, за которою можно смѣло укрываться, какъ за понятіемъ не поддающимся болѣе близкому опредѣленію, немедленной провѣркѣ, стали утверждать, что теорія ничего не значитъ, что важна только практика, и вотъ къ спокойнымъ мѣстамъ поползли изъ всѣхъ щелей, со

всѣхъ концовъ, эти люди практики, или, будто бы, обѣщающіе хорошую практику. И случилось то, что у насъ обыкновенно случается: вышло противорѣчіе, вышелъ разладъ между дѣятельностью двухъ учрежденій, преслѣдующихъ, кажется, одну и туже цѣль, но дѣйствующихъ въ раздробъ, безъ всякой связи, каждое по своему, каждое избирая свой самостоятельный, одинъ другому противорѣчащій путь. И вотъ примѣръ, какъ при сильнѣйшей, будто бы, централизаціи, выходитъ крайняя децентрализація. Каждый дѣйствуетъ по своему произволу. Выходитъ нѣчто подобное тому, что мы говорили объ округахъ, или до-окружномъ времени.

Такимъ образомъ конференція военно-юридической академіи, ученая коллегія, знавшая близко и учениковъ академіи и юридическаго училища, признала, что ученики юридическаго училища не развиты, выходятъ мало образованными, непригодными для дѣятельности военно-судебной, и что съ офицерами могутъ равняться только кончившіе университетъ, почему военно-юридическое училище было закрыто, и осталась одна академія; академія готовила офицеровъ, считая ихъ только способными; между тѣмъ судебная администрація дѣйствовала наоборотъ и въ 1881 г. 70% должностей по военно-судебному вѣдомству были заняты, или старыми аудиторами, учившимися на мѣдные гроши, или воспитанниками военно-юридическаго училища.

Люди, находясь въ академіи, учатся, трудятся, это стоитъ казнѣ денегъ, имъ преподаютъ одно, а выходятъ на службу—встрѣчаютъ совершенно другое, встрѣчаютъ рутину, отсутствіе всякой теоріи, отдѣльныя статьи ничѣмъ не связанныя, между которыми не знаютъ какъ устроиться. Когда въ академіи начали толковать объ учрежденіи 3-го курса, сами слушатели, кончавшіе академію съ двухъ-курсовой программой, хлопотали о томъ, чтобъ имъ дали возможность прослушать третій курсъ; они, конечно, не ожидали, что по выходѣ на службу этотъ третій курсъ превратится въ лишнюю обузу, причину для не-

пріязненнаго расположенія сослуживцевъ, не только не знавшихъ третьяго курса, а часто не прошедшихъ даже никакихъ курсовъ.

Порядокъ назначенія на должности, который мы представили, существуетъ не въ одномъ судебномъ вѣдомствѣ, а вездѣ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ партій, гдѣ нѣтъ борьбы на почвѣ общественныхъ интересовъ, гдѣ все дѣлается не публично, келейно, безконтрольно, безапелляціонно, гдѣ нѣтъ надобности открыто нападать и вмѣстѣ съ тѣмъ парировать чужіе удары; вездѣ въ такихъ обществахъ нѣтъ надобности въ лучшихъ людяхъ, тамъ нужны худшіе люди, покорные, смирные, неувѣренные въ своихъ силахъ, нужны люди худшіе чѣмъ тѣ, которые ихъ назначаютъ. Кому-же пріятно держать около себя лучшихъ людей, болѣе умныхъ, безъ надобности. Такова основа бюрократіи, таковъ принципъ знакомый и практикуемый издавна. Еще Иванъ Грозный, передъ тѣмъ какъ принялся уничтожать силу русской земли, передъ тѣмъ какъ принялся за свои казни, ѣздилъ на богомолье въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь испросить на свое кровавое дѣло благословенія Господа и отъ, проживщаго въ попутномъ Пѣсношскомъ монастырѣ, епископа Вассіана Топоркова получилъ совѣтъ, не держать около себя людей умнѣе себя. Наши бюрократы не знаютъ сказаннаго объ Иванѣ Грозномъ, но люди въ сходныхъ, хотя-бы въ слабой степени, положеніяхъ дѣйствуютъ одинаково. Отъ Ивана Грознаго до Паскевича всего только одинъ шагъ; кто могъ возвыситься при Паскевичѣ, о томъ недавно говорила вся періодическая печать, потому мы сошлемся на этотъ свѣжій примѣръ. Паскевичъ, пишутъ, возвысилъ и приблизилъ къ себѣ Горчакова, который былъ самымъ не популярнымъ лицемъ въ арміи, нѣсколько разъ положительно доказывалъ свою неспособность, однако-же награды постоянно сыпались на его голову. Паскевичъ, этотъ, какъ его называютъ удачно, русскій Торквемада, взялъ Горчакова въ начальники штаба потому только, что люди съ характеромъ и чувствомъ человѣческаго достоинства уклонялись отъ такой чести, а Горча-

ковъ былъ безгласнымъ, бездыханнымъ передъ всякимъ старшимъ его лицемъ. Отъ Паскевича еще одинъ шагъ до Бисмарка; Бисмаркъ тоже нетерпѣлъ около себя ни одного способнаго, постепенно спустилъ всѣхъ сколько нибудь выдающихся, и остался одинъ окруженный только никуда неспособными; онъ несетъ послѣдствія такого «такта» передъ опозиціей, выставляющей блестящихъ ораторовъ и Бисмаркъ является совершенно безпомощнымъ; но вѣдь наши Бисмарки, на этотъ разъ прокуроры военныхъ судовъ, не имѣютъ даже такого контроля надъ собой, какъ имѣетъ Бисмаркъ, и потому они могутъ спокойно слѣдовать его «такту». Бывшій военный министръ возвелъ въ строгую неуклонную систему, что каждый начальникъ безконтрольно избираетъ себѣ подчиненныхъ, онъ кажется гордился такимъ тактомъ и считалъ это доказательствомъ отсутствія въ немъ властолюбія, а мы думаемъ, что лучше было-бы, еслибъ онъ обращалъ вниманіе на тѣ произвольныя и рабскія отношенія, въ которыя подчиненные ставились къ начальникамъ, и еслибъ несправедливость находила въ немъ, а за нимъ и у другихъ высшихъ начальниковъ. своихъ гонителей. При системѣ-же, которой держался министръ, никто не понималъ, что несетъ службу Его Величества, а всѣ разсматривали себя, какъ-бы служащими по частному найму у различныхъ командировъ и начальниковъ, на службѣ ихъ частныхъ интересовъ; что дѣлалъ начальникъ, кого онъ представлялъ, то было свято. Мы нарочно распространились о порядкѣ назначенія на должности для того, чтобъ этотъ важный вопросъ запечатлѣлся въ памяти читателя, чтобъ читатель понялъ откуда это у насъ идутъ жалобы на то, что людей нѣтъ, сколько правды въ этихъ жалобахъ, и что порядокъ существующій въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, есть повтореніе того, что существуетъ вездѣ.

Сколько грустныхъ разсказовъ ходитъ среди судебнаго вѣдомства о томъ, какъ тотъ или другой получилъ должность. Говорятъ, что К. и Н. сдѣлались помощниками прокурора, давъ на вѣчныя времена вт

займы извѣстную сумму прокурору Ах. Ск., кандидатъ на военно-судебныя должности, былъ на дурномъ счету пока не сталъ дѣлать приношеній С.; получивши должность слѣдователя для временнаго исполненія, онъ сталъ усердно приносить С. и его женѣ подарки въ видѣ куропатокъ, фруктовъ, вина, сигаръ и тотчасъ-же получилъ мѣсто помощника прокурора. Прокуроръ М. рекомендуетъ другому, С., кандидата П. и считаетъ нужнымъ при этомъ сообщить, что П. человѣкъ со средствами. Помощникъ прокурора Н. не въ состояніи вовсе работать, дѣла у него залеживаются по 6 мѣсяцевъ и это не мѣшаетъ ему оставаться на мѣстѣ и все это ему стоитъ незначительную сумму различными подарками, которые принимаются за невозможностью получать больше. Прокуроръ, А. чтобъ избавиться отъ большаго количества жаждущихъ мѣстъ, старался спихнуть отъ себя одного изъ такихъ—Л. и писалъ прокурору военнаго суда Н., а тотъ отвѣчалъ, что самъ имѣетъ въ запасѣ Б.; и хотя Б. былъ неспособенъ, извѣстенъ былъ какъ безуспѣшно кончившій курсъ въ академіи, но Н. отвѣчалъ, что не можетъ ему предпочесть кого-бы-то ни было, потому что Б., родственникъ весьма важнаго лица Ф. Прекрасный, образованный офицеръ Ра., уважаемый товарищами, долженъ былъ отчислиться отъ военно-суднаго вѣдомства, потому что Ст., прокуроръ подъ носомъ у него назначалъ совершенно безграмотныхъ и необразованныхъ въ помощники прокурора, но исполнявшихъ личныя порученія, услуги прокурору. Онъ же Ст. далъ необразованному, тупому семинаристу изъ юридическаго училища, мѣсто слѣдователя, за то только, что онъ исполнялъ у него роль секретаря, а вмѣстѣ съ тѣмъ покупалъ дрова, нанималъ квартиры, въ дорогѣ и дома замѣнялъ прислугу. Не получилъ мѣста въ военно-прокурорскомъ надзорѣ Б., кончившій курсъ академіи вторымъ, превосходившій многихъ штатскихъ, но не умѣвшій заискивать у прокурора, который выдумывалъ безнаказанно разныя небылицы о его неспособности, разносившіяся повсюду усердными подчиненными. У прокурора Ст., исправлявшій дол-

жность помощника успѣшно, не получилъ этого мѣста только потому, что ваканцію нужно было отдать Бу., племяннику нужнаго человѣчка. Офицеръ Ш., не получая мѣста у А., долженъ былъ отчислиться, и только благодаря случайности снова вернулся въ военно-судебное вѣдомство, и занялъ тамъ по конкурсу весьма почетную должность. Разными путями попадали на должности. Мы знаемъ помощ. прокурора Л., который былъ рекомендованъ на должность весьма важной особой за то, что Л. всегда усердно молился въ Исакіевскомъ соборѣ на глазахъ у важной особы.

Прокуроры распредѣляютъ занятія между своими помощниками облегчаютъ однихъ, обременяютъ другихъ, увольняютъ въ отпуски, даютъ видныя порученія въ зависимости отъ тѣхъ выгодъ, которыя получаются отъ того или другаго. Военные прокуроры такъ хорошо сознаютъ безнаказанность своихъ дѣйствій, такъ смѣло дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ, что нисколько не конфузятся тѣмъ, что избранники ихъ, которыми они парадируютъ, терпятъ самые постыдные фіаско—вѣдь надъ ними нѣтъ контроля. Послѣ каждой неудачи, избранники вновь фигурируетъ въ почетныхъ роляхъ, какъ-бы для того, чтобъ показать, что фіаско есть въ сущности успѣхъ, котораго только не умѣютъ понять. Такимъ образомъ Се. парадируетъ на Бр., даетъ ему важныя дѣла для составленія заключеніи для проведенія ихъ въ судебныхъ засѣданіяхъ и что же выходитъ. Былъ высланъ Бр., на громкое дѣло о пор. З., обвинявшемся въ покушеніи на убійство. Слѣдствіе продолжалось долго, приступили къ судебнымъ преніямъ, Бр. и началъ свою рѣчь тѣмъ, что онъ и самъ не знаетъ еще, что будетъ утверждать въ своей рѣчи, въ чемъ будетъ обвинять З.; это онъ выяснитъ и себѣ только впослѣдствіи, смотря потому, къ чему его самого приведетъ его рѣчь; куда его кривая вывезетъ, такъ и будетъ хорошо. Заявлено все это было торжественно, точно и въ правду это было не верхъ безсмыслицы; Бр. думалъ, что сказалъ что-то грандіозное, оригинальное, однако скоро

убѣдился, что не въ свои сани сѣлъ. Говорилъ, говорилъ Бр. въ теченіи получаса, говорилъ обо всемъ и ни о чемъ, бросался въ стороны, но все-таки ничего не выходило и черезъ часъ взмолился, сталъ просить судъ дать ему отдыхъ. Отдыхалъ полъ-часа; возобновивши свою рѣчъ былъ кратокъ, перечислилъ только предметы обвиненія, которые никакъ не вязались со сказаннымъ до отдыха и поспѣшилъ закончить. Все это при отсутствіи контроля прошло даромъ и прокуроръ по прежнему выѣзжаетъ на своемъ битючкѣ Бр.; тотъ-же Бр. надѣлалъ массу грубыхъ ошибокъ въ своей дѣятельности съ нѣкоторыми изъ которыхъ мы познакомимся въ настоящемъ трудѣ, но все это безнаказанно, и по прежнему Бр., не получившій никакого образованія, считается столбомъ воен.-прок. надзора.

Да не можетъ быть иначе; вездѣ такъ идетъ дѣло и военно-судебное вѣдомство не можетъ быть исключеніемъ. Вѣдь мы видимъ какъ штабъ докторъ Бушъ, обвиненный судомъ за взятки, которыя онъ бралъ съ своихъ подчиненныхъ за назначенія, награды, перемѣщенія, своимъ процессомъ ярко освѣтилъ служебныя дѣла. Кто такіе ближе всѣхъ были по службѣ къ Бушу?—писаря Андреевъ и Парфеновъ. Бушъ говорилъ «что мнѣ ваши образованные, онъ начнетъ высказывать свои высшія соображенія такъ только слушай, да кланяйся, а я больше люблю писарей. Этому что скажешь, да прибавишь непечатное слово, онъ скушаетъ и отлично сдѣлаетъ дѣло». Дѣйствительно полезныхъ людей, ученыхъ Бушъ всѣми силами преслѣдовалъ, напр. врача Левандовскаго, Кауфмана и другихъ и ученые труды по медицинѣ, по порученію Буша, выполнялъ выслужившійся писарь Парфеновъ. Бушъ крестилъ въ хирурговъ, въ окулистовъ, въ старшихъ докторовъ людей никогда не державшихъ въ рукахъ хирургическаго ножа, способности и знанія которыхъ вызывали смѣхъ у знавшихъ ихъ. Различными придирками, требованіями Бушъ вымучивалъ взятки. Хорошо знавшіе дѣятельность Буша показывали на судѣ, что демонализація въ средѣ врачебнаго персонала морскаго вѣдомства достигла величайшей степени, благодаря Бушу.

Одна и таже система даетъ всюду одни и тѣже результаты. Вотъ что читаемъ мы въ «Голосѣ» по поводу громадныхъ злоупотребленій въ Таганрогской таможнѣ: «прекрасно обставленная въ матеріальномъ отношеніи, таможенная служба въ послѣдніе 10 лѣтъ выдѣлилась въ какую-то тѣсно замкнутую сферу, доступъ въ которую былъ обставленъ особаго рода условіями; только счастливцамъ отмѣченнымъ судьбою удавалось сразу получать высшія мѣста по таможенному вѣдомству, такую отмѣтку налагала судьба въ видѣ родственныхъ отношеній, близкаго знакомства, предшедшаго совмѣстнаго служенія. Знающій свое дѣло и честный таможенный чиновникъ, если не имѣлъ тѣхъ условій, которыми пользовались счастливцы, не долженъ былъ разсчитывать на повышеніе».

Теперь мы переходимъ къ деталямъ по вопросу о состояніи знаній военно-судебныхъ дѣятелей.

Въ практикѣ не видно руководящей общей мысли, общихъ принциповъ, системы, все рутина; не видно разумѣнія общаго смысла, закона, противурѣчія закона не согласованы на основаніи общаго смысла, цѣли закона; все разбито, разбросано, разрознено, какія-то неясныя безсвязныя идеи, какая-то путаница. Изученіе закона идетъ по отдѣльнымъ статьямъ, потому постоянное зубреніе и все-таки постоянныя ошибки; словомъ, во всемъ видно, что вы имѣете дѣло съ такъ наз. практиками только. Личность въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, издающая рѣшеніе главнаго военнаго суда, этихъ рѣшеній не знаетъ, потому что нѣтъ же средствъ изучить ихъ отдѣльно каждое. Заходитъ напр. рѣчь о примѣненіи 191 ст., и издатель рѣшеній главнаго военнаго суда требуетъ, чтобъ примѣненію 191 ст., предшествовало много разъ наложенное дисциплинарное наказаніе, а между тѣмъ въ его же изданіи говорится, что достаточно одного наказанія и примѣненіе 191 ст., къ слѣдующему однородному проступку имѣетъ силу; въ собственномъ изданіи слово *однажды* напечатано разрядкой, но гдѣ же этого не забыть, запо-

миная каждое отдѣльное рѣшеніе. Другой знатокъ рѣшеній пришелъ въ ужасъ, когда ему представили проэктъ заключенія, которымъ, на основаніи 69 ст., оправдывался фейрверкеръ, который, будучи старшимъ въ караулѣ, отказался подчиниться фельдфебелю, требовавшему отъ него смѣны съ караула раньше срока, и заявилъ фельдфебелю, что для него обязательны только приказанія дежурнаго по карауду, Государя Императора и т. д., между тѣмъ въ рѣшеніяхъ главнаго военнаго суда было уже рѣшеніе, оправдывающее проэктъ заключенія. (Дѣло Ястржебскаго въ К.).

Всякій новый вопросъ, не бывшій въ практикѣ, не умѣютъ разрѣшить.

Застрѣлился полковникъ М., командиръ баталіона, оказалось, что побудительною причиною къ самоубійству была растрата, слѣдствіе подлежало прекращенію, но нужно было пополнить растраченныя деньги, какимъ же путемъ? Оставшееся имущество продать собственною властью? Такъ бы и сдѣлали, еслибъ умершій былъ солдатъ, еслибъ сумма была незначительна, но тутъ поступить такъ не было возможности; были кредиторы, нужно было дѣйствовать по закону; но гдѣ же такой законъ? и вотъ масса недоразумѣній, суетня, а между тѣмъ вопросъ просто разрѣшается—226 и 227 ст. ст. XXIV св. воен. пост. Рѣдко такіе дѣла бываютъ, отъ того ничего и не знаютъ.

Полковникъ Р. считался хорошимъ прокуроромъ, сдѣлали его судьей. Пока дѣло шло о побѣгахъ, кражахъ со взломомъ — все удачно сходило съ рукъ. Случилось ему засѣдать по дѣлу о капитанѣ пограничной стражи А., разъ уже разсмотрѣнномъ военнымъ судомъ, но по которому примѣненіе закона было отмѣнено главнымъ военнымъ судомъ. Вторично разсматривать дѣло по существу не предстояло, слѣдствіе судебное не производилось, обвинительный актъ не читался, и рѣчь прокурора, его требованіе именно въ томъ и состояло, что судъ, не имѣя права касаться дѣла по существу, долженъ былъ примѣнить законъ къ виновности А., какъ она признана

предшествовавшимъ приговоромъ. Каково же было удивленіе, когда изъ приговора, написаннаго Р., выходило, будто бы производилось слѣдствіе, читался обвинительный актъ, было предъявлено новое обвиненіе, которое признано судомъ неправильнымъ, что судъ постановилъ приговоръ, сообразивъ выводы обвинительнаго акта съ обстоятельствами, раскрывшимися на судебномъ слѣдствіи и т. д. Ларчикъ просто раскрывался. Ни разу не писавши приговоровъ по дѣламъ, по которымъ главнымъ военнымъ судомъ отмѣнено только примѣненіе закона къ виновности, разрѣшенной правильно судомъ, разсматривавшимъ дѣло по существу, Р. нашелъ для своей неумѣлости одинъ выходъ — повторилъ слово въ слово приговоръ суда, разсматривавшаго дѣло въ первый разъ; оттуда снова разсказъ о производствѣ слѣдствія, о новомъ обвиненіи, хотя бы то и прямо противорѣчило протоколу вторичнаго засѣданія, въ которомъ именно было сказано, что обвинительный актъ не читался, слѣдствіе не производилось.

Существовала старинная статья, части II кн. I св. воен. пост. изд. 1859 г. п. 9 ст. 2115 о томъ, что никто изъ *чиновниковъ* во время состоянія *на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ* не имѣлъ права ничего печатать безъ разрѣшенія начальства. Статья эта давно была забыта, офицеры печатали все что имъ хотѣлось на общихъ для всѣхъ гражданъ основаніяхъ, и все шло благополучно, но случилось нѣчто такое, что можетъ быть всегда вызвано существованіемъ статей пришедшихъ въ забвеніе, относительно которыхъ нѣтъ постатейнаго указанія объ ихъ отмѣнѣ, если только примѣненіе закона попадаетъ въ не по разуму усердныя руки. Одной крупной власти, стремившейся къ такъ называемому поднятію дисциплины въ войскахъ, по поводу корреспонденціи генерала Г., помѣщенной въ газетахъ, захотѣлось воскресить законъ, воспрещавшій чиновникамъ пускаться въ литературу и распространить его на офицеровъ. Между военными юристами, извѣстное дѣло, легко

найдти услужливыхъ людей, и между ними нашелся нужный человѣкъ, который сталъ на стогнахъ проповѣдывать, что дѣйствительно существуетъ такой законъ. Оживленіе старины, конечно, могло осуществиться только при незнаніи существованія, никогда не практиковавшейся, главы шестой XXIV св. в. п., при незнаніи того основнаго начала, выраженнаго также положительно въ 221 ст. XXIV св. в. п., что въ случаѣ неполноты, неясности, противорѣчія закона, законъ толкуется, толкуется по духу, разуму, цѣли закона, и наконецъ при неумѣніи понимать и толковать законъ, что зависитъ отъ недостатка образованія. А толкованія требовалъ законъ, запрещавшій, будто бы, офицерамъ печатать что либо безъ разрѣшенія начальства, потому что въ самомъ законѣ объ офицерахъ ни слова; говорится о чиновникахъ, состоящихъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, а офицеры и чиновники большая разница; вотъ и въ военно-судебное вѣдомство допускаютъ служить только офицеровъ, чиновниковъ же въ послѣднее время туда не допускаютъ. Офицеры просто *служатъ въ военной службѣ*, чиновники же *состоятъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ*, но въ *военной службѣ* не служатъ; у чиновниковъ совсѣмъ не тѣ права, что у офицеровъ. П. 9 ст. 2115 спеціальный законъ слѣдовательно можетъ быть понимаемъ только въ тѣсномъ смыслѣ и не допускаетъ распространительнаго толкованія; вся ст. 2115, высочайше утвержденнымъ 7 февраля 1881 г. мнѣніемъ военнаго совѣта, замѣнена новой редакціей въ которой фраза: «чиновниковъ состоящихъ на службѣ по военному вѣдомству» замѣнена фразой: «состоящіе на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ», что показало, что чиновники и офицеры по понятію составителей закона не одно и тоже, потому и старая 2115 ст. къ офицерамъ не могла быть примѣняема. Но пойдемъ дальше, въ шестой главѣ XXIV св. в. п., есть статья 1193, которая порядокъ военно-уголовнаго судопроизводства, представляющій вообще изъ себя лишь изъятіе, отступленіе отъ об-

щаго судопроизводства въ частностяхъ, подробностяхъ, наиболѣе приближаетъ къ общему порядку судопроизводства. Эта статья опредѣляетъ, что военные, подсудные военному суду за всѣ преступленія, кромѣ смѣшанной подсудности, за преступленія печати судятся самостоятельно въ гражданскихъ судахъ, и какъ военныхъ законовъ о печати не существуетъ, то вполнѣ понятно, что военный могъ бы быть осужденъ гражданскимъ судомъ только за нарушеніе общихъ цензурныхъ законовъ, и, конечно, общій судъ не обратилъ бы никакого вниманія появилось ли сочиненіе военнаго съ разрѣшенія его начальства или нѣтъ.

То обстоятельство, что не было закона, въ которомъ именно было бы сказано, что 2115 ст. п. 9 отмѣняется, тутъ не при чемъ; потому что извѣстно положеніе, что болѣе ранній спеціальный законъ самъ по себѣ теряетъ силу въ присутствіи новаго спеціальнаго закона, трактующаго о томъ же. Если, не смотря на сказанное, можно было бы все-таки считать старый законъ обязательнымъ, то является противорѣчіе законовъ, вызывающее толкованіе ихъ по духу и разуму, по смыслу, намѣренію, цѣли и причинѣ. Существованіе 1193 ст. прямо указываетъ на то, что именно въ дѣлахъ печати законодательство старалось возможно менѣе уклонить отвѣтственность военныхъ отъ остальныхъ гражданъ, старалось ихъ совершенно уравнять, и слѣдовательно всѣ существовавшія прежде особенности должны отпасть. Услужливыхъ юристовъ не можетъ поддержать противопоставленіе 1192 и 1193 ст. ст.; дѣйствительно въ 1192 ст. сказано, что военному суду остаются подсудными всѣ преступленія военно-служащихъ въ дѣлахъ о печати, какъ только послѣднія соединены съ нарушеніемъ обязанностей военной службы, но въ этихъ словахъ, нѣтъ сомнѣнія, нельзя видѣть напечатаніе труда безъ разрѣшенія начальства, такъ какъ если трудъ напечатанъ съ разрѣшенія начальства, то авторъ никакому суду не подсуденъ; за всѣ нарушенія въ печати, при разрѣшеніи къ печати труда начальствомъ, отвѣчало

бы конечно только начальство, давшее дозволеніе, а не авторъ. Если считать всякій трудъ напечатанный безъ разрѣшенія начальства, за трудъ, представляющій изъ себя нарушеніе обязанностей военной службы, тогда не было бы такихъ сочиненій, которыя, на основаніи 1193 ст., были бы подсудны гражданскому суду. Очевидно, что 6 глава XXIV кн., написана была въ томъ намѣреніи, въ томъ смыслѣ, что старый законъ, ст. 2115 не имѣетъ значенія, не имѣетъ силы. Нарушенія военной службы, о которыхъ говорится въ 1192 ст., это суть, конечно, нарушенія 96, 97 и др. ст. ст. XXII св. в. п.; нарушенія эти такого свойства, что могутъ заключаться только въ сущности содержанія сочиненія, а не въ фактѣ напечатанія безъ разрѣшенія начальства; иначе, повторяемъ, не нужно было бы 6 главы, достаточно было бы для преслѣдованія авторовъ общихъ положеній XXII и XXIV св. воен. пост. Всѣ сочиненія военныхъ могутъ быть раздѣлены на три категоріи: первая категорія — сочиненія напечатанныя съ разрѣшенія начальства, вторая категорія—безъ разрѣшенія, но заключающія въ себѣ нарушенія военной службы, третья категорія—безъ разрѣшенія, но ничего противъ военной службы не заключающія. Сочиненія первой категоріи вовсе не преступны, второй категоріи подсудны военнымъ судамъ на основаніи 1192 ст., и третьей категоріи подсудны общимъ судамъ на основаніи 1193 ст. XXIV св. воен. пост.; дѣйствію 6 главы XXIV св. в. п., слѣдовательно подлежатъ только сочиненія напечатанныя безъ дозволенія начальства, и въ виду 6 главы военные могли печатать свои труды, не испрашивая разрѣшенія начальствъ. Такой выводъ единственно возможный въ виду 221 ст. XXIV св. воен. пост., но конечно онъ еще долго не войдетъ въ плоть и кровь нашихъ вершителей судебъ, и долго еще на оберткахъ пошленькихъ изданій будутъ красоваться надписи «съ разрѣшенія того или другаго начальства», вводя въ заблужденіе не посвященныхъ, полагающихъ, что надпись выражаетъ солидарность управленія или начальства съ той чепухой, которая преподносится изданіемъ.

Къ сказанному мы можемъ прибавить еще, что полагающіе, что офицеръ ничего не можетъ печатать безъ разрѣшенія начальства, были бы затруднены въ отвѣтѣ на вопросъ: какой законъ карательный примѣнить къ нарушителю; запрещеніе есть, но нѣтъ указанія чѣмъ ограждается нарушеніе запрещенія, а такіе законы, которые не имѣютъ карательной санкціи, относятся къ разряду лишь желаній законодателя, къ нравственнымъ совѣтамъ. Такіе законы извѣстны нашему законодательству, но остаются безъ примѣненія. Неповиновеніе, можетъ быть скажутъ, оказалъ тотъ, кто напечаталъ свой трудъ безъ разрѣшенія начальства. Но тогда всякое неисполненіе закона, всякое преступленіе было бы неповиновеніемъ, а между тѣмъ неповиновеніе имѣетъ свой спеціальный опредѣленный составъ; въ дѣйствующей арміи преслѣдовали одного чиновника за напечатаніе безъ разрѣшенія начальства корреспонденцій, но это было, во-первыхъ, въ военное время, а во-вторыхъ, тамъ существовало еще особое условіе, а именно кромѣ закона былъ еще приказъ главнокомандующаго, запрещавшій печатать что бы то ни было безъ разрѣшенія. Къ тому же положимъ, напечатанъ трудъ безъ разрѣшенія начальства и нарушающій общіе законы. Что же? тогда виновный подлежалъ бы на основаніи 1193 ст. общему суду и кромѣ того отвѣчалъ бы передъ военнымъ судомъ за напечатаніе безъ разрѣшенія. Возможно-ли это?

Такъ стояло дѣло до послѣдняго времени Но вотъ 7 февраля 1881 г. 9 п. 2115 ст., гласившій, что *«чиновникамъ»*, состоящимъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ запрещается издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ что-либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальниковъ и предавать печати литературныя произведенія свои оригинальныя и переводы какого бы рода они не были безъ дозволенія своихъ начальниковъ по роду службы», былъ замѣненъ запрещеніемъ всѣмъ состоящимъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, какъ и всѣмъ состоящимъ въ государствен-

ной службѣ на основаніи 7 п. 529 ст. тома III свода закон. гражд. 1876 г., «издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ что-либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ сношеній россійскаго государства безъ дозволенія своихъ начальниковъ». Это новое запрещеніе для офицеровъ все-таки не было согласовано съ VI главой XXIV, св. в. п., затѣмъ по прежнему не было обезпечено карательной санкціей; выражало лишь пожеланіе, совѣтъ законодателя; опять являлся не разрѣшеннымъ вопросъ, какимъ судомъ должно преслѣдоваться это нарушеніе и какія послѣдствія оно влечетъ за собою; но все-таки законъ очевидно вносилъ что-то новое; очевидно, что не все уже запрещалось печатать, а только кое-что. Новое запрещеніе удержало только первую половину отмѣненнаго 9 п. 2115 ст. 7 п. 529 ст., есть законъ старинный, Александра I, и потому для насъ совсѣмъ непонятный, требующій толкованія; толкуя его широко можно сдѣлать натяжку что все запрещается печатать, такъ какъ все происходящее въ Россіи, въ обществѣ обнимается внѣшними или внутренними отношеніями, въ Россіи происходящими; но въ виду того, что, очевидно, законодатель, создавшій 9 п. 2115, счевшій нужнымъ продолжить 7 п. 529 ст., добавить его запрещеніемъ издавать какіе бы то ни было литературные труды, самъ понималъ, что сочиненія о внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ россійскаго государства, не обнимаютъ всѣхъ видовъ литературы, сказанная натяжка будетъ невозможна. Къ тому же слова «россійскаго государства» даютъ право думать, что 7 п. 529 ст. обнималъ только, такъ называемую, политику, это понятіе въ популярномъ его значеніи. Наконецъ въ апрѣлѣ 1882 г., состоялся приказъ военнаго министра, въ которомъ сказано: «подтверждается по военному вѣдомству, что на основаніи общихъ законовъ, состоящимъ въ государственной службѣ воспрещается издавать въ свѣтъ сочиненія заключающія въ себѣ что либо, касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній россійскаго государства безъ дозволенія своихъ начальствъ». Опять значитъ запрещаются только сочиненія

собственно политическія, и затѣмъ все-таки нѣтъ карательной санкціи. Могутъ толковать, что послѣ этого приказа, напечатавшій сочиненіе, совершаетъ неповиновеніе; но дѣло въ томъ, что неповиновеніе есть неисполненіе распоряженія начальства, основаннаго на законѣ, что вовсе не то, что повтореніе, подтвержденіе закона. Есть законъ о томъ, что нельзя убивать, и положимъ начальникъ повторитъ въ приказѣ, подтвердитъ этотъ законъ, однако-же не будутъ убійцъ судить за неповиновеніе, а только за убійство; точно тоже слѣдуетъ сказать и о апрѣльскомъ приказѣ военнаго министра; онъ подтвердилъ законъ, и потому здѣсь не можетъ быть неповиновенія; здѣсь будетъ самое большее нарушенъ законъ, который карательной санкціи не имѣетъ. Принимая затѣмъ во вниманіе VI главу, XXIV кн. св. воен. пост., мы должны сказать, что отъ офицеровъ не отнята и теперь возможность печатать свои труды безъ разрѣшенія начальства.

При слабомъ общемъ юридическомъ образованіи нашего военно-судебнаго персонала, сила старыхъ законовъ долго еще будетъ сбивать съ толку всякій разсчетъ и дарить сюрпризами тѣхъ, кто подсуденъ военному суду. Отсутствіе широты взглядовъ на вещи, неумѣніе схватывать разумъ и духъ законовъ тяготитъ надъ военнымъ правосудіемъ, находящимся въ рукахъ буквоѣдовъ, умѣющихъ только присосаться къ отдѣльной запятой, къ отдѣльнымъ статьямъ написаннымъ темно, непонятно. Недостатокъ общаго образованія въ этомъ случаѣ отзывается неумѣніемъ восходить отъ частнаго къ общему.

Въ В., въ послѣднее время участились случаи оскорбленія городовыхъ офицерами, что и задало работу полицейскимъ властямъ: эти власти, естественно, болѣе чѣмъ другія, болѣе чѣмъ въ другихъ случаяхъ, увидѣли спасеніе отъ оскорбителей офицеровъ въ усиленіи строгости наказанія, потому высшая полицейская власть въ В., полиціймейстеръ генералъ Б. отнесся къ воен. прокурору Се. съ указаніемъ,

что въ св. в. п. 1859 года, не въ ряду военно-уголовныхъ законовъ, а гдѣ-то случайно, гдѣ опредѣлялись отношенія офицеровъ къ полиціи, замѣшалась статья 483 кн. 1 части III, въ которой сказано, что офицеры за оскорбленіе городовыхъ отвѣчаютъ какъ за оскорбленіе часовыхъ; законъ этотъ общій для всей Россіи; и Б., опираясь на то, что нигдѣ въ продолженіяхъ св. в. п., эта статья не была отмѣнена, потребовалъ отъ Се. примѣненія этой статьи къ могущимъ встрѣтиться преступленіямъ, т. е. эта статья по требованію Б. примѣнялась бы въ одной В. Се. сконфузился, ему зазорно стало, какъ это могло случиться: онъ думалъ, что всѣ законы «произошелъ», и вдругъ 483 ст. кн. I ч. III прозѣвалъ. Законъ этотъ, примѣненіе его являлось чрезвычайно важнымъ; тутъ была возможность и прикрутить офицеровъ, а въ В. судѣ, мы видѣли, это практикуется, и примѣненіе закона на практикѣ обезпечило бы Се. расположеніе полиціи, а не примѣненіе сулило вѣчную вражду, лишеніе разныхъ мелкихъ услугъ со стороны полиціи, а кромѣ того въ перспективѣ, при новомъ назначеніи и т. п., отъѣздъ изъ В. безъ обѣда отъ полиціи, какого удостоился прокуроръ В. окружнаго суда М., покидавшій В.; вся в. полиція спѣшила своимъ обѣдомъ засвидѣтельствовать передъ лицемъ вселенной о томъ единеніи, въ которомъ М. жилъ съ полиціей, а вѣдь единеніе съ властями, это вѣдь верхъ такта по понятіямъ нашихъ военно-судебныхъ дѣлателей. Вотъ Се. и сталъ думу думать, какъ бы это оживить мертвую, забытую статью о наказаніи офицеровъ за оскорбленіе городовыхъ, какъ за оскорбленіе часовыхъ. Думалъ онъ думалъ и про себя и въ слухъ, препирался по этому поводу съ другими, которые ему доказали всю нелѣпость требованій Б.; наконецъ Се. рѣшилъ, что слѣдуетъ, какъ только представится случай, примѣнять статью указанную Б., а чтобъ дѣло крѣпче стояло, рѣшился спросить инструкцій у главнаго военнаго прокурора. Вотъ, думалъ Се., нигдѣ 483 ст. не примѣняли, ее прозѣвали, а я и отличусь знаніемъ законовъ; конечно, обращаясь къ главному прокурору, Се. благоразумно умолчалъ,

что не самъ онъ дочитался до ст. 483, а что ее ему, Се., указалъ Б. Отъ главнаго военнаго прокурора скоро пришелъ отвѣтъ, что примѣнять статью 483 необходимо, такъ какъ она нигдѣ не отмѣнена; сознавался главный военный прокуроръ, что примѣненіе 483 ст. является абсурдомъ послѣ того, какъ ее вездѣ уже забыли, и такъ какъ она требуетъ несоразмѣрно строгаго наказанія; сознавался, что упустили отмѣнить 483 ст., т. е. именно, гдѣ нибудь, въ какомъ нибудь продолженіи, сказать, что именно 483 ст. отмѣняется; скорбѣлъ прокуроръ за участь тѣхъ, къ которымъ придется примѣнить статью 483, обѣщалъ что, когда нибудь, соберется таки отмѣнить статью, а до того времени, указывалъ, что участь обвиняемыхъ будетъ какъ нибудь смягчена—по протесту или жалобѣ. Это было въ началѣ 1881 года. Положимъ, что путемъ протеста, да еще при заранѣе заявленномъ согласіи главнаго прокурора, возстановить правду въ судѣ можно, но это будетъ съ грѣхомъ по поламъ. Положимъ, что кассаціонный, главный военный судъ, при кассаціонномъ разсмотрѣніи дѣла, въ концѣ-концовъ все таки приговоръ отмѣнитъ, но вѣдь это будетъ поздновато. Офицеръ, все-таки, по прихоти Б., будетъ привлеченъ къ слѣдствію; будетъ томиться долгое время въ ожиданіи, его все-таки предадутъ суду, а что судъ скажетъ это вѣдь неизвѣстно; далѣе офицеру будетъ, положимъ, утѣшеніе, что приговоръ кассируютъ, но вѣдь все не навѣрно, взгляды мѣняются, самъ главный военный прокуроръ, можетъ перемѣниться; самъ главный военный судъ, какъ мы увидимъ, весьма часто противорѣчитъ въ своихъ рѣшеніяхъ; словомъ, пока все дѣло кончится, офицеру придется много натерпѣться.

Вотъ тутъ мы и припомнимъ еще разъ проэктъ Мартынова, который надѣется, что дѣло будетъ обстоять благополучно, если прокуроры будутъ непосредственно состоять при военныхъ начальникахъ. Вотъ изъ-за 483 ст., передъ *полиціей* спасовалъ же Се., желая ей

угодить. Чего же можно будетъ ждать отъ прокуроровъ, которые будуть состоять при начальникахъ, будутъ отъ нихъ въ болѣе тѣсной зависимости?

Требованіе Б. принесло съ собою много недоразумѣній; со времени существованія новаго суда къ оскорбленіямъ офицерами и солдатами городовыхъ сплошь и рядомъ, по всей Россіи, примѣняли 31 ст. уст. о нак. нал. мир. суд.; а тутъ черезъ 20 лѣтъ, да еще въ одной В. пожаловали этотъ проступокъ въ воинское преступленіе съ серьезной отвѣтственностью; главный военный прокуроръ санкціонировалъ такое странное положеніе; но главный военный прокуроръ не могъ же по своей иниціативѣ требовать повсемѣстнаго примѣненія археологической находки Б. и Се., и на самомъ дѣлѣ главный военный судъ не отмѣнилъ, разсматривавшагося имъ гораздо позже отвѣта главнаго военнаго прокурора, приговоръ О. временнаго военнаго суда въ Елизаветградѣ, которымъ князья Джержавидзе и Церетели, признаны виновными въ оскорбленіи городовыхъ Поберзнюка, Стороженко и Бондаренко, и приговорены по 31 ст. мир. устава. А выйдти изъ такого затрудненія было просто и легко, еслибъ только военно-судебный персоналъ былъ болѣе образованъ вообще и спеціально юридически въ особенности. Мы возьмемъ на себя трудъ указать этотъ правильный выходъ. 1 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ т. е. XXII кн. св. в. п. изд. 1875 г. говоритъ, «во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, для коихъ настоящимъ уставомъ не постановлено изъятій или особыхъ правилъ къ лицамъ подлежащимъ дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ, примѣняются относительно преступленій, проступковъ и наказаній общія постановленія дѣйствующихъ по гражданскому вѣдомству уголовныхъ законовъ» (ул. о нак. уг. и ис., уст. о наказ. налаг. мир. судьями). Послѣ изложеннаго не можетъ быть никакого сомнѣнія, какіе законы должны примѣняться къ военнымъ; очевидно, что никакія отдѣльно разбросанныя статьи, гдѣ бы то ни было, хотя бы и въ артику-

лахъ, о чемъ бы то ни было, не примѣнимы къ военнымъ. Несомнѣнно, что главный законъ и для военныхъ есть законъ вообще гражданскій—уложеніе, мировой уставъ, а затѣмъ, какъ додачу къ нимъ, мы имѣемъ XXII св. воен. пост. и только; все что было издано раньше 75 года, слѣдовательно всѣ статьи св. в. п. 1859 г., уничтожены 1 ст. XXII св. в. п. изд. 1875 г. Думаемъ, что трудно сказать что нибудь противъ ясности, справедливости и полноты такого вывода, но если этотъ выводъ справедливъ, ясенъ, то всякій возникающій вопросъ, подобный вопросу о 483 ст. ч. III св. в. п. изд. 1859 г. легко разрѣшается. Очевидно, что законъ не хотѣлъ отягощать положеніе военныхъ безъ надобности, и только въ рѣдкихъ случаяхъ къ закону гражданскому прибавлялъ особенные законы, составившіе XXII св. воен. пост., все другое потеряло силу.

Итакъ, если представляется какое нибудь преступленіе, то прежде всего мы должны знать не предусмотрѣно-ли оно, не обложено ли оно наказаніемъ въ уложеніи, затѣмъ въ мировомъ уставѣ и наконецъ не предусмотрѣно ли оно XXII св. воен. пост. Въ данномъ случаѣ является вопросъ, какимъ закономъ предусмотрѣно оскорбленіе городоваго офицеромъ. Въ XXII св. воен. пост. это преступленіе обойдено молчаніемъ, затѣмъ намъ нечего обращаться къ своду в. п. 1859 г., а мы должны справится съ улож. и уст. о п. и. м. суд.; въ послѣднемъ мы находимъ 31 ст., предусматривающую и наказывающую оскорбленіе городоваго; примѣненіе этой статьи и будетъ вполнѣ отвѣчать намѣреніямъ законодателя; миров. уст. и XXII св. в. п., соображены между собою; въ послѣдней встрѣчаются ссылки на первый, значитъ 31 ст. имѣлась въ виду законодателя и если въ XXII св. воен. пост., наказаніе, назначеное въ 31 ст. мир. устав., не усилено, то значитъ законодатель не считалъ это нужнымъ.

Оскорбленіе офицеромъ городоваго въ настоящее время предусматривается 31 ст. мир. устава; прежде предусматривалось 483 ст. к. 1 ч. III св. воен. пост.; очевидно, что позднѣйшій законъ долженъ

отмѣнять болѣе ранній; и нечего останавливаться передъ тѣмъ, что 483 ст., нигдѣ спеціально не указана въ числѣ отмѣненныхъ. Вотъ главныя соображенія, рѣшающія всѣ недоумѣнія, которыя только могутъ укрѣпиться дальнѣйшимъ толкованіемъ закона по духу и смыслу.

Особенная статья о наказаніи офицеровъ за оскорбленіе городоваго, помѣщенная въ сводѣ 1859 года, конечно, происхожденія еще болѣе стараго чѣмъ сводъ 1859 года; время ея происхожденія давало ей какой нибудь смыслъ, но примѣненіе ея въ 1881 году является анахронизмомъ. Тогда были иныя времена, иные порядки, иные нравы. Полиція тогда имѣла военную организацію, комплектовалась и пополнялась исключительно военными, всякій полицейскій отбывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительную военную службу, смотрѣлъ на себя какъ на военнаго, отъ него требовалась военная дисциплина—чинопочитаніе и подчиненность; съ другой стороны и къ полицейскому всѣ военные обязаны были относиться какъ къ военному; и если офицеръ, оскорбившій городоваго, тѣмъ самимъ совершалъ оскорбленіе часоваго, то городовой съ своей стороны обязанъ былъ чисто военными отношеніями къ офицеру; существовала такимъ образомъ равноправность отношеній. Теперь же совсѣмъ не то; городовые суть лица гражданскіе; ради чего же офицеръ будетъ къ нимъ относиться какъ къ военнымъ и притомъ почему же офицеръ не можетъ являтся въ отношеніи городоваго такимъ же гражданиномъ какъ и всѣ; вѣдь въ этомъ случаѣ нельзя никоимъ образомъ даже опереться на потребности военной службы; военная служба тутъ нисколько не затронута. Вездѣ въ цѣлой Россіи 483 ст. считалась отмѣненною; 20 лѣтъ прошло, какъ вездѣ въ Россіи примѣнялась 31 ст. мир. устава и потому возбуждать черезъ 20лѣтъ вопросъ о 483 ст., несообразно съ логикой вещей. Очевидно, что всякія толкованія противныя сказанному являются чистѣйшимъ абсурдомъ, что воскресить статью 1859 г. могли только прихоть Б, а съ другой стороны незнаніе, неумѣніе толковать законъ, уступчивость, податливость прокуро-

ра, унизившія военное правосудіе и его задачи. Положеніе, которое принялъ теперь вопросъ о 483 ст., не менѣе странно чѣмъ то, въ которомъ онъ находился до послѣдняго времени.—22 декабря 1881 г. состоялся циркуляръ главнаго штаба, которымъ объявлено, что въ виду того, что всѣ постановленія, касающіяся карательныхъ мѣръ за всѣ преступленія и проступки военно-служащихъ, сосредоточены въ воинскомъ уставѣ о наказ. изданномъ позже 1 к. ч. III св. воен. пост. 1859 г., 483 ст. слѣдуетъ считать отмѣненною. Конецъ дѣла не хуже начала его. Мы изложили весь ходъ дѣла, который, хотя его вовсе не видно изъ циркуляра главнаго штаба, выясняетъ состояніе юридическихъ познаній въ средѣ военно-судебнаго персонала; затѣмъ мы видимъ, что главный штабъ, учрежденіе административное, разъясняетъ военнымъ юристамъ, какъ они должны понимать законъ, толковать его. Конечно теперь уже военно-судебные дѣятели подчинятся этому толкованію, потому что не подчиниться главному штабу нельзя, не смотря на то, что разъясненіе глав. штаба опять является неправильнымъ и опять потребуетъ новыхъ разъясненій для несостоятельныхъ военныхъ юристовъ. Такимъ образомъ циркуляръ штаба, вышедшій какъ то видно изъ самого его слога не отъ юриста, утверждаетъ, что всѣ постановленія, касающіяся карательныхъ мѣръ за всѣ преступленія и проступки сосредоточены въ XXII св. воен. постан., но это невѣрно, невѣрно въ виду 1 ст. XXII св. воен. пост. карательныя мѣры, главнымъ образомъ, сосредоточены въ улож. о нак. и уст. о нак. нал. мир. суд., а вовсе не въ XXII св. воен. пост.; тѣмъ не простительнѣе эта ошибка, что 483 ст., к. 1 ч. III 1859 г., по поводу которой состоялся циркуляръ, именно замѣнена 31 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. Циркуляръ главнаго штаба, утверждая невѣрный принципъ, самъ потребуетъ разъясненій для нашихъ, передъ всѣмъ становящихся въ тупикъ, воен. судебныхъ дѣятелей.

До какого абсурда могли бы дойти, примѣняя старыя статьи мы

позволимъ это показать слѣдующимъ примѣромъ. Въ почтовомъ дорожникѣ 1875 г., официальномъ, обязательномъ изданіи, между другими обязательными почтовыми правилами находится статья о томъ, что проѣзжающіе за оскорбленіе станціоннаго смотрителя и ямщика подлежатъ штрафу въ 28 р. 75 к. Кромѣ того о такихъ случаяхъ доносится Государю Императору. Что же, пожалуй Се. готовъ было предать военному суду офицера, оскорбившаго ямщика и потребовать отъ суда, чтобъ онъ приговорилъ виновнаго къ штрафу въ 28 р. 75 к., а о случаѣ донесетъ Государю Императору. Въ уложеніи о наказаніяхъ существуетъ не уничтоженная статья 422, которая гласитъ: «за злонамѣренное открытіе обвиняемому судебныхъ о немъ актовъ или иныхъ бумагъ, виновный подвергается и т. д.» и вотъ попадись статья въ руки военному юристу, надѣлалъ бы онъ бѣдъ съ этой статьей; онъ бы примѣнилъ эту статью, не подозрѣвая, что теперь наказываютъ за исполненіе этой статьи а не за нарушеніе ея. Точно такова 419 ст. улож. о нак. и много др. старыхъ статей. И что всего вреднѣе, выкапываютъ старыя статьи, если изъ нихъ что нибудь можно извлечь въ пользу своекорыстныхъ интересовъ и хоть колъ на головѣ тѣши, такъ будутъ стоять на томъ что неотмѣнена статья и баста; если-же не нравится новый, живой законъ—его живо уничтожатъ какимъ нибудь распоряженіемъ, циркуляромъ или тому подобное; напр. ничего не стоитъ однимъ почеркомъ пера уничтожить гласность въ судахъ, оборвать защиту, уничтожить слабые признаки самостоятельности судей; тутъ уже не смѣй опираться на законъ: что намъ законъ, говорятъ произвольные начальники.

Обращеніе къ старымъ законамъ дало возможность придать понятію о неповиновеніи такой смыслъ и значеніе, какого не имѣли въ виду составители XXIII и XXII св. в. п.; рядомъ съ новымъ понятіемъ о неповиновеніи, болѣе раціональнымъ, основанномъ на XXII и XXIII св. воен. пост., главный военный судъ въ своихъ рѣшеніяхъ воздвигъ, невыдерживающее критики, понятіе о неповинове-

піи, основанное на старомъ законѣ, идущемъ въ разрѣзъ съ XXII и съ XXIII ст. воен. постан., о чемъ мы скажемъ подробнѣе впослѣдствіи.

Неспособность судебнаго персонала обобщать идеи, рѣшать вопросы сообразно съ духомъ и разумомъ закона, постоянно приводитъ къ абсурдамъ. Такимъ образомъ понятно то недовольство и то смущеніе, которыя были вызваны преданіемъ суду и обвинительнымъ приговоромъ Одесскаго воен. суда относительно городоваго Иващенко, который, будучи солдатомъ на дѣйствительной службѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ служа въ полиціи, дотронулся до офицера поручика Нахрапа, арестовывая его, чѣмъ будто-бы провинился противъ военной дисциплины. Одесскій военный судъ и прокурорскій надзоръ выдавали себя и разсматривались со стороны, какъ бы, находившимися въ необходимости примѣнять пераціональный законъ. Они разсуждали такъ: съ одной стороны является солдатъ, который исполняетъ свою обязанность, прикасается къ офицеру, чтобъ заставить его исполнить свое законное требованіе, отправиться въ часть, которому офицеръ не хочетъ подчиниться, съ другой стороны существуетъ законъ, строго наказывающій всякое прикосновеніе къ офицеру, независимо отъ той цѣли (рѣшенія главнаго военнаго суда), съ которою дѣлается прикосновеніе; хотя чувствуется фальшъ такого положенія, но что же дѣлать, говорятъ наши примѣнители законовъ; законъ существуетъ, законъ неумолимъ и онъ долженъ быть примѣненъ, иначе самъ судебный персоналъ можетъ получить упрекъ, что онъ не бдитъ надъ тѣмъ закономъ, у котораго поставленъ.—А между тѣмъ всѣ эти разсужденія не имѣютъ подъ собою почвы, они—лишь дымъ пустой, и ихъ бы не существовало еслибъ правильно понимали законъ. Много разсужденій со стороны періодической печати было высказано. Періодическая печать («Голосъ», напр.), принимая за исходную точку, будто бы, законъ, въ самомъ дѣлѣ, ставитъ въ такое привилегированное положеніе всякаго военнаго и въ такое безвыходное положеніе примѣнителей закона военнаго, доказывала, что не-

возможно, чтобъ законъ не былъ измѣненъ, пускалась въ разсужденіе о томъ, чтоже будетъ; неужели полиція должна останавливаться передъ разбойникомъ въ мундирѣ; неужели полицейскій не имѣетъ права арестовать разбойника, застигнутаго имъ на мѣстѣ совершенія преступленія; печать тутъ же полемизировала противъ утверждающихъ, что только плацъ-адъютантъ можетъ арестовать военныхъ; «Голосъ» справедливо замѣчалъ, что, пока Иващенко ходилъ бы разыскивать плацъ-адъютанта, Н. имѣлъ бы время зарубить дворника, на котораго напалъ. Но на самомъ дѣлѣ все это праздныя разсужденія; никакихъ новыхъ законовъ не нужно, примѣнители военныхъ законовъ вовсе не стоятъ въ безвыходномъ положеніи, они только не умѣютъ пользоваться существующими законами, и потому предаютъ суду городоваго, который только исполнилъ свою обязанность, который иначе поступить не могъ. Дѣйствительно существуетъ законъ, гласящій, что прикосновеніе къ офицеру преступно, но ни въ какомъ случаѣ не «независимо отъ цѣли»; это независимо отъ цѣли есть толкованіе закона совершенно неправильное, принятое главнымъ военнымъ судомъ. Убійство офицера напр. часовымъ, караульнымъ тоже можетъ быть не преступнымъ; прикосновеніе нижняго чина къ офицеру, вызываемое исполненіемъ обязанностей службы, не преступно. Офицеръ, отъ котораго полицейскій солдатъ требуетъ, чтобъ онъ отправился въ полицію, не можетъ отдавать приказаній солдату, чтобъ тотъ его отпустилъ, сталъ передъ нимъ руки по швамъ, потому что солдатъ на основаніи 69 ст. XXII имѣетъ право не исполнять подобныя приказанія, какъ противныя правиламъ его службы и продолжать свое дѣло; офицеръ тутъ теряетъ свою начальническую власть, и потому законныя распоряженія городоваго могутъ быть приведены въ исполненіе городовымъ надъ офицеромъ силою. Полицейскій, который арестовываетъ офицера, исполняетъ свою обязанность; выхватывая у офицера обнаженную имъ шашку, полицейскій дѣйствуетъ по праву, съ цѣлью предупрежденія преступленій, и потому что для солдата вообще было бы преступленіемъ.

то для солдата полицейскаго есть похвальное дѣйствіе. Полицейскій солдатъ, задерживая офицера, употребляя насиліе надъ офицеромъ, исполняетъ въ извѣстныхъ случаяхъ свою обязанность и потому въ виду 69 ст. не наказуемъ. Вотъ такихъ простыхъ соображеній достаточно для того, чтобъ не попадать въ такое безвыходное положеніе, не выставлять закона столь неблаговиднымъ, какъ онъ былъ выставленъ неумѣлыми толкователями его въ Одесскомъ судѣ по дѣлу городоваго, насильно арестовавшаго офицера. Выводъ нашъ долженъ сдѣлаться до крайности твердымъ, если мы скажемъ, что 1264 ст. уст. уголовнаго судопроизводства прямо говоритъ: «полиція, въ случаяхъ предоставленныхъ ей закономъ, можетъ задерживать подозрѣваемыхъ военнослужащихъ наравнѣ со всѣми прочими лицами». А на основаніи 257 у. уг. суд. полиція обязана задерживать личностей застигнутыхъ на преступленіи, или тотчасъ послѣ преступленія. И добро бы еще сказали, что положеніе городоваго, задерживающаго офицера на мѣстѣ преступленія въ отношеніи офицера безпримѣрное, но такія отношенія должны давно быть усвоены военно-судебнымъ персоналомъ. Представьте себѣ, что офицеръ былъ бы убитъ часовымъ у денежнаго ящика, въ то время, когда офицеръ хотѣлъ похитить деньги изъ ящика; часовой имѣлъ право такъ поступить, потому что къ тому призываютъ его обязанности и конечно тутъ не имѣло бы мѣста оскорбленіе дѣйствіемъ офицера, никому и въ голову не пришло бы привлекать къ отвѣтственности такого часоваго. А между тѣмъ не хотятъ такихъ ясныхъ отношеній распространить на всѣ подобные случаи. Съ точки зрѣнія, одесскихъ толкователей военнаго закона, часовой, убившій нападавшаго на него офицера долженъ отвѣчать, какъ и солдатъ, который, стоя часовымъ напр. у двери камеры арестованнаго, оттолкнулъ бы офицера, ломившагося въ камеру, вопреки запрещеніямъ часоваго; долженъ былъ бы отвѣчать и конвойный, который употребилъ силу противъ офицера, старавшагося силою освободить арестанта препровождаемаго конвойнымъ. Вотъ до какихъ

абсурдовъ можетъ довести неумѣніе понять сущность дѣла. Стоило бы только задаться приведенными примѣрами, понять ихъ, отвлечъ ихъ смыслъ, и тогда никто бы не рѣшился городоваго Иващенко, задержавшаго офицера предать суду за оскорбленіе начальника. Нашъ законъ никого не ставитъ въ такое безвыходное положеніе, какъ то представлялось въ одесскомъ судѣ, по дѣлу городоваго Иващенко. Кромѣ приведенныхъ нами соображеній, дающихъ весьма приличный выходъ изъ кажущихся затрудненій, мы должны прибавить еще слѣдующее. На основаніи 54 ст. XXII только тогда изъ двухъ стаж кивающихся военныхъ, одинъ является начальникомъ другаго, когда ихъ обязанности не опредѣлены закономъ, въ томъ же случаѣ, когда взаимныя отношенія двухъ военныхъ опредѣлены закономъ, всякій дѣйствуетъ такъ, какъ ему указываетъ законъ. Вообще забываютъ это, и часто военные слѣдователи, производя напр. слѣдствіе надъ старшимъ въ чинѣ совершенно теряются, не знаютъ какъ стать, какъ сѣсть передъ старшимъ. Если мы забудемъ, что законъ прямо обязываетъ всякаго младшаго исполнять свои обязанности въ отношеніи старшаго совершенно также, какъ и въ отношеніи младшаго, то и военный слѣдователь не могъ бы довести почти ни одного слѣдствія до конца.

Если съ одной стороны не умѣютъ восходить отъ частныхъ понятій къ общимъ, то съ другой стороны точно также не умѣютъ нисходить отъ общаго понятія къ частному, а когда это приходится точно также приходятъ къ поразительнымъ абсурдамъ. Такимъ образомъ знаменитый прокуроръ Ст. такъ понималъ духъ закона Офицеръ Золотаревъ изъ отставки опредѣленъ былъ въ дѣйствующую армію во время войны. Получивъ прогоны въ Ка., онъ не спѣшилъ въ полкъ, а растратилъ деньги и застрялъ въ К., тутъ его схватили и предали суду; судъ примѣнилъ къ нему первую половину 130 ст., т. е. по мирному времени и 140 ст. XXII св. в. п. Ст. воспротивился этому и протестовалъ, требуя примѣненія законовъ военнаго времени.

Законы военнаго времени примѣняются только на театрѣ войны, или въ мѣстности объявленной на военномъ положеніи. Золотаревъ совершилъ преступленіе на пути изъ Ка. въ К., въ мѣстности совершенно мирной, нельзя же изъ за того что *онъ собирался* ѣхать на театръ войны, считать его вездѣ и всегда на военномъ положеніи. Прямой смыслъ 268 ст. XXII св. в. п., кажется, долженъ былъ бы удержать отъ толкованій подобныхъ вышеприведеннымъ, но не смотря на то, требовалось большее количество рѣшеній глав. воен. суда, чтобъ держать въ разумныхъ предѣлахъ слишкомъ ревностныхъ радѣтелей строгости закона. Рѣшенія главнаго военнаго суда, въ случаяхъ подобныхъ упомянутому совершенно правильныя, оказывались малодѣйствительны, и въ 1880 году, еще разъ (рѣшеніе главнаго военнаго суда № 6) солдатъ, бѣжавшій изъ мѣстности въ Кіевской губерніи, и пойманный тамъ же, все-таки, былъ признанъ кіевскимъ военнымъ судомъ, совершившимъ побѣгъ въ военное время, только потому что побѣгъ, сдѣланный *передъ тѣмъ*, раньше, и еще не наказанный, былъ сдѣланъ изъ полка, находившагося въ составѣ дѣйствующей арміи.

По толкованію военныхъ юристовъ всякое преступленіе начальника есть ничто иное какъ превышеніе власти; и убійство, и разбой совершенные начальникомъ по толкованію нашихъ юристовъ, представляютъ изъ себя одно только превышеніе власти. Что особенно манитъ и клонитъ къ такому толкованію закона, такъ это тѣ послѣдствія, къ которымъ можно добраться, называя всякое преступленіе превышеніемъ власти; стоитъ признать такое превышеніе не имѣвшимъ важныхъ послѣдствій и дѣло можетъ ограничиться только *домашнимъ*, дисциплинарнымъ взысканіемъ по опредѣленію администраціи.

Нижніе чины, Арандоренко, Купцовъ, Никула, рядовые балтской команды, обвинялись въ томъ, что, бывъ назначены въ обходъ и получивъ приказаніе фельдфебеля забирать новобранцевъ, которые

будутъ шляться по городу, арестовали въ кабакѣ частное лице, разносчика телеграммъ Добровольскаго и это признано судомъ превышеніемъ власти, предусмотрѣннымъ 145 ст. воин. уст. о наказ., тогда какъ тутъ несомнѣнно мы имѣемъ дѣло съ преступленіемъ, предусмотрѣннымъ 1540 ст. улож., нашъ законъ положительно и нѣсколько разъ называетъ это произвольнымъ задержаніемъ, общимъ преступленіемъ совершеннымъ при исполненіи обязанностей службы, злоупотребляя властью; таковъ положительный смыслъ 151 ст. (2 ч.) воин. уст. о наказ., и 348 ст. (2 ч.) улож. о наказ., но военные законовѣды изъ всякаго общаго преступленія дѣлаютъ превышеніе власти.

Полковникъ З. во ввѣренномъ его управленіи задержалъ жену подрядчика В., кричалъ на нее, заставилъ ее, какъ подрядчицу, насильно принять повѣстку, объявилъ, что не выпуститъ ее изъ управленія пока она не приметъ повѣстку, и та должна была исполнить требованіе—прямое, очевидно общее преступленіе, предусмотрѣнное 142 ст. мир. уст., совершенное при исполненіи обязанностей службы, а между тѣмъ прокуроръ призналъ это преступленіе превышеніемъ власти, неимѣющимъ важныхъ послѣдствій, извинительнымъ потому, что З. дѣйствовалъ изъ ревности къ службѣ и дѣло кончилось дисциплинарнымъ взысканіемъ по распоряженію административной власти.

Поручикъ Хвостовъ высѣкъ крестьянъ плетью и кромѣ того наказалъ ихъ фухтелями и главный военный судъ призналъ это не истязаніями при исполненіи обязанностей службы, а превышеніемъ власти, спутавши этотъ вопросъ тѣмъ, что Хвостовъ, употребилъ для совершенія преступленія нижнихъ чиновъ (рѣш. глав. воен. суда 1873 г. № 250), тогда какъ употребленіе нижнихъ чиновъ поднимаетъ только вопросъ объ участіи нижнихъ чиновъ въ преступленіи, а вовсе не дѣлаетъ изъ всякаго преступленія превышеніе власти. Поручика Супруненко и ш.-к. Шкленникова военно-окружный судъ призналъ виновными въ томъ, что они, пріѣдя на квартиру къ пор.

Ляховскому, ночью разбудили его и потребовали отъ него, чтобъ онъ извинился, угрожая, что иначе высѣкутъ его при посредствѣ нижнихъ чиновъ, которыхъ дѣйствительно припасли для этого и назвалъ это превышеніемъ власти. Такимъ образомъ всякую угрозу, всякое насиліе, буйство, а когда нужно то и убійство будутъ признавать превышеніемъ власти. Главный военный судъ и тутъ спуталъ вопросъ тѣмъ, что употребленіе нижнихъ чиновъ есть уже несомнѣнный признакъ превышенія власти; но, понятно что это соображеніе *«политическаго свойства»*; очевидно, что было бы политичнѣе, еслибъ нижніе чины были привлекаемы въ подобныхъ случаяхъ какъ участники; тогда бы, пожалуй, скорѣе вывелись преступленія, въ которыхъ орудіемъ являются нижніе чины, такъ какъ они увидѣли бы, что приказаніе начальника ихъ не прикрываетъ и не стали бы слушать преступныхъ приказаній, на что имѣютъ полное право въ виду 69 ст. XXII св. воен. пост. (рѣш. 1877 г. № 134).

Рядовые Родинъ и Фокинъ, находясь въ составѣ конвоя сопровождавшаго партію, зашли въ питейное заведеніе и самовольно зарестовали тамъ одного рядоваго, били его, и надѣвъ наручники держали его до тѣхъ поръ въ заключеніи, пока не заплатилъ, требуемыхъ ими, за освобожденіе 1 р. 25 коп.; главный военный судъ разъяснилъ, что хотя на основаніи инструкціи старшему конвойному, сопровождавшему арестантовъ, конвойные не представляютъ никакой власти въ отношеніи лицъ не состоящихъ въ составѣ этапа, тѣмъ не мѣнѣе въ поступкѣ подсудимыхъ *выразилось присвоеніе себѣ не принадлежащаго имъ права*, а такъ какъ по смыслу 146 ст. XXII, кто дозволитъ *себѣ превышеніе власти* съ намѣреніемъ сдѣлать другое болѣе важное преступленіе, тотъ подлежитъ отвѣтственности за то преступленіе, которое имъ намѣренно учинено, то къ дѣянію подсудимыхъ правильно примѣнена 2 часть 378 ст. улож. о наказ. (1875 г. № 64). Часъ отъ часу не легче. Положимъ, что и резуль-

татъ размышленій главнаго военнаго суда вышелъ неправильный, но независимо того для насъ важно въ настоящій моментъ то, что логическій путь, которымъ главный военный судъ пришелъ къ результату, неправиленъ, а при неправильномъ мышленіи получаются лишь случайно, иногда правильные выводы, и нѣтъ гарантій, чтобъ вообще выводы были правильны. Неправильность мышленія главнаго военнаго суда въ томъ, что главный военный судъ *присвоеніе непринадлежащей власти* прировнялъ къ *превышенію власти*, что далеко не одно и тоже: присвоеніе власти предусмотрѣно 289 ст. улож. о наказ., а превышеніе власти—338 ст. того же уложенія и послѣдующими.

Очевидно, что главный военный судъ и вообще военные суды не усвоили себѣ смысла преступленія превышенія власти; *превышеніе власти*, какъ самые эти слова показываютъ, есть учиненіе того, что хотя и имѣетъ право совершить власть, но власть высшая, или другая отъ той власти, которою совершено дѣяніе. Разъ подобное толкованіе будетъ принято, тогда всякое дѣяніе получитъ свою надлежащую оцѣнку: убійство будетъ убійствомъ, потому что убійство не дозволяется никакой власти, какъ бы она высока ни была; изнасилованіе будетъ всегда изнасилованіемъ, потому что нѣтъ той власти, которой бы изнасилованіе было дозволено. Совершенно неправильно толкованіе главнаго военнаго суда, что всякое противузаконное обращеніе начальника съ подчиненнымъ есть превышеніе власти, и потому не можетъ быть подводимо подъ общіе уголовные законы. Это не только неправильно, но и вредно, потому что измышлено для покровительства противузаконнаго обращенія начальниковъ съ подчиненными. Унт.-офиц. наноситъ легкія раны своему подчиненному и это разсматривается какъ удары и побои, нанесенные начальникомъ изъ нижнихъ чиновъ подчиненному и наказывается менѣе строго, чѣмъ нанесеніе ранъ въ обще-гражданскихъ отношеніяхъ. Но не можетъ нанесеніе ранъ считаться превышеніемъ власти, такъ какъ

никакая власть наносить раны не имѣетъ права. Поставить такимъ образомъ вопросъ необходимо, чтобъ власть имущіе знали это. Существуютъ слѣдующія категоріи преступленій, въ которыхъ замѣшанъ вопросъ о власти: присвоеніе власти, превышеніе власти, и наконецъ совершеніе преступленія при исполненіи обязанностей службы. Нужно различать эти категоріи, чтобъ не дѣлать такихъ ошибокъ, при которыхъ общее преступленіе является лишь превышеніемъ власти. Присвоеніе власти есть совершеніе чего либо такого, чего никакая власть совершить можетъ, но субъектомъ никакой власти неимѣющимъ; превышеніе власти есть совершеніе преступленія власть имѣющимъ, чего либо такого, что вообще власть совершить можетъ, но только власть высшая или другая; если мы отступимъ отъ такого разумнаго толкованія, то непремѣнно будемъ признавать всякое общее преступленіе лишь превышеніемъ власти. Затѣмъ, если власть совершаетъ общее преступленіе во время исполненія обязанностей службы, при исполненіи должности, то преступленіе общее все-таки остается общимъ преступленіемъ, но совершеннымъ при исполненіи обязанностей службы. Если мы будемъ держаться такихъ основаній, то никогда истязанія и ранъ не признаемъ превышеніемъ власти.

Офицеръ отнялъ у деньщика деньги, утверждая, что деньги принадлежатъ ему, офицеру, при чемъ и самъ дѣйствовалъ и употребилъ для того нижнихъ чиновъ. Судъ, разсматривавшій это дѣло, призналъ наличность 142 ст., но главный военный судъ опять призналъ тутъ превышеніе власти; будто бы есть такая власть, которая можетъ, ни съ того ни съ сего, отнимать деньги у кого бы то ни было.

Въ ряду рѣшеній главнаго военнаго суда есть, однако, рѣшенія, которыя именно развиваютъ то понятіе превышенія власти, которое было бы желательно установить, но которое затерто вышеприведенными неправильными рѣшеніями главнаго военнаго суда, путающими военные суды, которые, какъ видно по большему количеству

дѣлъ, доходившихъ до главнаго военнаго суда, не могутъ сами совладать съ понятіемъ превышенія власти.

Такимъ образомъ главный военный судъ правильно призналъ превышеніемъ власти: 1) то, что предсѣдатель хозяйственнаго комит. маіоръ Абакумовъ замѣнилъ одни освѣтительные матеріалы другими по личному усмотрѣнію, а не на основаніи журнальныхъ опредѣленій хозяйственнаго комитета, какъ это слѣдовало бы согласно § 48 проэкта положенія о хозяйственномъ комитетѣ (рѣш. 1876 г. № 73); 2) то, что маіоръ *Хмыровъ*, будучи начальникомъ военно-исправительной роты, приказалъ продать безъ журнальнаго постановленія ротнаго комитета экономическій провіантъ и другіе матеріалы, тогда какъ согласно 144—149 ст. пол. о военно-исправительныхъ ротахъ, продажа могла послѣдовать не иначе какъ вслѣдствіе постановленія ротнаго комитета; 3) капитанъ *Рюдманъ* арестовалъ двухъ офицеровъ, на что имѣла право только власть высшая Рюдмана, или самое арестованіе должно было произойдти при другихъ условіяхъ и потому главный военный судъ призналъ это превышеніемъ власти совершенно правильнымъ; 4) ш.-к. Болотниковъ распорядился приготовленіемъ скоромной пищи для нижнихъ чиновъ, не спросивъ на то разрѣшенія полковаго командира, и это опять правильно признано превышеніемъ власти; но все это, въ виду другихъ неправильныхъ рѣшеній главнаго военнаго суда о превышеніи власти, не достаточно для выясненія понятія о превышеніи власти.

Отъ признанія самоуправства превышеніемъ власти недалеко весьма до непониманія, что такое самоуправство. Такимъ образомъ обвинялись два солдата въ томъ, что высѣкли подозрѣваемую въ кражѣ, сѣкли ее для того, чтобъ заставить сказать, куда она дѣвала украденныя вещи. Защитникъ доказывалъ, что дѣяніе обвиняемыхъ есть не болѣе какъ самоуправство; такимъ образомъ по понятіямъ защитника выходило, что всякое преступленіе есть самоуправство, и прокуроръ, возражая защитнику, соглашался,

что наказаніе розгами въ самомъ дѣлѣ есть самоуправство, потому что всякое преступленіе въ сущности есть самоуправство, но такъ какъ есть особая спеціальная статья о истязаніяхъ, куда относитъ практика сѣченіе розгами, то солдаты и должны быть обвинены именно въ истязаніи (Р. и Гал.).

Понятіе о необходимой оборонѣ тоже весьма плохо поставлено въ нашей военно-судебной практикѣ. Околодочный зашелъ въ квартиру офицера по случаю того, что изъ трубы показался огонь; скоро все кончилось, но околодочный остается въ квартирѣ безъ надобности; ему говорятъ: «что вамъ угодно, хотите что нибудь дѣлать, такъ дѣлайте, нечего дѣлать — пожалуйста оставьте квартиру, вы стѣсняете»; околодочный отвѣчаетъ: «останусь въ квартирѣ и пробуду сколько мнѣ угодно», ему говорятъ: «нѣтъ, если не имѣете надобности, то прошу выйдти»; отвѣчаетъ: «не хочу; буду составлять протоколъ». — «Протоколъ безъ понятыхъ составлять нельзя, идите зовите прежде всего людей»; — «не хочу, а хочу сидѣть въ квартирѣ сколько угодно». Очевидно, что околодочный не былъ при исполненіи обязанностей службы, а оставался въ квартирѣ, какъ нахальное частное лицо, которое на основаніи необходимой обороны можно удалить изъ квартиры. Но прокуроръ Ст. утверждалъ, что самооборона возможна только тогда, когда нападеніе угрожаетъ опасностью жизни, и тѣмъ удалился отъ науки и отъ закона (101 ст. улож.) и смѣшалъ необходимую оборону по уложенію и необходимую оборону на основ. 71 ст. воин. у. о н., которая дѣйствительно допускаетъ необходимую оборону только «*въ случаѣ явной опасности*»; статья эта не ясна: какая явная опасность, въ чемъ она можетъ заключаться? только ли въ опасности для жизни, здоровья? Вслѣдствіе такой неясности, прокуроръ Ст. и отвергалъ необходимую оборону относительно лица, остающагося въ квартирѣ противъ воли хозяина квартиры, хотя вопросъ этотъ положительно выясненъ рѣшеніями кассаціоннаго сената, хотя наука положительно высказывается за допущеніе необходимой обо-

роны въ защиту всякаго права; можно думать, что 71 ст. в. у. о н. недосказана съ заднею мыслью, чтобъ удобнѣе управляться съ нею на практикѣ и съуживать или расширять ея значеніе въ случаѣ надобности. Такая неясность статьи и привела къ тому, что при обвиненіи Б. въ оскорбленіи Р. въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ, въ угрозѣ оружіемъ, не нашли возможнымъ, защищавшагося Р. признать въ положеніи необходимой обороны, и онъ былъ преданъ суду за покушеніе на убійство. Еще другое основаніе почему предали суду, находившагося въ положеніи необходимой обороны, Р. состояло въ томъ, будто бы, положеніе необходимой обороны можетъ быть констатировано только судомъ, и что дѣло во всякомъ случаѣ необходимо довести до суда. Но такое пониманіе именно проистекаетъ съ одной стороны отъ неуясненія себѣ понятія необходимой обороны, съ другой же стороны недостаточно понимаютъ, какъ сами поступаютъ въ другихъ случаяхъ. Прокуроръ С. спрашивалъ главнаго военнаго прокурора: предавать ли Р. суду при наличности относительно его условій положенія необходимой обороны, и главный военный прокуроръ отвѣтилъ телеграммой, что вопросъ о необходимой оборонѣ, разрѣшаетъ судъ. Такая телеграмма вопроса не разрѣшала; послѣ нѣкоторыхъ размышленій С. пришелъ къ тому убѣжденію, что хотя прокурорскій надзоръ и признаетъ, что Р. находился въ положеніи необходимой обороны, но что прокурорскій надзоръ прекратить о немъ дѣла не можетъ, а необходимо обвинять Р. въ покушеніи на убійство и дѣло довести до суда. Очевидно, что въ телеграммѣ нельзя было развить то или другое положеніе, это положеніе должно близко знать лицо получившее телеграмму, чтобъ понять послѣднюю; телеграмма говорила, что судъ рѣшаетъ вопросъ о положеніи необходимой обороны; несомнѣнно что судъ, но когда? когда ему предложатъ этотъ вопросъ; самая же необходимость предложенія суду вопроса о необходимой оборонѣ не вытекала изъ телеграммы. Судъ разрѣшаетъ вопросъ о необходимой оборонѣ, точно такъ же какъ всякій вопросъ ему предложенный;

судъ рѣшаетъ каждое предложенное ему обвиненіе, но изъ этого не слѣдуетъ, что каждое подозрѣніе, каждый случившійся фактъ долженъ быть доведенъ до суда. По каждому дѣлу, прежде чѣмъ обвиняемый предается суду, прокуроръ можетъ по согласію съ начальствомъ прекратить дѣло; дѣло прекращается въ томъ случаѣ, когда нѣтъ сомнѣнія, что обвиняемый сумашедшій напр., когда прокуроръ находитъ данныя, указывающія, что фактъ не представляетъ изъ себя дѣянія преслѣдуемаго закономъ, когда это дѣяніе является правовымъ, законнымъ; прокуроръ квалифицируетъ дѣяніе совершенно свободно, опредѣляетъ — представляетъ ли данное дѣло кражу со взломомъ, или кражу простую, и дѣло сообразно съ тѣмъ идетъ или въ военный, или полковой судъ, или наконецъ прокуроръ просто предлагаетъ начальству кончить дѣло въ дисциплинарномъ порядкѣ; все это дѣлается, все это возможно, отчего же прокуроръ не могъ признать, что дѣяніе Р. есть дѣяніе вполнѣ правовое, законное, зачѣмъ отступать для одного какого нибудь дѣла отъ общихъ принциповъ; а между тѣмъ вопросъ о преданіи суду есть вопросъ важный; зачѣмъ невиннаго человѣка непремѣнно тащить на судъ, когда невинность его очевидна. Странно было настаивать на доведеніи до суда обвиненія Р., въ виду слѣдующаго примѣра.

Страж. погр. стражи Есипенко обвинялся въ томъ, что пустилъ въ дѣло оружіе и ранилъ одного изъ нападавшихъ на него, но слѣдствіе о немъ было прекращено и онъ не былъ преданъ суду потому, что «въ виду, произведеннаго на него Е. и другихъ объѣздчиковъ, вооруженнаго нападенія съ цѣлью освобожденія контрабандира Банаха онъ имѣлъ право употребить оружіе при обнаруженіи одного только намѣренія причинить стражѣ побои, а потому, произведенный имъ въ толпу нападавшихъ, выстрѣлъ изъ револьвера, послѣ уже нанесенныхъ ему ударовъ палкою и причиненія насилія другимъ стражникамъ, не можетъ быть вмѣненъ въ вину»; вслѣдствіе такихъ-то соображеній слѣдствіе объ Е. было прекращено глав. воен. судомъ. Что же тутъ спасло Есипенко отъ суда? конечно признаніе, что онъ находился въ

положеніи необходимой обороны, и если онъ не былъ преданъ суду, то и Р. могъ быть не преданъ, если только за нимъ признавалось положеніе необходимой обороны. Если такъ счастливо послужила необходимая оборона Р., что онъ все-таки былъ оправданъ на судѣ, судомъ былъ признанъ дѣйствовавшимъ въ положеніи необходимой обороны; если стражникъ Есипенко избавился отъ суда, потому что относительно пограничной стражи рекомендовано даже судамъ смотрѣть на ихъ дѣйствія въ подобныхъ случаяхъ сквозь пальцы, то можно сказать, что вообще говоря, для обыкновенныхъ случаевъ, для нижнихъ чиновъ практика воен. судовъ положенія необходимой обороны не знаетъ.

Такимъ образомъ 1) ряд. Ефимовъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи начальника дѣйствіемъ только за то, что, когда унтеръ-офицеръ одной съ нимъ роты, Безенкинъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, сталъ наносить ему удары, онъ, не ограничиваясь защитой себя, толкнулъ Безенкина (р. 1871 г. № 162); 2) рядовой Артемьевъ, который, упавши на нары, вслѣдствіе ударовъ нанесенныхъ ему исправляющимъ должность фельдфебеля, и опасаясь продолженія побоевъ, толкнулъ фельдфебеля ногою, былъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ своего фельдфебеля; 3) рядоваго Морозова избили, нанесли ему поврежденія ун.-оф. Ситниковъ и Петржиковскій, а главный военный судъ въ рѣшеніи о немъ (1873 г. № 227) высказалъ, что за оборонявшимся Морозовымъ нельзя признать права необходимой обороны, потому что побои раны и поврежденія, полученныя Морозовымъ не грозили явною опасностью. Умъ отказывается понять эту фразу «явною опасностью»; когда это наступаетъ явная опасность? когда человѣка уже убьютъ? Кромѣ того военному суду мѣшаетъ понимать правильно необходимую оборону ученіе о томъ, что насиліе младшаго въ отношеніи старшаго преслѣдуется независимо отъ цѣли. А между тѣмъ изъ рѣшеній касац. департ. сената 1870 г. № 1025 и 1874 г. № 172 видно, что необходимая оборона предполагаетъ употреб-

леніе силы, или другихъ мѣръ для отвращенія грозящей опасности жизни, *или другимъ благамъ* защищающагося лица. Кассаціонный сенатъ неоднократно признавалъ, что всякій хозяинъ квартиры имѣетъ право защищаться, обороняться отъ насильственныхъ вторженій въ квартиру, или противъ нежеланія чужаго оставить квартиру, что всякій можетъ осуществить такое свое право силою, что употребленіе силы хозяиномъ дозволительно въ силу права необходимой обороны; затѣмъ 103 ст. улож. о нак. говоритъ, что употребленіе мѣръ необходимой обороны дозволяется не только для собственной своей защиты, но и для защиты другихъ, находящихся въ такомъ же положеніи; но г. в. с. въ рѣшеніи 1880 г. № 199 утверждаетъ, что статья 101 улож. о наказ. предполагаетъ употребленіе силы или другихъ мѣръ для отвращенія грозящей опасности жизни, здоровью и т. п. только защищающагося лица, потому 101 ст. не примѣнена къ дѣянію подсудимаго, который произвелъ рядъ насильственныхъ дѣйствій съ цѣлью недопустить другаго войдти въ квартиру мѣщанки Ш.

Вопросъ объ участіи въ преступленіи, объ одновременномъ сужденіи участниковъ является въ практикѣ военныхъ судовъ страшно запутаннымъ, скверно поставленъ.

Излагая отношенія суда къ слѣдователямъ, мы уже указали на то, что судьи понимаютъ единство дѣлъ только тамъ, гдѣ бумаги сшиты въ одну обложку; бумаги попали въ разныя обложки и по взглядамъ военно-судебныхъ дѣятелей этого достаточно, чтобъ и дѣла считались разными, отъ того случается, что дѣла, не имѣющія между собою никакой связи, разсматриваются вмѣстѣ, и наоборотъ, одно и тоже дѣло разсматривается въ разныхъ судахъ. Признакомъ рѣшающимъ, по взглядамъ военно-судебныхъ дѣятелей, единство дѣлъ, участіе въ преступленіи, является одновременность совершенія преступленія. И что бы ни говорили нашимъ вершителямъ судебъ, они на все хвастливо возражаютъ, что они достигаютъ практическихъ

цѣлей, и затѣмъ нечего смотрѣть на теорію. Практичность такой свалки въ одну кучу дѣлъ ничего не имѣющихъ въ себѣ общаго, кромѣ времени, заключается по мнѣнію судебныхъ дѣятелей въ томъ, что дѣла скорѣе разсматриваются:—одинъ судъ, одинъ разъ вызваны свидѣтели и дѣло въ шляпѣ. Еслибъ только въ этомъ заключалась справедливая причина смѣшенія дѣлъ, то была бы хоть одна благовидная причина; но если въ тоже время мы знаемъ и такіе случаи, что одно дѣло, одни участники судятся въ разныхъ судахъ, то имѣемъ право заключить, что истинная причина смѣшенія разнородныхъ дѣлъ, и раздѣленія дѣлъ на нѣсколько самостоятельныхъ, лежитъ въ незнаніи. Напр. изъ рѣшенія главн. воен. суда мы знаемъ, что по постановленію суда истребованы были по указанію подсудимаго отъ разныхъ мѣстъ и лицъ документы, не имѣющіе никакой связи съ возникшимъ на подсудимаго обвиненіемъ и относящіеся къ обвиненію въ разнаго рода поступкахъ лицъ суду не преданныхъ (1876 г. № 19) Суды считаютъ однимъ дѣломъ и разсматриваютъ одновременно и дѣло о совершившемъ преступленіе и о свидѣтеляхъ обвиняемыхъ въ лжесвидѣтельствѣ по тому же дѣлу. Пашевкинъ и Третьяковъ обвинялись въ грабежѣ рядоваго Иванова, а Канаевъ совершилъ, не имѣющую связи съ грабежемъ, кражу у казака Величко совершилъ ее при участіи двухъ, не обнаруженныхъ по дѣлу, лицъ, но однакоже ни съ того ни съ сего Пашевкинъ Третьяковъ и Канаевъ преданы суду вмѣстѣ (глав. воен. суда 1876 г. № 195).

Мы уже говорили о дѣлѣ офицера Т. и унтеръ-офицера П. *проигранномъ* прокураторой, вслѣдствіе такихъ ошибокъ напр., что унтеръ-офицеръ П., не будучи начальникомъ караула, обвинялся въ нарушеніи порядка службы обязательнаго для начальника караула, а между тѣмъ прокуроръ Ст. увѣрялъ, что дѣло было проиграно по тому только, что П. и Т., находившихся въ караулѣ въ тюрьмѣ, и обвинявшихся въ нарушеніи правилъ караульной службы въ тюрьмѣ, предали суду не одновременно съ тюремнымъ начальствомъ; Ст. го-

ворилъ про дѣло Т. и П.: «сваливаютъ одинъ на другаго и судъ не знаетъ кто правъ, кто виноватъ». Но если въ самомъ дѣлѣ обязанности такъ неудачно разграничены закономъ, что нельзя сказать, что именно, чью именно обязанность составляетъ, то въ чемъ же помогло бы одновременное преданіе суду? для суда, все-таки, осталась бы не выясненною отвѣтственность каждаго, и судъ все-таки оправдалъ бы всѣхъ. Ст. къ своимъ надеждамъ на то, что судъ осудилъ бы всѣхъ, былъ приведенъ, конечно, тѣмъ, что онъ постоянно созерцалъ при разборѣ дѣлъ военнымъ начальствомъ, администраціей. Разбираетъ дѣло какой нибудь грозный рѣшитель судебъ, которому негдѣ было привыкнуть къ настойчивому мышленію, глубокому проникновенію въ дѣло; не привыкъ онъ долго задумываться, слушаетъ онъ, слушаетъ дѣло, въ которомъ сразу не разберешь, кто правъ, кто виноватъ, да и скомандуетъ: «довольно, не разберешь кто изъ васъ правъ, кто виноватъ, потому всѣ вы виноваты, всѣ вы подлежите наказанію», и наказываетъ всѣхъ безъ разбора, но для суда этого мало; суду нужно все по косточкамъ разобрать, да доказать. Напрасно люди военные думаютъ, что чѣмъ больше смѣшивать дѣла, тѣмъ больше будетъ *выигранныхъ* обвиненіемъ дѣлъ — судъ этимъ не проведешь. Не призналъ же судъ виновнымъ П. въ нарушеніи обязанностей караульной службы, хотя обвиненіе и спутало его обязанности, обязанности старшаго въ карауле унтеръ-офицера съ обязанностями начальника караула.

Обвинялся офицеръ артиллеріи К. въ томъ, что истязалъ свою жену, которую поддерживалъ братъ юнкеръ, въ свою очередь оскорбляющій словомъ и дѣйствіемъ К. и вотъ К. былъ преданъ суду за насилія надъ женою, а братъ его жены по обвиненію въ оскорбленіи дѣйствіемъ офицера, своего зятя и оба эти дѣла разсматривались вмѣстѣ и оправдалъ обоихъ судъ; дѣло было такъ спутанно, что судъ не могъ разобрать кто правъ, кто виноватъ и оправдалъ обоихъ. Казакъ 18 донскаго казачьяго полка Е. обвинялся въ неповиновеніи уряднику И.; при до-

знаніи Е. показалъ, что И. посылалъ его безъ очереди на службу въ караулъ только потому, что Е. не давалъ ему магарычей; разсерженный и доведенный до крайности Е. отвѣтилъ, однажды, что не пойдетъ въ караулъ, отвѣтилъ И., какъ взяточнику. Началось тогда дознаніе объ И. какъ о вымогателѣ и привлекли И. къ суду; объ И. и Е. составленъ былъ одинъ обвинительный актъ, въ которомъ Е. обвинялся въ неповиновеніи въ отношеніи И., а И. въ вымогательствѣ; И. явился свидѣтелемъ по дѣлу Е., а Е. по дѣлу И. и предсѣдатель терялся, какъ это такъ держать и того и другаго въ роли свидѣтелей и не смѣшивать этой роли съ ролью и правомъ обвиняемаго. Вышла путаница и судъ, конечно, не могъ уяснить себѣ ни того, ни другаго дѣла, какъ нельзя вообще правильно рѣшить какой бы то ни былъ вопросъ, если смѣшивать его съ другими. Видно военно-судные дѣятели мало знакомы съ логикой, въ силу которой, для правильнаго разрѣшенія какого нибудь вопроса, нужно его прежде всего уединить отъ всякихъ посторонностей.

Неудобство такихъ пріемовъ, особено ярко выразилось на дѣлѣ Б. и Р.; дѣло было крупное, обвиняемые не кто нибудь, а одинъ изъ нихъ полковой командиръ и дѣйствительно съ солидными связями, другой тоже; даже защитникомъ у одного была крупная звѣзда въ адвокатскомъ мірѣ; такъ тутъ было кому и о комъ поговорить, а прокурорскій надзоръ далъ и матеріалъ о чемъ поговорить. Одинъ, Б. обвинялся въ высшей степени дерзкомъ дѣйствіи передъ старшимъ Р., а другой, Р. въ покушеніи на убійство Б., связь между дѣлами та, что и то и другое совершилось одновременно. Объ обоихъ преступленіяхъ, обоихъ обвиняемыхъ составили одинъ обвинительный актъ. На судѣ не было возможности обобраться затрудненій. Кромѣ сказанныхъ двухъ обвиненій, надъ Б. тяготѣло еще особенное — въ вызовѣ на дуэль Р. Первый вопросъ, поднятый на судѣ, состоялъ въ томъ, какъ разсматривать Р. въ дѣлѣ Б. о дуэли, какъ обвиняемаго или какъ свидѣтеля. Судъ былъ въ большомъ затрудне-

ніи; препирались, препирались стороны, наконецъ защитникъ Р. взялъ верхъ—судъ рѣшилъ, что Р. свидѣтель; но только что такъ рѣшили, тотчасъ же увидѣли, что не ладно выходитъ, и возстановили Р. въ правахъ обвиняемаго, льготныхъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, сравнительно съ правами свидѣтеля.—Обвиняемаго не только допрашиваютъ, но и ему даютъ право допрашивать свидѣтелей; свидѣтелей только допрашиваютъ; и такъ, вслѣдствіе признанія Р. въ тоже время и свидѣтелемъ и обвиняемымъ, свидѣтель имѣлъ право допрашивать свидѣтелей же. Какъ *свидѣтеля* Р. допрашивалъ его собственный защитникъ, какъ защитникъ обвиняемаго. Б. протестовалъ противъ такой двойственности и предсѣдатель Ак. растерялся и держалъ Р. на судѣ, то какъ свидѣтеля, какъ только протестовалъ Б., то какъ обвиняемаго, какъ только защитникъ Р. напоминалъ суду, что Р. во всякомъ случаѣ обвиняемый и значится такъ въ обвинительномъ актѣ; понятно, какъ при такихъ условіяхъ дѣло могло спутаться, затемниться. Рядовой Данилюкъ и унт.-оф. Филиповъ были преданы полковому суду, за неуваженіе къ начальнику; судъ полковой призналъ Данилюка невиновнымъ въ неуваженіи и постановилъ о немъ оправдательный приговоръ, а Филипова призналъ виновнымъ въ оскорбленіи офицера словомъ. Дѣло попало въ руки прокурора Се., и онъ нашелъ, что такъ какъ Данилюкъ и Филиповъ совершили преступленія, находившіяся въ связи и Филипова за оскорбленіе долженъ судить военный судъ, то и о Данилюкѣ слѣдуетъ приговоръ полковаго суда отмѣнить и судить его въ военномъ судѣ; и натерпѣлся же Данилюкъ за такое невѣжество прокурора Се.: въ чемъ онъ видѣлъ связь преступленій одинъ Богъ про то знаетъ.

Но вотъ примѣры обратнаго.

Въ февралѣ 1878 г. въ К. окружномъ судѣ, разсматривалось дѣло о казакѣ № 27 полка Т., который передъ тѣмъ былъ преданъ полковому суду вмѣстѣ съ казакомъ Г. за то, что они оба вмѣстѣ отлучились, пьянствовали, обругали урядника М., но сверхъ того Т.

еще ударилъ Макаренкова, въ то время когда тотъ препровождалъ Т. въ полковой судъ. Полковой судъ призналъ и Т. и Г. обоихъ виновными въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 129,191,104,97, 101,103 ст.ст. XXII св. воен. пост., но наказаніе назначилъ только одному Г., а Т. наказанія не назначилъ, какъ обвиняемому еще по 98 ст., что дѣлало его подсуднымъ военному суду. Все это было положительно выражено въ приговорѣ полковаго суда; положимъ, полковому суду такія нарушенія извинительны, но вотъ какъ поправилъ дѣло прокуроръ К. суда Ст. Т. былъ преданъ военному суду, одинъ, безъ Г. за тѣ преступленія, которыя совершилъ вмѣстѣ съ Г., въ которыхъ былъ уже признанъ виновнымъ, но только не наказанъ полковымъ судомъ+оскорбленіе дѣйствіемъ унтеръ-офицера. Обвинительный актъ, впрочемъ, исключилъ, признанную полковымъ судомъ, виновность по 104 ст. и военный судъ вновь разсмотрѣлъ тѣже преступленія Т., которыя разрѣшилъ и полковой судъ, но только относительно одного Т.; приговоръ же полковаго суда объ участникѣ Т.— Г. остался въ своей силѣ. По обвинительному акту Т. обвинялся такъ, какъ бы полковой судъ его дѣла не разсматривалъ вовсе, и выходитъ, что участники судились въ разныхъ судахъ.

Офицеръ Б. обвинялся въ томъ, что понуждалъ извощика къ скорой ѣздѣ, вслѣдствіе чего извощикъ, исполняя желаніе Б., наѣхалъ на городоваго и сбилъ его съ ногъ, то есть оба вмѣстѣ нарушили 123 ст. мир. уст.; очевидно, что и Б. и извощикъ подлежали одному и тому же суду, а между тѣмъ извощикъ судился въ гражданскомъ судѣ, и понесъ наказаніе, а Б. былъ преданъ военному суду и оправданъ. Смѣшеніе обвиненій ведетъ еще къ слѣдующимъ важнымъ неудобствамъ, по закону (608 ст.), обнаруженныя при изслѣдованіи какого либо преступленія, или проступка, противузаконныя дѣйствія лицъ, не участвовавшихъ въ томъ преступленіи или проступкѣ, не могутъ быть поводомъ возвращенія дѣла къ дополненію, а должны быть предметомъ особаго слѣдствія. Но если легко признаютъ людей

участниками въ преступленіи, и предаютъ ихъ одному суду, то часты должны быть случаи, когда слѣдствіе объ одномъ задерживается, не получаетъ хода только потому, что слѣдствіе возвращается для дополненія изслѣдованіемъ преступленія лица ничего общаго по своему дѣлу не имѣющаго съ дѣломъ перваго обвиняемаго, который безъ всякой причины долженъ ждать рѣшенія свой участи, сидя подъ арестомъ, мучась ожиданіями, неизвѣстностью.

Съ другой стороны суды часто одно преступленіе дробятъ на нѣсколько самостоятельныхъ, и изъ частей, отдѣльныхъ моментовъ одного и того же преступленія образуютъ самостоятельныя преступленія. Практика главнаго военнаго суда часто впадаетъ въ такія же ошибки, но даже главный военный судъ долженъ былъ удерживать окружные суды отъ неправильныхъ дроблений преступленій. Такимъ образомъ окружный судъ въ томъ, что унтеръ-офицеръ Сережичевъ, выйдя по приказанію патруля на улицу изъ питейнаго заведенія, схватилъ начальника патруля унтеръ-офицера Лаврентьева за бортъ шинели и нанесъ ударъ бутылкою по лицу рядовому Бондаренко, а затѣмъ, прійдя къ себѣ на квартиру, угрожалъ пикою изъ дверей квартиры тому же патрулю, проходившему мимо, нашелъ три самостоятельныхъ преступленія, но глав. воен. судъ нашелъ въ дѣяніяхъ Сережичева всего одно преступленіе: нападеніе на военный караулъ (1872 г. № 270). Окружный судъ, признавъ казака Борзенко виновнымъ въ томъ, что отлучился съ поста часоваго и когда начальникъ караула урядникъ Снимщиковъ, повѣряя посты, усмотрѣлъ отлучку Борзенко и покинутое имъ ружье, а вслѣдъ затѣмъ, встрѣтивъ возвращавшагося Борзенко безъ ружья, упрекнулъ его въ небрежномъ исполненіи обязанностей часоваго, то Борзенко, бросившись къ Снимщикову и вырвавъ, бывшее у него, ружье нанесъ ему этимъ ружьемъ удары по щекѣ, рукѣ и плечу, и нашелъ, что преступленіе это содержитъ въ себѣ два преступленія—нападеніе на караулъ и оскорбленіе караульнымъ чиномъ своего начальника. Г. В. С. разъяснилъ, что дѣя-

нія Борзенко составляли одно преступленіе, именно вооруженное нападеніе на караулъ (р. 1877 г. № 84).

Стражники пограничной стражи Кислицынъ, Марченко и Кудряшевъ обвинялись 1) въ томъ что, перейдя на австрійскую сторону при наличности у Кислицына оружія, присвоеннаго его должности, при помощи третьяго лица, по взаимному между собою соглашенію, выманили подъ ложнымъ предлогомъ изъ Галиційскаго мѣстечка Варенжъ австрійскую подданную Мотлю Корніоль, насильственно отняли отъ нея свертокъ съ тремя кусками ситца мѣрою около 45 локтей, ножницы и шерстяной платокъ, нанеся при этомъ какъ ей самой, такъ и, пришедшему съ ней и принесшему съ собой кусокъ ситца, прикащику Вагнеру побои, причемъ когда Вагнеръ отъ полученныхъ побоевъ упалъ, то наносившій побои продолжалъ его бить ногами; 2) въ томъ что *для сокрытія преступленія и съ корыстною цѣлью*, представили часть отнятаго ситца $25^1/_2$ арш., командиру своего отряда, ложно доложивъ ему, что ситецъ былъ задержанъ подъ видомъ контрабанды, вслѣдствіе чего товаръ былъ сданъ въ таможню и тамъ проданъ». Мы обойдемъ молчаніемъ все празднословіе, замѣчаемое здѣсь, укажемъ какъ на примѣръ, что въ числѣ предметовъ обвиненія ставится, что товаръ былъ сданъ въ таможню, изъ чего самое большое можно сдѣлать доказательство преступленія, никакимъ образомъ это не можетъ входить въ составъ преступленія, какъ его часть; и остановимся собственно на дробленіи преступленія. Что же изъ того, что стражники, совершивши разбой съ корыстною цѣлью, оставили у себя часть ситца; вѣдь при обвиненіи въ разбоѣ, преступленіи противъ имущества, какая же другая можетъ быть цѣль кромѣ корыстной, вѣдь если совершено преступленіе, то только для добычи ситца, что же значитъ послѣ того оставленіе у себя ситца, развѣ оно можетъ составлять отдѣльное преступленіе? Далѣе стражникамъ ставится въ упрекъ, что они дѣйствовали въ видахъ сокрытія преступленія, возвратили часть ситца въ видахъ сокрытія преступленія

Если изъ всего этого дѣлать самостоятельное преступленіе, если изъ всего этого составлять особый пунктъ, тогда можно поставить въ вину и то, что похищенное будетъ зарыто въ землю для сокрытія слѣдовъ, что можетъ быть дважды преступно, такъ какъ будетъ испорчена казенная земля. Послѣднее вовсе не будетъ парадоксомъ съ нашей стороны, которымъ мы пользуемся, чтобъ показать до какихъ абсурдовъ военно-судебные дѣятели могутъ добраться; подобное обвиненіе существовало на самомъ дѣлѣ. Рядовой пѣхотнаго полка Я. обвинялся въ томъ, между прочимъ, что, будучи посаженъ подъ арестъ, пытался бѣжать при посредствѣ подкопа, сдѣланнаго подъ стѣну карцера. Помощникъ прокурора полагалъ прекратить это обвиненіе въ виду того, что покушенія на побѣгъ быть не можетъ; прокуроръ Ст. съ этимъ согласился, но во всякомъ случаѣ нашелъ нужнымъ подвести поступокъ Я. подъ 191 ст.; у прокурора съ помощникомъ завязался такой разговоръ. Прокуроръ спрашиваетъ, почему вы полагаете совсѣмъ прекратить это дѣло? вѣдь если покушеніе на побѣгъ невозможно, то во всякомъ случаѣ это порча чужаго движимаго имущества «какого движимаго имущества?» спрашиваетъ помощникъ; «земли»; «да вѣдь это недвижимое имущество» — «ничего, все-таки казенное». «Да вѣдь и порчи никакой ни было», отвѣчаетъ озадаченный помощникъ, и затѣмъ уже продолжаетъ шутить, «и актъ осмотра къ дѣлу не приложенъ, слѣдовательно, надо полагать, что подкопъ былъ незначителенъ; есть свидѣтельскія показанія, что Я. рылъ землю руками, какая же тутъ могла быть порча?» Да, настаиваетъ прокуроръ, но во всякомъ случаѣ это дисциплинарный проступокъ; и это былъ серьезный разговоръ, потому что хотя покушеніе на побѣгъ было оставлено, но порча-то казеннаго имущества была внесена въ обвинительный актъ.

Подобныя вздорныя обвиненія попадаются-таки частенько. Напр. обвинялся передъ военнымъ судомъ солдатъ между прочимъ въ томъ,

что влилъ щей въ кашу своимъ товарищамъ (обв. актъ составленъ былъ Ск.).

Еще примѣръ вздорнаго обвиненія; пограничный стражникъ И. ушелъ съ часовъ за границу, снесъ ружье, амуницію, патроны; перейдя границу зашелъ къ знакомому, оставилъ у него ружье и патроны на сохраненіе, а самъ на легкѣ продолжалъ путь въ одинъ изъ внутреннихъ австрійскихъ городовъ; его задержали австрійскія власти, а потомъ, по его указанію, забрали ружье, амуницію и патроны, и все это вмѣстѣ съ Н. было передано въ Россію. Прокуроръ Се. и вписываетъ въ проэктъ обвинительнаго акта обвинительный пунктъ: «въ томъ, что, находясь за границей, отдалъ на сохраненіе одному изъ крестьянъ казенную винтовку и боевые патроны, что предусмотрѣно 165 ст. XXII св. воен. пост.»; начальникъ писалъ прокурору, что это обвиненіе его подчиненнаго слѣдуетъ отбросить, такъ какъ никакой утраты имущества не было, и И. при побѣгѣ за границу не могъ же таскать всѣ вещи на себѣ и притомъ онъ не покинулъ ихъ, какъ говоритъ 165 ст., а отдалъ ихъ на сохраненіе, но прокуроръ Се. остался непреклоненъ и дѣло внесено въ судъ съ такимъ обвиненіемъ.

Военный судъ не понимаетъ своего назначенія, своей задачи, дѣйствуетъ какъ кассаціонный судъ, сплошь и рядомъ входитъ въ обсужденіе прежде состоявшихся, вошедшихъ въ законную силу приговоровъ; судъ самъ возбуждаетъ дѣла, признаетъ подсудимаго виновнымъ въ проступкѣ, за который по закону онъ можетъ быть преслѣдуемъ не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, и не имѣя въ виду такой жалобы все-таки не освобождаетъ, привлеченнаго къ суду, отъ наказанія (р. 1873 г. № 179; 1876 г. № 102 д. казака Фролова въ Апр. 1882 г.) Судъ самъ заботится о собраніи доказательствъ и потому самъ, по собственной иниціативѣ, помимо сторонъ вызываетъ свидѣтелей, собираетъ документъ (р. 1873 г. № 30; 1874 г. № 169; 1877 г. № 154). Съ другой стороны судъ

отказываетъ въ вызовѣ свидѣтелей указанныхъ сторонами, по собственному произволу, не желая трудиться, безпокоиться, на томъ основаніи, что свидѣтель проживаетъ въ отдаленномъ разстояніи (р. 1875 г. № 45). Съ свидѣтелями явившимся въ судъ, предсѣдательствующіе распоряжаются произвольно, позволяютъ себѣ дѣлать угрозы имъ. Желая направить дѣло въ ту или другую сторону, предсѣдатели принимаютъ на себя веденіе допроса свидѣтелей, отстраняя отъ допроса и защитника и прокурора; вмѣсто того чтобъ предлагать вопросы свидѣтелямъ послѣ сторонъ и только на сколько нужно для дополненія слѣдствія, предсѣдатели сразу, какъ только свидѣтель является передъ судъ, засыпаютъ его вопросами отъ себя. И главный военный судъ, находя что законъ категорически *не запрещаетъ* предсѣдателямъ вести дѣло такъ, какъ его ведутъ предсѣдатели, не находя въ томъ вовсе нарушенія формъ и обрядовъ судопроизводства, поощряетъ ревностныхъ предсѣдателей. Судьи слишкомъ легко относятся къ своей задачѣ; такимъ образомъ судъ приговорилъ подсудимаго къ отдачѣ въ исправительные баталіоны на одинъ годъ и 5 мѣсяцевъ, а между тѣмъ въ резолюціи по ошибкѣ было означено 1 г. 3 мѣсяца, предсѣдатель исправилъ эту ошибку своевольно и въ приговорѣ назначилъ 1 г. 5 мѣсяцевъ—вещь невозможная, потому что при такихъ замашкахъ предсѣдателей, при сервилизмѣ нашихъ временныхъ судей, въ отношеніи предсѣдателей, а часто и по забывчивости будутъ назначать наказанія по личному усмотрѣнію. Судъ допустилъ противорѣчіе въ разрѣшенныхъ судомъ вопросахъ, такъ какъ въ одномъ изъ нихъ преступленіе было отвергнуто, а въ другомъ тоже преступленіе признано совершившимся и для сокрытія такого своего промаха составилъ новый вопросный листъ, въ которомъ означенное противорѣчіе безцеремонно, уже послѣ рѣшенія дѣла, было устранено и вопросный листъ согласованъ съ резолюціей и приговоромъ (р. 1876 г. № 95.) Резолюція постановлена, объявлена судомъ и вдругъ составляется новое мнѣніе суда и представляется предсѣ-

дателемъ въ формѣ предложенія суду (1869 г. № 100). Составляется приговоръ неопредѣлительный въ соображеніяхъ о наказаніи и затѣмъ къ приговору прикладывается объясненіе предсѣдателя въ качествѣ дополненія приговора для исправленія въ немъ упущеній (р. 1872 г. № 22; 1875 г. № 96). Судъ ходатайствуетъ о смягченіи наказанія въ такой мѣрѣ, которая не выходитъ изъ предѣловъ власти самого суда (1878 года № 128). Судъ постановляетъ обвинительные приговоры при недоказанности обвиненія; такимъ образомъ судъ призналъ подсудимаго виновнымъ въ томъ, что, бывъ за старшаго въ конвоѣ, по прибытіи на этапъ, дозволилъ себѣ сдѣлать распоряженіе о снятіи съ арестантовъ наручниковъ прежде чѣмъ поставилъ для надзора за ними часоваго, отсутствіемъ коего воспользовался арестантъ для снятія съ себя оковъ и совершивъ побѣгъ, и въ тоже время судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи наказанія обвиняемому въ виду того, что арестанты улеглись спать, и бывъ укрыты свитами съ ногъ до головы, могли снять съ себя кандалы и послѣ постановки часоваго, такъ какъ не представлялось вполнѣ безспорнымъ когда именно послѣдовало снятіе кандаловъ—въ то ли время когда уже стояли часовые или прежде (р. 1874 г. № 272). Очевидно, что вторая половина приговора указываетъ на то, что обвиненіе не было доказано и потому судъ долженъ былъ оправдать обвиняемаго, а не обвинять его, назначить ему наказаніе, и затѣмъ въ виду недоказанности обвиненія ходатайствовать о смягченіи участи обвиняемаго.

Положеніе экспертизы на судѣ тоже краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что военный судъ не понимаетъ той роли, которая ему принадлежитъ. Военные судьи недостаточно образованы, ихъ умъ не привыкъ къ самостоятельной, дѣятельной, продолжительной работѣ; вотъ образчикъ такого отношенія къ дѣлу.

Въ К. судѣ разсматривалось дѣло о ш.-р. Я., обвинявшемся въ нанесеніи раны нѣкоему Б.; на судѣ предсѣдательствовалъ П.,

экспертомъ явился Э. профессоръ университета. Вопросъ представлялся въ томъ, какія раны были нанесены Б.—тяжелыя или легкія; предсѣдатель потребовалъ отъ экспертовъ, чтобъ они сообщили только свой выводъ, свое заключеніе, а мотивы, основанія вывода оставили бы при себѣ, такъ какъ въ нихъ судъ не нуждается. Всѣ эксперты кромѣ Э. съ радостью приняли заявленіе предсѣдателя и изложили свои выводы въ нѣсколькихъ словахъ; Э. же началъ излагать основанія, мотивы; предсѣдательствующій остановилъ его и повторилъ ему, что суду нужны только выводы; Э. отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ своего заключенія дать не можетъ, что судъ безъ изложенія основаній ничего не поймете въ его заключеніи, и предложилъ слѣдующій вопросъ предсѣдательствующему «скажите пожалуста, если я скажу, что раны были тяжкія, безъ всякаго объясненія почему я считаю раны тяжкими, достаточно ли этого будетъ для суда?» П. отвѣтилъ что достаточно. Э. тогда высказалъ свое заключеніе такъ: «ну такъ я вамъ скажу, что раны были тяжкія». Обыкновенно слово экспертизы для судей является непреложнымъ, оно принимается безъ всякой критики. Судьи напр. по своему собственному мнѣнію признаютъ обвиняемаго виновнымъ, отвергаютъ сумасшествіе (дѣло пор. X.), но напоминаніе объ экспертизѣ, ими сначала позабытой, измѣняетъ дѣло и судьи, преклонясь передъ мнѣніемъ экспертовъ, оправдываютъ подсудимаго. Постановка экспертизы еще потому имѣетъ обыкновенно такое рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла, что и прокуроры неумѣютъ вести допросъ экспертовъ, ставить имъ вопросы.

Судъ, военно-судебный персоналъ, чувствуетъ себя среди законовъ, какъ бы въ незнакомомъ лѣсу; взявшись за одинъ законъ, они ни съ того ни съ сего обращаются къ другому. Такимъ образомъ въ В. судѣ Ф. и Ц. признали виновнымъ капитана А. въ растратѣ, поступившей къ нему по службѣ, контрабанды и въ подлогѣ для сокрытія этого преступленія и подведя подлогъ подъ 362 ст. улож.,

вмѣсто того, чтобъ и наказаніе назначить по этой же статьѣ, обратились для опредѣленія наказанія къ 234 ст. воин. уст. о наказ. и вышло, что, признавъ А. виновнымъ въ помѣщеніи въ официальномъ донесеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній для сокрытія преступленія, наказали его безъ всякой надобности за составленіе подложнаго документа. Вотъ еще другой подобный же приговоръ. К. судъ подъ предсѣдательствомъ П. призналъ виновными Бу. и Рад. въ томъ, «что они влѣзли черезъ окно въ шинокъ Гладкаго, вошли въ домъ, взяли за горло мальчика Гладкова и отняли у него 50 коп., вынесли и присвоили себѣ сундукъ съ 15 руб., что по признакамъ своимъ составляетъ нападеніе съ насиліемъ на домъ, причемъ унесено нападающими и движимое имущество, что предусмотрѣно 1603 ст. улож. о наказ., которою наказаніе за это нападеніе назначается строжайшее изъ числа опредѣленныхъ за разбой, грабежъ или кражу, смотря по тому, которымъ изъ способовъ движимое имущество было похищено. Принимая во вниманіе характеръ насилія учиненнаго надъ Гладковымъ, то, что одинъ изъ числа подсудимыхъ схватилъ его за горло и пригнулъ его къ землѣ съ намѣреніемъ тѣмъ лишить его возможности кричать, причемъ нажималъ ему горло до такой степени, чтобъ Гладковъ лишился жизни, и какъ все это было совершено съ тою цѣлью, чтобъ завладѣть 50 коп., находившимися въ карманѣ у Гладкова и 15 руб., находившимися въ сундукѣ, стоявшемъ въ питейномъ домѣ, то судъ призналъ, что это дѣяніе составляетъ грабежъ, предусмотрѣнный 1642 ст. улож. о наказ. и назначилъ для каждаго изъ подсудимыхъ, опредѣленное въ той статьѣ наказаніе, лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ Сибирь на поселеніе». Неправда ли, какъ все это тяжело, безграмотно, сколько здѣсь лишняго, какое туманное представленіе обо всемъ; вы видите, что здѣсь составъ преступленія главнымъ образомъ формулированъ по 1603 ст., но при чемъ же тутъ 1603 ст., опредѣляющая насильственное нападеніе на чей-либо домъ съ намѣреніемъ завладѣть имъ, этою недвижимостью?

Очевидно, что судья не былъ въ состояніи дать себѣ отчетъ, ни въ самомъ преступленіи, ни въ законѣ. Прямой грабежъ движимаго имущества въ домѣ, предусмотрѣнный самостоятельно 1642 ст., вслѣдствіе мудрствованій, превратился въ нападеніе на домъ съ цѣлью завладѣнія имъ. Подобная ошибка является еще болѣе рѣзкою, что въ то же время, тотъ же Бу. былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, въ ночь на 19 ноября 1876 г., выломалъ окно въ домѣ еврея Р. и, войдя въ комнату, похитилъ запертый сундукъ, который онъ вынесъ на улицу, но такъ какъ Р. поднялъ крикъ и преслѣдовалъ его, то Бу. бросилъ сундукъ и бѣжалъ, и все это признано не нападеніемъ на домъ, а просто кражей со взломомъ. Военно-судебные дѣятели, какъ это ни странно, плохо различаютъ что такое движимость, что такое недвижимость; тамъ прокуроръ землю назвалъ движимостью, здѣсь судъ отнятіе движимости приравнялъ къ нападенію на недвижимость, и недавно еще сбился на этомъ вопросѣ харьковскій судъ и помощникъ военнаго прокурора. Около Чернигова крестьяне забрали съ поля засѣянный, собранный и сложенный экономіей Посудевскаго хлѣбъ, и прокуроръ обвинялъ ихъ въ «нападеніи на недвижимое имущество» («Голосъ» № 84). Примѣняя 138 ст. воин. уст. о наказ., судъ обязанъ назначить высшую мѣру наказанія, положеннаго *за извѣстный*, въ дѣйствительности совершенный виновнымъ побѣгъ, поэтому напр. виновному въ первомъ побѣгѣ, судъ долженъ назначить высшую мѣру наказанія за первый, а не за 3-й побѣгъ. Но суды ошибались въ томъ часто и два такихъ случая дошли до главнаго военнаго суда (1874 г. № 162 и 204). Т. е. судьи вотъ что дѣлаютъ; въ 138 ст. говорится, что въ случаяхъ указанныхъ въ 131 ст., если побѣгъ учиненъ по взаимному соглашенію двумя или болѣе, виновные подвергаются высшей степени наказаній, опредѣляемыхъ 131 ст., а 131 ст. имѣетъ 3 части, все усиливающія наказанія за повторенія, за 2-й побѣгъ, и за 3-й; за 3-й побѣгъ слѣдуетъ самое высокое наказаніе — ссылка въ Сибирь на поселеніе, за

первый побѣгъ назначается самое слабое наказаніе—тюрьма и за 2-й побѣгъ дисциплинарный баталіонъ; судьи и умудрялись и за первый побѣгъ, но совершенный двумя, готовы были назначать ссылку въ Сибирь на поселеніе.

А какъ понравится читателю такое пониманіе закона? Рядовой Чап. запаснаго пѣхотнаго баталіона, по обвинительному акту обвинялся въ томъ, что проживая въ Пруссіи, предъявилъ тамошнему начальству чужой видъ на жительство, принесенный имъ въ Пруссію изъ Россіи, и обвинялся въ томъ только на основаніи собственнаго сознанія (Бр.).

По обвинительному акту, составленному тѣмъ же господиномъ, ряд. Макс. былъ преданъ суду, по обвиненію въ томъ, что похитилъ со взломомъ изъ еврейской кучки Шв., хозяина того дома, въ которомъ обвиняемый стоялъ на квартирѣ, разные предметы, что было подведено подъ 1647 ст. улож. и 7 п. 1659 ст. улож. о наказ., безъ всякаго соображенія о томъ, что пункты 1659 ст. могутъ слѣдовать только за 1655 ст. Затѣмъ 7 п. 1659 ст. примѣняется въ случаѣ кражи у хозяина *квартиры*, въ которой проживаютъ, а по военному стоятъ, но никакъ не у хозяевъ *дома*, въ одной изъ квартиръ котораго, нанятой другимъ, проживалъ виновный.

Интендантскій поручикъ Ц. обвинялся въ оскорбленіи смотрителя магазина; дѣло состояло въ томъ, что поручикъ привезъ вещи и сдавалъ ихъ смотрителю, смотритель притѣснялъ поручика, поручикъ жаловался на смотрителя, и въ жалобѣ описалъ дѣйствія смотрителя, какъ они были. Все это можно было видѣть и изъ предварительнаго слѣдствія, но обвинительный актъ все-таки былъ составленъ. Насталъ судъ, дѣло на судѣ не измѣнилось ни на іоту, подтвердилось, что все что писалъ поручикъ была святая истина, и судъ, какъ то и нужно было ожидать, оправдалъ поручика по *не вмѣненію* его дѣянія. Судъ такъ выразился, но въ сущности суду желательно было сказать, что поручикъ оправдывается потому, что

его дѣянія не запрещены закономъ. Прокуроръ протестовалъ, указывая, что *невмѣненіе* въ приговорѣ мѣста имѣть не можетъ; главный военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло, приговоръ оставилъ безъ измѣненія, сказавши, что военный судъ употребилъ терминъ «невмѣненіе», *по недоразумѣнію*. Къ этому кажется прибавлять нечего. Судъ никакъ не можетъ совладать съ составомъ преступленія; побѣгъ есть чисто формальное преступленіе, пока преступленіе не окончено, нельзя сказать, что за нарушеніе совершилъ виновный; человѣкъ бѣжалъ, пробылъ въ отлучкѣ всего $5^1/_2$ дней — самовольная отлучка; другой бѣжалъ, пробылъ въ отлучкѣ 6 сутокъ — побѣгъ; пока такимъ образомъ не истечетъ 6 сутокъ, неизвѣстно съ какимъ нарушеніемъ имѣемъ дѣло; при такой неопредѣленности не можетъ быть покушенія; никто не смѣетъ сказать «ты покушался на побѣгъ», еслибъ даже намѣреніе совершить именно побѣгъ обнаружено было перепиской, или чѣмъ нибудь инымъ, то, все-таки, человѣкъ, явившійся раньше 6 сутокъ, совершаетъ не побѣгъ, а простую отлучку; съ другой стороны и при доказанномъ намѣреніи совершить только отлучку, если человѣкъ пробылъ въ отсутствіи отъ команды, болѣе 6 сутокъ, все-таки судится какъ за побѣгъ. Такимъ образомъ покушенія на побѣгъ быть не можетъ, а все-таки, нѣтъ, нѣтъ да и накажутъ кого нибудь за покушеніе на побѣгъ.

Изъ массы рѣшеній главнаго военнаго суда мы узнаемъ, что военные суды сплошь и рядомъ ошибаются въ постановкѣ вопросовъ, въ написаніи резолюцій, приговоровъ, въ опредѣленіи наказанія по совокупности, при возвышеніи и пониженіи наказаній, неумѣютъ опредѣлить мѣры и степени наказаній. Судьи, не смотря на категорическія постановленія, что общіе законы примѣняются только въ случаѣ отсутствія по данному дѣлу закона спеціальнаго, постоянно сбиваются и то обращаются къ уложенію тогда, когда есть спеціально военный законъ, то прибѣгаютъ къ натянутымъ толкованіямъ воен-

ныхъ законовъ, когда имѣется прямой, ясный законъ въ уложеніи, прямо предусматривающій данный случай.

Судьи неумѣютъ выражаться. То и дѣло слышите «укралъ съ цѣлью присвоенія». Хотя такая терминологія попадается и въ рѣшеніяхъ сената, но конечно отъ этого ошибочность не уменьшается. Присвоеніе вѣдь есть спеціальное преступленіе, и когда является вопросъ о присвоеніи настоящемъ, предусмот. 177 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. или 1681 и 1682 ст. ул. о нак., то тутъ-то и оказываются плоды неумѣнія называть вещи собственнымъ именемъ; тутъ-то и становятся въ тупикъ: какое присвоеніе, когда собственникъ самъ отдалъ вещь; прежде все слышали, что *похитилъ, отнялъ* съ цѣлью присвоенія, а тутъ вотъ тебѣ на, и самъ хозяинъ вещи далъ и все-таки присвоеніе. Говорятъ, что слово присвоеніе ставится рядомъ со словомъ укралъ, отнялъ, и въ такомъ случаѣ ясно, будто бы, что «присвоеніе» означаетъ: «съ цѣлью оставить вещь въ свою пользу», но и тогда путаница все-таки значительная. Такъ напр. П. пишетъ въ приговорѣ о рядовомъ пѣхотнаго полка Мининѣ: «виновенъ въ томъ, что тайно взялъ уздечку съ цѣлью присвоенія», ну, а если не съ цѣлью присвоенія, то есть не для обращенія въ свою пользу, а съ тѣмъ чтобъ продать, да Богу свѣчку поставить? Тогда какъ? Въ приговорѣ 6 мая 1877 г. П. писалъ, что Бу. виновенъ въ томъ, что разломалъ окно, вытащилъ изъ квартиры еврея Р. сундукъ съ намѣреніемъ *присвоить его;* но тотъ же Бу. взялъ подъ видомъ купли у крестьянина Безушка часы, которые унесъ, не заплативши деньги и П. опять и это называетъ «присвоеніемъ». П. выражается о Бу., что онъ присвоилъ себѣ пальто Э., посредствомъ отнятія его у него, и въ концѣ-концовъ наказываетъ какъ за грабежъ; но если такъ, то какъ же быть съ рѣшеніями главнаго военнаго суда, который поучаетъ, что если солдатъ отнялъ у женщины платокъ съ цѣлью заставить ее имѣть совокупленіе, то все равно будетъ грабежъ; грабежъ, по мнѣнію главнаго военнаго суда,

есть отнятіе имущества независимо отъ цѣли, но если такъ, и платокъ возвращенъ собственницѣ, не взятъ грабителемъ въ свою пользу, придерживаясь вышеприведенному способу выраженій, не присвоенъ, значитъ нѣтъ и грабежа; вѣдь и по терминологіи, употребляемой весьма часто главнымъ военнымъ судомъ (рѣш. 1876 г. № 177), грабежъ есть отнятіе имущества съ цѣлью присвоенія. Или такая терминологія. Унт.-офиц. резервн. пѣх. батал. Тимофеевъ временнымъ военнымъ судомъ въ Тулѣ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, въ ночь 24 марта 1881 г., *съ цѣлью похищенія*, вынулъ изъ стоявшаго подъ нарами запертаго сундука рядоваго Романовскаго разныя вещи; а чтобы стоило сказать: «похитилъ тайно изъ стоявшаго подъ нарами запертаго сундука рядоваго Романовскаго разныя вещи»; думаемъ, что дѣло выиграло бы въ ясности.

Вообще юридическій языкъ не выработанъ: утратилъ, растратилъ, потерялъ кажется воен.-судебнымъ дѣятелямъ однимъ и тѣмъ же словомъ, и одно и тоже дѣяніе въ одномъ и томъ же приговорѣ называется то такъ, то сякъ. По дѣлу Брычкова его проступокъ въ приговорѣ суда названъ сначала недочетомъ вслѣдствіе небрежной отчетности, затѣмъ утратою и, наконецъ, растратою. Судъ дѣлаетъ и такія вещи; по вопросному листу выходитъ, что обвиняемый виновенъ въ растратѣ двухъ патронныхъ сумокъ, портупеи, а по резолюціи—въ умышленномъ покинутіи этихъ вещей, въ приговорѣ же—въ промотаніи ихъ послѣ понесенныхъ уже наказаній за промотаніе казенныхъ мундирныхъ вещей (рѣш. 1874 г. № 288).

Самыя засѣданія судовъ предсѣдательствующими ведутся съ полнымъ неумѣніемъ, что особенно высказывается въ наиболѣе серьезныхъ дѣлахъ. Напр. по дѣлу Р. и Б. предсѣдательствующій Ак. дѣлалъ нарушеніе за нарушеніемъ. Б. дѣлаетъ заявленіе относительно хода процесса, защитникъ его хочетъ сдѣлать тоже и пресѣдатель обращается къ прокурору съ вопросомъ, считаетъ ли онъ возможнымъ допустить дѣлать заявленія какъ обвиняе-

маго, такъ и его защитника, или же можетъ дѣлать такія заявленія только одинъ защитникъ? Б. обвинялся въ вызовѣ начальника на дуэль по дѣлу не касавшемуся службы, но въ обвинительномъ актѣ была однако указана статья 99 воен. у. о нак., которая говоритъ именно о вызовѣ на поединокъ начальника по дѣлу касающемуся службы; статья эта указана въ обвинительномъ актѣ неумѣстно, но затѣмъ предсѣдателю объясняютъ, что 99 ст. употреблена по ошибкѣ, для того только чтобъ показать, почему нужно перейдти къ статьѣ *уложенія* о дуэли, но предсѣдатель объ этомъ забываетъ постоянно, повторяетъ Б. вопросы, и тотъ признаетъ вполнѣ себя виновнымъ по 99 ст.; предсѣдатель держалъ Р. то на правахъ свидѣтеля, то на правахъ обвиняемаго, то снова ограничивалъ его правами свидѣтеля и такъ безъ конца, невозможно было понять кто же такой Р.—свидѣтель или обвиняемый? Предсѣдатель то ограничивалъ стороны и свидѣтелей извѣстными предѣлами, то дозволялъ выходить и свидѣтелямъ и обвиняемымъ изъ всякихъ предѣловъ; постоянно обращался за совѣтомъ къ прокурору. Много было примѣровъ весьма безпорядочнаго веденія дѣлъ; въ ряду многихъ укажемъ еще хотя на дѣла: Крестовскаго съ Соколовскимъ; маіора Науменко; подполковника Выговскаго и Релицкаго.

Очевидно, что такой судъ какъ военный, какъ мы его обрисовали до сихъ поръ, долженъ быть подавленъ формализмомъ.

Всѣмъ служащимъ выдаютъ жалованье 20 числа каждаго мѣсяца, и требуя жалованье для всѣхъ находящихся на лицо при окружномъ судѣ, никого не заставляютъ представлять требовательныя вѣдомости на слѣдующее имъ жалованье; слѣдователи, тѣ другое дѣло, и всякому относительно ихъ желательно показать себя; поэтому какой-то приходорасходчикъ, не отпускаетъ слѣдователю жалованья, покуда слѣдователь не потребуетъ такого; предсѣдатель, настроенный приходорасходчикомъ, предполагаетъ тоже, что, покуда слѣдователь не попроситъ жалованья, такое ему не нужно. Слѣдователи, бюрократы рады сами такому порядку, и каждый мѣсяцъ акуратно представляютъ чистенькія требованія на

жалованье. У одного слѣдователя за продолжительное время службы собрался цѣлый архивъ требованій: на квартирныя деньги отдѣльныя требованія, на столовыя—отдѣльныя, на жалованье—отдѣльныя; заключались эти требованія въ слѣдующемъ. Прежде всего дѣлалась надпись: требовательная вѣдомость на квартирное довольствіе военному слѣдователю IV участка такому то, а затѣмъ графы: слѣдуетъ одному, всѣмъ, удерживается сюда, туда, причитается къ выдачѣ столько-то, и это все на одного; все это приходорасходчику и безъ требованій слѣдователя извѣстно, но нельзя безъ слѣдовательскихъ требованій—во всемъ нуженъ порядокъ. Слѣдователи получаютъ деньги авансомъ на разъѣзды мелкими суммами изъ разныхъ рукъ, но въ концѣ-концовъ по каждому дѣлу, по каждой суммѣ даютъ отчетъ передъ одной и той же кассою, передъ казначействами, да передъ государственнымъ контролемъ, но Боже, что за масса труда, что за разнообразіе; избрали было одну форму и она оказалась удовлетворительною, недоразумѣній, никакой путаницы не встрѣчалось; вздумалось таможенному вѣдомству требовать отчетности по другой формѣ; вотъ пишутъ отзывъ пресѣдателю суда, просятъ его предписать слѣдователямъ представлять отчетность по другой формѣ. Получаетъ предсѣдатель бумагу, видитъ, что пишетъ должность 4-го класса, значитъ птица важная, надо ей угодить, и вотъ шлется предписаніе слѣдователю, т. е. должности VI класса, гдѣ-то тамъ сидящей въ захолустьи, въ черномъ тѣлѣ, которую можно принести въ жертву, чтобъ онъ доставлялъ таможенному вѣдомству отчетъ по особой вѣдомости обязательно; и вотъ заваливается слѣдователь ненужной работой.

Главный военный судъ требуетъ, чтобъ военный судъ, смягчая наказанія, всегда перечислялъ смягчающія обстоятельства, но такое требованіе ведетъ лишь къ формализму, и даже смѣшно бываетъ, какъ судъ выдумываетъ, обстоятельства смягчающія, или увеличивающія вину; благодаря такимъ измышленіямъ, часто трудно въ приговорѣ узнать, что въ немъ относится къ дѣлу, которое выслушали на судѣ. Вспом-

нимъ по этому вопросу примѣръ, приведенный нами выше о пререканіяхъ между однимъ изъ судей и пресѣдателемъ, вызванныхъ именно свободою фантазіи предсѣдателя въ изобрѣтеніи смягчающихъ обстоятельствъ.—Формальное отношеніе къ своей дѣятельности всюду проглядываетъ у нашихъ военно-судебныхъ дѣятелей. Возьмемъ вопросъ о вещественныхъ доказательствахъ. Вещественныя доказательства къ дѣламъ, присланныя слѣдователями къ прокурору, пока дѣло не разсматривается судомъ въ судебномъ засѣданіи недоступны, ни для защитника и обвиняемаго, ни для прокурора. Странная вещь, а между тѣмъ такъ ужъ повелось, и никто не хочетъ даже вникнуть въ сущность дѣла; затрудненія, вытекающія изъ порядка сохраненія вещественныхъ доказательствъ въ прокурорскихъ канцеляріяхъ и судахъ таковы, что по крайней мѣрѣ нужно было бы выяснить, что такое вещественное доказательство, а между тѣмъ тутъ-то является подавляющій формализмъ. Мы уже говорили о томъ, какъ несостоятельны понятія нашихъ судей о томъ, что такое вещественное доказательство, и какія таинственныя свойства приписываются названію «вещественныя доказательства», но пойдемъ дальше. Обвиняется человѣкъ въ растратѣ, и слѣдователь письменную отчетность назвалъ вещественнымъ доказательствомъ, прислалъ ее отдѣльно отъ дѣла, и вотъ является вещественное доказательство, которое хранится у секретаря зашитое, запечатанное и никому недоступное; тотъ же слѣдователь производилъ дѣло о подобной же растратѣ, но ему вздумалось на этотъ разъ такую же письменную отчетность вшить въ дѣло, прошнуровать ее съ другими листами слѣдственнаго производства, и вотъ уже нѣтъ рѣчи о вещественныхъ доказательствахъ, и письменную отчетность можно изучать хоть на память—никто не помѣшаетъ. Къ дѣлу капитана К. были приложены многочисленные документы; слѣдователь догадался, что нужно же будетъ съ ними ознакомиться и защитнику, и прокурору, и не имѣя возможности ихъ вшить въ дѣло, по ихъ многочисленности, прислалъ ихъ отдѣльно отъ дѣла,

но не запечатаными; судъ поспѣшилъ признать ихъ вещественными доказательствами, возвратилъ ихъ слѣдователю, требуя, чтобъ онъ обвязалъ ихъ шнурками и запечаталъ печатью; слѣдователь подчинился, и до вещественныхъ доказательствъ не дотронулся ни кто до тѣхъ поръ, пока они не поступили въ судебное засѣданіе.

Изъ-за буквоѣдства страдаютъ важные интересы; законъ разрѣшаетъ обвиняемымъ требовать вызова свидѣтелей, допрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи, но бываютъ дѣла, по которымъ слѣдствія не производились, поступаютъ они изъ полковыхъ въ военные суды; обвиняемый проситъ предсѣдателя вызвать свидѣтеля, спрошеннаго при разсмотрѣніи дѣла въ полковомъ судѣ, а предсѣдатель отказываетъ на томъ основаніи, что законъ говоритъ только о свидѣтеляхъ, спрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи. Главн. воен. судъ разъяснилъ, впрочемъ, что это буквоѣдство и что просьбу обвиняемаго слѣдовало удовлетворить (р. 1873 г. № 15).

Есть рѣшеніе главнаго военнаго суда, которое въ сокращенномъ видѣ помѣщено подъ 403 ст. въ изд. Мартынова; положеніе скверно извлечено само по себѣ, а тутъ еще его дурно понимаютъ и выходятъ самыя дурныя послѣдствія — напрасная трата силъ, времени, отягощеніе участи обвиняемыхъ. Не вникнувъ въ смыслъ 403 ст., XXIV св. воен. пост., прокуроръ Се. держится только буквы рѣшенія главнаго военнаго суда въ извлеченіи изданія Мартынова, помѣщенномъ подъ 403 ст.; выходятъ страшные абсурды на практикѣ, но Се. упрямится

Вотъ то извлеченіе, о которомъ мы говоримъ: «по смыслу 403 ст., преданіе военному суду военно-служащихъ *безъ предварительнаго слѣдствія* предоставлено военному начальству только въ случаѣ совершенія военно-служащимъ преступленія по службѣ и при томъ столь очевидно, что не представляется надобности въ предварительномъ разъясненіи обстоятельствъ преступленія, поэтому, если подсудимый, кромѣ обвиненія въ преступленіи по службѣ, обвиняется еще

и въ совершеніи общаго преступленія, прокуроръ обязанъ, не приступая къ составленію обвинительнаго акта, возвратить дѣло о подсудимыхъ военному начальству для производства предварительнаго слѣдствія».

И рѣшеніе не отчетливое, и извлеченіе совершенно недостаточное и пониманіе ниже всякой критики; дѣйствительно 403 ст. не говоритъ, что и за общія преступленія, можетъ послѣдовать преданіе суду *безъ* предварительнаго слѣдствія, но законъ обходитъ такимъ молчаніемъ только такія преступленія, *которыя важны* на столько, что сами по себѣ подсудны военному суду. Весь отдѣлъ, въ которомъ помѣщена 403 ст., говоритъ о преступленіяхъ *самихъ по себѣ* подсудныхъ военному суду; о дѣлахъ подсудныхъ полковому суду слѣдствія никогда не производятся, ограничиваются простымъ дознаніемъ, эти послѣднія преступленія по важности своей тѣже, что и подсудныя мировому суду, а извѣстно, что дѣла, разрѣшаемыя мировыми судьями, предварительныхъ слѣдствій не требуютъ и слѣдовательно 403 ст., не о такихъ дѣлахъ говоритъ. Только сложность, только важность общихъ преступленій служила основаніемъ разграниченія преступленій, сдѣланнаго 403 ст., на требующія предварительнаго слѣдствія и не требующія того; въ этомъ духъ 403 ст., въ этомъ ея содержаніе, смыслъ. Это самое выражено и въ законодательныхъ соображеніяхъ. Тамъ сказано, что «*только* въ отношеніи болѣе важныхъ преступленій, требующихъ военнаго суда, сдѣлано различіе между важными преступленіями по службѣ и общими не касающимися интересовъ службы; послѣднія и по сложности своей въ большей части случаевъ и сообразно правилу, принятому въ гражданскомъ вѣдомствѣ, должны быть подвергаемы всегда предварительному слѣдствію, а потому, произведенныя по дѣламъ этого рода, дознанія или акты засвидѣтельствованія о преступленіяхъ должны быть всегда передаваемы отъ начальниковъ слѣдователямъ для обслѣдованія по установленному порядку». Слѣдовательно, опять, 403 ст., не имѣла въ

виду дѣлъ подсудныхъ полковому суду или мировому—самихъ по себѣ не важныхъ. Придерживаясь этого начала при разрѣшеніи, являющихся въ практикѣ, вопросовъ, мы легко разрѣшимъ вопросъ: должны ли быть производимы предварительныя слѣдствія по преступленіямъ общимъ, неважнымъ, подсуднымъ мировому или полковому суду, и сдѣлавшимся подсудными военному суду совершенно случайно, вслѣдствіе того, что субъектомъ этихъ преступленій также совершены другія, воинскія преступленія, подсудныя военному суду, или потому, что субъектъ принадлежитъ къ дворянству, почетному гражданству и т. д. Очевидно, держась установленнаго начала, мы не колеблясь скажемъ, что въ предварительномъ слѣдствіи дѣла, по собственной важности подсудныя полковому суду не нуждаются; стеченіе преступности съ болѣе важною не усложняетъ самого дѣла, и отъ предварительнаго слѣдствія оно ничего не выиграетъ въ простотѣ, ясности—оно и безъ того просто. Простая, не сложная до крайности кража не можетъ сдѣлаться непонятною, запутанною только потому, что надъ преступникомъ тяготѣютъ другія болѣе важныя обвиненія, или что этотъ преступникъ почетный гражданинъ, а между тѣмъ обращеніе такихъ простыхъ дѣлъ къ слѣдствію, наноситъ большой вредъ дѣлу; слѣдователи обремѣнены работою, дѣла затягиваются.

Получено напр. прокуроромъ дознаніе объ очевидномъ преступленіи военномъ, о дерзости, о побѣгѣ какомъ нибудь, оно могло бы идти прямо съ обвинительнымъ актомъ въ судъ, но не тутъ-то было; какъ на зло поступаетъ къ тому же прокурору дознаніе о томъ же субъектѣ, о совершенной имъ простой кражѣ, выясненной до очевидности, и при господствѣ въ практикѣ пониманія закона противоположнаго выраженному нами, оба дѣла—и о побѣгѣ и о кражѣ, возвращаются къ слѣдователю для производства слѣдствія; кража направляется къ слѣдователю потому, будто-бы, что рѣшеніе глав. воен. суда требуетъ, чтобъ о всякомъ общемъ преступленіи, какъ бы оно само по себѣ просто и ничтожно ни было, почему бы оно ни

сдѣлалось подсуднымъ военному суду, производилось слѣдствіе; тогда какъ, повторяемъ, и 403 ст. и рѣшеніе глав. воен. суда требуютъ только чтобъ преступленіе общее, *подсудное само по себѣ*, по своей собственной важности военному суду не доходило до суда безъ предварительнаго слѣдствія, подобно тому, какъ это допускается 403 ст., для воинскихъ преступленій, хотя и важныхъ, но все-таки простыхъ. Рѣшеніе главнаго военнаго суда, о которомъ мы говоримъ, 1873 г. № 289 состоялось именно по дѣлу подсудному по собственной важности воинскому суду и имѣло въ виду, встрѣчавшіяся въ практикѣ распространенія, установленныхъ 403 ст., правилъ относительно военныхъ преступленій и на общія преступленія важныя сами по себѣ, по своей важности подсудныя военному суду.

Къ тому же изъ другаго рѣшенія главнаго военнаго суда прямо видно, что нѣтъ обязательности возвращать или пріостанавливать конченныя дѣла для дослѣдованія другихъ, возникшихъ послѣ обвиненій. Такимъ образомъ въ 1878 г., въ рѣшеніи за № 75 главный военный судъ сказалъ, что если прокуроръ не требовалъ производства слѣдствія по другому, общему дѣлу, то онъ не можетъ возбуждать въ кассаціонномъ порядкѣ вопроса о нарушеніи 403 ст.; такъ вотъ въ чемъ обязанность прокурора: его никто не принуждаетъ возвращать конченное слѣдствіемъ дѣло для изслѣдованія вновь возникшаго обвиненія, хотя и въ общемъ, но незначительномъ преступленіи, лишь бы потомъ прокуроръ не тревожилъ по этому вопросу главный военный судъ. Наконецъ слѣдуетъ имѣть въ виду еще 610 ст. XXIV, по которой важнѣйшему обвиненію, если оно уже изслѣдовано, дается дальнѣйшій ходъ, хотя бы другое обвиненіе еще не было изслѣдовано. Практика даетъ намъ слѣдующіе примѣры, доказывающіе въ нашихъ военно-судебныхъ дѣятеляхъ буквоѣдство и непониманіе простыхъ вещей.

Прок. П. вернулъ слѣдователю для дополненія дѣло о рядовомъ Ерм., потому что хотя обвиненія Ерм. въ преступленіяхъ,

предусмотрѣнныхъ п. в. 101 и 103 ст. ст. были разслѣдованы, но не изслѣдована была еще кража простая, совершенная тѣмъ же Ерм.

М. производилъ слѣдствіе о канонирѣ 6 артиллерійской бригады Б., обвиняемомъ въ неповиновеніи; находясь уже подъ слѣдствіемъ, Б. промоталъ сапоги, въ этомъ его и обвиняло начальство, и слѣдователь принялъ къ своему производству дѣло о сапогахъ, какъ подсудное военному суду, только потому, что субъектъ обвинялся еще въ неповиновеніи, и началъ слѣдствіе о промотаніи сапогъ; произвелъ слѣдователь это слѣдствіе, представилъ его отдѣльно прокуратурѣ, вывелъ по дѣлу издержки, а потомъ дѣло о неповиновеніи продолжалъ самостоятельно изслѣдовать и докончилъ много времени спустя. Защищая свои дѣйствія, М. ссылался на 254 ст. XXIV кн. св. воен. пост., которая о порядкѣ слѣдствія ничего не говоритъ, а только то, что всѣ преступленія, совершенныя извѣстнымъ субъектомъ, разбираются въ одномъ судѣ; но если разбираются то это вовсе не значитъ того, что и слѣдствія должны производиться обо всѣхъ дѣяніяхъ, являющихся подсудными военному суду; о сапогахъ можно было ограничиться однимъ произведеннымъ дознаніемъ. Начальство имѣетъ безспорное право, за воинскія преступленія, какимъ является промотаніе сапогъ, предавать суду безъ производства слѣдствія, прокуроръ не можетъ этому возражать, и только на основаніи 607 ст., имѣетъ право потребовать дополненія дознанія; еслибъ начальство потверже знало свои права, то во что обратилась бы тогда ссылка М. на 254 ст.?

Бѣжалъ рядовой пѣх. полка Гр., при чемъ снесъ свои и тайно похищенныя у другихъ вещи; военный слѣдователь Ск. пишетъ въ своемъ постановленіи, что Гр. обвиняется въ простой кражѣ, которая, согласно *точному* смыслу 403 ст. и рѣш. главнаго военнаго суда 1873 г. № 289, можетъ служить единственнымъ основаніемъ производства слѣдствія о ряд. Гр., а какъ это обвиненіе противъ него не возбуждено, и самъ онъ по немъ вовсе на дознаніи не спрошенъ,

въ разслѣдованіе же побѣга не представляется надобности входить по крайней его очевидности, обязывающей направлять дѣла подобнаго рода порядкомъ, указаннымъ въ вышеприведенной статьѣ 403, то онъ слѣдователь, и не принимаетъ дѣла къ своему производству, а требуетъ чтобъ сначала было произведено дознаніе о простой кражѣ. Дознаніе было произведено, и началось слѣдствіе о простой кражѣ, только о простой кражѣ, побѣгъ же, самъ по себѣ только и подсудный воен. суду, такъ и внесенъ былъ въ судъ по одному дознанію.

Командиръ резерв. пѣх. баталіона прислалъ прокурорскому надзору дознаніе и приказъ отъ 22 іюля 1881 г., въ которомъ излагалось, что, разсмотрѣвъ дознаніе о рядов. 4 роты Николаѣ *Баринов*ъ, баталіонный командиръ нашелъ его виновнымъ: 1) во второмъ изъ службы побѣгѣ, продолжавшемся одинъ мѣсяцъ и 16 дней, 2) въ пьянствѣ, 3) въ присвоеніи *себѣ* и растратѣ двухъ паръ передовъ, двухъ паръ голенищъ, двухъ паръ подошевъ, принадлежащихъ Владиміру М. и Бѣляй А. и 4) въ закладѣ каптенармусу Петру Комарову, принадлежащихъ вышеупомянутымъ унт.-оф. дисциплинарнаго баталіона, двухъ паръ товара, и 5) въ неисправимо-дурномъ поведеніи. Разсмотрѣвъ дознаніе, прокурорскій надзоръ, на томъ основаніи, что Бариновъ обвинялся, сверхъ преступленія по службѣ, еще въ преступленіяхъ общеуголовныхъ—растратѣ ввѣреннаго ему имущества и мошенничествѣ (?), въ виду рѣшенія главн. воен. суда 1873 г., № 289, возвратилъ дознаніе о Б. для передачи его военному слѣдователю для производства слѣдствія. Вопросъ о растратѣ былъ изслѣдованъ и въ дознаніи совершенно достаточно, но, вслѣдствіе обращенія дѣла къ слѣдствію, которое къ дознанію ничего не прибавило, *растрачено* времени 4 мѣсяца, такъ какъ дознаніе въ прокурорскій надзоръ поступило 24 іюня, а слѣдствіе возвратилось въ тотъ же прокурорскій надзоръ только 24 октября, затѣмъ нужно было еще дожидаться согласія командира баталіона на преданіе Б. суду, тогда какъ въ сущности согласіе уже было дано

*

ранѣе въ томъ приказѣ, при которомъ дознаніе о Б. поступило въ прокурорскій надзоръ 24 іюня.

Пѣхотнаго полка рр. Е. и С. обвинялись въ побѣгѣ, и сверхъ того еще въ простой кражѣ у своихъ товарищей. Произведено было дознаніе, которое полковой командиръ нашелъ совершенно выясняющимъ дѣло; вполнѣ очевидно было, что можно прямо приступить къ составленію обвинительнаго акта безъ производства слѣдствія, но прокуроръ вернулъ дѣло полковому командиру для передачи его слѣдователю на основаніи 403 ст., такъ какъ въ дѣлѣ, кромѣ воинскаго преступленія, являлось еще общее преступленіе — кража денегъ, а на основаніи 403 ст., увѣрялъ прокуроръ, если является общее преступленіе въ связи съ воинскимъ, подсуднымъ военному суду, то, какъ бы ни было само по себѣ незначительно это общее преступленіе, слѣдствіе по этому дѣлу необходимо.

Рядовой Эк., почетный гражданинъ, совершилъ простую, не сложную кражу, съ перваго взгляда во всемъ понятную; но его дѣло было направлено прокуроромъ для производства слѣдствія, такъ какъ оно являлось подсуднымъ военному суду, вслѣдствіе того только, что Экз. былъ почетный гражданинъ.

Самыя предварительныя слѣдствія, поступивъ совершенно оконченными отъ слѣдователей къ прокурору, возвращаются для дослѣдованія по самымъ пустымъ поводамъ, доказывающимъ слабость мыслительной способности у возвращающихъ, поглощенныхъ однимъ формализмомъ. Требуютъ дополненія слѣдствій по такимъ вопросамъ, отвѣты на которые или ничего въ дѣлѣ не выясняютъ, или которые заранѣе можно предвидѣть. Слѣдствія затягиваются, а пользы отъ этого никому, получаетъ удовлетвореніе только одинъ бюрократическій формализмъ.

Такимъ образомъ новобранецъ Гр. обвинялся въ томъ, что лишилъ себя праваго глаза, для того чтобъ избавиться отъ военной службы; онъ утверждалъ, что лишился глаза по несчастному стеченію

обстоятельствъ, а именно, ѣдучи послѣ вынутія жребія изъ Р. домой, около мѣстечка О., онъ былъ выброшенъ изъ опрокинувшейся фуры; изъ фуры выпали тоже ящики съ товаромъ, и одинъ изъ такихъ ящиковъ, придавивши Гр., угломъ своимъ высадилъ ему глазъ. Свидѣтели, ѣхавшіе съ Гр. на одной фурѣ, везшіе въ ней свои товары, евреи ВВ., утверждали, что дѣйствительно ѣхали съ Г. на фурѣ, и ночью, около мѣстечка И., на косогорѣ, фура перевернулась, ящики съ товаромъ повыпали, одинъ изъ ящиковъ вышибъ глазъ Гр., остальные же спутники отдѣлались болѣе или менѣе сильными ушибами и всѣ лечились нѣкоторое время въ О.; слѣдователь не провѣрялъ всѣхъ этихъ данныхъ потому, что правильно разсуждалъ, что такая провѣрка невозможна, а между тѣмъ прокуроръ Бр. возвратилъ дѣло для дополненія въ августѣ 1879 г., съ требованіемъ дослѣдованія, дѣйствительно ли въ ноябрѣ 1878 г., фура около И. перевернулась и ушибла Г. Свидѣтели ѣхавшіе съ Г., которые только и могли что нибудь знать, были уже допрошены, какъ мы сказали раньше; отъ кого же слѣдователь могъ еще узнать что либо. Бр. хотѣлъ, вѣроятно, чтобъ слѣдователь разъяснилъ: не было ли еще свидѣтелей кромѣ спрошенныхъ уже, или поискалъ такихъ свидѣтелей, которые могли бы опровергнуть показанія спрошенныхъ уже свидѣтелей. Начальникъ уѣзда, къ которому обратился слѣдователь съ просьбою произвести дознаніе, отвѣтилъ, что дѣло давно происходило, а какъ знать такіе пустяки, кому это можетъ быть интересно, что, кто то, живущій въ О, перевернулся около И.; фура перевернулась около И., но прослѣдовала дальше, и кто же можетъ объ этомъ знать, кромѣ тѣхъ, которые перевернулись; съ такимъ отвѣтомъ слѣдствіе было возвращено прокурору; но въ октябрѣ Бр. вторично возвратилъ слѣдствіе для дополненія. Гр. показалъ, что его везъ изъ Р. въ О. фурманъ изъ Р., проживающій на Воловой улицѣ, потому Бр. требовалъ, чтобъ слѣдователь распорядился дознаніемъ, кто же именно везъ Г. и Вейнтраубовъ 21 ноября 1878 года; кро-

мѣ того прокуроръ настаивалъ, чтобъ слѣдователь еще разъ дополнилъ дѣло дознаніемъ черезъ начальника О. уѣзда: дѣйствительно ли Давидъ и Шмуль ВВ., ѣдучи съ Г. перевернулись около И., получили ушибы и лечились въ О. нѣкоторое время. Неужели же прокуроръ не могъ догадаться, какой послѣдуетъ отвѣтъ на его вопросъ. Слѣдователь могъ бы, еслибъ былъ самостоятеленъ, возвратить дѣло прокурору безъ дополненія, на томъ основаніи, что прокуроръ требовалъ разъясненія пустяковъ, а это закономъ воспрещается, но гдѣ же у насъ такіе самостоятельные слѣдователи, да и къ чему въ самомъ дѣлѣ пререкаться съ прокуроромъ; конечно о неповиновеніи слѣдователя прокуроръ представитъ суду, который отвѣтитъ: «если прокуроръ, старшій, требуетъ, значитъ младшій, слѣдователь, долженъ подчиниться». Слѣдователь все исполнилъ, что требовалъ прокуроръ, но что же онъ собралъ? какія данныя? Р. полиціймейстеръ отвѣтилъ, что нельзя разъяснить кого, годъ тому назадъ, кто, хотя бы то живущій на Воловой улицѣ, возилъ изъ Р. въ О.; а затѣмъ О. уѣздный начальникъ отвѣтилъ, что такихъ пустяковъ, какихъ отъ него требовали, онъ не въ состояніи дознать; и вотъ съ такими результатами дѣло было возвращено прокурору слѣдователемъ, у котораго дѣло пролежало еще два мѣсяца.

По дѣлу драгунскаго полка, который на маневрахъ уничтожилъ различные запасы, принадлежавшіе жителямъ—сѣно и т. п., слѣдствіе было возвращено для того чтобъ офицера, производившаго дознаніе по дѣлу, въ которомъ объ убыткахъ говорится глухо, спросить, какъ онъ производилъ дознаніе, въ виду того, что дознаніе это было признано *Варшавскимъ губернаторомъ не имѣющимъ значенія* (!!).

Канониръ Д. обвинялся въ томъ, что чѣмъ-то разстравилъ себѣ глазъ; на слѣдствіи онъ показалъ, что отецъ его знаетъ, что онъ былъ болѣнъ съ дѣтства; слѣдователь не спросилъ отца и прокуроръ Бр. вернулъ дѣло для дослѣдованія, чтобъ спросить отца. Да развѣ вне-

редъ нельзя было быть увѣреннымъ въ отвѣтѣ отца? уже если дѣло не давало другихъ данныхъ, основаній къ обвиненію Д., то конечно оставалось только одно — прекратить дѣло, не дополняя его; если же были основанія для обвиненія, кромѣ отвѣта отца, тогда опять нечего было возвращать дѣло для разслѣдованія допросомъ отца; конечно, этотъ допросъ явился бы только одною формальностью. Затѣмъ требовалось дополнить слѣдствіе дознаніемъ о слѣдующемъ: правда-ли, что Д. былъ увольняемъ въ годовой отпускъ по болѣзни. Но развѣ самъ прокуроръ не могъ сдѣлать такой справки, если только онъ считалъ это нужнымъ; вѣдь 606 ст. даетъ право прокурору или самому непосредственно потребовать дополнительныхъ свѣдѣній, или возвратить дѣло къ дослѣдованію черезъ слѣдователя. Но въ справкахъ, какихъ требовалъ военный прокуроръ, не было надобности, такъ какъ изъ послужнаго списка было видно, что Д. былъ уволенъ въ отпускъ по болѣзни.

Вообще при каждомъ противорѣчіи между свидѣтельскими показаніями свидѣтелямъ дается очная ставка — такъ поступаютъ слѣдователи, того же требуютъ наблюдающіе за производствомъ слѣдствій военные прокуроры. Очная ставка по военно-судебному уставу требуется при предварительномъ слѣдствіи только въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, когда отъ разъясненія противорѣчія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ зависитъ дальнѣйшее направленіе дѣла. Вотъ въ дореформенный періодъ дѣйствительно всякое противорѣчіе выяснялось непремѣнно очными ставками; отъ дореформеннаго времени, вмѣстѣ съ дореформенными людьми, введенными въ реформированные суды, расположеніе къ очнымъ ставкамъ перешло въ предварительное слѣдствіе, основанное на новыхъ началахъ; хотя очная ставка при придварительномъ слѣдствіи почти всегда есть ничто иное какъ пустая формальность, но тѣмъ-то она и дорога нашимъ военно-судебнымъ дѣятелямъ; исполнивши пустую формальность, можно на ней и успокоиться, не терзать свой умъ сомнѣніями да размыш-

леніями. Безъ очной ставки при противорѣчіи свидѣтелей къ истинѣ можно дойдти только силою собственнаго мышленія; но зачѣмъ брать на себя такой трудъ, когда, можетъ быть, всѣ усилія оканчивались всегда неудачно. (Напр. дѣло унт. оф. крѣпостнаго полка С. было возвращено Ч. только для очной ставки между давшими противорѣчивыми показаніями).

Канониръ Л. (дивиз. летуч. парка) отказался отъ принятія присяги на вѣрность службы только потому, что, бывши уніатомъ, отрицалъ свою принадлежность къ православію, хотя начальство считало его православнымъ, потому только что С. губернаторъ сообщилъ, что родители Л. перешли въ православіе. И вотъ на Л. взведено было начальствомъ обвиненіе, что онъ отказался отъ принятія присяги по православному обычаю. Военный слѣдователь Чер. принялъ къ своему производству дѣло по обвиненію Л. въ неповиновеніи по 105 ст. XXII св. воен. пост. Начали производить слѣдствіе; хотя Л. объяснилъ, что онъ не принялъ присяги только потому, что его хотѣли привести къ присягѣ черезъ православнаго священника по православному обряду, и изъявлялъ готовность принять присягу на вѣрность, но только въ костелѣ по католическому обряду, слѣдствіе было закончено, и отослано къ прокурору, который тотъ же Бр., вернулъ слѣдствіе для дополненія, такъ какъ по его мнѣнію было необходимо установить прежде всего фактъ, что Л. былъ православный, а этого можно было достигнуть слѣдующими путями: вытребовать отъ начальника уѣзда свѣдѣнія о томъ, дѣйствительно ли Л., переходя въ православіе вмѣстѣ съ прочими своими одновѣрцами, добровольно далъ собственноручную подписку съ изъявленіемъ желанія на присоединеніе къ православію и, если возможно, вытребовать къ дѣлу подлинную подписку Л.; при невозможности этого, просить означеннаго начальника произвести дознаніе о томъ, дѣйствительно ли Л. вмѣстѣ съ прочими присоединился къ православію, и потому не могъ себя считать принадлежащимъ къ римско-католической церкви; какъ будто-бы все это имѣло значеніе въ дѣлѣ Л.?

Еслибъ онъ даже и принялъ православіе, то затѣмъ могъ отступить отъ православія и не присягать по православному обряду, а требовать присяги по католическому обряду, и тогда для досужаго прокурора могъ бы возникнуть вопросъ объ отпаденіи Л. отъ православной вѣры, а вовсе не о неповиновеніи; еслибъ стали на точку отпаденія отъ православія, тогда самое изслѣдованіе дѣла Л. пошло бы другимъ путемъ, на основаніи особыхъ правилъ, изданныхъ въ 63 году для преслѣдованія въ средѣ войскъ отщепенцовъ, но такъ какъ продолжали держаться обвиненія Л. въ неповиновеніи, то дѣло шло путемъ обыкновеннаго слѣдствія. Какъ бы то ни было, потребованное прокуроромъ дознаніе было произведено и оказалось, что крестьяне, односельчане Л., не давали росписки въ томъ, что они принимаютъ православіе; пріѣзжала лишь въ село коммисія, въ присутствіи которой сельскій сходъ заявилъ, что онъ принимаетъ православіе. Дополненное такимъ дознаніемъ слѣдствіе было отправлено къ Бр., онъ снова его возвратилъ, требуя слѣдствія: 1) о томъ, по какому закону Л. до поступленія на службу и въ службѣ исполнялъ обряды, и если онъ скажетъ, что по католическому, то провѣрить его показаніе; 2) о томъ, присутствовалъ ли отецъ Л. на сходкѣ вмѣстѣ съ сыномъ, или одинъ, и принялъ-ли отецъ Л. православіе, выражалъ ли желаніе принять православіе. Но если Л. исполнялъ обряды по католической вѣрѣ, а считался православнымъ, то это опять вопросъ отпаденія отъ вѣры; если отецъ присутствовалъ на сходкѣ и сдѣлалъ заявленіе о принятіи православія, то причемъ тутъ Л. сынъ? Отецъ могъ соглашаться, а сынъ самъ по себѣ. Затѣмъ понятно, что любопытство прокурора заранѣе могло быть удовлетворено; можно было предвидѣть, что отецъ покажетъ, что онъ не былъ на сходѣ, православія не принималъ; въ томъ было ручательствомъ первое дознаніе, изъ котораго было видно, что все было обдѣлано коммисіей. Если не было другихъ основаній и доказательствъ, то лучше было бы дѣло бросить. Нужно добавить, что изъ дѣла было видно, что Л. во время присоединенія села къ правосла-

вію былъ совершеннолѣтнимъ. Любопытство прокурора получило такое офиціальное удовлетвореніе: получено было показаніе отца Л., что онъ на сходкѣ не былъ, православія не принималъ, ни за себя, ни за сына; тогда только прокуроръ отсталъ отъ слѣдователя.

Аптечный фельдшеръ Ш. обвинялся въ промотаніи значительнаго количества медикаментовъ рублей на 600; фактъ промотанія былъ установленъ положительно, но въ числѣ прочихъ матеріаловъ, которыхъ не доставало при сдачѣ должности Ш., между прочимъ, въ рапортѣ врача была упомянута пара ножницъ. Ш. отвергалъ всю растрату огуломъ; на слѣдствіи его несознаніе категорически было выражено относительно всего промотаннаго имущества, цѣнность котораго, повторяемъ, достигала до 600 р., обойдены были только ножницы, и вотъ прокуроръ пишетъ, что о ножницахъ въ показаніяхъ обвиняемаго ничего не говорится, потому не представляется возможнымъ придти къ заключенію по дѣлу о виновности Ш., вслѣдствіе чего предлагалось дополнить слѣдствіе. Все дополненіе состояло въ томъ, что Ш. былъ призванъ и показалъ, что, не признавая себя виновнымъ въ растратѣ медикаментовъ на сумму 600 р., онъ тѣмъ болѣе не признаетъ себя виновнымъ въ промотаніи ножницъ—такой мелочи, которая легко могла ускользнуть отъ его вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, если вопросъ о 600 р. былъ изслѣдованъ, и имѣлись данныя для преданія суду, или же для прекращенія дѣла, то причемъ же несчастныя ножницы?

Новобранецъ М., П. уѣзда, обвинялся въ побѣгѣ; на слѣдствіи показалъ, что занимался рѣшетнымъ ремесломъ; хотя зналъ и кузнечное ремесло, но рѣшетнымъ ремесломъ занимался потому, что оно легче и удобнѣе по слѣдующимъ причинамъ: кузнечнымъ ремесломъ безпаспортному заниматься нельзя; кузнецъ живетъ на мѣстѣ, занимаясь же рѣшетнымъ ремесломъ, человѣкъ живетъ не у хозяина, а самостоятельно, постоянно переходитъ съ мѣста на мѣсто и ему не приходится показывать паспорта: жандармы и полиція не спрашиваютъ

паспорта у рѣшетника, предполагая, что каждый изъ нихъ навѣрное уже имѣетъ при себѣ паспортъ. Самовольно отлучившись изъ команды, продолжалъ М., онъ жилъ въ Ч., гдѣ занимался рѣшетнымъ ремесломъ, изъ Ч. поѣхалъ въ С. на ярмарку, изъ С. въ П. тоже на ярмарку, изъ П., обходя деревни, добрался до К., и изъ К. опять пошелъ бродить по деревнямъ, торгуя рѣшетами; такъ протянулъ время до осени 1878 г.; на дорогѣ изъ К., въ одной изъ деревень, названія которой, какъ и другихъ, въ которыхъ бывалъ, бродя по неизвѣстной мѣстности, не знаетъ, онъ зашелъ въ корчму съ неизвѣстнымъ, встрѣтившимся на дорогѣ, гдѣ его, М., задержали; и вотъ послѣ такихъ показаній М., помощ. прокурора возвращаетъ дѣло слѣдователю, которому предлагаетъ по указаніямъ М. провѣрить у кого именно и сколько времени работалъ въ различныхъ мѣстахъ П. и К. губерній. Слѣдователь говорилъ помощ. прокурора что провѣрять напрасно; вѣдь спрашивали уже у М. гдѣ онъ бродилъ, у кого проживалъ, но вѣдь далъ же онъ уклончивыя безсодержательныя показанія; помощникъ прокурора Р. отвѣчалъ, спросите еще разъ—можетъ сознается; но такъ конца не будетъ, возражали ему; Р., со смѣлостью достойною лучшаго дѣла, сталъ увѣрять, что за границей, гдѣ онъ бывалъ, такіе порядки, что спрашиваютъ обвиняемаго до тѣхъ поръ, пока не сознается; не сознался—отправляютъ въ тюрьму; посидитъ тамъ, спрашиваютъ другой разъ и т. д.; можно подумать, что Р. шутилъ, но если мы скажемъ, что это тотъ самый Р., о которомъ у насъ сказано на стр. стр. 202, 219, 244, тогда приведенныя откровенія Р. не будутъ казаться невозможными въ его устахъ; очевидно только, что этотъ бывалый человѣкъ не зналъ не большаго; не зналъ той статьи судебн. устава, по которой передопрашивать обвиняемаго безъ надобности воспрещается. Дѣло показало, что передопросъ М. былъ излишенъ, и на передопросѣ М. не былъ ни откровеннѣе, ни опредѣлительнѣе.

Во-вторыхъ, М. показалъ на дознаніи, что онъ ходилъ за границу и тамъ проживалъ; на предварительномъ же слѣдствіи пока-

залъ, что за границу не бѣгалъ, а жилъ въ П. и К. губерніяхъ; что, правда, его подговаривали бѣжать за границу—С. и еще кто-то другой, С. подговаривалъ бѣжать въ Америку, а какой-то солдатъ вообще бѣжать за границу, «но я, говорилъ М. никого не послушался, ни С., ни солдата и такъ и остался въ Россіи»; прокуроръ и это считалъ необходимымъ провѣрить въ видахъ обвиненія С. въ склоненіи М. переселиться за границу. Это требованіе прокурора было вполнѣ неправильно. Если шелъ вопросъ о С., какъ о самостоятельномъ преступникѣ, то прокуроръ не имѣлъ права у своего слѣдователя возбуждать дѣла о мѣщанинѣ С., возвращать, задерживать дѣло М. для слѣдствія о С., какъ самостоятельномъ преступникѣ, потому что существуетъ прямой законъ, 608 ст., по которому обнаруженныя при изслѣдованіи какого-либо преступленія или проступка, противозаконныя дѣйствія лицъ, не участвовавшихъ въ томъ преступленіи или проступкѣ, не могутъ быть поводомъ обращенія дѣла къ дополненію, а должны быть предметомъ особаго слѣдствія. Если С. являлся самостоятельнымъ преступникомъ, то М. могъ явиться въ его дѣлѣ только въ качествѣ свидѣтеля. Побѣгъ за границу М. являлся ровно ничѣмъ не доказаннымъ, основывался только на его собственномъ показаніи, отъ котораго онъ впослѣдствіи отказался, а виновность С. въ подговорѣ къ побѣгу основана была только на оговорѣ М., находившагося въ любовной связи съ женой С., потому не было повода снова передопрашивать М.. передопросъ М. о томъ былъ-ли онъ за границей, ради обвиненія самого М., являлся безполезнымъ потому, что онъ отрицалъ переходъ границы, а затѣмъ для него лично, еслибъ онъ и былъ даже за границей, являлся обстоятельствомъ не существеннымъ, только увеличивающимъ вину; достаточно было того, что положительно было доказано что М. былъ въ отсутствіи болѣе 6 мѣсяцевъ, одно это давало право суду примѣнить къ М. 133 ст., ту же самую которая имѣла бы мѣсто и тогда, еслибъ было еще доказано, что М. былъ за гра-

ницей. Потому, въ виду 610 ст. XXIV, для приведенія въ ясность вопроса переходилъ ли М. границу, нельзя было возвращать слѣдствія для дополненія. Къ тому же было несомнѣнно доказано, что М. проживалъ въ Россіи по чужому заграничному паспорту, за что М. грозило болѣе строгое наказаніе, чѣмъ за первый побѣгъ изъ службы съ переходомъ границы, почему опять переходъ границы былъ не существенъ. Прокуроръ требовалъ точнаго опредѣленія времени побѣга М.; въ дѣлѣ были свѣдѣнія о томъ, что бѣжалъ онъ въ началѣ января, болѣе точныхъ свѣдѣній добыть не было возможности, и опять это не могло имѣть никакого значенія, потому что было видно изъ дѣла что срокъ отсутствія далеко превосходилъ 6 мѣсячный. М. при задержаніи предъявилъ паспортъ Кржака, на которомъ была сдѣлана помѣта, что онъ перешелъ границу черезъ М. таможню, и вотъ прокуроръ требовалъ изслѣдованія, переходилъ ли Кржакъ дѣйствительно черезъ эту таможню, если переходилъ, то не знаетъ ли таможенное начальство тѣхъ, близко живущихъ, которые переходили таможню вмѣстѣ съ Кржакомъ. Скрѣпя сердце, слѣдователь запросилъ таможню и таможня отвѣчала то, что можно было заранѣе отгадать, что Кржакъ дѣйствительно переходилъ таможню 25 октября, какъ о томъ поставлено на книжкѣ клеймо, но съ кѣмъ перешелъ Кржакъ таможню, этого таможня знать не можетъ, такъ какъ таможню проходятъ въ день отъ 500 до 1,000 человѣкъ. Не добился слѣдователь ни указаній, гдѣ проживалъ М., ни того, что С. подговаривалъ его бѣжать за границу, и изъ длиннаго продолжительнаго добавочнаго слѣдствія прокуроръ ничего не выжалъ болѣе того, что стало извѣстно ему и изъ представленнаго въ первый разъ дѣла.

Рядовой Тар. обвинялся въ побѣгѣ, во второй кражѣ со взломомъ; все это было хорошо изслѣдовано и представлено прокурору; но прокуроръ замѣтилъ, что въ дознаніи мимоходомъ было сказано о промотаніи штановъ—преступленіе ничтожное сравнительно съ вто-

рой кражей; полковой командиръ, передавая дѣло слѣдователю, ничего не упоминалъ о штанахъ, но прокуроръ вернулъ дѣло слѣдователю, чтобъ онъ еще и надъ штанами потрудился. Слѣдователь спросилъ полковаго командира о штанахъ и получилъ отвѣтъ: что Тар. при побѣгѣ имѣлъ на себѣ лишь собственныя вещи, выслужившія срокъ, а потому въ промотаніи состоящихъ на немъ казенныхъ вещей не обвинялся.

Вотъ каковъ формализмъ, какія ненужныя подробности изслѣдываются.

Незнаніе, неумѣніе, непригодность судебныхъ дѣятелей еще болѣе выступаетъ наружу, когда мы скажемъ, что за то важныя вещи остаются не разслѣдованными и дѣла поступаютъ въ судъ до такой степени неподготовленныя, что судъ принужденъ возвращать ихъ для дослѣдованія, или же затрудняться въ разрѣшеніи дѣла.

Такимъ образомъ унт.-оф. Ш. резервнаго баталіона, который помѣщался въ И. крѣпости, подошелъ ночью къ однимъ изъ воротъ крѣпости снаружи, хотѣлъ войти въ крѣпость и, не бывъ впущенъ часовымъ, напалъ на него, повалилъ, началъ душить, но, услышавъ приближеніе разъѣзда, бѣжалъ, былъ задержанъ, погнавшимся за нимъ, разъѣздомъ, приведенъ къ воротамъ; къ воротамъ онъ шелъ смирно, твердо, разговаривалъ нормально, никто не замѣтилъ чтобъ онъ былъ пьянъ; отъ воротъ къ карцеру, куда его вели, шелъ хорошо, твердо, разговаривалъ какъ слѣдуетъ; подходя къ крыльцу своей казармы, вырвался отъ патруля, хотѣлъ скрыться въ казармы, но за нимъ погнались, поймали, оттащили отъ крыльца, за которое онъ было схватился такъ сильно, что оторвалъ доску, и во всемъ остальномъ показалъ себя нормальнымъ человѣкомъ. Въ этомъ и обвинялся Ш., такъ составленъ былъ обвинительный актъ, но вотъ что вышло; въ дознаніи было брошено случайное, неясное, неопредѣленное, безъ объясненія какъ и что, кто объ этомъ знаетъ, указаніе на то, что Ш. за крѣпость попалъ страннымъ образомъ, именно выскочивъ безъ

всякаго повода изъ казармы, изъ втораго этажа. Предварительное слѣдствіе объ этомъ не сказало ни слова, но на судебномъ слѣдствіи выяснилось съ мельчайшими подробностями, несомнѣнно, что Ш. дѣйствительно съ вечера былъ пьянъ, но не сильно, легъ спать и затѣмъ ночью выскочилъ изъ втораго этажа, причемъ свихнулъ себѣ ногу. Обстоятельство конечно странное; судъ встрѣтилъ сомнѣніе въ нормальномъ-ли состояніи умственныхъ способностей совершено преступленіе, и пріостановился производствомъ до разъясненія этой стороны дѣла съ тѣмъ, чтобъ второй разъ слушать дѣло съ экспертами. Противъ такого опредѣленія суда нельзя ничего сказать, а необходимо согласиться; но дѣло въ томъ, что такого перерыва дѣла не было бы, еслибъ самъ слѣдователь обратилъ вниманіе на странную сторону дѣла и разъяснилъ бы ее; или прокуроръ, составлявшій обвинительный актъ, возвратилъ бы слѣдственное дѣло для дополненія, вызвалъ бы въ судъ экспертовъ; но вотъ тамъ, гдѣ нужно было дополненіе слѣдствія, тамъ этого не сдѣлано; сомнѣніе въ умственныхъ способностяхъ обвиняемаго, это не то, у кого бѣжавшій проживалъ во время побѣга, былъ-ли отецъ на сходѣ, рѣшившемъ возсоединеніе съ православіемъ, или по какому обряду исполнялъ требы. Прокуроръ, когда ему указали на промахъ по дѣлу Ш., утверждалъ, что у него сомнѣнія не было, что преступленіе совершено въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей; но мало что у прокурора не было сомнѣнія, нужно обставить дѣло такъ, приготовить его такъ, чтобъ и у суда ни въ чемъ не явилось сомнѣніе, чтобъ судъ не встрѣтилъ надобности откладывать дѣло. Но на такое отношеніе къ дѣлу не хватаетъ ни умѣнья, ни желанія—все подавлено формализмомъ.

Такой напр. вопросъ, что такое *экспертъ*, военно-судебнымъ дѣятелямъ кажется, не имѣетъ въ себѣ никакого содержанія, они объясняютъ себѣ этотъ вопросъ съ чисто формальной стороны.

Чтобъ быть экспертомъ, по мнѣнію прокурора Стр., нужно въ

спискѣ вызываемыхъ къ слѣдствію быть помѣщеннымъ подъ рубрикой экспертовъ и только; разъ человѣкъ въ спискѣ вызываемыхъ прокуроромъ названъ свидѣтелемъ, такой не можетъ уже быть экспертомъ и наоборотъ. Такъ высказался прокуроръ Стр., по поводу того, что въ К. судѣ по дѣлу офицера Ром., К. судъ не вызвалъ экспертомъ того, кто лечилъ Ром., считая что, лечившій обвиняемаго, можетъ быть только свидѣтелемъ. О ряд. пѣхотнаго полка Шат., обвинявшемся въ членовредительствѣ, дѣло началось рапортомъ полковаго врача о томъ положеніи, въ которомъ Шат. поступилъ въ полковой лазаретъ; въ рапортѣ полковаго врача выражено было мнѣніе, что Ш. изувѣчилъ себѣ руки умышленно. Составленъ былъ обвинительный актъ, въ которомъ виновность Ш. доказывалась ссылкой на мнѣніе полковаго врача, затѣмъ врачъ помѣщенъ былъ въ спискѣ свидѣтелей, а не экспертовъ.

На основаніи рѣшеній главнаго военнаго суда, врачъ, производившій экспертизу при предварительномъ слѣдствіи, и вслѣдствіе того, казалось бы, являющійся и наиболѣе удобнымъ экспертомъ и для судебнаго слѣдствія, превращается на судебномъ слѣдствіи въ свидѣтеля, потому что онъ помѣщенъ въ спискѣ свидѣтелей для представленія объясненій по поводу, произведеннаго имъ на предварительномъ слѣдствіи, изслѣдованія поврежденій, и названіе такого эксперта свидѣтелемъ не колеблется и прочтеніемъ согласно 756 ст., въ его присутствіи на судѣ, составленнаго имъ протокола осмотра поврежденій (рѣш. глав. воен. суда 1876 г. № 159 1874 г. № 108).

Но что такое въ самомъ дѣлѣ экспертъ? человѣкъ, который высказываетъ о фактѣ свое мнѣніе, основанное на опытѣ, на наукѣ, вотъ сущность эксперта, а что же могъ показать врачъ о Ш. кромѣ своего мнѣнія о свойствѣ поврежденія; если онъ могъ только сказать я видѣлъ то-то, такую-то рану, о которой я сужу такъ-то, то спрашивается заключеніе какого же эксперта не будетъ состоять изъ того же самаго? какой же онъ свидѣтель? разница между свидѣтелемъ и экспертомъ въ томъ, что экспертъ,

вызванный въ судъ, будетъ говорить «я вижу то-то, или только что видѣлъ то-то» и затѣмъ выскажетъ свое мнѣніе, а врачъ, изслѣдовавшій рану тотчасъ послѣ ея нанесенія, скажетъ: «я видѣлъ тогда-то рану, она была такова и мое мнѣніе о ней таково». Съ другой стороны никакой свидѣтель по закону не высказываетъ своего мнѣнія о фактѣ, а долженъ передавать фактъ, какъ онъ былъ, представлялся непосредственно его глазамъ, вообще чувствамъ.

На основаніи 759 ст., для объясненія освидѣтельствованія, или испытанія, произведеннаго свѣдущими людьми, судъ можетъ вызвать въ свое засѣданіе лицъ производившихъ освидѣтельствованіе или испытаніе и потребовать отъ нихъ обстоятельнаго отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Кѣмъ же являются такіе эксперты на судѣ? Думаемъ, что по смыслу 759 ст. тѣми же экспертами; 759 ст. не называетъ ихъ свидѣтелями; 759 ст. говоритъ что они вызываются *для объясненія*, для представленія обстоятельнаго отчета въ ихъ дѣйствіяхъ, а это несомнѣнно представляетъ характеръ экспертизы; откуда вывелъ главный военный судъ, что свѣдущіе люди, вызванные въ судебное засѣданіе для объясненія, произведеннаго на предварительномъ слѣдствіи освидѣтельствованія или испытанія, должны считаться свидѣтелями (рѣш. глав. воен. суда 1874 г. № 108; 1876 г. № 159), — не постигаемъ. Такая практика главнаго военнаго суда, а за нимъ и окружныхъ военныхъ судовъ прямо противорѣчитъ практикѣ сената. По рѣшеніямъ сената экспертъ, дававшій свое заключеніе, производившій изслѣдованіе при предварительномъ слѣдствіи, продолжаетъ и на судѣ оставаться такимъ же экспертомъ. Такимъ образомъ въ рѣшеніи 1874 г. № 439 сенатъ говоритъ, что экспертъ-врачъ, производившій вскрытіе трупа убитаго, и составившій объ этомъ актъ и на судѣ является экспертомъ. Изъ рѣшенія сената 1873 г. № 713 прямо видно, что одно и то же лицо явилось сначала въ качествѣ эксперта на предварительномъ слѣдствіи, а затѣмъ тоже въ качествѣ эксперта и на судебномъ слѣдствіи и потому не могло быть спрошено

въ качествѣ свидѣтеля. Точно также изъ рѣшенія сената 1875 г. № 175 видно, что экспертъ, дававшій свое заключеніе при предварительномъ слѣдствіи, является такимъ же экспертомъ и на судѣ, а не свидѣтелемъ и спрашивать его на судебномъ слѣдствіи стороны могутъ только о томъ, о чемъ онъ давалъ заключеніе при предварительномъ слѣдствіи—не больше. На судъ эксперты могутъ быть вовсе не вызваны, вмѣсто устной экспертизы можетъ быть прочтенъ актъ, составленный экспертами при предварительномъ слѣдствіи, а вызванный на судъ экспертъ долженъ дать объясненіе только своихъ дѣйствій, какъ эксперта; объясненія могутъ быть подробнѣе, обстоятельнѣе, но въ сущности должны обнимать тоже же, что было сдѣлано при предварительномъ слѣдствіи, что, будучи только прочтено на судѣ, имѣло-бы значеніе экспертизы; почему-же, явившійся на судъ для объясненія экспертизы; будетъ считаться свидѣтелемъ а не экспертомъ? очевидна такимъ образомъ несостоятельность рѣшеній главнаго военнаго суда.

Военно-судебные дѣятели преслѣдуютъ чисто формальныя цѣли, и считаютъ, что употребляютъ время на дѣло. Прокурору напр. подается черновое заключеніе и онъ въ немъ дѣлаетъ такія поправки:

Было написано въ проэктѣ обвинительнаго акта о бомбардирѣ 1 отд. подвиж. артиллерійскаго парка Куд.:	Исправлено:
«*не успѣвъ совершить кражу и бросивъ подъ окномъ въ саду казенный мундиръ, шапку, сапоги и портянки, убѣжалъ на свою квартиру.*	*не успѣвъ совершить кражу, ушелъ на свою квартиру, бросивъ подъ окномъ въ саду казенный мундиръ, шапку, сапоги и портянку.*
2) Рядовой Николай Чер., проходя изъ лагеря при мѣстечкѣ М. въ означенное мѣстечко, неоднократно представлялъ ча-	2) Рядовой Николай Чер., проходя изъ лагеря при мѣстечкѣ М., въ означенное мѣстечко, неоднократно представ-

совому для пропуска его туда билетъ, подписанный будто бы ротнымъ командиромъ, но какъ оказалось впослѣдствіи, составленный унт.-офиц. Сер. при участіи ефрейтора П.

3) С. обвиняется въ томъ: что а) приказавши подчиненному ему ефрейтору П. написать билетъ за фальшивою подписью ротнаго командира на пропускъ изъ лагеря подъ М. рядоваго Ч., оттиснулъ на билетѣ вмѣсто печати накопченный мѣдный пятакъ.

лялъ часовому для пропуска его Чер. *въ мѣстечко билетъ подписанный ротнымъ командиромъ*, каковой билетъ, какъ оказалось впослѣдствіи, *былъ подложный*, составленный унт.-оф. С. при *помощи* ефрейтора П.

3) . . . а) приказалъ подчиненному ему ефрейтору П. написать *подложный билетъ за подложною же подписью* ротнаго командира на пропускъ, состоявшаго во взводѣ С, рядового Ч. на пропускъ изъ лагера въ мѣстечко М. б) и въ томъ, что по написаніи П. билета *приложилъ къ нему вмѣсто печати накопченную пяти-копѣечную мѣдную монету*.

Мы думаемъ, что проэкты, въ которыхъ излагались предметы обвиненій, были гораздо лучше поправокъ; во-первыхъ потому, что меньше употребляли юридическихъ терминовъ, меньше заключали въ себѣ квалификаціи, ближе опредѣляли въ чемъ именно состояло преступленіе, такъ какъ напр. приложить пятакъ, еще не выражаетъ, что тотъ пятакъ отпечатался на билетѣ. Но если бы даже поправки были лучше проэкта, какъ то, конечно, полагалъ исправитель, то и ему эти поправки должны были казаться все-таки не на столько важными, чтобъ стоило на нихъ тратить время и силы; еще бы куда ни шло, если бы поправки дѣлались, какъ говориться, отъ руки, но дѣло въ томъ, что поправки эти вымучены, устанавливаются послѣ нѣсколькихъ подправокъ и перечеркиваній, послѣ зна-

чительныхъ усилій, колебаній. Такія поправки, каждая изъ нихъ сама по себѣ незначительная, въ суммѣ составляютъ нѣчто ощутительное, являются на каждомъ проэктѣ, представляютъ изъ себя проявленіе системы. Поправки эти еще имѣютъ свою положительно вредную сторону, они суть послѣдствія того мелочнаго тщеславія, которымъ заражены наши безсодержательные военно-судебные дѣятели. Являясь начальниками, они считаютъ необходимымъ давать младшимъ чувствовать свое превосходство, будто-бы; «вотъ какъ мы знаемъ дѣло, какъ мы неизмѣримо выше васъ стоимъ; учитесь у насъ и преклоняйтесь передъ нами»; этимъ перечеркиваніемъ да зачеркиваніемъ приготовляютъ себѣ фальшивое право сказать, при случаѣ: «да вы неумѣете писать, ни одно заключеніе ваше не проходитъ безъ поправки». Несомнѣнно, что такой порядокъ вредитъ дѣлу. Все направлено къ тому, чтобъ уничтожить малѣйшее проявленіе самостоятельности.

Обвинительные акты пишутся, какъ писались въ старину выписки изъ дѣлъ; со всѣми мелочами, по извѣстной формѣ, шаблону; каждое слово формы поставленное не такъ, или прибавленное зачеркивается, поправляется, не щадя времени и живота. О канонирѣ Степановѣ (іюль 1877 года) проэктъ заключенія о прекращеніи дѣла, кончался такъ: «сообщаю В. В. для зависящаго распоряженія и *о такомъ* прошу увѣдомить»; но тутъ же неизбѣжная поправка *о таковомъ*, потому что такъ въ шаблонѣ было поставлено. Все подобное считается трудомъ, должностью, производительнымъ занятіемъ, для этого учреждаются начальники, высшія инстанціи, за это получается жалованье.

Со всѣмъ тѣмъ, что мы сказали до сихъ поръ о формализмѣ, понятно вполнѣ гармонируетъ существованіе формальныхъ доказательствъ въ военномъ судѣ, широкое развитіе, примѣненіе этого наслѣдія старины. Во главѣ этихъ доказательствъ конечно стоитъ соб-

ственное сознаніе обвиняемыхъ; не даромъ же о собственномъ сознаніи кто-то сказалъ, что это есть лучшее всего свѣта доказательство. Эту классическую фразу заучивалъ и непремѣнно зналъ всякій, выходившій изъ академіи и юридическаго училища; чего другаго не зналъ, а это зналъ и не только никогда не забывалъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики, но подъ вліяніемъ практики все болѣе и болѣе проникался этою старою формулою. Практики нѣсколькихъ лѣтъ было достаточно для того, чтобъ такъ опутать мозги бывшаго питомца академіи, что элементарное понятіе, что такое преступленіе, замѣщалось въ инертномъ мозгу фразой «преступленіе есть не больше, какъ превышеніе власти», а афоризмъ «сознаніе есть лучшее всего свѣта доказательство» приносилъ роскошнѣйшій плодъ.

Вотъ какое значеніе выпало на долю собственному сознанію въ практикѣ нашихъ судовъ.

Солдатъ самовольно отлучился и, находясь въ самовольной отлучкѣ, пьянствовалъ; въ отлучкѣ онъ ускользалъ отъ вниманія старшихъ, нѣтъ свидѣтелей доказывающихъ пьянство, есть только одно собственное сознаніе и на этомъ единомъ основаніи солдатъ обвиняется въ пьянствѣ. Тутъ уже не обращаютъ вниманія на то, что пьянство само по себѣ не преступленіе, что оно не наказывается, и если наказывается въ военномъ быту то только потому, что пьяный человѣкъ негоденъ для отправленія службы; находясь же въ отлучкѣ, солдатъ не несетъ уже службы, и потому для пьянства, какъ преступленія, теряется raison d'être; за уклоненіе отъ службы онъ уже несетъ наказаніе, какъ за самовольную отлучку, потому наказаніе еще за пьянство во время отлучки представляетъ изъ себя сдираніе съ вола двухъ шкуръ. Но что же, говорятъ прокуроры? «самъ сознается, нельзя не обвинять, таковъ законъ; мы исполняемъ законъ», и предъявляютъ два обвиненія въ пьянствѣ и въ отлучкѣ. А чтобы стоило нашему наивному солдатику избавить прокурора отъ его обязанности? будь солдатикъ похитрѣе, промолчалъ бы о своемъ пьянствѣ и улетучи-

лось бы обвиненіе въ пьянствѣ. Или что стоитъ солдату, сознавшемуся въ пьянствѣ напр., явившись передъ судомъ отступить отъ своего первоначальнаго сознанія и оставитъ такимъ образомъ обвинителя съ пустыми руками. Солдатъ, мы видѣли, бѣжалъ въ Пруссію, и по собственному сознанію предъявилъ тамъ чужой паспортъ, унесенный изъ Россіи; кромѣ собственнаго сознанія нѣтъ другихъ доказательствъ, обвиненіе въ проживательствѣ *въ Пруссіи* по чужому русскому виду является юридическимъ абсурдомъ, но прокуроры такъ увлекаются собственнымъ сознаніемъ, что требуютъ отъ суда примѣненія къ обвиняемому проживавшему *въ Пруссіи* статьи закона, карающей проживательство въ *Россіи* по чужому виду.

Для того, чтобъ закрѣпить собственное сознаніе, какъ улику, хитрые обвинители тоже придумали средство. Прежде всего о томъ, что обвиняемый сознался, вносится въ обвинительный актъ, а затѣмъ уже обвиняемому трудновато выпутаться изъ тѣхъ сѣтей, которыми его опутываютъ. Съ перваго раза это кажется страннымъ, но вотъ въ чемъ дѣло. Правда, на судѣ не можетъ быть провѣрено собственное сознаніе обвиняемаго, его показаніе данное на предварительномъ слѣдствіи не можетъ быть прочтено, предсѣдатель обязанъ не допускать такихъ дѣйствій, которыя клонились бы къ вымучиванію у обвиняемаго собственнаго сознанія, но ловкій обвинитель не унываетъ. Онъ не можетъ по основному принципу судопроизводства говорить въ своей рѣчи о томъ, что не провѣрено на судѣ, опираться на доказательства не провѣренныя на судѣ, а сознаніе не провѣряется, но его выручаютъ рѣшенія главнаго военнаго суда. Рѣшенія главнаго военнаго суда, которымъ послушны военно-судебные дѣятели, разсѣянные по всему лицу земли русской, прямо говорятъ, что о сознаніи обвиняемаго, если только оно занесено въ обвинительный актъ, можетъ распространяться и говорить прокуроръ, какъ обо всемъ, что входитъ въ обвинительный актъ, чтеніе котораго входитъ въ составъ предварительнаго слѣдствія. Главный военный судъ

отступаетъ отъ закона, потому что законъ, 805 ст., говоритъ, что судебное слѣдствіе завершается преніями по существу разсмотрѣнныхъ и провѣренныхъ доказательствъ; а не все то, что занесено въ обвинительный актъ непремѣнно подлежитъ провѣркѣ; не подлежитъ провѣркѣ собственное сознаніе обвиняемаго, потому на него нельзя опираться въ своей рѣчи военному прокурору.

Далѣе; конечно, если допрашивать въ присутствіи обвиняемаго всѣхъ кого угодно, допрашивать долго о собственномъ сознаніи обвиняемаго, данномъ при предварительномъ слѣдствіи, то этимъ можно вынудить у обвиняемаго подтвержденіе собственнаго сознанія; вымучивать у него такое сознаніе противно началамъ процесса, главный судъ самъ признаетъ это, но . . . не искренно. Главный военный судъ неоднократно рѣшалъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что свидѣтели могутъ быть допрашиваемы о собственномъ сознаніи, лишь бы это не были свидѣтели, которые вызваны единственно для дачи показанія о собственномъ сознаніи обвиняемаго; но развѣ это не все равно? Кто знаетъ, что значитъ примѣненіе рѣшеній главнаго военнаго суда на практикѣ, тотъ пойметъ, какъ практика легко упразднила и единственное ограниченіе даваемое рѣш. главн. воен. суда; и въ самомъ дѣлѣ сплошь и рядомъ вызываются свидѣтели, которые могутъ показать и знаютъ только о собственномъ сознаніи обвиняемаго. Какъ исправить это? Жалобами, но жаловаться въ главный судъ безнадежно, какъ мы это докажемъ впослѣдствіи, а во-вторыхъ, жалоба есть борьба, — борьба неровная, особенно въ военномъ судѣ, гдѣ защитники тѣсно связаны съ судомъ, составляютъ элементъ низко поставленный, подчиненный судейскимъ властямъ и официально и конфиденціально. Жалобы рѣдко раздаются и извращенія процесса процвѣтаютъ. Главный военный судъ въ рѣшеніи своемъ 1872 г. № 9, говоритъ, что и «въ рѣшеніи уголов. касац. департамента 1869 г. № 983, разъяснено, что судебные слѣдователи не могутъ быть допрашиваемы на судѣ относительно, сдѣланнаго имъ подсудимыми при предварительномъ

слѣдствіи, сознанія въ преступленіяхъ, такъ какъ всякое напоминаніе подсудимому о подобномъ сознаніи, будетъ ли это сдѣлано посредствомъ прочтенія объ этомъ протокола предварительнаго слѣдствія или посредствомъ изустнаго разсказа слѣдователя, должно быть принято за домогательство собственнаго сознанія на судѣ, что совершенно противорѣчило бы одному изъ основныхъ началъ уголовнаго судопроизводства, требующаго отъ суда предоставленія каждой сторонѣ полной возможности разъяснять дѣло, не склоняясь на сторону обвиненія, и такъ какъ съ принятіемъ за основаніе уголовныхъ приговоровъ внутренняго убѣжденія судей, подсудимый и при запирательствѣ его можетъ быть признанъ виновнымъ, если не представитъ основательныхъ опроверженій противъ обвинительныхъ уликъ; такое разъясненіе по основаніямъ приведеннымъ выше по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ, безъ сомнѣнія, должно быть отнесено и къ другимъ лицамъ, которымъ обвиняемый сознавался въ преступленіи внѣ суда, а потому не согласное съ этимъ разъясненіемъ дѣйствіе военнаго суда, который, не смотря на заявленный защитникомъ отводъ, допросилъ подъ присягою двухъ свидѣтелей вызванныхъ въ судъ прокуроромъ исключительно для подтвержденія, сдѣланнаго имъ подсудимымъ, сознанія въ преступленіяхъ, составляетъ существенное нарушеніе». Но главный военный судъ, еслибъ послѣдовательно и твердо держался принциповъ установленныхъ сенатомъ, развитыхъ самимъ же главнымъ военнымъ судомъ, долженъ не допускать всякихъ показаній о собственномъ сознаніи обвиняемаго, хотя бы то свидѣтелей вызванныхъ для дачи показаній по другимъ обстоятельствамъ дѣла или только по одному собственному сознанію; развѣ не одинаковое вліяніе могутъ имѣть на обвиняемаго какъ тѣ, такъ и другіе свидѣтели; затѣмъ какая же есть возможность услѣдить чтобъ о собственномъ сознаніи обвиняемыхъ не показывали свидѣтели, вызванные единственно ради этихъ показаній; конечно такое условіе прокуроры могутъ всегда обойдти; стоитъ предложить

свидѣтелю нѣсколько вопросовъ для одной только внѣшности, для отвода глазъ, а затѣмъ уже открывается полная возможность насѣсть на свидѣтеля, допрашивая его о собственномъ сознаніи, о которомъ только и знаетъ что нибудь свидѣтель. Рѣшеніе главнаго военнаго суда 1872 г. № 9 принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣшеній, которыя развивали формализмъ, уловки, крючкотворство, неискренность, лицемѣріе въ практикѣ нашихъ судовъ. Такъ напр. по дѣлу о Б. и Ш. обвинявшихся въ кражѣ со взломомъ, разсматривавшемся въ К. судѣ, явился на судъ свидѣтель Свинарчукъ, который на предварительномъ слѣдствіи ни слова не прибавилъ къ тому, что Б. въ полиціи при немъ сознавался въ кражѣ; неужели прокурору стоило труда замаскировать, что Свинарчукъ вызывался единственно для показанія о собственномъ сознаніи обвиняемаго?

Въ практикѣ сената даже не слыхано, чтобъ свидѣтеля допрашивали о собственномъ сознаніи обвиняемаго и кромѣ рѣшенія 1869 г. № 983 и 1874 г. № 668 нельзя указать другаго подобнаго, но есть масса рѣшеній сената по другимъ случаямъ, изъ которыхъ видно, какъ ревностно сенатъ охраняетъ собственное сознаніе обвиняемаго. Такимъ образомъ если подсудимый даетъ на судѣ показаніе о такомъ обстоятельствѣ, о которомъ онъ давалъ показаніе и на предварительномъ слѣдствіи, то въ случаѣ разнорѣчія предсѣдатель не вправѣ указывать на него подсудимому и добиваться разъясненія онаго, такъ какъ письменное показаніе обвиняемаго не можетъ быть извѣстно присяжнымъ (1874 г. № 184). Указаніе предсѣдателемъ подсудимому, на судебномъ слѣдствіи на несогласіе его объясненій съ даннымъ на предварительномъ слѣдствіи показаніемъ, съ предложеніемъ объяснить это разнорѣчіе есть существенное нарушеніе 683 ст. у. у. с. (1863 г. № 843). Требованіе отъ подсудимаго объясненій относительно разнорѣчій его показаній при предварительномъ слѣдствіи съ данными на судѣ показаніями свидѣтелей есть отступленіе отъ порядка установленнаго 629, 679 и 684 ст. ст., по силѣ которыхъ *не допускается*

обнаруженіе на судѣ данныхъ подсудимымъ на предварительномъ слѣдствіи показаній (1874 г. № 212).

Новобранецъ Житомірскаго уѣзда З. два раза бѣгалъ; бѣжалъ онъ изъ Бердичева, гдѣ стоялъ его резервный баталіонъ, потомъ вернулся самъ; во второй разъ таже исторія, но въ своемъ показаніи при слѣдствіи сказалъ, что его задержали, въ протоколѣ же полицейскаго пристава, въ рапортѣ его въ уѣздное полицейское управленіе сказано, что онъ явился добровольно въ сентябрѣ 1877 г.; по требованію Ст. въ обвинительномъ актѣ сказано, что З. былъ задержанъ. Что за явка, прибавилъ Ст., когда онъ зналъ, что его розыскиваютъ. А протоколъ пристава, никакого значенія не имѣетъ? спрашиваютъ Ст. Какое значеніе, когда З. сознался самъ, а собственное сознаніе есть лучшее всего свѣта доказательство. До чего изощряются наши военно-судебные дѣятели въ эксплотаціи собственнаго сознанія видно изъ того, что приписка о сознаніи обвиняемаго, сдѣланная въ концѣ слѣдственнаго протокола, ниже подписей лицъ участвовавшихъ въ производствѣ слѣдствія и та попала въ обвинительный актъ, составленный въ Вар. прокурорскомъ надзорѣ, какъ доказательство вины обвиняемаго, но тутъ даже самъ главный судъ отшатнулся отъ такихъ ревнителей правосудія, и хотя и не-хотя, но все-таки сказалъ въ своемъ рѣшеніи 1876 г. № 75, что такую переписку, какъ не имѣющую достовѣрности, не слѣдовало вносить въ обвинительный актъ, и она не могла быть выставлена уликою противъ обвиняемаго.

Въ одномъ только случаѣ собственное признаніе безусловно отвергается, это когда обвиняемый защищается собственнымъ сознаніемъ. Напр. рядовой 12 Великолуцкаго полка Степановъ обвинялся въ томъ, что во время отлучки, будучи пьянъ, промоталъ шинель, штаны, башлыкъ, и его безусловно признаютъ виновнымъ въ томъ, хотя онъ отрицаетъ промотаніе; въ дѣлахъ о промотаніяхъ господствуютъ всецѣло чисто формальныя улики. Достаточно, чтобъ при

нижнемъ чинѣ не было какой нибудь вещи для того, чтобъ его обвиняли въ промотаніи; пусть сколько угодно клянется обвиняемый, что онъ вещи потерялъ, отлучаясь отъ роты самовольно, или оставилъ вещи въ казармѣ, на своей кровати, все равно его обвинятъ, интересы военной службы того требуютъ. А между тѣмъ что же правдоподобнѣе того, что уходя изъ роты, обвиняемый оставилъ въ ротѣ какой нибудь поясъ или штыковую ножну. Съ другой стороны обвинитель чѣмъ же доказываетъ свое обвиненіе? тѣмъ, что у обвиняемаго не оказывается вещей. Обвиненіе, чтобъ доказать растрату, должно было бы доказать не только то, что у обвиняемаго извѣстныхъ вещей нѣтъ, но и то, что исчезновеніе вещей послѣдовало такимъ именно путемъ, а не другимъ. Но обвинители избавляются отъ такого труда— почему? «Интересы военной службы того требуютъ», отвѣтятъ вамъ; если дѣло будетъ иначе поставлено, тогда вся армія будетъ безъ одежды и безъ аммуниціи. Мы не думаемъ этого; не одни наказанія сдерживаютъ теперь армію; а затѣмъ выдумывайте какія угодно разумныя предупредительныя мѣры но не обвиняйте въ растратѣ того, кто въ ней не виноватъ, кто отлично это знаетъ, не уменьшайте того уваженія, которое для суда необходимо. Вотъ она, между прочимъ, разгадка того выраженія проэкта Мартынова, что военное правосудіе должно удовлетворить не только справедливости, но и интересамъ военной службы.

Вслѣдствіе господства формалистики въ нашихъ военныхъ судахъ устность не имѣетъ большаго значенія въ глазахъ нашихъ военно-судебныхъ дѣятелей, и потому документы, переписка, въ нашемъ процѣссѣ играютъ важную роль. Мы видѣли уже отчасти, какъ ведутъ себя слѣдователи въ этомъ отношеніи, скажемъ теперь, что весьма трудно заставить слѣдователей пользоваться ихъ правомъ допрашивать лично свидѣтелей, за исключеніемъ конечно свидѣтелей, извѣстнаго, низкаго ранга, и чуть свидѣтель покруннѣе чиномъ, сейчасъ слѣдователь ему пишетъ отношеніе: «не угодно ли, ваше вы-

сокоблагородіе, изложить мнѣ письменно какъ дѣло было». Это во всѣхъ отношеніяхъ выгодно—и трудъ не головоломный, и полковника уважилъ, да и сверху ничего не скажутъ, а пожалуй еще по головкѣ погладятъ. Имъ ни почемъ, что дѣло тянется, что запрошенный, кое-чего и не поймете, а на другое просто не захочетъ отвѣчать, прикидываясь не понимающимъ, что придется снова написать бумажку, придется ее повторить; повтореніе идетъ за повтореніемъ; а потомъ слѣдователь, указывая на массу производимой имъ переписки, кокетничаетъ съ непосвященнымъ, что у него много дѣла; тогда какъ и дѣло было бы яснѣе и скорѣе, еслибъ слѣдователь вызвалъ къ себѣ полковника, допросилъ бы его, категорически ставя вопросы, не стѣсняясь. Обвиняется напр. унт.-оф. Т. въ подлогѣ; возникаетъ вопросъ выдавалъ ли начальникъ части билеты за своею подписью, но слѣдователь не приглашаетъ начальника къ себѣ, гдѣ бы могъ ему предъявить самые билеты и спросить начальство, а обращается къ письменной процедурѣ (1877 г.). Исчезъ изъ гауптвахты арестантъ Г., въ упускѣ его изъ подъ стражи обвинялся писарь В. уѣзднаго воинскаго начальника Тр.; по отчетности всѣ слѣды затерты; нужно разъяснить спросомъ начальника писаря Т., кто и какъ велъ отчетность, переписку, какъ могъ ускользнуть по отчетности арестантъ, нужно было знать какой существовалъ порядокъ вообще, личный допросъ былъ необходимъ, но слѣдователь все выяснялъ черезъ переписку, а начальникъ все отвѣчалъ не впопадъ. Сколько ни старался прокуроръ направить слѣдователя на путь истинный, слѣдователь и ухомъ не велъ.

Между стрѣлками стрѣлковаго баталіона К. и другими съ одной стороны, мирными жителями съ другой—случилась драка; мирные жители были задержаны солдатами и приведены къ начальнику; начальникъ все видѣлъ на первыхъ же порахъ: кто былъ съ разбитымъ глазомъ, кто связанъ, кто оборванъ, начальнику были заявлены первыя жалобы съ одной и съ другой стороны, и слѣдователь, ста-

рый аудиторъ, не допрашиваетъ начальника, а только переписывается съ нимъ посредствомъ сношеній.

Между чиновниками особыхъ порученій интенданства и поручикомъ артиллерійской бригады К. вышло столкновеніе изъ-за неправильныхъ мѣръ, употреблявшихся въ продовольственномъ магазинѣ, почему эта мѣра—деревянный четверикъ, была арестована и провѣрена въ магистратѣ города К., еще при производствѣ дознанія безъ понятыхъ. Бургомистръ магистрата, нашелъ что мѣра была правильна. Впослѣдствіи слѣдователь (бывшій аудиторъ) послалъ къ бургомистру запросъ: «какимъ онъ способомъ провѣрялъ»? а нѣтъ того, чтобъ самому допросить бургомистра, и вышло недоразумѣніе. Слѣдователь нашелъ, что отвѣтъ бургомистра былъ не таковъ, какъ бы то ему желалось, снова его запрашивалъ, но бургомистръ каждый разъ повторялъ то, что писалъ въ первый разъ.

Обвинялся фельфебель Л. команды Г. въ вымогательствѣ денегъ отъ увольняемыхъ въ отпускъ нижнихъ чиновъ, нужно было выяснить вопросъ насколько увольненіе зависѣло отъ обвиняемаго или напротивъ это увольненіе дѣлалось начальникомъ команды, нужно было спросить самого начальника маіора М., но маіору слѣдователемъ былъ данъ только запросъ, на который маіоръ отвѣчалъ письменно и такъ остался не допрошеннымъ на предварительномъ слѣдствіи. Прокуроръ У. цѣликомъ помѣстилъ этотъ отвѣтъ въ обвинительномъ актѣ, и отвѣтъ былъ принятъ, какъ не подлежащій сомнѣнію со стороны его достовѣрности, не былъ провѣренъ на судѣ, такъ какъ маіоръ не былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля.

Такіе результаты сношеній съ начальствами составляютъ опору обвиненій, доказательствъ и въ рукахъ прокуроровъ. Идетъ дѣло о рядовомъ гусарскаго полка Б., который ударилъ своего ефрейтора; свидѣтельскія показанія положительно удостовѣрили, что Б. ударилъ *своего* ефрейтора, но прокурору мало этого; онъ сносится съ начальствомъ чтобъ спросить—такой-то былъ ли *своимъ* ефрейторомъ

для Б. Начальство отвѣтило тоже что говорили свидѣтели и прокуроръ успокоился, а что еслибъ начальство отвѣтило—нѣтъ, кому бы прокуроръ повѣрилъ: свидѣтелямъ или начальству; а вѣдь бываютъ случаи частые, что приходится дѣлать такой выборъ; и прокуроры и судьи, привыкшіе къ благоговѣйному почитанію офиціальныхъ бумагъ начальства, невольно клонятся въ сторону офиціальныхъ бумагъ, хотя бы и противорѣчащихъ свидѣтельскимъ показаніямъ.

На судѣ читаются, принимаются какъ доказательство въ соображеніе всякія офиціальныя документы, бумаги; въ рѣшеніи главнаго военнаго суда 1872 г. № 158 говорится: ходатайство начальства о смягченіи наказанія подсудимому въ виду хорошаго его поведенія не можетъ быть отнесено къ числу свидѣтельскихъ показаній и *ближе* подходитъ подъ категорію отзывовъ начальства о поведеніи подсудимаго, чтеніе которыхъ на судѣ не составляетъ нарушенія формъ судопроизводства, тѣмъ болѣе, что независимо требованій или возраженій сторонъ судъ имѣетъ полное право и возможность ознакомиться съ содержаніемъ всякихъ вообще, находящихся въ дѣлѣ документовъ во время совѣщаній по окончаніи судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній.

Рапорты должностныхъ лицъ о происшествіи прочитываются на судѣ; глав. воен. судъ утверждаетъ, что эти рапорты, написанные самими должностными лицами, имѣютъ совершенно тождественное значеніе съ показаніемъ даннымъ на предварительномъ слѣдствіи (р. р. г. в. с. 1869 г. № 66, 1871 г. № 153, 1873 г. № 119, 1874 г. № 285). Но кто знаетъ разницу, которая получается при отвѣтахъ на допросѣ и при составленіи бумаги у себя въ кабинетѣ, когда никто и ничто не мѣшаетъ измышлять, исправлять, округлять свои мысли, тотъ пойметъ, что рѣшенія главнаго военнаго суда даютъ большой просторъ вліянію начальства на судѣ. Мало того, что главн. воен. судъ широко толкуетъ вопросъ о документахъ, подлежащихъ

прочтенію на судѣ, но существуетъ прямой законъ, отличающій процессъ въ военныхъ судахъ, отъ процесса судовъ гражданскихъ съ присяжными. Именно, на основаніи закона, военные судьи удаляясь въ кабинетъ для совѣщаній уносятъ съ собою и подлинное дѣло, въ которомъ имѣютъ всегда подъ рукою всѣ документы, могутъ читать, дѣлать справки по документамъ не провѣреннымъ на судебномъ слѣдствіи, по такимъ, о которыхъ на судебномъ слѣдствіи вовсе не было рѣчи. Этотъ законъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ другими законами и принципами современнаго процесса, въ виду которыхъ дѣла должны быть рѣшаемы на основаніи доказательствъ провѣренныхъ судебнымъ слѣдствіемъ. Мы видѣли, что главный военный судъ въ рѣшеніи 1872 г. № 158, дѣлаетъ отступленіе отъ правильнаго хода процесса только въ виду закона дающаго возможность суду ознакомиться со всякими документами послѣ преній въ совѣщательной комнатѣ. Мы знаемъ, что и прокуроры и военно-судебные дѣятели вообще легко относятся къ судебному слѣдствію; часто вы можете слышать такую рѣчь прокурора: гг. судьи, я не буду передъ вами распространяться въ доказательствахъ, очень многія изъ этихъ доказательствъ содержатся въ документахъ, съ которыми вы будете имѣть возможность познакомиться въ совѣщательной комнатѣ (знаменитый Ст. въ дѣлѣ Я.). Обвинялся рядовой Ч. въ растратѣ; внесъ онъ деньги, былъ при дѣлѣ документъ о томъ, подлежалъ онъ прочтенію, провѣркѣ; документъ этотъ конечно былъ въ пользу обвиняемаго, но защитникъ промолчалъ о немъ, и документъ былъ прочтенъ по требованію обвинителя. Сконфуженный защитникъ счелъ нужнымъ выйдти изъ неловкаго положенія, и въ защитительной рѣчи объяснилъ, что онъ не просилъ о прочтеніи документа, потому что зналъ, что судьи послѣ ознакомятся съ нимъ и помимо судебнаго слѣдствія въ совѣщательной комнатѣ. Судьи нетерпѣливо и невнимательно относятся къ читаемымъ на судебномъ слѣдствіи документамъ, къ ихъ провѣркѣ, зная, что съ документами они могутъ познакомить-

ся въ совѣщательной комнатѣ. Главный военный судъ, нѣкоторыми своими рѣшеніями поддерживаетъ принципъ, что уликою могутъ служить только доказательства, провѣренныя на судѣ (р. 1872 г. за № 51), но тутъ-же, сейчасъ, и уничтожаетъ значеніе этого принципа другими своими рѣшеніями. Такимъ образомъ главн. воен. судъ призналъ, что ссылка прокурора впервые въ обвинительной рѣчи на градусы средней температуры, заимствованные изъ метеорологической таблицы не можетъ имѣть значенія новаго доказательства, а служитъ лишь отдѣльнымъ соображеніемъ, какъ научное свѣдѣніе для разъясненія провѣренныхъ на судѣ доказательствъ (1874 г. № 181). Во-первыхъ, это прямое самостоятельное доказательство, а во-вторыхъ, важно то, что доказательство это не было провѣрено на судебномъ слѣдствіи; а что если прокуроръ привелъ невѣрную справку по ошибкѣ, или даже и умышленно? вѣдь это можетъ случиться; прокуроръ нарочно и не предъявлялъ, быть можетъ, своихъ градусовъ на судебномъ слѣдствіи, потому что ожидалъ, что его могутъ изобличить. Это рѣшеніе состоялось, быть можетъ, потому, что описанную вольность позволилъ себѣ знаменитый Ст., а также вообще въ пользу прокуратуры, равенство которой съ защитой на судѣ главн. воен. судъ неоднократно колебалъ. Такова же практика главн. воен. суда и въ рѣшеніяхъ 1875 г. № 129 и 169. Главный военный судъ находитъ, что показанія неявившихся въ судъ свидѣтелей, признанныхъ судомъ не существенными, могутъ быть предметомъ заключительныхъ преній, если они были внесены въ обвинительный актъ, чтеніе котораго согласно 747 ст. входитъ въ составъ судебнаго слѣдствія. Но главный военный судъ, мы уже сказали, смѣшиваетъ двѣ вещи; для правосудія мало, чтобъ показаніе было занесено въ обвинительный актъ, нужно чтобъ оно было провѣрено; а то судъ признаетъ показаніе не существеннымъ, показаніе не можетъ быть даже прочтено и потому не можетъ быть провѣрено настолько, чтобы было убѣжденіе, что въ обвинительномъ актѣ оно занесено вѣрно; мало того, что судъ въ совѣщательной комнатѣ можетъ

въ этомъ убѣдиться; это еще не провѣрка; показаніе не прочтено и потому даже обвиняемый, не обративъ на него вниманія, забывъ о немъ, не дастъ на него своего объясненія, не сопоставитъ его съ другими данными. А что показанія вносятся въ обвинительный актъ вовсе не вѣрно, бываютъ просто выдуманныя, это извѣстно всякому посвященному въ дѣло. Такъ мы знаемъ изъ дѣла объ унт.-офиц. запаснаго баталіона Тур., обвинявшагося въ томъ, что въ палаткѣ обращался возвышеннымъ голосомъ къ ротному командиру, плясалъ уходя изъ палатки, въ которой получилъ выговоръ отъ ротнаго командира; въ обвинительномъ актѣ, какъ на доказательство сдѣлана ссылка на свидѣтелей рядовыхъ Ст., Кис., Дав., которые на самомъ дѣлѣ показали, что находились въ своихъ палаткахъ, потому не знаютъ, что происходило въ палаткѣ подпоручика Тр. и плясалъ ли Тур., удаляясь отъ палатки. По многимъ и многимъ рѣшеніямъ главнаго военнаго суда прокурору дозволяется ссылаться въ обвинительной рѣчи, какъ на улику, на непровѣренныя обстоятельства, если только они были внесены въ обвинительный актъ, напр. на сознаніе обвиняемаго при предварительномъ слѣдствіи (1873 г. № 98), на разныя другія обстоятельства (1876 г. № 259), на показаніе не явившагося въ судъ свидѣтеля, хотя показаніе его судомъ признано не существеннымъ и потому не могло быть прочтено на судѣ (1877 г. № 73), на медицинское свидѣтельство (1871 г. № 1).

Все это сдѣлано однако въ угоду прокурорамъ и въ нарушеніе равноправности сторонъ, потому что для защитниковъ существуютъ совершенно другія рѣшенія. Такимъ образомъ въ рѣшеніи 1874 г. № 57 главный военный судъ нашелъ неправильнымъ рѣшеніе военно-окружнаго суда, который отказалъ защитнику въ прочтеніи просимыхъ имъ документовъ и предоставилъ ему право ссылаться на нихъ въ защительной рѣчи, такъ какъ судъ допустилъ тѣмъ нарушеніе 805 ст., по которой въ заключительныхъ преніяхъ не должно касаться не разсмотрѣнныхъ и не провѣренныхъ доказательствъ. Кромѣ

того главный военный судъ положительно расходится съ кассаціоннымъ сенатомъ. Такимъ образомъ по рѣшенію сената 1868 г. № 520, такъ какъ обстоятельства не провѣренныя на судебномъ слѣдствіи не могутъ быть предметомъ судебныхъ преній, предсѣдатель обязанъ остановить ту сторону, которая въ заключительныхъ преніяхъ касается такихъ обстоятельствъ и сенатъ не отступаетъ отъ этого. По рѣшенію 1871 г. № 388, предсѣдатель обязывается объяснить присяжнымъ, что они должны основывать свое рѣшеніе только на доказательствахъ провѣренныхъ въ судебномъ засѣданіи. По рѣшенію 1871 г. № 304, *прокуроръ* не вправѣ въ обвинительной рѣчи ссылаться на доказательства не провѣренныя на судѣ, какъ напр. на показаніе свидѣтеля, которое внесено въ обвинительный актъ, но которое не было провѣрено на судѣ. Тоже повторяется въ рѣшеніи сената 1871 г. № 359, 1871 г. № 1266. По рѣшенію 1873 г. № 710, стороны не вправѣ въ судебныхъ преніяхъ указывать на несогласіе изустнаго показанія свидѣтеля съ письменнымъ его показаніемъ, изложеннымъ въ обвинительномъ актѣ, если это разнорѣчіе не было выяснено на судѣ. Товарищъ прокурора по рѣшенію сената (1870 г. № 1272) въ обвинительной рѣчи не имѣетъ права упоминать о показаніи подсудимаго, данномъ на предварительномъ слѣдствіи.

Но обратимся къ практикѣ глав. воен. суда. Изъ сказаннаго ясно какое значеніе главный военный судъ придаетъ обвинительному акту, составляемый прокуроромъ, который группируетъ въ актѣ совершенно произвольно любыя доказательства, обвинительный актъ безъ всякой провѣрки на судѣ служитъ доказательствомъ; чего еще болѣе желать для торжества формальныхъ доказательствъ? хотя главный же судъ отступилъ отъ такого значенія обвинительнаго акта, но только тогда, когда защитникъ хотѣлъ воспользоваться значеніемъ обвинительнаго акта, приданнымъ ему рѣшеніями главнаго воен. суда, состоявшимися въ пользу обвиненія; напр. рѣшеніями 1874 г. № 48 и 155. Главный военный судъ выразился, что жалобы подсудимаго на

односторонность обвинительныхъ актовъ, или содержанія обвинительной рѣчи въ интересахъ обвиненія, на основаніи рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 1867 г. № 178, 1870 г. №№ 100, 436, не могутъ служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора, какъ потому, что не изъ обвинительнаго акта, а изъ судебнаго слѣдствія почерпаются судомъ основанія къ обвиненію или оправданію подсудимаго, такъ и въ виду того, что подсудимому и его защитнику всегда предоставляется по дѣлу послѣднее слово, въ которомъ они могутъ опровергать неправильные доводы прокурора. Хорошо почерпаются не изъ обвинительнаго акта въ виду рѣш. 1873 г. № 98, 1876 г. № 259, 1877 г. № 73, 1871 г. № 1, приведенныхъ нами выше, и хороша возможность опровергать, когда напр. свидѣтель не явился, не спрошенъ на судебномъ слѣдствіи, а его показаніе какъ помѣщено въ обвинительномъ актѣ, такъ и принимается за доказательство; что же остается въ рукахъ защитника?

Конечно, прокуроры эксплоатируютъ рѣшенія главнаго военнаго суда имъ благопріятныя и вслѣдствіе того, чего только не помѣщаютъ ретивые прокуроры въ обвинительныхъ актахъ. Обвинительный актъ представляетъ изъ себя какой-то винигретъ, оставляетъ за собою старыя выписки изъ дѣлъ, основывается и на дознаніи, и на предварительномъ слѣдствіи, и на собственныхъ соображеніяхъ обвинителя, на догадкахъ, все сбрасывается въ одну кучу, а тамъ пусть судъ расхлебываетъ. Предметы обвиненія перемѣшиваются съ самыми доказательствами обвиненія, что вызываетъ страшную путаницу въ умахъ слушателей обвинительныхъ актовъ; трудно иногда сказать въ чемъ состоитъ обвиненіе. Мы уже указывали на смѣшеніе доказательствъ съ предметами обвиненія, не лишнимъ считаемъ указать еще на подобный же примѣръ. Въ обвинительномъ актѣ, составленномъ о рядовомъ 72 пѣхотнаго тульскаго полка М. сказано, что М. обвиняется въ томъ, «что, состоя ротнымъ артельщикомъ и получивъ отъ командира роты 6 руб. на продовольствіе роты, деньги эти рас-

тратилъ во время самовольной отлучки и употребилъ на свои надобности и утраченнаго до настоящаго времени не пополнилъ, причемъ дѣяніе это совершилъ имѣя на ротнаго командира голословную претензію въ размѣрѣ 6 р. 4 к., каковой претензіи до начала слѣдствія никакой власти не заявлялъ и таковая рѣшена не была, что предусмотрѣно 3 частью 232 статьею XXII св. воен. пост.». Къ чему тутъ говорится о претензіи 6 руб., о томъ, что претензія никѣмъ рѣшена не была; неужели это составляетъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 232 ст. Или напр. обвиняется солдатъ въ побѣгѣ; важно для состава преступленія только знать, задержанъ ли былъ обвиняемый, или самовольно явился, но обвинительныя акты пишутся такъ: «такой то самовольно отлучился тогда-то, а тогда-то былъ задержанъ такимъ то (имя и фамилія), который зашелъ къ тому-то и передалъ ему задержаннаго, а сей послѣдній препроводилъ его въ полицейскій участокъ, изъ котораго такой-то былъ отведенъ на гауптвахту»; неужели все это рисуетъ составъ преступленія.

На основаніи закона въ обвинительномъ актѣ помѣщается сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ по дѣлу противъ обвиняемаго, на дѣлѣ же помѣщаются не только доказательства и улики противъ обвиняемаго, но и вся исторія дѣла, всѣ его перипетіи; съ грустью разсказываетъ прокуроръ какъ дѣло чуть не вывалилось изъ рукъ слѣдователя, но какъ счастливый случай помогъ слѣдователю схватиться за нить дѣла; словомъ, обвинительные акты представляютъ изъ себя выписку изъ дѣла, длинота которой отнимаетъ много времени отъ производительныхъ занятій. Обвиняется бомбардиръ артилер. бригады Краснопероръ въ оскорбленіи фейерверкера и оскорбленіе подтверждается только показаніемъ одного канонира, но опровергается показаніями нѣсколькихъ, и въ обвинительномъ актѣ помѣщаются подробныя показанія всѣхъ спрошенныхъ свидѣтелей за и противъ обвиненія, прокуроръ полемизируетъ съ свидѣтелями защиты. Наполненіе обвинительнаго акта данными, почерпнутыми

изъ дознанія и изъ предварительнаго слѣдствія является вполнѣ несостоятельнымъ, потому что по рѣшеніямъ главнаго военнаго суда дознаніе не можетъ быть прочитано на судѣ, провѣрено, какъ только о тѣхъ же обстоятельствахъ есть свѣдѣнія предварительнаго слѣдствія; но что за надобность до внутренней несостоятельности обвинительнаго акта, лишь бы онъ былъ длиннѣе. Мы знаемъ одного прокурора, пользующагося въ общественномъ мнѣніи репутаціей способнаго, которому лучшей похвалы не нужно, увѣряйте его только, что онъ пишетъ такіе длинные, такіе длинные акты.

Соображенія, догадки составителей обвинительныхъ актовъ торжественно проваливаются, но это не отбиваетъ охоты писать обвинительные акты въ такомъ родѣ.

Пѣхотнаго полка Петръ К. обвинялся въ томъ, что отлучившись съ дневальства, проходя мимо лавочки еврея Баума, укралъ изъ повозки Баума одѣяло. Спрашиваютъ потерпѣвшаго Баума на предварительномъ слѣдствіи и онъ отвѣчаетъ, что о кражѣ ничего не знаетъ. Спрошенный былъ духовная особа, старикъ 64 лѣтъ, а между тѣмъ тотъ, кому принадлежало одѣяло, былъ хозяинъ лавочки, очевидно молодой, сильный, такъ какъ погнался за К., поймалъ его и сильно удерживалъ за руку. Очевидно было, что на предварительномъ слѣдствіи спрошенъ былъ другой, не потерпѣвшій, отъ того и заявилъ, что о кражѣ ничего не знаетъ. Ни слѣдователь, ни прокуроръ М., составлявшій обвинительный актъ, этого не поняли, и потому въ обвинительномъ актѣ появилась хитросплетенная догадка, что потерпѣвшій отказался при слѣдствіи дать какія либо показанія, потому что не хотѣлъ ѣздить въ судъ въ В. и вообще хотѣлъ увильнуть отъ траты времени и издержекъ; а между тѣмъ дѣло просто разъяснилось. Было два Баума и вызовъ судебнаго слѣдователя попалъ не въ надлежащія руки, а вызовъ суда въ надлежащія, и вотъ въ засѣданіе суда явился настоящій Баумъ, молодой, сильный, хозяинъ лавочки, подрядчикъ, отъ котораго можно было

ожидать такихъ дѣйствій, какимъ онъ себя показалъ при поимкѣ К.; довѣрай потомъ обвинительнымъ актамъ.

Разсужденія бываютъ оскорбительны для обвиняемыхъ; тотъ же М. писалъ обвинительный актъ, объ офицерѣ Б., вошелъ съ нимъ въ полемику заранѣе, дозволилъ себѣ читать нравоученія. Обвиняя офицера, что онъ выхватилъ саблю будто бы для защиты отъ толпы, желавшей его арестовать, М. полемизируетъ съ Б. и утверждаетъ, что Б. выхватилъ саблю будучи чуждъ уваженія къ обществу, къ публикѣ, не умѣя поддержать собственнаго достоинства, забывши уваженіе къ мундиру, который долженъ быть для него такъ дорогъ и т. п. и т. п., цѣлый рядъ неумѣстныхъ фразъ.

Обвинительные акты нельзя писать легко, безъ пониманія важности этого момента уголовнаго преслѣдованія, безъ сознанія тѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя слѣдуютъ для преданнаго суду, безъ пониманія, что легкое отношеніе къ суду проявляетъ отсутствіе уваженія къ правамъ человѣка, къ личности, къ интересамъ общества; преданіе суду отзывается на спокойствіи, благосостояніи, здоровьи, чести не только лица преданнаго суду, но всѣхъ его близкихъ. Преданіе суду разстраиваетъ всѣ разсчеты, надежды, стремленія лица преданнаго суду;—пока судъ не кончился, нельзя ничего ни предпринимать, ни на что рѣшиться. Необдуманное преданіе суду вызываетъ ложное представленіе о значеніи суда, ложныя надежды, расшатываетъ уваженіе къ суду. Нужна извѣстная степень просвѣщенія, гражданскаго чувства, пониманія общественной жизни, чтобы смотрѣть на обвинительные акты правильно, просвѣщенно, гуманно. Положимъ, что военно-судебнымъ дѣятелемъ можетъ быть неизвѣстно, какими прочными гарантіями обставлено преданіе суду въ Америкѣ, Англіи, и вездѣ заграницей, но имъ далеко даже до нашихъ доморощенныхъ требованій; имъ бы поучиться практикѣ хотя бы у нашихъ общихъ судовъ, имъ бы прислушаться къ голосу нашего общества, они бы увидѣли, что отъ обвинительной власти тре-

буется зрѣлое обсужденіе основаній преданія суду, тщательное взвѣшиваніе основаній обвиненія и положительное убѣжденіе въ виновности, а не легкомысленное преданіе суду. Они бы подумали, на чемъ, между прочимъ, опирается обвиненіе въ неправосудіи судовъ съ присяжными, и въ средѣ военной судовъ военныхъ? На томъ что многихъ, преданныхъ суду, суды оправдываютъ, что % оправданныхъ великъ; они подумали бы при какихъ условіяхъ возможны такія обвиненія. Конечно при убѣжденіи, что преданіе суду происходитъ правильно, что преданіе суду всегда зрѣло обдумано и взвѣшено; но что бы сказали эти обвинители судовъ за большой % оправданныхъ, еслибъ они знали, что обвиненія, преданія суду совершаются наобумъ, на авось; даже и противники суда отказались бы отъ своихъ обвиненій; тогда большой % оправданій объяснился бы не опаснымъ направленіемъ судовъ, а несостоятельностью обвиненій, могущихъ возникать только при не дальновидности и недобросовѣстности обвинителей. Очевидно, что обвинительные акты должны быть основательны; иначе всякій рискуетъ попасть на скамью подсудимыхъ—всякая сплетня, всякій доносъ приводили бы на скамью подсудимыхъ; жизнь въ обществѣ была бы невыносима. Нельзя признать нормальнымъ положеніемъ дѣла, если основаніемъ обвинительныхъ актовъ служатъ и дознаніе, и слѣдствіе, собственное сознаніе обвиняемыхъ, догадки, невѣрности и т. п. Знаменитый Ст. прямо держался того принципа, что нѣтъ надобности доискиваться истины въ обвинительномъ актѣ, что для обвинительнаго акта достаточно одной внѣшности, буквы, а тамъ судъ разсудитъ. Мы видѣли выше какія вздорныя обвиненія доводятъ до суда; дѣло очевидно недостаточно изслѣдовано, а между тѣмъ оно вносится въ судъ, въ надеждѣ, что разъяснится на судѣ. Новобранецъ драгунскаго полка С. въ 1880 г., обвинялся въ томъ, что умышленно разстроилъ себѣ здоровье для того, чтобъ уклониться отъ службы; его 6 разъ свидѣтельствовали медицинскія власти и уѣздное по воинской повинности присутствіе; всѣ давали различныя за-

ключенія; послѣднее заключеніе было дано во вредъ С. Въ виду разнорѣчій данныхъ заключеній, въ виду того, что авторитеты медицинскіе были не важные, на основаніи 450 ст. XXIV св. воен. пост., необходимо было провѣрить заключеніе экспертовъ истребованіемъ заключенія болѣе высокаго медицинскаго авторитета; тогда только дѣло можно было считать готовымъ къ внесенію въ судъ съ обвинительнымъ актомъ, но нашли возможнымъ обойтись безъ такой подготовки, полагали, что противорѣчіе экспертовъ давшихъ заключеніе будетъ умѣстно разъяснить на судебномъ слѣдствіи путемъ передопроса прежнихъ экспертовъ и допроса новыхъ. Нельзя не считать такое направленіе дѣла легкомысленнымъ, такъ какъ обвинительный актъ долженъ быть составленъ тогда, когда можно составить себѣ ясное понятіе о дѣлѣ, о виновности обвиняемаго, а тутъ имѣлись къ обвиненію только противорѣчивыя показанія экспертовъ, и предварительное слѣдствіе не истощило еще всѣхъ способовъ разъясненія истины, именно не была употреблена еще мѣра указанная въ 450 ст., XXIV св. воен. пост. Мы уже говорили о дѣлѣ у.-оф. Ш.; это дѣло также очевидно внесено было въ судъ не готовымъ. Ефрейторъ П. написалъ отпускной билетъ по приказанію С., таковъ былъ обычай, что отпускные билеты писались грамотными нижними чинами; употребленіе изъ билета сдѣлалъ С., онъ же и приложилъ печать, чего П. не видѣлъ, а приложеніе печати является существеннымъ признакомъ подлога билета. П. не зналъ цѣли билета, для чего былъ нуженъ билетъ, дѣйствовалъ какъ простой переписчикъ; потому въ черновомъ проэктѣ обвинительнаго акта не было обвиненія П. въ подлогѣ. Что же тогда подлогъ? спросилъ нàбольшой Ст.; ему отвѣчали, что нужно доказать цѣль дѣйствій, только извѣстная цѣль можетъ изъ извѣстныхъ дѣйствій сдѣлать подлогъ; ну, сказалъ С., все таки надо предать суду, а судъ пусть разбираетъ. Не такъ думаетъ о значеніи обвинительнаго акта кассаціонный департаментъ сената. Въ рѣшеніи своемъ 1866 г. № 78, сенатъ высказалъ, что

законъ не дозволяетъ основывать обвинительные акты на предположеніи о томъ, что извѣстныя обстоятельства подтвердятся при судебномъ слѣдствіи, или примутъ такой видъ, который будетъ противорѣчить даннымъ предварительнаго слѣдствія, но обв. акты должны быть основаны на такихъ фактахъ, которые имѣютъ значеніе положительныхъ доказательствъ и уликъ.

Солдатъ Г. является пьяный въ палатку, ругается въ палаткѣ такъ себѣ, зря, его гонитъ изъ палатки у.-оф. К. и не успѣлъ Г. собраться выйдти, какъ уже К. на него бросается и выталкиваетъ его; пьяный Г., едва стоящій на ногахъ, выталкиваемый изъ палатки, шатается, размахиваетъ пьяными руками, нечаянно задѣваетъ рукавъ рубашки К., разрываетъ его. Унтеръ-офицеръ на слѣдствіи показываетъ сверхъ того, что Г. ударилъ его кулакомъ по головѣ; единственный свидѣтель, бывшій въ палаткѣ, Григорій Н. отрицаетъ ударъ. Помощ. воен. прокурора полагаетъ прекратить дѣло, кромѣ обвиненія въ пьянствѣ, но наибольшій настаиваетъ, что Г. слѣдуетъ предать суду за оскорбленіе К. на словахъ, дѣйствіемъ, за неповиновеніе — авось на судѣ такъ дѣло выяснится; дѣло о Г. поступаетъ на судъ и судъ оправдываетъ его. Кто тутъ виноватъ: судъ ли, какъ говорятъ, зараженный либерализмомъ, или прокуроръ, потребовавшій преданія суду. Думаемъ, что послѣдній.

Въ обвинительномъ актѣ обвиненіе ставится не такъ: «вотъ вамъ, гг. судьи преступникъ несомнѣнный, потому-то и потому-то, накажите его»; въ военныхъ судахъ не стыдятся говорить такимъ языкомъ: «вотъ, гг. судьи, передъ вами человѣкъ, виновности котораго я не въ состояніи доказать, но называю его воромъ на всякій случай, если онъ не воръ, пусть защищается». Или такъ, «гг. судьи, вотъ вамъ человѣкъ, я собиралъ доказательства его виновности, но ничего не могъ собрать; съ этимъ дѣломъ только вы, гг. судьи, справитесь, только вы откроете его настоящій смыслъ». Мы уже говорили о такомъ положеніи вещей относительно такихъ преступле-

ній какъ промотаніе; тамъ такое отношеніе къ дѣлу вошло уже въ право обвинителей. Но бываютъ такія обвиненія. «Вотъ вамъ, гг. судьи, новобранецъ Л., онъ на ученьи толкнулъ своего унтеръ-офицера, когда тотъ вздумалъ его исправлять, затѣмъ ударилъ своего ефрейтора за тоже самое, и говоритъ, что дѣлалъ это въ припадкѣ, или подъ вліяніемъ неокончившагося еще припадка падучей болѣзни, почему ничего не помнитъ, что сдѣлалъ; правда, несомнѣнно, что онъ страдаетъ такой болѣзнью; 3 раза его свидѣтельствовали и всѣ находили его больнымъ, даже нашли, что онъ негоденъ къ военной службѣ, что его слѣдуетъ исключить изъ службы, но дѣло въ томъ, что я не могу доказать, что съ нимъ *былъ* припадокъ болѣзни передъ самымъ тѣмъ временемъ, когда были побиты и оскорблены начальники, какъ не могу доказать и того, что съ нимъ такого припадка *не было*, и потому обвиняю его, пусть онъ, если хочетъ быть свободнымъ, докажетъ, что съ нимъ припадокъ былъ передъ преступленіемъ».

Или напр. такая наивность. Очень темною ночью, по грязной дорогѣ, по которой проходитъ много солдатъ, на маленькой бричкѣ ѣхалъ офицеръ (Ч. нов. крѣп. арт.) съ женою; лошаденка еле тащилась; мастеръ инж. команды М. вскочилъ на подножку брички съ той стороны гдѣ сидѣла жена, и держался руками за бричку, офицеръ ударилъ по рукамъ солдата, тотъ отъ удара свалился, затѣмъ обругалъ ударившаго и пустилъ камнемъ поднятымъ съ дороги, который попалъ въ бричку; солдатъ говоритъ, что онъ не видѣлъ офицера, что не замѣтилъ, что въ бричкѣ сидѣлъ офицеръ, показаніе правдоподобное и въ обвинительномъ актѣ не приведено никакихъ доказательствъ, что солдатъ зналъ, что ѣхалъ офицеръ; никакого разговора, никакихъ напоминаній обвиняемому со стороны офицера, вродѣ того, «развѣ не видишь, офицеръ ѣдетъ», не было сдѣлано; нѣтъ возможности доказать, что М. зналъ, что ѣдетъ офицеръ, и все-таки о солдатѣ вносится обвинительный актъ, съ такой наив-

ной оговоркой, что дѣло представляется на судъ во вниманіе къ тому, что болѣе точное рѣшеніе вопроса о томъ, сознавалъ ли обвиняемый, что въ бричкѣ сидѣлъ офицеръ, возможно лишь на судѣ. Нѣтъ, если дѣло еще не выяснено, возврати его къ слѣдователю, и затѣмъ, если все-таки окажется, что нельзя доказать, что нижній чинъ сознавалъ, что ѣдетъ офицеръ, не дерзай предавать его суду, не то судъ его оправдаетъ. И кого послѣ того, кого же обвинять въ томъ, что много является оправдательныхъ приговоровъ. Конечно не судъ, а обвинительную власть, которая не понимаетъ своихъ обязанностей; не сознаетъ сама, что дѣлаетъ; оплошность напр. въ, разсказанномъ нами сейчасъ, дѣлѣ М. готовы еще ставить себѣ въ заслугу, такъ и говорятъ всякому: «смотрите, какъ мы безпристрастны, какъ откровенно объясняемъ положеніе дѣла».

А между тѣмъ въ военно-судебномъ уставѣ есть много такихъ статей, которыя обязываютъ прокуратуру имѣть твердое убѣжденіе, твердое сознаніе того, что она дѣлаетъ, рѣшительно относиться къ дѣлу. 105 и 104 ст. ст. XXII отличаются одна отъ другой именно такими признаками, которые требуютъ отъ прокуратуры сильнаго напряженія мозговъ, самостоятельнаго отношенія къ дѣлу. И 104 и 105 ст. предусматриваютъ неисполненіе приказаній начальства, но первая по небрежности, нерадѣнію, а вторая намѣренное; нельзя же всѣхъ обвиняемыхъ въ неисполненіи приказанія предавать суду по 105 ст.; это будетъ крайне несправедливо, потому что 105 ст. влечетъ преданіе военному суду и всѣ, связанныя съ такимъ преданіемъ, тяжелыя послѣдствія, а 104 ст. даетъ возможность ограничиться дисциплинарнымъ взысканіемъ; прокуратура не можетъ быть такъ вяла, чтобы во всемъ полагаться на судъ. За что человѣкъ перенесетъ всѣ суровыя условія преданія суду по 105 ст., когда въ его дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшей доли умысла.

Такъ глубоко коренится формализмъ, легкое отношеніе къ дѣлу въ нашихъ военно-судебныхъ дѣятеляхъ и къ этому его принуж-

даетъ, помимо другихъ причинъ, практика главн. воен. суда. Такимъ образомъ, напр., мы говорили уже, на основаніи рѣшеній глав. воен. суда, если подсудимый сознался въ преступленіи и слѣдствіе не производилось, то судъ уже связанъ по рукамъ и по ногамъ, онъ не имѣетъ права ни оправдать обвиняемаго, ни видоизмѣнить обвиненія противъ обвинительнаго акта. Таковъ смыслъ рѣшеній глав. воен. суда 1872 г. № 261, 1873 г. №№ 68, 211, 1874 г. № 138, 1875 г. №№ 130, 143, 243, 1876 г. № 42, 1877 г. №№ 14, 32, 87, 1878 г. №№ 65 и 105.

Сенатъ никогда не покушался ставить такія преграды суду; подобные вопросы даже не возникали въ практикѣ гражданскихъ судовъ; только главный военный судъ рѣшился возстановить старинную теорію доказательствъ; ни 756, ни 804 ст. уст. угол. суд. не имѣютъ такихъ толкованій, какими глав. воен. судъ. подарилъ статьи 750 и 826 XXIV св. воен. пост., соотвѣтствующія приведеннымъ статьямъ уст. угол. судопр.

Далѣе главный военный судъ сдѣлалъ то, что каждый прокуроръ и каждый защитникъ имѣетъ право требовать занесенія въ протоколъ по существу дѣла все, что только ему вздумается, и выходитъ что судъ, постановляя свои приговоры, находится подъ извѣстнымъ формальнымъ давленіемъ: разъ извѣстное обстоятельство записано въ протоколъ, робкій судъ уже не можетъ не придавать ему значенія, въ противномъ случаѣ будетъ протестъ, въ которомъ все будетъ основано на существѣ, и только для формы будетъ указано на кассаціонные поводы, а главный военный судъ, который весьма часто, кассируя приговоры, руководствуется существомъ дѣла, уважитъ протестъ, а иногда и жалобу. Знаменитый прокуроръ Ст., выведенный изъ себя не нравившимися ему приговорами суда, временной составъ котораго былъ изъ войскъ, пришедшихъ изъ округа, въ которомъ мало занимались дисциплинированіемъ временныхъ судей, требовалъ отъ своихъ помощниковъ, чтобъ они настаивали на вне-

сеніи въ протоколъ цѣликомъ всѣхъ показаній свидѣтелей. Частыя требованія, заявляемыя на судѣ о занесеніи существа дѣла въ протоколъ, показываютъ, что главный судъ понялъ своихъ прокуроровъ, а прокуроры поняли свой главный военный судъ, или вѣрнѣе главное военно-судное управленіе.

Главный военный судъ такимъ образомъ устанавливаетъ начало, что при извѣстной внѣшней формальной обстановкѣ судъ не вправѣ оправдать. Практика главн. воен. судъ требуетъ только формальной истины. Военно-окружные суды уже привыкли къ такимъ формальнымъ требованіямъ суда, умѣютъ ихъ обходить, и какъ только, по убѣжденію суда, является невозможнымъ квалифицировать преступленіе по установленнымъ признакамъ его, какъ того требуетъ главн. воен. судъ, или въ виду того, что законъ назначаетъ строгое наказаніе, судъ безъ разсужденія прибѣгаетъ къ оправданію по недоказанности.

Мы видѣли такимъ образомъ весь формализмъ суда, какую силу въ военномъ судѣ имѣютъ формальныя доказательства, мы знаемъ что такое обвинительные акты, и все это заставляетъ насъ вспомнить, что мы говорили о значеніи того, что 70% личнаго состава военныхъ судовъ составляли штатскіе и какіе штатскіе!! Прежніе аудиторы, а затѣмъ близко къ нимъ стоящіе, примыкающіе къ нимъ бюрократы, рутинеры. Что значутъ штатскіе, это видно будетъ изъ списка тѣхъ помощниковъ прокуроровъ, которые протестовали противъ оправдательныхъ приговоровъ судовъ, состоявшихся не смотря на сознаніе обвиненныхъ въ преступленіяхъ и на непроизводство судебнаго слѣдствія, или же не смотря на то, что преступность доказывалась документами, или другими формальными доказательствами. А именно протестовали: 1) Павлинскій, 2) Рындинъ, 3) Рындинъ, 4) Быковъ, 5) Богородскій, 6) Карниловичъ, 7) Успенскій, 8) Шмидтъ, 9) Холодовскій, 10) Лучакъ, 11) Мордвиновъ, 12) Аникіевъ, 13) Бурдинъ, 14) Сутормінъ. Изъ этихъ 14 только три, 6, 11, 12—военные,

всѣ остальные штатскіе; причемъ слѣдуетъ замѣтить, что во-первыхъ, походъ открыли штатскіе, именно Павлинскій и Рындинъ (р. 1870 г. № 27 и 1872 г. № 69) и главный военный судъ устоялъ на томъ, что и при сознаніи обвиняемаго, даже безъ производства слѣдствія, судъ имѣетъ право постановить оправдательный приговоръ, такъ какъ на основаніи 826 ст., судъ рѣшаетъ дѣла по внутреннему убѣжденію; только съ легкой руки Быкова, изъ помощниковъ прокурора пожалованнаго въ прокуроры, главный военный судъ сталъ въ противорѣчіе съ своими рѣшеніями 1870 г. № 27 и 1872 г. № 69; а во-вторыхъ, что военныхъ не только мало, всего три, но что первые протесты всѣ принадлежатъ штатскимъ, а военные были увлечены уже потомъ общимъ дружнымъ движеніемъ статскихъ. Только недостаткомъ образованія можно объяснить формалистическое направленіе въ практикѣ военныхъ судовъ, которыхъ къ тому же принуждаетъ главн. воен. судъ, состоящій подъ вліяніемъ своей канцеляріи главн. воен.-суднаго управленія, составленнаго сплошь и рядомъ изъ бывшихъ аудиторовъ. Эта канцелярія подтверждаетъ старинную истину, что тамъ, гдѣ канцеляріи принадлежитъ дѣятельная роль, тамъ она только и имѣетъ силу. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь формальныя доказательства, это вѣдь основаніе стариннаго процесса; обвинительный актъ—вѣдь это старинная выписка; неосновательность обвинительнаго акта, такъ напоминаетъ, такъ гармонируетъ съ практиковавшимся въ старину оставленіемъ въ подозрѣніи того, чья виновность не можетъ быть доказана; пристрастіе къ письменности, слѣпое отношеніе къ документамъ, бумагамъ, все это слѣды старины.

Отъ суда, отъ военно-судебныхъ дѣятелей, погруженныхъ въ форму, не знающихъ закона, не понимающихъ его смысла и духа, отъ судей недостаточно образованныхъ, не понимающихъ своего назначенія, высокаго призванія, нѣтъ конечно возможности ожидать, чтобъ они въ самомъ принципѣ держались и хранили гарантіи пра-

восудія, при которыхъ единственно и можно ждать господства правды. Мы и перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, на сколько на практикѣ соблюдаются тѣ гарантіи справедливости, которыя долженъ свято блюсти всякій уголовный процессъ. Если возбуждается вопросъ о гарантіяхъ, то воображеніе каждаго, мало знакомаго съ законами, опредѣляющими военно-уголовный процессъ, сейчасъ рисуетъ 4 основанія правосудія, изложенныя въ главѣ IV, отдѣленіи 3, раздѣленіи IV, XXIV св. воен. пост., гдѣ изложены *«условія производства въ судебныхъ засѣданіяхъ»*; въ этомъ раздѣленіи дѣйствительно говорится только о 4 условіяхъ: 1) публичности засѣданій (ст. 720—725), 2) устности (ст. 728—730), 3) равноправности сторонъ (ст. 731—733) и 4) о непрерывности засѣданій (734—736 ст.). Существованіе особаго раздѣленія, въ которомъ сгруппированы условія производства дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, такое расположеніе законовъ процесса, вводитъ въ заблужденіе; оно наталкиваетъ на мысль, что будто бы только эти условія гарантируютъ правильность процесса, будто бы уже другихъ условій, вліяющихъ на справедливость приговоровъ, не существуетъ, или они не существенны, такъ что нарушеніе ихъ возможно. Но это несправедливо, *всѣ* формы и обряды судопроизводства, установленныя XXIV св. воен. пост., всѣ суть *условія* правильности процесса; многія изъ нихъ не менѣе приведенныхъ четырехъ гарантируютъ правду въ судѣ и нарушеніе ихъ также должно считаться существеннымъ, потому странна, неудобна та редакція, которая придана главѣ IV, отд. 3, раздѣленію IV. Такимъ образомъ нельзя довѣрять справедливости того суда, который:

1) организованъ дурно, не самостоятеленъ;

2) гдѣ разсмотрѣніе дѣлъ ведется неправильно, гдѣ предсѣдателю данъ слишкомъ большой произволъ, гдѣ самъ судъ вмѣшивается въ процессъ, забываетъ состязательное начало, самъ ведетъ процессъ;

3) гдѣ дѣла разсматриваются не публично, гдѣ ходъ процесса стѣсняется;

4) гдѣ процессъ обращается въ письменный;

5) гдѣ допускаются формальныя доказательства, гдѣ доказательства не подвергаются провѣркѣ, гдѣ дѣла заранѣе предрѣшены;

6) гдѣ нарушена равноправность сторонъ;

7) гдѣ судъ слушаетъ дѣла невнимательно, относится къ своему дѣлу спустя рукава; гдѣ нарушается непрерывность, смѣшиваются дѣла;

8) гдѣ въ процессѣ дано малое участіе сторонамъ;

9) Гдѣ допускается поверхностное отношеніе къ дѣлу, гдѣ допускается нарушеніе судомъ гарантій, гдѣ прямо и открыто проповѣдуется, что важенъ результатъ, гдѣ не обращается вниманія на правильность исходнаго пункта и дальнѣйшаго хода мышленія судей;

10) гдѣ контроль надъ судами слабъ.

Все это главнымъ образомъ имѣетъ значеніе весьма важныхъ *условій* правильнаго производства дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ.

Мы разсмотримъ на сколько соблюдается въ военно-судебной практикѣ каждая гарантія, причемъ должны сказать, что многое, могущее служить какъ доказательство нарушенія гарантій, уже было изложено раньше, если прямо отвѣчало на вопросы, разсмотрѣнные раньше. Но мы не будемъ повторяться и ограничимся здѣсь одними только напоминаніями, сказаннаго выше.

Необходимо чтобъ судъ былъ хорошо организованъ, чтобъ личный составъ комплектовался людьми съ общимъ и юридическимъ образованіемъ, необходимо чтобъ судьи, ихъ независимость, самостоятельность была бы гарантирована; необходимость всего этого ясна сама собою, мы достаточно уже говорили объ этомъ и достаточно охарактеризовали настоящее положеніе организаціи военнаго суда. Правда, мы говорили только о постоянномъ составѣ суда, и ничего не сказали о временныхъ судьяхъ, что теперь и пополнимъ.

На основаніи закона временные военные судьи назначаются изъ лицъ, служащихъ въ войскахъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ, но многія изъ этихъ условій, напр., изложенныя въ 36, 47 ст. ст., пренебрегаются, и при извѣстномъ направленіи дѣятельности главнаго военнаго суда, въ дѣлѣ назначенія временныхъ военныхъ судей существовалъ полнѣйшій произволъ начальства. Закономъ требуется назначеніе судей изъ разныхъ родовъ оружія, а между тѣмъ назначаютъ или 5 судей изъ одного и того же полка, или всѣхъ судей изъ кавалеріи, и главный военный судъ признаетъ это не существеннымъ нарушеніемъ и оставляетъ протестъ, или жалобу безъ всякаго вниманія (рѣш. 1877 г. №№ 27 и 143).

Въ 45 ст. XXIV сказано, что кромѣ 6 временныхъ членовъ назначаются еще три запасныхъ члена, на случай отвода, болѣзни, или отсутствія по другимъ законнымъ причинамъ кого либо изъ временныхъ членовъ; но что же мы видимъ? по дѣлу Бланка отводится одинъ временный судья, а другой заболѣваетъ и предсѣдатель окружнаго суда Акининъ вмѣсто того, чтобъ замѣнить убывшихъ временныхъ—запасными, обращается къ начальнику округа съ просьбою назначить двухъ новыхъ членовъ *временныхъ* вмѣсто двухъ выбывшихъ и это съ охотою исполняютъ. Болѣе смѣлаго нарушенія, прямаго, яснаго, не вызывающаго ни малѣйшаго сомнѣнія, закона встрѣтить трудно. Такое нарушеніе выростаетъ еще болѣе, если мы скажемъ, что назначеніе новыхъ временныхъ членовъ состоялось только на дѣло Бланка. Нарушеніе это достигло крайнихъ предѣловъ вслѣдствіе того, что главный военный судъ, передъ которымъ распоряженіе суда было обжаловано, призналъ распоряженія предсѣдателя Акинина правильными. Кто же будетъ послѣ этого протестовать, кто можетъ имѣть хотя слабую надежду на успѣхъ, жалуясь на самое вопіющее нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства при такомъ отношеніи къ дѣлу главнаго военнаго суда; передъ какими наруше-

нілми послѣ этого остановится произволъ нашихъ военно-судебныхъ дѣятелей, какая же сила можетъ убѣдить ихъ въ неправотѣ ихъ дѣйствій. Указанныя нарушенія сдѣланы по такому дѣлу, въ которомъ, признавалось, были задѣты весьма важные военные интересы. Нѣтъ, не дороги нашимъ судьямъ гарантіи правосудія, они сами первые уничтожаютъ ихъ.

Постоянные члены производятъ давленіе на временныхъ членовъ, которые уступаютъ и большей опытности и большимъ знаніямъ постоянныхъ судей и кромѣ того, что гораздо важнѣе, ихъ большому чину, благодаря которому постоянные судьи дѣлаютъ выговоры временнымъ, заставляютъ ихъ держать руки по швамъ; вліяніе постоянныхъ членовъ такъ сильно, что можно напередъ сказать, каковъ будетъ приговоръ суда, основываясь только на личности постояннаго члена.. Ненормальна такая организація суда и не гарантируетъ она справедливость; различныя постороннія вліянія могутъ легче пробраться и пробираются въ приговоръ черезъ одного предсѣдателя. Мы приведемъ ниже нѣсколько примѣровъ того, какъ временные судьи, не вникнувъ хорошенько въ дѣло, рѣшаютъ его такъ, какъ имъ то внушилъ постоянный членъ, а рѣшивъ, потомъ сами не вѣрятъ себѣ, что они рѣшили дѣло такъ, а не иначе. Устраненіе этого безпорядка можетъ быть достигнуто отдѣленіемъ временныхъ судей отъ постоянныхъ членовъ судовъ. Временные судьи, если ограничить ихъ дѣятельность дѣятельностью присяжныхъ засѣдателей, будутъ удовлетворять своему назначенію лучше чѣмъ присяжные во многихъ случаяхъ, какъ мы это объясняли. Постоянный судья можетъ дѣйствовать въ единственномъ числѣ, управлять ходомъ засѣданія и примѣнять законъ къ признанной временными судьями виновности обвиняемаго. Трехъ постоянныхъ суд., въ составѣ присутствія, если ихъ дѣятельность свести къ примѣненію закона къ винѣ обвиняемаго, совершенно не нужно, многочисленность судей не гарантируетъ справедливости рѣшеній суда.

Мотивы, приведенные въ законодательныхъ работахъ, въ доказательство необходимости соединенія временныхъ членовъ съ постоянными въ одно цѣлое, ничего, кромѣ праздныхъ, общихъ фразъ въ себѣ не заключаютъ; съ одной стороны ничѣмъ нельзя доказать пользы такого соединенія, съ другой же стороны при раздѣленіи временные судьи выиграютъ въ самостоятельности. Какая надобность привлекать временныхъ судей къ работѣ по примѣненію наказанія къ винѣ подсудимаго, когда это вопросъ чисто юридическій; мы думаемъ, что если соединили временныхъ судей съ постоянными, то только изъ желанія подчинить временныхъ судей опекѣ постоянныхъ. Что независимость временныхъ членовъ вовсе не входила въ виды составителей XXIV св. воен. пост., это видно изъ того, что въ законодательныхъ соображеніяхъ обстоятельство, что временные члены, вступая въ судъ, все-таки остаются въ прямомъ подчиненіи у своего начальства, разсматривается какъ весьма желательное, дающее возможность начальству проводить черезъ временныхъ судей въ приговоры судовъ свои взгляды и понятія, сообразно съ чѣмъ установленъ и самый порядокъ назначенія временныхъ судей: ихъ назначаетъ начальство; въ интересахъ же правосудія назначеніе временныхъ судей на каждую сессію необходимо предоставить распорядительнымъ засѣданіямъ военно-окружныхъ судовъ по спискамъ, составленнымъ начальствомъ, подобно тому какъ это дѣлается въ общихъ судахъ относительно присяжныхъ (550 и слѣдующ. ст. уст. уг. суд.). Такой порядокъ лучше бы обезпечилъ удовлетворительность временныхъ судей, все-таки назначеніе не было бы столь произвольно какъ теперь, правила назначенія временныхъ судей соблюдались бы лучше. Всякій, удовлетворяющій извѣстнымъ условіямъ, имѣетъ право и обязанность участвовать въ судѣ въ качествѣ временнаго судьи и долженъ быть внесенъ въ списки, по которымъ распорядительное засѣданіе военнаго суда назначало-бы очередныхъ судей. Не было бы того, что одни назначаются судьями очень часто, другіе никогда; на-

чальство потеряло бы возможность посылать въ судъ кого ему угодно.

Тѣ измѣненія, которыя были бы необходимы, желательны въ организаціи постояннаго состава военныхъ судовъ и вообще въ составѣ судебнаго персонала, мы уже изложили прежде.

орая га- Власти предсѣдательствующаго въ ходѣ уголовнаго процесса я наша практика даетъ большое значеніе, нисколько не вытекающее изъ закона. Въ этомъ случаѣ нашему закону мы можемъ развѣ пожелать, чтобы въ немъ было прямо выражено, что предсѣдатель не имѣетъ права допрашивать свидѣтелей раньше сторонъ; въ законѣ власть предсѣдателя только могла быть въ общихъ чертахъ обозначена, и всего хорошаго, а также дурнаго нужно ждать отъ практики. Чтобъ умѣть держаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, нужно, чтобъ предсѣдатели были образованы, чтобъ они были безстрастны, справедливы, были бы проникнуты интересомъ, любовью къ дѣлу. Но мы знаемъ, что наша практика даетъ другое; предсѣдатели выходятъ за предѣлы своей власти, дѣйствуютъ деспотично, распоряжаются въ судѣ, какъ бы командуютъ полкомъ. Предсѣдатель долженъ быть терпѣливъ, помнить, что извѣстное обстоятельство можетъ показаться ему не относящимся къ дѣлу, но его мнѣніе еще не безусловная истина; во взглядѣ предсѣдателя можетъ быть много субъективнаго, много такого, что порождено впечатлѣніемъ минуты, и напр. вопросъ о томъ, относится ли данное обстоятельство къ дѣлу, можетъ ли оно имѣть значеніе въ дѣлѣ, вообще оцѣнка каждаго факта, можетъ принадлежать вполнѣ только всему составу суда, мнѣніе же всего состава суда во время слѣдствія не можетъ высказаться, оно высказывается при окончательномъ обсужденіи дѣла, по окончаніи судебнаго слѣдствія и преній. Что сначала можетъ казаться предсѣдателю не нужнымъ, то впослѣдствіи, другимъ можетъ показаться весьма важнымъ; предсѣдатель долженъ быть терпѣливъ и гуманенъ къ обвиняемому, который, находясь въ неспокойномъ со-

стоянiи, тревожась за исходъ процесса, частыми замѣчанiями предсѣдателя можетъ быть приведенъ окончательно въ замѣшательство и не съумѣетъ высказать того, что дѣйствительно относилось бы къ дѣлу. Говорятъ, зачѣмъ допускать на судѣ разныя подробности, которыя высказываются иногда только во имя скандала; говорятъ, судъ не театръ; да, судъ не театръ, но судъ есть священнодѣйствiе, судъ есть исповѣдь; едва ли бываютъ функцiи болѣе торжественныя, болѣе важныя чѣмъ функцiи суда; здѣсь рѣшается вопросъ о жизни и смерти; мы не преувеличиваемъ. Теперь рѣдко ставится вопросъ о дѣйствительномъ лишенiи жизни, объ отрубленiи головы, о повѣшанiи; но при настоящей цивилизацiи, при умственномъ и нравственномъ развитiи людей въ настоящее время и лишенiе свободы гораздо тяжелѣе отзывается на человѣкѣ, чѣмъ когда-то четвертованiе; и вотъ, когда рѣшаются такiе серьезные вопросы, нужно съ человѣкомъ обращаться гуманно, быть терпѣливымъ, быть готовымъ выслушать все, пусть лучше будетъ высказано лишнее, чѣмъ не досказано многое. На исповѣди нельзя отказываться выслушивать то, что желаетъ повѣдать исповѣдывающiйся. Судъ можетъ выслушать все—дѣло лучше разъяснится, но суду вѣдь не обязательно вѣрить всему, что было сказано на судѣ, все то ввести въ приговоръ въ томъ смыслѣ, какъ домогался того обвиняемый. Судъ долженъ выслушать все, и для него будетъ еще время, при постановленiи резолюцiи, отбросить все, что не относится къ дѣлу. Но далеки отъ всего сказаннаго предсѣдательствующiе въ военныхъ судахъ; поддерживаемые главнымъ военнымъ судомъ, они распоряжаются деспотически, и присутствуя при процессѣ, вы часто, весьма часто, слышите возгласы предсѣдательствующаго: это не относится къ дѣлу, это не важно, это уже разъяснено, и эти возгласы мѣшаютъ обвиняемымъ высказываться вполнѣ. Особенно вредное вліянiе произвелъ на положенiе дѣлъ одинъ изъ послѣднихъ циркуляровъ военнаго министра, въ которомъ напоминается предсѣдательствующимъ, что они должны быть особенно внимательны въ дѣлахъ дисциплинарныхъ,

не допускать въ нихъ посторонних обстоятельствъ, неуваженія къ начальникамъ, колебанія авторитета начальниковъ, нарушенія интересовъ военной службы; ничего другаго не было и до сихъ поръ, и потому циркуляръ сдѣлался непонятнымъ, недоумѣвали, что вызвало его и потому циркуляръ привелъ на практикѣ къ нежелательнымъ результатамъ. Люди, не знавшіе за собою такихъ грѣховъ, поняли циркуляръ въ томъ смыслѣ, что отъ нихъ требуется особенное стараніе и тяжело стало смотрѣть на предсѣдательствующихъ. Между прочимъ въ военно-окружномъ судѣ разсматривалось дѣло объ оскорбленіи подп. Л. ш.-к. Т.

Сущность дѣла состояла въ томъ, что послѣдній выругалъ перваго подлецомъ. Но вѣдь нѣтъ дыма безъ огня. Въ побудительныхъ причинахъ, въ обстановкѣ, среди которой выросло преступленіе, въ степени нравственности Л., лежало мѣрило той злой воли, которую проявилъ обвиняемый; все это составляло субъективную сторону преступленія, объективная-же сторона состояла лишь въ томъ, что было произнесено слово *подлецъ*; субъективная и объективная стороны составляютъ одно цѣлое, тѣсно связаны между собою, неразслѣдовавъ первой, нельзя рѣшить второй. Но именно субъективная сторона въ излагаемомъ нами дѣлѣ не была изслѣдована, предсѣдатель этого не допустилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что такое изслѣдованіе вело къ раскрытію личности потерпѣвшаго, къ раскрытію вообще дѣятельности его по службѣ, что составляло будто бы обстоятельство постороннее дѣлу, постороннее самому преступленію. Обвиняемый доказывалъ, что преступленіе имѣло корень въ общежитейскихъ отношеніяхъ его къ Л., а предсѣдателю казалось, что можно быть какимъ угодно въ частной жизни, но это не распространяется на служебныя отношенія, не извиняетъ виновности выругавшаго хотя бы и дѣйствительнаго подлеца, что только эта ругань является фактомъ, подлежащимъ разсмотрѣнію суда; для предсѣдателя было достаточно внѣшняго проявленія воли человѣка; предсѣдатель думалъ, что можно быть подлецомъ въ частной

жизни, и въ тоже время въ служебныхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ. Такая невѣрная философія однако-же послужила основаніемъ для искалеченія дѣла. Невозможно такъ раздвоить человѣка, чтобъ онъ могъ быть съ одной стороны честнымъ, съ другой стороны подлецомъ; человѣкъ всегда представляетъ изъ себя одно цѣлое, и всегда, во всѣхъ сферахъ проявляется одинаково. Наивно напр. заключить, что графъ Аракчеевъ былъ ангеломъ доброты, потому что было существо, къ которому онъ питалъ нѣжность. Нельзя сказать, какъ мы увидимъ ниже, чтобъ въ нашей дѣйствительности человѣкъ былъ по службѣ такимъ, а въ частной жизни другимъ. Напротивъ, мы видѣли, и увидимъ, что у насъ служба подчиняется частнымъ отношеніямъ. Затѣмъ предсѣдатель, предварительно знакомый съ дѣломъ по письменному производству еще до суда, говорилъ, что онъ не допуститъ на судѣ разъясненій частныхъ отношеній, разъясненій того, что личность потерпѣвшаго была личность униженная, изруганная другими, потому что этого нельзя было доказать вызванными въ судъ свидѣтелями, что это могли удостовѣрить только другіе, невызванные въ судъ, и какъ только обвиняемый или защитникъ заикался, чтобъ предложить вопросъ свидѣтелю, предсѣдатель, ихъ останавливалъ; но опять, развѣ могъ знать предсѣдатель какъ обвиняемый будетъ защищаться, и развѣ то, что было извѣстно предсѣдателю, было извѣстно всѣмъ судьямъ? Вовсе нѣтъ. Очевидно, что предсѣдатель стѣснилъ обвиняемаго, и что дѣло это представляло изъ себя рѣдкій и невозможный нигдѣ, кромѣ военнаго суда, - примѣръ суда одного факта. Невозможность эта вообще доказана судомъ присяжныхъ засѣдателей. До сихъ поръ даже чистые юристы толкуютъ, что присяжные засѣдатели суть только судьи факта, и предсѣдатели, объясняя присяжнымъ засѣдателямъ ихъ обязанности, толкуютъ имъ, что они только судьи факта; но несмотря на то, засѣдатели въ сущности всегда рѣшаютъ виновность, и никакіе предсѣдатели, никакіе протесты, никакіе сенаты не могли заключить засѣдателей въ предѣлы, уготованные имъ

чистой юриспруденціей, потому что это противоестественно. Но вотъ военный судъ, подпираемый министерскимъ циркуляромъ, разрѣшилъ эту юридическую дилемму; отнынѣ военный судъ не входитъ въ субъективную сторону преступленія, въ мотивы, побужденія, причины, обстановку, степень злой воли преступника, и разбираетъ только одинъ голый фактъ. Но развѣ такое отношеніе къ дѣлу можетъ быть названо судомъ? думаемъ, что нѣтъ; суда не нужно если такъ.

Стремленіе предсѣдателей уединить всякое дѣло отъ посторонихъ вліяній, вопросовъ, на что, являясь только судьями факта, они рады сослаться въ свое оправданіе, не искренне, является подъ давленіемъ власти высшей, или ради такъ называемыхъ военныхъ интересовъ, потому что тамъ и въ томъ, гдѣ это нужно, тамъ этого и не бываетъ; при обыкновенномъ ходѣ дѣла военные суды вопросомъ о посторонихъ вліяніяхъ, объ устраненіи ихъ мало заботятся. Въ гражданскихъ судахъ присяжные во время перерывовъ засѣданія, во время совѣщаній не только что удаляются въ отдѣльную комнату, но во внушительной рѣчи предсѣдатель заявляетъ имъ, что они не могутъ входить ни съ кѣмъ въ сношенія иначе, какъ съ его разрѣшенія. Въ военныхъ судахъ перерывы превращаются въ какую-то толкучку, гдѣ судьи перемѣшиваются съ публикою, принимаютъ участіе въ пересудахъ, высказываемыхъ въ публикѣ о дѣлѣ, и судьи невольно набираются такихъ мнѣній и взглядовъ. На это смотрятъ снисходительно, и на замѣчанія отвѣчаютъ съ улыбкой, неужели же мнѣнія публики могутъ вліять на судъ? судъ самъ знаетъ, что думать о томъ или другомъ дѣлѣ. Но Боже мой, кто высказываетъ такія надменныя сужденія? временные судьи, о которыхъ мы скажемъ много лестнаго, если выскажемъ, что это средніе человѣки, представляющіе весьма удобный матеріалъ, способный незамѣтно для себя проникнуться тѣмъ, что говорится вокругъ.

Военный судъ не блюдетъ гарантій справедливости суда, много мы говорили о побужденіяхъ, толкающихъ судъ на скользкій путь;

всестороннее выясненіе дѣла, выясненіе и субъективной и объективной стороны дѣла служитъ гарантіей правосудія, но можетъ ли военный судъ держаться этой гарантіи, можетъ ли эта гарантія составлять потребность того суда, который такъ близко стоитъ къ массѣ чисто формальныхъ преступленій—побѣгъ, дурное поведеніе, которому главный военный судъ твердитъ, что военныя преступленія суть преступленія независимыя отъ цѣли. Развѣ этого мало для того, чтобъ пріучить военный судъ не интересоваться субъективною стороною преступленія.

Рядомъ съ запрещеніемъ выяснять дѣло, идетъ стараніе суда изобличать виновнаго. Если возможно первое, то возможно и второе.

Третья рантія.

Независимо того давленія, которое испытываетъ ходъ судебнаго процесса со стороны деспотическихъ предсѣдателей, выясненіе дѣла можетъ много терпѣть отъ посторонннихъ вліяній. Свидѣтели въ военномъ судѣ суть люди все подчиненные, въ своихъ показаніяхъ имъ нужно сильно беречься, чтобъ не переступить извѣстнаго предѣла. Можетъ дойдти до того, что свидѣтели будутъ тщательно скрывать то, что знаютъ; было время когда всякій свидѣтель самъ рисковалъ попасть въ дѣло, и всѣ бѣгали отъ свидѣтельства, если же волей-неволей кто нибудь попадалъ къ допросу, то на вопросы отвѣчалъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Военные суды очень не далеки отъ такого положенія; не могутъ быть тамъ удовлетворительны показанія, гдѣ все опутано цензурой начальства, дисциплиной, дурно понимаемой. До чего можетъ стѣсняться свобода помимо власти предсѣдательствующаго еще другими властями, мы укажемъ на слѣдующее. По дѣлу поручика З., обвинявшагося въ покушеніи на убійство, необходимо было выяснить отношенія жены субъекта преступленія къ объекту, тоже офицеру; былъ вызванъ въ числѣ свидѣтелей денщикъ субъекта, и онъ показалъ, что жена субъекта вовсе не чувствовала расположенія къ потерпѣвшему, что напротивъ, онъ бывалъ свидѣтелемъ того, что какъ только потерпѣвшій обращался къ ней

съ любезностями, наклонялся къ ней, она его тотчасъ же «хвать по мордѣ». Подслушалъ-ли это показаніе самъ прокуроръ, или ему о немъ доложили, но только онъ написалъ коменданту, что такой-то, давая свидѣтельскія показанія, былъ неуважителенъ къ офицеру, позволилъ себѣ въ показаніи грубо выражаться объ офицерѣ, и свидѣтеля арестовали. Понятно, что послѣ такого строгаго надзора со стороны прокурора, едва ли можно надѣяться на откровенность свидѣтелей. Свидѣтель военный, помимо желанія показать правду, еще долженъ будетъ задаваться стараніями о томъ, чтобъ все показанное было вѣжливо; свидѣтель выразился какъ умѣлъ, и за это пострадалъ. Или напр. изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1878 г. № 29, мы знаемъ, что прокуроры склонны, какъ только свидѣтели не показали въ пользу обвиненія, требовать преданія суду за лжеприсягу.

Произволъ предсѣдателя сдерживается, если онъ дѣйствуетъ на глазахъ у публики, если онъ знаетъ, что его дѣйствія будутъ обсуждены общественнымъ мнѣніемъ. Мы говорили уже о значеніи открытыхъ дверей при разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ въ военныхъ судахъ о томъ, насколько печать интересуется военно-судными дѣлами. Печать, мы знаемъ, мало интересуется военными процессами, и нисколько потому не направляетъ дѣятельности судовъ; какъ ведетъ себя печать это собственно вопросъ посторонній въ уголовномъ процессѣ, но закрытіе дверей засѣданія есть вопросъ, составляющій неотъемлемую принадлежность уголовнаго процесса. Какъ ни избита теорія о необходимости публичности, сколько разъ жизнь ни вырывала послѣдней изъ рукъ людей, гнущихъ все въ свою личную пользу, тѣмъ не менѣе часто приходится еще вспоминать, напоминать о публичности, гласности судовъ, настаивать на ней и эта гласность и теперь находится въ опасности. Публичность судовъ, въ двухъ ея видахъ, въ видѣ открытыхъ дверей зала засѣданія, и въ видѣ свободы печати, есть средство, есть путь, благодаря которому общественное

мнѣніе слѣдитъ за отправленіемъ правосудія. На добродѣтели отдѣльныхъ личностей полагаться нельзя. Кромѣ того, что люди бываютъ злы по природѣ, они весьма часто не дѣятельны, не энергичны, скоро опускаются, бываютъ лишены стимуловъ дѣйствовать правильно и честно, и потому всякая дѣятельность требуетъ контроля, а контроль общества самый неусыпный, самый бдительный, наиболѣе справедливый и потому публичность судовъ является прочной гарантіей правосудія въ войскахъ, какъ и вездѣ. Въ законодательныхъ работахъ мы читаемъ, что «гласное производство дѣлъ въ военныхъ судахъ имѣетъ несомнѣнно весьма существенное значеніе, какъ средство, поддерживающее въ судьяхъ, черезъ присутствіе на судѣ посторонннхъ лицъ, постоянное стремленіе къ безупречному отправленію правосудія».

Судъ вообще, не исключая и военнаго, существуетъ для общества, повторяемъ мы часто, а потому общество имѣетъ право, и должно знать какъ отправляется правосудіе, а потому публичность необходима. До послѣдняго времени вопросъ о гласности засѣданій военныхъ судовъ, за исключеніемъ вопроса о печати, стоялъ твердо въ судахъ. Мы видѣли уже, когда онъ началъ колебаться, откуда колебанія забрались въ судъ, и затѣмъ какъ они прогрессировали; въ послѣднее время полученъ циркуляръ о закрытіи дверей для публики по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ является вопросъ о дисциплинарныхъ нарушеніяхъ и затѣмъ по всѣмъ другимъ дѣламъ, когда начальнику военнаго округа захочется потребовать отъ суда закрытія дверей для огражденія интересовъ военной службы.

Нечего много говорить объ этомъ; дѣло само говоритъ за себя, но нужно знать какъ судьи отнеслись къ этому дѣлу? А въ этомъ случаѣ мы должны употребить тотъ грустный припѣвъ, которымъ мы имѣемъ право сопровождать изложеніе вопроса о гарантіяхъ: судъ не дорожитъ гарантіями правосудія и всегда готовъ помочь тѣмъ, кто эти гарантіи уничтожаетъ.

При этомъ, какъ и во всемъ, обнаружилось нетвердое пониманіе законовъ.

Во-первыхъ, одни поняли такъ, что закрытіе дверей необходимо только по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 96—113 ст. воин. уст. о наказ. т. е. по преступленіямъ противъ чинопочитанія и подчиненности, противъ мѣръ, обезпечивающихъ это чинопочитаніе и подчиненность; другіе же думали, что закрывать двери нужно по всѣмъ преступленіямъ которыхъ касается воинс. уст. о нак., т. е. напр. а) по преступленіямъ противъ 232 ст., которая предусматриваетъ чисто общее служебное нарушеніе, являясь сама лишь буквальнымъ повтореніемъ 362 ст. улож. о наказ. уголов;. б) по преступленіямъ противъ превышенія власти, т. е. предусмотрѣннымъ 141—147, которыя опять предусматриваютъ обще служебныя нарушенія и повторяютъ ст. улож. о нак.; в) по проступкамъ противъ трезвости, по самовольнымъ отлучкамъ и т. д. и т. д., но такое пониманіе циркуляра ставило бы въ смѣшное положеніе усилія военнаго начальства, которое для достиженія самыхъ мизерныхъ результатовъ, дѣлало-бы такія чрезвычайныя натуги, а именно: для того, чтобъ скрыть отъ глазъ публики, общества, что въ военной службѣ пьянствуютъ, т. е. совершаютъ преступленія, предусмотрѣнныя 190 ст. XXII св. воен. пост., ломаютъ одну изъ самыхъ важныхъ гарантій правосудія, бережно охраняемую цѣлымъ образованнымъ міромъ!

Понятно потому, что гораздо благоразумнѣе тѣ люди, которые утверждаютъ, что новое правило о закрытіи дверей касается только преступленій собственно дисциплинарныхъ, предусмотрѣнныхъ 96—112 ст. XXII св. воен. пост. Это ясно изъ слѣдующаго. Обращаясь къ нашему дисциплинарному уставу, въ которомъ, конечно, можно ожидать наиболѣе обстоятельнаго опредѣленія, что такое дисциплина, мы находимъ, что общее понятіе о дисциплинѣ опредѣляется главою первою устава; цѣлая эта глава, состоящая изъ 6 статей *),

*) 7 ст. не считаемъ потому, что она чисто формальная.

какъ то видно по ея заголовку, опредѣляетъ общія положенія дисциплины. Можно сказать, что самая важная изъ 6 статей есть первая, которая собственно объясняется, развивается всѣми послѣдующими пятью. 1-я статья гласитъ: «воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи правилъ, предписанныхъ военными законами»,—разберемъ эти фразы. Въ этихъ фразахъ нечего искать опредѣленія, сущности дисциплины; очевидно, что еслибъ статья 1-я не имѣла продолженія, то она повергла бы всякаго въ недоумѣніе. Возникалъ бы вопросъ, что же такое дисциплина, которая лишь подтверждаетъ законы. Конечно, дисциплина есть какое нибудь спеціальное понятіе, а не общее; исполненіе же законовъ есть понятіе общее, для всѣхъ обязательное, но вовсе не дисциплина; для дисциплины нужно отыскать какое нибудь болѣе спеціальное содержаніе. Затѣмъ, въ чемъ же заключаются *правила*, которыя предписываются военными законами, вѣдь законъ есть самъ правило и въ законѣ никакихъ еще *сверхъ законныхъ правилъ* не заключается. Изъ темноты, заключающейся въ первыхъ двухъ строкахъ 1-й ст., насъ выводятъ слѣдующія дальнѣйшія строки. «Поэтому она (дисциплина) обязываетъ строго соблюдать чинопочитаніе, точно и безпрекословно исполнять приказанія начальства, сохранять во ввѣренной командѣ порядокъ, добросовѣстно исполнять обязанности службы и не оставлять проступковъ и упущеній подчиненныхъ безъ взысканія».

Вотъ это и составляетъ содержаніе дисциплины: чинопочитаніе, подчиненность и мѣры для охраненія того и другаго. Слѣдующія статьи 2, 3, 4, 5, 6 развиваютъ понятіе чинопочитанія и указываютъ намѣры, которымъ чинопочитаніе и подчиненность, обезпечиваются— и только. Къ такому содержанію дисциплины примыкаютъ еще слѣдующія слова 1-й статьи: «добросовѣстно исполнять обязанности службы», но какія? что такое служба? напр. растрата, будетъ ли это преступленіе противъ дисциплины, потому что проявляетъ «не добросовѣстное исполненіе обязанностей службы». Конечно нѣтъ, конечно

совершеніе преступленія и добросовѣстное исполненіе *обязанностей службы* двѣ вещи разныя; никому никогда въ голову не приходило называть растрату дисциплинарнымъ проступкомъ; дисциплинарные проступки состоятъ въ неуловимыхъ, мелочныхъ нарушеніяхъ службы, которыя въ XXII св. воен. пост., не нашли себѣ мѣста, не подлежатъ никакому законному опредѣленію, а лишь усмотрѣнію начальства, которому въ дисциплинарномъ уставѣ даны только въ руководство нормы дисциплинарныхъ взысканій, безъ опредѣленія состава дисциплинарныхъ нарушеній. Дисциплина обязываетъ нести службу, а служба не совпадаетъ съ понятіемъ положительнаго закона. Служба должна вытекать изъ закона, но не можетъ съ точностью, во всѣхъ подробностяхъ быть опредѣлена закономъ. Добросовѣстное исполненіе обязанностей службы есть такъ назыв. нравственность—не больше, которая въ уголовнымъ законѣ на послѣднемъ планѣ. Добросовѣстное исполненіе службы уголовнымъ закономъ не захватывается, и все, что можетъ быть предметомъ уголовнаго закона и въ то же время быть предметомъ дисциплины, такъ это чинопочитаніе и подчиненность; добросовѣстное исполненіе обязанностей службы остается въ дисциплинарномъ уставѣ на попеченіи начальства; потому, если говорятъ, что разсмотрѣніе въ судахъ преступленій дисциплинарныхъ должно производить при закрытыхъ дверяхъ, то значитъ только дѣла о чинопочитаніи и подчиненности лишаются гласности, все остальное, получившее мѣсто въ XXII св. воен. пост.: растраты, превышенія власти, подлоги, пьянство, побѣги и т. д., все это не составляетъ преступленій дисциплинарныхъ, и можетъ пользоваться гласностью. Такой взглядъ даетъ единственно вѣрное основаніе для толкованія новаго циркуляра о закрытіи дверей, но нѣкоторые судьи стремились распространить его, и понимаютъ дѣло такъ, будто въ военномъ судѣ гласность, публичность совершенно отмѣнена; нужно знать съ какою радостью, съ какою услужливостью многіе изъ нихъ готовы помогать этому уничтоженію глас-

ности. Въ своихъ дѣйствіяхъ они руководствовались не желаніемъ правильно рѣшить данный вопросъ, а лишь желаніемъ пойдти на встрѣчу новымъ вѣяніямъ.

Единственное основаніе для уничтоженія гласности, было желаніе оградить интересы службы; эти интересы будто бы заставляютъ смотрѣть на все происходящее въ войскѣ какъ на дѣло домашнее, и гласность есть лишняя вещь, такъ какъ она выноситъ соръ изъ избы. Неправильность такого взгляда очевидна.

Судъ разсматривалъ дѣло о стражникѣ пограничной стражи Михаилѣ П., обвинявшемся въ томъ, что онъ напился пьянъ и покинулъ свое ружье, которое впрочемъ было найдено; кажется дѣло такое, изъ за котораго стульевъ не стоило ломать, но предсѣдательствующій полк. Ст., возбудилъ вопросъ о закрытіи дверей. Прокуроръ далъ заключеніе, что такъ какъ преступленія П. не дисциплинарныя, то дверей закрывать не слѣдуетъ. Судъ началъ совѣщаться, тутъ же, за судейскимъ столомъ. Видно было, что вопросъ возникалъ новый для судей, что они недоумѣвали съ какой стати закрывать двери; предсѣд. распинался, доказывая каждому изъ времен. судей, что двери надо закрыть, предсѣдатель говорилъ съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. Прокуроръ, видя, что судьи не смекаютъ въ чемъ дѣло, зная что это новый составъ судей, въ первый разъ засѣдающій, предложилъ прочесть самый циркуляръ объ ограниченіи гласности, чтобъ судьи видѣли сами, что имъ предписывается, а не полагались на увѣренія предсѣдателя, который, можно было замѣтить, чуть не божился, что циркуляръ именно требуетъ закрытія дверей во всѣхъ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ XXII св. воен. пост. Наконецъ послѣ часоваго совѣщанія, во время котораго предсѣдатель бросался отъ одного судьи къ другому, предсѣдателю удалось склонить на свою сторону трехъ судей, да онъ четвертый, и закрытіе дверей было рѣшено. Впослѣдствіи судьи говорили, что они никогда и не видѣли циркуляра, объ ограниченіи гласно-

сти и ничего не понимаютъ, что они собственно рѣшали. Вотъ между прочимъ образчикъ того вліянія, которое имѣютъ постоянные судьи. Понятно послѣ того, что при существованіи циркуляровъ объ ограниченіи гласности, да при такихъ судьяхъ, какъ мы сейчасъ описали, никто не можетъ сказать, что правосудіе въ военныхъ судахъ гарантируется гласностью, публичностью.

Четвертая гарантія.

Справедливость не можетъ быть тамъ гарантирована, гдѣ процессъ основанъ на письменности, не допускающей устнаго и перекреснаго допроса, гдѣ показатели не могутъ явиться на судъ и своимъ внѣшнимъ видомъ, манерой показывать, разъяснить, на сколько они заслуживаютъ довѣрія, гдѣ при отсутствіи свидѣтелей нельзя выяснить недоразумѣніе и недомолвку въ записанномъ показаніи при предварительномъ слѣдствіи. А между тѣмъ цѣлая категорія лицъ изъята прямо отъ допроса въ военномъ судѣ на основаніи 769 ст., изъята по интересамъ военной службы, изложеннымъ въ мотивахъ къ этой статьѣ; интересы военной службы дороже интересовъ правосудія, и что за бѣда, что интересы правосудія принесены имъ въ жертву. Не можетъ быть тамъ справедливаго рѣшенія дѣла, гдѣ главный свидѣтель допрошенъ только слѣдователемъ, когда онъ написалъ только свое показаніе по дѣлу безъ перекреснаго допроса, безъ допроса его лицемъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Мы думаемъ, что появленіе оскорбленныхъ офицеровъ на судѣ вполнѣ возможно и власти предсѣдателя совершенно достаточно для того, чтобъ удержать обвиняемаго въ границахъ приличія; опасенія, что могутъ пострадать интересы военной службы—излишни.

Затѣмъ въ военныхъ судахъ устность стѣсняется тѣмъ правиломъ, что воен. начальн. по военнымъ обстоятельствамъ можетъ не выслать свидѣтелей въ судъ, и показанія ихъ читаются; интересно бы знать, какія это военныя обстоятельства могутъ быть причиной невысылки свидѣтелей въ мирное время?

То, что мы говорили о значеніи обвинительнаго акта, которое

придается ему рѣш. глав. воен. суда, а за нимъ практикой военныхъ судовъ, о склонности все основывать на документахъ, о широкомъ правѣ суда читать офиціальныя бумаги, уносить съ собою въ комнату для совѣщаній документы, все это мы должны вспомнить здѣсь, и тогда для насъ будетъ ясно, что устность процесса въ военномъ судѣ не можетъ считаться удовлетворительно поставленною.

Пятая гарантія.

Предрѣшеніе дѣлъ въ военномъ вѣдомствѣ бываетъ очень часто, что зависитъ отъ того, что въ военныхъ судахъ, какъ мы видѣли не разъ, имѣютъ преобладающее вліяніе постоянные судьи; сами временные судьи, вслѣдствіе недостаточной внимательности, недѣятельности, непривычки къ упорной умственной работѣ, очень часто составляютъ себѣ быстро мнѣнія подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, и затѣмъ никакія усилія не могутъ быть достаточными, чтобъ заставить судей углубиться въ дѣло и рѣшить его на основаніи совокупности всего слѣдствія.

Самый составъ временныхъ судей можетъ быть подготовленъ, можетъ быть назначенъ съ извѣстными цѣлями. Могутъ быть назначены извѣстныя лица съ приказаніемъ рѣшить дѣло такъ, а не иначе. Возможность подобнаго пріема видна изъ сказаннаго нами по дѣлу Р. и Б. Не даромъ законодательныя соображенія къ военнымъ уставамъ выражаютъ удовольствіе по поводу того, что временные члены будутъ всегда оставаться въ подчиненіи начальству, которое такимъ образомъ будетъ вліять на исходъ дѣлъ. Таковы наши назначенія штабъ-офицеровъ въ такихъ случаяхъ, когда назначаются временные судьи на извѣстное только дѣло, примѣръ и вредъ такого назначенія мы видѣли выше по дѣлу одного еврея; затѣмъ отдѣльные суды, только на одно дѣло назначаются по дѣламъ о генералахъ. Можно понять, что могутъ надѣлать суды съ организаціей, допускающей предрѣшеніе дѣлъ, да еще если имъ даютъ формальныя доказательства въ руководство. О господствѣ у насъ формальныхъ доказательствъ мы уже говорили достаточно.

Шестая гарантія.

Что касается до равноправности сторонъ, то она положительно нарушена, и нарушена главнымъ образомъ рѣшеніями главнаго военнаго суда: къ чести военныхъ судовъ надо сказать, что они рѣдко намѣренно нарушаютъ равноправность. Судьи лишь незамѣтно для себя подчиняются неравноправности сторонъ, въ силу того, что обвиненіе имѣетъ въ своихъ рукахъ такое оружіе, которыхъ защита не имѣетъ. Обвиненіе прежде всего выдвигаетъ обвинительный актъ, который по рѣшеніямъ главнаго военнаго суда есть документъ съ формальными доказательствами. Въ обвинительныхъ актахъ, какъ мы видѣли, помѣщаются разныя доказательства, которыя не подлежатъ провѣркѣ на судѣ; права обвиненія на прочтеніе документовъ толкуются главнымъ военнымъ судомъ гораздо шире, чѣмъ права защиты; главный военный судъ даетъ преимущества прокуратурѣ во время судебныхъ преній, допуская прокуратуру ссылаться на новыя доказательства, не провѣренныя на судебномъ слѣдствіи. Пресѣдатель по рѣшеніямъ главнаго военнаго суда, какъ мы увидимъ ниже, не имѣетъ права остановить прокурора, допрашивать его что онъ хочетъ говорить, да о чемъ, да требовать, чтобы онъ измѣнилъ планъ своей рѣчи, говорилъ сначала о томъ, о чемъ прокуроръ хотѣлъ говорить въ концѣ рѣчи; съ защитникомъ же, или съ обвиняемымъ предсѣдатель можетъ продѣлывать все что угодно. Военные суды не достаточно себѣ уяснили въ чемъ состоитъ равноправность сторонъ, и права обвиняемаго; такимъ образомъ суды не задумываются судить сумасшедшихъ, и постановлять о нихъ приговоры. Во что же значитъ ставитъ судъ право обвиняемаго представлять въ подтвержденіе своихъ показаній доказательства, отводитъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, предлагать имъ вопросы, возражать на ихъ показанія, дѣлать замѣчанія и дѣлать объясненія по каждому дѣйствію происходящему на судѣ, опровергать доводы и соображенія противной стороны, а также произносить послѣднее слово? по мнѣнію военныхъ судовъ все это, вѣроятно, лишнее, если они не затрудняются су-

дить сумасшедшихъ (рѣш. глав. суда 1878 г., № 193 и 1879 г. № 295).

Процессъ тогда можетъ быть справедливъ, когда судъ относится съ строжайшимъ вниманіемъ къ дѣлу. Необходимость внимательности судей въ военно-судебныхъ уставахъ выражена между прочимъ статьею 735, которая вводитъ въ процессъ начало непрерывности засѣданія; непрерывность судебнаго засѣданія гарантируетъ силу и цѣлостность впечатлѣнія процесса. Точно также и публичность процесса имѣетъ въ виду возбудить въ судьяхъ вниманіе къ дѣлу. Седьмая гарантія.

Но нѣтъ такихъ внѣшнихъ мѣрилъ, которые бы могли показать степень напряженія вниманія судей; вниманіе гарантируется общими условіями процесса, составомъ суда; вниманія можно ждать только отъ образованныхъ судей,—отъ судей, для которыхъ правосудіе есть цѣль, призваніе, которые понимаютъ свое общественное значеніе, всю важность судебнаго дѣла, которые понимаютъ также что нѣтъ маловажныхъ дѣлъ, что всякое дѣло важно для обвиняемыхъ: свое собственное дѣло каждому важнѣе всякаго другаго. Люди необразованные, которые именно отличаются тѣмъ, что не могутъ приковать своего вниманія къ дѣлу на болѣе продолжительное время, которые не чувствуютъ потребности и способности слѣдить за развитіемъ процесса, разъясненіемъ дѣла во всей его послѣдовательности, изгибахъ, перипетіяхъ, конечно не въ состояніи быть хорошими судьями. Мы уже говорили объ образованіи нашего судебнаго персонала, и въ настоящемъ случаѣ надѣемся, что наше общее заключеніе, столько разъ доказанное, еще разъ получитъ подтвержденіе.

Судьи не любятъ чтобъ, какъ они говорятъ, затягивалось дѣло, не любятъ долго выслушивать доказательства, и дѣйствительно съ неохотою слушаютъ дѣло. Вспомнимъ напр., что мы говорили объ нежеланіи слушать экспертовъ, и затѣмъ постараемся доказать сказанное рядомъ новыхъ доказательствъ.

21 апрѣля 1877 г. въ К. судѣ разсматривалось дѣло о Б., об-

виняемомъ во вступленія въ бракъ по подложно составленному разрѣшенію начальства. Въ послужномъ спискѣ было показано, что Б. 21-й годъ, а въ обвинительномъ актѣ значилось, что ему 21 годъ. Защитникъ Б. на судѣ попросилъ прочесть справку изъ послужнаго списка о лѣтахъ Б. Секретарь прочелъ, что Б. 21 годъ., защитникъ обратилъ вниманіе суда на неправильное чтеніе послужнаго списка, и заявилъ суду, что въ дѣйствительности Б. 20 только лѣтъ, что ему едва минуло 20 лѣтъ во время совершенія преступленія.

Заявленіе защиты обѣщало затянуть дѣло, а потому суду хотѣлось какъ нибудь уничтожить это заявленіе. Предсѣдатель С. началъ выражать нетерпѣніе, вертѣться на предсѣдательскомъ креслѣ, наконецъ громко заявилъ суду, что сомнѣнія быть не можетъ, что не можетъ быть, чтобъ въ послужномъ спискѣ было написано 21-й годъ, такъ какъ, обыкновенно, въ послужной списокъ заносятся уже только исполнившіеся, а не текущіе годы, но, взявши въ руки послужной списокъ, предсѣдатель С. воочію убѣдился, что въ спискѣ написано то, что утверждалъ защитникъ. С. окончательно вышелъ изъ себя и громко началъ заявлять: «это подлогъ, это подлогъ; вотъ что значитъ давать дѣла просматривать защитникамъ»» какъ ни непріятно было все это, но ставя интересъ кліента выше личныхъ оскорбленій, наносимыхъ старикомъ, тяготившимся просидѣть лишнее время, защитникъ потребовалъ пріостановки засѣданія съ тѣмъ, чтобъ были вытребованы подлинные документы для свѣрки съ послужнымъ спискомъ. С. побагровѣлъ, и попытался было устранить необходимость пріостановки засѣданія спросомъ обвиняемаго сколько ему лѣтъ. Б. назвалъ годъ рожденія, изъ котораго слѣдовало, что во время преступленія ему былъ уже 21 годъ. Защитникъ обратился къ Б. съ напоминаніемъ хорошенько вспомнить сколько ему лѣтъ; сказанное тихо замѣчаніе защитника не прошло не замѣченнымъ, и когда Б. перемѣнилъ свое показаніе о годѣ рожденія, судъ и прокуроръ упрекнули защитника, что Б. измѣнилъ свое показаніе по его наущенію; какъ будто бы защитникъ не имѣетъ права наставлять своего кліента.

хотя бы и въ засѣданіи. Такъ какъ защитникъ не взялъ назадъ заявленія своего о пріостановкѣ засѣданія, то судъ удалился для совѣщанія въ особый кабинетъ. Во время совѣщаній, входившій въ составъ присутствія, постоянный членъ суда П. пріотворилъ дверь совѣщательной комнаты, подозвалъ защитника и сердито спросилъ: «вы настаиваете на отложеніи засѣданія?», настаиваю, коротко отвѣтилъ защитникъ, хотя въ сердитомъ тонѣ, въ нетерпѣніи П. ясно читалась угроза защитнику: «погоди же, пусть окажется, что твоему кліенту 21 годъ, зададимъ мы ему, снисхожденія не будетъ, спорщикъ ты этакій». Защитникъ рискнулъ прослыть спорщикомъ, и засѣданіе было отложено до утра. Утромъ на другой день принесены были документы, и оказалось, что Б. едва кончилось 20 лѣтъ. Дѣло это показало то, что мы говорили выше, т. е. что безъ провѣрки нельзя обойтись, что собственное сознаніе не всегда вѣрно.

Впослѣдствіи защитникъ узналъ, что С., удалясь въ кобинетъ для совѣщаній, въ волненіи, считая себя вправѣ въ послужномъ спискѣ стереть букву й надъ «21», стеръ также и цифру «1», о чемъ составъ суда призналъ необходимымъ составить протоколъ и теперь въ архивѣ К. суда должно покоится дѣло Бл. съ подчисткою лѣтъ въ послуж. спискѣ Бл., совершенною тѣмъ самимъ С., который не затруднился заявить, что нельзя давать защитникамъ дѣлъ для просмотра, не то, того и гляди окажется подлогъ, и съ протоколомъ о такой подчисткѣ. Одно изъ послѣднихъ рѣшеній главн. воен. суда, именно 1882 г. № 14, знакомитъ насъ съ фактомъ, изъ котораго прекрасно видно, какъ судьи и прокуроры не любятъ себя утруждать, имъ какъ бы скорѣй отдѣлаться. Въ М. окр. судѣ разсматривалось дѣло о ш.-р. З., обвинявшемся въ жестокомъ обращеніи съ солдатомъ Л., умершимъ благодаря жестокостямъ З. Родственники Л. предъявили гражданскій искъ къ З. По прочтеніи обвинительнаго акта, по предложеніи подсудимому установленныхъ вопросовъ, прокуроръ М.

заявилъ суду, что въ виду затрудненій, какія встрѣчаются въ разрѣшеніи предъявленнаго гражданскаго иска, для сокращенія времени производства дѣла, не угодно ли будетъ суду предложить повѣренному гражданскаго истца окончить дѣло миромъ, и судъ послушался прокурора, произвелъ примирительное разбирательство. Главн. воен. судъ, впрочемъ, нашелъ дѣйствія прокурора и суда противными основнымъ началамъ уголовнаго судопроизводства, не допускающимъ вмѣшательства прокурорскаго надзора въ разрѣшеніе вопросовъ по существу гражданскаго иска, и съ другой стороны разрѣшенія судами требованій гражданскаго иска по существу до выясненія личной отвѣтственности подсудимаго. Точно также судьи, какъ только за ними нѣтъ уже никакого надзора, торопятся и рѣшаютъ дѣла цѣлыми массами. Это бываетъ въ командировкахъ, во временныхъ судахъ; заберется себѣ судъ куда нибудь въ захолустье, вдали отъ надзора своихъ товарищей отчасти и отъ всякаго надзора публики да и печетъ дѣла какъ блины; назначаетъ судъ каждый день засѣданія да и отхватываетъ дѣлъ 10 въ день; тогда какъ въ постоянномъ мѣстѣ пребыванія назначаютъ засѣданіе съ промежутками да и самое большее по 5 дѣлъ. Во временныхъ судахъ предсѣдатели входятъ въ стачки съ защитниками; нужно вызвать защитѣ свидѣтеля, но этотъ вызовъ разстроиваетъ очередь и придется ждать долго прибытія свидѣтеля, предсѣдатель и проситъ защитника не вызывать свидѣтеля и съ своей стороны обѣщаетъ напередъ оправдать обвиняемаго. На томъ и мирятся, но случается, что защитникъ попадаетъ въ просакъ: свидѣтеля не вызовутъ, а обвиняемаго накажутъ. Есть одинъ генералъ, котораго за быстрое рѣшеніе дѣлъ въ командировкахъ, такъ и назвали скорострѣльнымъ. Судьи не любятъ, чтобъ читались документы, потому что чтеніе затягиваетъ дѣло, а вѣдь документы могутъ быть потомъ прочтены въ совѣщательной комнатѣ.

Судьи слушаютъ невнимательно, что передъ ними происходитъ, съ самоувѣренностью заявляютъ, что все, что говорится на судѣ для

нихъ давно извѣстно, а между тѣмъ ошибки, изобличающія ихъ невнимательность, доказывающія, что судьи относятся спустя рукава къ своей обязанности и заботятся лишь о томъ, какъ бы скорѣе отдѣлаться, а затѣмъ какъ ни рѣшено дѣло, то рѣшено—безчисленны.

Такъ напр. изъ рѣшенія глав. суд. 1878 г., № 32, видно, что судъ послѣ заключительныхъ преній опомнился, что не все выяснено на судѣ, и потому, во время постановленія уже резолюціи, судъ потребовалъ въ совѣщательную комнату обвиняемаго и орудіе, которымъ совершено было преступленіе и сталъ въ совѣщательной комнатѣ дополнять свои впечатлѣнія и воспоминанія, вынесенныя изъ судебнаго слѣдствія. Или вотъ что. Удалившись въ совѣщательную комнату для постановленія резолюція, судъ черезъ нѣсколько времени возвратился въ зало засѣданія и возобновилъ судебное слѣдствіе, передопросилъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, причемъ, не смотря на просьбу защитника, основанную на 737 ст., предсѣдатель не объявилъ сторонамъ, что именно подало поводъ къ дослѣдованію (рѣш. главн. воен. суд. 1880 г., № 152). Обвинялся коновалъ въ томъ, что ему были даны 10 руб. для покупки набора коновальскихъ инструментовъ, а онъ деньги эти растратилъ. Послѣ заключительныхъ преній, когда судъ удалился для совѣщаній, предсѣдатель генер. Максимовъ выслалъ изъ совѣщательной комнаты временнаго судью Нефедова, чтобы онъ отъ самого обвиняемаго собралъ дополнительныя свѣдѣнія.

Субъектъ обвиняется въ одномъ преступленіи, а его по невнимательности суда приговариваютъ къ наказанію за другое, о которомъ и рѣчи не было. Приговоры судовъ обнаруживаютъ невнимательность судей, такъ напр. суды постоянно противорѣчатъ въ изложеніи и рѣшеніи предметовъ обвиненія; противорѣчатъ въ приговорахъ вслѣдствіе неправильной постановки вопросовъ; сначала судъ оправдываетъ по какому нибудь обвиненію, а затѣмъ тоже обвиненіе, въ томъ же приговорѣ считается доказаннымъ. Примѣры сказаннаго многочисленны. Судъ оправдалъ обвиняемаго въ такомъ преступ-

ленiи, въ которомъ онъ вовсе не обвинялся (рѣш. глав. воен. суд., № 219). Судъ оправдалъ обвинявшагося въ растратѣ артельныхъ денегъ, въ чемъ не обвинялся прокуроромъ, а между тѣмъ не вошелъ въ разсмотрѣніе указаннаго въ обвинительномъ актѣ обвиненія въ небрежномъ храненіи денегъ, 1871 г., № 195. Обвиняется субъектъ въ пьянствѣ и самовольной отлучкѣ, а судъ въ приговорѣ ничего не говоритъ о пьянствѣ.

Подсудимый обвинялся въ вооруженной кражѣ, судъ ни въ вопросахъ, ни въ приговорѣ не указалъ, былъ-ли подсудимый вовооруженъ во время кражи (1877 г., № 40). По вопросному листу подсудимый былъ признанъ виновнымъ въ отлучкѣ съ поста часоваго, по резолюціи же подсудимый обвинялся въ отлучкѣ съ караула (1877 г., № 40). Судъ не вошелъ вовсе въ разрѣшеніе, указаннаго въ выводахъ обвинительнаго акта, обстоятельства о томъ, что подсудимый бѣжалъ для избѣжанія суда за растрату казеннаго имущества (1872 г., № 43). Судъ не включилъ въ вопросъ и не разрѣшилъ въ приговорѣ, указанныхъ въ выводахъ обвинительнаго, акта обстоятельствъ о томъ, что послѣдствіемъ нарушенія подсудимымъ правилъ караульной службы былъ побѣгъ арестанта (1875 г. № 22).

Судъ ни въ вопросахъ, ни въ приговорѣ не указалъ когда возвращены подсудимымъ, растраченныя имъ, прогонныя деньги, прежде или послѣ открытія этого злоупотребленія, тогда какъ подобное обстоятельство въ виду 232 ст. уст. о нак. должно было имѣть важное вліяніе на опредѣленіе по закону наказанія, а потому подлежало разрѣшенію суда вмѣстѣ съ другими обстоятельствами по существу дѣла (1872 г., № 287). Судъ отвергнулъ обвиненіе подсудимаго въ удержаніи у себя указовъ объ отставкѣ нижнихъ чиновъ съ цѣлью вымогательства, а усмотрѣвъ на судебномъ слѣдствіи виновность въ похищеніи указовъ изъ мѣста службы, не вошелъ въ обсужденіе этого послѣдняго обвиненія (1874 г., № 42). Судъ сначала призналъ, что обвиняемый вынесъ изъ склада похищенные предметы, а потомъ, что

онъ намѣревался вынести ихъ изъ склада, вслѣдствіе чего былъ приговоренъ къ наказанію за покушеніе на кражу (1872 г. № 48).

При разрѣшеніи вопросовъ двое подсудимыхъ признаны виновными въ убѣжденіи нижнихъ чиновъ къ подписанію жалобы на начальника своей команды, которая и была подписана, но оправданы въ собираніи подписей къ этой жалобѣ, а третій подсудимый, признанный вмѣстѣ съ первыми двумя виновнымъ въ соглашеніи подать жалобу, вовсе былъ оправданъ (1872 г., № 272). Подсудимый по первому вопросу признанъ виновнымъ въ нанесеніи побоевъ, послѣдствіемъ коихъ было нѣкоторое поврежденіе здоровья потерпѣвшаго, а по другому вопросу утверждалось, что виновнымъ были причинены обиженному побои легкіе безъ вліянія на его здоровье. Судъ оправдалъ двухъ подсудимыхъ въ отлучкахъ и пьянствѣ, а между тѣмъ въ разрѣшенныхъ вопросахъ и приговорѣ относительно третьяго подсудимаго, призналъ его виновнымъ въ тѣхъ же проступкахъ, указавъ, что онъ отлучился и пьянствовалъ съ первыми двумя подсудимыми (1877 г., № 155). Въ одномъ вопросномъ листѣ, въ отвѣтъ на одинъ вопросъ, преступленіе было отвергнуто, а въ отвѣтѣ на другой вопросъ тоже преступленіе признано совершившимся, затѣмъ судъ, замѣтивши такую несообразность, написалъ другой вопросный листъ, въ которомъ исправилъ противорѣчіе (1876 г., № 95). Судъ призналъ обвиненіе въ растратѣ доказаннымъ, затѣмъ перерѣшилъ дѣло и призналъ растрату не доказанною. Первый отвѣтъ былъ просто зачеркнутъ и вмѣсто него написанъ другой (1876 г., № 155). По приговору смягчено наказаніе въ виду полнаго съ раскаяніемъ признанія подсудимаго, между тѣмъ въ вопросномъ листѣ объ этомъ обстоятельствѣ не было упомянуто и изъ протокола видно, что за несознаніемъ подсудимаго производилось судебное слѣдствіе (1877 г., № 35).

Думаемъ, что послѣ сказаннаго мало найдется такихъ наивныхъ, которые были бы увѣрены, что судъ внимательно относится къ дѣлу и что впередъ можно быть увѣреннымъ, что дѣло будетъ имѣть та-

кой, а не другой исходъ. — Просимъ вспомнить читателя о дѣлѣ слѣдователя С.; изложеніе этого дѣла, думаемъ, запечатлѣло въ памяти читателя, что на внимательность даже однихъ постоянныхъ судей плоха надежда; но пойдемъ далѣе.

Судъ разсматривалъ дѣло о рядов. Ер., который обвинялся въ оскорбленіи дѣйствіемъ своего унтеръ-офицера Лыс., именно онъ обвинялся въ томъ, что, поднявши съ пола казармы камень, намѣревался бросить камнемъ въ Лыс. Ер. отрицалъ обвиненіе и утверждалъ, что у него и камня въ рукахъ не могло быть, такъ какъ казарма помѣщалась 3 въ этажѣ; судъ допрашивалъ свидѣтелей по этому дѣлу. Кромѣ того Ер. обвинялся еще въ грабежѣ и тутъ тоже не сознался. Судъ призналъ Ер. виновнымъ только въ оскорбленіи дѣйствіемъ своего унт.-оф., и за это преступленіе смягчилъ ему наказаніе, *такъ какъ онъ чистосердечно раскаялся.* Сообразно съ этимъ и протоколъ былъ написанъ такъ: «Ер. не сознался въ грабежѣ», а затѣмъ сдѣлана такая поправка: «не сознавался *только* въ грабежѣ».

Изъ массы рѣшеній глав. воен. суда видно, что въ приговорахъ судовъ постоянно замѣчается неполнота, неясность и неопредѣленность въ изложеніи предметовъ обвиненія; но, не опредѣляя предметовъ обвиненія, судьи, можно сказать, рѣшаютъ дѣла по *впечатлѣнію*, а не по убѣжденію, основанному на данныхъ судебнаго слѣдствія.

Судъ опредѣлилъ подсудимому въ окончательномъ выводѣ наказаніе за нанесеніе частному лицу ранъ, а между тѣмъ ни въ вопросахъ, ни въ резолюціи, ни въ изложеніи предметовъ обвиненія, ни въ приговорѣ не упомянулъ объ ранахъ (1877 г. № 242). Начнутъ въ приговорѣ пояснять предметы обвиненія и выходитъ прямое измѣненіе сущности рѣшенія, не помѣщаютъ соображеній въ приговорахъ о примѣненіи того или другаго закона, опредѣляющаго родъ преступленія и наказанія въ законныхъ предѣлахъ власти суда; вообще приговоры пишутся небрежно, безсодержательно, недоконченно.

Разсматривалось судомъ дѣло объ офицерѣ Гр., обвинявшемся въ истязаніяхъ унт.-оф. Куд. и былъ Гр. въ томъ признанъ невиновнымъ. Недѣли черезъ двѣ разсматривалось дѣло о томъ же унт.-оф. Куд. который по требованію начальства обвинялся въ маловажныхъ нарушеніяхъ дисциплины въ отношеніи того же офицера Гр. и тотъ же самый составъ суда, оправдавшій Гр. въ истязаніяхъ, призналъ Куд. виновнымъ въ слѣдующемъ: «въ томъ, что послѣ того какъ, явясь съ провіантскою отчетностью къ капитану Гр. онъ былъ избитъ симъ послѣднимъ нагайкой и руками до синяковъ подъ глазомъ и на другихъ частяхъ тѣла, причемъ дверь въ квартиру капит. Гр. была послѣднимъ заперта на ключь, для того чтобъ подсудимый не могъ уйдти, онъ, подсудимый, между прочимъ, сказалъ: я сдѣлалъ что нужно, а драться вы не смѣете, я буду жаловаться полковому командиру». Наличность всѣхъ этихъ предметовъ, доказывавшихся тѣми же свидѣтелями, тѣми же данными, тѣже судьи не признали, когда разсматривали дѣло Гр. и признали, когда разсматривали дѣло Куд. А очевидно, что всѣхъ тѣхъ предметовъ обвиненія, которыя заключены въ ковычкахъ, достаточно для признанія Гр. виновнымъ въ истязаніи. Куд. —Разница въ составѣ суда при разсмотрѣніи дѣлъ кап. Гр. и унт.-оф. Куд. состояла вся въ томъ, что предсѣдательствовавшіе постоянные члены суда были разные.

Вопросы ставятся въ нашихъ судахъ совершенно несогласно ни съ духомъ закона, ни съ логикою. Всѣ вопросы пишутся предсѣдателями заранѣе, слово въ слово переписываются изъ заключенія обвинительнаго акта; эти такъ названые «проэкты» вопросовъ постоянно приходится видѣть вложенными въ дѣло, когда берешь дѣло для просмотра передъ судебнымъ засѣданіемъ и затѣмъ эти же проэкты предлагаются судьямъ для разрѣшенія; прослушаетъ судъ судебное слѣдствіе, и какъ бы оно ни измѣняло обстоятельствъ дѣла, въ «проэктахъ» ни на іоту не дѣлается измѣненій, всѣ обстоятельства, выясненныя на судѣ, такъ и пропадаютъ даромъ, въ вопросы не

вносятся; всякія измѣненія требовали бы труда предсѣдательствующаго, а отъ всякой работы Господь да избавитъ; и что за бѣда, что дѣло будетъ неправильно рѣшено; лишь бы поскорѣй, да безъ труда.

Сами судьи послѣ своихъ приговоровъ, послѣ засѣданій, удивляются, какъ они только рѣшили то или другое дѣло, какъ они несправедливо приговорили, какъ они рѣшили дѣло, не выяснивъ его. Ихъ приговоры являются для нихъ самихъ неожиданностью, а все это можетъ, быть при полномъ невниманіи, при неумѣніи вникать въ дѣло, понять его. Мы знаемъ такое дѣло: солдаты занимались въ лабораторіи въ нѣсколькихъ ея отдѣленіяхъ, разными спеціальностями; двое изъ насыпавшихъ порохъ въ патроны по окончаніи работъ, проходя черезъ отдѣленіе, въ которомъ производилась окончательная обработка патроновъ и, пользуясь тѣмъ, что тамъ никого не было, похитили нѣсколько патроновъ, стоющихъ нѣсколько копѣекъ и судъ призналъ ихъ виновными въ растратѣ, ввѣреннаго имъ по службѣ имущества. Гдѣ, кѣмъ, кому были ввѣрены патроны? не обвиняемымъ же, конечно, такъ какъ ихъ занятіе заключалось совсѣмъ не въ окончательной обработкѣ патроновъ. Всѣ эти вопросы остались для временныхъ судей темна вода во облацѣ; достаточно того, что подсудимые по обвинительному акту, составленному согласно съ рѣшеніями главнаго военнаго суда, обвинялись въ растратѣ, достаточно, что предсѣдательствовалъ Ст., который извѣстенъ своею старательностью и угнетеніемъ временныхъ военныхъ судей, и признали рабовъ Божіихъ виновными въ растратѣ, растратѣ не пополненной, и приговорили въ исправительныя отдѣленія гражданскаго вѣдомства. Послѣ засѣданія судьи опомнились, стали недоумѣвать и спрашивали другихъ, какъ это они такъ опростоволосились; другіе конечно не рѣшались имъ высказать въ глаза въ чемъ дѣло. Черезъ годъ мы встрѣтили одного гусара, который былъ временнымъ членомъ того суда,

о которомъ идетъ рѣчь, и онъ все еще не могъ забыть дѣла съ патронами. Гусаръ годъ помнилъ о дѣлѣ, цѣлый годъ не могъ простить себѣ своего приговора; должно быть уже больно некрасивъ былъ этотъ приговоръ. Судьи разсматривали дѣло о прапорщикѣ Ход. и находили его въ здравомъ умѣ, но предсѣдательствовалъ Ак. и настоялъ на томъ, чтобъ признали Ход. сумасшедшимъ; нѣсколько разъ голосовали вопросъ, Ак. пригрозилъ, что до тѣхъ поръ не выпуститъ судей изъ комнаты для совѣщаній, пока дѣло не рѣшатъ такъ, какъ ему желательно. На другой день судьи показывали себя возмущенными насиліемъ предсѣдателя и спрашивали какъ имъ оградить себя отъ таковыхъ на будущее время. Спрашивали, можно ли подать рапортъ на насилія предсѣдательствующаго. Имъ отвѣчали, что можно, но безполезно, а лучшее средство быть самостоятельными во время.

Судьи постановляютъ о закрытія дверей засѣданія и потомъ признаются, что не читали того циркуляра, на основаніи котораго постановили закрыть двери. Судьи по дѣлу офицера Тар. приговорили его къ исключенію изъ службы и на другой день жаловались, что дѣло о немъ не было выяснено.

Думаемъ, что мы доказали то, что предположили.

Восьмирантія.

Вниманіе судей къ дѣлу можетъ быть возбуждено тѣмъ участіемъ какое въ дѣлѣ принимаютъ стороны. Какъ ни открещиваются судьи отъ прокурорскихъ и защитническихъ рѣчей и судебнаго слѣдствія, какъ они ни смѣло говорятъ, что все сами знаютъ, какъ ни сомнительно это послѣ всего нами уже сказаннаго, и будетъ еще сказано, какъ ни дурно рекомендуетъ судей, доказывая, что они относятся къ своему дѣлу недостойно своего званія, во всякомъ случаѣ да не смущаетъ это прокуроровъ и защитниковъ и да продолжатъ они просвѣщать и наставлять военныхъ судей, какъ умѣютъ. Несомнѣнно, что прокуроры и защитники просвѣщаютъ судей, удерживаютъ ихъ на томъ пути, который начертанъ для хода процесса въ судеб. уставахъ; волей-неволей, хотятъ ли судьи слушать или нѣтъ чтеніе

документовъ, хотятъ ли они слушать подробный допросъ свидѣтелей о томъ, какъ все было на самомъ дѣлѣ въ данномъ случаѣ и вообще бываетъ, хотятъ ли слушать показанія свидѣтелей, хотятъ ли они знать мотивы заключенія экспертовъ, разсматривать вещественныя доказательства, хотятъ ли они слушать соображенія и доводы защиты и обвиненія, все-таки и прокуроры и защита не должны унывать и съ подробностью и усердіемъ будить вниманіе судей, приковывать его къ разнымъ моментамъ дѣла. По военному уставу одна часть процесса оставлена безъ всякаго участія сторонъ, именно стороны не имѣютъ никакого участія, въ постановкѣ вопросовъ и что же изъ этого вышло? нѣтъ другой части процесса, въ которой бы незнаніе, неумѣлость военныхъ судей болѣе бы выказывались, какъ въ постановкѣ вопросовъ; нѣтъ другой части процесса, которая бы такъ часто возбуждала кассаціонныя жалобы и протесты, какъ постановка вопросовъ; правда, съ одинаковою неумѣлостью пишутъ приговоры; писаніе этихъ приговоровъ вызываетъ такую же страшную массу протестовъ, какъ и постановка вопросовъ, но думаемъ, что неправильное составленіе приговоровъ есть уже послѣдствіе неумѣлости писанія вопросовъ.

Отъ постановки вопросовъ зависитъ именно полнота приговоровъ, правильность ихъ; правильно поставленный вопросъ сразу напоминаетъ все дѣло, возбуждаетъ память и воображеніе и правильно направляетъ самый процессъ мышленія. Вопросъ есть основа, программа всѣхъ сужденій; все содержаніе дѣла должно заключаться въ вопросахъ. Если вопросы сбивчивы, не категоричны, не полны, то таковы конечно будутъ и сужденія по нимъ. Отъ неправильной постановки вопросовъ, служащихъ исходной точкой для судейскаго мышленія истекаютъ неправильныя разсужденія и рѣшенія, потому нужно позаботиться объ устраненіи существующей неправильности, а единственно вѣрный и легко исполнимый способъ есть именно предоставленіе сторонамъ участія въ постановкѣ вопросовъ. Участіе сто-

ронъ есть такимъ образомъ важная гарантія правосудія, а между тѣмъ нашъ судъ гарантіей этой не дорожитъ; въ послѣднее время стали ходить слухи, что въ дисциплинарныхъ преступленіяхъ защита будетъ упразднена; этотъ слухъ никого не коробитъ и защиту болѣе и болѣе продолжаютъ парализовать. Правильность рѣшенія дѣла зависитъ отъ правильной постановки вопросовъ, независимо отъ всякихъ соображеній и доказательствъ того, какъ неправильная постановка вопросовъ отразилась на приговорѣ. При неправильной постановкѣ вопросовъ, приговоръ не можетъ быть правиленъ, неправильно поставленный вопросъ самъ по себѣ есть уже краснорѣчивое доказательство того. Обсужденіе вопроса происходитъ не публично, потому стороны лишены возможности указать въ чемъ неправильность вопроса повлекла за собой неправильность резолюціи. Составители гражданскихъ судебныхъ уставовъ такъ и понимали это дѣло, потому допустили публичную, гласную постановку вопросовъ; также понимаютъ дѣло и стороны въ гражданскихъ судахъ, потому энергично защищаютъ каждое слово, включенія котораго въ вопросъ требуютъ.

Девятая гарантія.

Неправильная постановка вопросовъ судомъ, или кѣмъ бы то ни было, доказываетъ, что самое дѣло не понято не уяснено, что тѣ, кто ставилъ вопросы, не вникли въ существо дѣла, а въ такомъ случаѣ и приговоры не могутъ быть правильны. Такимъ образомъ вредъ, вліяніе дурной постановки вопросовъ на приговоръ никакихъ доказательствъ не требуетъ; разъ доказано что вопросы поставлены дурно, нѣтъ сомнѣнія, что и приговоръ неправиленъ. Мы видѣли въ нѣсколькихъ приведенныхъ рѣшеніяхъ главнаго военнаго суда, какъ неправильный приговоръ прямо произошелъ изъ неправильной постановки вопросовъ. Но главный военный судъ думаетъ иначе, и умалилъ значеніе вопросовъ, которыя ставятся безъ участія сторонъ, до послѣдней степени. Главный военный судъ низвелъ постановку вопросовъ до жалкаго механическаго списыванія заключенія обвини-

тельнаго акта слово въ слово. Несогласіе съ постановкой вопроса, главный военный судъ дозволяетъ судьямъ выражать въ отвѣтахъ на вопросы и такимъ образомъ нарушаетъ законъ, по которому вопросы ставятся не только по выводамъ обвинительнаго акта, но и согласно съ судебнымъ слѣдствіемъ. Сказанныя требованія главнаго военнаго суда видны изъ рѣшеній его по дѣлу о казакѣ Щ.. о которомъ мы уже говорили выше и изъ рѣшенія 1881 г. № 139.

Главному военному суду жалуются на неудовлетворительную постановку вопросовъ и главный военный судъ, не входитъ въ оцѣнку критику вопросовъ, а коротко отвѣчаетъ: вопросъ поставленъ по обвинительному акту, слово въ слово, значитъ судъ дѣйствовалъ правильно.

Въ рѣшеніи (1874 г., № 45) главн. воен. судъ прямо заявилъ, что протесты и жалобы на неправильную постановку вопросовъ допускаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда неправильность эта отразилась на приговорѣ, или же когда приговоръ становится въ явное противорѣчіе съ разрѣшенными на судѣ вопросами. Но какихъ вопросовъ? когда вопросы поставлены скверно, неясно, не категорично, не имѣютъ содержанія, сбивчивы. На это и жалуются, а главный воен. судъ думаетъ, что все-таки съ такими вопросами долженъ согласоваться приговоръ и такой приговоръ можетъ быть правиленъ. Поставить такую рамку для жалующихся, значитъ поставить преграду для самыхъ законныхъ жалобъ. Противорѣчіе между опредѣленіемъ вины подсудимаго съ одной стороны по разрѣшеннымъ вопросамъ, а съ другой по резолюціи, по рѣшенію главн. воен. суда только тогда и постольку составляетъ существенное нарушеніе, по скольку эта погрѣшность отразилась на самомъ приговорѣ, въ немъ не исправлена; затѣмъ по рѣшеніямъ главнаго военнаго суда (1876 г. №№ 142 и 152) соединеніе двухъ предметовъ обвиненія въ одинъ вопросъ не можетъ быть признано существеннымъ нарушеніемъ, если это не отразилось на сущности приговора. Боже мой, что это за логика

такая? Невѣренъ исходный пунктъ, невѣренъ, сбившивъ весь процессъ мышленія, а выводъ разумный! Развѣ это возможно?

Въ рѣшеніи своемъ 1876 г., № 191, главный военный судъ разъяснилъ, что хотя военный судъ, встрѣтивъ сомнѣніе въ дѣйствительности совершеннаго подсудимымъ дѣянія, въ которомъ онъ обвинялся по обвинительному акту, обязанъ былъ поставить отдѣльный вопросъ объ обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи обстоятельствахъ и разрѣшить ихъ по внутреннему убѣжденію, тѣмъ не менѣе неисполненіе сего въ данномъ случаѣ не составляло существеннаго нарушенія, такъ какъ основаніе, послужившее поводомъ суду постановить о невинности подсудимаго, подробно изложено въ приговорѣ, выражающемъ сущность судебнаго рѣшенія. И такъ тутъ уже вовсе не было вопроса поставлено, а приговоръ все-таки правиленъ.

Слѣдующія рѣшенія главнаго суда также способствуютъ умаленію значенія постановки вопросовъ. Помѣщеніе въ резолюціи, говоритъ глав. военный судъ, при изложеніи предметовъ обвиненія, такого обстоятельства, не значущагося въ вопросахъ, не вошедшаго потомъ и въ подробный приговоръ, которое служитъ лишь поясненіемъ разрѣшенныхъ вопросовъ, представляетъ нарушеніе 845 ст., не существенное и не ведущее къ отмѣнѣ приговора. Также не существенное нарушеніе представляетъ введеніе въ изложеніе резолюціи такого не разрѣшеннаго въ вопросахъ обстоятельства, которое осталось безъ вліянія на опредѣленіе въ приговорѣ рода преступленія и наказанія, назначеннаго правильно (1869 г., № 118).

Таковы взгляды главнаго военнаго суда на постановку вопросовъ, одну изъ важныхъ гарантій правосудія; не дорожитъ, какъ видно, главный военный судъ этой гарантіей; главный военный судъ долженъ бы былъ, не отвѣчающихъ своему призванію, судей обращать на путь истинный, а между тѣмъ дѣятельность главнаго воен.

суда далека отъ того, чего можно было бы требовать. Оправданіемъ для главнаго военнаго суда не можетъ служить, что онъ уважаетъ приговоры суда, что не хочетъ колебать этихъ приговоровъ; нѣтъ, мы видѣли, что главн. воен. судъ колеблетъ силу приговоровъ не задумываясь, когда это ему нужно. Главный военный судъ просто равнодушенъ къ приговорамъ, потому что не дѣятеленъ, потому что не знаетъ чего ему держаться, потому что самъ не установилъ принциповъ, рѣшаетъ дѣла подъ вліяніемъ момента. Всѣ понимаютъ причины равнодушія главнаго военнаго суда. Если видятъ, что вы въ кассаціонной жалобѣ, или протестѣ стараетесь изложить дѣлообстоятельно подробно, ваше стараніе будетъ встрѣчено улыбкой недовѣрія, состраданія со стороны человѣка, который знаетъ лучше въ чемъ дѣло. Вамъ скажутъ: охота вамъ трудиться, все равно ничего не станутъ читать, ни надъ чѣмъ не остановятся; прочтутъ резюме, изъ котораго запомнятъ черезъ 10 въ пятое, да такъ и рѣшатъ какъ придется. Такое направленіе глав. воен. суда прямо высказывается въ его дѣятельности. Главный судъ во всемъ, не менѣе чѣмъ и относительно вопросовъ, не заботился, чтобъ рѣшенія были логичны, правильны, разумны; главный военный судъ взвѣшивалъ только результатъ, резолюцію, но ему нѣтъ никакого дѣла до того, какъ этотъ результатъ полученъ; этого мало, главн. воен. судъ даже неправильный результатъ оставляетъ въ силѣ, если только онъ могъ послѣдовать при какихъ либо обстоятельствахъ, хотя и другихъ сравнительно съ тѣми, которыя имѣли мѣсто въ данномъ дѣлѣ. Только результатъ изъ рукъ вонъ плохой, невозможный ни при какихъ условіяхъ, встрѣчаетъ неодобреніе главнаго военнаго суда. Конечно, главн. воен. судъ поступаетъ ошибочно, вредно. Результатъ не можетъ быть правиленъ, если онъ добытъ кривыми путями, если исходный пунктъ мысли судей былъ взятъ ложно, если затѣмъ ходъ мышленія былъ не послѣдователенъ; при такихъ условіяхъ правильный результатъ можетъ получиться только случайно. Случайно правильныхъ резуль-

татовъ можетъ получиться положимъ 10 на 100 неправильныхъ и главн. судъ, натыкаясь только на эти 10, не знаетъ о 90 неправильныхъ, отъ чего не легче тѣмъ, которые страдаютъ въ этихъ 90 неправильныхъ случаяхъ. Существуетъ такое мнѣніе, что глав. воен. судъ не академія, потому учить окружные суды правильно мыслить, знать законы—не его дѣло. Главн. воен. судъ, говорятъ, долженъ только преслѣдовать практическія цѣли. Если главный военный судъ видитъ, что человѣка приговорили къ $1^1/_2$ годамъ исправительныхъ гражданск. отдѣленій, то для главнаго военнаго суда, будто бы, рѣшительно все равно приговорили ли къ такому наказанію за лихоимство, или за кражу со взломомъ, лишь бы судъ не вышелъ изъ предѣловъ власти. Но нелѣпость такого утвержденія очевидна; еслибъ суды знали, что процессъ ихъ мышленія будетъ провѣренъ, они относились бы къ дѣлу съ осторожностью, и начавъ разсуждать о лихоимствѣ напр., какъ о предметѣ подлежащемъ сужденію, судъ, не уклоняясь въ сторону, обсудилъ бы и взвѣсилъ все, что нужно, чтобы рѣшить вопросъ имѣется ли на лице лихоимство въ данномъ случаѣ; если же суды не привыкли строго разбирать дѣло, потому только, что развѣ не все равно, чтобы не признать—лихоимство, такъ лихоимство, кражу такъ кражу, лишь бы назначить не болѣе $1^1/_2$ лѣтъ исправительныхъ отдѣл., то есть 4 ст. 31 ст., тогда и совершенно безвинное дѣйствіе пройдетъ за лихоимство, или за кражу; судъ на первыхъ порахъ встрѣчаетъ въ дѣлѣ какіе-то неточные, неясные намеки, и если судьямъ нѣтъ охоты, да и не видится надобности вдумываться, съ чѣмъ они собственно имѣютъ дѣло, тогда одного бѣглаго, отдаленнаго сходства съ преступленіемъ будетъ достаточно для того, чтобы признать преступленіе. Только обдуманное, точное сужденіе гарантируетъ правильность результата. Странно, что на то, что требуется во всякой области человѣческой мысли, во всякомъ дѣлѣ—правильное логическое мышленіе, отправляющееся отъ извѣстной правильно установленной посылки, въ дѣлѣ такомъ важномъ, такомъ серьезномъ, какъ су-

дебное, котораго вся сущность въ правильномъ сужденіи, въ такомъ именно дѣлѣ необращается никакого вниманія.

При отсутствіи правильности въ мышленіи, при довольствованіи *возможными* только результатами, а не правильными, и получается неравномѣрное правосудіе, судъ съ характеромъ случайнымъ, и тяжело такое правосудіе отзывается на личностяхъ, по несчастью имѣвшихъ дѣло съ судомъ, отсюда-то и явилась фраза, которою обозначаютъ результаты правосудія «выигралъ дѣло, проигралъ дѣло». Отъ того-то, идя на судъ, и нельзя сказать, оправдаетъ-ли судъ обвиняемаго или обвинитъ. Оттого-то и являются такіе случаи, что и самъ защитникъ часто, примѣняясь по возможности къ пріемамъ суда, проситъ судъ только о снисхожденіи, или обвиненіи въ другомъ меньшемъ преступленіи, а судъ выноситъ оправдательный приговоръ.

Пусть главн. воен. судъ не боится того, что если онъ будетъ строгъ къ работѣ суда, если онъ будетъ отмѣнять рѣшенія изъ за неправильныхъ разсужденій судей, то главному суду придется много работать, часто отмѣнять приговоры судовъ. Нѣтъ, если замѣтятъ извѣстную систему, направленіе въ требованіяхъ главнаго военнаго суда, то будутъ строже, будутъ внимательнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и логичнѣе въ своихъ сужденіяхъ, и выгодные результаты окажутся сами собою; протестовъ и жалобъ будетъ еще меньше, потому что приговоры будутъ правильнѣе, потому что одной гарантіей правосудія будетъ больше.

Десятая гарантія.

При системѣ, которой держался до сихъ поръ главный военный судъ, процентъ дѣлъ неправильно разрѣшенныхъ долженъ быть особенно великъ именно въ военныхъ судахъ. Тотъ, еле дышащій, институтъ защитниковъ въ военныхъ судахъ, который мы имѣемъ въ кандидатахъ на военно-судебныя должности, конечно знакомъ-же съ порядками главнаго военнаго суда, конечно не станетъ очень много

заботиться о возстановленіи истины по каждому дѣлу, когда извѣстно, что жаловаться на приговоры судовъ безнадежно, что приговоръ, какъ-бы ни очевидна была его неразумность, останется не поколебленнымъ. Сами обвиняемые люди бѣдные, необразованные, лишены всякой энергіи, которая необходима, чтобъ дѣло довести до конца. Имѣй наши суды дѣло съ людьми умѣющими за себя постоять, практика нашихъ судовъ была-бы гораздо просвѣщеннѣе, умнѣе, а потому и справедливѣе. При настоящемъ положеніи дѣла суды не заботятся о соблюденіи формъ и обрядовъ судопроизводства, гарантирующихъ справедливость, о томъ, чтобъ сужденіе было правильное и согласное съ логикой; судъ знаетъ, что всѣ его ошибки, все его незнаніе, все нерадѣніе и всѣ возможныя злоупотребленія легко прикрыть: суду стоитъ сказать, не пропустить этого сказать въ своемъ приговорѣ что такой-то напр. ограбилъ другаго и никто уже не поставитъ вопроса какъ, откуда, какимъ путемъ дошелъ судъ до такого вывода. Когда-никогда, побуждаемый, такъ называемой, уголовной политикой, глав. воен. судъ хватается горячо за дѣло, и достается отъ него кому слѣдуетъ и кому не слѣдуетъ, но это бываетъ такъ рѣдко, такъ неожиданно и можетъ быть именно и бываетъ при самомъ правильномъ веденіи, или даже именно вслѣдствіе правильнаго веденія дѣла, что изъ за такой рѣдкой опасности, изъ за такой неожиданной бѣды не стоитъ всегда быть на-сторожѣ, не стоитъ всегда трудиться на неблагодарной работѣ, гдѣ и худо и хорошо, все идетъ за одно, все сваливается въ одну массу. Мы знаемъ напр., что К. интендантъ Сар. препроводилъ къ знаменитому прокурору Ст. дознаніе о сухарномъ дѣлѣ князя У. и просилъ произвести слѣдствіе, Ст. препроводилъ дознаніе къ надлежащему военному слѣдователю для производства слѣдствія. Кн. У. и комп. жаловались на неправильный ходъ дѣла, и главный военный судъ распушилъ Ст., нашелъ, что онъ поступилъ неправильно, взявши на себя роль передаточной инстанціи, замѣтилъ слѣдователю, что онъ не имѣлъ права принимать дознанія иначе, какъ отъ начальства об-

виняемыхъ, указалъ и суду, что онъ неправильно одобрилъ дѣйствія слѣдователя. Но какой же урокъ можно было бы извлечь изъ такого переполоха? никакого. Такъ главному военному суду на тотъ разъ надо было поступить, это было дѣло уголовной политики и больше ничего. А вотъ другое дѣло, съ тѣми же дѣйствующими лицами, подобное по внѣшности, но еще гораздо болѣе серьезное по важности нарушенія порядка уголовнаго преслѣдованія и прошло совершенно безслѣдно. Тотъ же прокуроръ не только передалъ дознаніе о побѣгѣ Д. надлежащему военному слѣдователю, но самъ назначилъ особеннаго, экстреннаго слѣдователя, что по уставу могъ бы сдѣлать одинъ только предсѣдатель суда, назначилъ слѣдователя такого, который былъ только способенъ и хотѣлъ только играть роль подставнаго лица, слѣдствіе же до мелочей производилось прокуроромъ; всѣ допросы, всѣ распоряженія, все исходило отъ него, всѣ протоколы допросовъ написаны были его собственною рукою, и никто этого не хотѣлъ знать и замѣчать, никого это не поразило, никто объ этомъ не печалился и все прошло благополучно. Обвиняемые были: офицеръ въ низшихъ чинахъ и солдатъ и все стерпѣли. Все дѣло кончилось тѣмъ, что защитникъ на судѣ констатировалъ фактъ, что слѣдствіе велъ Ст., а не назначенный имъ за слѣдователя Вар., который сидѣлъ только для обстановки, защитникъ вставилъ въ свою рѣчь сильную тираду въ которой успѣлъ сказать, прежде чѣмъ предсѣдатель его остановилъ, что дѣло его кліентовъ отъ начала до конца представляетъ рядъ беззаконій со стороны разныхъ власть имущихъ, что самъ прокуроръ, поставленный на стражѣ законовъ, первый ихъ нарушилъ. Все это было напечатано въ мѣстномъ органѣ печати и затѣмъ кануло въ Лету. Мы приводили, другіе примѣры того, какъ главный судъ пропускаетъ прегрѣшенія судебныхъ дѣятелей безъ послѣдствій, напр. относительно предсѣдательствовавшаго Акинина и др.

Главный военный судъ, признавая гарантіи правосудія нарушенными, оставлялъ эти нарушенія безъ послѣдствій, особенно если дѣло

шло въ пользу прокурора. Такъ въ своемъ рѣшеніи главный военный судъ признавши, что формы и обряды гарантирующіе справедливость рѣшенія суда нарушены, нашелъ, что такія нарушенія все-таки не могутъ быть причиною отмѣны приговора, потому что обвиняемый не доказалъ, чтобъ нарушеніе вредно отозвалось на его интересахъ.

Главный военный судъ оставилъ безъ послѣдствій жалобу на то, что одинъ изъ временныхъ членовъ суда, разсматривавшаго дѣло, не прослужилъ въ военной службѣ 3-хъ лѣтъ, хотя 30 ст., XXIV, положительно требуетъ такого срока и хотя въ судахъ военныхъ, и при имѣющихся въ виду преобразованіяхъ, предлагаютъ нѣкоторыя мѣры будто бы улучшенія въ организаціи судовъ, основанныя на томъ, что начальство присылаетъ въ судъ временныхъ членовъ не удовлетворяющихъ условіямъ опредѣленнымъ закономъ; говорятъ, будто бы начальство обходитъ эти законныя требованія, но кто же далъ этому поводъ, какъ не главный судъ своими рѣшеніями.

Пашевкинъ и Третьяковъ совершаютъ грабежъ, а Канаевъ совершаетъ кражу со взломомъ, ничего общаго съ грабежемъ неимѣющую и при участіи двухъ необнаруженныхъ по дѣлу лицъ, защитникъ совершенно справедливо жалуется на то, что дѣла Пашевкина, Третьякова и Канаева разсмотрѣны въ одномъ засѣданіи, чѣмъ нарушена непрерывность, но главный военный судъ, оставляетъ приговоръ въ силѣ на томъ основаніи, что въ жалобѣ не доказано, что одновременное сужденіе послужило во вредъ подсудимымъ и имѣло какое либо вліяніе на постановленіе о нихъ приговора (1876 г. № 195). Чѣмъ доказать такое вліяніе, развѣ мало что нарушена гарантія, положенная въ основаніе процесса, признанная всѣми важною?

По рѣшенію главнаго военнаго суда, несоблюденіе требованій 746 ст. и оставленіе свидѣтелей безъ присмотра не можетъ еще служить доказательствомъ того, что между свидѣтелями произошла стачка, если стороны не заявили о томъ своевременно суду и подсудимый въ

жалобѣ, въ подтвержденіе этого предположенія, не представилъ никакихъ доказательствъ (1870 г. № 32).

Нахожденіе нѣкоторыхъ допрошенныхъ свидѣтелей между публикой во время перерыва засѣданія для отдохновенія суда не составляетъ существеннаго нарушенія 746 ст., если въ жалобѣ подсудимый не указалъ, чтобъ обстоятельство это имѣло какое либо вліяніе на показаніе означенныхъ свидѣтелей (1873 г. № 30). Вообще отступленіе отъ порядка установленнаго 746 ст., по отношенію къ свидѣтелямъ, какъ-то разговоръ свидѣтелей съ посторонними лицами во время перерыва судебнаго засѣданія, отлучка свидѣтелей изъ свидѣтельской комнаты, или входъ допрошенныхъ свидѣтелей въ свидѣтельскую комнату при соблюденіи со стороны предсѣдателя по этому предмету всѣхъ требованій закона не составляетъ существеннаго нарушенія, если стороны не докажутъ, что нарушеніе это имѣло вредное вліяніе на приговоръ (1876 г. № 55). Бытность недопрошеннаго свидѣтеля въ залѣ судебнаго засѣданія во время допроса другаго свидѣтеля не можетъ быть признаваемо существеннымъ нарушеніемъ 746 ст., если предсѣдатель, распорядясь объ удаленіи этого свидѣтеля, въ то же время прикажетъ принять мѣры къ воспрепятствованію стачки между свидѣтелями, а стороны не укажутъ на происшедшія отъ того невыгодныя послѣдствія (1873 года №№ 204, 112).

Нарушеніе правила, по которому допросъ свидѣтелей начинается предложеніемъ ему разсказать все, что ему извѣстно по дѣлу не влечетъ за собою отмѣны приговора, если въ протестѣ или жалобѣ не указано, чѣмъ допущенное судомъ отступленіе отъ 787 ст., повліяло на постановленный о подсудимомъ приговоръ (1873 г. № 161, 1876 г. № 125).

Нарушеніе правила, по которому свидѣтелю предлагаются вопросы сначала той стороной, по ссылкѣ которой свидѣтель призванъ къ допросу, не признается существеннымъ, если ни подсудимый, ни

защитникъ о такомъ нарушеніи не заявляли на судѣ и въ кассаціонной жалобѣ не представлено доказательствъ на то, что оно имѣло вредное вліяніе на рѣшеніе дѣла о подсудимомъ (1873 г. № 160)

Сношеніе члена суда съ постороннимъ лицемъ до провозглашенія рѣшенія хотя составляетъ нарушеніе 818 ст., но не влечетъ отмѣну приговора, если удостовѣрено, что означенное сношеніе произошло послѣ разрѣшенія вопросовъ о виновности и опредѣленія подсудимому наказанія и если въ жалобѣ не приведены доказательства въ подтвержденіе предположенія, что означенное нарушеніе имѣло неблагопріятное вліяніе на исходъ дѣла (рѣш. главн. воен. суда 1869 г. № 39).

Бытность въ совѣщательной комнатѣ по окончаніи судебнаго слѣдствія, но до заключительныхъ преній, когда судъ находился въ ней для отдохновенія, а не для совѣщаній, одного изъ лицъ упомянутыхъ въ 818 ст., не составляетъ нарушенія (рѣш. главн. воен. суда 1874 г. № 26). Входъ секретаря въ совѣщательную комнату во время совѣщанія судей составляетъ нарушеніе 818 ст., не существенное, если въ жалобѣ не было приведено никакихъ доказательствъ того, что кратковременное пребываніе секретаря въ совѣщательной комнатѣ имѣло неблагопріятное вліяніе на исходъ дѣла (рѣш. глав. воен. суда 1872 г. № 173).

Можно удивляться, почему послѣ такихъ рѣшеній главный военный судъ отступилъ отъ своей системы и призналъ нарушеніе существеннымъ: 1) въ томъ, что по просьбѣ эксперта, призваннаго для освидѣтельствованія потерпѣвшаго, когда онъ окончилъ освидѣтельствованіе, допросъ одного изъ свидѣтелей былъ на время пріостановленъ и экспертъ по предложенію предсѣдателя далъ заключеніе въ присутствіи того свидѣтеля, котораго допросъ потомъ былъ продолженъ (1874 г. № 229), 2) въ томъ, что во время допроса свидѣтеля, судъ по предложенію защитника и вопреки возраженія прокурора вызвалъ изъ свидѣтельской комнаты двухъ другихъ свидѣте-

лей и подвергнулъ ихъ допросу, послѣ чего приступлено было къ допросу перваго свидѣтеля (1876 г. № 239). Слѣдовало бы и въ этихъ случаяхъ потребовать отъ сторонъ доказательствъ того, что нарушенія отразились на ихъ интересахъ.

Такимъ образомъ главный военный судъ требуетъ, чтобъ, каждый разъ обвиняемый доказалъ, какъ именно нарушеніе отразилось на его дѣлѣ, но развѣ мыслимы такія требованія? очевидно нѣтъ; однакоже на самомъ дѣлѣ вредъ можетъ существовать и весьма существенный, доказать же его положительно немыслимо. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ достаточно уже того, что важная гарантія нарушена и еслибъ главный судъ признавалъ достаточнымъ для отмѣны приговора одного только факта нарушенія гарантій, то такихъ бы нарушеній вовсе бы и не было; теперь нарушеній много только потому, что главный судъ ихъ допускаетъ. А между тѣмъ не трудно было бы поступать по законнымъ требованіямъ. Чего напр. стоило бы держать всѣхъ судей въ совѣщательной комнатѣ и не давать имъ возможности входить съ кѣмъ бы то ни было постороннимъ въ сношеніе въ продолженіи всего того времени, пока судъ рѣшаетъ дѣло, не напишетъ и не объявитъ резолюцію. Мы докажемъ невозможность той практики, которой держится главный военный судъ, слѣдующимъ соображеніемъ.

Важнѣйшею гарантіею правосудія считается публичность; ну положимъ, она была бы нарушена, положимъ двери были бы закрыты, обвиняемый жаловался бы, и что же? Главный военный судъ призналъ бы нарушеніе, но затѣмъ потребовалъ бы, чтобъ обвиняемый доказалъ, что это нарушеніе отозвалось вредно на его интересахъ. Очевидно, что такое требованіе не можетъ быть удовлетворено. Что могъ бы представить несчастный обвиняемый въ доказательство, что нарушеніе отразилось вредно на его интересахъ? Кромѣ общихъ фразъ—ничего. А между тѣмъ вредъ отъ неправильнаго закрытія дверей несомнѣнный, признанный цѣлымъ свѣтомъ. Не потому ли такъ

легко рѣшились въ послѣднее время на общую мѣру, ограничивающую, если не уничтожающую гласность, что будущіе, возможные обвиняемые не будутъ въ состояніи представить доказательствъ, чѣмъ именно закрытіе дверей можетъ вредно отразиться на ихъ будущихъ дѣлахъ?!

Практика кассаціоннаго сената совершенно иная и кассаціонный сенатъ не требуетъ невозможнаго отъ обвиняемаго, не требуетъ чтобъ онъ доказалъ въ чемъ именно нарушенія отразились вредно на приговорѣ суда. По многочисленнымъ рѣшеніямъ кассаціоннаго сената достаточно, чтобъ былъ доказанъ фактъ сношенія свидѣтеля съ посторонними лицами, допрошенныхъ свидѣтелей съ недопрошенными, стачки, точно также сношенія съ постороннимъ лицемъ присяжныхъ засѣдателей даже во время нахожденія ихъ внѣ особой для нихъ комнаты; кассаціонный сенатъ требуетъ чтобъ было доказано, что сношеніе происходило, что присяжный засѣдатель имѣлъ разговоръ съ постороннимъ лицемъ, разговоръ касающійся дѣла, но не требуетъ, чтобъ было доказано въ чемъ именно разговоръ отразился на сущности приговора. Одного факта сношенія достаточно для отмѣны приговора; одного факта неправильной постановки вопроса достаточно для того, чтобы приговоръ суда былъ отмѣненъ, но кассаціонный сенатъ не требуетъ отъ обвиняемаго, чтобы онъ доказалъ въ чемъ именно неправильная постановка вопроса вредно отразилась на приговорѣ.

Сказанное подтверждается рѣшеніями кассаціоннаго сената, помѣщенными въ изданіи Трахтенберга, стр. 584—588, 795—797, 560 и слѣдующія.

Мы разсмотрѣли собственно дѣятельность военно-окружныхъ судовъ, и при этомъ опирались въ подходящихъ случаяхъ на дѣятельность главнаго военнаго суда, насколько она разъясняла тотъ или другой вопросъ, на сколько эта дѣятельность ухудшала или улучшала положеніе дѣла, и при такомъ обозрѣніи мы имѣли воз-

можность не разъ убѣдиться сколь шатка практика главнаго военнаго суда, сколь она противорѣчила закону или сама себѣ. Изъ этого уже было видно, что плоха надежда на главный военный судъ, чтобъ онъ могъ способствовать правильному направленію правосудія. Но у насъ имѣется еще много другихъ рѣшеній главнаго военнаго суда, которыя прямо не относились къ разобраннымъ нами вопросамъ, а между тѣмъ все-таки не могли не вліять на правосудіе въ томъ смыслѣ, что ставили окружные суды въ безвыходное положеніе, когда окружные суды обращались за руководствами къ рѣшеніямъ главнаго военнаго суда.

Къ изслѣдованію собственно практики главнаго военнаго суда мы теперь и переходимъ.

Главный военный судъ (р. 1880 г. № 153), несправедливо утверждаетъ, что, на основаніи 27 ст., XXIV св. воен. постн., временный судъ открывается для рѣшенія дѣлъ готовыхъ къ разсмотрѣнію до прибытія судовъ на мѣсто и не можетъ принимать къ своему разсмотрѣнію другихъ дѣлъ, кромѣ указанныхъ въ первоначальномъ распоряженіи объ открытіи судовъ; главн. воен. судъ долженъ былъ-бы шире понимать военно-судебный уставъ, и не сидѣть на какой нибудь одной статьѣ. Въ настоящемъ случаѣ, рѣшенія главнаго военнаго суда прямо противорѣчатъ 633 ст., по которой прокуроръ можетъ внести дѣло съ обвинительнымъ актомъ *во временный военный судъ*, а кто знакомъ съ практикой, тотъ не станетъ спорить, что если дѣло вносится во временный судъ прокуроромъ съ обвинительнымъ актомъ, это значитъ, что дѣло не могло быть въ числѣ тѣхъ, которыя готовы ко времени открытія временнаго суда.

Въ законодательныхъ работахъ сказано, будто бы въ военномъ вѣдомствѣ преслѣдованіе возбуждается только военными начальниками и главный военный судъ въ рѣшеніяхъ своихъ подтверждаетъ, что преслѣдованіе возбуждается только непосредственнымъ начальникомъ обвиняемаго. Мы уже достаточно говорили по этому вопросу, изъ чего оче-

видно, что такое толкованіе главнаго военнаго суда несправедливо Главный военный судъ въ своемъ толкованіи беретъ въ соображеніе только одну 214 ст. и игнорируетъ статьи 419, 421, 422, 423 424, 431, 435, 623, 835, 843, которыя совершенно уничтожаютъ содержаніе 214 ст. Въ рѣшеніи главнаго военнаго суда отъ 6 апрѣля 1882 года, принципъ, что преслѣдованіе возбуждается только начальствомъ, былъ проведенъ съ особенною настойчивостью. Дѣло состояло въ томъ, что рядовой Романенко обвинялся въ грабежѣ, и противъ него на судѣ заявлено было еще другое обвиненіе въ самовольной отлучкѣ, и вотъ въ рѣшеніи главнаго военнаго суда развивается взглядъ, что не смотря на существованіе 835 ст., обвиненіе въ самовольной отлучкѣ судъ не могъ разсматривать, такъ какъ оно было заявлено прокуроромъ, какъ новое обвиненіе, а начальство не предавало Романенко суду за самовольную отлучку. Почему это такъ, на какомъ основаніи въ рѣшеніи главнаго военнаго суда оспаривался прямой смыслъ 835 ст., яснаго отчета по изложенію рѣшенія главнаго военнаго суда нельзя себѣ дать, потому что въ послѣднее время рѣшенія главнаго военнаго суда отличаются какою-то туманностью, неясностью, непонятностью, спутанностью изложенія. Такъ и здѣсь. Сначала какъ будто говорится, что ст. 835 *военно-судебнаго* устава не имѣетъ примѣненія въ военномъ вѣдомствѣ, въ виду 214 ст., устанавливающей, что преслѣдованіе возбуждается только начальствомъ, слѣдовательно судъ не можетъ разрѣшать обвиненій, которыя не попали въ обвинительный актъ, на возбужденіе которыхъ не заявлено предварительно требованіе начальства, а потомъ вышло какъ-то безсвязно, что можетъ, но съ соблюденіемъ священнаго права защиты приготовиться къ защитѣ по новому обвиненію. Это послѣ того, какъ хотятъ уничтожить совсѣмъ защиту, вдругъ высказали заботу объ ея интересахъ, что въ данномъ случаѣ было уже совсѣмъ излишне, такъ какъ защитникъ и подсудимый сами просили о рѣшеніи дѣла и о самовольной отлучкѣ; главный военный судъ, такимъ образомъ, выступилъ неожиданно въ ро-

ли защитника защиты, чѣмъ на тотъ разъ принесъ ей вредъ, потому что вслѣдствіе того, что судъ не разрѣшилъ вопроса объ отлучкѣ, Романенко просидѣлъ два мѣсяца подъ арестомъ только по обвиненію объ отлучкѣ. Разсмотри судъ дѣло объ отлучѣ Романенко, ему было бы назначено наказаніе два или три дня ареста, и онъ былъ бы тотчасъ освобожденъ изъ подъ ареста, такъ какъ его посадило начальство только за отлучку, по обвиненію же въ грабежѣ Романенко находился подъ надзоромъ. Не входя въ разсмотрѣніе дѣла объ отлучкѣ, судъ не провѣрялъ и правильности распоряженія начальства о содержаніи Романенко въ предварительномъ арестѣ по дѣлу объ отлучкѣ; съ другой стороны начальство не зная, что именно рѣшилъ судъ о Романенко, пока дѣло ходило въ главный военный судъ, не расправлялось съ Романенко по дѣлу объ отлучкѣ, не дѣлало распоряженій объ освобожденіи Романенко изъ подъ предварительнаго ареста, считая Романенко за судомъ. Начальство разошлось съ судомъ и сидѣлъ Романенко лишнихъ два мѣсяца, пока не пришло рѣшеніе главнаго военнаго суда.

По смыслу рѣшенія угол. кассаціоннаго департамента 1876 г. № 42, потерпѣвшее отъ преступленія лицо въ такомъ только случаѣ можетъ пользоваться на судѣ правами, предоставленными закономъ гражданскимъ истцамъ, когда о своемъ желаніи участвовать въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца оно заявило еще во время предварительнаго слѣдствія и во всякомъ случаѣ до открытія судебнаго засѣданія. Примѣняясь къ этому рѣшенію, главный военный судъ разъяснилъ, что просьба потерпѣвшаго, обращенная къ слѣдователю о взысканіи съ подсудимаго, причиненныхъ преступленіемъ, убытковъ, не составляетъ заявленія о желаніи участвовать въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца (1877 г. № 233). Но очевидно, что главный судъ не вѣрно понялъ рѣшеніе кассаціоннаго департамента сената, что еще болѣе будетъ ясно, когда укажемъ на рѣшеніе кассаціоннаго департамента сената 1875 г. № 122, въ

которомъ сенатъ высказался, что потерпѣвшее отъ преступленія лицо, подавшее во время предварительнаго слѣдствія просьбу объ обезпеченіи иска на имуществѣ обвиняемаго, признается участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ, которому должно быть послано увѣдомленіе о поступленіи въ судъ обвинительнаго акта. Самъ главный военный судъ въ отношеніи казны, какъ гражданскаго истца, держится другихъ основаній. Такимъ образомъ въ рѣшеніи своемъ 1873 г. № 173 главный военный судъ говоритъ, что въ дѣлахъ о растратѣ казеннаго имущества въ требованіи военнаго начальства о преданіи обвиняемаго суду, заключается и требованіе объ удовлетвореніи казны за причиненные убытки, а потому судъ, не вмѣнивъ подсудимому въ вину его дѣянія, вправѣ однако же присудить его къ вознагражденію убытковъ казны.

Статья 231 XXIV св. воен. пост., говоритъ, что присужденный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ, къ наказанію или взысканію не можетъ быть вновь судимъ *по тому же дѣлу*, хотя бы впослѣдствіи были обнаружены обстоятельства увеличивающія его вину.

А между тѣмъ глав. воен. судъ отмѣнилъ въ порядкѣ возобновленія дѣлъ, вошедшіе въ законную силу, и исполненные приговоры воен. окр., слѣдовательно надлежащихъ, судовъ, которыми опредѣлено подсудимымъ наказаніе за 2 побѣга, тогда какъ въ дѣйствительности они должны были подвергнуться отвѣтственности за 3 побѣга, но въ виду суда во время сужденія подсудимыхъ Завьялова и Варицкаго, не было тогда свѣдѣній о томъ, что, совершенные подсудимыми побѣги, за которые они суждены, были не вторые, а третьи (1876 № 46, 1878 № 53). Вѣдь только впослѣдствіи открылись свѣдѣнія о томъ, что, совершенные обвиняемыми, побѣги были не вторые, а третьи, значитъ приговоры въ томъ моментъ когда состоялись, были правильны, постановлены *надлежащимъ судомъ*; какимъ же образомъ можно было вновь судить З. и В. по тѣмъ-же дѣламъ вслѣдствіе того, что были об-

наружены обстоятельства увеличивающія вину? По дѣлу З. главный судъ призналъ, что З. утаилъ о томъ, что онъ судился за второй побѣгъ, но какъ обвиняемый, онъ имѣлъ на то право, а В. утаилъ просто, что побѣгъ, за который его судили, былъ третій. Главный судъ возобновилъ дѣла на основаніи 919 ст., вѣроятно 3-го ея пункта, но третій пунктъ говоритъ, что дѣла возобновляются, если прежній приговоръ былъ основанъ на лживыхъ показаніяхъ, но конечно свидѣтелей, а не обвиняемыхъ; глав. воен. судъ очевидно опустилъ изъ виду эту разницу. Совершенно также глав. воен. судъ поступилъ и въ дѣлѣ Авдѣева, по которому состоялось рѣшеніе 1875 г. № 54. Затѣмъ мы видимъ изъ сопоставленія 231 и 234 ст., что возобновленіе дѣла можетъ состояться только въ пользу обвиняемаго; 231 ст. положительно говоритъ, что присужденный, вошедшимъ въ законную силу приговоромъ, къ наказанію, или взысканію не можетъ быть вновь судимъ по тому же дѣлу, хотя бы впослѣдствіи были обнаружены обстоятельства увеличивающія его вину, а затѣмъ 234, служащая какъ бы добавленіемъ 231 ст., разрѣшаетъ возобновлять дѣла въ установленномъ на то 979 и 987 ст. порядкѣ только въ случаѣ открытія доказательствъ невинности осужденнаго, или понесенія имъ наказанія по судебной ошибкѣ. И 231 ст. запрещаетъ возобновлять дѣла даже въ случаѣ открытія новыхъ доказательствъ и 234 разрѣшаетъ возобновлять дѣла только въ пользу, къ выгодамъ обвиняемыхъ, но не такъ поступаетъ главн. воен. судъ, главный военный судъ возобновляетъ дѣла даже о такихъ субъектахъ, которые хотя и понесли наказаніе по приговору суда, но суда не надлежащаго, которому обвиняемый не былъ подсуденъ. На какомъ это основаніи?—потому что приговоръ не надлежащаго суда; но въ 231 ст. не говорится ничего, какого суда, надлежащаго или не надлежащаго. Правда, и въ гражданскомъ судѣ считается вошедшимъ въ законную силу только приговоръ надлежащаго суда, но что дѣлается въ одномъ судѣ неправильно, того нечего перенимать въ дру-

томъ. Съ какой стати обвиняемый, вслѣдствіе ошибки суда, будетъ наказанъ, и затѣмъ этого наказанія какъ бы не бывало; говорятъ, что понесенное наказаніе принимается въ расчетъ, но какъ можно оцѣнить, какой части новаго наказанія отвѣчаетъ понесенное. Говорятъ, что приговоръ ненадлежащаго суда не можетъ считаться, ни въ какомъ случаѣ, вошедшимъ въ законную силу, но думаемъ что держаться такого принципа, прямо вредно интересамъ правосудія. Когда обвиняемаго судятъ, приводятъ приговоръ надъ нимъ въ исполненіе, тогда наказываемому положительно говорятъ, что его судитъ надлежащій судъ, надъ нимъ исполняется надлежащій приговоръ, и онъ долженъ этому вѣрить, долженъ этому подчиняться: ему говоритъ это власть; еслибъ наказываемый вздумалъ сопротивляться, его бы наказали за это, никто бы не подалъ голоса, что незаконному приговору можно сопротивляться. И вотъ сначала ему говорила, его увѣряла власть, что онъ осужденъ надлежащимъ судомъ, а затѣмъ таже власть говоритъ, что въ первый разъ власть его ввела въ заблужденіе. Не поколеблется ли такимъ образомъ довѣріе къ дѣйствіямъ власти, къ суду? Конечно да, и гораздо политичнѣе поддерживать принципъ безошибочности власти, хотя бы кое-кто и понесъ меньше наказаній, чѣмъ то можно было ему назначить. Для чего такая алчность къ наказаніямъ? Слабость наказанія въ исключительномъ случаѣ не имѣла бы вредныхъ послѣдствій, а, между тѣмъ, авторитетъ власти можетъ быть поколебленъ, авторитетъ судебнаго приговора надорванъ; кто, дважды сужденнаго и наказаннаго, убѣдитъ, что вторично понесенное имъ наказаніе справедливѣе, или что первое наказаніе справедливо принято во вниманіе, включено во второе; кто изъ людей, до которыхъ дойдетъ фактъ двукратнаго наказанія, не усомнится въ справедливости, въ правильности суда?

Если власть установила такіе несовершенные суды, которые выходятъ изъ предѣловъ своего вѣдѣнія, то за что же послѣдствія этого отражаются на ни въ чемъ неповинномъ субъектѣ. Ошибки

органовъ судебной власти должны быть приняты на счетъ государства, а не на счетъ отдѣльныхъ гражданъ. Могутъ сказать, что обвиняемый имѣетъ право обжаловать приговоръ, что каждый можетъ блюсти свои интересы самъ, но это никакъ не можетъ относиться къ солдатамъ, *которые судятся въ полковыхъ судахъ*, потому что производство въ полковыхъ судахъ лишено всякихъ гарантій суда, и присужденный полковымъ судомъ *не имѣетъ права обжаловать приговора* полковаго суда и распоряженія полковаго командира. Вслѣдствіе такого неправильнаго взгляда глав. воен. суда на силу приговоровъ полковыхъ судовъ получаются такія несообразности. Казакъ Х. за побѣгъ съ переходомъ границы былъ сужденъ въ 1877 году полковымъ судомъ, наказанъ 75 ударами розогъ и переведенъ въ разрядъ штрафованныхъ, наказаніе кажется тяжелое, но глав. воен. судъ отмѣнилъ приговоръ полковаго суда и передалъ дѣло въ В. военно ок. судъ, которому побѣгъ Х. былъ подсуденъ, какъ сопряженный съ переходомъ границы; Х. послѣ наказанія его полковымъ судомъ ушелъ на льготу, 2 года жилъ дома, и вотъ его призываютъ съ Дона въ В., съ льготы на службу, предаютъ вновь суду, и что же дѣлаетъ судъ? приговариваетъ его къ аресту на 3 дня. Стоило тревожить бѣднаго казака для такого удовлетворенія правосудія.

Главн. воен. судъ, между прочимъ, своимъ рѣшеніемъ по дѣлу рядоваго П., 1870 г. № 47, въ противность своимъ рѣшеніямъ 1875 г. № 54, 1876 г. № 45, и 1878 г. № 53, подтвердилъ правильность нашего взгляда на 234 и 231 ст., но другими рѣшеніями глав. воен. судъ (1868 г. № 17, 1871 г. № 66, 1872 г. № 137, 1874 г. № 6, 1875 г. № 35, 54, 1876 г. 32, 82) установилъ прочно порядокъ, по которому приговоръ ненадлежащаго суда отмѣняется касаціоннымъ судомъ, и затѣмъ дѣло возобновляется. Къ сказанному прибавимъ, что порядокъ, существующій въ этомъ отношеніи въ гражданскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, все таки гораздо раціональнѣе, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Тамъ по крайней мѣрѣ при-

знается, что приговоръ некомпетентнаго суда какъ бы никогда не существовалъ, онъ всѣми совершенно игнорируется (р. К. Д. С. 1873 г. № 587, 1867 г. № 397, и 1869 г. № 639), и потому судъ компетентный самъ распоряжается вторичнымъ сужденіемъ обвиняемаго; отмѣна же касаціоннымъ судомъ приговора не надлежащаго суда въ военномъ вѣдомствѣ какъ бы указываетъ на то, что приговоръ хотя и не компетентнаго суда, а все таки вошелъ въ силу.

Главный военный судъ, въ рѣшеніи 1873 г. № 30, утверждаетъ, что вызовъ судомъ собственною властью свидѣтеля безъ всякаго требованія и указаній сторонъ, и даже безъ предварительнаго объявленія имъ послѣдовавшаго о томъ постановленія суда, составляетъ существенное нарушеніе правилъ судопроизводства, такъ какъ порядокъ судопроизводства основанъ на состязаніи сторонъ, и по смыслу 631, 665, 679, 683, указаніе на необходимыхъ для разъясненія дѣла свидѣтелей предоставляется лишь сторонамъ; въ рѣшеніи 74 г. № 69, главный военный судъ спѣшитъ отказаться отъ такой правильной постановки вопроса, и суду стоитъ только о вызовѣ свидѣтелей по своей иниціативѣ заявить сторонамъ за нѣсколько дней до засѣданія, чтобы по мнѣнію глав. воен. суда въ этомъ не было нарушенія правилъ судопроизводства; въ рѣшеніи же 1877 г. № 154, гл. в. с. опять поддерживаетъ, что инициатива суда въ вызовѣ свидѣтелей противурѣчитъ принципу состязательности и уже по этому самому составляетъ нарушеніе.

И такъ главный военный судъ постоянно колеблется въ своихъ положеніяхъ.

Въ рѣшеніяхъ своихъ 1877 г. № 234, 1878 г. № 99, главн. воен. судъ сказалъ, что военный судъ, разсматривая дѣло, если встрѣтитъ новыя обвиненія болѣе тяжкія, долженъ, не постановляя приговора и по внесенному уже обвиненію, передать дѣло военному прокурору для направленія въ установленномъ порядкѣ; въ другомъ

же рѣшенія, 1874 г. № 49, главн. воен. судъ призналъ, что военный судъ правильно поступилъ разрѣшивъ внесенныя въ судъ обвиненія, и постановивъ приговоръ по этому обвиненію не смотря на то, что имѣлись въ виду новыя обвиненія въ болѣе важныхъ преступленіяхъ, тѣмъ болѣе что новыя обвиненія могутъ еще не подтвердиться, а въ случаѣ вторичнаго преданія обвиняемаго суду, послѣдній не встрѣтитъ препятствія къ назначенію наказанія по совокупности преступленій.

Встрѣтивъ какое либо недоразумѣніе въ представляемыхъ защитникомъ въ защитительной рѣчи объясненіяхъ, предсѣдатель вправѣ предложить ему вопросъ о точномъ смыслѣ высказываемыхъ соображеній. Такъ рѣшилъ главн. воен. судъ, но защитникъ не о томъ жаловался, а жаловался о томъ, что предсѣдатель, слушая защитительную рѣчь, которую излагалъ защитникъ по извѣстному плану, высказалъ свое нетерпѣніе, и сталъ требовать отъ защитника, чтобъ онъ, вопреки составленному имъ себѣ плану рѣчи, началъ говорить о томъ, что защитникъ оставилъ для конца своей рѣчи. Точно также по рѣшенію главн. воен. суда 1878 г. № 27, требовать разъясненій обвиняемаго во время послѣдняго слова, прерывая его, то есть сбивать—предсѣдатель имѣетъ право, и если дѣйствительно удалось предсѣдателю сбить обвиняемаго, то послѣдній долженъ доказать еще вредное вліяніе этихъ сбиваній на дѣло. Очевидная неправильность этихъ рѣшеній еще болѣе увеличивается, если мы сопоставимъ ихъ съ рѣшеніемъ 1873 г. № 123, которымъ главн. воен. судъ призналъ, что перерывъ обвинительной рѣчи прокурора и предложеніе ему сократить ее, не повторяя въ подробности тѣхъ обстоятельствъ, которыя достаточно разъяснены судебнымъ слѣдствіемъ, составляетъ дѣйствіе несогласное съ требованіемъ 807 ст., и вліяя въ ущербъ равноправности сторонъ, представляетъ существенное нарушеніе 731 ст., по которой стороны должны пользоваться въ судебномъ засѣданіи одинаковыми правами.

Какъ видно въ 1877 и 1878 г. взгляды главн. воен. суда на равноправность измѣнились противъ тѣхъ, которые признавалъ глав. воен. судъ въ 1873 г. или вѣрнѣе разница произошла отъ того, что въ 1877 и 1878 г. пришлось высказывать взгляды по жалобѣ защитника и обвиняемаго, а въ 1873 г. по протесту помощника прокурора.

Въ рѣшеніи 1876 г. № 95 сказано, что если судъ въ распорядительномъ засѣданіи призналъ необходимымъ, по указанію защитника вызвать къ судебному слѣдствію не спрошеннаго при предварительномъ слѣдствіи свидѣтеля, и показанія его важными для дѣла, то судъ, разсматривающій дѣло по существу, не имѣетъ законнаго основанія, прежде такого разсмотрѣнія и до выслушанія другихъ, явившихся въ засѣданіе свидѣтелей, признавать показанія означеннаго свидѣтеля не существенными; въ рѣшеніи же 1877 № 164 главный военный судъ рѣшилъ, что неявка по неизвѣстной причинѣ свидѣтеля, не спрошеннаго на предварительномъ слѣдствіи и вызывавшагося въ судъ по требованію защитника не обязываетъ судъ къ отсрочкѣ засѣданія, такъ какъ судъ могъ заключить о несущественности показанія свидѣтеля Въ рѣшеніи главнаго военнаго суда 1875 г. № 106, сказано, что судъ, послав повѣстку свидѣтелямъ, проживающимъ въ дальнемъ разстояніи, и не получивъ отъ этихъ свидѣтелей отзыва о нежеланіи ихъ явиться по отдаленности, не вправѣ причину неявки, оставшуюся въ сущности неизвѣстною, признать законною по отдаленности; въ рѣшеніи-же 1877 г. № 134, тотъ-же главный военный судъ разъяснилъ, что, въ виду отдаленности мѣстожительства свидѣтеля, судъ имѣлъ право причину не явки признать законною и продолжать судебное засѣданіе съ прочтеніемъ показанія, признаннаго существеннымъ.

Главный военный судъ въ рѣшеніяхъ 69 г. № 92; 77 г. № 82 и 142 разъяснилъ, что неисполненіе предсѣдателемъ правила 752 ст., по которому подсудимаго, не признающагося въ преступленіи, предсѣда-

тель суда, при разсмотрѣніи каждаго доказательства, спрашиваетъ не желаетъ-ли онъ въ оправданіе свое представить какія либо объясненія, не подлежитъ обжалованію если подсудимый во время слѣдствія не заявилъ желанія представить объясненіе или возраженіе по поводу показанія кого либо изъ свидѣтелей, но затѣмъ, въ рѣшеніи 1876 г. № 239, главный военный судъ призналъ, что предсѣдатель обязанъ исполнить изложенное правило, если прокуроръ, какъ блюститель закона того требуетъ, но вѣдь въ рѣшеніяхъ 69 г. № 92, 77 г. №№ 82 и 142 сказано, что исполнять 752 ст. не обязательно, слѣдовательно какой-же блюститель закона можетъ требовать больше, чѣмъ самъ законъ этаго требуетъ. Очевидно что рѣшеніе 76 г. № 239, старалось дать прокурору лишнее оружіе въ руки.

Главный военный судъ, въ рѣшеніи 1879 г. № 57, призналъ, что судъ, отказавъ защитнику въ прочтеніи просимыхъ имъ документовъ и предоставивъ ему право ссылаться на нихъ въ защитительной рѣчи, допускаетъ тѣмъ нарушеніе 805 ст., по которой въ заключительныхъ преніяхъ не должно касаться не разсмотрѣнныхъ и не провѣренныхъ доказательствъ, а между тѣмъ въ рѣшеніи 70 г. № 112 главный военный судъ призналъ правильнымъ принятіе судомъ, для пріобщенія къ дѣлу и имѣнія въ виду при постановленіи приговора, документа, представленнаго одною стороною безъ прочтенія онаго на судѣ, но съ предъявленіемъ его противной сторонѣ. Полагаемъ что если въ заключительныхъ преніяхъ нельзя касаться не разсмотрѣнныхъ и не провѣренныхъ доказательствъ, то тѣмъ болѣе, при рѣшеніи дѣла, нельзя имѣть въ виду не провѣренныхъ и не разсмотрѣнныхъ доказательствъ. Или главный военный судъ думаетъ, что если документъ, представленый одною стороною, предъявленъ противной, то этимъ уже и провѣренъ документъ, хотя-бы и не былъ прочтенъ.

Главному военному суду, положительно не удалось установить чего нибудь прочнаго относительно того, что именно, какіе документы, могутъ читаться на судѣ; въ однихъ рѣшеніяхъ главный военный

судъ не допускаетъ къ чтенію ничего, что прямо не указано въ 756 ст., въ другихъ-же случаяхъ допускаетъ чтеніе документовъ, хотя и не указанныхъ въ 756 ст., но которые могутъ вліять а) на назначеніе наказанія, напримѣръ послужнаго списка, б) на опредѣленіе вопроса о подчиненности; но затѣмъ главный военный судъ оставляетъ этотъ взглядъ и подсудимому отказывается въ прочтеніи отношенія командира части, коей принадлежалъ подсудимый съ увѣдомленіемъ о, существовавшемъ въ той части, служебномъ порядкѣ, выставленномъ подсудимымъ въ свое оправданіе. Правда, такой документъ не принадлежитъ къ числу указанныхъ въ 756 ст., но можетъ имѣть значеніе въ дѣлѣ не меньше чѣмъ и послужной списокъ и документъ о подчиненности, разница въ томъ, что послужной списокъ и документъ о подчиненности нужны были прокурору, а отношеніе о порядкахъ говорило въ пользу обвиняемаго, и эта разница можетъ быть и объясняетъ откуда исходятъ колебанія главнаго военнаго суда.

На основаніи рѣшеній главнаго военнаго суда, можно вѣчно оставаться въ недоумѣніи, что собственно, и кому именно разрѣшается требовать заносить въ протоколъ судебнаго засѣданія. Такимъ образомъ въ рѣшеніи 1873 г. № 5. главный военный судъ разрѣшаетъ какъ *прокурору такъ и защитнику, не дѣлая суду ни какихъ указаній*, просить, на случай протеста, о внесеніи въ протоколъ судебнаго засѣданія такихъ обстоятельствъ, которыя возбуждаютъ отвѣтственность лицъ суду не преданныхъ, а въ рѣшеніи 1869 г. № 66, главный военный судъ, призналъ отказъ суда защитнику о записаніи показанія свидѣтеля, по существу заключающаго въ себѣ обвиненіе другаго лица въ преступленіи, правильнымъ *такъ какъ на основаніи воен. судебн. устава, въ протоколъ не вносятся показанія и обвиненія, относящіяся не къ порядку производства дѣла, а къ существу его, и затѣмъ разрѣшеніе вопроса о томъ, относятся-ли показанія къ существу дѣла, содержитъ-ли обвиненіе кого либо въ преступленіи, принадлежитъ суду, раз-*

смотрящему дѣло по существу. Въ рѣшеніи 1874 г. № 224 Главный военный судъ вновь приближается къ своему рѣшенію 1873 г. № 5, признавши неправильнымъ отказъ суда прокурору въ занесеніи въ протоколъ существа даннаго свидѣтелемъ показанія, изобличившаго его въ преступленіи, такъ какъ по смыслу 866 ст., судъ не вправѣ отказать требованію сторонъ о занесеніи въ протоколъ объясненій и показаній, относящихся до существа дѣла. Наконецъ въ рѣшеніи 1878 г., № 156, главный военный судъ нашелъ неправильнымъ отказъ предсѣдателя защитнику записать въ протоколъ слова предсѣдателя, обращенныя къ одному изъ свидѣтелей, въ виду того, что защитникъ не объяснилъ въ чемъ именно онъ усмотрѣлъ нарушеніе формъ судопроизводства, и что самъ судъ не усмотрѣлъ въ словахъ этихъ какого либо значенія для дѣла и для подсудимаго. Главный военный судъ усмотрѣлъ въ основаніи такого отказа нарушенія 867 ст., такъ какъ повѣрка того или другаго дѣйствія суда, при нарушеніи формъ судопроизводства, можетъ послѣдовать лишь въ кассаціонномъ порядкѣ.

По рѣшенію главнаго военнаго суда 1872 г. № 99, выходитъ, что хотя требуется, чтобы основаніемъ вопроса о виновности въ связи съ обнаруженными на судебномъ слѣдствіи обстоятельствами служили выводы обвинительнаго акта, но это относится только къ тѣмъ случаямъ, когда обвинительные выводы, поддерживаются прокуроромъ на судѣ; а по рѣшенію 1875 г. № 293 выходитъ совершенно обратно: постановка вопросовъ согласно выводамъ, обвинительнаго акта не смотря на отказъ прокурора отъ поддержанія обвиненія по обвинительному акту, не только не противурѣчитъ требованіямъ закона, но безусловно обязательна для суда, хотя-бы на ряду съ тѣмъ были поставлены другіе вопросы согласно измѣненію обвиненія, заявленному прокуроромъ на судебномъ слѣдствіи.

Главный военный судъ, своими рѣшеніями, даже опровергаетъ прямой смыслъ законовъ; такимъ образомъ, 788 ст. положительно

говоритъ, что, по изложеніи свидѣтелемъ его показанія, предсѣдатель суда, представляетъ сторонамъ предложить свидѣтелю вопросы по всѣмъ предметамъ, которые каждая изъ нихъ признаетъ нужнымъ. Но не умѣющіе читать законовъ, и не понимающіе духа закона предсѣдательствующіе очень часто, какъ только свидѣтель кончитъ свое показаніе, начинаютъ сами допросъ свидѣтеля вмѣсто сторонъ. Главный военный судъ, находитъ, что такіе предсѣдатели поступаютъ правильно, потому что 788 не запрещаетъ имъ такъ поступать, а на основаніи 714 ст., предсѣдатели управляютъ ходомъ судебнаго слѣдствія. Такъ-то, такъ, но если статья не запрещаетъ предсѣдателямъ предлагать вопросы свидѣтелямъ раньше сторонъ, то достаточно того, что статья точно опредѣляетъ порядокъ допроса и говоритъ прямо, что долженъ дѣлать предсѣдатель по изложеніи свидѣтелемъ своихъ показаній; предсѣдатель, сказано, предлагаетъ сторонамъ сдѣлать свидѣтелю вопросы по всѣмъ предметамъ. Странно было-бы требовать, чтобъ статья, кромѣ прямого указанія, что предсѣдатель долженъ дѣлать, еще перечисляла то, чего предсѣдатель не долженъ дѣлать; достаточно, что статья говоритъ единственно только о правѣ сторонъ. Но допустимъ, что статья не ясна, тогда главному военному суду слѣдовало-бы вспомнить что онъ самъ поддерживалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что процессъ долженъ быть основанъ на состязаніи сторонъ и потому самъ предсѣдатель не имѣетъ права входить въ розыскъ дѣла. Затѣмъ статья 793 опредѣляетъ когда предсѣдатель долженъ выступить на сцену; статья 793 опредѣляетъ, что предсѣдатель вступаетъ въ дѣло въ дѣятельной роли тогда, когда допросъ сторонъ дѣла не выяснилъ. Въ виду изложеннаго, конечно, предсѣдатели, сами допрашивающіе свидѣтелей раньше сторонъ, поступаютъ неправильно, и кассаціонный департаментъ сената въ рѣшеніи 1873 г. № 101 такъ и призналъ, что предсѣдатель, который послѣ разсказа свидѣтеля о томъ, что ему извѣстно по дѣлу, вмѣсто того, чтобъ предложить сторонамъ допросить свидѣтеля, предварительно самъ

предлагалъ ему вопросы, нарушаетъ формы и обряды судопроизводства.

Затѣмъ главный военный судъ своими рѣшеніями, 1876 г. № 123, 1877 г. № 11 и 71, 1881 г., по дѣлу казака Щепотьева, опредѣляетъ, что въ военныхъ судахъ вопросы ставятся исключительно предсѣдательствующимъ, мнѣніе котораго однако не можетъ быть обязательно для членовъ суда, которые въ случаѣ несогласія съ постановкой вопросовъ могутъ изложить свое мнѣніе въ отвѣтахъ, и тѣмъ главный военный судъ уничтожаетъ статьи, опредѣляющія порядокъ постановки вопросовъ, какъ это мы представили на стр. 87 и 88.

На основаніи многочисленныхъ рѣшеній главнаго военнаго суда 1871 г. № 201, 1873 г. №№ 4, 34, 202, 184, 205, 1874 г. № 102, 234, 1876 г. № 88, 212, 1877 г. № 57, 1878 г. № 22, судъ, разсматривающій дѣло по существу, если найдетъ нужнымъ смягчить наказаніе въ степеняхъ, долженъ начинать это смягченіе съ низшей мѣры положеннаго въ законѣ наказанія, за исключеніемъ случаевъ, когда въ самомъ законѣ опредѣлено назначать тягчайшее наказаніе. Но затѣмъ въ рѣшеніяхъ 1873 г. № 127, 1874 г. № 4, 1876 г. № 212 главный военный судъ противорѣчитъ себѣ и позволяетъ судамъ, начавъ пониженіе наказанія съ низшей мѣры и перейдя къ соотвѣтствующей низшей степени, остановиться тамъ на средней мѣрѣ, а рѣшеніемъ 1875 г. № 195 главный военный судъ разрѣшилъ останавливаться при пониженіи въ степеняхъ и на высшей мѣрѣ.

Въ изложенномъ состояли, между прочимъ, противорѣчія главнаго военнаго суда при толкованіи статей XXIV св. воен. пост., кромѣ тѣхъ неправильностей въ рѣшеніяхъ главнаго военнаго суда, на которыя мы указывали во всемъ настоящемъ трудѣ.

Теперь мы перейдемъ къ такимъ же противорѣчіямъ въ рѣшеніяхъ главнаго военнаго суда, относящимся къ XXII св. воен. пост.

и наконецъ относительно улож. о нак. и ус. о нак. нал. мир. суд., которые хотя главный военный судъ мало толкуетъ, за существованіемъ коментаріевъ кассаціоннаго департамента сената, но своими рѣшеніями внесъ и туда недоразумѣнія.

Главный военный судъ никакъ не можетъ рѣшить, что собственно преслѣдуется въ отношеніяхъ между подчиненными и начальниками: внѣшнее ли дѣйствіе, или злая воля, цѣль, намѣреніе этого дѣйствія и потому въ рѣшеніи 1875 г. № 113 рѣшаетъ, что ударъ, нанесенный рядовымъ лопатою по плечу своему ефрейтору, хотя бы и *въ шутку*, будетъ оскорбленіемъ дѣйствіемъ своего начальника, такъ какъ ударъ былъ нанесенъ не случайно, а умышленно; а въ рѣшеніи 1875 г. № 114, то есть вслѣдъ же затѣмъ, какъ состоялось первое рѣшеніе главнаго военнаго суда призналъ, что субъектъ, изъ шутки оборвавшій бичевку отъ кисета, находившагося въ рукахъ унтеръ-офицера, совершилъ лишь только неуваженіе, такъ какъ было видно, что виновный не хотѣлъ оказать насилія надъ начальникомъ. Въ рѣшеніи 1869 г. № 84 главный военный судъ высказалъ, что всякое насильственное дѣйствіе, учиненное подчиненнымъ въ отношеніи начальника *независимо отъ цѣли, съ которою оно совершено совмѣщаетъ въ себѣ* нарушеніе чинопочитанія и подчиненности, нарушеніе военной дисциплины и потому напр., въ рѣшеніи 1876 г. № 97, покушеніе, учиненное деньщикомъ на убійство офицера, у котораго онъ служилъ съ цѣлью грабежа, главный военный судъ признаетъ оскорбленіемъ начальника, нарушеніемъ дисциплины; таковъ также смыслъ рѣшеній главнаго суда 1871 г. № 189 и 1874 г. № 124. Въ другихъ случаяхъ, именно въ рѣшеніи суда 1875 г. № 190, главный военный судъ, не обращая вниманія на внѣшнюю сторону преступленія, рѣшаетъ, что дѣяніе виновнаго должно быть признано оскорбленіемъ, такъ какъ такова была именно *цѣль* обвиняемаго. Въ рѣшеніи 1871 г. № 89, главный военный судъ высказываетъ, что означенное въ 98 ст. XXII св. воен. пост., въ выс-

шей степени дерзкое дѣйствіе противъ начальника, какъ насильственное, необходимо предполагаетъ существованіе со стороны виновнаго преступнаго умысла, который составляетъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ всякаго преступленія влекущаго уголовное наказаніе. Между тѣмъ подсудимый унт.-оф. Ивановъ толкнулъ пор. Янау въ грудь *неумышленно* и глав. воен. судъ призналъ, что дѣйствіе ближе подходитъ подъ опредѣленіе 97 ст., предусматривающей оскорбленіе начальника неприличнымъ дѣйствіемъ. Въ рѣшеніи 1877 г. № 64, главный военный судъ опять квалифицируетъ дѣяніе независимо отъ цѣли его; субъектъ, будучи часовымъ, оторвалъ у ввѣренныхъ его охраненію сараевъ замки и сорвалъ приложенныя къ дверямъ печати, и главный военный судъ призналъ, что это будетъ умышленное истребленіе, или поврежденіе часовымъ ввѣреннаго охраненію его имущества, и подвелъ подъ 160 ст., назначающую каторжную работу, несмотря на то, что дѣйствительная цѣль субъекта состояла въ желаніи освободиться отъ службы. Игнорированіемъ цѣли въ преступленіи главный военный судъ ввелъ неожиданное начало въ жизнь войска; если всякое насильственное дѣйствіе подчиненнаго противъ начальника есть уже преступленіе, то какъ бы главный военный судъ извернулся напр. въ такомъ случаѣ. Генералъ Треповъ, служа рядовымъ, въ сраженіи съ поляками въ 1831 году, при мѣстечкѣ *Нуръ*, замѣтивши, что его полковому командиру Засу угрожаетъ опасность отъ направленнаго въ него пушечнаго ядра, сильнымъ толчкомъ отбросилъ Засса въ сторону и жизнь Заса была спасена подчиненнымъ ему рядовымъ. Но слѣдуя толкованію главнаго военнаго суда, и точному смыслу 98 ст., Трепова слѣдовало бы разстрѣлять, а между тѣмъ законники 1831 года наградили Трепова георгіевскимъ крестомъ и произвели его въ офицеры. Только благодаря устраненію обстоятельства цѣли изъ состава преступленія одесскіе законники приговорили, какъ мы видѣли выше, городоваго Иващенко къ каторжной работѣ за насиліе противъ офицера;

благодаря устраненію цѣли можно будетъ, когда нибудь, часоваго, который воспрепятствуетъ начальнику ограбить денежный ящикъ, тоже послать въ каторжную работу.

Вотъ еще примѣръ до какихъ абсурдовъ приводитъ оставленіе безъ вниманія цѣли преступленія. 159 ст., XXII говоритъ, что за умышленное со стороны военнаго караула допущеніе къ побѣгу плѣннаго или арестанта, виновные подвергаются такому то наказанію, а главный военный судъ распространяетъ своими толкованіями эту статью до невозможности и утверждаетъ, что всякое самовольное освобожденіе караульными чинами заключенныхъ изъ подъ стражи, хотя бы *и не съ цѣлью* предоставленія имъ возможности къ побѣгу, составляетъ спеціальный видъ умышленнаго нарушенія правилъ караульной службы, предусмотрѣнный 159 ст., и сообразно съ этимъ главный военный судъ подвелъ подъ 159 ст., опредѣляющую въ мирное время каторжную работу, а въ военное смертную казнь, между прочимъ, слѣдующія дѣянія: 1) рядоваго Филимонова, который отпустилъ арестантовъ на кражу, самъ съ ними участвовалъ въ кражѣ, но потомъ всѣхъ арестантовъ привелъ обратно и посадилъ подъ стражу; 2) рядоваго Столяра, который отпустилъ арестантовъ въ городъ на продолжительное время и они вернулись на гауптвахту, 3) рядов. Выговскаго, который отпустилъ арестованнаго на время въ мѣстечко (1877 г. № 148), 4) ряд. Кебдая, который, находясь часовымъ при карцерѣ, по просьбѣ арестованнаго рядоваго, умышленно отпустилъ его одного изъ карцера за водкой (1876 г. № 196), 5) урядника Мирвяненко, который признанъ былъ виновнымъ въ томъ, что, исполняя обязанности караульнаго начальника при войсковой тюрьмѣ, выпустилъ содержавшихся тамъ трехъ арестованныхъ подъ присмотромъ урядника Колесника и дозволилъ имъ идти въ станицу.

Въ рѣшеніи 1871 г. № 80 главный военный судъ разъяснилъ, что дѣяніе обвиняемаго, который не тотчасъ исполнилъ переданное ему приказаніе объ арестованіи его, и подчинился этому требованію

уже послѣ угрозы, что въ случаѣ неисполненія имъ приказанія его свяжутъ, составляетъ неисполненіе приказанія начальника, предусмотрѣнное 104 ст. Точно также главный военный судъ, въ рѣшеніи 1875 г. № 314, призналъ, что дѣяніе рядоваго, который на вторичное приказаніе офицера идти подъ арестъ отвѣтилъ, что подъ арестъ не пойдетъ, а будетъ жаловаться полковому командиру, но затѣмъ, когда ему было сказано, что будетъ отведенъ силою, то самъ пошелъ подъ арестъ, составляетъ нарушеніе 104 ст.; а между тѣмъ, въ рѣшеніи 1872 г. № 45, главный военный судъ призналъ, что, признанное судомъ, дѣяніе подсудимаго, который на приказаніе начальника отправиться подъ арестъ въ управленіе, двукратно отказался исполнить это приказаніе, но затѣмъ все-таки пошелъ въ управленіе подъ арестъ, прямо подходитъ подъ 105 ст., потому что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія со стороны рядоваго, дѣяніе его подвергало бы его болѣе строгому наказанію. Наконецъ въ рѣшеніи 1877 г. № 138, главный военный судъ отвергъ положенія, признанныя имъ въ рѣшеніи 1871 г. № 80 и 1875 г. № 314; а именно главный военный судъ призналъ, что отказъ урядника Малюгина тотчасъ же исполнить приказаніе командира сотни, переданное дежурнымъ урядникомъ, составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 105 ст.; при чемъ то обстоятельство, что Малюгинъ послѣ объясненія ему хорунжимъ важныхъ послѣдствій, могущихъ произойдти отъ его непослушанія, отправился подъ арестъ не можетъ измѣнить свойства преступленія.

Главный военный судъ, въ рѣшеніи 1875 г. № 36 выразилъ что мѣстныя войска не обязаны конвоировать, препровождаемыхъ не въ родѣ арестантовъ, людей гражданскаго вѣдомства, такъ какъ въ инструкціи старшему конвойному унтеръ-офицеру, сопровождающему арестантовъ, изложены исключительно лишь правила для препровожденія арестантовъ, но не лицъ не въ родѣ арестантовъ препровождаемыхъ; а въ рѣшеніяхъ 1870г. № 126, 1874 г. № 143, 1873 г. № 17, 1877 г. № 83 главный военный судъ утверждаетъ,

что въ инструкцію старшему конвойному, относительно наблюденія за порядкомъ слѣдованія лицъ въ этапномъ порядкѣ, не сдѣлано исключенія въ пользу слѣдующихъ не въ родѣ арестантовъ, и потому въ обязанностяхъ конвоировъ нѣтъ разницы—сопровождаютъ ли они арестантовъ, или только людей не въ родѣ арестантовъ.

Главный военный судъ въ рѣшеніи 1877 г. № 147, установилъ правильный принципъ, а именно, что 190 и 191 статьи обнимаютъ только проступки, неопредѣленные спеціальными статьями, потому не подвелъ подъ 191 ст., предусмотрѣннаго 192 ст. буйства послѣ неоднократныхъ наказаній въ дисциплинарномъ порядкѣ, точно также рѣшеніемъ 1875 г. № 212 главный военный судъ не призналъ правильнымъ примѣненіе 2 ч. 191 ст. къ признанному виновнымъ въ промотаніи въ первый разъ мундирныхъ вещей, хотя бы онъ и былъ наказанъ прежде по суду за разныя маловажныя нарушенія по службѣ, такъ какъ растрата мундирныхъ вещей предусматривается спеціальнымъ закономъ. Таковъ же смыслъ рѣшенія главнаго военнаго суда, 1870 г. № 137, относительно самовольной отлучки изъ караула; главный военный судъ призналъ не возможнымъ примѣненіе къ ней 191 ст., такъ какъ самовольная отлучка изъ караула предусмотрѣна спеціально 155 ст. Точно также смотрѣлъ главный военный судъ и на законъ о бездѣйствіи и превышеніи власти; этотъ законъ, какъ болѣе общій, можетъ примѣняться только къ такимъ дѣяніямъ, которыя не предусмотрѣны спеціальнымъ закономъ, а потому подъ законъ о бездѣйствіи власти не можетъ быть подведено небреженіе о сохраненіи, ввѣреннаго по службѣ имущества, какъ спеціально предусмотрѣнное 229 ст. (1874 г. № 126). И потомъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, мы имѣемъ рѣшеніе 1878 г. № 86, которымъ главный военный судъ преступленіе, предусмотрѣнное 229 ст. подвелъ подъ 191 ст. Интересны въ этомъ отношеніи мотивы главнаго военнаго суда; главный военный судъ утверждаетъ, что небреженіе о сохраненіи ввѣреннаго по службѣ иму-

щества, безъ особенно увеличивающихъ вину обстоятельствъ, если оно совершено послѣ наказанія за маловажныя нарушенія по службѣ, составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 191 ст., такъ какъ хотя такое небреженіе и предусмотрѣно спеціальной статьей 229, но все-таки составляетъ преступленіе дисциплинарное.

Между нижними чинами роты, которою командовалъ шт.-кап. Болотниковъ, занимавшими караулъ на гауптвахтѣ подъ начальствомъ унт.-оф., произошелъ безпорядокъ и нарушеніе дисциплины дерзкимъ заявленіемъ со стороны нижнихъ чиновъ, что они не уйдутъ изъ караула пока не освободятъ неправильно по ихъ мнѣнію арестованныхъ четырехъ человѣкъ, или пока не прійдетъ полковой командиръ, почему шт.-кап. Болотниковъ былъ посланъ командующимъ полкомъ для водворенія порядка и отвода нижнихъ чиновъ изъ полковой гауптвахты домой, но онъ не принялъ никакихъ зависящихъ отъ него мѣръ и, не отдавъ даже никакого приказанія караулу, ограничился лишь однимъ внушеніемъ нижнимъ чинамъ о незаконности ихъ поступка, и ушелъ изъ гауптвахты, сказавши имъ, что если они не хотятъ уйдти изъ караула, то пусть стоятъ хоть до вечера; военно-окружный судъ призналъ Болотникова виновнымъ въ бездѣйствіи власти. Но главный военный судъ призналъ, что дѣяніе Болотникова не можетъ быть вовсе вмѣнено ему въ вину, такъ какъ изъ приговора не видно, чтобъ Болотниковъ былъ уполномоченъ командовавшимъ полкомъ къ принятію рѣшительныхъ мѣръ для возстановленія порядка, и еслибъ имъ подобныя мѣры были приняты безъ особаго приказанія начальства, то онъ подвергся бы отвѣтственности за противузаконное превышеніе власти (рѣш. 1873 г. № 29); такое рѣшеніе главнаго военнаго суда находится въ прямомъ противорѣчіи съ рѣшеніемъ его по дѣлу о полк. Роговскомъ. Въ этомъ рѣшеніи главный военный суда высказалъ, что, въ виду особыхъ требованій военной службы и дисциплины, ст. 6 XXIII св. воен. пост., освобождаетъ начальника отъ отвѣтственности, когда онъ для воз-

становленія порядка и дисциплины употребитъ силу или оружіе. Въ силу этихъ соображеній дѣяніе подсудимаго полк. Роговскаго, независимо 101 ст. улож. о нак. угол. и исправ., является не наказуемымъ, такъ какъ изъ приговора суда усматривается, что Роговскій вынужденъ былъ стрѣлять въ ротмистра Бланка, для защиты себя и въ видахъ охраненія и возстановленія воинской дисциплины, слишкомъ явно нарушенной Бланкомъ, который обнажилъ предъ полковникомъ Роговскимъ свою саблю, и не стѣсняясь присутствіемъ нижнихъ чиновъ, поносилъ его въ высшей степени оскорбительными словами, не обращая вниманія на требованіе этого штабъ-офицера, чтобъ ушелъ отъ него и на сдѣланное имъ предупрежденіе что будетъ стрѣлять въ него».

И такъ въ дѣлѣ Роговскаго мы имѣемъ одного нарушителя, который лично оскорбляетъ Роговскаго, въ дѣлѣ Болотникова имѣемъ цѣлую команду, которая выказываетъ открытое неповиновеніе и даже возмущеніе (подлинныя выраженія 6 ст., а не тѣ, которыя употреблены въ рѣш. глав. воен. суда по дѣлу Бланка); кто-же, въ чьемъ дѣлѣ былъ больше вправѣ употребить силу и даже оружіе? Думаемъ, что Болотниковъ; военно-окружный судъ такъ и понялъ дѣло Болотникова, и приговорилъ его за бездѣйствіе власти, главн. же воен. судъ рѣшаетъ, что Болотниковъ могъ употребить чрезвычайныя мѣры только по уполномочію, приказанію начальства; въ дѣлѣ Роговскаго главн. воен. судъ нашелъ, что онъ самъ, безъ всякаго уполномочія, могъ употребить крайнія мѣры, и въ самомъ дѣлѣ такихъ уполномочій вовсе не нужно; сама 6-я статья достаточно уполномочиваетъ употреблять сильныя мѣры; уполномочій тутъ быть не можетъ, кто стоитъ лицемъ къ лицу съ возмущеніемъ, тотъ только и въ то только время, можетъ судить, когда настаетъ время для дѣйствій.

Мы думаемъ, что главный военный судъ преступилъ всякіе предѣлы въ рѣшеніи по дѣлу Роговскаго, а рѣшеніемъ по дѣлу Болотникова внесъ много колебаній въ умы начальниковъ. Неужели нужно ждать

необходимыхъ уполномочій отъ высшихъ, а недостаточно одной 6 ст., и гдѣ тотъ высшій, который самъ не долженъ ожидать уполномочій. Главный военный судъ превозмогъ свои собственныя колебанія только для полковника Роговскаго, другимъ, низшимъ начальникамъ главный военный судъ своими рѣшеніями вмѣнлетъ въ обязанность нерѣшительность, колебаніе, боязнь. Кромѣ дѣла Болотникова, мы имѣемъ еще другой случай. Въ 65 московс. пѣхот. полку, въ одинъ несчастный вечеръ толпа музыкантовъ била одного изъ офицеровъ своего полка Молчанова, другой офицеръ поспѣшилъ на выручку своего товарища; конечно это было такое положеніе, въ которомъ этотъ офицеръ, Богдановъ, могъ, слѣдуя взгляду главнаго военнаго суда въ дѣлѣ Роговскаго, употребить въ дѣло силу на основаніи 6-й ст. XXIII св. воен. пост.; онъ и употребилъ силу, и, уже отбивши Молчанова, вынося его на рукахъ изъ толпы музыкантовъ, ударилъ, заграждавшаго выходъ, музыканта Макарова; послѣдній въ свой чередъ ударилъ Богданова, и вотъ главный военный судъ нашелъ нужнымъ возбудить преслѣдованіе противъ Макарова за ударъ Макарова; кажется нѣтъ сомнѣнія, что Богдановъ не вызвалъ удара Макарова, что онъ употребилъ, какъ Роговскій, для возстановленія порядка силу; очевидно, что тутъ нарушеніе дисциплины, преступленіе предшествовало удару, нанесенному Богдановымъ, а между тѣмъ главный военный судъ призналъ возможнымъ къ дѣлу Макарова примѣнить 109 ст., признать, что ударъ Макарова былъ вызванъ унизительнымъ съ нимъ обращеніемъ Богданова. Въ рѣшеніи же главнаго военнаго суда 1882 г., по дѣлу писаря Назарова, главный военный судъ призналъ неправильнымъ примѣненіе 109 ст., къ дѣянію писаря Назарова, который послѣ удара его прапорщикомъ Голиковымъ, отвѣтилъ тѣмъ же, такъ какъ прежде чѣмъ Голиковъ ударилъ Назарова, послѣдній толкнулъ Голикова. Однакоже въ рѣшеніи 1878 г. № 78, главный военный судъ призналъ правильнымъ примѣненіе 109 ст., къ писарю Секованову, который оказалъ вторичное, болѣе тяжкое неповиновеніе послѣ оскорбленія

и унизительнаго съ нимъ обращенія, подпоручика Митрошевскаго, послѣдовавшаго за первоначальнымъ легкимъ неповиновеніемъ Секованова.

Ряд. Мазалевскій оказалъ неповиновеніе ун.-оф. Сауткину; Сауткинъ побилъ Мазалевскаго, Мазалевскій выругалъ и побилъ Сауткина и главный военный судъ призналъ, что оскорбленіе Мазалевскимъ Сауткина вызвано было унизительнымъ обращеніемъ Сауткина съ Мазалевскимъ и что 109 ст. не должна была распространяться только на неповиновеніе (р. № 33, 1878 г.). Въ рѣшеніи 1878 г. № 19, главный военный судъ держался того же начала; а именно унтеръ-офицеръ, будучи оскорбленъ словами со стороны подчиненнаго, дозволилъ себѣ толкнуть его, чѣмъ вызвалъ противъ себя оскорбленіе дѣйствіемъ, и главный военный судъ призналъ умѣстнымъ къ обвиняемому примѣнить 109 ст.

Рѣшеніемъ 1873 № 291, главный военный судъ установилъ, что въ случаѣ полнаго удовлетворенія артели продуктами, слѣдовавшими ей за деньги, выданныя на расходы артельщику, взятіе послѣднимъ продуктовъ въ долгъ у торговцевъ, составляя лишь частную сдѣлку, не содержитъ въ себѣ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго уголовныхъ закономъ, а можетъ быть только предметомъ гражданскаго иска и затѣмъ такое положеніе подтверждается рѣшеніемъ главнаго военнаго суда 1871 г. № 54 и 130. Но главный военный судъ для ротнаго командира имѣетъ другія вѣсы и мѣры и потому въ рѣшеніи своемъ 1880 г. № 34, дѣяніе ротнаго командира, который, получивъ деньги на продовольствіе роты, приказалъ ротному артельщику забирать продукты въ долгъ, а отпущенныя казною деньги употребилъ въ свою пользу, подвелъ подъ 232 ст.

Главный военный судъ держится сильно распространительныхъ толкованій.

Такимъ образомъ главный военный судъ рѣшилъ (1877 г.

№ 191), что по отношенію къ нижнему чину, начальникомъ должно разумѣть *всякаго офицера Россійскаго войска.*

Случился споръ между судомъ и защитникомъ, что такое часовой; приходилось оправдать обвиняемаго, еслибъ судъ призналъ толкованіе защитника правильнымъ, и чтобъ не ускользнулъ этотъ кліентъ дѣятельнаго защитника, главный военный судъ въ рѣшеніи 1878 г. № 10, зарекомендовалъ себя вѣрнымъ сторонникомъ того опредѣленія часоваго, которое дано 113 ст. XXII св. воен. пост., то есть что часовой есть такой солдатъ, который поставленъ на какой бы то ни было постъ съ ружьемъ, или обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ, а военнымъ карауломъ признаются чины вооруженной военной команды во время отправленія воинскихъ обязанностей гарнизонной или полевой службы. Въ рѣшеніи 1867 г. № 6, главный военный судъ нашелъ возможнымъ придержаться тѣснаго смысла 113 ст., и призналъ, что нижніе чины, назначенные на дежурство хотя бы то и съ оружіемъ, не могутъ быть сравнены съ военнымъ карауломъ въ отношеніи отвѣтственности, которая слѣдуетъ ихъ оскорбителямъ; то часовой, а то дежурный, то караулъ, а то дежурство. Ссылался главный военный судъ на 113 ст. и въ другихъ случаяхъ.

Но вотъ, такъ называемый, военный интересъ, объ охраненіи котораго такъ заботятся, является нарушеннымъ и главный военный судъ отступаетъ отъ 113 ст., и въ рѣшеніи 1876 г. № 45, утверждаетъ, что нижній чинъ, поставленный по распоряженію начальства, на постъ у покоя лабораторіи для охраненія, находившагося тамъ, имущества, хотя-бы онъ не имѣлъ при себѣ ружья и холоднаго оружія, какъ исполняющій обязанности гарнизонной службы, долженъ быть причисленъ къ караульнымъ нижнимъ чинамъ. Затѣмъ, вѣроятно, въ видахъ охраненія интересовъ военной службы, главный военный судъ превозгласилъ, что для примѣненія 2 ч. 160 ст., къ кражѣ караульными чинами, ввѣреннаго ихъ охраненію имущества, достаточно, чтобъ совершившій кражу нижній чинъ, былъ поставленъ на постъ

по распоряженію начальства для охраненія имущества, хотя-бы нижній чинъ во время занятія поста не имѣлъ при себѣ никакого оружія и вообще не представлялъ-бы собою караульнаго нижняго чина, въ томъ смыслѣ какой ему придавъ 113 ст. На какомъ основаніи главный военный судъ считаетъ возможнымъ примѣнять законъ, созданный только для караула къ некараульнымъ, этого главный военный судъ не объяснилъ. Положеніе это главный военный судъ подкрѣпляетъ своими рѣшеніями 1876 г. № 185, и довелъ дѣло до того, что рѣшилъ (1879 г. № 49), что служитель продовольственнаго магазина, который не состоялъ въ составѣ караула, не имѣлъ при себѣ оружія, смѣнялся по взаимному соглашенію съ товарищами и принималъ участіе въ общихъ работахъ по магазину, но все-таки долженъ отвѣчать за кражу имущества, которое сторожилъ, какъ караульный, похитившій ввѣренное его охраненію имущество. Дежурные и дневальные, на коихъ не лежала обязанность охраненія имущества и которые обязаны были лишь наблюдать за порядкомъ, не подвергаются за кражу во время дежурства и дневальства, наказанію по 160 ст., рѣшилъ главный военный судъ (1875 г. № 30); тѣже изъ нихъ, коимъ была ввѣрена цѣлость похищеннаго ими имущества, подвергаются наказанію по 160 ст. (р. главнаго военнаго суда 1870 г. № 9). Присвоеніе и продажа ротной капусты, для охраненія которой подсудимый былъ поставленъ въ качествѣ безоружнаго караульнаго, тоже подведено главнымъ военнымъ судомъ подъ 2 ч., 160 ст., а не 232 ст. (1879 г. № 179). Неизвѣстно куда зашелъ-бы главный военный судъ, оставаясь себѣ послѣдовательнымъ, еслибъ не практика военно-окружныхъ судовъ, которая показала до какихъ абсурдовъ можно дойдти держась началъ преподанныхъ главнымъ военнымъ судомъ. Военно-окружные суды никакъ не соглашались признавать дневальныхъ за кражи, совершенныя ими на дневальствахъ, виновными по 2 ч. 160 ст.; это было противно совѣсти военныхъ судовъ. Въ главный

военный судъ поступало много протестовъ, которые уважались главнымъ военнымъ судомъ и только въ рѣшеніи 1880 г. № 283, главный военный судъ разъяснилъ, что окружный судъ не вправѣ былъ примѣнить 2 ч. 160 ст., къ дѣянію дневальнаго, похитившаго изъ числа ввѣреннаго его охраненію имущества нижнихъ чиновъ посредствомъ взлома сундука, кошелекъ съ деньгами, а что къ дѣянію этому слѣдовало примѣнить 232 ст. Такимъ образомъ самъ главный военный судъ отказался отъ своей практики и сдѣлалъ это, нужно сознаться, весьма неловко. Главный военный судъ въ своемъ рѣшеніи 1880 г., № 283, выставляетъ, будто бы, его рѣшенія, по которымъ 2 ч. 160 ст. примѣнялась къ нижнимъ чинамъ, не состоявшимъ въ составѣ караула безоружнымъ, относятся ко времени до послѣдняго измѣненія редакціи 2 ч. 160 ст.; 2 ч. 160 ст. существовала первоначально въ редакціи 1869 г., затѣмъ измѣненіе редакціи послѣдовало въ 1875 г., и въ этой послѣдней редакціи 160 ст. существуетъ неизмѣненная и до днесь, а рѣшенія главнаго военнаго суда, отъ которыхъ главн. воен. судъ отказался въ рѣшеніи своемъ 1880 г., примѣнявшія 2 ч. 160 ст. къ нижнимъ чинамъ не принадлежавшимъ къ составу караула, состоялись какъ разъ послѣ 1875 г. Таковы рѣшенія о примѣненіи 160 ст.: 1) къ дневальнымъ, на обязанности которыхъ лежало охраненіе имущества нижнихъ чиновъ, 2) относительно рядоваго, который, не принадлежа къ караулу, будучи на часахъ при ротномъ цейхгаузѣ безъ всякаго оружія, похитилъ изъ цейхгауза разныя вещи (1876, № 185), 3) относительно рядовыхъ Ш. и П., которые, тоже не принадлежа къ караулу, не имѣя при себѣ никакого оружія, похитили изъ лабораторіи посредствомъ взлома нѣсколько пудовъ пуль (1876 г. № 45), 4) относительно служителя продовольственнаго магазина, о которомъ мы уже говорили (1877 г. № 49), 5) рядоваго, который, не принадлежа къ караулу, продалъ капусту съ огорода, для охраненія которой былъ поставленъ безъ оружія (1879 г. № 176). Слѣдовательно несправедливо указаніе глав. воен.

суда, что его рѣшенія относились къ дѣламъ возникшимъ до 1875 г. Затѣмъ въ рѣшеніи своемъ 1880 г., № 283, главный военный судъ сталъ въ коренное противорѣчіе съ рѣшеніемъ своимъ 1879 г., № 176. Въ этомъ послѣднемъ рѣшеніи главный военный судъ прямо утверждалъ, что, поставленный для охраненія капусты, за присвоеніе капусты не можетъ быть наказанъ по 232 ст. Конечно, главный воен. судъ при этомъ имѣлъ въ виду соображенія, руководившія соединеннымъ собраніемъ, пересматривавшимъ воинс. уст. о наказ. въ 1875 г.; тогда соединенное собраніе именно находило, что 232 ст. не можетъ быть примѣнена къ чину караула, потому что 232 ст. предусматриваетъ растрату или присвоеніе казеннаго или частнаго имущества тѣмъ, кому оно ввѣрено для *постояннаго завѣдыванія*, тогда какъ чинъ караула обязанъ охранять, ввѣренное ему имущество лишь на короткое время, безъ всякаго права хотя бы и законно распоряжаться имуществомъ. Охранявшаго капусту главн. воен. судъ призналъ значитъ чиномъ караула, поставленнымъ лишь на короткое время и потому не примѣнилъ къ нему 232 ст. Въ рѣшеніи же своемъ 1880 г., № 283, главн. воен. судъ прямо поступаетъ противъ этихъ общихъ соображеній соединеннаго собранія и рѣшенія 1879 г., № 176, такъ какъ и дневальному имущество нижнихъ чиновъ роты ввѣряется лишь на короткое время, безъ всякаго права распоряжаться, и потому къ дневальному, казалось бы, нельзя примѣнять 232 ст. Точно также главный воен. судъ и въ рѣшеніи своемъ 1879 г. № 278, рѣшилъ вопреки соображеніямъ соединеннаго собранія, что присвоеніе или растрата имущества не только ввѣреннаго по службѣ на храненіе, но и находящагося по распоряженію начальства въ кратковременномъ вѣдѣніи, распоряженіи, или употребленіи составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 232 ст. Смыслъ рѣшеній глав. воен. суда 1875 г. № 30, 1870 г. № 9, 1876 г. №№ 45, 185, 1877 г. № 49, 1879 № 176, такъ глубоко запалъ въ душу военно-судебнымъ дѣятелямъ, что не смотря на рѣшеніе главнаго воен-

наго суда 1880 г. № 283, товарищъ главнаго военнаго прокурора Милютинъ, ревизуя суды въ 1882 г., сдѣлалъ такое замѣчаніе въ упрекъ одному изъ военныхъ судовъ, что въ одномъ изъ его рѣшеній «рядовой, бывши наряженъ отъ роты для храненія принятой изъ провіантскаго магазина крупы до перевозки ея въ роту, похитилъ 3 пуда въ свою пользу. Онъ не признанъ судомъ часовымъ, такъ какъ просто былъ посланъ отъ роты безъ оружія, но согласно неоднократнымъ разъясненіямъ главн. воен. суда, его слѣдовало признать чиномъ караула».

Рядовой оскорбилъ дежурнаго по *кухнѣ*, когда тотъ дежурный началъ дѣйствовать за предѣлами кухни и глав. воен. судъ призналъ все-таки наличность оскорбленія дежурнаго (р. 71 № 211) на томъ основаніи, что дежурные *по роть* въ отношеніи наблюденія за порядкомъ и тишиною уставомъ о дежурныхъ не ограничиваются тѣмъ мѣстомъ, на которомъ они поставлены. Но дѣло въ томъ, что дежурный по ротѣ и по кухнѣ двѣ вещи разныя; дежурный по кухнѣ самъ по себѣ и дѣйствительно назначается только для кухни, а дежурный по ротѣ самъ по себѣ и дѣйствительно можетъ являться, какъ дежурный и на кухню, вездѣ, гдѣ потребуетъ надобность для установленія тамъ тишины и т. п.; его обязанность полицейская, дежурнаго по кухнѣ обязанность чисто экономическая—слѣдить за тѣмъ чтобъ въ котелъ было положено, что и сколько слѣдуетъ. Вопросъ, возбужденный этимъ дѣломъ могъ быть разрѣшенъ правильно только людьми знавшими порядокъ, существующій въ войскахъ и временные судьи, знающіе этотъ порядокъ, и постановили рѣшеніе, отмѣненное глав. воен. судомъ, тѣмъ не менѣе правильное, основанное на близкомъ знакомствѣ съ жизнью войскъ. Противъ рѣшенія воен. суда подалъ протестъ штатскій прокуроръ кол. асс. Добрицкій; это онъ смѣшалъ дежурнаго по кухнѣ съ дежурнымъ по ротѣ, какими бываютъ совершенно разныхъ два лица съ совершенно разными обязанностями; Добрицкаго поддержалъ, управлявшій глав. воен. судомъ штатскій глав воен.

прокуроръ, и правильное рѣшеніе суда, основанное на глубокомъ знаніи военной жизни, было отмѣнено, благодаря штатскимъ военнымъ прокурорамъ. Этотъ фактъ просимъ читателя присоединить къ тому, что помѣщено на стр. 47—57 настоящаго труда.

Толкованія главнаго военнаго суда относительно того, что судъ считаетъ добровольнымъ возвращеніемъ при растратѣ самимъ растратившимъ чрезвычайно какъ сбивчивы, и могутъ запутать хотя бы кого угодно, а между тѣмъ добровольное возвращеніе играетъ важную роль въ назначеніи наказанія.

Такимъ образомъ виновные задержаны съ провіантомъ, ввѣреннымъ ихъ охраненію, въ то время когда они намѣрены были продать провіантъ; задержанію провіанта они не противились, но глав. воен. судъ призналъ (1875 № 2, 1876 №№ 9, 126, 151), что подобное возвращеніе не было добровольное, какъ не сдѣланное самими обвиняемыми; но что же тогда могло бы считаться добровольнымъ возвращеніемъ? вѣдь тотъ провіантъ, который задержанъ, не могъ быть возвращенъ самими обвиняемыми; глав. воен. судъ, спросимъ мы, не желалъ ли, чтобъ виновные возвратили еще второй разъ столько провіанта, сколько намѣревались продать да не продали? на такой вопросъ вѣроятно отвѣтятъ намъ: этого не нужно; но за то и казеннаго провіанта, съ которымъ были задержаны виновные, они физически не могли возвратить. Какъ же ихъ наказывать за то, что не было сдѣлано ими потому, что является сверхъ ихъ силъ; всякая физическая невозможность должна толковаться въ пользу обвиняемаго; нельзя наказывать за то, что невозможно было сдѣлать.

Впрочемъ изъ дѣла Зарина, 1879 г. № 87, и рядоваго Оскерко 1878 г. № 18, видно, что главный воен. судъ именно тогда только признаетъ добровольное возвращеніе растраченнаго, когда это растраченное отобрано отъ того, къ кому перешло отъ растратившаго, да кромѣ того растратившій внесетъ еще деньгами стоимость растраченной и потомъ возвращенной вещи. Очевидно, что это неправильно,

потому что казна, законодатель, преслѣдуя растрату, ищетъ небарышей, а смягчаетъ наказаніе вслѣдствіе добровольнаго возвращенія, потому что видитъ въ томъ признакъ раскаянія совершившаго преступленіе. Взглядъ главнаго воен. суда влечетъ за собою неравномѣрность отвѣтственности. Вѣдь если растрачены деньги, а не вещи, тѣ самыя деньги, которыя растрачены, ужъ никоимъ образомъ не вернутся въ казну, могутъ быть заплачены только другія деньги, и, такимъ образомъ, кто растрачиваетъ деньги, возвращаетъ только эквивалентъ растраченнаго, а растратившій вещи по толкованію глав. воен. суда платитъ вдвойнѣ. Считается добровольнымъ возвращеніемъ денегъ, если обвиняемый уплатитъ растраченныя имъ деньги во время самаго судебн. засѣданія, но до постановленія приговора; отчего же у главнаго военнаго суда тутъ не является недовѣрія къ доброй волѣ обвиняемаго; развѣ это добровольное возвращеніе? чѣмъ оно добровольнѣе отдачи провіанта при задержаніи безъ сопротивленія? что тутъ такое цѣнитъ глав. воен. судъ? Обвиняемый выслушалъ все дѣло, видитъ, что ему приходится плохо и вотъ онъ, въ послѣднюю безнадежную минуту, отдаетъ деньги, сколько же тутъ доброй воли въ обвиняемомъ? Нисколько; а между тѣмъ сбавка наказанія значительная; отчего не можетъ ею воспользоваться тотъ, который не сопротивлялся при задержаніи провіанта?

Главный военный судъ въ рѣшеніяхъ своихъ 1871 г. № 54 и 1874 г. № 111, установилъ весьма вѣрное положеніе, что для примѣненія 232 ст., нужно чтобъ казна потерпѣла убытокъ какой либо, а между тѣмъ подвелъ подъ 232 ст., дѣяніе рядоваго Зазурина, который изъ аммуничника, находившагося въ его вѣдѣніи, взялъ шинель съ цѣлью попользоваться ею, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, былъ задержанъ и шинель была у него отобрана (1876 г. № 9); очевидно тутъ ущерба казнѣ не было, не было даже присвоенія. Убытокъ есть существенный признакъ 232 ст., и притомъ этотъ убытокъ долженъ быть точно опредѣленъ; обвиняемый всегда имѣетъ

право потребовать отъ обвинителя, чтобъ онъ съ точностью опредѣлилъ убытокъ, такъ какъ обвиняемый, уплативъ убытокъ, можетъ получить облегченіе въ наказаніи; тамъ гдѣ обвинитель не въ состояніи опредѣлить убытокъ, тамъ нѣтъ и растраты. Иначе тотъ, кто напр. пользовался казеннымъ имуществомъ, но не причинилъ убытка, долженъ отвѣчать по 3 части 232, какъ не заплатившій убытка, хотя бы только потому, что убытка нѣтъ и обвинитель не можетъ опредѣлить его растраты. Это и случилось съ Зазуринымъ, котораго судъ приговорилъ за растрату по 3 части 232 ст. Убытокъ необходимое условіе и при пользованіи, которое является одною изъ перечисленныхъ въ 232 ст. формъ растраты.

Глав. воен. судъ своими разъясненіями до нельзя распространилъ понятіе о вымогательствѣ. Такимъ образомъ глав. воен. судъ, въ рѣшеніяхъ 1870 г. № 54, 1873 г. № 133, нашелъ, что отличительная черта вымогательства состоитъ въ томъ, что, получаемая лихоимцемъ по дѣламъ службы противузаконная прибыль, или иная выгода, доставляется ему не по добровольному согласію дающаго, а по принужденію, заключающемуся или въ угрозѣ и страхѣ притѣсненія, или же въ самомъ притѣсненіи. Установивъ такое общее понятіе, глав. воен. судъ призналъ виновнымъ въ вымогательствѣ фельдфебеля, который, при увольненіи въ кратковременный отпускъ нижнихъ чиновъ одной съ ними роты и при возвращеніи ихъ изъ отпуска, *выпрашивалъ* у нихъ денежную въ свою пользу плату (1875 г. № 304); фельдфебеля, который, *раздававши* нижнимъ чинамъ по *приказанію* начальника команды казенную мундирную одежду, *просилъ* отъ получателей *на чай* (1873 г. № 133). Гдѣ же тутъ принужденіе, если просилъ и то *на чай*, кто сколько, значитъ, дастъ. Мало того, вѣдь *вымогательство* можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ деньги *вымогаются* для учиненія или допущенія чего либо противнаго обязанностямъ службы, а въ данномъ случаѣ фельдфебель исполнялъ приказаніе начальника, гдѣ же тутъ что нибудь противное его обязанностямъ службы?

Глав. воен. судъ иногда и не упускаетъ этого изъ вида; такимъ образомъ въ рѣшеніи 1875 г. № 108, глав. воен. судъ не призналъ вымогательствомъ, если дядька потребуетъ угощенія отъ молодыхъ солдатъ, не обѣщая имъ учинить, или допустить, что либо противное обязанностямъ службы.

Рѣшенія главнаго военнаго суда часто являются совершенно непонятными. Такимъ образомъ по дѣлу рядоваго Васильева глав. воен. судъ объяснилъ, что если обвиняемый взводитъ ложное обвиненіе на другихъ по такому преступленію, въ которомъ самъ онъ не обвиняется, то такой оговоръ составляетъ уже ложный доносъ, а не запирательство, предусмотрѣнное 10 п. 129 ст., и на основаніи такихъ разсужденій къ Васильеву примѣнена 940 ст., такъ какъ Васильевъ, обвинявшійся въ побѣгѣ, ложно показалъ, что побѣгу, совершенному имъ изъ тюремнаго замка, способствовалъ смотритель замка. Но вѣдь Васильевъ обвинялся въ побѣгѣ изъ тюремнаго замка и оговорилъ смотрителя по этому именно преступленію; какимъ же образомъ главный военный судъ примѣнилъ къ нему 940 ст. о наказ.?

Глав. воен. судъ въ рѣшеніи 1871 г. № 91, запутываетъ вопросъ о грабежѣ; такимъ образомъ отнятіе имущества лицомъ вооруженнымъ штыкомъ въ ножнахъ и палкою, причемъ виновный ударилъ палкою по головѣ ограбленнаго, лишилъ его тѣмъ сознанія, предусмотрѣно по мнѣнію глав. воен. суда 1627 ст., по которой разбоемъ признается *всякое* открытое на кого либо нападеніе для похищенія чужаго имущества, когда притомъ нападавшій *имѣлъ* оружіе; но это несправедливо, потому что на основаніи уложенія имѣніе при себѣ оружія при открытомъ похищеніи можетъ быть только грабежемъ. Глав. воен. судъ знаетъ это и, какъ бы въ подтвержденіе своего толкованія, указываетъ, на ст. 1641, по которой имѣніе оружія при открытомъ похищеніи считается грабежемъ, имѣющимъ видъ разбоя. Но и это не такъ; если всякое открытое похищеніе съ оружіемъ

признавать разбоемъ, тогда ст. 1641 лишняя, между тѣмъ для обвиняемаго разница: будетъ ли онъ признанъ грабителемъ съ оружіемъ по 1641 ст., или по одной изъ статей о разбоѣ; ни одна изъ послѣднихъ не назначаетъ такого легкаго наказанія, какъ 1641 ст., потому важно установить, что и вооруженный преступникъ можетъ быть признанъ виновнымъ по 1641 ст. Для того чтобъ дѣяніе было признано разбоемъ, мало имѣть оружіе; нужно еще, чтобъ характеръ насилія былъ бы такой, какъ его опредѣляетъ 1627 ст. Хотя сенатъ въ рѣшеніи 1871 г. № 935, 1873 г, № 588, впадаетъ въ туже ошибку, что и глав. воен. судъ, но это не оправдываетъ практики главвоен. суда. Рѣшеніемъ сената 1873 г. № 599, приведенныя рѣшенія его исправлены; именно сенатъ допускаетъ признаніе наличности преступленія, предусмотрѣннаго 1641 ст., даже и тогда, когда субъектъ былъ вооруженъ, но съ тѣмъ, чтобъ оружіе не только не было пущено въ дѣло, но чтобъ субъектъ не употреблялъ его даже для угрозъ. Къ тому же и глав. воен. судъ, въ рѣшеніи 1875 г. № 105 и 1878 г. №№ 61 и 236, признаетъ, что и при оружіи можетъ быть грабежъ, а не непремѣнно разбой, но затѣмъ, въ рѣшеніи 1877 г. № 66, глав. воен. судъ снова утверждаетъ, что открытое похищеніе чужаго имущества съ оружіемъ въ рукахъ составляетъ непремѣнно разбой.

По рѣшенію главнаго веннаго суда открытое похищеніе чужой вещи, независимо отъ цѣли, съ которою совершено это похищеніе, составляетъ грабежъ, предусмотр. 1637 ст. (р. 1872 г. № 290, и 1878 г. № 31).

Главный военный судъ въ рѣшеніяхъ: 1875 г. № 316, отомкнутіе *ниточкою замка у наружныхъ дверей*, 1877 г. № 25, открытіе палочкой, запертой съ внутренней стороны на задвижку, *наружной двери* 1871 г. № 160, открытіе крючкомъ или другимъ орудіемъ, запертой на задвижку изнутри, *наружной* двери, все это подводилъ подъ 1 ч. 1647 ст., а между тѣмъ по рѣшеніямъ 1869 г. № 32, 1874 г. № 255, 1875 г. № 38 и 83, кража изъ кладовой,

изъ квартиры, изъ дома, наружныя двери которыхъ было отперты подобраннымъ ключемъ, оказывалась предусмотрѣнною во 2 части 1647 и 1648 ст., такъ какъ въ послѣдней не было сдѣлано никакихъ изъятій для тѣхъ случаевъ, когда посредствомъ подобранныхъ ключей отперты были наружныя двери кладовыхъ, или другихъ зданій. Но вѣдь 1648 ст. говорила объ открытіи хранилищъ посредствомъ поддѣльныхъ подобранныхъ или украденныхъ ключей, или же *крючьевъ* гвоздей, или *иныхъ* какого либо рода орудій, потому очевидно, что рѣшенія главнаго военнаго суда 1875 г. № 316, 1877 г. № 25, 1871 г. № 160, противорѣчатъ рѣшеніямъ 1869 г. № 32, 1874 г. № 255, 1875 г. № 68 и 83.

Затѣмъ главный военный судъ въ слѣдующемъ расходится въ своихъ толкованіяхъ съ сенатомъ. По рѣшеніямъ сената по 133 ст. мир. уст. подвергается наказанію лишь виновные въ нанесеніи такихъ обидъ дѣйствіемъ, которыя не сопровождались ни однимъ изъ указанныхъ въ 135 ст. мир. уст. обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, а на основаніи 135 ст. подлежатъ наказанію виновные въ нанесеніи обиды при существованіи хотя одного, изъ исчисленныхъ въ этой статьѣ обстоятельствъ, и независимо отъ того, былъ ли данъ поводъ къ обидѣ самимъ обиженнымъ или нѣтъ; признаніе же существованія повода къ обидѣ, при наказаніи по 135 ст., можетъ служить лишь обстоятельствомъ уменьшающимъ вину подсудимаго. Между тѣмъ въ рѣшеніи главнаго военнаго суда 1881 г. № 139, сказано, «по буквальному смыслу 135 ст. у. о н. статья эта предусматриваетъ между прочимъ случаи нанесенія обиды дѣйствіемъ въ многолюдномъ собраніи, но притомъ безъ повода со стороны обиженнаго, между тѣмъ изъ признанной виновности штабсъ капит. А, видно, что имъ нанесена обида дѣйствіемъ К. хотя и въ многолюдномъ собраніи, но поводъ къ оскорбленію данъ былъ самимъ обиженнымъ, и потому и дѣяніе подсудимаго, въ томъ видѣ какъ оно изложено въ приговорѣ, совершенно правильно отнесено подъ дѣйствіе 133 ст. Такимъ обра-

зомъ по толкованію главнаго военнаго суда, все равно оскорбленъ ли человѣкъ въ многолюдномъ собраніи или нѣтъ, все равно наказаніе выходитъ одно; эта несообразность такъ бросается въ глаза, а главный военный судъ ничего не замѣчаетъ; сенатъ же понимаетъ разницу, и по его толкованію, оскорбившему въ многолюдномъ собраніи всегда будетъ назначено наказаніе болѣе строгое, а поводъ къ обидѣ будетъ имѣть значеніе обстоятельства смягчающаго.

Мы изложили, такимъ образомъ, какова практика нашихъ военныхъ судовъ, что такое вообще представляетъ изъ себя военно-судебное установленіе, но мы еще далеки отъ того, чтобъ сказать, что мы представили законченный очеркъ правосудія въ войскахъ. Правосудіе не исчерпывается дѣятельностью одного военнаго суда, военно-судебныхъ учрежденій, и военные начальники отправляютъ чисто судебныя функціи. Военнымъ начальникамъ принадлежитъ власть разбирать, т. е. судить маловажные проступки и наказывать за нихъ, военные начальники имѣютъ извѣстное значеніе въ вопросахъ о производствѣ дознанія, возбужденія слѣдствія, преданія суду.

Прежде чѣмъ военный попадетъ подъ судъ, о немъ производится дознаніе, часто весьма длинное и долгое, затѣмъ выступаетъ на очередь и разрѣшается начальствомъ вопросъ, слѣдуетъ ли начать слѣдствіе; во время дознанія и слѣдствія, подпавшія судебному преслѣдованію томятся подъ стражей часто до года, тревожатся за исходъ дѣла, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его конца, и все это иногда тяжеле отзывается на субъектѣ, чѣмъ самый судъ и наказаніе. Судъ иногда знаменуетъ конецъ всѣмъ мукамъ и терзаніямъ, суда очень часто ждутъ какъ спасенія. А между тѣмъ назначеніе слѣдствія хотя и не всегда, какъ думаютъ многіе, но въ чисто военныхъ нарушеніяхъ безусловно, а въ общихъ преступленіяхъ, совершенныхъ въ мѣстности, состоящей въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, почти всегда зависитъ отъ военнаго начальства. Съ другой стороны, какъ бы ни былъ виновенъ военнослужащій въ дѣлахъ по службѣ, во многихъ общихъ преступленіяхъ, военное начальство имѣетъ всегда власть и возможность закрыть дѣло, оно въ этомъ отношеніи пользуется ни кѣмъ не контролируемымъ, ничѣмъ не ограниченнымъ произволомъ. Мало того, военное начальство еще ставитъ себѣ въ заслугу, что правда скрыта ради интересовъ военной службы, будто бы; при нѣкоторой ловкости, нѣкоторой способности мудрствовать

лукаво, нѣкоторой долѣ способности къ софистикѣ, при нѣкоторомъ единомыслiи съ прокуратурой, начальство свою власть судебную, т. е. власть разбирать нѣкоторыя дѣла, подсудныя мировымъ судьямъ, можетъ раздвинуть до вершенiя окончательно и весьма важныхъ дѣлъ. Военно-судебный уставъ даетъ въ руки начальства нѣкоторое вліяніе, нѣкоторыя орудiя, весьма существенныя для того, чтобъ такъ или иначе подѣйствовать на исходъ дѣла, находящагося уже въ рукахъ военно-судебныхъ учрежденiй.

Посредствомъ извѣстныхъ дѣйствiй, возведенныхъ въ систему, начальство можетъ оказывать давленiе на военный судъ, даже на постоянную часть его организацiи.

Всего изложеннаго достаточно для того, чтобъ искать центръ тяжести правосудiя въ войскахъ во власти начальниковъ, и чтобъ видѣть, что на правосудiе военные суды могутъ оказывать лишь второстепенное вліяніе.

Потому важно знать, что же такое представляетъ изъ себя военное начальство, насколько въ немъ покоятся начала справедливости, идеи высшихъ потребностей военной службы, насколько въ немъ таится уваженiе къ личности, къ неприкосновенности тѣхъ благъ, которыми обладаетъ подчиненный въ силу своего человѣчества, насколько военные, въ лицѣ начальства, проникнуты высокими идеями добра, чести, общей гражданской доблести.

Разработка этихъ данныхъ прямо рѣшаетъ вопросъ, каково же въ самомъ дѣлѣ положенiе солдата, насколько въ военномъ быту, въ военной жизни царитъ право и справедливость? или, быть можетъ, подчиненный есть вполнѣ безправное существо? наконецъ, чего можно ждать отъ возвращенiя правосудiя въ руки военнаго начальства, какъ это было до реформы судовъ, или даже чего можно ждать только отъ усиленiя вліянiя начальства на судъ.

Говорятъ, думаютъ, а нѣкоторые тому вѣрятъ, что въ военной службѣ царитъ доблестный духъ рыцарства, вѣрности, чести, благо-

родства, справедливости и т. п. Мы разберемъ, разсмотримъ все это и постараемся до очевидности показать, насколько правы тѣ, которые говорятъ искренне о господствѣ справедливости въ войскахъ, или, если это неправда, насколько не правы тѣ, которые увѣряютъ, что въ войскахъ царитъ справедливость.

Вопросъ о томъ справедливость-ли и правда господствуетъ въ войскахъ подлежитъ изслѣдованію, имѣетъ свои корни, начала; и то и другое не упало съ неба, а конечно было продуктомъ, результатомъ прошедшаго, результатомъ исторіи, а также настоящихъ условій военной жизни—образованности военныхъ, господства законности и т. д., и затѣмъ тѣхъ отношеній, въ которыя стала и стоитъ къ существующему порядку въ войскахъ сама масса, составляющая войско, насколько терпѣливо она выноситъ тѣ давленія, тѣ вліянія, которымъ подвергается, и главнѣйшимъ образомъ общаго положенія дѣлъ въ государствѣ, той связи, въ которой армія находится съ народомъ. Большее или меньшее участіе народа въ судьбахъ арміи, тѣ или другія измѣненія въ общественномъ строѣ народа должны вліять на состояніе арміи.

Когда-то, до уничтоженія крѣпостнаго состоянія, армія наша рѣзко разграничивалась на два слоя: офицерскій и солдатскій; переходы изъ солдатскаго слоя въ офицерскій бывали, существовали такъ называемые бурбоны, но все-таки это были частные, особенные случаи; общій принципъ былъ тотъ, что два слоя не могли сливаться, что отвѣчало и организаціи цѣлаго тогдашняго общества. Въ офицерство шли дворяне, офицерство было монополіей дворянства, помѣщиковъ; дворянинъ только и мечталъ, о службѣ въ офицерскихъ чинахъ, и въ началѣ первой половины 19 столѣтія, въ офицерство лѣзла знать. Кромѣ службы въ войскахъ по склонности, какъ службы, въ которой ничего не приходилось дѣлать, что нравилось конечно всегда и вездѣ ничего не дѣлавшимъ, дворянъ привлекало то, что они получали полки и части на кормленіе, какъ получали когда-то вое-

воды провинціи. Каждый полкъ получалъ шефа, полки и назывались полками такого-то; хотя это и теперь существуетъ, но прежде эти слова имѣли болѣе реальное значеніе и многіе близко интересовались своими полками, что выражалось въ томъ, что шефы давали офицерамъ своего полка пособія. Помѣщики, поступая въ военную службу, такъ и знали, что большинство солдатъ были изъ крѣпостныхъ, хотя не изъ крѣпостныхъ того самаго офицера, который служилъ въ полку, но крѣпостныхъ вообще. Помѣщику, дворянину, вступающему въ войска, не было надобности измѣнять своихъ взглядовъ, привычекъ, склонностей; онъ самъ не имѣлъ къ тому поползновеній, напротивъ, ему было желательно удерживать за собою все то, что признавалось его правомъ до поступленія на службу, правомъ помѣщика; съ другой стороны отъ него никто не требовалъ измѣненій, жертвъ, лишеній.

Помѣщикъ, смотрѣвшій на своихъ крестьянъ, какъ на нѣчто низшее, существа не изъ бѣлой кости, сдѣлавшись офицеромъ, точно также смотрѣлъ и на солдатъ; онъ былъ обязанъ такъ смотрѣть на нихъ, его къ тому обязывало его благородство; помѣщикъ вольный чуть ли не въ жизни своего крѣпостнаго, сдѣлавшись офицеромъ точно также смотрѣлъ и на своихъ солдатъ, солдаты какъ и крѣпостные были безотвѣтственны. Помѣщикъ, самъ управлявшій своимъ имѣніемъ безконтрольно, безотчетно, только для своихъ личныхъ интересовъ, сдѣлавшись офицеромъ, также управлялся съ своими подчиненными, онъ не могъ иначе смотрѣть на нихъ: съ какой стати ему было отказываться отъ такихъ отношеній, когда такъ смотрѣли всѣ вокругъ него, когда никто не требовалъ отъ него другихъ взглядовъ когда напротивъ говорили, «дать ему полкъ для поправки».

Никакихъ законовъ для ротнаго хозяйства и другой болѣе крупной единицы, а также для администраціи части не было, существовали отдѣльныя распоряженія главнокомандующаго первой арміи, второй и т. д., каждый начальника вводилъ у себя свои правила, но

*

ихъ мало кто зналъ, постоянно приходилось о нихъ напоминать, и въ концѣ-концовъ всѣ руководствовались только своими усмотрѣніями; все шло какъ кому богъ на душу положитъ.

Помѣщики судили своихъ крестьянъ, и, дѣлаясь офицерами, помѣщикамъ дѣйствительно не приходилось отказываться отъ роли судьи. Законы были, но кто же ихъ изучалъ, кто зналъ и исполнялъ, кто требовалъ исполненія законовъ, къ тому же были только законы уголовные, но не было ни малѣйшихъ правилъ, опредѣляющихъ ближайшее, тѣснѣйшее общеніе офицеровъ, начальниковъ съ подчиненными, солдатами; какія наказанія, за что именно начальникъ могъ своею властью накладывать на подчиненныхъ, все это было недостаточно, въ страшномъ хаосѣ и наказанія накладывались произвольныя, импровизированныя, внушались порывами фантазіи. Назначались эти наказанія властью начальника за всякія преступленія, всякія преступленія могли прикрываться принадлежностью къ войску. Дисциплинарный уставъ, самый поверхностный, самымъ осторожнымъ образомъ опредѣлившій отношенія начальника къ подчиненному, широко и не точно опредѣлявшій права перваго наказывать втораго и за какія именно преступленія, появился только въ первый разъ въ 1859 году; съ того времени было нѣсколько изданій дисциплинарнаго устава, послѣднее въ 1879 году, которое является наиболѣе удовлетворительнымъ.

Но изданіе закона само по себѣ, а жизнь жизнью.

Со времени уничтоженія крѣпостничества въ 1861 году, много воды утекло, много измѣненій произошло, въ солдаты стали поступать всѣ, изъ солдатъ всякому можно достигнуть офицерства, но старая жизнь, старыя преданія, старыя притязанія, старыя понятія еще крѣпко держатся; много законовъ написано, много мы заимствовали у германцевъ, но въ войскахъ живетъ еще старый духъ. И прежде всего онъ живучъ потому, что все же масса, если и заявляетъ о необходимости другихъ условій, если старая атмосфера уже становится тяжелою для дыханія, для жизни въ ней, то все это слабо, все это еще

въ зачаткѣ, робко, все это больше относится къ области безсознательнаго, а за то вліятельныя сферы напрягаютъ всѣ свои усилія, стараясь удержать какъ можно больше старины; и кому же изъ людей этой среды не жаль разстаться съ произволомъ, съ безотвѣтственностью, съ возможностью заставить все и всѣхъ работать на ихъ личную пользу, въ ихъ интересахъ. И вотъ по прежнему говорятъ «мой полкъ», по прежнему говорятъ командиръ есть полный хозяинъ въ части, по прежнему деньщикъ и солдатъ называетъ офицера «баринъ», по прежнему толкуютъ о томъ, что всякія приказанія начальника должны быть исполняемы безпрекословно, такъ какъ за нихъ отвѣчаетъ начальникъ; по прежнему смотрятъ на дисциплину, какъ на средство держать въ рабскихъ отношеніяхъ подчиненныхъ, и эксплоатируютъ дисциплину какъ эксплотировали когда-то «слово и дѣло», по прежнему, превратно толкуемая, дисциплина прикрываетъ всѣ вопіющія неправды, по прежнему преслѣдуютъ свои личные интересы, и не хотятъ помириться съ принципомъ, что армія существуетъ для народа, для общества. Справедливость, ея требованія, ни для кого не обязательны, противъ нея воздвигаютъ требованія военной службы, военные интересы, по прежнему подчиненный есть существо низшей породы. Мы приводили выше примѣръ, чего желалъ бы отъ судовъ одинъ полковникъ, что удовлетворило бы его и ему подобныхъ: нужно было бы, чтобъ судъ безусловно довѣрялъ тому, что сообщитъ суду начальникъ; въ Пруссіи, говорилъ полковникъ, вѣрятъ безусловно жандарму, который можетъ застрѣлить любаго гражданина и не отвѣчать за это; жандарму достаточно для его оправданія сказать, что онъ считалъ нужнымъ застрѣлить такого-то. Этотъ примѣръ могъ показаться съ перваго раза невѣроятнымъ, но теперь, послѣ того какъ мы стали на точку зрѣнія крѣпостническаго порядка, примѣръ представляется въ порядкѣ вещей. Мы знаемъ, какъ уже по уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, въ петербургскомъ земскомъ собраніи, лѣсовладѣльцы, прежніе помѣщики, занимались проведеніемъ въ собраніи про-

экта охраны ихъ лѣсовъ и добивались разрѣшенія вооружить свою лѣсную стражу огнестрѣльнымъ оружіемъ, съ тѣмъ чтобъ лѣсники безотвѣтственно могли употреблять оружіе противъ нарушающихъ право собственности; лѣсовладѣльцы настаивали, кромѣ того, на такомъ законѣ, по которому показаніе одного лѣснаго сторожа на судѣ принималось бы за достовѣрное и безусловно обвинительное доказательство. Въ числѣ заявившихъ такія требованія были люди, въ другихъ вопросахъ высказывавшіе себя либеральными; въ собраніи имъ возражалъ только одинъ господинъ, имя котораго теперь неудобно упоминать, но которое было тогда весьма почтенно, какъ имя профессора, ученаго, философа.

Таковы претензіи вообще крѣпостнической партіи, другими не могутъ быть претензіи тѣхъ, кто въ настоящее, время представляетъ изъ себя преемниковъ крѣпостничества? Очень, очень трудно, медленно крѣпостническое возрѣніе, крѣпостническіе порядки, господствовавшіе безраздѣльно въ арміи до 1861 г., уступаютъ требованіямъ времени; старина выгодна для эксплоатаціи массы, въ пользу личности, для устройства обезпеченія личныхъ интересовъ и потому хотя крѣпостничество введено въ армію, исчезнувшими уже, помѣщиками, но за него цѣпляются нынѣшніе эксплоататоры, хотя не всегда вышедшіе изъ среды помѣщиковъ, съ ними и по происхожденію ничего общаго не имѣющіе, но жадные до оставленнаго имъ наслѣдія.

Такимъ образомъ порядокъ, представляемый жизнью войска, не есть правовой порядокъ, справедливый, *нравственный*, но есть порядокъ только чисто внѣшній, формальный, а такой порядокъ не обладаетъ устойчивымъ равновѣсіемъ; желательно же именно достигнуть равновѣсія устойчиваго. Мало объ этомъ заботятся и поддерживаютъ общую безнаказанность злоупотребленій, безнаказанность обезпеченную круговою порукою, солидарностью всѣхъ давящихъ, топчущихъ въ грязь общественный интересъ, общественную пользу. Факты на каждомъ шагу доказываютъ, что у насъ въ войскѣ забывается

тотъ принципъ, что войско существуетъ для общества, а напротивъ, только и думаютъ объ обособленности, исключительности интересовъ. Войска—начальники и офицеры создали себѣ особенныя понятія, интересы, мундирную честь, отдѣльную отъ общей чести. Въ послѣднее время случаи столкновенія офицеровъ съ гражданами, кровавые случаи, при которыхъ защищали сословную честь, сдѣлались слишкомъ часты, и эта-то частость доказываетъ обостреніе вопроса, кризисъ, который долженъ кончиться побѣдою одного изъ элементовъ, и не нужно быть пророкомъ, чтобъ предсказать, что побѣда останется не за исповѣдниками мундирной чести. Общество становится требовательнѣе въ отношеніи къ войску, къ отдѣльнымъ его представителямъ, общество начинаетъ ставить для войска свои требованія, начинаетъ требовать, чтобъ войско дѣйствительно служило обществу, было для него полезно; общество не терпитъ безправнаго положенія, въ которое ставитъ современная военная служба членовъ общества, вступающихъ въ войско и общество имѣетъ средства осуществить свои требованія. Мы знаемъ, что одинъ подполковникъ оскорбительно отнесся къ вольноопредѣляющемуся, унизилъ его своимъ обращеніемъ, и хотя вольноопредѣляющійся не могъ самъ непосредственно стать на защиту своего личнаго достоинства, но, имѣя связи съ мѣстнымъ обществомъ, ему удалось добиться того, что мѣстная интелигенція обратилась къ подполковнику съ запросомъ относительно антиобщественнаго поведенія подполковника. Членъ земской управы Я. былъ убитъ офицеромъ изъ за мундирной чести. Въ Оренбургѣ по случаю праздничнаго дня на тротуарѣ народъ двигался большими массами и, бывшій въ толпѣ, портной нечаянно задѣлъ локтемъ офицера, который въ отвѣтъ ударилъ портнаго по лицу, а потомъ не довольствуясь этимъ обнажилъ шашку и принялся рубить портнаго. Когда ребенокъ сталъ защищать отца, разъяренный офицеръ порубилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ руки ребенку (Голосъ № 141). Третій, изрубилъ двухъ гражданъ. Капитанъ, напив-

шись пьянымъ, будучи за то удаленъ изъ собранія, возвратился къ собранію съ цѣлою ротою, съ намѣреніемъ разнести собраніе. Въ Зарайскѣ, 3 февраля, офицеръ Г. избилъ на улицѣ нотаріуса, и на другой день утромъ произошло побоище, между гражданами Зарайска и цѣлой батареей солдатъ. Собраніе городской думы вступилось за мирныхъ гражданъ города и постановило довести до свѣдѣнія военнаго министра. Всѣ эти случаи послѣдовали въ самое короткое, послѣднее время, а сколько ихъ осталось еще неизвѣстными. Это свидѣтельствуетъ о ненормальныхъ отношеніяхъ между обществомъ и военными, но на что же разсчитываютъ военные? безъ сомнѣнія, грубая сила ничего не сдѣлаетъ; общество имѣетъ тысячу дѣйствительныхъ средствъ остановить военныхъ. Такъ Самара, какъ извѣщаетъ «Голосъ», ходатайствовала о выводѣ изъ Самары Гурійскаго полка, въ которомъ служилъ поручикъ Штемпель, послѣ оправданія его въ убійствѣ Яроваго. Военные требуютъ отъ гражданъ какого-то особаго почтенія, какой-то дани удивленія и уваженія; но конечно, чѣмъ больше этого будутъ требовать тѣмъ меньше будутъ получать, и столкновенія неизбѣжны. Кого только офицеры не стараются подчинить себѣ. Ученики гимназій и тѣ неизбѣжали нападеній офицерскихъ. Въ Евпаторіи, во время вечерняго гулянья на бульварѣ, офицеръ встрѣтилъ нѣсколькихъ гимназистовъ младшаго класса прогимназіи и потребовалъ отъ дѣтей отданія ему чести; ученикъ втораго класса, 12 лѣтъ, отвѣчалъ за себя и товарищей, что это для нихъ необязательно. Офицеръ тутъ же, среди народа, сталъ бить ослушника (Голосъ, № 145). Война предшествовавшая, желаніе войны будущей можетъ быть способствовали всѣмъ этимъ безобразіямъ; извѣстное дѣло, что война способствуетъ огрубѣнію нравовъ. Извѣстно, что въ Россіи не въ обычаѣ публичныя, въ громадныхъ размѣрахъ, травли животныхъ, однако же тотчасъ послѣ войны, благодаря содѣйствію военныхъ, осуществилась травля крысъ въ конно-гвардейскомъ манежѣ, и травля дикихъ животныхъ въ царскосельскомъ ипподромѣ.

Генералъ Скобелевъ во что считалъ общество, когда увѣрялъ, что общество все до единаго желаетъ войны съ нѣмцами? Очевидно, что онъ слишкомъ безцеремонно отнесся къ обществу, такъ какъ онъ находится въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о желаніяхъ общества; нельзя знать желанія и потребности такого общества, которое лишено средствъ и возможности высказать свои желанія и потребности. Не черезъ газеты же Аксакова, да Каткова, да Суворина можно узнать общество. Брать на себя смѣлость говорить за общество, не имѣя отъ него уполномочій, значитъ неуважать общество, и въ ряду другихъ рѣчи Скобелева могутъ свидѣтельствовать только о безцеремонности военныхъ съ тѣмъ обществомъ, которому должны были бы служить.

Военные стараются создать изъ себя государство въ государствѣ и потому среди военныхъ кружитъ любимая теорія, будто бы офицера, офицера замѣтьте, а не всякаго военнаго, полиція не имѣетъ права задержать даже заставши его на мѣстѣ преступленія, даже во время самаго свирѣпаго буйства въ публичномъ мѣстѣ. Такая теорія открываетъ впереди перспективу безнаказанности, и потому отчего же военнымъ не поддерживать ее и трудно разубѣдить офицера, что его можетъ арестовать всякій полицейскій, а не только плацъ-адъютантъ. Такая теорія поддерживается, раздувается людьми мало знающими, вовсе къ военному состоянію не принадлежащими, но имѣющими надобность льстить грубымъ поползновеніямъ массы военныхъ. По дѣлу прапорщика Б., содержаніе котораго, между прочимъ, заключалось въ вопросѣ, сопротивлялся ли онъ задержанію его полицейскими, или нѣтъ, защитникъ кандидатъ на военно-судебныя должности, съ пафосомъ произнесъ тираду, что офицера вѣдь никто задержать не можетъ, что это можетъ сдѣлать только плацъ-адъютантъ; такая пагубная теорія, высказанная публично, конечно могла только способствовать болѣе глубокому вкорененію предразсудка, но мы видѣли выше, что такая фальшивая теорія коренится въ невѣжествѣ, въ незнаніи закона. Офицеры думаютъ, что полиція имъ под-

чинена. Такимъ образомъ офицеръ Су. буйствуетъ въ кабакѣ, бьетъ бывшихъ тамъ; является полицейскій Сос., офицеръ требуетъ чтобъ полицейскій арестовалъ избитыхъ; полицейскій не исполняетъ требованія офицера и офицеръ избиваетъ и полицейскаго; офицера предаютъ суду; судъ находитъ, что офицеръ ничего особеннаго не сдѣлалъ, а только погорячился, горячность же его была вызвана неповиновеніемъ, оказаннымъ Сос., выразившимся въ томъ, что онъ не арестовалъ избитыхъ. Су. Варшавскій оберъ-полиціймейстеръ, въ началѣ 1882 г., предупреждая публику о тѣхъ мѣрахъ, которыхъ намѣревалась держаться полиція при предстоявшихъ маскарадахъ, прямо объявлялъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда офицеры забудутся, полиція будетъ обращаться къ дежурному плацъ-адъютанту, который будетъ всегда находиться въ маскарадной залѣ. Мѣра ясно дѣлающая уступку военному предразсудку, показывающая силу этого предразсудка.

Среда, разсчитывающая представлять изъ себя государство въ государствѣ, думаемъ, есть прямое наслѣдіе крѣпостничества.

Военное сословіе не думаетъ о томъ, что все, что въ средѣ его происходитъ, есть дѣло общественное, что оно обязано отчетомъ передъ обществомъ за общее направленіе дѣлъ и за каждую отдѣльную личность, что военная организація, принявши въ себя члена общества, не можетъ распоряжаться съ нимъ безконтрольно, безотвѣтственно, по своему усмотрѣнію, что личность есть общественная единица. Военные думаютъ, что правосудіе въ войскахъ, предъявленіе обвиненій, уличеніе въ винѣ, есть дѣло домашнее для войска, что военныя учрежденія имѣютъ право не обращать вниманія на общество, что общество не имѣетъ права слѣдить и знать, какъ распоряжаются въ войскѣ съ его членами. Подавленные такимъ взглядомъ на вещи, составители дѣйствующихъ военно-судебныхъ уставовъ въ своихъ законодательныхъ мотивахъ утверждаютъ, «что если и справедливо, что разбирательство дѣлъ въ полковыхъ судахъ можетъ имѣть характеръ семейный, домашній, не вполнѣ совмѣщающійся съ публичнымъ

производствомъ дѣлъ, то это можно отнести лишь къ тѣмъ дѣламъ, которыя возникаютъ во внутреннемъ бытѣ военной команды и не выходятъ за предѣлы его, слѣдовательно къ тѣмъ, которыя касаются исключительно нарушенія нижними чинами дисциплинарныхъ обязанностей». И такъ несомнѣнно, существуютъ сильныя мнѣнія, что все, происходящее въ войскахъ, не есть дѣло общественное, съ которыми считали необходимымъ бороться до нѣкоторой степени составители военно-судебныхъ уставовъ, старавшіеся отстоять отъ обращенія въ домашнія дѣла обще уголовныя, а затѣмъ и законодатели впали въ заблужденіе, принявши дѣла дисциплинарныя за домашнія. Согласно съ этимъ взглядомъ, существующимъ въ войскахъ, дѣлаются усилія ограничить, если не совсѣмъ уничтожить, гласность въ военныхъ судахъ.

Человѣкъ покуда онъ живетъ въ гражданскомъ быту, пользуется извѣстными правами, поступая же въ войско, онъ вступаетъ въ другое государство, съ особой организаціей; никто и не думаетъ о томъ, что гражданинъ, сдѣлавшись военнымъ, не только можетъ, но обязанъ передъ обществомъ сохранить за собою какъ можно больше гражданскихъ правъ; нѣтъ, думаютъ, военное вѣдомство есть особое государство, съ особыми интересами, особыми цѣлями, стремленіями, потребностями, передъ которыми должны уступить интересы, потребности гражданскаго быта, интересы правосудія. Но это несправедливо, ни на чемъ не основано, это не можетъ быть ничѣмъ доказано и потому думаемъ, что, организація судовъ, отправленіе правосудія въ войскахъ, есть не свой домашній вопросъ, а вопросъ государственный, который долженъ быть разрѣшенъ, какъ можно ближе къ организаціи общаго суда и общаго судебнаго процесса.

Въ послѣднее время въ военныхъ судахъ запрещено производить при открытыхъ дверяхъ дѣла о нарушеніяхъ дисциплины. Мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ о вредномъ значеніи этой мѣры чисто въ интересахъ правосудія. Мы разсмотримъ теперь значеніе этой

мѣры въ общемъ ея значеніи, мы скажемъ о тѣхъ цѣляхъ и мотивахъ, которые поставлены подъ защиту этой мѣры. Мѣра эта вызвана, будто бы, интересами военными, необходимостью ихъ охраненія, защиты. Но что же это за интересы? какіе могутъ быть интересы, охраненіе которыхъ, помимо справедливости, можетъ быть задачею уголовнаго процесса, которые должны охраняться въ ущербъ правосудію. Трудно съ перваго раза сказать, что именно разумѣютъ подъ военными интересами; тѣ, кто ихъ проповѣдуетъ, не рѣшаются открыто ихъ формулировать, они уклоняются отъ откровеннаго объясненія, прячутся за общія фразы, потому, чтобъ вывѣдать, что это за военные интересы, надо ловить ихъ защитниковъ тогда, когда они противъ воли своей проговариваются.

Объ интересахъ службы, правда, твердятъ представители любой службы; мы видѣли, что таможенное вѣдомство настаиваетъ на томъ, что оно имѣетъ свои интересы и находитъ, что его интересамъ грозитъ опасность со стороны представителей правосудія, но послѣ подробнаго разбора всего таможеннаго дѣла мы увидѣли, что эти интересы пограничной службы суть ни болѣе ни менѣе, какъ личные интересы чиновъ пограничной стражи, что этимъ чинамъ хотѣлось, во что бы ни стало, уничтоживъ интересы правосудія, обезпечить безнаказанность произвола, право распоряжаться безконтрольно въ своихъ личныхъ видахъ въ 7-ми верстной полосѣ по границѣ, и что никакихъ интересовъ, которые бы могли разсчитывать на признаніе ихъ съ точки зрѣнія законной службы, службы общественной, начальство пограничной стражи не могло указать. Кутаясь въ свою спеціальность, пограничная стража хотѣла провести свои взгляды чрезъ спеціально выставленнаго ею чиновника, но оказалось, что никакой особенной спеціальности, которая не могла бы быть раскрыта общими средствами, указываемыми судебными уставами, въ пограничной службѣ не имѣется. Точно также тѣ интересы собственно военной службы, которые стремится защищать военное начальство, о которыхъ оно не

хочетъ категорически высказаться, слишкомъ исключительны, несправедливы.

Интересы военной службы будто бы состоятъ въ томъ, чтобъ за упущенія военнаго начальства, отвѣчалъ подчиненный, совершенно какъ при крѣпостномъ правѣ. Существуетъ законъ, по которому всякій бѣжавшій содержится подъ стражей; кого обязываетъ этотъ законъ? конечно, начальство; противуестественно требовать, чтобъ самъ солдатъ, возвратясь изъ бѣговъ, еще требовалъ, настаивалъ на томъ чтобъ его посадили подъ арестъ. А между тѣмъ по рѣшеніямъ главнаго военнаго суда, если военное начальство, вопреки 553 ст. XXIV, не сдѣлаетъ распоряженія о содержаніи подъ стражею виновнаго въ побѣгѣ нижняго чина, то послѣдній, за вновь совершенный побѣгъ, наказывается все-таки какъ за побѣгъ изъ подъ стражи; неисполненіе въ подобномъ случаѣ начальствомъ возложенной на него обязанности разъясняетъ главный военный судъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на измѣненіе характера, совершеннаго подсудимымъ преступленія, такъ какъ дѣлаемое 134 ст., XXII св. воен. пост., изъятіе изъ общаго правила о наказаніи по совокупности преступленій вызвано было необходимостью оградить интересы военной службы тѣмъ, чтобъ нижніе чины, виновные въ побѣгѣ, еще не осужденные за него, въ случаѣ совершенія новаго побѣга, не оставались безъ наказанія. И такъ военный интересъ привелъ къ тому, что судъ долженъ совершить юридическій абсурдъ, наказать человѣка за упущеніе учиненное другимъ, наказывать подчиненнаго за упущеніе начальника, нарушить коренное правило, по которому всякій всегда отвѣчаетъ самъ за себя. Хорошъ интересъ противорѣчащій здравому смыслу—солдатъ бѣжавшій не изъ подъ стражи судится за совершеніе побѣга изъ подъ стражи; почаще давайте такіе абсурды и къ суду потеряютъ всякое уваженіе; но что до того за дѣло, за то военный интересъ спасенъ, авторитетъ власти поддержанъ, начальникъ никогда не можетъ быть виноватъ.

Таковы рѣшенія главнаго военнаго суда 1869 г. № 82, 1873 г. №№ 40, 231, 1874 № 97.

Интересы военной службы весьма странно понимаются и между тѣмъ начальство требуетъ, чтобъ эти странные интересы не менѣе странно охранялись судомъ, такимъ образомъ вотъ что мы знаемъ. Рядовой пѣх. резерви. бат. Б. промоталъ чужой сапожный товаръ, полученный для извѣстнаго употребленія, заложивши его каптенармусу; командиръ баталіона требовалъ преданія суду каптенармуса, такъ какъ онъ будто бы не могъ не знать, что Б. закладывалъ ему казенный сапожный товаръ, хотя командиръ баталіона, согласившись съ преданіемъ Б. суду по 177 ст. мир. уст., уже тѣмъ самымъ признавалъ, что каптенармусу заложенъ былъ не казенный товаръ, а частная собственность. Кромѣ того командиру баталіона было указано вскользь, что сапожный товаръ есть предметъ свободной торговли даже между нижними чинами, и дѣйствительно каждый нижній чинъ имѣетъ право, выданный ему сапожный товаръ, продать кому угодно, промѣнять его на что угодно, такъ какъ сама казна сознаетъ, что сапожный товаръ, бываетъ, отпускается въ войска плохаго достоинства; отъ солдатъ только требуется, чтобъ у него на ногахъ были сапоги, а съ чего они сшиты — съ своего ли, или казеннаго товара — это безразлично. Но баталіонный командиръ взъѣлся, придрался къ слову свободная торговля и пустился въ философію, утверждалъ, что если признать свободную торговлю, то русская армія, получивши сапожный товаръ, выйдетъ противъ врага зимою (непремѣнно зимою) безъ сапогъ и настойчиво требовалъ преданія суду каптенармуса, чтобъ этимъ оградить такой важный военный интересъ, какъ выходъ арміи противъ врага обутою въ сапоги. Положимъ, что это важный интересъ, но и защитить его нужно умѣючи; изъ желанія оградить интересъ, не слѣдуетъ что, взявшаго въ залогъ присвоенную частную собственность, необходимо наказать, какъ взявшаго въ залогъ казенные сапоги. Военный интересъ, чтобы армія не была боса, совер-

шенно достаточно обезпеченъ тѣмъ уже, что всякій у кого на ногахъ нѣтъ сапогъ наказывается, наказывается по особому закону. Баталіонный командиръ думалъ, что интересъ будетъ лучше обезпеченъ, если не только тотъ у кого не окажется на ногахъ сапогъ, будетъ наказанъ, но еще и тотъ, кто возьметъ въ залогъ сапожный товаръ; положимъ, что босая армія не хорошо, но зачѣмъ же заставлять правосудіе дѣлать грубыя ошибки?

Интересы военной службы, говорятъ, состоятъ въ томъ, что старшій всегда правъ, младшій виноватъ и вотъ потому-то требуютъ, чтобъ судъ не входилъ въ разслѣдованіе дѣла, ограничивался одною объективною стороною преступленія, потому-то создали отсутствіе гласности, потому-то требуютъ ограниченія судебнаго слѣдствія, преній. Интересы военной службы требуютъ, будто бы, чтобъ зло оставалось неизвѣстнымъ, чтобъ оставалось неизвѣстнымъ, что въ преступленіи виноваты старшіе, что преступленіе выросло на почвѣ беззаконій, чтобъ все это оставалось не раскрытымъ. Интересы военной службы требуютъ будто, чтобъ и виновное военное начальство не было компроментировано; пусть корень зла преступленій лежитъ въ произволѣ, въ злоупотребленіяхъ старшихъ, все-таки интересъ службы требуетъ, чтобъ авторитетъ начальства не колебался, чтобъ виновники оставались неизвѣстны и не наказаны, пусть на скамьяхъ обвиняемыхъ являются козлы отпущенія; порядокъ службы думаютъ охранить наказаніями младшихъ, которые только въ сотую долю виноваты, преступленія которыхъ вызваны старшими, выросли на безправной почвѣ, служащей интересамъ личностей, не многихъ. Какой крѣпостническій взглядъ, а между тѣмъ именно онъ поддерживается начальствомъ. Интересы правосудія требуютъ другаго, требуютъ чтобъ все было раскрыто, чтобъ истина была извѣстна; но что же до интересовъ правосудія, когда дѣло идетъ объ интересахъ службы. Конечно справедливые интересы военной службы совпадаютъ съ интересами

правосудія, но для того чтобъ такъ понимались интересы службы, нужно чтобъ весь строй жизни измѣнился, чтобъ вмѣсто крѣпостническаго строя насталъ правовой порядокъ, чтобъ господствовалъ одинъ законъ, а этого-то и нѣтъ: царитъ у насъ во всемъ одно усмотрѣніе начальствующихъ.

Военный министръ въ приказѣ отъ 25 октября 1881 г. № 8669 рекомендуетъ, чтобъ предсѣдатели судовъ отнюдь не дозволяли въ судебныхъ засѣданіяхъ никакихъ разсужденій, выраженій мнѣній, взглядовъ имѣющихъ цѣлью поколебать *авторитетъ* военнаго начальства, ничего прямо не относящагося къ дѣлу противнаго правильному пониманію воинскаго чинопочитанія и строгой военной подчиненности и вообще несогласнаго съ духомъ военной дисциплины и важностью ея значенія а во вторыхъ—закрыли двери.

Для чего нужны были эти двѣ мѣры? конечно не для гарантій правосудія. Никакой юристъ, конечно, не станетъ утверждать, что эти двѣ мѣры способны гарантировать справедливость. Правосудіе возможно тамъ, гдѣ дѣло выясняется до мелчайшихъ подробностей, гдѣ съ положительностію выясняется кто и въ чемъ именно виноватъ; разъясненіемъ дѣла колебать интересы военной службы невозможно, напротивъ того всестороннее выясненіе дѣла укрѣпляетъ справедливые интересы службы. Упомянутыя двѣ мѣры, если могли быть чѣмъ либо вызваны, то, только интересами военной службы, дурно понимаемыми. Развѣ до сихъ поръ, гдѣ нибудь, въ военныхъ судахъ проявились стремленія колебать авторитетъ власти, вторгаться въ постороннія области? Мы такихъ примѣровъ не знаемъ, да никто и не въ состояніи ихъ указать; а если они и были, то не такъ, не циркулярами можно противодѣйствовать имъ, а преслѣдованіемъ законными путями каждаго отдѣльнаго случая. Появился приказъ, и всѣ, кто незналъ случаевъ, вызывавшихъ подобный приказъ, поняли, что желаютъ, чтобъ дѣла оставались не выясненными, чтобъ произволъ личностей не выводился бы на чистую воду, чтобъ крупныя личности не фигурировали на су-

дѣ въ некрасивыхъ роляхъ, чтобы корень, причина преступленій оставались подъ спудомъ, чтобъ вездѣ отвѣчали только козлы отпущенія. Говоря о томъ, насколько судьи дорожатъ гарантіями, мы указали, что подъ вліяніемъ приказа № 8669, на судѣ считается неимѣющимъ связи съ дѣломъ, какъ дѣла остаются не выясненными. Выиграетъ ли отъ такихъ результатовъ приказа № 8669 справедливость, дѣло? Закрывая преступленія старшихъ, карая только подчиненныхъ, выразившихъ въ той или другой формѣ протестъ противъ беззаконій начальства, не утвердятъ устойчивый, нравственный порядокъ; преступленія не прекратятся, ободрится только начальство, которое будетъ еще дерзче, еще настойчивѣе. Но настанетъ же время, когда такому порядку будетъ конецъ; правда, сторонники такого порядка не безпокоятся о томъ что будетъ дальше; что то еще будетъ, а теперь дайте имъ возможность распоряжаться и людьми, и вещами, какъ когда-то расправлялись помѣщики съ крестьянами, ихъ свободою, трудомъ и достоинствомъ человѣческимъ.

Начальство преслѣдуетъ только свои личныя цѣли и только судъ, раскрывающій безпощадно истину, можетъ положить предѣлъ злоупотребленіямъ, что можетъ быть только выгодно для всѣхъ. Ужъ какъ давно говорятъ о томъ, что необходимо уменьшить число прислуги, число людей отнимаемыхъ у строя для личныхъ услугъ различнымъ начальствамъ и всѣ эти разговоры остаются тщетными; у любаго начальника части вы встрѣтите цѣлую ораву прислуги изъ солдатъ, которыхъ мѣсто въ строю. Эта растрата личныхъ силъ солдатскихъ достигаетъ такихъ широкихъ размѣровъ, что прокуроры и предсѣдатели военныхъ судовъ, которые не должны получать вѣстовыхъ, такъ какъ прислуги они вообще по закону не получаютъ, приказаній никому не разсылаютъ, часовыхъ у ихъ квартиръ не ставятъ, въ нѣкоторыхъ округахъ получаютъ вѣстовыхъ отъ войскъ; очевидно, что такимъ образомъ, любезничаютъ съ прокурорами, но они-то, блюстители законовъ, должны бы отказаться отъ та-

ихъ любезностей; но тутъ задѣтъ личный ихъ интересъ, передъ которымъ законъ молчитъ и они принимаютъ вѣстовыхъ съ благодарностью. Что вѣстовые имъ не нужны, это видно изъ того, что вѣстовые исполняютъ у нихъ роль чернорабочихъ на кухнѣ.. На судѣ все подобное легко можетъ раскрыться и потому - то боятся гласности, увѣряя, что она подрываетъ интересы службы, отождествляемые съ личными интересами.

Почти каждое дѣло, которое только разсматривается въ военномъ судѣ, обнаруживаетъ небреженіе въ порядкѣ отправленія службы, въ надзорѣ, обнаруживаетъ бездѣйствіе власти, некрасивыя дѣла начальствъ. Еслибъ всѣ съ интересомъ, со стараніемъ, съ любовію занимались службою, можно смѣло сказать—преступленій было бы мало въ арміи; но не таковы начальники и потому они боятся суда, увѣряютъ, что интересы военной службы не охранены нынѣшнимъ судомъ; нѣтъ, они охранены достаточно, охранены тѣмъ именно, что на судѣ раскрываются частыя упущенія, господство частныхъ интересовъ и сказать, что на судѣ не были охранены интересы военной службы, при существовавшемъ до сихъ поръ порядкѣ, можно только тогда, если всѣ интересы военной службы отождествляются съ личными интересами. Любая растрата, упускъ арестантовъ, неправильное отправленіе караульный или конвойной службы, нарушеніе чинопочитанія, подчиненности, почти всегда связано, вызвано виновностью, преступностью начальства. Солдатъ бѣжитъ изъ подъ караула отъ чего? оттого что онъ замѣтилъ, что служба отправляется плохо, изучилъ безпорядки и воспользовался ими. Въ комнатѣ, гдѣ помѣщаются арестанты, стоитъ во всю ширину комнаты нара, такъ что солдатъ, стоящій у окошка дверей въ арестантскую, не можетъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлается подъ нарой у противуположной стѣны; арестанты и выдумали каждую ночь залѣзать подъ нару подъ предлогомъ, что тамъ мухи меньше кусаютъ, и пользуясь тѣмъ, что закрыты нарами, начинаютъ и продолжаютъ подкапываться подъ стѣну; на-

чальство ходитъ въ караулъ и не провѣряетъ гдѣ сидятъ арестанты: подъ нарами, или на нарахъ, не позаботится доискаться отчего арестанты прячутся подъ нары и арестанты бѣгутъ; начинается слѣдствіе когда сдѣланъ проломъ, на чьихъ именно часахъ бѣжалъ арестантъ, все это вполнѣ остается неизвѣстнымъ и потому дѣло прекращается, къ суду не привлекаются тѣ, по чьей винѣ случилась неисправность, а служба по прежнему ведется небрежно. Въ дѣлѣ унтеръ-офицера Ефимова, было доказано, что когда онъ былъ за старшаго въ караулѣ, изъ караула бѣжалъ арестантъ; его спрашиваютъ какъ бѣжалъ арестантъ: онъ оправдывается тѣмъ, что арестантовъ было много, они выпускались изъ камеръ разомъ, конвой маленькій не могъ услѣдить за всѣми арестантами, въ отхожее мѣсто за арестантами часовой не входитъ, ему довольно было наблюдать за тѣми, которые въ корридорѣ стояли и дожидали очереди, въ отхожемъ мѣстѣ окно не имѣло рамы, безпечное начальство не позаботилось устройствомъ рамы и потому изъ отхожаго мѣста не бѣжалъ только лѣнивый. Кто виноватъ? начальство; на судѣ это раскрывается и вопіютъ, что авторитетъ начальства задѣвается, интересы военные страдаютъ; но какіе же интересы? только тѣ, которые отождествляются съ личными интересами начальниковъ.

Въ части совершается растрата, въ части пропадаютъ вещи, и растрата и пропажа есть слѣдствіе вины начальства, а между тѣмъ въ судѣ въ качествѣ обвиняемыхъ являются подчиненные, всегда нижніе чины.

Офицеръ, получая съ почты денежныя письма на имя нижнихъ чиновъ, вынималъ изъ конвертовъ деньги, употреблялъ ихъ въ свою пользу, во всякомъ случаѣ былъ небреженъ съ письмами, они пропадали, но между тѣмъ начальство устраиваетъ дѣло такимъ образомъ, что является обвиняемымъ какой нибудь писарь, который, случайно, такъ или иначе, сталъ въ самую внѣшнюю, поверхностную, не существенную связь съ храненіемъ писемъ (дѣло казака Ж). Вопросъ о растратѣ солдат-

скихъ писемъ, важный вопросъ; къ слову мы позволимъ себѣ дать здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ. Вслѣдствіе частыхъ растратъ солдатскихъ писемъ, полученіе которыхъ и передача по принадлежности составляетъ обязанность казначеевъ, солдаты потеряли всякое довѣріе къ такому законному порядку, и въ каждомъ городѣ всегда существуютъ частные агенты, черезъ которыхъ солдаты получаютъ изъ дому деньги; письма присылаются на имя агентовъ и затѣмъ раздаются солдатамъ. Вотъ здѣсь такъ страдаютъ военные интересы; тутъ опасное недовѣріе солдатъ дошло до крайнихъ предѣловъ, если они рѣшаются обращаться къ частнымъ агентамъ какъ къ посредникамъ; нравственное, свободное довѣріе, которое бы желательно видѣть въ отношеніяхъ между начальникомъ и подчиненнымъ, положить въ основаніе дисциплины, оказывается людямъ постороннимъ, которые никакихъ матеріальныхъ обезпеченій представить не могутъ, и отнимается отъ начальниковъ, которые, казалось бы, дѣйствуютъ подъ страхомъ законной отвѣтственности. Не надежна же и не велика должно быть эта отвѣтственность.

Пропала напр. мука, вслѣдствіе небрежности, невнимательности ротнаго командира; ротный командиръ ни во что не вмѣшивался, а каптенармусъ никѣмъ не руководимый, дурно понявшій приказаніе ротнаго командира, кормилъ ротную свинью мукою вволю, и израсходовалъ лишнюю муку; еслибъ дѣло оставлено было безъ послѣдствій, то платить пришлось бы ротному командиру, если же обвинить каптенармуса въ растратѣ, тогда все ляжетъ на каптенармуса, и вотъ начальство поднимаетъ обвиненіе. Вызывается въ качествѣ свидѣтеля ротный командиръ, чистосердечно на судѣ разсказываетъ какъ былъ небреженъ, ни во что не входилъ, ничего не зналъ что дѣлается въ ротѣ, а между тѣмъ на вопросъ какъ же исчезла мука, упорно настаиваетъ, что мука растрачена и растрачена каптенармусомъ (дѣло рот., ком. капитана Пан. бр. крѣп. арт.).

Командиръ сотни К. имѣетъ приказнаго З., которому поручаетъ

должность каптенармуса; по скупости, по жестокости, апатичности своего характера К. не далъ каптенармусу удобнаго помѣщенія для муки; мука помѣщалась въ комнатѣ, гдѣ и пекарня, гдѣ много живетъ народу, гдѣ ничто не запирается, куда всякому открытъ свободный доступъ; а между тѣмъ З. постоянно отсутствуетъ изъ пекарни, его постоянно усылаютъ на службу въ караулъ, на дежурство, къ сотенному командиру, который жилъ далеко, въ его отсутствіе мука и хлѣбъ печеный раздаются кѣмъ попало и кому попало; послѣ нѣкотораго времени не хватаетъ муки у З. и сотенный командиръ ни на что не обращаетъ вниманія и недостатокъ муки все увеличивается; начальство назначаетъ слѣдствіе по обвиненію З. въ растратѣ, настаиваетъ на преданіи его суду; само начальство во всемъ виновато, но платить не хочетъ, хочетъ спасти свой авторитетъ насчетъ З.

Ротный командиръ В. вводитъ безпорядокъ въ хозяйство, требуетъ отъ артельщика Ман., чтобъ онъ покупалъ на артельные деньги предметы для частной потребности его, ротнаго командира, ротный командиръ такимъ образомъ должаетъ артельщику или артели, артельщикъ, истративши собственныя деньги на артель, или на ротнаго командира, получивъ деньги, нуждаясь въ нихъ, обращаетъ деньги на свои надобности, и начальство, влечетъ къ суду артельщика, требуетъ его наказанія; на судѣ объясняется, что ротный командиръ довольствовался на счетъ артельныхъ денегъ, и что если не хватаетъ для артели денегъ, то онъ растратилъ деньги, а не артельщикъ, которому все-таки и по смѣнѣ его артель осталась еще должна нѣсколько копѣекъ; судъ дѣлаетъ постановленіе о неправильныхъ дѣйствіяхъ ротнаго командира, артельщика оправдываетъ, а начальство судомъ недовольно.

Расположены рядомъ 3 цейхгауза, одѣлены они одинъ отъ другаго досчатой перегородкой; изъ средняго цейхгауза въ одинъ изъ крайнихъ сдѣланъ проломъ и изъ крайняго цейхгауза похищены вещи; поднимается тревога, находятъ виновнаго, на первыхъ же по-

рахъ констатируютъ фактъ о взломѣ изъ средняго въ лѣвый цейгаузъ, но нигдѣ, никто не видитъ пролома въ правый цейхгаузъ, черезъ нѣсколько же дней оказывается проломъ изъ средняго цейхгауза и въ правый крайній; оказывается, что кража была совершена и изъ праваго цейхгауза и все валятъ на обнаруженнаго виновника кражи изъ лѣваго цейхгауза. Между тѣмъ въ сущности что же было? Въ правомъ цейхгаузѣ была давно растрата и вотъ, пользуясь случаемъ, начальство хочетъ прикрыть растрату и все свернуть на обвиняемаго въ кражѣ изъ лѣваго цейхгауза—интересы военные, то есть интересы личные начальства того требуютъ (дѣло ряд. Ар. Ив.).

Въ крѣпости, въ отдѣльное помѣщеніе, кругомъ обнесенное заборомъ, черезъ подворотню запертыхъ воротъ, забрался фельдшеръ Т., разбилъ окно въ зданіи, въ которомъ хранилась одежда, забрался туда и выбросилъ на дворъ много одежды, но былъ настигнутъ на мѣстѣ преступленія, задержанъ, не успѣвъ ничего вынести; послѣднее обстоятельство несомнѣнно доказано, а между тѣмъ начальство потребовало предавія его суду, обвиняя въ томъ, что онъ похитилъ много вещей. Послѣ того какъ Т. былъ застигнутъ на мѣстѣ, всѣ, выброшенныя имъ на дворъ вещи, были собраны и внесены въ цейхгаузъ, по провѣркѣ котораго оказалось, что многихъ вещей не хватаетъ; не смотря на то, что было доказано, что Т. былъ одинъ, что онъ не успѣлъ унести вещей, начальство обвиняло Т. въ похищеніи всѣхъ вещей, которыхъ не хватало, дѣло же состояло въ томъ, что вещи были давно растрачены, но придрались къ случаю и хотѣли чтобъ за все отвѣтилъ Т.

Въ другой крѣпости изъ цейхауза совершена была покража холста, штановъ и др. вещей; кража была совершена самымъ первобытнымъ способомъ, руками одного человѣка, замѣчена была черезъ три ночи послѣ ея совершенія, а между тѣмъ этому человѣку приписали похищеніе нѣсколькихъ тысячъ аршинъ холста. Когда была возмож-

ность совершить такую кражу, и гдѣ солдатъ могъ спрятать похищенное? Очевидно, что кражей прикрыли давнишнюю и значительную растрату.

Вообще можно принять за общее правило, что начальство свою небрежность, свое бездѣйствіе, свою прямую преступность старается прикрыть отвѣтственностью нижнихъ чиновъ, обвиняемыхъ въ растратѣ. Того конечно требуютъ интересы военной службы, поддержаніе авторитета власти, если только эти интересы сводить къ личнымъ интересамъ, произволу, безнаказанности начальниковъ.

Вотъ тѣ интересы военной службы, которые заставляютъ начальство громко говорить о необходимости, чтобы правосудіе служило арміи, чтобъ оно забыло о прямомъ своемъ назначеніи раскрывать истину, воздавать каждому по заслугамъ; но разъ правосудіе будетъ поставлено въ подчиненное положеніе интересамъ военной службы, начальство, поставленное въ положеніе, до котораго правосудію будетъ добраться трудно, еще смѣлѣе будетъ обдѣлывать свои дѣлишки безъ страха попирать честь, достоинство, доброе имя, спокойствіе, личность всего, что находится у него подъ командой. Честолюбіе, властолюбіе ничѣмъ не сдерживаемое, не смягчаемое образованіемъ, будетъ разрѣшаться въ безполезное коверканіе человѣческой личности, подъ кровомъ тьмы будетъ себѣ свободно ширяться, на каждомъ шагу процвѣтать казнокрадство, симонія и т. п.

Мы имѣемъ возможность представить полную картину того, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ начальство энергично защищаетъ некрасивыя дѣлишки, какъ оно старается, чтобъ злоупотребленія крупныхъ командировъ оставались въ темнотѣ, съ какою силою оно отбивается отъ прикосновенія судебной власти къ дѣламъ. Въ этой картинѣ предстанутъ въ полномъ парадѣ всѣ тѣ средства, всѣ тѣ мѣры незаконныя, къ которымъ прибѣгаетъ начальство, для того, чтобъ удержать вторженіе свѣта вносимаго правосудіемъ въ темноту, закулисную сторону дѣятельности начальства. Слѣдователь напавъ на слѣдъ

крупныхъ преступленій по одному спеціальному вѣдомству, старался развернуть всѣ тѣ законныя средства и мѣры, которыя только даются закономъ, пока отъ него не отняли изъ рукъ всего дѣла, и потому начальство съ своей стороны было вынуждено выказать свои силы, которыми оно только можетъ располагать. Изъ нашего изложенія будетъ видно, какъ мало уваженія къ закону имѣется у начальства.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ: начальникъ спеціальнаго управленія З. назначилъ слѣдствіе надъ начальникомъ команды К., по обвиненію его въ злоупотребленіяхъ, сводившихся ко многочисленнымъ растратамъ и присвоеніямъ. Слѣдствіе началось; слѣдователь Ч. тянулъ дѣло долго, 2 года, слѣдствіе раскрыло мало, К. путалъ дѣло и построилъ свою защиту на томъ, что утверждалъ, что его начальникъ З. мошенничалъ вмѣстѣ съ нимъ. З. такого оборота неожидалъ, а К. сдѣлалъ изъ него для себя дойную корову. К. настаивалъ на томъ, что онъ представлялъ З. черновую отчетность о дѣйствительномъ употребленіи людей на работы, что эта черновая отчетность не сходясь съ бѣловой отчетностью, представляла изъ себя настоящее положеніе дѣла. З. никакъ не хотѣлъ представить этой отчетности, утверждалъ, что ее не существуетъ, что К. такой отчетности ему не представлялъ; отвергая всѣ требованія черновой отчетности, З. любезно предлагалъ къ слѣдствію только бѣловую отчетность.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда оно перешло къ слѣдователю С. С., видѣлъ, что, дѣйствительно, З. совершилъ много прегрѣшеній, а между тѣмъ въ военномъ вѣдомствѣ военный слѣдователь не можетъ возбудить своею властью никакого дѣла безъ согласія начальства, но С. являлась возможность пристегнуть дѣло о З. къ дѣлу о К., тогда и начальству было бы труднѣе сказать, нельзя трогать дѣла З., такъ какъ тогда и дѣло К., надъ которымъ слѣдствіе уже производилось, пришлось бы прекратить. Но К. не давалъ положительнаго матеріала, К. былъ голословенъ. Случайно

однако въ комнатѣ команды, гдѣ производилось слѣдствіе, С. удалось захватить на столѣ листки той черновой отчетности, о которой говорилъ К., но которые отрицалъ З. Взятые С. документы, представляли изъ себя разсчетъ дѣйствительнаго употребленія людей на работы за время послѣ удаленія К. отъ должности. Изъ этихъ документовъ было видно, что изъ числа людей показанныхъ на казенной ремонтной работѣ, большая часть ихъ или употреблялась на работы не существовавшія, или на работы незаконныя. Были допрошены З. и его клевреты, и всѣ показали, не видя еще въ рукахъ С. разсчетовъ, что и при К. держались того же порядка, какъ и послѣ него. Оказалось, что въ бѣловыхъ требованіяхъ денегъ за произведенныя работы число людей показывалось значительно преувеличенное. Въ требовательныхъ вѣдомостяхъ на деньги, итогъ людей числившихся въ командѣ разбивался по различнаго рода ремонтнымъ работамъ, и на всѣхъ требовались деньги, а между тѣмъ значительное количество людей на работы вовсе не выходило. Въ контрольную палату, какъ оправдательный документъ, представлялись листы, въ которыхъ все число людей команды было показано на работахъ, какъ то значилось и въ требовательныхъ вѣдомостяхъ. Такимъ образомъ очевидно, что тутъ было требованіе излишнихъ денегъ, и подложная отчетность, и употребленіе людей на незаконныя работы, на личныя услуги офицерамъ и т. д.

Спрошенные при слѣдствіи: начальникъ управленія, занимавшіеся требованіемъ денегъ, отчетностью, дали самые несообразныя показанія. Такимъ образомъ дежурный офицеръ И., занимавшійся составленіемъ отчетности, распредѣленіемъ людей на работы, показалъ, что первоначальная отчетность о количествѣ нижнихъ чиновъ мастеровой команды, находившихся на работахъ, велась командиромъ мастеровой команды. Отчетность эта заключалась въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и въ дневныхъ рапортичкахъ, которыя подавались начальнику управленія утромъ или вечеромъ. Мѣсячная вѣдомость по-

давалась командиромъ мастеровой команды въ первыхъ числахъ мѣсяца слѣдующаго за отчетнымъ. Вѣдомость эта поступала къ дежурному офицеру, но онъ вѣдомости не провѣрялъ, и вообще не было заведено такого порядка, чтобъ повѣрка этихъ вѣдомостей лежала на чьей либо обязанности. Изъ вѣдомостей представлявшихся К-ъ, И. выписывалъ мѣсячный итогъ, вносилъ его безъ всякой провѣрки въ имѣвшійся у него листъ, итогъ этотъ разбивалъ по статьямъ ремонтнаго отчета, при чемъ не стѣснялся тѣмъ, чтобъ цифры, проставляемыя по статьямъ, согласовались съ дѣйствительностью. И-ъ, не имѣлъ для правильнаго внесенія цифръ никакихъ данныхъ въ своемъ распоряженіи, такъ какъ ни одинъ офицеръ изъ числа исполнявшихъ работы, ему такихъ данныхъ не представлялъ. Составленные имъ листы, И. представилъ къ слѣдственному производству такъ же какъ и записочку о числѣ рабочихъ и мастеровыхъ за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1876 г., которую И. призналъ писанною имъ къ К. съ тѣмъ, чтобъ онъ въ своихъ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ о количествѣ нижнихъ чиновъ мастеровой команды, находившихся на работахъ, если это возможно, показалъ именно тѣ цифры, которыя выставлены въ записочкѣ съ тѣмъ, чтобъ не выйдти изъ кредита, асигнованнаго на 1876 г.

Начальникъ управленія З. показалъ, что никакихъ письменныхъ проэктовъ наряда рабочихъ на недѣлю не было, всѣ его распоряженія и назначенія людей на работу на цѣлую недѣлю дѣлались словесно. Приказанія свои З. передавалъ дежурному офицеру; по требованію З., командиръ, смѣнившій К., ш.-к. И. представлялъ ему вѣдомости, подобныя взятой со стола въ канцеляріи мастеровой команды подъ названіемъ «подробный расходъ людей за 26 мая 1879 г.». З. точно помнитъ, что К. никогда не представлялъ ему рапортичекъ ежедневнаго расхода людей съ подробнымъ показаніемъ количества нижнихъ чиновъ мастеровой команды, обращавшихся въ теченіи дня на ремонтныхъ работахъ; насколько было возможно при обходахъ и объѣздахъ работъ

З. слѣдилъ выполняется ли фактически нарядъ людей на недѣлю, дѣлаемый З. Люди на работы въ ненастные дни не выходятъ. По истеченіи каждаго мѣсяца, К. представлялъ мѣсячную вѣдомость о количествѣ рабочихъ и мастеровыхъ, бывшихъ на работахъ, подлежащихъ оплатѣ отъ казны; вѣдомость эта передавалась дежурному офицеру, а отъ него З., который ее провѣрялъ; въ провѣркѣ принимали участіе и дистанціонные офицеры, и изъ нихъ преимущественно И. какъ дистанціонный и дежурный офицеръ. При провѣркѣ правильности показанныхъ въ вѣдомости К. итоговъ людей, З. руководствовался во первыхъ своими воспоминаніями о нарядѣ рабочихъ, свѣдѣніями вынесенными изъ личныхъ объѣздовъ и осмотровъ работъ, урочнымъ положеніемъ, опытностью З. относительно количества извѣстной работы, которая можетъ быть произведена извѣстнымъ числомъ рабочихъ. Кромѣ вѣдомости, представлявшейся К., И., дежурный офицеръ, велъ другую вѣдомость, для которой итогъ рабочихъ онъ бралъ изъ вѣдомости К., и затѣмъ разбивалъ этотъ итогъ по родамъ работъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя И-у давали дистанціонные офицеры, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи только одни воспоминанія о работахъ, происходившихъ въ теченіи мѣсяца. Повѣренная такимъ образомъ вѣдомость поступала въ распоряженіе бухгалтера, который по истеченіи трехъ мѣсяцевъ составлялъ разсчетъ о количествѣ денегъ, слѣдующихъ къ отпуску К. для удовлетворенія нижнихъ чиновъ за работы, и къ ассигновкѣ прикладывалась оправдательнымъ документомъ, вѣдомость, составленная И., удостовѣренная подписью З.; такая же вѣдомость отсылалась въ контрольную палату.

Бухгалтеръ показалъ, что оправдательнымъ документомъ на зарабочія деньги служило требованіе командира мастеровой команды, двукратно провѣренное бухгалтеромъ съ вѣдомостью о числѣ людей бывшихъ на работѣ, составленною И., подписанною дистанціонными

офицерами; эти документы передавались въ числѣ прочихъ въ контрольную палату.

Вотъ по истинѣ изумительныя показанія! Какую несообразность говорили З. и И. относительно основаній для разсчетовъ! но понятно, что въ виду нежеланія высказаться, что есть какія нибудь цифровыя данныя для разсчетовъ, они другаго ничего не могли показать. Еслибъ они сознались, что были такія цифровыя данныя и представили бы ихъ къ слѣдствію, то прямо и оказалось бы, что люди неправильно назначались на работы. Лучше было держаться того, что всѣ основанія разсчетовъ сводились только къ воспоминаніямъ, хотя это было и нелѣпо.

Въ виду изложенныхъ и другихъ данныхъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ, было составлено постановленіе о привлеченіи къ производившемуся уже дѣлу К., еще З. и двухъ И. и послано начальству; матеріалъ для этого постановленія дали тѣ документы, которые были найдены слѣдователемъ случайно во время производства слѣдствія; документы эти, сказано въ постановленіи слѣдователя, служа доказательствомъ подложности офиціальныхъ вѣдомостей, по которымъ требовались заработчія деньги изъ казначейства, не хранились однако ни въ черновомъ видѣ въ мастеровой командѣ, ни въ бѣловомъ у пол. З., которому подавались каждую субботу, и потому случайно уцѣлѣли только въ числѣ 5; согласно этимъ документамъ употреблялись на работы люди въ теченіи цѣлой недѣли и они показываютъ, что въ мастеровой командѣ каждую субботу составлялось подробное распредѣленіе людей не только на ремонтныя работы, но и на другія занятія. Этотъ подробный расходъ людей по занятіямъ и долженъ былъ служить основаніемъ для требованія на заработчія деньги, потому что въ немъ помѣщались точныя свѣдѣнія о количествѣ людей дѣйствительно бывшихъ на работахъ, между тѣмъ деньги эти требовались на основаніи другихъ вѣдомостей, въ которыхъ всѣ люди, за исключеніемъ больныхъ, арестованныхъ и назначенныхъ въ домашній расходъ по

командѣ показывались находившимися на ремонтныхъ работахъ, тогда какъ изъ нихъ многіе употреблялись не на ремонтныя работы, а на другія занятія, за которыя заработныхъ денегъ не слѣдовало. Простое сличеніе пріобщенныхъ къ дѣлу 5 документовъ съ, соотвѣтствующими имъ по времени, официальными вѣдомостями ясно показываетъ, что въ число людей показанныхъ по вѣдомостямъ бывшими на работахъ, входитъ отъ 10 до 12 вѣстовыхъ у офицеровъ и чиновниковъ, 5 человѣкъ для письма при управленіи, 2 садовника при инженерномъ садѣ, одинъ садовникъ у З., одинъ посыльный на почту; на всѣхъ этихъ людей требовались деньги за исполненіе ими ремонтныхъ работъ, тогда какъ въ дѣйствительности они на ремонтныхъ работахъ не были. Это излишнее требованіе заработныхъ денегъ естественно должно было сопровождаться представленіемъ въ контрольную палату невѣрныхъ оправдательныхъ документовъ о количествѣ людей бывшихъ на работахъ, и такъ какъ контрольная палата, за отсутствіемъ другихъ документовъ о дѣйствительномъ употребленіи людей на работы, не имѣла возможности провѣрять, всѣ ли люди, на которыхъ требовались заработныя деньги были на работахъ, то она и не могла обнаружить излишняго требованія денегъ. Такое излишнее требованіе имѣетъ непосредственную связь съ производствомъ ремонтныхъ работъ и подтверждаетъ отчасти заявленіе К. о производствѣ таковыхъ работъ не подрядчикомъ, а самимъ З.

Заработныя деньги требовались въ излишнемъ количествѣ, не только за будніе, но и за воскресные дни и даже за высокоторжественные дни. Такъ напр. въ 1879 г. во всѣ воскресные дни показано по вѣдомостямъ на работахъ отъ 45 до 50 человѣкъ, тогда какъ въ дѣйствительности существуетъ только одна работа требующая работы людей, какъ въ будни такъ и въ праздники, это работа при водоподъемной машинѣ, при которой обыкновенно находится 6 человѣкъ. Другихъ ремонтныхъ работъ по воскреснымъ днямъ и высокоторжественнымъ не производится, а слѣдовательно выводить на нихъ

людей невозможно. Затѣмъ изъ числа высокоторжественныхъ дней можно указать для примѣра на Новый годъ, крещенье, восшествіе на престолъ Государя Императора, въ каковые дни показано на работахъ:

Въ Новый годъ	унт.-офицер.	7	мастер.	29	рабоч.	101
Въ Крещеніе	»	7	»	29	»	98
Въ день восшествія	»	5	»	29	»	110
Въ рожд. Госуд. Импер.	»	5	»	29	»	105

Другими словами, въ эти дни никто изъ нижнихъ чиновъ команды не пользовался праздничнымъ временемъ, такъ какъ остальные люди, не показанные на работахъ, значатся въ домашнемъ расходѣ по командѣ. Изложенные факты относятся ко времени командованія мастеровой командой шт.-кап. И., то есть къ 1877, 1878, 1879 гг. Что же касается до 1876 г., когда командиромъ команды былъ К., то хотя за этотъ годъ не сохранилось ни одной подробной рапортички о числѣ людей дѣйствительно бывшихъ на ремонтныхъ работахъ, но по показанію К., въ томъ году только часть людей употреблялась на ремонтныя работы, другая же часть противозаконно употреблялась на многія капитальныя работы, производившіяся подрядчикомъ и притомъ на такія, которыя по смѣтамъ не должны были производиться казенными рабочими. Между тѣмъ по вѣдомостямъ онъ, К., показывалъ по требованію И. и З. всѣхъ людей находившихся на ремонтныхъ работахъ, и такимъ образомъ за капитальныя работы, производившіяся людьми въ пользу подрядчика, расплачивалась казна. Это показаніе К. косвенно подтверждается найденными документами: «подробный расходъ людей», тѣмъ болѣе, что по заявленію З., при К. и И. существовалъ на этотъ счетъ одинъ и тотъ же порядокъ.

Команд. войсками, которому постановленіе о привлеченіи З. и И. къ дѣлу К. было представлено, передалъ постановленіе слѣдователя на самостоятельное окончательное рѣшеніе ближайшаго начальника З.,

который написалъ слѣдователю, что онъ не можетъ разрѣшить привлеченіе З. къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, потому что, по мнѣнію генерала, хотя дѣйствительно З. были допущены различныя ошибки въ отчетности, и различныя невѣрности, но что эти обстоятельства не имѣли послѣдствіемъ ущерба казны и не были результатомъ злой воли.

Получивъ такой отвѣтъ отъ генерала, слѣдователь не остановился, составилъ новое постановленіе и представилъ его командующему войсками округа и вторично просилъ о привлеченіи З. Тогда начальникъ округа передалъ все дѣло генералу Ф. и поручилъ произвести дознаніе, по какимъ причинамъ ближайшій начальникъ З. не согласился на преслѣдованіе З. и вообще поручилъ доложить обо всемъ дѣлѣ. Генералъ Ф. въ своемъ докладѣ писалъ слѣдующее. Слѣдователь, утверждал, что деньги выдавались 12 вѣстовымъ у офицеровъ, вовсе не ходившимъ на работу, вовлеченъ былъ въ ошибку неточностью командира мастеровой команды, который въ вѣдомостяхъ назвалъ вѣстовыми у гг. офицеровъ такихъ нижнихъ чиновъ мастеровой команды, которые въ сущности отправляли ремонтную работу; что подъ именемъ вѣстовыхъ, показанныхъ въ вѣдомости командира мастеровой команды, слѣдуетъ разумѣть постоянныхъ рабочихъ отъ мастеровой команды, которые употребляются не только для работъ, но и для посылокъ въ цейхгаузы, на дѣловой дворъ для пріема и сдачи матеріаловъ и инструментовъ, для съемокъ и нивелировокъ и тому подобное. Не говоря уже о томъ, что странно допустить, чтобъ командиръ мастеровой команды, который ведетъ все дѣло, сдѣлалъ бы такую ошибку въ названіяхъ, чтобъ мастеровыхъ рабочихъ назвалъ вѣстовыми, кому же это лучше другихъ знать какъ не командиру команды, объясненіе Ф. могло удовлетворить только поверхностныхъслушателей. Въ ежедневномъ разсчетѣ людей 12 человѣкъ были означены не только вѣстовыми у офицеровъ, но и у чиновниковъ, которые уже никакихъ нивелировокъ не производятъ, а сидятъ въ канцеляріи. Исчисляя работы, которыя

могли производить, ошибочно, будто бы, названные вѣстовыми, генералъ Ф., назвалъ такія работы, которыя исполняются такъ назыв. полигонщиками, которые въ ежедневномъ разсчетѣ показаны отдѣльно; вѣстовые сами по себѣ, а полигонщики сами по себѣ. Предположеніе генерала Ф. безусловно требовало слѣдствія, предположеніе это могло бы быть разъяснено только послѣ спроса 12 человѣкъ, что и гдѣ они дѣлали; военный слѣдователь въ своемъ постановленіи сказалъ, что 12 человѣкъ употреблялись не на ремонтныя работы, а на личныя услуги у офицеровъ и чиновниковъ не потому только, что эти 12 человѣкъ были названы вѣстовыми, а потому также, что ему лично извѣстно было, что эти 12 человѣкъ у офицеровъ и чиновниковъ исправляли должности кучеровъ, поваровъ, чернорабочихъ, огородниковъ и т. п.

Относительно 4 человѣкъ, занимавшихся перепиской въ управленіи и одного посыльнаго на почту, генералъ Ф. призналъ, что на нихъ неправильно требовались деньги, но въ этомъ онъ видѣлъ основаніе не для порицанія З., а поводъ для поощренія его на будущее время. Генералъ Ф. высчитываетъ, что плата 5 человѣкамъ, какъ бы работавшимъ на ремонтныхъ работахъ, составляетъ 50 руб. въ годъ, а между тѣмъ отпускъ добавочнаго ассигнованія на наемъ хотя одного добавочнаго писца потребовалъ бы не меньше 150 руб., такимъ образомъ З. уберегъ казну отъ убытка. Но какъ значитъ привыкли всѣ къ произволу. Употреблено 5 человѣкъ неправильно и этого довольно; если начальнику позволить употреблять произвольно 5 человѣкъ, то гдѣ гарантія, что онъ употребитъ ихъ тамъ, гдѣ они именно нужны; при произволѣ поощряемомъ начальствомъ явится неразсудительная растрата рабочихъ силъ; если доказано, что потребовано не болѣе 50 руб. лишнихъ, то это еще не одно и тоже, что эти 50 р. пошли туда, куда требовалось. При безспорномъ правѣ начальника употреблять людей куда вздумается, мысль объ оплатѣ труда лишняя; кто станетъ требовать выдачи платы? Довольно, что начальникъ

приказалъ работать тамъ, гдѣ ему вздумалось, какая же тутъ еще нужна плата. Большая разница разбрасывать людей по своему произволу, или употреблять ихъ по назначенію. Еслибъ З. представилъ, что ему нужно прибавить одного вольнонаемнаго писца, то онъ долженъ былъ бы и доказать въ законномъ порядкѣ, что ему дѣйствительно нужно писца, и при существованіи законности, порядка сверху до низу, такія доказательства строго бы взвѣсили и можетъ быть отказали бы З.; затѣмъ стоимость произвольнаго употребленія 5 человѣкъ, оцѣненная въ 50 р., неправильно сравнена съ стоимостью одного писца, которымъ бы можно было замѣнить 5 нижнихъ чиновъ взятыхъ изъ команды; одинъ писецъ замѣняетъ 5 — но тогда зачѣмъ же расходовались 5? если эти 5 употреблялись не въ мастеровой командѣ, то значитъ тамъ не были нужны, и, сокративъ штатъ мастеровой команды, сократили бы и расходъ на сумму равную стоимости содержанія 5 человѣкъ, что конечно въ итогѣ составитъ до 1 т. р. Если такъ разсматривать вопросъ, то нечего и думать приписывать З. сбереженія интересовъ казны. Опровергая мнѣніе слѣдователя о томъ, что въ воскресные дни не должны были бы показывать болѣе 6 рабочихъ, генералъ Ф. указываетъ на то, что будто бы слѣдователь не замѣтилъ, что въ субботу показывалось всегда половинное число рабочихъ противъ списка рабочихъ и затѣмъ продолжаетъ: «еслибъ согласно мнѣнія военнаго слѣдователя считать достаточнымъ высылать въ воскресные дни только по 6 человѣкъ, давая остальнымъ отдыхъ, то не было бы никакого основанія давать таковой отдыхъ и по субботамъ, такъ что общее число людей высылаемыхъ въ эти два дня оставалось бы во всякомъ случаѣ одно и тоже». Но это оказалось бы справедливымъ лишь только тогда, когда вѣдомость и отчетность составлялись бы произвольно, такъ какъ описывалъ то И. въ своемъ показаніи, если же вѣдомость составлялась согласно дѣйствительному положенію дѣла, то и въ субботніе дни показывалась бы все-таки половина людей, а въ воскресенье все-таки

6 человѣкъ, потому что на самомъ дѣлѣ въ субботу работали только полдня, а въ воскресенье 6 человѣкъ. Не понятно вслѣдствіе того, почему по мнѣнію генерала Ф. выставленіе половиннаго числа рабочихъ въ субботу объясняетъ также и то, почему и по воскресеньямъ показано работавшихъ болѣе 6 человѣкъ.

Опровергая указаніе слѣдователя на неправильность показанія всей команды выведенною на работу въ высокоторжественные дни, какъ напр. 1 и 6 янв., 19 февр., 17 апр. и т. п., ген. Ф. утверждаетъ, что и въ какой нибудь изъ этихъ дней могли быть случайныяработы. Но въ томъ-то и дѣло, что вопросъ идетъ не о случайности, а о цѣлой системѣ, что непремѣнно въ каждый изъ многочисленныхъ высокоторжественныхъ дней вся безъ исключенія команда показывалась выведенною на работу. Затѣмъ вообще говорится, что при разсчетѣ денегъ за работы людямъ мастеровой команды дневныя и срочныя мѣсячныя вѣдомости, «расходъ людей мастеровой команды», нарядъ ихъ, на коихъ исправляющій должность слѣдователя основалъ свои обвиненія, имѣли второстепенное значеніе при исчисленіи заработной платы, главнымъ же основаніемъ служило урочное положеніе. Можно ли такъ коверкать дѣйствительность. Ни требовательная вѣдомость, ни оправдательные документы, посылавшіеся въ контрольную палату, ни единаго намека не дѣлаютъ на урочное положеніе, а все основано единственно на счетѣ людей дѣйствительно, будто бы, бывшихъ на работахъ. Но допустимъ, что дневныя и мѣсячныя вѣдомости имѣли только второстепенное значеніе, но все же значитъ имѣли какое нибудь значеніе, а если имѣли, то за неправильное ихъ составленіе должны были отвѣчать З. и др. Еслибъ имѣло значеніе только урочное положеніе вполнѣ или отчасти, тогда не нужно было давать какіе бы то ни было отчеты о несуществовавшихъ высылкахъ рабочихъ, а между тѣмъ въ контрольную палату представлялись вѣдомости о числѣ людей будто бы дѣйствительно бывшихъ на работѣ, контрольная палата видѣла въ нихъ *единственный* документъ,

ручающійся за вѣрность денежнаго расхода; эти вѣдомости имѣли такое значеніе въ глазахъ палаты, что, замѣтивъ, что онѣ подписываются только однимъ начальн. управлен., контрольная палата для вѣрности потребовала, чтобъ ихъ подписывали всѣ дистанціонные офицеры, то есть дѣйствительные производители работъ, и можно ли послѣ того оспаривать значеніе документовъ, объявлять, что имѣетъ значеніе то, о чемъ во всемъ дѣлѣ не было и помину.

Утвержденіе г. Ф. что важна не отчетность о количествѣ людей, а урочное положеніе, подкрѣпляется и письмомъ еще болѣе высокаго начальника къ командующему войсками; въ этомъ письмѣ тоже говорится о порядкѣ требованія зарабочихъ денегъ слѣдующее.

Зарабочія деньги требуются управленіемъ согласно 815 и 816 и др. статей кн. 3 ч. IV св. воен. пост. 1859 г. (5 продолж.), на основаніи разсчетовъ, составляемыхъ *изъ журнала работъ* по урочному положенію въ зависимости отъ количества, мѣры, рода произведенныхъ работъ, причемъ въ виду § 9 полож., ст. 1242 кн. 1 ч. IV св. воен. пост. по успѣху работъ, число чиновъ бывшее на работахъ можетъ не соотвѣтствовать числу показанныхъ въ требованіи и только за раздробительныя и случайныя работы и очистки и постоянныя назначенія по работамъ и надзору зарабочія деньги разсчитываются по числу чиновъ и дней. И такъ подтвержденіе соображеній генер. Ф. является только кажущимся, на дѣлѣ же является, коренное различіе. Генер. Ф. утверждаетъ что основаніемъ для исчисленія зарабочей платы служитъ урочное положеніе, а самый высшій начальникъ утверждаетъ, что урочное положеніе служитъ основаніемъ только въ нѣкоторыхъ работахъ, въ другихъ же работахъ зарабочія деньги разсчитываются по числу чиновъ и дней. Объ такомъ разногласіи, однако, намъ стоило бы говорить пока мы оставались бы въ предѣлахъ общихъ вопросовъ, но говоря о данномъ случаѣ, составляющемъ дѣло З., вопросъ является опредѣленнымъ. По показаніямъ З. и др., какъ о томъ сказано выше, онъ составлялъ

*

вѣдомости и требовалъ деньги за такія работы, которыя вознаграждаются не за количество работы а личною заработною денною платою; именно брался общій итогъ робочихъ, будто бы выведенныхъ на работу, умножался на размѣръ поденной платы и произведеніе требовалось изъ казначейства, и вотъ требованіе платы за лишне показанныхъ людей, и составляетъ неправильность; урочное положеніе не можетъ удовлетворить никого. Въ смѣтѣ могутъ быть показаны такія ремонтныя работы, въ которыхъ вовсе не встрѣчается надобности, количество такихъ работъ можетъ быть такъ преувеличено, что, раздѣляя сумму работъ на урочное положеніе, въ частномъ получится столько рабочихъ, что далеко превышало бы число всего наличнаго состава мастеровой команды, предполагая ее работающею только по будняхъ, и потому подгоняя число рабочихъ къ количеству работъ, и понадобилось, какъ мы указывали, для итога показать всѣхъ людей работавшими и въ праздники.—И обратно, еслибъ вѣрно показывалось число рабочихъ, то могло бы обнаружиться преувеличенное составленіе смѣты работъ. Положимъ, что число дѣйствительно выведенныхъ, рабочихъ составляло бы тысячу, которая по урочному положенію могла бы сдѣлать такую-то массу работы, а было бы показано произведенныхъ работъ гораздо больше, столько, сколько тысяча рабочихъ вовсе не могла бы произвести въ годъ, тогда тотчасъ бы обнаружилось невѣрное показаніе произведенныхъ работъ. Этимъ объясняются и записочки, которыя присылалъ И—ъ К—у о числѣ рабочихъ, какое К. долженъ былъ показать въ мѣсячной вѣдомости, чтобъ не выйдти изъ смѣты. Вотъ какое значеніе имѣло правильное показаніе числа рабочихъ, бывшихъ на работѣ. Только неправильно показывая число рабочихъ, могли преувеличить и самыя работы, а потому казна теряла не на одной платѣ рабочимъ, а и на матеріалѣ на не существовавшія работы и т. п.

Получивши дознаніе г. Ф., командующій войсками не рѣшился самъ дать свою резолюцію по дѣлу, а спросилъ прежде заключенія высшаго спеціальнаго начальства, которое въ свой чередъ искало опоры

въ глав. воен. прокурорѣ; оно просило его запретить своимъ подчиненнымъ нападать на З и компанію. Но глав воен. прокуроръ отвѣтилъ, что не о чемъ его просить, такъ какъ назначеніе слѣдствія вполнѣ зависитъ отъ начальства и какъ оно рѣшитъ, никто съ нимъ спорить не будетъ. Высшее спеціальное начальство истолковало отвѣтъ глав. воен. прокурора и сообщило командующему войсками, что нѣтъ надобности назначать слѣдствіе, что самъ глав. воен. прокур. этого не желаетъ. Наконецъ слѣдовали похвалы З. и говорилось, что если казна понесла ущербъ, то незначительный, какія нибудь единицы тысячъ.

Такимъ образомъ г.г. Д. и Ф. соглашались, что слѣдователь, что-то открылъ, но увѣряли, что это пустяки; слѣдователь говорилъ о Фомѣ, а Д. и Ф. говорили о Еремѣ. Слѣдователь говорилъ, что на самомъ дѣлѣ есть, что дѣлаетъ З., а Ф. и Д, подобно Крыловскому метафизму, вдались въ общія разсужденія о томъ, какъ вещи могутъ идти въ совершенномъ мірѣ, что по закону можно дѣлать и такъ и этакъ, что пользоваться закономъ можно различно, но старательно обходили вопросъ какъ же на самомъ дѣлѣ поступалъ З. Защитники З утверждали, что изъ за нѣсколькихъ единицъ тысячъ не стоитъ тревожить такого важнаго человѣка какъ З.; солдатъ это другое дѣло— военные суды судятъ и казнятъ солдата за промотаніе портковъ, но на то онъ и солдатъ, чтобъ терпѣть, а не наслаждаться, а удѣломъ важнаго чина должно быть одно наслажденіе и никакого терпѣнія. Начальству указывалось на то, что съ вопросомъ о заробочихъ деньгахъ, которыхъ дѣйствительно могло исчезнуть только тысячи 2, 3, тѣсно связанъ вопросъ о выполненіи ремонтныхъ и капитальныхъ работъ, на которыя въ крѣпости отпускаются сотни тысячъ, но высшее начальство обошло этотъ вопросъ молчаніемъ, будто бы онъ не зажѣченъ ею. Нельзя этого вопроса затрогивать потому, что кто же Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ; если такъ ни передъчѣмъ не останавливаться, то Богъ знаетъ какъ можно далеко зайдти, вѣдь рас-

крытіе настоящаго положенія дѣлъ поколеблетъ авторитеты, затронетъ военные интересы, вѣдь личные интересы начальства и интересы военные это одно и тоже; нѣтъ, пусть уже страдаетъ только солдатъ; преслѣдовать только его одного за промотаніе портковъ— вотъ истинные военные интересы. Такимъ-то образомъ было запутано, закрыто дѣло перепиской; рельефно выступаетъ преимущество состязательнаго, устнаго, непрерывнаго процесса, когда приходится сталкиваться съ веденіемъ дѣла на бумагѣ, гдѣ всегда что нибудь съ умысломъ и безъ умысла не понимается, не досказывается, уклоняется въ сторону и т. д. и тянется, тянется это столпотвореніе вавилонское пока дѣло совсѣмъ не запутается. Видно крупные интересы были затронуты въ дѣлѣ З., если такія важныя власти занялись этимъ дѣломъ, и успѣли только въ томъ, что закончили дѣло, не выступая изъ оборонительнаго положенія. Передъ самымъ концемъ дѣла, передъ послѣднимъ рѣшительномъ отвѣтомъ командующаго войсками, дѣло З. было взято отъ того слѣдователя, который такъ много писалъ постановленій: и о привлеченіи З. по дѣлу о К., и о привлеченіи г. Д. какъ укрывателя З.; взяли подъ благовиднымъ, надо сказать, предлогомъ.

5 лѣтъ крѣпость принадлежала къ одному слѣдственному участку, но на 5 году замѣтили, что крѣпость ближе къ В чѣмъ къ П., мѣсту пребыванія слѣдователя; 5 лѣтъ ѣздилъ изъ П. въ крѣпость слѣдователь на 6 лошадяхъ, но не замѣчали большихъ расходовъ, а преемникъ его, производившій слѣдствіе о З., сталъ ѣздить по своему чину на 2 лошадяхъ и вотъ тогда-то именно и замѣтили, что издержки велики—должно быть есть такая ариѳметика, что 6 меньше 2-хъ. И какъ зрѣло обдуманно было отдѣленіе крѣпости отъ участка. Около крѣпости въ 7 верстахъ лежитъ мѣстечко съ расположенными тамъ войсками и въ 2 вер. военные бараки; и вотъ отчислили отъ участка крѣпость, въ которой производилось дѣло З., а бараки и мѣстечко оставили за участкомъ и продолжалъ слѣ-

дователь кружить около крѣпости, проѣзжая изъ П. въ мѣстечко и бараки; запретнымъ плодомъ для него была крѣпость, этотъ центръ познанія всякаго зла. Но будемъ продолжать дальше раскрывать какъ начальство отстаиваетъ военные интересы, старается, чтобъ не колебались авторитеты.

Дѣло ходило по инстанціямъ, которыя изыскивали средства не дать въ обиду З., а между тѣмъ о З. возникло другое дѣло по обвиненію его подрядчицей по очисткѣ крѣпости отъ нечистотъ купчихой В. въ превышеніи власти, самовольномъ отстраненіи В. отъ подряда и насиліи надъ нею, чѣмъ ей причинены были убытки. И тутъ З., отбиваясь отъ нападеній слѣдователя, жалуясь на его несправедливыя дѣйствія, инсинуанировалъ, что подрядчица жидовка, что поблажкой, которую даетъ слѣдователь подрядчицѣ, наносятся ущербы казнѣ, что жиды, разсчитывая на поддержку слѣдователей и судебной власти будутъ эксплоатировать казну до послѣдней степени. Съ перваго раза кажется, что и такъ, но скажите отчего съ съ казной только и идутъ охотно въ дѣло, что жиды, отчего изъ русскихъ серьезныя фирмы стараются держаться въ сторонѣ отъ казенныхъ подрядовъ. Дѣло просто разъясняется; отъ того, что контракты пишутся такъ, чтобы во всякое время можно было бы на нихъ опереться всякому произволу начальства, отъ того что подрядчики покупаютъ снисхожденіе, поблажки начальниковъ, платя имъ извѣстную дань.

Подрядъ въ крѣпости В. держала давнымъ-давно; дѣло очищенія крѣпости всегда было плохо; крѣпость—это была какая то помойная яма, но кому о томъ вѣдать и печалиться надлежало, смотрѣли на дѣло сквозь пальцы; имъ богатымъ, хорошо обставленнымъ, обитающимъ на просторѣ, среди зеленѣющихъ садовъ, имъ ли было думать о томъ, что малые, солдаты задыхались отъ зловонія; — и контракты съ подрядчикомъ пересрочивались отъ срока до срока по старой рутинѣ; мало было дѣла до того, что крѣпость дурно очи-

щалась, лишь бы подрядъ былъ выгоденъ для подрядчика, лишь бы онъ самъ могъ жить и другимъ бы давалъ жить. Въ этомъ конечно было зло, но поправить его можно было не тѣмъ, что когда начальникъ, положимъ, не сошелся съ подрядчикомъ и вздумалъ показать свой произволъ, помогать произвольно обращаться съ подрядчикомъ, но тѣмъ чтобъ на мѣста начальниковъ сажали людей разумныхъ, умѣющихъ писать контракты и добросовѣстныхъ, которые бы никогда не дозволяли подрядчикамъ уклоняться отъ исполненія подряда. Изъ одного худа не разумно было бы впадать въ другое зло и способствовать произволу начальника надъ подрядчикомъ. Законныя, справедливыя отношенія—вотъ что важно; тогда только подряды будутъ хорошо исполняться, казна будетъ платить то что слѣдуетъ, а не переплачивать подрядчику того, что подрядчикъ потомъ переложитъ въ карманъ начальника за потворство и снисходительность. Потому нечего было увлекаться фразами З., а нужно было безстрастно съ контрактомъ въ рукахъ прослѣдить не превысилъ-ли З. права, принадлежащія ему по контракту.

Былъ годъ 1878, когда вся Россія чистилась отъ покрывавшей ея грязи; въ виду чумы и другихъ подобныхъ бѣдствій всѣ заговорили о лучшихъ санитарныхъ условіяхъ; въ крѣпости усилились болѣзни и высшее начальство крѣпости вздумало прославиться своей дѣятельностью, заботливостью о солдатѣ. Былъ произведенъ санитарный осмотръ крѣпости и оказалось, что крѣпость представляетъ изъ себя громадную клоаку, въ которой нечистоты на всякомъ шагу, не только въ отхожихъ мѣстахъ, чистить которыя по контракту была обязана В., но вся крѣпость была залита, загажена нечистотами. Надъ оборонительными казармами возвышается Ив. башня, на крышѣ которой по акту осмотра оказались нечистоты; откуда, какъ онѣ попали туда, объяснить не беремся, но фактъ достовѣрный. И вотъ люди, сжившіеся въ теченіи многихъ лѣтъ съ такой средой, вдругъ засуетились, придумывали разныя средства, и между прочимъ

потребовали отъ подрядчика, чтобъ онъ чистилъ отхожія мѣста до дна. Мысль прекрасная, но дѣло въ томъ, что осуществлена она должна быть тоже справедливо. Столько лѣтъ объ этомъ не было разговора, подрядчикъ приноровилъ къ обычному положенію свои средства, свой чистительный обозъ, и вдругъ стали требовать свыше силъ; подрядчикъ требовалъ увеличенія платы, но въ этомъ ему отказали. Думаемъ, что требованія подрядчика не были не справедливы, положимъ, что чистота требовалась общественной пользой, но не можетъ же такая экстренная чистота быть достигнута на счетъ подрядчика; общество должно было приплатиться. Но этого не хотѣли, и З. сталъ толковать, что подрядчикъ долженъ производить постоянно очистку до дна въ силу стараго контракта. Это было несправедливо. По весьма, конечно, не точному контракту, подрядчику категорически ставилось въ обязанность чистить до дна отхожія мѣста только разъ въ годъ; хотя и было условіе въ контрактѣ, что должно было чистить отхожія мѣста до дна по требованію начальства, но въ контрактѣ не было обусловлено никакихъ послѣдствій въ случаѣ неисполненія такихъ требованій. Въ контрактѣ стояло обязательство для В. держать отхожія мѣста въ такомъ видѣ, чтобъ нечистоты не превышали болѣе $^2/_3$ глубины отхожихъ мѣстъ, и въ контрактѣ указывались съ достаточною подробностью штрафы, условія ихъ наложенія и т. д. за неисполненіе этого обязательства было установлено, что въ случаѣ не дѣйствительности штрафовъ, контрактъ прекращалъ свою силу, что выражалось тѣмъ, что окружное начальство, но отнюдь не начальство крѣпости въ лицѣ З., имѣло право отобрать чистительный обозъ В., обратить его въ казну за извѣстную сумму по оцѣнкѣ; но все это ставилось послѣдствіемъ неисполненія условія держанія нечистотъ не выше $^2/_3$ глубины; о послѣдствіяхъ неочистки отхожихъ мѣстъ до дна контрактъ хранилъ краснорѣчивое молчаніе, а извѣстно, что всякое требованіе, не обезпеченное въ своемъ осуществленіи — ничтожно.

Но З. непостѣснился и желая между прочимъ показать передъ высшимъ начальствомъ, что контрактъ имъ былъ предусмотрительно составленъ, сталъ требовать, чтобъ отхожія мѣста, были очищены *до дна*, назначилъ для того опредѣленные сроки, мѣнялъ ихъ, сокращалъ по своему произволу и налагалъ штрафы за неисполненіе своихъ требованій, не обращая вниманіе на указанія подрядчика на необходимость особой платы за усилившіяся требованія. Затѣмъ послѣ безуспѣшности штрафовъ, назначивъ крайнимъ срокомъ очистки отхожихъ мѣстъ до дна 1 іюля, прибѣгъ къ мѣрѣ, которая разрѣшалась контрактомъ единственно въ случаѣ безуспѣшности штрафовъ за переполненіе отхожихъ мѣстъ свыше $^{2}/_{3}$ ихъ глубины и только окружному начальству, отобралъ обозъ раньше срока имъ назначеннаго, а именно 7 іюня, а затѣмъ пригласилъ другаго подрядчика для очистки нечистотъ; отобравши обозъ, для описи его назначилъ своего чиновника и за В., тоже собственною властью, безъ вѣдома В. назначилъ совершенно посторонняго человѣка. В. подала жалобу за превышеніе З. власти и объ оказаніи надъ нею насилія, которое она подвела подъ 1686 и 1687 улож. о нак.

Дѣйствительно, слѣдствіе открыло, что З. отобралъ обозъ отъ В. собственною властью, что по условіямъ контракта равносильно было уничтоженію контракта, затѣмъ было обнаружено, что самъ З., почувствовавши, что предвосхитилъ права своего начальника и желая поправиться, послѣ того какъ отобралъ обозъ 7 іюня, т. е. уничтожилъ контрактъ, того-же 7 іюня представилъ рапортъ по начальству о необходимости нарушить контрактъ съ В. Начальникъ увидѣлъ, что З. превысилъ свои права, увидѣлъ, что З. выходилъ изъ незаконныхъ положеній, именно изъ неисправности подрядчика по очисткѣ до дна, не принялъ отъ З. рапорта 7 іюня и для приданія вида законности поступкамъ З., обязалъ его произвести измѣреніе дѣйствительнаго состоянія нечистотъ въ отхожихъ мѣстахъ. Измѣреніе это произведено было, какъ то значилось въ актѣ 10 іюня,

и по измѣренію въ отхожихъ мѣстахъ оказалось на $^1/_{10}$ часть нечистотъ болѣе чѣмъ-бы то слѣдовало, еслибъ они не превышали болѣе $^2/_3$ глубины выгребныхъ ямъ; актъ объ этомъ измѣреніи 10 іюня былъ составленъ 14 іюня. Этотъ актъ былъ принятъ за доказательство неисправности В. въ томъ, что отхожія мѣста были наполнены свыше $^2/_3$ глубины выгребныхъ ямъ; о неисправности по очисткѣ отхожихъ выгребныхъ ямъ до дна уже не было рѣчи, чѣмъ само начальство засвидѣтельствовало, что только переполненіе нечистотами свыше $^2/_3$ глубины составляетъ неисправность В.; во-вторыхъ, этотъ актъ былъ неправиленъ въ своемъ основаніи. В. устранена была отъ подряда 7 Іюня, съ тѣхъ поръ уже никакихъ работъ не производила, такъ какъ работы были поручены другому, а между тѣмъ ей поставили въ вину то количество нечистотъ, которое накопилось послѣ 7 іюня, въ теченіи 4 дней. Но кромѣ такого кореннаго недостатка въ существѣ акта 10 Іюня, онъ не имѣлъ условій достовѣрности по самому способу его составленія. Изъ многочисленныхъ свидѣтелей, подписавшихся подъ актомъ, т. е. удостовѣрившихъ его содержаніе, что каждое отхожее мѣсто извѣстнымъ образомъ было провѣрено, и что въ каждомъ изъ нихъ оказалось такое-то количество нечистотъ, одни показали, что измѣреніе происходило 3 дня, другіе удостовѣряли, что измѣреніе было сдѣлано въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; одни утверждали, что измѣреніе началось оттуда, другіе—что совершенно съ противоположнаго конца, одни показали, что присутствовали такіе-то, другіе сослались на другихъ, одинъ изъ подписавшихся показалъ, что въ той комнатѣ, гдѣ онъ подписывалъ актъ, на столѣ стояла водочка и закусочка. Оказалось, что З. уничтожилъ свой докладъ начальнику инженеровъ 7 іюня, уничтожилъ такимъ образомъ официальную бумагу; сначала онъ отказался отъ того, что имъ вообще былъ представленъ какой нибудь документъ 7 іюня, но когда осмотрѣнъ былъ входящій и исходящій журналъ и отъ него потребовали №, записанный въ томъ

журналѣ за 7 іюня, то З. сознался, что бумагу онъ разорвалъ и уничтожилъ.

Подрядъ былъ переданъ другому подрядчику, которому казна значительно переплатила сравнительно съ цѣнами В.; В. ставила вопросъ такимъ образомъ, что новое лицо было заранѣе намѣчено, что затѣмъ новому подрядчику К., переплачивая почти вдвое большія деньги, З. оказывалъ еще различныя снисхожденія. Напр. отъ В. требовалось рытье ямъ для слива нечистотъ въ извѣстномъ отдаленіи отъ крѣпости, въ 5 верстахъ, и извѣстныхъ размѣровъ, въ глубину 2 сажени, въ длину 10 саж., ширину 5 саж., тогда какъ отъ К. ничего такого не требовалось. Для провѣрки этихъ обстоятельствъ потребовалось осмотрѣть мѣстность, куда выливались нечистоты и К—ъ, и В—а. Осмотръ этотъ показалъ, съ какими затрудненіями приходится сталкиваться слѣдователю, если только въ дѣлѣ затронутъ такъ называемый военный интересъ, т. е. личный интересъ начальства Слѣдователь, желая произвести осмотръ мѣстности, долженъ обратиться за содѣйствіемъ къ начальнику той мѣстности, который назначаетъ отъ себя представителя. З. и во время слѣдствія оставался начальникомъ своего управленія, завѣдывалъ и мѣстностью передъ крѣпостью, и слѣдовательно представителя потребовалось имѣть отъ него; отъ обвиняемаго такимъ образомъ потребовалось имѣть содѣйствіе по его же дѣлу. Въ такомъ положеніи дѣла слѣдователь обратился къ З., объявилъ ему, что считаетъ нужнымъ черезъ три дня осмотрѣть мѣстность впереди крѣпости, и просилъ его назначить кого нибудь въ качествѣ представителя его управленія, а самому присутствовать при осмотрѣ въ качествѣ обвиняемаго. На другой день у слѣдователя было отношеніе З., въ которомъ онъ объяснялъ, что не считаетъ возможнымъ допусить слѣдователя до осмотра мѣстности, или что онъ запрещаетъ такой осмотръ, пока не получитъ разрѣшенія своего начальства, и отказываетъ въ назначеніи представителя своего учрежденія. Получивши такой отвѣтъ,

слѣдователь рѣшился обойдти З. Завѣдываніе мѣстностью передъ крѣпостью принадлежитъ и управленію, которое вѣдалъ З., и высшій надзоръ надъ этою мѣстностью принадлежитъ коменданту крѣпости, потому слѣдователь, не долго думая, экстренной бумагой просилъ коменданта о назначеніи отъ себя чиновника.

Слѣдоват. дѣйствовалъ быстро, назначилъ короткіе сроки для предупрежденія всякихъ соглашеній. Слѣдователь написалъ З. маленькое наставленіе, въ которомъ объяснялъ, что запретить слѣдователю осмотръ онъ не можетъ, что такого разрѣшенія никто у него не просилъ, и онъ извѣщался только объ осмотрѣ и требовалось назначеніе чиновника, что въ виду его сопротивленія найдено другое законное средство обойдтись безъ него, что назначенъ новый срокъ осмотра и что если онъ хочетъ присутствовать при осмотрѣ, какъ обвиняемый, то можетъ. Эта мѣра подѣйствовала, утромъ передъ самымъ осмотромъ, когда слѣдователь и другіе собрались, чтобъ выѣхать на мѣсто, слѣдователь получилъ отъ З. бумагу, въ которой тотъ извѣщалъ, что разрѣшаетъ осмотръ и назначаетъ отъ управленія И.; слѣдователь не принялъ И. на томъ основаніи, что имѣлъ уже другаго назначеннаго комендантомъ; въ присутствіи послѣдняго и былъ произведенъ осмотръ мѣстности. И важный же послѣдствіями былъ этотъ осмотръ. Новый подрядчикъ К., присутствовавшій при осмотрѣ, указалъ на вырытыя будто бы имъ ямы, но тутъ же уличенъ былъ въ неправдѣ; ямы очевидно были старыя, вырыты В. нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда К. указалъ на другое мѣсто, куда въ самомъ дѣлѣ выливалъ нечистоты; это была еще болѣе старая яма, но приготовленная не для выливанія нечистотъ, а образовавшаяся отъ добыванія глины; дно ея было неровное, изрытое ямочками аршинъ въ діаметрѣ и полъ-аршина глубины, и по такому-то дну были разлиты нечистоты маленькими лужами, нѣсколько дюймовъ въ діаметрѣ; очевидно было, что З. мирволилъ К.; З. уже не думалъ о чистотѣ воздуха въ крѣпости и позволялъ К. разливать

нечистоты въ верстѣ отъ крѣпости, по полямъ и пустырямъ. Было значитъ изъ за чего возставать противъ осмотра мѣстности слѣдователемъ; поколебался значитъ авторитетъ З., а это вѣдь противно интересамъ военной службы.

Начальство обвиняемаго З. писало предписаніе за предписаніемъ слѣдователю, съ цѣлью закрыть дѣло З. Слѣдователь считалъ необходимымъ разслѣдовать вопросъ о превышеніи власти З., о противуконтрактныхъ штрафахъ, объ отнятіи обоза, о недостовѣрности акта измѣренія нечистотъ, о передачѣ контракта болѣе дорогому подрядчину К., и т. д., но начальникъ З., генералъ Д., писалъ слѣдователю, что онъ запрещаетъ разслѣдовать дѣло въ этихъ отношеніяхъ, потому что всѣ эти вопросы, будто бы, разрѣшены окружнымъ совѣтомъ; на самомъ же дѣлѣ военный совѣтъ, напротивъ, рѣшилъ, что нарушеніе контракта въ томъ и выражается, что обозъ отбирается отъ подрядчика, и такъ какъ право отобранія обоза принадлежитъ г. Д., начальнику З., то совѣтъ не считаетъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣло, а предоставляетъ привести дѣло къ концу г. Д.; затѣмъ совѣтъ вовсе не одобрилъ передачу контракта К., а напротивъ, нашелъ, что казнѣ приходится много переплатить, К., по вытребованнымъ имъ цѣнамъ, но что при томъ положеніи, въ которое дѣло поставлено З., волей, неволей совѣту приходится согласиться на передачу подряда К. Вотъ и довѣряй потомъ увѣреніямъ начальства.

Слѣдователь зналъ хорошо, какъ рѣшилъ совѣтъ, зналъ законъ, по которому слѣдователь имѣетъ право отмѣнять, измѣнять, дополнять дѣйствія администраціи, военнаго начальства, зналъ законъ, по которому слѣдователь дѣйствуетъ въ раскрытіи истины самостоятельно, зналъ законъ по которому вообще въ военномъ вѣдомствѣ только прямой начальникъ имѣетъ право предписывать, что предписанія начальства, противныя закону, необязательны, не обратилъ вниманія на

предписанія Г. Д. и продолжалъ свое дѣло, пока у него не взяли изъ рукъ всего дѣла.

Вотъ какія усилія дѣлались начальствомъ, чтобы только помѣшать раскрытію истины, очевидно что это противорѣчитъ интересамъ правосудія и если совпадаетъ съ интересами военной службы, то приходиться признать, что эти интересы суть ничто иное какъ личные, своекорыстные интересы начальствъ.

Пойдемъ далѣе.

Въ крѣпости предполагалась постройка казематовъ для орудій подъ фронтами; работа дорогая, на нѣсколько сотъ тысячъ; работы предполагались на двухъ фронтахъ. Высшее инженерное начальство дало нарядъ, предупрежденіе о томъ, что постройки будутъ производиться на обоихъ фронтахъ, и подрядчикъ съ разрѣшенія ближайшаго инженернаго начальства, за 2 мѣсяца до полученія окончательнаго разрѣшенія высшаго начальства, началъ работы на одномъ изъ фронтовъ по планамъ составленнымъ, но не утвержденнымъ еще въ главномъ инженерномъ управленіи; но еслибъ этихъ плановъ не утвердили въ Петербургѣ, или еслибъ утвердили постройку на другомъ фронтѣ, кто отвѣчалъ бы матеріально? Казна, одна казна, но такъ, что она этого и неподозрѣвала бы. Подрядчики въ своихъ цѣнахъ всегда расчитываютъ подобныя неудачи, а потому на торгахъ выпрашиваютъ такія цѣны, которыя бы покрывали всѣ непредвидѣнныя убытки. Разрѣшаютъ строить раньше потому, что увѣрены, что все что не представятъ утвердятъ. Но когда можетъ быть такая увѣренность? Тогда, когда смазываютъ всю машину; а подмазку-то откуда берутъ? все она матушка казна отдувается. Начать работу раньше разрѣшенія подрядчику выгодно потому, что, какъ всѣ знаютъ, время деньги и начальнику это выгодно—съ работою начинаютъ притекать деньги. Но очевидно, что допущеніе начать работу раньше полученія надлежащаго разрѣшенія, есть превышеніе власти и превышеніе власти весьма важное; разслѣдовать это превышеніе власти слѣдователь былъ обя-

занъ, но опять не могъ. Слѣдователю нужно было получить всю переписку, изъ которой было бы видно, когда именно испрашивалось разрѣшеніе, когда оно было окончательно дано; когда началась работа это было установлено, и было видно, путемъ наведеній, что надлежащее разрѣшеніе дано 2 мѣсяцами позже; слѣдователь излагая все это начальству, просилъ выдать ему для приложенія къ дѣлу подлинную бумагу высшаго начальства объ утвержденіи плановъ, и рѣшительное разрѣшеніе произвести работу, но начальство положительно отказало слѣдователю въ выдачѣ ему требуемыхъ имъ документовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что бумаги къ дѣлу не относятся. И такъ начальство разрѣшаетъ за слѣдователя такіе вопросы, въ которыхъ компетентенъ только слѣдователь. Вотъ что значитъ руководить слѣдствіемъ въ интересахъ военной службы. Мы говорили уже о домогательствѣ таможеннаго начальства непремѣнно черезъ своего представителя принять участіе въ производствѣ слѣдствія; чѣмъ было побуждаемо начальство? Стремленіемъ навсегда закрѣпить за собою право распоряжаться въ предѣлахъ 7-ми верстной полосы, безнаказанно тамъ властвовать, хотя бы даже обезлюдить эту полосу своими притѣсненіями, но властвовать и держать жителей въ страхѣ, отбить у нихъ охоту требовать плату за постой въ ихъ домахъ. Руководимое этими, будто бы, интересами если не военной, то пограничной службы, начальство хотѣло заставить служить себѣ представителей правосудія, и когда это не удалось, то на неподатливаго представителя правосудія посыпались жалобы начальства и за себя и за обвиняемыхъ. Жалобы обвиняемыхъ были тождественны, поданы ихъ начальствомъ за обвиняемыхъ, хотя это противозаконно, такъ какъ законъ даетъ право подавать жалобы только самимъ участвующимъ въ дѣлѣ, но не ихъ начальствамъ. Таможенное начальство, преслѣдуя свои интересы, столкнулось съ интересами полиціи; полиція въ лицѣ губернатора искала, требовала правосудія, требовала преслѣдованія таможенныхъ властей, возстали такимъ обра-

зомъ власти одна на другую — явленіе только возможное тамъ, гдѣ руководятся не истинными интересами службы, не общественными интересами, а каждая власть только своекорыстными интересами. Случаи столкновенія двухъ властей у насъ не рѣдкость.

Въ К. продовольственномъ магазинѣ столкнулись съ одной стороны — чиновникъ особыхъ порученій интенданта Хм. и смотритель магазина маіоръ Э., и съ другой стороны — пріемщикъ довольствія для артилерія К. К., основывалсь на многочисленныхъ наблюденіяхъ; пришелъ къ заключенію, что продукты изъ магазина отпускаются неправильно, въ недостаточномъ количествѣ и возымѣлъ желаніе констатировать свои наблюденія путемъ громкаго пріема. Мѣстомъ столкновенія былъ продовольственный магазинъ; интендантскіе бѣжали изъ магазина, а К. завладѣлъ коробкою, которою мѣряли отпускаемый въ артилерію овесъ. Интендантскіе жаловались, что К. оскорбилъ ихъ, а артилерія жаловалась на неблаговидные поступки интендантскихъ; интендантское начальство требовало преслѣдованія К. и защищало, совершенно оправдывая, своихъ; артилерійское начальство требовало преслѣдованія интендантскихъ и защищало К.; оба утверждали, что за нихъ военные интересы, и оба находили, что судебная власть, заботившаяся только о достиженіи справедливости, идетъ противъ интересовъ военной службы, не хочетъ имъ служить. Коробка, о которой сказано выше, была изслѣдована въ періодъ дознанія въ К. магистратѣ, и найдена законною, но конечно слѣдователю предстояло это провѣрить. Коробка хранилась въ интендантствѣ, и слѣдователь, доведя дѣло до того момента, когда приходилось изслѣдовать коробку, обратился за нею въ интендантство и запросилъ, какія вообще мѣры должны быть въ магазинѣ. Интендантство, догадавшись, что слѣдствіе стремится раскрыть вопросъ о нахожденіи въ К. продовольственномъ магазинѣ невѣрной мѣры, на которую отпускались продукты, предписало слѣдователю не касаться вопроса о невѣрныхъ мѣрахъ и напоминало, что оно, интендантское начальство, поручало

произвести *формальное* слѣдствіе собственно по предмету оскорбленія нанесеннаго К. маіору Эн. и Х., такъ какъ на дознаніи, произведенномъ чиновникомъ особыхъ порученій маіоромъ Лом., оказалось совершенно неосновательнымъ, взведенное К., обвиненіе въ отпускѣ овса на фальшивую мѣру. Такимъ образомъ, интендантство предписывало слѣдователю обойдти весьма важный въ дѣлѣ вопросъ, отъ котораго все дѣло пошло, безъ котораго оно совершенно не понятно, предписывало слѣдователю, который на основаніи закона имѣетъ право измѣнять, дополнять, провѣрять дѣйствіе администраціи. Съ другой стороны артилерійское начальство настаивало на томъ, чтобъ мѣра была изслѣдована. Вотъ и угождай обоимъ! На чьей же сторонѣ военные интересы?

Не служба военная, не ея законные интересы служатъ побудительной причиной начальническихъ дѣйствій; еслибъ было не такъ то требованія законовъ исполнялись бы свято, но не такъ на самомъ дѣлѣ. Извѣстно, что не смотря на законъ, не смотря на то что единицы появлялись уже на судѣ за жестокое обращеніе съ нижними чинами, за побои, все-таки начальническій кулакъ гуляетъ по скуламъ и челюстямъ нижнихъ чиновъ, и офицеры громко и открыто заявляютъ, что безъ побоевъ нельзя ничего сдѣлать съ солдатомъ, что утверждать противное могутъ только стоящіе далеко отъ дѣла. Спрашивается, какой начальникъ при такомъ общемъ настроеніи серьезно посмотритъ на то, что тотъ или другой офицеръ *толкнулъ* нижняго чина. Конечно никто, но таково только общее правило, въ частностяхъ-же, нижніе чины, отъ которыхъ начальство пользуется корыстью, находятъ ревностныхъ заступниковъ въ начальникахъ. Извѣстно, что въ такомъ привилегированномъ положеніи находятся истопники, люди завѣдывающіе дровами. Вездѣ въ казенныхъ помѣщеніяхъ нижнихъ чиновъ сыро и холодно, хотя дровъ отпускаютъ отъ казны съ избыткомъ, и никогда, никто не имѣлъ успѣха въ своихъ требованіяхъ, чтобъ въ помѣщеніяхъ было тепло. Отчего это такъ. Оттого, что истопники заботятся

прежде всего объ экономіи дровъ въ личныхъ интересахъ начальниковъ, и дѣйствительно, извѣстно, что экономическія дрова вездѣ составляютъ источникъ большихъ доходовъ, и истопники вездѣ суть нужные люди.

Такимъ образомъ, сторожъ на главной гауптвахтѣ въ крѣпости ведетъ себя нахально, дерзко передъ офицерами, отправляющими службу въ караулѣ; но разъ ему таки-досталось. Начальникъ караула ударилъ сторожа за дерзость. Не смотря на то-что дознаніе, свидѣтельскія показанія такихъ страшныхъ людей, какъ жандармы, и другихъ, все удостовѣряло, что солдатъ, оскорбивши офицера, вынудилъ его на ударъ; не смотря на то, что непосредственный начальникъ офицера находилъ его невиновнымъ и обратилъ вниманіе комендантства на нарушеніе сторожемъ дисциплины, комендантство, которое пользуется выгодами отъ дровъ, сберегаемыхъ сторожемъ, оправдывало сторожа и требовало назначенія слѣдствія надъ офицеромъ, преданія суду офицера, и только благодаря тому, что слѣдователь, опираясь на законы, имѣя въ виду прямое нежеланіе на то непосредственнаго начальства офицера, находилъ себя не вправѣ произвести слѣдствіе, дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.—Вотъ какъ понимаются военные интересы. Желательно знать, на чьей бы сторонѣ стали сторонники военныхъ интересовъ, не отдающіе себѣ отчета въ этихъ интересахъ, или не рѣшающіеся открыто ихъ перечислить: на сторонѣ комендантства, или начальника офицера?

Въ войскахъ есть цѣлый разрядъ людей, именно нижніе чины, завѣдывающіе хозяйствомъ, буфетчики въ офицерскихъ клубахъ и т. п. которые позволяютъ себѣ смѣло нарушать дисциплину, разсчитывая, что ихъ прикроютъ начальники; точно также смѣло нарушаютъ дисциплину вольноопредѣляющіеся, если только они въ дружескихъ, близкихъ отношеніяхъ къ начальникамъ. Начальники такихъ привилегированныхъ, еслибъ спросили у нихъ отчета, тоже указали бы конечно, что они защищаютъ военные интересы. Писаря отли-

чаются вольностью въ дисциплинарномъ отношеніи, а почему? потому что вѣдающій кое-какіе секреты начальника, хорошо пишущій писарь всегда увѣренъ, что начальникъ, къ которому дойдетъ жалоба на него, дорожа имъ какъ писаремъ, оставитъ въ сторонѣ всѣ дисциплинарныя соображенія, и интересы военной службы будетъ считать въ томъ, чтобъ закрыть нарушившаго дисциплину писаря. Хорошіе повара, вѣрные деньщики важныхъ лицъ уже не должны заботиться о дисциплинѣ. Представьте себѣ деньщика какого нибудь флигель-адъютанта командующаго полкомъ; онъ и одѣтъ лучше офицера, и встрѣтясь съ офицеромъ не онъ оказываетъ почтеніе офицеру.

Въ военномъ вѣдомствѣ тотъ кто зоботится объ интересахъ солдатъ, о справедливости, тотъ страдаетъ, изъ чего вытекаетъ, что интересы солдатъ и справедливость противорѣчатъ интересамъ военной службы по понятіямъ начальствъ, а слѣдовательно интересами военной службы являются личные интересы начальствъ.

Такимъ образомъ, резерв. пѣхотнаго баталіона капитана Д. возмущала всякая несправедливость, всякое безобразіе, даже допускаемое въ средѣ, въ обществѣ офицеровъ. Д. любилъ солдатъ, заботился о нихъ, старался объ улучшеніи ихъ благосостоянія; составилъ проэктъ чайныхъ и привелъ этотъ проэтъ въ исполненіе въ своемъ баталіонѣ, а командиръ баталіона его преслѣдовалъ, придирался къ нему, давалъ выговоры; когда, сознававшій несправедливость, Д. возражалъ, желалъ объяснить дѣло командиру баталіона, командиръ баталіона оскорблялъ его, жаловался высшему начальству, требуя суда, обвинялъ его въ томъ, что онъ грубъ, дерзокъ, и не имѣя возможности указать ни на одно дерзкое слово, обвинялъ Д. въ дерзкомъ тонѣ, въ томъ, что онъ размахивалъ руками. Обвиненія легкія, безсовѣстныя, избитыя; размахиванье руками нужно понимать въ томъ смыслѣ, что Д. не держалъ руки по швамъ, а приличнo жестикулировалъ. Но что болѣе всего вооружило баталіон. командира противъ Д., такъ это то, что Д., опираясь на законъ, указывалъ баталіонному коман-

диру, что онъ долженъ выдавать вещи, получаемыя отъ интендантства по клеймамъ интендантства, разсчитывать мѣру кусковъ холста и т. п. по цифрамъ, проставленнымъ въ интендантствѣ, съ тѣмъ чтобъ всѣ излишки могли оставаться въ пользу солдатъ. Извѣстно, что куски холста клеймятся въ интендантствѣ не соотвѣтственно дѣйствительному количеству аршинъ, подошвенный товаръ размѣчается не соотвѣтственно дѣйствительному количеству паръ подошвъ, но нѣкоторое количество матеріала припускается на прочетъ, на изъяны въ товарѣ и т. п. Какъ бы ни были незначительны эти прибавки, но въ значительной массѣ товара они составляютъ почтенное количество, которое командиры берутъ въ свою пользу, и вотъ Д. и требовалъ отъ командира, чтобъ онъ всѣ излишки передавалъ въ роты въ пользу нижнихъ чиновъ. Баталіонный командиръ на заявленіе Д. объявилъ ему, что онъ не умѣетъ читать и понимать законовъ, но Д. былъ правъ, такъ какъ примѣчаніе о томъ, что предметы выдаются по клеймамъ интендантства, относилось къ статьѣ, въ которой говорилось о выдачѣ вещей въ роты изъ полковъ и баталіоновъ. Баталіонный командиръ довелъ дѣло Д. до того, что надъ нимъ было назначено слѣдствіе, изъ котораго Д. выпутался только благодаря тому направленію, которое было дано дѣлу въ прокурорскомъ надзорѣ.

Начальство обращается къ правосудію для того, чтобъ выместить свою злобу на солдатѣ. Въ бригадѣ пограничной стражи было возбуждено преслѣдованіе противъ нижняго чина за то, что онъ съ цѣлью уклоненія отъ службы прострѣлилъ себѣ палецъ. Слѣдствіе началось и рѣшительно ничего не раскрыло такого, чтобы показывало на намѣренность изувѣчить себя; солдатъ уже служилъ нѣсколько лѣтъ, скоро ему предстояло идти въ запасъ и вдругъ ни съ того ни съ сего прострѣлилъ себѣ руку?—Слѣдователь находился въ затрудненіи, не могъ уяснить себѣ съ дѣяніемъ какого свойства онъ имѣлъ дѣло; вѣдь уклоненіе отъ службы должно же высказаться чѣмъ нибудь, должны же быть причины достаточныя для того, чтобъ солдатъ рѣшился

остаться безъ руки; дѣло, какъ его представило начальство, ничего такого не объясняло; слѣдователь и потребовалъ дополненій; ему необходимо было знать: что за солдатъ, давно ли онъ обращается съ оружіемъ, избѣгалъ ли вообще онъ несенія службы и т. д.; ничего этого въ первоначальномъ производствѣ не было. Начальство и обрадовалось запросу слѣдователя, и думало, что слѣдователь идетъ ему на встрѣчу; вскорѣ слѣдователь получилъ бумагу, при которой начальникъ округа передавалъ слѣдователю рапортъ ближайшаго начальства солдата, капитана П., въ которомъ тотъ излагалъ, что обвиняемый С. былъ у него, П., деньщикомъ, что деньщикомъ для С. было выгодно служить, что онъ пользовался всѣмъ содержаніемъ, одеждой, получалъ значительное жалованье, работы имѣлъ весьма мало, что въ послѣднее время сталъ попадаться въ кражахъ, потому П. отпустилъ его въ пограничную стражу, но въ пограничной стражѣ служба С. показалась тяжелою, и, желая избавиться отъ нея, онъ прострѣлилъ себѣ руку. У кого, въ чемъ состояли кражи, П. въ своемъ рапортѣ не говорилъ ни слова. Если все о чемъ рапортовалъ П. была правда, то тутъ въ самомъ дѣлѣ могла лежать разгадка, почему С. рѣшился на самоизувѣченіе. Нужно было провѣрить рапортъ П., и вотъ разслѣдованіе показало, что П. взвелъ на С. напраслину; слѣдователь попросилъ, чтобъ ему выслали для допроса П. и всѣхъ тѣхъ у кого С. совершилъ кражи. Съ трудомъ можно было вытребовать П., два раза онъ не являлся подъ предлогомъ поздняго полученія повѣстки; наконецъ онъ явился къ слѣдователю, явился одинъ; на вопросъ: гдѣ же другіе, у которыхъ совершены были кражи С., П. отвѣтилъ, что кражи совершены у него одного, что кражи эти состояли въ томъ, что С., бывши деньщикомъ, сохраняя провизію, съѣлъ 2 ф. икры, подавалъ невѣрные счеты. По объясненію П. на слѣдствіи, онъ никакого жалованья С. не платилъ, но кормивши его, не бралъ тѣхъ денегъ, которыя полагались С. отъ казны на его довольствіе. Но интересны были объясненія С.; онъ показалъ, что «баринъ» его былъ скупъ, никогда у себя 2 ф. икры не имѣлъ,

что разъ начальникъ округа пріѣзжалъ для осмотра отдѣла, которымъ командовалъ П., и П. приготовился достойно встрѣтить своего начальника, но не желая расходоваться, выпросилъ у какого-то таможеннаго чиновника, по дружбѣ, немножко икры на блюдечкѣ, и этой икрой угощалъ своего начальника. Затѣмъ П. уѣхалъ провожать своего начальника и бросилъ С. и еще двухъ бывшихъ у него въ услуженіи солдатъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, позапиралъ всѣ помѣщенія съ провизіей. Отсутствіе П. продолжалось два дня, и вотъ С. съ другими рѣшился съѣсть объѣдки отъ начальнической пирушки, въ томъ числѣ и икру. Счеты, въ невѣрности которыхъ тоже обвиняли С., по объясненію послѣдняго были весьма не велики—3 р. въ недѣлю; каждую недѣлю П. производилъ повѣрку счетовъ, и при повѣркѣ давалъ выговоры С. за расточительность, за то что покупалъ больше чѣмъ слѣдуетъ, но, прибавлялъ С., въ то время когда П. истреблялъ, подаваемые ему припасы, а истреблялъ онъ все до крошки, онъ не упрекалъ С. за изобиліе припасовъ. С. доказалъ, что онъ много работалъ и у П., что также много работали и еще 2 человѣка, взятые П. изъ фронта для личныхъ своихъ услугъ, сверхъ тѣхъ, которые ему полагались по закону. Слѣдователь представилъ дѣло для прекращенія, и начальство безъ всякихъ возраженій поспѣшило прекратить дѣло. П. очевидно дѣйствовалъ какъ начальникъ, онъ думалъ обвинить С. изъ-за мелочныхъ своихъ интересовъ; онъ рѣшился на обвиненіе, думая, что все ограничится перепиской; онъ не рѣшился потомъ отстаивать своихъ обвиненій, когда дѣло раскрылось слѣдствіемъ; всякое частное лицо, которое бы было также безцеремонно съ своей прислугой какъ П. съ С., отвѣтило бы передъ судомъ за клевету, за оскорбленіе, но П. былъ гарантированъ своимъ начальническимъ положеніемъ, и дѣло С. для него не имѣло никакихъ послѣдствій, за то учрежденіе военныхъ слѣдователей, конечно, пріобрѣло въ П. одного изъ сторонниковъ мнѣнія, что военно-судеб-

ныя учрежденія не щадятъ военныхъ интересовъ, авторитета начальства.

Начальство, стремясь обвинить кого либо, не останавливается передъ извращеніемъ истины, измышленіями, небывальщиной, но что можетъ заставить его дѣйствовать такимъ образомъ, какъ не защита своихъ личныхъ интересовъ, отождествленныхъ съ военными интересами. Мы говорили уже о томъ, какъ поступаетъ начальство, когда излагали дѣло З.; но вотъ исторія, которой едвали можно было бы повѣрить, еслибъ она не была основана на достовѣрныхъ фактахъ. По артилеріи корпуса изданъ былъ приказъ о томъ, что слѣдуетъ стараться о возможномъ увеличеніи экономіи дровъ. Батарейный командиръ потребовалъ къ себѣ каптенармуса Щ., чтобъ втолковать ему необходимость какъ можно большей экономіи; каптенармусъ отвѣчаетъ, что онъ радъ бы имѣть возможно большую экономію, но если хлѣбъ будетъ сырой, то пусть же батарейный командиръ беретъ это на свою отвѣтственность. Строптивость каптенармуса, вѣроятно, показалась батарейному командиру идущею въ разрѣзъ съ интересами военной службы, онъ запираетъ дверь своей квартиры на ключъ, и сильно избиваетъ каптенармуса; каптенармусъ разсказывалъ, что онъ кричалъ было съ начала, но потомъ, обезсиливъ, пересталъ кричать. Придя отъ батарейнаго командира къ себѣ въ казарму, каптенармусъ улегся въ постель, заявилъ, что онъ болѣнъ вслѣдствіе побоевъ, и потребовалъ, чтобъ его отправили въ лазаретъ. Доложили обо всемъ батарейному командиру, который отдалъ приказаніе чтобъ Щ. не уходилъ въ лазаретъ, а дождался бы прихода его, командира. Ждалъ, ждалъ Щ.—неприходитъ батарейный командиръ, тогда онъ рѣшился самъ идти въ лазаретъ, въ лазаретѣ его приняли какъ больнаго, и констатировали побои; а между тѣмъ за то, что Щ. ушелъ въ лазаретъ, не дождавшись батарейнаго командира, противъ него начальство возбудило обвиненіе въ неповиновеніи. Съ своей стороны Щ., пока дѣло о немъ тянулось,

подалъ высшему начальству письменную жалобу на батарейнаго командира.—Высшее начальство прислало низшему одновременно двѣ бумаги, въ одной, предназначенной для объявленія всѣмъ и въ томъ числѣ Щ, излагалось, что Щ., послѣ произведеннаго разслѣдованія жалобы оказывается виновнымъ, и наказывается такъ-то; особенно ставилось ему въ вину то, что онъ кончилъ свою жалобу просьбой, чтобъ начальство къ нему было справедливо, какъ будто начальство можетъ быть несправедлимымъ; Щ. не смѣлъ сомнѣваться въ справедливости начальства.—А между тѣмъ начальство было на самомъ дѣлѣ несправедливо, потому что наложило на Щ. наказаніе безъ всякаго производства дознанія по его жалобѣ въ то время когда слѣдствіе не было еще кончено; въ другой бумагѣ, написаной одновременно съ заключавшей въ себѣ осужденіе Щ., высшее начальство только поручало подчиненному привести *дознаніе* по письменной жалобѣ Щ.

Препровождался арестантъ и три *не вродь арестанта* за безписьменность. Въ конвой были назначены всего 2 солдата, изъ нихъ за старшаго былъ М. Пришелъ конвой изъ К. въ Л. и въ Л. конвойные повели арестанта Г. въ тюрьму, а въ управленіи Л. уѣзднаго воинскаго начальника остались не вродѣ арестанты, и одинъ изъ нихъ скрылся; Л. уѣздный воинскій начальникъ, видя по попутному списку, выданному Кут. уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ, что всѣ 4 означены важными арестантами, которые должны быть препровождены закованными, забилъ тревогу; желая всю вину свалить на К. уѣзднаго воинскаго начальника, пишетъ ему грозный запросъ, отчего арестанты доставлены безъ наручниковъ, отчего малъ конвой, и заключаетъ, что арестантъ бѣжалъ отъ того, что всѣ были безъ наручниковъ. К. уѣздный воинскій начальникъ, испугавшись, съ своей стороны сваливаетъ вину на конвой и на Л. уѣзднаго воинскаго начальника, и пишетъ, а послѣ показываетъ слѣдователю, что конвою было приказано заковать всѣхъ арестантовъ, что былъ еще третій конвойный;

что говорилъ это ему его писарь У., а ужъ если писарь сказалъ, то значитъ вѣрно, и если арестанты были не закованы, если третьяго конвойнаго, назначеннаго самимъ К. начальникомъ, М. прогналъ изъ конвоя, если конвой пришелъ въ Л. поздно, то значитъ арестантъ умышленно былъ выпущенъ; къ тому же конвойные, приходящіе изъ Л. всегда пьяны, почему совѣтовалъ Л. начальству быть построже со своими подчиненными. Изъ слѣдствія было видно, что все это напраслина, и вернулъ помощникъ прокурора слѣдствіе для дослѣдованія, и оказалось, что самъ К. начальникъ долженъ былъ отступиться отъ своихъ обвиненій. К. уѣздный воинскій начальникъ, поправляясь во вторичномъ показаніи, долженъ былъ сонаться, что попутный списокъ, въ которомъ было сказано, что всѣ арестанты должны быть закованы, подписанный имъ, К. начальникомъ, составленъ ошибочно его писаремъ У., только одинъ арестантъ долженъ былъ быть закованъ; и что онъ, Кут. начальникъ, только о немъ и сдѣлалъ распоряженіе, что дѣйствительно фельдфебель Г. и заковалъ этого одного. Но и это оказалось ложнымъ. Писарь У. показалъ, что фельдфебель Г. въ день отправленія вовсе и въ К. не былъ, къ конвою не приходилъ, и слѣдовательно арестантъ не могъ быть имъ закованъ, самъ У. заковывать кого бы то ни было не приказывалъ, и объ этомъ К. начальнику ничего не говорилъ. Оказалось, что К. уѣздный воинскій начальникъ третьяго конвойнаго не назначалъ, что всѣ, что показывалъ К. начальникъ была сущая неправда. И такимъ образомъ слѣдствіе спасло М. отъ суда, доказало несправедливость обвиненій, заявленныхъ К. начальникомъ, и что эти показанія были завѣдомо несправедливы.

Мы упоминали уже о дѣлѣ офицера Т. и унтеръ-офицера П., обвинявшихся въ несоблюденіи общихъ обязанностей караульной службы, здѣсь разскажемъ слѣдующій эпизодъ этого дѣла. При слѣдственномъ производствѣ оказались двѣ инструкціи, изданныя будто бы комендантскимъ управленіемъ города К., для руководства занимавшихъ

караулы въ тюрьмѣ. Въ одной инструкціи было 17 §§; въ другой, къ этимъ 17 §§, былъ прибавленъ еще 18-й. Въ 18 §, излагалось именно то правило, въ нарушеніи котораго обвиненіе, между прочимъ, видѣло несоблюденіе Т. особыхъ обязанностей службы въ карауле; между тѣмъ на судѣ обвиняемый и свидѣтели офицеры единогласно показали, что въ караульной комнатѣ тюрьмы висѣла постоянно та инструкція, въ которой было всего 17 §§; являлся вопросъ, какъ же попала эта инструкція съ 18 §§ въ дѣло, почему офицеръ Т. обвинялся въ нарушеніи § 18? эта инструкція была подписана комендантствомъ, и выдавалась комендантствомъ за висѣвшую въ караульной комнатѣ тюрьмы до побѣга Д. и другихъ, и слѣдовательно за обязательную для Т.; но тогда чтоже значитъ, что при дѣлѣ была инструкція еще съ 17 §§ и что же значатъ единогласныя показанія офицеровъ свидѣтелей, бывавшихъ начальниками караула въ тюрьмѣ, о томъ, что въ караульной комнатѣ тюрьмы висѣла постоянно одна инструкціи съ 17 §§, что они знали только одну эту инструкцію. Защитникъ Т., вольный адвокатъ М., о которомъ мы уже говорили, ставилъ категорическій вопросъ, откуда попала въ дѣло инструкція съ 18 §§ и проводившій дѣло на судъ, прокуроръ Д., не далъ никакихъ объясненій. Очевидно, что инструкція съ 18 §§ была написана послѣ побѣга Д., за упускъ котораго судился Т., что начальству удалось ее втерѣть въ дѣло, чтобъ выставить свою дѣятельность съ похвальной стороны, предусмотрительною, причемъ оно не пожалѣло, что Т. могъ быть безвинно осужденъ. Судъ оправдалъ Т. въ обвиненіи, основанномъ на § 18, а начальство пеняло на судъ, что онъ оправдалъ виновнаго и тѣмъ нарушилъ интересы военной службы. Напомнимъ, что предварительное слѣдствіе по этому дѣлу, производилъ прокуроръ Ст. съ тѣми нарушеніями, о которыхъ мы говорили выше, въ своемъ мѣстѣ. Начальникъ, являясь въ роли судьи несправедливаго, невнимательнаго, не даетъ себѣ труда войдти въ оцѣнку всѣхъ обстоятельствъ дѣла, осуждаетъ огуломъ, разбирая дѣло, не ограничивается его сущ-

ностью, а вдается въ массу посторонностей, эти посторонности, вытекающія изъ частныхъ отношеній, и служатъ главнымъ матеріаломъ для начальническаго приговора; ничѣмъ не подтвержденные слухи, сплетни, гораздо больше имѣютъ значенія, чѣмъ что нибудь доказанное, начальство вѣритъ своему впечатлѣнію и только. Отъ того приговоры судовъ всегда почти лучше начальническихъ рѣшеній. Случалось, что изъ нѣсколькихъ участниковъ, одни предавались суду, другіе, менѣе виновные, получали воздаяніе изъ рукъ начальства. Преданныхъ суду оправдывали, а начальство своихъ кліентовъ, менѣе виновныхъ, наказывало (дѣло гвард. ар. Б.). Начальство, если обвиняемыхъ нѣсколько, безсильное разобрать участіе каждаго, обыкновенно всѣхъ одинаково обвиняетъ.

Начальство вовсе не заботится о томъ, чтобъ поступать справедливо, начальству нужны наказанія, и наказанія строгія, въ этомъ оно понимаетъ интересы военной службы. Хотя бы человѣкъ былъ и невиновенъ, но начальству нуженъ примѣръ въ наказаніи, въ строгомъ наказаніи.

Возникло обвиненіе на лазаретнаго служителя В. въ томъ, что онъ показалъ языкъ доктору, во время исполненія послѣднимъ обязанностей службы; предварительное слѣдствіе выяснило, что обвиненіе это неосновательно, что скорѣе можно было думать, что докторъ страдалъ галлюцинаціями, и потому прокуроръ предложилъ полковому командиру Ц. (изъ офицеровъ генеральнаго штаба) прекратить дѣло. Въ заключеніи прокурора обстоятельно было изложено, что самаго факта оскорбленія не существовало. Полковой командиръ согласился съ заключеніемъ прокурора и выразилъ это слѣдующей резолюціей, на поляхъ заключенія: «съ мнѣніемъ прокурора согласенъ, но чтобъ на будущее время такихъ дѣлъ не было, арестовать В. на 10 дней». Спрашивается, въ чемъ же тогда командиръ полка согласился съ прокуроромъ? Вѣдь прокуроръ утверждалъ, что ничего не было, что самаго факта преступленія не было, и если командиръ полка съ этимъ

согласился, то въ чемъ же виноватъ В., за что его наказывать? Вѣрно зналъ командиръ, что дѣлалъ, вѣрно онъ разсуждалъ, что интересы военной службы выше интересовъ справедливости и правосудія.

Съ другой стороны человѣкъ очевидно, ясно виноватъ, виноватъ въ тяжкомъ преступленіи, въ покушеніи на убійство, но что же значатъ интересы правды и справедливости въ сравненіи съ интересами службы; человѣкъ виноватъ, но онъ лихой офицеръ, онъ защищалъ проблематическую честь мундира, и сыпятся за него ходатайства, каторга замѣняется разжалованіемъ: дѣла К-ва, П-ва. Обвинялся Я. въ убійствѣ, и начальникъ дивизіи дѣлаетъ отчаянныя, незаконныя усилія, чтобъ вырвать Я. изъ рукъ правосудія. О человѣкѣ вносится въ судъ обвинительный актъ, а начальникъ дивизіи пишетъ прокурору, что полкъ идетъ на войну, нельзя ли освободить Я. отъ суда и содержанія подъ арестомъ, пріостановить дѣло; судить всегда будетъ время, послѣ войны можно будетъ продолжать процессъ, а въ данный моментъ отечество нуждается въ храбрыхъ защитникахъ. Но едва ли это такъ; едва ли отечество нуждается, чтобъ его защищали руки, обагренные преступно пролитою кровью. Пора забыть о томъ времени, когда арестанты выкупали свою жизнь сражаясь на поляхъ битвъ; пора помнить, что лишенныхъ правъ не принимаютъ въ военную службу, или изъ нея ихъ исключаютъ. Начальникъ дивизіи ходатайствовалъ за Я. конечно въ разсчетѣ, что будетъ война, герой отличиться, все будетъ прощено; но въ чемъ ручательство, что герой окажется дѣйствительнымъ героемъ, а не увѣнчается только дешевыми, или поддѣльными лаврами.

Что въ нашей военной службѣ строгость наказаній играетъ важную роль, на это указываетъ духъ нашего закона; дѣйствительно, подъ большинствомъ статей XXII св. воен. пост., стоятъ крайне строгія наказанія. За многія преступленія, за которыми остается еще много стадій, которыя должна была бы пройдти злая воля, преступная рѣшимость, чтобъ достигнуть предѣла, за которымъ некуда уже идти

злой волѣ, за которымъ не можетъ уже быть болѣе потрясающаго, болѣе ужасающаго матеріальнаго вреда, но за эти, сравнительно ничтожныя, преступленія, законъ нашъ назначаетъ наказанія, далѣе которыхъ идти нельзя. Оскорбленіе начальника дѣйствіемъ *при исполненіи имъ обязанностей службы*, то есть *всегда*, по значенію приданному практикою этому выраженію, облагается нашимъ закономъ каторжной работой безъ срока, то есть высшимъ уголовнымъ наказаніемъ какое только извѣстно нашему закону, и которому *можетъ* подтвергнуться и самое отвратительное жестокое убійство того же начальника.

Въ виду такихъ законовъ, начальники, всегда болѣе или менѣе, такъ или иначе, заинтересованные въ дѣлѣ, требуютъ отъ судовъ безсмысленной строгости; въ этомъ полагаютъ начальники интересы военной службы. Такъ мы знаемъ, что по дѣлу писаря Н., оскорбившаго офицера Г. дѣйствіемъ, послѣ того какъ Г. напомнилъ ему что онъ офицеръ, слѣдовательно при исполненіи обязанностей службы, продолжавшаго бить Г., послѣ того какъ самъ получилъ отъ него удары, и въ концѣ-концовъ добровольно оставившаго Г., не причинивши ему ни малѣйшихъ поврежденій, главный военный судъ нашелъ, что военный судъ, назначивши Н. каторжную работу на 14 лѣтъ, отнесся къ нему снисходительно и тѣмъ нарушилъ интересы военной службы.

Мы уже говорили о проэктѣ Щербакова относительно таможенной стражи. Щербаковъ ратуетъ о пользахъ пограничной службы; но чѣмъ же онъ думаетъ удовлетворить этимъ интересамъ, какъ онъ думаетъ достигнуть обезпеченія этихъ интересовъ? Усиленіемъ строгости наказаній; онъ предлагаетъ ввести немыслимыя, нелѣпыя юридическія положенія, фикціи принимать за дѣйствительность, и всего этого можно достигнуть, все это, онъ думаетъ, навязать служащимъ въ пограничной стражѣ, чѣмъ же? Усиленіемъ строгости наказаній. Ради достиженія строгости наказанія въ судахъ искажаются понятія

о преступленіи, и цѣль преступленія считается не имѣющею никакого значенія, искажается понятіе часоваго.....

И такъ думаемъ, что мы доказали, что интересы военной службы, суть личные интересы начальниковъ; но пойдемъ далѣе.

Сама военная служба считается, собственно говоря, службою у частнаго лица. Вы можете быть дурнымъ, неспособнымъ, неумѣлымъ служакой у одного начальника и хорошимъ, превосходнымъ, у другаго начальника. Вы въ дурныхъ личныхъ отношеніяхъ къ начальнику и вамъ говорятъ: «вы должны перейдти въ другую часть войскъ, тамъ вамъ, можетъ быть, удастся устроить хорошо личныя отношенія къ начальнику и вы будете хорошій службистъ». Вездѣ и все рѣшаютъ всякаго рода протекціи. О томъ, что несутъ службу Его Величества, вспоминаютъ только тогда, когда рапортуютъ о болѣзни; тогда только пишутъ: «службу Его Величества нести не могу». Нѣкто С. имѣлъ столкновеніе съ эскадроннымъ командиромъ и полковой командиръ Д., видя правоту С., но расположенный къ эскадронному командиру, желая, какъ нибудь, уладить дѣло, прямо предложилъ С. перевести его въ другой эскадронъ, на томъ основаніи, что послѣ столкновенія съ эскадроннымъ командиромъ, нельзя оставаться въ прежнемъ эскадронѣ; на замѣчаніе С., что переводъ не нуженъ, такъ какъ С. служитъ не эскадронному командиру, но несетъ службу Его Величества, что эскадронному командиру слѣдуетъ нести службу по закону и тогда все пойдетъ хорошо, полковой командиръ поставилъ въ примѣръ, что если онъ столкнется съ начальникомъ дивизіи, то конечно долженъ будетъ покинуть службу въ дивизіи. Таковы порядки; но сколько лицемѣрія вмѣстѣ съ тѣмъ. Если человѣкъ не имѣющій протекціи, имѣющій за собою только право на службу, является къ начальнику и просить его о переводѣ, или о назначеніи куда нибудь, ему отвѣтятъ: извините, я перевожу туда только за особенныя заслуги. Можно понять какое вліяніе производитъ подобное лицемѣріе на тѣхъ, кому отлично извѣст-

но, что туда, куда они желаютъ перейдти, на способности не смотрятъ, что туда попадаютъ на мѣста темными путями. Оттого нигдѣ вы не встрѣтите, чтобъ отличія, награды, или служба въ извѣстномъ мѣстѣ пользовались-бы уваженіемъ, авторитетомъ; различные успѣхи по службѣ вызываютъ зависть, сожалѣніе, злобу, но никогда ни одного хорошаго чувства. Какихъ усилій не дѣлали для того, чтобы ввести въ армію внѣшніе признаки того уваженія, которое младшіе должны питать къ старшимъ, но эти усилія разбились о равнодушіе, и молчное противодѣйствіе младшихъ. Младшій въ возвышеніи старшаго не видѣтъ доказательствъ дѣйствительнаго достоинства и потому не можетъ уважать старшаго. Въ одномъ спеціальномъ вѣдомствѣ, служащій просилъ самаго старшаго о переводѣ его въ лучшій городъ, и этотъ самый старшій отвѣтилъ ему, что такой переводъ можетъ состояться только за особенные заслуги; какой ироніей звучали эти слова въ устахъ самаго старшаго, который самъ-то попалъ въ спеціальное вѣдомство контрабаднымъ путемъ, вопреки всѣхъ законныхъ правилъ для вступающихъ въ спеціальное вѣдомство, съ открытымъ нарушеніемъ такихъ правилъ. *«За особенныя заслуги»*—сколько иронiи въ этихъ словахъ; особенныя заслуги! кто ихъ знаетъ, кто ихъ хочетъ знать, кто ихъ вызываетъ, кому онѣ пріятны, что это за особенныя заслуги? чьи заслуги? женъ или дочерей? на чью пользу? На пользу бога Ваала? произвола, угнетенія.

Многіе громкіе процессы реформированнаго суда показали, что интересы военной службы всегда понимаются начальствомъ въ смыслѣ своихъ собственныхъ. Таковъ громкій процессъ Р. и Б. Такъ мы видѣли полковаго командира Д., который былъ чрезвычайно какъ недоволенъ Б., отличнымъ, по отзывамъ всѣхъ, офицеромъ, за то что по переводѣ его въ полкъ, которымъ командовалъ Д., Б. сталъ выше сына полковаго командира; сторону полковаго командира, его интересы личные принимаютъ близко къ сердцу нѣсколько безнравственныхъ господъ, которые, разсчитывая оказать услугу пол-

ковому командиру и тѣмъ выиграть для себя лично, стараются выжить Б. изъ полка; ему устраиваютъ скандалъ; онъ въ скандалѣ ничѣмъ неповиненъ, но собирается судъ общества офицеровъ, выражаетъ порицаніе Б., который спѣшитъ удалиться изъ полка, и ваканція очищена. Удаленіе Б. изъ полка какъ будто требовалось для пользы военной службы, тогда какъ кромѣ личныхъ интересовъ тутъ ничего не было. Спустя годъ или два Б. поступаетъ на службу въ другой полкъ и тамъ въ полковомъ командирѣ встрѣчаетъ своего бывшаго лицепріятнаго судью суда общества офицеровъ Р. Б. и здѣсь дѣлается очевидцемъ низкихъ интригъ съ цѣлью удаленія изъ полка различныхъ личностей, занимавшихъ доходныя должности, для очищенія вакансій интриганамъ, возмущается подлостями и становится въ оппозицію, но проигрываетъ дѣло, такъ какъ интриганы опираются на службу, на ея будто бы интересы, на дисциплину, на власть полковаго командира и при помощи всѣхъ этихъ пружинъ имъ удается удалить Б. изъ полка. Сила интригановъ такъ велика, что управы на нихъ нигдѣ не находится; всюду личныя страсти отождествляютъ со службой и Б., волей-неволей, обращается къ самосуду и выходитъ оскорбленіе младшимъ личности старшаго. Б. предаютъ суду; на судѣ стараются замять своекорыстныя мотивы, безнравственные расчеты, съ которыми Б. долженъ былъ бороться, пошлости совершенно частнаго характера отождествляютъ съ интересами военной службы, и Б. осужденъ.

Б., прежде чѣмъ обратиться къ самосуду обращается къ дуэли; вызываетъ командира полка на дуэль по причинамъ совершенно частнымъ, не служебнымъ; противъ Б. является на судѣ обвиненіе въ вызовѣ начальника на дуэль по частнымъ, не служебнымъ мотивамъ; законъ допускаетъ возможность дуэли между подчиненнымъ и начальникомъ изъ-за частныхъ поводовъ, но на судѣ въ лицѣ свидѣтеля является представитель взглядовъ, что интересы начальства суть интересы военной службы, полковникъ генеральнаго штаба Бек., и го-

рячо передъ судомъ, съ видомъ непогрѣшимости, торжественно заявляетъ, что никакой частной дуэли между начальникомъ и подчиненнымъ быть не можетъ, что частные интересы начальника совершенно отождествляются съ интересами службы, что того требуютъ интересы военной службы. Бек. не подозрѣвалъ своего фальшиваго положенія; онъ являлся защитникомъ будто бы закона, публичнаго интереса въ такомъ вопросѣ, въ которомъ самъ законъ призналъ себя не заинтересованнымъ, не видитъ публичнаго интереса.

Полковой командиръ принимаетъ полкъ, начальникъ дивизіи дурно рекомендуетъ ему маіора того полка; прокомандовавъ нѣкоторое время полкомъ, командиръ убѣдился въ непригодности маіора и не представилъ его къ наградѣ; начальникъ дивизіи Гер. требуетъ однако, чтобъ полковой командиръ С. представилъ маіора къ наградѣ; полковой командиръ съ этимъ не соглашается, но начальникъ дивизіи заставляетъ полковаго командира исполнить свою волю. Такимъ образомъ маіоръ успѣлъ вымолить милость, успѣлъ понравиться начальнику дивизіи, не службой конечно, а угодивъ его личнымъ вкусамъ и значитъ личные вкусы начальника и интересы военной службы все равно.

Маіоръ М. давно командовалъ баталіономъ въ полку, но начальнику дивизіи г. Д. хочется очистить ваканцію баталіоннаго командира для своего фаворита маіора Л., за какія услуги? Маіоръ Л. зналъ, что служба пустяки, нужно только умѣть понравиться начальнику, и вотъ Л. учитъ сына г. Д., ѣздитъ съ нимъ верхомъ, катается съ нимъ, исполняя роль лакея, сторожитъ квартиру г. Д., исполняетъ его порученія, вездѣ на посылкахъ, одѣвается щеголемъ, танцуетъ по приказанію начальника дивизіи, веселитъ, развлекаетъ общество, похвалы его превосходительству не сходятъ съ его устъ, и эти качества дѣлаютъ изъ презрѣннаго человѣка хорошаго офицера, пользы службы будто бы требуютъ того, чтобъ ему былъ данъ баталіонъ, и г. Д. при помощи командира полка Ц. (изъ генеральнаго штаба) дѣ-

лаетъ изъ М. сумасшедшаго и баталіонъ передается Л.; но можетъ ли Л. быть хорошимъ баталіоннымъ командиромъ? конечно нѣтъ; купивъ свое возвышеніе униженіемъ передъ начальникомъ дивизіи, онъ вознаграждаетъ себя тѣмъ, что беретъ мзду съ подчиненныхъ. Онъ съ ними играетъ въ карты, обыгрываетъ ихъ, пьетъ на ихъ счетъ, устраиваетъ пародіи на Афинскія ночи и въ свой чередъ протежируетъ такимъ, которые ему полезны, выпрашиваетъ, чтобъ одному изъ его утѣшителей ш. к. Т. дали роту въ его баталіонѣ; но затѣмъ вскорѣ подлитъ противъ Т., на него же наговариваетъ полковому командиру. Наконецъ протежируемый Л., Т. ему не угодилъ окончательно; истощились-ли у него деньги, или онъ не уступилъ при дележкѣ чего либо, только отношенія мѣняются. Маіоръ Л. становится придирчивъ, Т. не можетъ попасть ему въ тактъ, потому что безспорно самъ непорядоченъ, да кромѣ того всегда трудновато оріентироваться въ новомъ положеніи. Между Т. и Л. происходятъ рѣзкія объясненія; одинъ передаетъ своимъ товарищамъ, что маіоръ ему сказалъ, что онъ нечестно относится къ службѣ, маіоръ же утверждалъ, что употребилъ только слово недобросовѣстно. Т. отъ маіора Л. при офицерахъ требуетъ извиненія; Л. прикрывается дисциплиной, является во всеоружіи начальническихъ правъ, требуетъ отъ Т. внѣшнихъ знаковъ почитанія, какъ начальнику, говоритъ что Т. отъ него никакихъ объясненій требовать не можетъ, какъ отъ начальника. Т., не долго думая, обругалъ маіора Л. подлецомъ; но кого онъ обругалъ? человѣка уже давно и не одинъ разъ вынесшаго подобную ругань отъ другихъ. Происходитъ судъ надъ Т. и на судѣ предсѣдатель, помнящій приказъ, чтобъ предсѣдатели не дозволяли касаться обстоятельствъ не относящихся къ дѣлу, чтобъ не допускали ничего нарушающаго интересы военной службы, колеблющаго авторитетъ начальства, не допускаетъ на судѣ выясненія вопросовъ о томъ, откуда и какъ пошло дѣло, кто былъ обруганъ: личность-ли безупречная, или, напротивъ, развращенная до мозга костей, блюдущая-ли

истинные интересы военной службы или же топчащая ихъ въ грязь, какъ велико было посягательство Т., какъ велика была злая воля обвинявшагося. Все это остается въ тѣни; корень зла не раскрытъ, корень этотъ будетъ существовать, порождать преступленія; нравственный порядокъ не возстановленъ, интересы военной службы поправы въ своихъ основахъ, наказанъ только тотъ, кто былъ натолкнутъ на преступленіе, у кого накипѣвшее горе прорвалось, кто явился жалкой игрушкой въ рукахъ безнравственности, но за то авторитетъ, нравственная чистота власть имущаго, будто-бы, остались на должной высотѣ. Интересъ службы поддержанъ; но на долго-ли? на долго-ли такая внѣшняя справедливость будетъ въ состояніи удерживать все въ повиновеніи; долго-ли можно будетъ носить маску? Все это вопросы будущаго, а могутъ-ли эти близорукіе, живущіе изо дня на день, начальники, заниматься такими вопросами. А между тѣмъ что же это такое? развѣ это не старое крѣпостничество, развѣ это не торжество личныхъ интересовъ, развѣ это не ученіе о существованіи массы, всего, на пользу личности; развѣ подчиненные не тѣже крѣпостные, которые должны были работать на личность. Да интересы военной службы очевидно сливаются съ интересами личности. Все, вся служба принаровлена къ выгодамъ личности, къ безнаказанности личности. Вмѣсто того, чтобъ обратить вниманіе что причина нарушеній дисциплины лежитъ въ неправдѣ, вмѣсто того, чтобъ понять, что наказаніями нельзя остановить преступленій, что при отсутствіи правосудія люди поневолѣ обращаются къ самосуду, на всѣ злоупотребленія, возмутительныя безправія набрасываютъ покрывало, сотканное изъ возмутительныхъ представленій о дисциплинѣ и поддерживаютъ безправіе.

Взглядъ, что служба военная есть служба личностямъ, начальству, что интересы военные суть личные интересы начальства, интересы корпорацій, полковыхъ обществъ офицеровъ, поддерживается не однимъ начальствомъ, но всѣми вообще офицерами, цѣлымъ

составомъ общества офицеровъ. Общества офицеровъ съ ихъ узкими взглядами, узкими интересами, низменными цѣлями для жизни, совершенно оторванныя отъ гражданскаго общества, чуждыя всѣхъ справедливыхъ принциповъ, общихъ возвышенныхъ идей, съ охотою пользуется правами предоставленными имъ закономъ въ судѣ общества офицеровъ и давятъ все лучшее, все оригинальное, все энергическое, добросовѣстное, все что возвышается надъ уровнемъ. Вещь давно извѣстная — люди неохотно теряютъ привилегіи: кто же, какъ бы не былъ онъ глупъ и подлъ, охотно будетъ отдавать преимущество надъ собою кому бы то ни было; чье нибудь преимущество признается только подъ гнетомъ обстоятельствъ, по принужденію, тогда когда въ этомъ преимуществѣ нуждаются. Лучшіе люди тамъ только могутъ занимать принадлежащее имъ мѣсто, гдѣ идетъ дѣятельная борьба за существованіе, гдѣ члены общества чувствуютъ солидарность интересовъ, гдѣ всѣ понимаютъ, что частные интересы выигрываютъ или теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выигрываютъ или теряютъ всѣ члены общества и каждый въ отдѣльности; отдѣльныя личности могутъ получать справедливую оцѣнку тамъ, гдѣ общество прогрессируетъ, гдѣ происходитъ борьба, но не тамъ, гдѣ оно представляетъ изъ себя стоячее болото. Въ способныхъ людяхъ нуждаются, ихъ цѣнятъ, ихъ выдвигаютъ въ обществахъ свободныхъ, обществахъ раздѣленныхъ на партіи, тамъ знаютъ, что приложеніе способностей лучшихъ людей идетъ на пользу всего общества, всей партіи. Не можетъ партія не обращаться къ лучшимъ людямъ, если противная партія, выставивъ своихъ способныхъ людей, не встрѣчая соперниковъ, направитъ всѣ интересы въ своихъ видахъ и намѣреніяхъ. Не таково общество офицеровъ: общество офицеровъ не обладаетъ самостоятельностью, не ему принадлежитъ исканіе лучшихъ путей, лучшихъ цѣлей; за него все придумано, все обезпечено, все разсчитано, ему не съ кѣмъ бороться, его положеніе заключено въ извѣстную рамку, есть кому заботиться объ его цѣлости; способные,

оригинальные люди способны только разстроить тотъ мертвенный порядокъ, въ которомъ это общество идетъ къ несознаннымъ, невѣдомымъ, внѣ его стоящимъ цѣлямъ, отъ него только требуютъ безусловнаго повиновенія; рутину, неподвижность, приниженіе личнаго характера, вотъ что изъ себя представляетъ общество офицеровъ. Общество не нуждается въ способныхъ людяхъ, они для него лишніе; каждый отдѣльный членъ общества чувствуетъ въ присутствіи способныхъ свое собственное ничтожество, и не въ состояніи пользоваться тѣми выгодами, которыя могли бы проистекать отъ способнаго, его дѣятельности; такая дѣятельность невозможна; ее нужно искать на сторонѣ; кто остается въ обществѣ, тотъ значитъ не способенъ къ самостоятельной дѣятельности, не способенъ существовать среди свободной борьбы за существованіе; его отдѣльное существованіе возможно только подъ покровительствомъ привилегій принадлежащихъ корпораціи. Каждый офицеръ знаетъ только личныя выгоды, только онѣ составляютъ перемѣнную величину въ суммѣ благъ, которыми онъ пользуется, другое слагаемое — общественный строй, лежитъ внѣ сферы личной дѣятельности офицера, внѣ его воли, желанія, представляетъ величину постоянную. Только личныя потребности чувствуетъ офицеръ, въ общественной жизни онъ не участвуетъ. Полученіе наградъ, пріобрѣтеніе выгодъ безъ заслугъ, а тѣмъ болѣе легкимъ путемъ, путемъ интригъ, вотъ что руководитъ отдѣльными, разрозненными, раздробленными личностями; способные люди могутъ только мѣшать отдѣльнымъ личностямъ; гораздо лучше лежать въ грязи, утопать въ ней глубже и глубже, не слыша указаній на эту грязь; гораздо лучше спать непробуднымъ сномъ; спать — такъ сладко, такъ легко, и конечно тотъ, кто захотѣлъ бы нарушить этотъ сонъ, не можетъ разсчитывать на симпатію спящихъ. Оттого-то мы и видимъ, что общество офицеровъ такъ охотно идетъ за своими командирами въ преслѣдованіи лучшихъ людей, въ изгнаніи людей, которые мѣшаютъ начальникамъ преслѣдовать только личные свои ин-

тересы. Судебная практика, гласность выдвинула много дѣлъ, въ которыхъ все сказанное отражается какъ въ зеркалѣ; въ этомъ не малая заслуга гласнаго военнаго суда, и противъ него могутъ возставать только люди, преслѣдующіе тайныя цѣли, интересы, не могущіе держаться при полномъ свѣтѣ. Какъ безъ суда присяжныхъ не было-бы процессовъ Овсянникова, Гулакъ-Артемовской, игумены Митрофаніи, Юханцева и т. п., такъ безъ суда военнаго, хотя и дѣйствующаго въ болѣе скромномъ кругу, никто не зналъ бы о дѣлахъ Квитницкаго, Бланка, Салтыкова, Бехтѣева, Яковлева, Доброхотова Буша, Интендантскихъ.

Мы знаемъ, что К. былъ удаленъ изъ своей части судомъ общества офицеровъ, по поводамъ самымъ невѣроятнымъ, самымъ невозможнымъ, но въ сущности потому что цѣлою головою былъ выше окружающихъ его; Б. начавшій свою карьеру довольно удачно принужденъ былъ уйдти изъ полка, потому-что заграждалъ производство сыну командиру полка, обладалъ высшимъ образованіемъ чѣмъ другіе; въ другомъ полку стремленіе того-же Б., противудѣйствовать стараніямъ клики захватить всѣ лучшія мѣста, вообще отвращеніе его отъ окружавшей его гадости тоже кончились тѣмъ, что по суду общества офицеровъ онъ долженъ былъ выйдти изъ полка. Затѣмъ мы знаемъ по третьему изъ упомянутыхъ дѣлъ, что полковой командиръ Б., не благоволя изъ за личностей къ своему офицеру, чтобъ избавиться отъ него воспользовался готовностью офицеровъ удалить всякаго старшаго въ чинѣ, чтобъ ускорить производство, и въ отсутствіи преслѣдуемаго собралъ незаконный судъ изъ офицеровъ младшихъ его, которые съ удовольствіемъ порѣшили исключить офицера. Точно также и Д., о которомъ мы уже говорили, приговоренъ былъ судомъ общества офицеровъ для того, чтобъ избавиться отъ человѣка, который указывалъ имъ на ихъ гадости, и который былъ неугоденъ начальству. И что обращаетъ на себя вниманіе, какая черта обща всѣмъ этимъ судамъ общества офицеровъ: ихъ беззаконность, вопіющее нарушеніе всякихъ гарантій

справедливости. Вездѣ офицеры собираются внезапно, не въ достаточномъ количествѣ, не въ законномъ составѣ, судъ общества офицеровъ не выслушиваетъ обвиняемыхъ, утаиваетъ отъ обвиняемыхъ, возникшія противъ нихъ обвиненія, потому что обвинители или не умѣютъ, или не рѣшаются формулировать ихъ, такъ они несправедливы, нелѣпы; рѣшенія постановляются раньше чѣмъ дѣло изслѣдовано, рѣшеній ихъ никто не понимаетъ, и когда требуется разъясненіе, то оказывается, что рѣшеній не понимаютъ и сами постановившіе ихъ; рѣшеній не умѣютъ объявить, и не имѣютъ возможности привести ихъ въ исполненіе; или рѣшенія постановляются намѣренно не ясныя, запутанныя, неопредѣленныя, служащія только для прикрытія интригъ; приговоры поражаютъ отсутствіемъ справедливости въ судахъ. Отъ того многія дѣла рѣшенныя судомъ общества офицеровъ, кончаются судомъ Линча (Дѣла Квитницкаго, Бланка, въ полку Бехтѣева). Чувство законности чуждо военнымъ сферамъ; прежде всего законы никому невѣдомы; толковать законы берутся органы и власти къ тому не призванные—главный штабъ, какъ мы тому приводили примѣры, и главное военно-судное управленіе. Мы видѣли, что главный штабъ взялъ на себя такое толкованіе, которое было-бы возможно только въ законодательномъ порядкѣ; закономъ, положимъ, опредѣлено, чтобъ на извѣстныя должности поступали люди съ извѣстнымъ юридическимъ образованіемъ и прослужившіе и практиковавшіе извѣстное число лѣтъ въ извѣстныхъ должностяхъ, для такой-то должности 4 года, для такой-то 6 лѣтъ, 8 лѣтъ и наконецъ 12 лѣтъ, и вдругъ на должность назначаютъ лицо вовсе не имѣющее юридическаго образованія, не практиковавшее ни одного дня; можно не сомнѣваться, что такое лицо конечно въ своей практикѣ не будетъ держаться закона, что законъ ему всегда будетъ колоть глаза; что законность ему всегда будетъ упрекомъ; немудрено послѣ того, что если кто нибудь предпринимаетъ что либо, разсчитывая на законъ, ему предсказываютъ неудачу, потому, говорятъ, что за-

конъ своимъ чередомъ, а дѣйствительность своимъ чередомъ; грустно такое положеніе, но этого нельзя никогда забыть, такова дѣйствительность. Военные судьи по закону имѣютъ право каникулярнаго времени, которое они назначаютъ по своему усмотрѣнію, по опредѣленію распорядительнаго засѣданія и вдругъ въ судахъ получается министерское распоряженіе, чтобъ судьи не смѣли-бы своевольничать, чтобъ каникулы назначались въ то время, какое укажетъ командующій войсками въ округѣ. Предсѣдательствовавшій въ судѣ полковникъ Гаузенъ пишетъ военному министру письмо, въ которомъ напоминаетъ, что право каникулъ дано судьямъ закономъ, и что можетъ быть отмѣнено только закономъ, и надъ Гаузеномъ открываютъ дисциплинарное преслѣдованіе и главный военный судъ приговариваетъ его къ исключенію изъ службы. И такъ судья праведный, который долженъ знать одинъ законъ, за то, что хотѣлъ пользоваться закономъ, преслѣдуется.

Собралась коммисія въ Петербургъ для обсужденія способовъ путеваго дѣйствія; идутъ работы, а начальникъ округа издаетъ приказъ, отмѣняющій существующій законъ, и устанавливающій совершенно особенный способъ путеваго довольствія, будто-бы въ ожиданіи конца работъ коммисіи. Тутъ цѣлая коммисія работаетъ, а тамъ одно лицо отмѣняетъ законъ, и вводитъ свои усмотрѣнія, которыя, какъ оказалось, прямо шли въ разрѣзъ того, что предположила коммисія, существуетъ законъ, удовлетворителенъ ли онъ или нѣтъ—это другой вопросъ, но нельзя отмѣнить его приказомъ; вспомнимъ, что мы говорили на 127 и др. страницахъ. Съ другой стороны откопаютъ гдѣ нибудь мертвую статью и оживляютъ ее приказомъ.

Мы характеризовали общество офицеровъ какъ эгоистическое, нетерпимое, мелкое, руководимое мелкими интересами; но скажутъ, это неправда; офицеры—это что-то рыцарское, что-то самоотверженное, что-то безкорыстное, товарищеское. Да, если вамъ угодно тѣшить себя иллюзіями. Какъ единицы составляющія офицерское общество, такъ и

цѣлыя общества основываютъ свои симпатіи и антипатіи на поводахъ, самыхъ недостойныхъ. Вы помогли кому нибудь сбыть лошадь со слабымъ, сломаннымъ хребтомъ, вы его другъ; вы съ негодованіемъ отнеслись къ этой аферѣ, вы врагъ и т. д. Между обществами артилерійскихъ, армейскихъ и гвардейскихъ офицеровъ существуетъ глухая, но сильная непріязнь; армеецъ всегда чувствуетъ свою какъ-бы низость передъ артилеристомъ и ненавидитъ его; на дѣлѣ армейца З., обвинявшагося въ покушеніи на убійство гвардейскаго артилериста С., мы наслышались громогласныхъ нескончаемыхъ заявленій З. о любви, преданности, удивленіи передъ высокимъ образованіемъ, умомъ С., но армеецъ чувствуетъ превосходство артилериста и скрытно ненавидитъ его, съ другой стороны артилеристъ чувствуетъ, ни на чемъ не основанное, впрочемъ, превосходство свое передъ армейцемъ и презираетъ его въ душѣ.

Какъ-то въ Подольской губерніи стояли лагеремъ нѣсколько баталіоновъ стрѣлковъ и артилерія. Военное министерство старалось объ устройствѣ общихъ столовыхъ для офицеровъ съ цѣлью матеріальныхъ облегченій, и вмѣстѣ съ тѣмъ для сближенія офицеровъ между собою, для доставленія имъ возможности саморазвитія, самоусовершенствованія. Въ столовую стрѣлковой бригады пришли артилеристы и сѣли за столъ одного изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ; офицеры этого баталіона Гемб., и другіе, по уходѣ артилеристовъ напустились на своего буфетчика С., какъ смѣлъ онъ пустить за свой столъ артилеристовъ, которые не умѣютъ вести себя, они вотъ и пиво пьютъ рюмками, и пролили пиво на скатерть. С. отвѣчалъ своимъ офицерамъ, что какъ солдатъ, какъ подчиненный не могъ не пустить офицеровъ; но офицеры научили С. говорить, желающимъ усѣсться за ихъ столъ, что гг. не позволяютъ, велѣли никого не пускать. Такъ и случилось; тогда офицеръ Д., завѣдывающій столовой другаго баталіона, услышавши невѣжливость С., противъ артилерискихъ офицеровъ, выругалъ С. и сказалъ, что

такого негодяя какъ С. онъ постарается выгнать вонъ изъ столовой. С., передалъ все офицерамъ своего баталіона, и одинъ изъ нихъ съ нѣмецкой фамиліей (ужъ такъ повелось, что въ стрѣлкахъ по преимуществу служатъ нѣмцы), сказалъ С. про Д. «онъ тебя не выгонитъ, а если выгонитъ, то пусть самъ намъ служитъ за столомъ»; С. похвасталъ этимъ передъ другими нижними чинами. Д. узналъ и вломился въ амбицію, напалъ на С., который, разсчитывая на поддержку своихъ офицеровъ, надѣлалъ дерзостей Д. И дѣйствительно, на предварительномъ слѣдствіи Гемб. и другіе офицеры поддерживали С., настаивали на томъ, что офицеровъ чужихъ частей нельзя пускать за столъ; Гемб. и другіе очернили на слѣдствіи Д., утверждали, что Д. своею безтактностью, неумѣніемъ себя держать, вызвалъ оскорбленіе со стороны С. Д. съ своей стороны обвинялъ своихъ антагонистовъ въ томъ, что они подучили С. надѣлать ему дерзостей, что онъ жаловался на С. подлежащему начальнику, но тотъ не обратилъ вниманія на жалобу. С., оскорбляя Д., своимъ крикомъ вызвалъ изъ палатки командира того баталіона, въ которомъ служилъ Д., полковника И. и И. велѣлъ арестовать С., но С. былъ выпущенъ изъ подъ ареста своимъ непосредственнымъ начальникомъ. Такъ вотъ какіе интересы раздѣляютъ нашихъ офицеровъ; офицеры, увлеченные мелкою непріязнью къ Д., употребили орудіемъ солдата, котораго предрасположили нарушить дисциплину, слѣдовательно настоящіе интересы военной службы принесли въ жертву своимъ мелкимъ страстишкамъ.

Полковникъ И. арестовалъ С., но ближайшій начальникъ С., младшій чиномъ И., выпускаетъ С., котораго И. встрѣтилъ на свободѣ и вновь арестовалъ; такъ вотъ она дисциплина—ею пренебрегаютъ для нужныхъ людей. Вездѣ, значитъ, видятъ интересы службы тамъ, гдѣ затронуты частные интересы.

Раздѣленіе на привилегированныхъ и на несчастненькихъ, такъ гармонизирующее съ крѣпостническимъ строемъ, держится и отра-

жается и на судѣ; держится, благодаря тому, что судьями являются тѣже самые офицеры, т. е. начальники настоящіе и въ будущемъ, и судъ военный является судомъ неравномѣрнымъ; военные судьи временные понимаютъ, что если они судятъ офицера, то судятъ въ будущемъ, косвенно, самихъ себя; они понимаютъ, что установленный прецедентъ можетъ быть приложенъ къ нимъ самимъ. Судятъ положимъ офицера, ротнаго командира, и на судѣ становится яснымъ, что ротный командиръ заставлялъ каптенармуса въ его счетѣ записывать такія вещи, которыхъ тотъ не покупалъ для роты; каптенармусъ возражалъ противъ такой записки, ротный командиръ избилъ его за это, что однако судъ не ставитъ ротному командиру въ вину; судьи говорятъ, что нижній чинъ долженъ безпрекословно слушаться ротнаго командира, потому что хозяиномъ во всемъ является ротный командиръ, а не каптернармусъ. Но случится вслѣдствіе такихъ подложныхъ приписокъ растрата, недостача вещей; кто является виноватымъ? кого садятъ на скамью подсудимыхъ? каптенармуса, а ротный командиръ въ сторонѣ. Дѣло К. и Гр., о которомъ мы говорили выше, между прочимъ состояло въ томъ, что Гр. требовалъ отъ К., чтобъ онъ въ своемъ счетѣ проставилъ 10 кв. керосина, тогда какъ ихъ было куплено всего 5; К. возражалъ и былъ избитъ Гр., который былъ за то преданъ по настоянію прокурора суду; судившіе же Гр. временные судьи оправдали его, говорили, что К. не смѣлъ возражать, такъ какъ хозяинъ въ ротѣ не онъ, а Гр., ротный командиръ. Солдатъ промоталъ свои сапоги, свою шинель, его ставятъ передъ судомъ и обвиняютъ такъ: при немъ нѣтъ штановъ, значитъ онъ промоталъ ихъ; если-же не промоталъ, такъ пусть докажетъ то. Относительно офицера обвиненіе ставится иначе; у офицера не хватаетъ денегъ, выданныхъ ему казною для извѣстнаго употребленія, судъ не признаетъ его виновнымъ въ растратѣ, пока обвиненіе не докажетъ, куда именно офицеръ деньги затратилъ, гдѣ, въ какомъ

именно трактирѣ, заведеніи оставилъ и т. п. Солдаты часто объясняютъ, что они, намѣреваясь бѣжать изъ полка, всѣ свои вещи оставили на кровати, въ цейхгаузѣ, но такія объясненія не достигаютъ цѣли; при солдатѣ вещей нѣтъ, слѣдовательно, онъ ихъ промоталъ, и только напр. представленіе росписки въ доказательство того, что передъ побѣгомъ вещи были оставлены солдатомъ въ ротѣ, спасло бы его отъ обвиненія. Такимъ положеніемъ дѣла пользуются другіе, и какъ товарищи берутъ въ свою пользу вещи, оставленныя бѣжавшими, также точно и каптенармусы пользуются вещами, числящимися за бѣжавшими и оставленными въ цейхгаузѣ, и потомъ утверждаютъ, что вещи снесены бѣжавшими. Фактъ общеизвѣстный; но мы знаемъ только одинъ случай въ судебной практикѣ, что такой фактъ былъ обнаруженъ на судѣ. Бѣжалъ солдатъ пѣхотнаго полка *Бухманъ* и оставилъ свою шинель на рукахъ у каптенармуса Федорова; Федоровъ показалъ въ отчетности, что Б. снесъ съ собою шинель; между тѣмъ Федоровъ былъ смѣненъ, и при пріемѣ отъ него цейхгауза оказалось, что шинель Бухмана на лицо въ цейхгаузѣ, не успѣлъ значитъ каптенармусъ припрятать шинель, и когда его уличили, онъ сталъ утверждать, что считалъ шинель своею, такъ какъ бѣжавшій, будто, оставилъ ему шинель за 2 руб.

Обвиненіе въ самовольной отлучкѣ для офицеровъ является шуточнымъ обвиненіемъ. Не явился офицеръ изъ отпуска и начинаетъ толковать, что былъ болѣнъ, между тѣмъ не представилъ документовъ, оправдывающихъ по закону неявку въ срокъ, и офицеры судьи вѣрятъ обвиняемому офицеру на слово; тогда какъ обвиненіе для солдата въ самовольной отлучкѣ роковое—онъ ничѣмъ отъ него не отобьется.

Является обвиняемымъ офицеръ, и у него является и защитникъ оплаченный, изъ тѣхъ же кандидатовъ на военно-судебныя должности, но оплаченный, а потому распинающійся за своего кліента; тотъ же защитникъ, если кліентъ солдатъ, поражаетъ васъ апатич-

нымъ отношеніемъ къ дѣлу. Возьмемъ напр. обвиненіе въ пьянствѣ; обвиняется въ пьянствѣ солдатъ; въ обвинительномъ актѣ вопросъ о пьянствѣ ставиться просто; такой-то, говоритъ обвинительный актъ, былъ тогда-то въ корчмѣ, пилъ тамъ водку, и этого достаточно для примѣненія къ нему 190 ст. XXIV св. воен. пост., а не то такъ и 191 ст., если только онъ былъ прежде наказанъ за тоже самое; никому, ни самому прокурору не придетъ въ голову чѣмъ нибудь еще доказывать обвиненіе, ни защитнику оспаривать фактъ и виновность кліента въ пьянствѣ, такъ онъ увѣренъ въ безполезности защиты. И въ самомъ дѣлѣ, въ военномъ вѣдомствѣ преслѣдуется самый фактъ употребленія водки, малѣйше опьяненное состояніе, такъ какъ это уже лишаетъ возможности исполнять обязанности службы, и называется пьянствомъ; служба, по понятію закона, и въ самомъ дѣлѣ, теряетъ при всякомъ употребленіи водки лицомъ исполняющимъ службу; слово пьянство такимъ образомъ въ отношеніи солдата пріобрѣтаетъ совершенно особенное значеніе; вовсе не нужно, чтобъ солдатъ пилъ водку часто, постоянно, бывалъ пьянъ неоднократно; одного факта употребленія водки, одинъ разъ, достаточно чтобъ солдатъ былъ наказанъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, какъ за пьянство; а затѣмъ если солдатъ пьетъ нѣсколько разъ, замѣчается пьянымъ употреблявшимъ водку во второй разъ, послѣ того, какъ разъ уже былъ наказанъ за употребленіе водки, тутъ уже является не пьянство просто, а рецидивъ, а повтореніе пьянства и примѣняется уже 191 ст. XXII; обвиняемый за этотъ второй разъ уже непремѣнно наказывается по суду, затѣмъ, если наказанный по суду пьетъ водку въ третій разъ, онъ опять наказывается высшимъ судомъ и очень строго по 2 ч. 191 ст. Такъ что собственно понятіе пьянства, которое имѣется въ общемъ сознаніи, то есть неоднократное употребленіе водки, по воинскому уставу является высшею ступенью преступности, рецидивомъ, наказывается строго по суду. Такова практика военно-уголовнаго суда въ отношеніи солдатъ; какъ только же является на

скамьѣ подсудимыхъ офицеръ, обвиняемый въ пьянствѣ, зрѣлище мѣняется. Защитникомъ является тотъ же кандидатъ, но оплаченный обвиняемымъ, и тотъ же самый кандидатъ, защищая солдата, и не думалъ препираться съ прокуроромъ по вопросу что такое пьянство, явясь же защитникомъ офицера, напрягаетъ всѣ силы своего умишка, чтобы доказать, что то, что его кліентъ пилъ водку, былъ пьянъ, какъ показываютъ свидѣтели, не можетъ быть названо, не можетъ почитаться пьянствомъ. Защитникъ смотритъ на временныхъ судей, видитъ одобряющія ихъ мины, «дерзай», какъ бы говорятъ защитнику эти мины, «твои рѣчи намъ пріятны», и защитникъ на всѣхъ парусахъ несется доказывать мысль, что пьянство только тогда можетъ быть доказано, когда человѣкъ пилъ водку неоднократно, пилъ водку каждый разъ до опьяненія, до безчувствія и т. д., что нельзя карать за то, что человѣкъ одинъ разъ пилъ водку; мало ли кто, проповѣдуетъ защитникъ, въ кругу веселыхъ товарищей не выпиваетъ лишняго, но это не составляетъ пьянства, иначе пришлось бы всѣхъ потянуть на скамью подсудимыхъ, всѣхъ назвать пьяницами и т. д. Такія умныя рѣчи можно было бы похвалить, еслибъ только не одно; еслибъ и солдаты пользовались бы такими защитами, но этого-то и не бываетъ, и солдаты обвиняются въ пьянствѣ безъ всякихъ стараній со стороны прокурора, и безъ всякихъ возраженій со стороны защиты. Слыша, приведенныя рѣчи защитниковъ, высказываемыя въ офицерскихъ дѣлахъ и прокуроръ, и публика, какая бываетъ, вспоминаютъ, «а и въ правду, то что говорилъ защитникъ справедливо, какъ это только такія простыя вещи намъ въ голову не приходили; въ самомъ дѣлѣ гг., кто изъ насъ Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ», но затѣмъ является на скамью подсудимыхъ солдатъ, и все забыто, опять вы слышите: «гг. судьи, былъ въ кабакѣ, пилъ водку, значитъ виноватъ въ пьянствѣ» и никакихъ возраженій со стороны защиты. Такимъ образомъ ведено было напр. дѣло о поручикѣ Б.; судъ оправдалъ его въ пьянствѣ; мало того, Б.

совершилъ проступокъ, былъ пьянъ вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, но тѣ были только пьяны, и съ нихъ взыскало начальство, въ дисциплинарномъ порядкѣ, а Б. былъ пьянъ и еще совершилъ, другія нарушенія, почему, какъ болѣе виновный, былъ преданъ суду, и судъ его оправдалъ. Судъ такимъ образомъ имѣетъ для офицеровъ и солдатъ разныя вѣсы и мѣры; конечно не рѣчь защитника по дѣлу Б. направила судейскій приговоръ не по проторенной при разсмотрѣніи солдатскихъ дѣлъ дорожкѣ, но каждый временный судья, рѣшая дѣло Б., разумѣлъ про себя, что онъ рѣшаетъ собственное дѣло, устанавливаетъ прецедентъ, который можетъ отозваться и на немъ самомъ; слова нѣтъ, это политично, но тогда и относительно солдатъ надо что нибудь придумать, не то разница рѣжетъ глаза.

Военные судьи мирволятъ офицерамъ, предаваемымъ суду за побои. Въ воинскомъ уставѣ и наказаніяхъ существуетъ статья, запрещающая офицерамъ бить солдатъ, но поговорите, что называется по душѣ, съ любымъ офицеромъ, и каждый скажетъ, что безъ кулачной расправы невозможно, что еслибъ не кулачная расправа, то хоть бросай роту, баталіонъ, полкъ, ничего съ солдатомъ не подѣлаешь; по убѣжденію военныхъ, судъ, преслѣдуя людей, прибѣгающихъ къ кулачной расправѣ не удовлетворяетъ интересамъ военной службы, видя въ кулачной расправѣ, беззаконіе, судебные дѣятели только показываютъ вообще, что ихъ корпорація разошлась, отдѣлилась отъ войскъ, ничего съ ними общаго не имѣетъ, не служитъ войскамъ, какъ бы слѣдовало, а стремится къ тому, чтобъ войска подчинить себѣ; такія фразы стали чаще слышаться въ послѣднее время, получивъ освященіе отъ высшихъ военныхъ авторитетовъ. Къ этимъ фразамъ и гуманности подпустятъ. Что, говорятъ, судъ; отдай человѣка подъ судъ, судъ его заклеймитъ на всю жизнь, солдатъ пропадаетъ, а то ли дѣло расправиться кулаками; у солдата поболитъ да и перестанетъ. Но такіе гуманисты забываютъ, что кулаки-то ихъ гуляютъ не по тѣмъ, которые суду подлежатъ, тѣ своимъ чередомъ идутъ подъ судъ, а терпятъ отъ

кулаковъ люди вовсе невиновные, которые при законныхъ отношеніяхъ и подъ судъ не пошли бы, и тяжесть кулаковъ бы не испытали, а теперь ихъ бьютъ такъ, за здорово живешь; просто потому, что начальники себя не сдерживаютъ. Въ полкахъ даже особый методъ кулачной расправы выработался; отправляется она «интермуарно»; зазоветъ къ себѣ въ квартиру солдата отецъ-командиръ, запретъ дверь на ключъ да потомъ и потѣшается сколько угодно, извѣстно, что такъ былъ побитъ каптенармусъ Щ. своимъ батарейнымъ командиромъ, такъ былъ побитъ каптенармусъ К. ротнымъ командиромъ Гр., и многіе другіе.

При убѣжденіи-же, что безъ кулачной расправы нельзя, при предусмотрительности офицеровъ, что имъ придется самимъ быть можетъ явиться подсудимыми, и являются оправдательные или крайне снисходительные приговоры объ офицерахъ, обвиняемыхъ въ нанесеніи побоевъ нижнимъ чинамъ.

Вообще, сравнивая приговоры судовъ относительно солдатъ и офицеровъ, нужно сказать, что военный судъ мѣритъ различными мѣрами и вѣситъ различными вѣсами. Во всѣхъ преступленіяхъ, будь то воровство, будь то убійство, офицеровъ приговариваютъ легко; особенно въ преступленіяхъ противъ личности наказываютъ легко, и къ каждому дѣлу примѣшиваютъ мундирную, сословную честь, и какъ-то странно, что именно самыя гнусныя преступленія признаются геройскими. Такимъ образомъ, извѣстно убійство, совершенное офицеромъ на большой дорогѣ, изъ засады, къ которому дѣлались большія приготовленія, издалека, съ цѣлью замаскировать преступленіе, и оно названо судомъ убійствомъ въ запальчивости и раздраженіи; такой приговоръ гармонировалъ со взглядами начальства, которое по совершеніи преступленія, во время содержанія субъекта преступленія подъ предварительнымъ арестомъ, сочло нужнымъ сдѣлать къ нему визитъ въ парадной формѣ, какъ къ защитнику мундирной чести. Другой совершилъ звѣрское преступленіе изъ-

за ничтожныхъ поводовъ, уже не нужное, убитъ былъ выстрѣломъ изъ револьвера безоружный, убѣгавшій человѣкъ и опять признали, что субъектъ дѣйствовалъ въ запальчивости и раздраженіи, выведенный изъ себя оскорбленіями мундирной чести. Третій тоже билъ лежачихъ, безоружныхъ и тоже оказался защитникомъ мундирной чести. Создадутъ какую-то фикцію — мундирную честь, какъ будто честь не одна, влачатъ съ позоромъ эту фикцію на позорной колесницѣ, сами запачкаютъ эту честь въ грязи, въ порокѣ, въ безнравственности, въ тунеядствѣ, да потомъ и возстановляютъ ее дикими, варварскими поступками; ужъ лучше бы знать одну, общую для всѣхъ честь, да блюсти бы ее покрѣпче, тогда бы и защищать ее не было бы надобности.

Но что же руководитъ судами, въ которыхъ засѣдаютъ офицеры, если они постановляютъ неравномѣрные приговоры въ отношеніи офицеровъ и солдатъ? Конечно, никто изъ тѣхъ, кто думаетъ, что правильно понимаетъ интересы военной службы, не осуждаетъ военныхъ судовъ за различное отношеніе къ офицерамъ и нижнимъ чинамъ; въ этомъ отношеніи практика военныхъ судовъ поддерживаетъ исключительные военные интересы, поддерживаетъ ту крѣпостническую организацію, которая, какъ мы говорили, составляетъ сущность современнаго порядка, и одна правда существуетъ для господъ, для нотаблей, другая правда существуетъ для рабовъ, для крѣпостныхъ.

Все изложенное мы подтвердимъ, только если разсмотримъ правовыя отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ въ русской арміи, правовое положеніе личности въ войскахъ.

Мы должны сказать, что права личности не опредѣлены закономъ, все зависитъ единственно отъ начальническихъ усмотрѣній, начальство не знаетъ законовъ и не хочетъ ими руководствоваться; все держится на заведенномъ порядкѣ, на рутинѣ, все дѣлается по домашнему, начальство ни передъ кѣмъ не отвѣчаетъ, вездѣ произволъ. Личность подчиненнаго ничѣмъ не обезпечена, съ нею могутъ дѣлать что угодно, негдѣ ис-

жать правды, потому защищаются путемъ самосуда. Такъ, конечно, дѣло идти не можетъ, и это начинаетъ чувствоваться. Въ войска поступаютъ личности свободныя, съ образованіемъ, люди не теряющіе связи съ остальнымъ обществомъ; при зарождающемся порядкѣ вещей въ обществѣ крѣпостническій строй жизни несовмѣстимъ.

Подчиненный не можетъ принадлежать себѣ нигдѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ не можетъ быть увѣреннымъ за личность нигдѣ, куда бы онъ ни попалъ, куда бы ни удалился; у себя дома, въ публичномъ собраніи, онъ не можетъ сказать, что такое-то время ему принадлежитъ, вездѣ онъ долженъ быть готовъ отказаться отъ своихъ человѣческихъ правъ. Подчиненный не можетъ назвать своимъ ничего, ни матеріальной собственности, ни того, что составляетъ достояніе его нравственной природы; если онъ вздумаетъ отстаивать свои права на то или другое, онъ совершаетъ преступленіе, неповиновеніе, оскорбленіе и т. д. Все— и матеріальное благосостояніе, и нравственная личность подчиненнаго, какъ раба, все принадлежитъ начальнику, какъ господину.

Все это мы можемъ доказать слѣдующимъ рядомъ фактовъ.

Гвардейскій офицеръ М., совершенно здоровый, способный, силою, вліяніемъ лицъ сильныхъ, былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ, и много усилій стоило ему и его родственникамъ, чтобы избавиться, выйдти изъ дома умалишенныхъ; посадившіе М. въ домъ умалишенныхъ остались безнаказанными.

Маіоръ пѣхотнаго полка М. былъ признанъ страдающимъ умопомѣшательствомъ, тогда какъ былъ совершенно здоровъ, но такъ было нужно начальнику для того, чтобы очистить ваканцію баталіоннаго командира для маіора Л. Все это безнаказанно потому, что сознавали, что жаловаться напрасно.

Подчиненный скромно веселится у себя дома, въ своей квартирѣ. но это онъ можетъ дѣлать только до тѣхъ поръ, пока какой нибудь начальникъ, проходящій мимо, живущій рядомъ, не вздумаетъ запретить подчиненному. Мы знаемъ уже, что вышло изъ того, что день-

щики Оль и Сим. вздумали играть въ своей квартирѣ на гармоніи, тогда какъ это не нравилось жившему въ одномъ съ ними домѣ поручику Гай; солдатъ преслѣдовали за неповиновеніе. Деньщикъ Ивлевъ забавляется на гармоніи у себя въ квартирѣ и получаетъ приказаніе полковаго командира перестать.

Начальникъ легко рѣшается на оскорбленіе подчиненнаго. Капитанъ Каменскій, находясь въ маскарадѣ дворянскаго собранія, получилъ отъ своего баталіоннаго командира полковника Громника безпричинное, ничѣмъ не вызывавшееся требованіе оставить танцы и былъ наказанъ судомъ за то, что обидѣлся такимъ замѣчаніемъ. Офицеры вообще разыгрываютъ жалкую роль въ присутствіи своего начальника. Сидитъ офицеръ въ собраніи рядомъ съ своею женою, подходитъ генералъ и желаетъ сѣсть около жены офицера; польщенный такою честью, офицеръ вскакиваетъ со стула, на которомъ усаживается генералъ и удостоиваетъ жену милостивымъ разговоромъ, а счастливый мужъ стоитъ у стула, не смѣя пошевельнуться и вмѣшаться въ разговоръ; ему разрѣшается только почтительнѣйше поощрять генерала къ большей смѣлости. Не оказаніе это уваженія начальнику, какъ сказалъ бы офицеръ, чего справедливо требуетъ законъ, а оказаніе это униженія подчиненнаго передъ начальникомъ, чего требуетъ начальникъ отъ подчиненнаго. Начальникъ можетъ придти ночью въ помѣщеніе солдатъ, разбудить спящихъ солдатъ, заставить ихъ встать, строиться и продѣлывать съ ними что вздумается, безъ всякой существенной необходимости, лишь для одной дрессировки. Хотя такимъ обращеніемъ вызываются преступленія (р. гл. воен. судъ 1874 г., № 110), но дрессировка, подобно дрессировкѣ собаки, составляетъ будто интересъ военной службы. Начальникъ даже изъ нижнихъ чиновъ, по своей прихоти, ночью, послѣ того, какъ солдаты уже распущены старшимъ на покой, можетъ собрать солдатъ и продѣлывать съ ними разныя эволюціи, какъ будто не имѣетъ другаго болѣе удобнаго времени, и вызываетъ преступ-

ленія. Такимъ образомъ, рядовой Кузьма Рощинъ, которому не понравилось то, что его унтеръ-офицеръ Макаровъ, послѣ ротной переклички и роспуска солдатъ фельдфебелемъ, велѣлъ имъ ночью построиться и производить разныя эволюціи, поворачиваться на-лѣво кругомъ, да на-право кругомъ, поворачиваясь размахнулся и задѣлъ унтеръ-офицера по лицу, за что и былъ приговоренъ судомъ.

Подчиненный не имѣетъ своего *я*, своей воли, весь принадлежитъ начальнику. Деньщикъ Лисовскій, на вопросъ офицера, у котораго служилъ деньщикомъ, отвѣтилъ, что не желаетъ быть у него деньщикомъ, а хочетъ служить во фронтѣ, и окружной судъ призналъ это неповиновеніемъ и только главный военный судъ смягчилъ приговоръ окружнаго суда, найдя, что Лисовскій только виноватъ въ оказаніи неуваженія своему начальнику (р. г. в. с. 1874—80). Солдатъ, попавшій въ деньщики, долженъ предаться этому дѣлу всею душею, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ, забыть вовсе себя. У одного прапорщика былъ деньщикъ Медвѣдевъ. Офицеръ завелъ такой порядокъ, что послѣ того, какъ истопится печка, въ нее кладутся дрова и сушатся въ печкѣ. Въ одинъ несчастный вечеръ офицера не было дома; офицеръ пришелъ поздно, когда печка была уже истоплена, замѣтилъ, что въ печку положены дрова, похвалилъ деньщика за исправность, отослалъ его въ свое помѣщеніе, а самъ сталъ наслаждаться теплотой комнаты, растворилъ заслонку печки, повѣсилъ на заслонкѣ свои носки для просушки, выходилъ изъ квартиры къ хозяйкѣ, отперъ ей калитку воротъ, долго не засыпалъ, а утромъ его нашли мертвымъ, и вотъ деньщикъ былъ преданъ суду за то, что не былъ такъ предусмотрителенъ и не уберегъ драгоцѣнной жизни своего «барина».

Подчиненный передъ начальникомъ долженъ быть въ высшей степени откровеннымъ, долженъ забыть о самосохраненіи и беззавѣтно отдать свою судьбу въ руки начальника, но такой взглядъ на обязанности подчиненнаго, ведущій свое начало съ патріархальныхъ временъ, когда начальниками были патріархи, уцѣлѣвшій въ феодаль-

ныя времена, продержавшійся въ крѣпостную эпоху, противорѣчитъ новѣйшимъ воззрѣніямъ на личность человѣка; потому-то между взглядами на отношенія начальника къ подчиненному въ войскѣ, сохранившими крѣпостническую сущность и формы, произошли столкновенія со взглядами уставовъ уголовнаго судопроизводства, основанныхъ на позднѣйшихъ взглядахъ на личность; потому-то въ нашей судебной практикѣ и были слѣдующіе случаи. Полковой командиръ потребовалъ отъ поручика Касьянова объясненія по поводу появленія его въ театръ въ безобразно пьяномъ видѣ, и Касьяновъ въ рапортѣ ложно донесъ, что онъ вовсе не былъ въ театрѣ, и окружной судъ призналъ его виновнымъ, нашелъ въ его дѣяніи преступленіе, предусмотрѣнное 96 ст., т. е. оказаніе неуваженія начальнику. Только главный военный судъ поставилъ дѣло на другую почву. Главный военный судъ призналъ, что тутъ нѣтъ мѣста ни 96 ст., ни 170 ст., предусматривающей ложное донесеніе, и что рапортъ Касьянова составляетъ запирательство въ совершеніи преступленія, выраженное при производствѣ дознанія, что по статьѣ 129 уложенія можетъ быть признано лишь обстоятельствомъ увеличивающимъ вину (1876 № 87). Такой взглядъ на дѣло главнаго военнаго суда непонятенъ для служащихъ во фронтѣ офицеровъ; мы имѣли возможность видѣть какъ этотъ взглядъ казался невозможнымъ для военныхъ, вступившихъ въ юридическую академію, не вкусившихъ еще отъ юридической науки; но и самъ главный военный судъ не усвоилъ себѣ, высказаннаго имъ въ рѣшеніи 1876 г. № 187 взгляда и его рѣшеніе 1877 г. № 78 заключается въ слѣдующемъ: поручикъ Хоминскій по дѣлу о немъ получилъ письменный запросъ отъ производившаго дознаніе и не далъ отвѣта по запросу, что главный военный судъ призналъ неповиновеніемъ. Изъ рѣшенія главнаго военнаго суда, 1873 г. № 281, видно, что въ войскахъ убѣждены, что обвиняемый, не отвѣчая на допросѣ на вопросы ему предлагаемые, нарушаетъ долгъ подчиненности.

Писарь Поцѣпуховъ не отдалъ своему начальнику Владимірову своей частной переписки, считая ее своимъ секретомъ, и Владиміровъ отнялъ эту переписку силою. Казалось бы, въ данномъ дѣлѣ Владиміровъ долженъ бы былъ быть наказанъ; но нѣтъ, согласно съ существующими въ военной средѣ взглядами, судъ осудилъ Поцѣпухова.

Передъ волею начальника исчезаютъ имущественныя права подчиненныхъ. Изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1871 г. № 171, видно слѣдующее. На войсковомъ конскомъ заводѣ для отвоза больныхъ и затѣмъ привоза дегтя изъ города, командиръ завода приказывалъ запрегать собственныхъ лошадей казачьихъ, и казакъ Киселевъ, который воспротивился этому, не хотѣлъ дать своей лошади для запряжки ее въ казенный экипажъ для надобностей завода, былъ преданъ суду, который призналъ Киселева виновнымъ въ неповиновеніи.

Солдатъ пошилъ для другаго сапоги, но не отдавалъ ихъ потому, что заказчикъ не платилъ денегъ за сапоги; начальникъ приказалъ солдату выдать сапоги безъ денегъ, солдатъ не подчинается этому приказу и судъ приговариваетъ солдата къ наказанію за неповиновеніе (1878 г. № 37) Офицеръ, считая своими деньги, находившіяся у его деньщика, приказалъ нижнимъ чинамъ насильно отнять деньги у деньщика, и самъ помогалъ солдатамъ; деньщикъ возражалъ, что деньги его собственныя, но деньги были-таки отняты. Хотя главный военный судъ призналъ это превышеніемъ власти со стороны офицера, но все таки этотъ случай показываетъ взгляды офицерскіе на ихъ права; и нельзя сказать чтобъ главный военный судъ своими рѣшеніями о неповиновеніи не натолкнулъ офицера на насиліе надъ деньщикомъ. Вѣдь главный военный судъ установилъ же, что подчиненіе волѣ начальника должно быть безусловное, что за неправильное приказаніе отвѣчаетъ офицеръ; деньги всегда возвращены были бы деньщику, еслибъ онѣ были признаны его собственностью, были вѣдь свидѣтели выдачи денегъ, деньщикъ ничѣмъ не рисковалъ, а потому дол-

женъ былъ подчиняться; такъ могъ разсуждать офицеръ и онъ былъ бы правъ съ точки зрѣнія кассаціонныхъ рѣшеній главнаго военнаго суда и вообще взглядовъ въ средѣ офицеровъ: (см. стр 466) онъ имѣлъ право требовать деньги отъ деньщика, а деньщикъ обязанъ былъ подчиняться.

Воля начальника замѣняетъ для подчиненнаго законъ, безусловно обязательна. Мы знаемъ изъ дѣла С., что генералъ Г. начальникъ дивизіи полковнику С., командиру полка, при пріемѣ послѣднимъ полка, рекомендовалъ дурно одного офицера. С. самъ убѣдился командуя полкомъ, что рекомендація была справедлива, но генералъ перемѣнилъ свое мнѣніе о рекомендованномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и требованія отъ С.; С. долженъ былъ представить дурно рекомендованнаго офицера къ наградѣ; законъ обязываетъ командира полка дѣлать только справедливыя представленія къ наградамъ, законъ за справедливость представленія дѣлаетъ отвѣтственнымъ командира полка, слѣдовательно на основаніи 69 ст. XXII С. командиръ полка имѣлъ право не слушать генерала Г. и дѣйствительно не подчинился генералу: офицера, котораго считалъ недостойнымъ награды, не представилъ и по требованію Г. и за это былъ обвиненъ судомъ въ неповиновеніи. Вышло такимъ образомъ, что передъ произвольнымъ требованіемъ Г., С. долженъ былъ забыть законъ, и уступить усмотрѣнію генерала Г.

Начальникъ произволенъ съ подчиненнымъ и вовсе не законъ регулируетъ эти отношенія, потому хотя законъ и требуетъ, чтобъ начальникъ назначалъ виновнымъ только закономъ указанныя наказанія, но до сихъ поръ на дѣлѣ не то видимъ.

О кулачной расправѣ мы уже говорили, но затѣмъ мы знаемъ напр., что въ бригадѣ пограничной стражи, стражникъ Л. былъ наказанъ своимъ вахмистромъ Гур., тѣмъ что Л., на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, принужденъ былъ исполнять роль лошади: везъ на своей спинѣ другаго стражника, одѣтаго въ полную амуницію.

Изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1871 г. № 112, видно, что провинившихся солдатъ наказывали, вкладывая въ ротъ палки.

Капитанъ Д. былъ потребованъ къ разгнѣванному начальнику мѣстныхъ войскъ слишкомъ чѣмъ за сотню верстъ, причемъ начальникъ приказалъ не выдавать Д. прогоновъ, что должно было послужить наказаніемъ Д.; однакоже Д. требовалъ прогоновъ, указывая, что лишеніе прогоновъ есть наказаніе не установленное закономъ, и что такое отношеніе начальника къ подчиненному обложено въ законѣ наказаніемъ; Д. прогоновъ не выдали и отвѣчали ему обвиненіемъ въ дерзости и неповиновеніи. Начальникъ мѣстныхъ войскъ не преслѣдовался за превышеніе власти, хотя обо всемъ было извѣстно кому вѣдать надлежитъ. Въ частномъ разговорѣ начальникъ мѣстныхъ войскъ объяснялъ приближеннымъ, что онъ удивляется, какъ пала дисциплина въ войскахъ—лишенный прогоновъ смѣетъ считать дѣйствія начальника не законными, и возставать противъ нихъ! При Лауницѣ и Тришатномъ (покойные генералы мѣстныхъ войскъ) лишеніе прогоновъ было обыкновеннымъ наказаніемъ и никто не смѣлъ и пикнуть. По существующему порядку начальникъ не только самъ есть деспотическій повелитель солдата, но можетъ передавать свою власть другому, который по закону не можетъ пользоваться вовсе властью; передача происходитъ простымъ словеснымъ приказаніемъ и по контракту. Такъ въ стрѣлковомъ баталіонѣ, музыкантъ Ст. оскорбилъ словомъ и дѣйствіемъ своего капельмейстера Фи, мѣщанина еврея, не имѣющаго чина, не находившагося на государственной службѣ, а служившаго по частному найму, по контракту съ баталіоннымъ командиромъ, который не обязанъ былъ имѣть капельмейстера, и въ штатѣ баталіона такой должности вовсе не значится. На основаніи закона Ст. могъ подлежать только отвѣтственности по мировому уставу, какъ за оскорбленіе частнаго лица, потому что на основаніи 100 ст. XXII св. воен. пост., преслѣдуются оскорбители хотя не только офицеровъ, но во всякомъ случаѣ гражданскихъ *чиновниковъ военнаго ми-*

нистерства, состоящихъ въ одномъ полку или управленіи съ оскорбителемъ, а Фи. не былъ чиновникомъ, служилъ не въ военномъ министерствѣ, а по частному найму лично у баталіоннаго командира, но баталіонный командиръ требовалъ преслѣдованія Ст., какъ оскорбителя Ф. по 100 ст. XXII, то есть какъ чиновника военнаго министерства, на томъ единственно основаніи, что онъ, баталіонный командиръ, своевременно приказалъ всѣмъ музыкантамъ оказывать чинопочитаніе ихъ не имѣющему чина еврею капельмейстеру, не находящемуся на государственной службѣ, какъ чиновнику военнаго министерства.

Отношенія начальника къ подчиненному совершенно особенныя. Ун.-оф. Ситниковъ и Петрушевскій нанесли побои рядов. Морозову, отъ которыхъ на тѣлѣ Морозова оказались слѣды ушибовъ и судъ наказалъ у.-о. по 186 ст. XXII св. воен. пост., предусматривающей нанесеніе унтеръ-офицерами ударовъ или побоевъ подчиненнымъ и назначилъ имъ ничтожное наказаніе. Прокуроръ протестовалъ, указывая на то, что къ унтеръ-офицерамъ слѣдовало бы примѣнить болѣе строгую статью 1483 улож., предусматривающую нанесеніе легкихъ ранъ и поврежденій. Главный военный судъ, который обыкновенно держится того правила, что если дѣяніе подходитъ подъ нѣсколько статей закона, то слѣдуетъ назначить наказаніе по болѣе строгой статьѣ, на этотъ разъ измѣнилъ этому обыкновенію и объяснилъ, что всѣ вообще случаи противозаконнаго обращенія начальника съ подчиненнымъ предусмотрѣны 183—189 ст. XXII св. воен. пост., и, составляя одинъ изъ видовъ превышенія власти, не могутъ быть подводимы подъ дѣйствіе общихъ законовъ (р. 1873 г. № 227). Что же послѣ того и убійство подчиненнаго есть превышеніе власти? Вотъ здѣсь мы опять сталкиваемся съ неправильнымъ толкованіемъ понятія превышенія власти, о чемъ мы уже говорили, въ своемъ мѣстѣ. Ну а если 183—189 ст. легкихъ ранъ, поврежденій, вовсе не предусматриваютъ, то какъ же наказывать за эти преступленія виновнаго началь-

ника? Или можетъ слѣдуетъ дарить такія преступленія: не велика бѣда, если подчиненный раненъ. Отчего же если гражданинъ будетъ раненъ, то унтеръ-офицеръ отвѣтитъ какъ за нанесеніе раны, а если раненъ подчиненный, то унтеръ-офицеръ будетъ отвѣчать какъ за превышеніе власти? Или согласно съ тѣмъ, что мы говорили уже, разбирая понятіе превышенія власти вообще, приходится признать, что существуетъ такая власть, которая можетъ безнаказанно наносить раны подчиненному?

Подчиненный есть существо униженное и открытое со всѣхъ сторонъ для оскорбленій начальника. Солдата, подчиненнаго намѣренно унижаютъ передъ офицеромъ, передъ начальникомъ, это думаютъ будетъ полезно въ томъ отношеніи, что привыкшій чувствовать постоянно униженіе передъ начальникомъ, будетъ охотнѣе, такъ сказать машинально, подчиняться начальнику. Военное воспитаніе есть дрессировка. Передъ начальникомъ подчиненный теряетъ сообразительную способность, дѣлается заикой, передъ начальникомъ подчиненный не знаетъ, какъ и гдѣ стать или сѣсть; передъ начальникомъ не смѣетъ слова молвить; подчиненный долженъ быть нѣмъ аки рыба; подчиненный долженъ при своихъ сношеніяхъ выполнить столько китайскихъ церемоній, долженъ быть такъ остороженъ, что рѣдко у какого подчиненнаго явится желаніе говорить съ начальникомъ; представьте же себѣ, что каждый военно-служащій окруженъ начальниками и понятенъ будетъ тотъ сдавливающій умъ военно-служащаго порядокъ, который существуетъ въ войскахъ. Извѣстно какъ Суворовъ хорошо понималъ сковывающее умъ вліяніе начальства и старался выводить изъ арміи *не могу знаекъ*; давно прошло время Суворова, но подчиненный по прежнему остается не могу знайкой, и робѣетъ, теряется передъ начальникомъ. Въ средѣ военныхъ господствуетъ какая-то запуганность, забитость, равнодушіе ко всему окружающему, отсутствіе самодѣятельности, находчивости. По дѣлу Т. и П. въ К. судѣ, на которое мы уже не разъ ссылались, въ которомъ Т. и П. яв-

лялись обвиняемыми въ нарушеніи особыхъ обязанностей караульной службы, послѣдствіемъ чего былъ побѣгъ политическихъ арестантовъ, проводившій дѣло, прокуроръ Д. вздумалъ потѣшаться надъ свидѣтелями офицерами, показывая видъ, что онъ поражается какъ всѣ свидѣтели офицеры, ходившіе въ караулъ въ тюрьму, знавшіе въ чемъ состоятъ ихъ обязанности, сознававшіе, что тюремное начальство своими произвольными дѣйствіями мѣшаетъ имъ исполнять свои обязанности, подчинялись распоряженіямъ и требованіямъ тюремнаго начальства, не исполняли своихъ обязанностей, и не думали настаивать на томъ, чтобъ тюремное начальство исполняло все, какъ того требуетъ законъ, не доносили своему начальству о безпорядкѣ вносимомъ въ службу распоряженіями тюремнаго начальства. Офицеры свидѣтели коротко и просто отвѣчали прокурору, что ихъ борьба была бы безполезна, что они жаловались и получали за то выговоры отъ начальства своего и приказанія во всемъ подчиняться требованіямъ тюремнаго начальства, сколько бы тѣмъ не нарушались обязанности караульной службы. Странно: пріучать къ постоянному подчиненію, отучать людей мыслить, дѣйствовать самостоятельно, пріучать во всемъ опираться не на законъ, а давать волю произволу, и затѣмъ требовать чтобъ, такъ выдержанные люди, въ нужную минуту проявляли какую-то самостоятельность, сознательно относились бы къ своему дѣлу, дѣйствовали бы по внушенію своего долга и здраваго разумѣнія своихъ обязанностей! Такихъ метаморфозъ въ природѣ не бываетъ. Мы можемъ привести примѣръ вліянія начальника, случившійся въ военномъ судѣ, между предсѣдателемъ суда и однимъ изъ военныхъ судей, то есть тамъ, гдѣ собственно по закону нѣтъ и начальническихъ отношеній. Пришло извѣстіе въ судъ, что такой то судья, генералъ остается за штатомъ, а этому судьѣ не хотѣлось идти за штатъ; состоя на дѣйствительной службѣ, онъ получалъ 3 т., а удаляясь за штатъ долженъ былъ получать всего только 1,200 р.; его ужасало его будущее положеніе, онъ не могъ

себѣ представить, какъ это онъ пилъ вино красное въ 6 р. бутылку, и долженъ будетъ отказать себѣ въ томъ; а между тѣмъ вѣдь есть люди, которые живутъ не только на 1200 руб. а на 120 руб. въ годъ; откуда это генералъ могъ получить такія привычки пить вино въ 6 р. бутылку, вѣдь всѣ источники жизни сводились къ жалованью, слѣдовательно изпѣжился онъ на казенныхъ хлѣбахъ; теперь казна не нуждалась въ его услугахъ, признавъ его неспособность, но генералъ хотѣлъ насильно остаться на попеченіи казны; по поводу этого назначенія за штатъ генерала явились на сцену пущенные и генераломъ и его сотоварищами соображенія богоугоднаго свойства, осмѣливались такимъ образомъ, какъ-бы, приравнивать военно-судебное вѣдомство къ богоугодному заведенію. Въ такомъ критическомъ положеніи заштатный генералъ и вздумалъ вымолить у другаго члена суда, чтобъ онъ добровольно заявилъ свое желаніе выйдти за штатъ вмѣсто генерала; пускаясь на такую отчаянную мѣру, заштатный генералъ заручился содѣйствіемъ предсѣдателя и къ члену, которому хотѣлъ предложить добровольное удаленіе за штатъ, явился вмѣстѣ съ предсѣдателемъ. Членъ уступилъ просьбамъ заштатнаго генерала, и далъ свое согласіе на отчисленіе его за штатъ вмѣсто генерала, хотя подъ нѣкоторыми условіями; но потомъ горько въ томъ раскаявался, и объяснилъ свое согласіе только присутствіемъ предсѣдателя; онъ говорилъ, что хотя предсѣдатель ему ничего не совѣтовалъ, но одно присутствіе предсѣдателя связало его; не будь предсѣдателя, онъ еще подумалъ бы, обсудилъ и вѣрнѣе всего отказалъ бы заштатному генералу, а тутъ, въ присутствіи предсѣдателя, то есть начальника, смѣшался, спутался, сконфузился и далъ неразсчетливое согласіе. Видно заштатный генералъ понималъ для чего онъ придалъ своей просьбѣ такую торжественную обстановку и явился къ члену, который долженъ былъ его спасти, съ предсѣдателемъ: видно предсѣдатель зналъ цѣну своего появленія, если рѣшился ѣхать съ заштатнымъ генераломъ и присутствовать при его мольбахъ. Великодушный членъ, уволенный вмѣсто

генерала, теперь отыскиваетъ тѣхъ преимуществъ, подъ условіемъ которыхъ согласился замѣнить генерала, но которыхъ ему не дали.

Въ такомъ порядкѣ вещей, будто бы, лежатъ интересы военной службы, но мы думаемъ противное: въ такомъ порядкѣ только интересы личные начальниковъ. Легко имъ управляться со своей службой при такомъ порядкѣ, но что не въ немъ интересы службы, видно изъ того, что система обученія войскъ будто бы разсчитана на самодѣятельность мысли подчиненнаго; нашъ солдатъ, подчиненный, былъ забитъ до того, что не могъ сообразить, что понимаетъ всякое четвероногое, что если онъ стоитъ около куста, то слѣдуетъ прятаться за этотъ кустъ отъ выстрѣловъ непріятеля, явилось необходимымъ учить его этому и эта наука, на которую было положено столько стараній, называлась ученіемъ примѣняться къ мѣстности; но она мало подвинула развитіе подчиненнаго впередъ, потому что то, что дѣлали лѣвой рукой, то уничтожали правой.

Извѣстно, что слово «ты» теперь считается оскорбительнымъ, что это слово именно показываетъ, что произносящій его сознаетъ ничтожество передъ собою того, къ кому обращается; только высшій къ низшему говоритъ «ты», какъ говорили помѣщики своимъ крѣпостнымъ, а въ арміи «ты» говорятъ офицеры подчиненнымъ. Эта форма обращенія между прочимъ показываетъ насколько войсковой правовой порядокъ отсталъ отъ общегражданскаго. Тотъ же офицеръ, который солдату имѣетъ право, даже обязанъ говорить «ты», къ его брату, женѣ, сыну не смѣетъ обратиться на «ты», иначе онъ оскорбитъ ихъ. Ярче всего выступаетъ такая разница на судѣ. Солдату, котораго хотятъ выставить гордостью отечества, имѣющимъ право на уваженіе, достоинстоинство, почетъ за свою службу, говорятъ «ты», а вслѣдъ же за тѣмъ является въ качествѣ свидѣтеля его братъ-крестьянинъ, его жена, и имъ прокуроръ и предсѣдатель не смѣютъ сказать «ты».

Начальникъ можетъ ругать, обвинять солдата въ чемъ угодно,

называть его напрасно воромъ, мошенникомъ, какъ это мы видѣли по дѣлу о стражникѣ С. и никто не подумаетъ остановить начальника обвиненіемъ въ клеветѣ. Также по дѣлу ротнаго командира Гр. и каптенармуса К.; противъ Гр. было предъявлено нѣсколько обвиненій въ томъ, что онъ рапортами обвинялъ К. въ такихъ преступленіяхъ, въ которыхъ К. былъ не виноватъ; К., еще пока дѣло находилось у прокурорскаго надзора, по соглашенію съ начальствомъ, признанъ не виновнымъ въ томъ, въ чемъ его обвинялъ Гр., признанъ не виновнымъ и судомъ, между тѣмъ важныя обвиненія, предъявленныя Гр. противъ К., прошли ему безнаказанно на судѣ изъ офицеровъ.

Начальникъ взвелъ завѣдомо ложное обвиненіе на подчиненнаго, что тотъ бросилъ въ него шпорою; судъ, разсматривавшій дѣло по существу, въ виду важности взведеннаго на подчиненнаго начальникомъ обвиненія и рѣзкаго опроверженія его на судѣ свидѣтельскими показаніями, постановилъ сообщить о томъ начальству; но главный военный судъ рѣшилъ, что окружный судъ не имѣлъ права дѣлать такого постановленія, и тѣмъ главный военный судъ поощрилъ начальство къ ложнымъ обвиненіямъ подчиненныхъ. Интересы военные значитъ требуютъ того, чтобъ начальство дѣйствовало безнаказанно. И въ самомъ дѣлѣ, эта беззащитность подчиненнаго и безнаказанность начальника составляетъ цѣлую систему; кромѣ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, мы должны вспомнить, что въ цѣлой массѣ дѣлъ, разсматриваемыхъ полковыми судами, солдатъ не имѣетъ права жаловаться, и такъ какъ судъ полковой находится вполнѣ въ рукахъ начальника, такъ какъ начальникъ имѣетъ возможность измѣнять и отмѣнять приговоры судовъ, то, лишенный права жалобы на полковой судъ, солдатъ лишенъ собственно права жаловаться противъ усмотрѣній начальства. На основаніи 99 статьи дисциплинарнаго устава, подчиненный можетъ жаловаться на претерпѣнныя обиды, несправедливости и превышенія власти, но что значитъ эти неопредѣленныя слова закона сравнительно съ тѣмъ, что представ-

ляетъ дѣйствительность. Что такое несправедливость, въ чемъ она можетъ проявляться, когда вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіе виновности и относительно состава проступка и относительно доказательствъ вины, все зависитъ отъ усмотрѣнія начальника; начальникъ такъ нашелъ, начальникъ такъ усмотрѣлъ, начальникъ такъ убѣдился и слѣдовательно онъ справедливъ; начальникъ не обязанъ мотивировать своихъ распоряженій, давать объясненій; маіоръ Л. сказалъ шта.-кап. Т., что онъ безчестно относится къ службѣ; шт.-кап. Т. этимъ обидѣлся, и потребовалъ въ присутствіи другихъ офицеровъ отъ Л., чтобъ онъ повторилъ свои слова и объяснилъ бы ихъ, а маіоръ отвѣчаетъ, что Т. не имѣетъ права требовать объясненій отъ своего начальника, и что онъ такихъ объясненій не дастъ. Въ законѣ есть статья, обязывающая (ст. 66, XXIII св. воен. пост.) начальника, опредѣляющаго дисциплинарное взысканіе, удостовѣриться въ винѣ подчиненнаго; но въ чемъ же состоитъ удостовѣреніе? Въ чемъ начальнику заблагоразсудится; все что ни скажетъ начальникъ, все то есть удостовѣреніе въ винѣ; нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ способовъ для удостовѣренія, нужно ли спросить по крайней мѣрѣ подвергаемаго взысканію — все это зависитъ отъ начальства. Мы приводили нѣсколько примѣровъ какъ произвольны, какъ неосновательны дисциплинарныя взысканія въ судебномъ вѣдомствѣ, гдѣ уже должны были бы сколько нибудь пріучиться, привыкнуть къ правовому порядку; что же послѣ того можетъ быть въ арміи. Ходатайства, жалобы, въ военномъ вѣдомствѣ вполнѣ безнадежны. Если на 1000 ходатайствъ и жалобъ земскихъ собраній, только на 9 обратили вниманіе, то конечно другаго мы не можемъ ничего ожидать и въ военномъ вѣдомствѣ; если жалуется цѣлое земство и на него не обращаютъ вниманія, то конечно жалобы отдѣльныхъ лицъ еще меньше должны имѣть значенія въ глазахъ администраціи; всѣ отрасли администраціи стоятъ на одномъ уровнѣ, всѣ солидарны. Трудно надѣяться, чтобъ въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ

крѣпостническіе порядки еще крѣпко держатся, куда нужно идти для того чтобъ видѣть въ натурѣ крѣпостническую Русь, чтобъ тамъ были особенно внимательны къ голосу слабыхъ и угнетенныхъ, чтобъ тамъ были успѣшны жалобы и просьбы. Въ обществахъ все находится въ тѣсной связи. Въ военномъ вѣдомствѣ одно выраженіе намѣренія жаловаться уже считается преступленіемъ. Такимъ образомъ рядовые, братья Р., были наказаны судомъ какъ за неуваженіе къ начальнику, за то, что они сказали офицеру: «мы и на васъ найдемъ судъ, ваше высокоблагородіе». Мы видѣли чѣмъ кончилась жалоба капенармуса Щ; мы видѣли, что К. за то только, что сказалъ, избивавшему его Гр., «за что вы меня бьете, я на васъ буду жаловаться полковому командиру», былъ наказанъ по суду. Капитанъ Д. пошелъ жаловаться командующему войсками на притѣсненія, которыя онъ претерпѣвалъ, на то что его наказали невыдачей прогоновъ, и что же? въ пріемныхъ покояхъ командующаго войсками Д—ва встрѣтилъ начальника мѣстныхъ войскъ С., на котораго хотѣлъ жаловаться Д., и С., узнавши о цѣли прихода Д, арестовалъ его.

Нижніе чины смотрятъ на жалобу какъ на дѣло безнадежное. Когда ряд. К., присужденнаго судомъ полковымъ, спросили доволенъ ли онъ рѣшеніемъ суда, и если не доволенъ, то можетъ жаловаться на судъ, онъ отвѣчалъ: «что жаловаться? я лучше подведу себя къ разстрѣлу, если придутъ меня сѣчь». (рѣш. глав. воен. суда, 1873 г., № 236). Начальство несправедливо, а при такомъ условіи какое ужасное орудіе въ рукахъ начальства, составляетъ его власть. Православные расходятся съ католиками въ томъ, что первые не хотятъ признать папу римскаго непогрѣшимымъ; излишняя щепетильность! мы православные имѣемъ передъ собой непогрѣшимыхъ на каждомъ шагу; каждый начальникъ есть непогрѣшимый папа; въ старину каждаго начальника даже называли папой—*отцомъ-командиромъ*; теперь это названіе исчезло, нигдѣ теперь вы не услышите этихъ

словъ, произнесенныхъ серьезно, — признакъ времени, указывающій, что время дѣтскаго почитанія прошло.

Начальникъ непогрѣшимъ; противъ него оправдываться невозможно. Приходитъ начальникъ въ роту, которою командуетъ офицеръ непріятный начальнику, время обѣденное, начальникъ пробуетъ пищу и говоритъ отрывисто, коротко, безъ дальнѣйшихъ объясненій, почему и какъ: «пища дурна»; ротный командиръ, чувствуя себя правымъ, приглашаетъ доктора и проситъ освидѣтельствовать пищу; докторъ находитъ пищу хорошою, но ротнаго командира привлекаютъ къ суду и обвиняютъ въ томъ, что, пригласивъ доктора, оказалъ пренебреженіе къ лицу начальника. Только главный военный судъ пріудержалъ ревность суда, и нашелъ, что пренебреженія къ лицу начальника не было, такъ какъ ротный командиръ не имѣлъ въ виду *опровергать мнѣніе своего начальника*; не то и отъ главнаго военнаго суда была бы бѣда ротному командиру. Нельзя значитъ опровергать мнѣнія начальника ни въ какомъ случаѣ; какъ бы оно несправедливо ни было, оно обязательно. Другое дѣяніе того же ротнаго командира, то что онъ въ рапортѣ на имя своего начальника, прося о разрѣшеніи отпуска, дозволилъ себѣ указывать на несправедливое *будто бы* притѣсненіе его этимъ начальникомъ и порицать распоряженія его по службѣ, лишившія его командировки и денежной награды, выданной офицерамъ не имѣвшимъ на то права, признано неуваженіемъ къ лицу начальника (1873 г., № 62), а это *несправедливое будто бы* вовсе не разъяснено, не разслѣдовано судомъ; такія разслѣдованія считаются въ интересахъ службы излишними; разслѣдованія, говорятъ колеблютъ авторитетъ начальства, пусть распоряженія будутъ не справедливы на самомъ дѣлѣ, но что же изъ того?

Обвинялся офицеръ въ оскорбленіи своего полковаго командира тѣмъ, что въ рапортѣ, поданномъ этому начальнику, обвинялъ его въ разныхъ противузаконныхъ дѣяніяхъ, и судъ отказалъ ему въ истребованіи къ дѣлу дознанія, произведеннаго по поводу указаній,

сдѣланныхъ подсудимымъ въ его рапортахъ, а главный военный судъ призналъ отказъ суда правильнымъ, такъ какъ дознаніе удостовѣряло дѣйствительность тѣхъ безпорядковъ въ полку, на которые указывалъ подсудимый въ своихъ рапортахъ; такое дознаніе не могло, будто бы, вліять на измѣненіе преступности подсудимаго, и относясь исключительно до дѣйствій полковаго командира суду не преданнаго, могло подлежать разсмотрѣнію суда лишь въ томъ случаѣ, еслибъ подсудимый обвинялся въ ложномъ доносѣ или представленіи завѣдомо ложной неосновательной жалобы на начальство (1875 г., № 183). Вотъ какъ рѣшаетъ главный судъ; какъ будто безразлично писалъ ли офицеръ въ своемъ рапортѣ одну правду, или ложь?—О, судъ формальный, судъ одного факта! Изложеніе дѣйствительныхъ противузаконныхъ дѣяній есть оскорбленіе! правильно или неправильно написанъ рапортъ, это, будто, не составляетъ внутренней стороны дѣянія; внутренняя сторона преступленія не имѣетъ по военной теоріи преступленій никакой связи съ преступленіемъ. И наконецъ нельзя забывать слѣдующаго; судъ признаетъ, что противузаконныя дѣянія указаны правильно, но преданъ суду только указатель этихъ противузаконныхъ дѣяній, а съ совершителя ихъ даже волосъ не спалъ съ головы. Отлично охранены военные интересы, не правдали? Отличное средство для того, чтобъ знать истину, и отличное средство для того, чтобъ положить предѣлъ всѣмъ беззаконіямъ и хищеніямъ! И сколько лицемѣрія въ удивленіяхъ по поводу того, что у насъ вездѣ хищенія, что столько интендантовъ проворовалось! къ чему тутъ теряться въ догадкахъ: на какой почвѣ выростаютъ беззаконія и хищенія? ларчикъ просто раскрывается.

Самыя невинныя указанія на несправедливыя отношенія начальника къ подчиненному при разборѣ дѣла о подчиненномъ, есть уже оказаніе неуваженія къ начальнику (1874 г. № 114). Къ чему еще тутъ особые циркуляры о томъ, что предсѣдатели должны слѣдить за тѣмъ, чтобъ на судѣ не уклонялись въ сторону, не колебали авто-

*

ритета начальства; если выясненіе дѣла во всей сущности, полнотѣ, объемѣ есть гарантія правосудія, то колебаніе такой гарантіи новыми циркулярами невозможно, невозможно колебать то, что давно уже пало само собою.

Начальникъ непогрѣшимъ. Дежурный по полку капитанъ Н. распорядился арестовать унтеръ-офицера Г., а рядовой П. заявилъ, что арестовать Г. не за что, а если арестовать то всѣхъ, и вотъ окружный судъ называетъ дѣяніе П. ропотомъ, прокуроръ въ протестѣ сопротивленіемъ, а главный военный судъ рѣшилъ, что нѣтъ сопротивленія, потому что нѣтъ внѣшняго дѣйствія, въ которомъ проявилось бы отрицаніе воли начальника, но что въ дѣяніи П. есть отрицаніе правосудія въ распоряженіяхъ начальника, которое составляетъ оказаніе неуваженія начальству. Просьба о разрѣшеніи отсрочить только исполненіе наказанія до другаго времени, въ случаѣ *ея неумѣстности*, составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 96 ст. (1875 г. № 118), но что же такое неумѣстность? Просьба такая всегда неумѣстна, говорятъ начальники, потому что начальникъ всегда знаетъ что дѣлаетъ.

Солдатъ Ш. самовольно отлучился, ротный командиръ говоритъ ему, что онъ его высѣчетъ, а Ш. не штрафованный и потому сѣчь его нельзя. Онъ и отвѣчаетъ ротному командиру, что его высѣчь нельзя, такъ какъ онъ не штрафованный, и чтоже? Ш. предаютъ суду по обвиненію въ оказаніи неуваженія ротному командиру. Заявлять о своихъ правахъ, когда ихъ нарушаютъ, значитъ оказывать неуваженіе къ нарушающимъ!! Главный военный судъ въ рѣшеніи 1875 г. № 55, нашелъ, что фейерверкеръ Р., возразивши на приказаніе батарейнаго командира: отправиться подъ арестъ въ темный карцеръ, что ему не полагается идти въ темный карцеръ подъ арестъ, совершилъ маловажный проступокъ по службѣ, наказываемый 96 ст. XXII св. воен. пост., не смотря на то, что самъ главный военный судъ призналъ, что 3-мъ пунктомъ 78 XXIII, содержаніе въ темномъ

карцерѣ установлено для усиленнаго ареста, которому по 15 ст. тоже устава не подвергаются всѣ вообще унтеръ-офицеры.

Нижніе чины вполнѣ беззащитны противъ насилій. начальниковъ. Общія понятія необходимой обороны не имѣютъ никакого приложенія въ военномъ вѣдомствѣ, и подчиненный также бодро, также твердо, не шевелясь, ни о чемъ не думая, долженъ стоять передъ кулаками, передъ побоями, нападеніемъ начальника, какъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль, или передъ стѣною изъ штыковъ. Этого вѣрно требуютъ интересы военной службы. Случаи изъ практики военныхъ судовъ относительно необходимой обороны мы уже приводили выше.

Личность начальства священна, недосягаема. Общее право не знаетъ заочныхъ оскорбленій, между тѣмъ въ военной службѣ заочная брань, неосторожное слово, сказанное о начальникѣ, считается преступленіемъ. Военный судъ, а за нимъ и главный военный судъ (1874 г. № 154) призналъ, что пренебрежительный отзывъ подчиненнаго «*вотъ привязался какой-то офицеришка*» о начальникѣ, обращенный не лично къ послѣднему, а къ окружавшимъ его нижнимъ чинамъ, составляетъ преступленіе противъ 96 ст., если только судомъ непризнано, что виновный *произносилъ оскорбительныя слова* съ тою цѣлью, чтобъ они были услышаны начальникомъ, не то было бы оскорбленіе.—Одно прикосновеніе къ начальнику безъ всякаго умысла, напротивъ того, съ добрымъ умысломъ, желаніемъ, уже объявляется преступленіемъ. Въ рѣшеніи главнаго военнаго суда мы читаемъ, что примѣненіе 98 ст., предусматривающей оскорбленіе дѣйствіемъ начальника не обусловливается цѣлью, которую имѣлъ виновный при совершеніи преступленія, потому для примѣненія этой статьи достаточно, чтобъ солдатъ хлопнулъ лопатой по плечу унтеръ-офицера только въ *шутку*.

Рядовой М. будучи пьянъ, слѣдовательно размягчившись, съ добродушіемъ подошелъ къ унтеръ-офицеру и весело, одобрительно,

взявши его за сюртукъ, промолвилъ «ты мой дядька», и въ этомъ судъ увидѣлъ преступленіе (1873 г. № 224); солдатъ сопровождая свои слова жестами, о чемъ военные, всегда преувеличивая, выражаются, размахивая руками, *неумышленно* (слова приговора суда) офицера, съ которымъ разговаривалъ, толкнулъ въ грудь, и судъ призналъ, что солдатъ оскорбилъ начальника неприличнымъ дѣйствіемъ.

Мы знаемъ теперь каковы права начальника на подчиненнаго, чѣмъ обязываетъ военная служба подчиненнаго къ начальнику; мы видѣли, что въ войскахъ господствуетъ крѣпостническій порядокъ; посмотримъ же теперь, что даетъ, что обезпечиваетъ начальникъ подчиненному. Въ крѣпостное время между помѣщиками были единицы, которыя считали себя обязанными заботиться о матеріальномъ благосостояніи крѣпостнаго въ извѣстныхъ предѣлахъ; старались, чтобъ они были сыты, одѣты, чтобъ они не подвергались лишнимъ мученіямъ, трудамъ, дорожили ихъ жизнью, понимая, что отъ степени благостоянія крѣпостныхъ зависѣли ихъ доходы. Похоже ли начальство на эти счастливыя исключенія среди массы помѣщиковъ, заботившейся только о возможномъ извлеченіи доходовъ изъ крѣпостнаго, и нисколко не думавшей о бытѣ своихъ крѣпостныхъ? Мы можемъ сказать о военномъ начальствѣ, что оно не дорожитъ подчиненными, ихъ интересами, относится къ этимъ интересамъ небрежно невнимательно.

Извѣстно какъ часты убійства на цѣльной стрѣльбѣ, и все это происходитъ отъ того, что по небрежности своей начальство не заботится хорошенько отличить мѣтками пружинный патронъ отъ боеваго; солдаты ошибаются, кладутъ въ ружье боевой патронъ, полагая что вложили пружинный и убиваютъ на повалъ провѣряющихъ прицѣлку. Происходитъ стрѣльба цѣльная на стрѣльбищѣ, и вслѣдствіе небрежности, незнанія своихъ обязанностей распорядителями стрѣльбы, двумя маіорами, былъ убитъ солдатъ Ш.; начальство не находило ви-

новныхъ, и хотѣло замять дѣло, но военный слѣдователь отыскалъ виновныхъ, и два маіора Н. и Д. были привлечены къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, но затѣмъ начальство потребовало, чтобы маіоры были наказаны лишь дисциплинарно, такъ какъ маіоры не имѣли возможности въ короткое время, полгода, изучить вышедшее вновь наставленіе для стрѣльбы, и послѣдствія ихъ неумѣлости были неважны—убійство одного солдата. Дѣло, вслѣдствіе несогласія прокурора съ начальствомъ, доходило до главнаго военнаго суда, который сталъ на сторону начальства. Когда маіорамъ было объявлено о привлеченіи ихъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, одинъ изъ нихъ Д. сказалъ: и стоитъ привлекать насъ, маіоровъ, изъ за такихъ пустяковъ, изъ за жизни солдата. Забываетъ начальство, что служба военная есть служба общественная, что настоящій интересъ военной службы состоитъ въ сбереженіи жизни солдата, который тоже членъ общества, равноцѣнный съ маіорами, что противно интересамъ общества, чтобъ ихъ члены погибали изъ за небрежности и невѣжества власть имущихъ. Не возвысились гг. маіоры до такого взгляда на дѣло; чего ждутъ гг. маіоры—чтобъ ихъ научили понимать эти вещи?..

Жестокость, принесеніе въ жертву человѣческихъ правъ солдата, вы встрѣчаете всюду, лишь бы только была соблюдена внѣшность, лишь бы только подслужиться, лишь бы выиграть награду.— Такимъ образомъ извѣстное дѣло, К. губернскій воинскій начальникъ Г. получилъ приказаніе командующаго войсками отправить ротмистра Б. раненнаго въ голову Р. изъ К. въ В., если только здоровье Б. позволитъ. Г. послалъ къ Б. для освидѣтельствованія его здоровья врача того полка, которымъ командовалъ Р., и, получивъ глухое донесеніе отъ врача, что раны у Б. еще не зажили, и опухоль продолжается, приказалъ отправить Б. силою въ В., не смотря на то, что самъ Б., основываясь на заключеніи другаго врача, доносилъ Г., что опухоль подъ вліяніемъ холодной осенней погоды, можетъ перейдти

въ рожистое воспаленіе, и что онъ не имѣетъ теплой одежды, безъ которой не можетъ сдѣлать дальней дороги въ глубокую осень. Пріѣхавши въ В., Б. заболѣлъ рожистымъ воспаленіе, и жизни его угрожала опасность. И такъ, изъ за желанія подслужиться, Гр. игралъ жизнью офицера. Все это было извѣстно начальству, и Г. оставался въ покоѣ; только судъ, разсматривавшій дѣло Б. и Р., обратилъ вниманіе на Гр. и постановилъ о его поступкѣ довести до свѣдѣнія начальства; вѣроятно начальство ограничилось замѣчаніемъ Гр.; но если такъ поступили съ офицеромъ Б., имѣвшимъ связи, умѣвшимъ постоять за себя, то можно себѣ представить какъ поступаютъ съ солдатами. Дисциплинарный уставъ обязываетъ начальника быть внимательнымъ къ солдату, наставлять его на путь, удерживать его отъ преступленій, предупреждать эти преступленія, а между тѣмъ начальство разыгрываетъ въ отношеніи солдата роль въ совершенно другомъ родѣ. Рядовой Пр., фуражиръ пѣхотнаго полка, образовалъ незаконную экономію въ количествѣ четверти овса и, намѣреваясь продать этотъ овесъ съ фельдфебелемъ Р., сказалъ ему объ томъ. Вѣроятно Р. не понравилось, что Пр. будетъ самостоятельно дѣйствовать, будетъ брать себѣ половину денегъ, и, желая дисциплинировать Пр., чтобъ онъ передавалъ въ его распоряженіе всю экономію, о сказанномъ ему Пр. доложилъ ротному командиру Пор. Зед., а Зед. вмѣсто того чтобъ остановить преступленіе, поступилъ наоборотъ, велѣлъ Р. разрѣшить продать овесъ, не препятствовать ему въ его дѣйствіяхъ, войдти съ нимъ въ дружескія отношенія, чтобъ вѣрнѣе его поймать. Увѣренный въ согласіи Р., Пр. продаетъ овесъ и половину даетъ Р., Р. передаетъ деньги Зед., а тотъ пишетъ рапортъ, въ которомъ тщеславится своимъ подвигомъ; такъ и говоритъ: похвалите меня, видите, какъ я сообразителенъ, какъ я устроилъ дѣло хорошо.

Солдатъ голоденъ, не обутъ, нагъ. Что голоденъ, объ этомъ говорила печать; вопросъ о необходимости дать солдату болѣе обильную, разнообразную и питательную пищу представляли въ печати яснымъ

и безспорнымъ. О недостаточности пищи мы знаемъ подробные химическіе анализы. Мы можемъ добавить отъ себя, что недостаточность питанія высказывается въ учащеніи кражъ, совершаемыхъ солдатами, нуждающимися въ съѣстномъ. Въ судахъ, на скамьѣ подсудимыхъ, фигурируютъ цѣлыя команды нижнихъ чиновъ, обвиняемыхъ въ воровствѣ съ полей картофеля, солдаты недостаточно снабжаются одеждой, особенно съ тѣхъ поръ, когда солдатская одежда по прослуженіи 2 сроковъ не идетъ въ пользу солдата, а составляетъ собственность части. Недостаточность одежды и пищи заставила военное начальство расширить вольныя солдатскія работы, сдѣлать изъ этихъ работъ цѣлую правильную систему; деньги, выработанныя солдатами, частью идутъ въ пользу части, улучшенія ея содержанія, а другая часть денегъ выдается солдатамъ на руки, и начальства вымогаютъ отъ солдатъ, чтобъ на эти деньги они непремѣнно строили себѣ одежду; но заработчихъ денегъ бываетъ немного и ихъ все-таки не хватаетъ солдату, чтобъ вполнѣ удовлетворить своимъ нуждамъ, и потому солдаты нуждаются еще, чтобъ деньги имъ высылались изъ дому, и дѣлятся вслѣдствіе того солдаты на богатыхъ и бѣдныхъ; на судѣ вы часто услышите показаніе свидѣтелей «онъ солдатъ бѣдный; онъ солдатъ богатый». Бѣдный солдатъ кто ничего изъ дому не получаетъ, а богатый — получающій изъ дому; бѣдный не въ состояніи быть исправнымъ солдатомъ. И вотъ въ послѣднее время на судѣ вы слышите огульное объясненіе причинъ побѣговъ: отъ чего ты бѣжалъ, спрашиваетъ предсѣдатель; отъ меня требовали, чтобъ я исправилъ себѣ одежду, денегъ не было я и бѣжалъ. Поголовность объясненій, ничѣмъ не опровергаемая, заставляетъ предположить, что оно вѣрно. Тамъ, гдѣ общественная жизнь болѣе развита. тамъ мы видимъ другое; за примѣрами ходить не далеко. Въ корреспонденціи изъ Выборга, помѣщенной въ № 35 «Голоса» за настоящій годъ, мы читаемъ между прочимъ: форма одежды финскихъ солдатъ отличается отъ формы одежды русскаго солдата, сверхъ того и пища и содержаніе финскаго солдата значительно разнятся отъ пищи и содержанія рус-

скаго солдата. Одежда финскаго солдата отличается добротой матеріала и чистотой отдѣлки. Приварочныхъ денегъ финскому солдату полагается по 60 пени въ день; приварочныя деньги, выдаваемыя русскому солдату въ Финляндіи составляютъ 18 пенни. Жалованье финскаго солдата рядоваго званія 2 марки 21 пени *въ мѣсяцъ*, русскаго же солдата въ Финляндіи — 3 марки 60 пени въ *три мѣсяца*. Финскія казармы построены на городской счетъ и отличаются необыкновенною чистотою и удобствомъ: люди помѣщаются на койкахъ, снабженныхъ матрацами и чистымъ постельнымъ бѣльемъ, а не на нарахъ съ грязными соломенными тюфяками, какъ напр. въ казармахъ, квартирующаго въ Выборгѣ, Печерскаго полка. Пища финскихъ солдатъ отличается доброкачественностью, питательностью и разнообразіемъ: мясо, рыба, овощи, консервы, кофе — вотъ пища финскаго солдата; хлѣбъ получаютъ не пайкомъ, а съ лотка». Понятна послѣ того фраза корреспондента: Финскіе солдаты отличаются необыкновенною вѣжливостью и хорошимъ поведеніемъ. Правовой порядокъ въ войскахъ Финляндіи совершенно другой; основанъ на уваженіи въ солдатѣ человѣка, на господствѣ закона и права.

Небрежность, невниманіе къ интересамъ солдата проникаетъ всю военную администрацію; не только одни фронтовики съ легкимъ сердцемъ распоряжаются жизнью, здоровьемъ, личностію солдата, какъ о томъ одно время говорили въ печати военные врачи, но такого же упрека заслуживаютъ и сами врачи. Врачу напр., ничего не стоитъ небрежно отнестись къ болѣзни глазъ солдата, вслѣдствіе чего солдатъ ослѣпъ (ряд. Тимергалинъ резер. пѣхот. бат.). Врачъ этотъ за то съ усердіемъ принималъ въ качествѣ пѣвца участіе въ концертахъ, устраивавшихся для развлеченія общества, скучавшаго жизнью въ крѣпости.

Поступаетъ въ Н. госпиталь рядовой пѣхот. полка Кар. и жалуется на то, что оглохъ, ничего не слышитъ; и что же врачи? Врачи его испытываютъ, свидѣтельствуютъ, и оказывается, что К. при-

творяется, его выписываютъ изъ госпиталя, но въ полку онъ продолжаетъ жаловаться на глухоту; его обвиняютъ въ притворствѣ съ цѣлью уклониться отъ службы; военный слѣдователь, производя слѣдствіе, находитъ данныя, изъ которыхъ видно, что К. дѣйствительно глухъ и отправляетъ его въ У. госпиталь для новаго испытанія и освидѣтельствованія и тамъ находятъ, что у К. изъ лѣваго средняго уха выросъ большой полипъ, что страданіе К. давняго весьма происхожденія, нѣсколько лѣтъ уже продолжающееся, что онъ безусловно глухой, и что съ глухотой его связана тупость ума. Въ чемъ же причина такихъ противорѣчій? Конечно въ небрежности и невнимательности, съ которою отнеслись къ К. врачи въ Н. госпиталѣ. Тоже самое было и съ новобранцемъ К.; съ нимъ случались болѣзненые припадки на ученьи и т. п.; его отправили въ Н. госпиталь, тамъ ему давали лекарства, долго лечили, но наконецъ выписали изъ госпиталя и сообщили начальству, что если будутъ продолжаться припадки, пусть не вѣрятъ, непремѣнно притворяется. Припадки съ К. повторились и надъ нимъ начинается слѣдствіе по обвиненію въ притворствѣ съ цѣлію уклоненія отъ службы. Военный слѣдователь былъ пораженъ видомъ этого новобранца; по документамъ К. считался только 21 года, но на видъ это былъ маленькій, сморщенный, изнуренный и до чрезвычайности тощій субъектъ, ну точно опенокъ; на видъ имѣлъ онъ около 40 лѣтъ, на головѣ ни одного волоса, старческій голосъ; кромѣ того представлялись другія данныя, указывающія на болѣзненное состояніе К., на то, что онъ дѣйствительно, страдаетъ припадками, на которые жаловался и К. былъ отправленъ въ У. госпиталь для испытанія; У. госпиталь послѣ продолжительнаго испытанія далъ отзывъ, что К. такъ болѣнъ, что служить не можетъ, почему дѣло о немъ у слѣдователя было прекращено.

Поступилъ на службу новобранецъ Л., съ нимъ случились припадки падучей болѣзни, его отправили въ Б. госпиталь, гдѣ нашли, что съ Л. дѣйствительно бываютъ припадки падучей болѣзни, но-

няли причину припадковъ—гиперимія мозга, но потомъ вдругъ перешли къ неожиданному заключенію, что судя по характеру питанія всего тѣла, Л. можетъ служить въ фронтѣ. Но интересъ заключенія этимъ не кончился. Старшій врачъ кромѣ своихъ соображеній о здоровьи Л. счелъ еще нужнымъ сдѣлать сообщеніе полицейскаго свойства, что новобранецъ Л. велъ себя въ госпиталѣ не благопристойно, былъ грубъ и дерзокъ, отступалъ отъ правилъ госпитальнаго устава, все это сообщалось для того, чтобъ Л. наказали. И такъ Л. вернулся въ роту съ атестаціей здороваго, но сквернаго солдата; на него и поналегли въ ротѣ, а въ томъ, что онъ во время, непосредственно слѣдовавшее за припадкомъ, которому вновь подвергся, былъ грубъ, дерзокъ, оскорбилъ унт.-оф., дѣйствіемъ, нашли подтвержденіе атестаціи госпиталя, и какъ о неисправимомъ поспѣшили назначить слѣдствіе; военный слѣдователь отправилъ Л. для исслѣдованія въ другой госпиталь; тамъ освѣдѣтельствовали, испытали и нашли, что Л., по причинѣ часто повторяющихся сильныхъ припадковъ, не можетъ служить. Затѣмъ пока Л. появился на судѣ, онъ два раза поступалъ и выходилъ изъ госпиталя и каждый разъ получалось болѣе и болѣе данныхъ, что Л. одержимъ падучею болѣзнью въ высокой степени. На судѣ эксперты дали заключеніе, что дурное поведеніе Л., какъ солдата, прогнѣвившее и старшаго врача Б. госпиталя, есть послѣдствіе его болѣзни и судъ оправдалъ Л.

Нужно-ли содержать солдата подъ стражей или нѣтъ; это рѣшается начальствомъ съ легкимъ сердцемъ, не долго думая. Два нижніе чина С. и Р. оба служили въ 52 воен. госпиталѣ, оба побили одного унтеръ-офицера, слѣдователь постановилъ ихъ держать на свободѣ; затѣмъ С. и Р. были переведены въ разныя команды и командиръ одной команды содержалъ С. все время до суда подъ стражей, а другой командиръ сдался на авторитетъ слѣдователя и держалъ Р. на свободѣ. Еслибъ только законъ предоставилъ начальству самостоятельно распоряжаться содержаніемъ подслѣдственныхъ подъ арестомъ

то можно быть увѣреннымъ, что почти всякій подслѣдственный содержался бы подъ арестомъ; причины этого, достаточно понятныя изъ сказаннаго до сихъ поръ, выяснятся и дальнѣйшимъ изложеніемъ. И теперь начальники постоянно пререкаются съ слѣдователями, и постоянно доказываютъ невозможность осуществленія ближайшаго надзора за подслѣдственными.

Мы можетъ вести параллель между крѣпостными взглядами, крѣпостнымъ правомъ и правомъ господствующимъ въ войскахъ, какъ угодно далеко.

Въ крѣпостное время было два класса — помѣщики и крестьяне, и каждый крестьянинъ, кромѣ особенныхъ отношеній къ своему владѣльцу, обязанъ былъ любить, почитать и бояться всякаго помѣщика. Точно тоже и въ войскахъ. Помѣщики — это офицеры, крестьяне это солдаты. Кромѣ безотчетнаго, безпредѣльнаго подчиненія своему прямому начальнику, каждый солдатъ есть еще подчиненный каждаго офицера, и солдатъ долженъ подчиняться каждому офицеру, который только вздумаетъ надъ нимъ потѣшиться, поломаться, подрессировать его. Каждый офицеръ хочетъ командовать каждымъ солдатомъ, который попадается ему на глаза; даже полицейскій офицеръ надъ армейскимъ солдатомъ, и армейскій офицеръ надъ полицейскимъ служителемъ. Притомъ является противорѣчіе приказаній, столкновеніе обязанностей, правъ, солдатъ не знаетъ что ему дѣлать, кого слушаться; и въ довершеніе всего солдатъ же во всемъ страдаетъ, совершенно по пословицѣ «Паны грызутся, а у мужиковъ чубы болятъ».

Можетъ быть читатель помнитъ еще, какъ одинъ гусаръ напалъ въ Петербургѣ на безсрочно-отпускнаго швейцара въ домѣ Василева. Служа у домовладѣльца, содержа себя изъ жалованья, которое ему давалъ владѣлецъ дома, и получивъ отъ домовладѣльца приказаніе никого не впускать на парадную лѣстницу съ собаками, швейцаръ столкнулся съ претензіями офицера, требовавшаго, чтобъ швейцаръ его,

офицера, какъ своего начальника, имѣющаго право приказать по своей прихоти швейцару взлѣзть на колокольню Ивана Великаго и оттуда вергнуться долу, пустилъ на лѣстницу съ собакой. Швейцаръ твердо настаивалъ на своемъ, и вотъ явилось обвиненіе въ неповиновеніи, сопротивленіи и Богъ знаетъ въ чемъ; конечно чего можно ожидать отъ человѣка, всю свою душу полагающаго въ собакѣ, но надо сказать, что прокурорскій надзоръ поставилъ безсрочно-отпускнаго рядоваго на скамью подсудимыхъ.

Безсрочно-отпускной фельдфебель Николай Шалыгинъ, въ штатскомъ платьѣ явился въ Петербургъ, въ домъ Крестовской, причемъ находясь въ квартирѣ домовладѣлицы, къ которой имѣлъ дѣло, держалъ руку въ карманѣ пальто; находившіеся въ квартирѣ сыновья домовладѣлицы, офицеры Крестовскіе 1 и 2, изъ которыхъ первый былъ одѣтъ въ халатѣ, оскорбились атенціей Шалыгина и Крестовскій 1, узнавши отъ кухарки, что Шалыгинъ солдатъ, повелъ такой разговоръ съ Шалыгинымъ: «зачѣмъ пришелъ», спрашиваетъ Крестовскій 1. «А тебѣ что за дѣло», отвѣчаетъ Шалыгинъ, Крестовскій сталъ объяснять Шалыгину, что онъ, Крестовскій офицеръ; свободный Шалыгинъ отвѣчалъ: «да мнѣ-то что до того»; тогда Крестовскій 1, указывая на брата Крестовскаго 2, одѣтаго въ офицерское пальто сталъ наставлять Шалыгина, что солдатъ въ присутствіи офицеровъ долженъ стоять руки по швамъ, на что Шалыгинъ отвѣтилъ: «я въ штатскомъ платьѣ и не на службѣ, потому и не обязанъ держать руки по швамъ. Теперь не то время». Судъ призналъ Шалыгина виновнымъ въ неоказаніи съ намѣреніемъ должнаго уваженія офицерамъ и неприличномъ съ ними обращеніи (р. гл. воен. суда 1874 г. № 234). Это романистъ-то Крестовскій, поступивъ въ военную службу, заявилъ претензію быть начальникомъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ и судъ его поддержалъ. Нечего сказать, хороши понятія, поддержанныя въ военной службѣ романистомъ. Но къ счастью, законодатель лучше понялъ и положеніе дѣла, и невозмож-

ность поддерживать военныхъ въ ихъ притязаніяхъ. А именно законъ, приказомъ по военному вѣдомству 1875 г. № 107, составившимъ 245 ст. XXIV св. воен. пост., кое-что сдѣлалъ, кое-какъ оградилъ запасныхъ нижнихъ чиновъ отъ офицерскихъ набѣговъ на нихъ, установивъ правило, что дисциплина обязательна для нихъ только тогда, когда они одѣты по установленной формѣ, но законъ не сдѣлалъ ничего больше того, что отъ него требовала, что ему до очевидности указывала жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, чтобы было, еслибъ законъ оставался равнодушенъ къ тому, что отъ него требовала жизнь? Запасныхъ нижнихъ чиновъ масса, всѣ они живутъ своими трудами, а тутъ являлись бы офицеры и мѣшали бы имъ трудиться; можно представить себѣ тѣ послѣдствія, которыя бы происходили, еслибъ законъ не образумилъ офицеровъ. Но законъ ни на шагъ не пошелъ далѣе и стремленіе офицеровъ повелѣвать всѣмъ и вся ничѣмъ не стѣсняется въ отношеніи находящихся на службѣ; законъ еще не указалъ предѣловъ, а сами офицеры не спохватятся; примѣры тѣхъ абсурдовъ, къ которымъ приводятъ претензіи офицеровъ командовать всѣмъ, не въ состояніи повліять на невоспріимчивыя къ окружающимъ явленіямъ натуры; что и замѣчается, все то скоро забывается, заглушается желаніемъ властвовать, тѣми выгодами, которыя отъ того проистекаютъ; офицеры знаютъ только свои личныя выгоды, какъ знали ихъ крѣпостники и поддерживаютъ абсурдныя отношенія.

Стоялъ себѣ у воротъ л. казармъ дневальный Х.; зналъ онъ хорошо, что существовалъ приказъ полковаго командира не пускать въ ворота казармъ никого постороннихъ, особенно торговцевъ; получилъ онъ передъ тѣмъ награду отъ полковаго командира за то, что на часахъ въ карауле исполнилъ свою обязанность, не обращая вниманія на незаконныя приказанія, и стоя у воротъ раздумывалъ какъ бы ему поаккуратнѣе исполнить свою обязанность еще разъ. Стоитъ Х. и видитъ, что идетъ въ ворота разнощикъ, и не пускаетъ его Х. въ

ворота; идетъ мимо офицеръ, увидѣлъ, объяснялъ на судѣ офицеръ, что знакомый ему разнощикъ хочетъ пройдти въ ворота, счелъ нужнымъ оказать ему протекцію и велѣлъ онъ Х. пропустить еврея, Х. ссылается на приказъ по полку; офицеръ и слышать ничего не хочетъ, кричитъ: «пропустить, тебѣ говорятъ, я за все отвѣчаю»; еврей рвется черезъ ворота, Х. не пускаетъ, еврей кричитъ; уходившій уже было офицеръ оборачивается, видитъ, что Х. загородилъ дорогу еврею, кричитъ на Х., отталкиваетъ его, бьетъ и проводитъ еврея во дворъ казармъ, а Х. черезъ нѣсколько времени является на судѣ въ качествѣ обвиняемаго въ неповиновеніи. Каково положеніе Х.? онъ исполняетъ приказъ, является офицеръ и отмѣняетъ приказъ, и Х. вмѣсто ожидаемой вторично награды за хорошую службу попадаетъ подъ судъ; чему его можетъ научить эта безпорядочность?

Мы приводили примѣръ деньщиковъ Ол, и С., на которыхъ напалъ офицеръ и запретилъ имъ распоряжаться временемъ, какъ имъ хотѣлось на собственныхъ квартирахъ, потому только, что раздражительный офицеръ Г., приготовлявшійся въ академію, не любилъ слушать музыку, игру на гармоніи.

Служитъ себѣ деньщикъ Ивлевъ у одного добраго маіора; маіоръ этотъ слѣдовательно является единственнымъ и ближайшимъ его начальникомъ; позволяетъ этотъ маіоръ своему Ивлеву забавляться на гармоніи въ своей квартирѣ; играетъ Ивлевъ на гармоніи, никого не безпокоитъ; но вотъ является у Ивлева другой командиръ, подполковникъ и приказываетъ ему перестать играть на гармоніи. Ивлевъ подчиняется, но объясняетъ подполковнику, что ему не запрещаетъ играть самъ его баринъ, маіоръ, что игрой своей никому не мѣшаетъ и только приказанія своего барина исполняетъ; но это-то и составило преступленіе, предусмотрѣнное 96 ст., въ которомъ обвинили Ивлева, да кромѣ того глав. воен. судъ въ своемъ рѣшеніи выразилъ недоумѣніе, какъ смѣетъ думать Ивлевъ, что въ качествѣ деньщика исполняетъ только приказанія своего барина. Очень понятно

почему такъ думаетъ Ивлевъ; если ему будетъ всякій приказывать, тогда не только бѣдный Ивлевъ растеряется, но и его баринъ будетъ страдать, будетъ подорванъ его авторитетъ, чего такъ стараются избѣжать люди, защищающіе военные интересы. У нижнихъ чиновъ есть пониманіе о необходимости подчиненія одному начальнику; э то понималъ Х., это понималъ Ив.; такое же пониманіе имѣлъ одинъ фельдфебель, какъ то видно изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1870 г. № 5; фельдфебель заявилъ, что его можетъ арестовать только его начальникъ. Изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1877 г. № 233, мы видимъ, что писарь Кокуринъ, которому приказалъ офицеръ доставить къ нему приказы, отвѣтилъ: «васъ вѣдь здѣсь много; въ полку 48 офицеровъ и всѣхъ ихъ здѣсь слушаться не приходится». Подобный же смыслъ имѣло дѣло рядоваго Колченцева (1876 г. № 216). Урядникъ Щ., находясь начальникомъ караула при тюрьмѣ, и получивъ приказаніе смотрителя тюрьмы войсковаго старшины отдать свою шашку и идти подъ арестъ, не исполнилъ этого приказанія, такъ какъ войсковой старшина смотритель тюрьмы не есть такое лицо, которое на основаніи устава о гарнизонной службѣ можетъ отдавать приказанія начальнику караула. Точно также бомбардиръ К., будучи начальникомъ караула, не исполнилъ приказанія фельдфебеля Я. сдать караулъ другому, а самому сѣсть подъ арестъ; когда Я. захотѣлъ насильно смѣнить К., и въ присутствіи К. сталъ командовать караулу различныя построенія, и объявилъ караулу, что К. ему не начальникъ, то караулъ Я. не повиновался, командъ его не исполнялъ, и на вопросъ К. караулъ отвѣтилъ, что онъ признаетъ своимъ начальникомъ К., а не Я.

Мы разсмотрѣли что такое значатъ военные интересы, какъ ихъ понимаютъ, что такое значитъ начальникъ, что подчиненный, мы знаемъ какъ все это связано между собою, какъ относится одно къ другому.

Говорятъ, что отношенія между начальниками и подчиненными,

каковы они есть, какъ они изложены нами, вытекаютъ изъ дисциплины, обусловливаются, опредѣляются дисциплиной; но такимъ образомъ дисциплинѣ придаютъ совершенно не свойственное ей значеніе. Дисциплина здраво понимаемая, дѣйствительно опредѣляетъ отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ, но какія отношенія? только отношенія по службѣ; дисциплина охватываетъ явленія изъ жизни военной, но какія? только служебныя. Дисциплина не можетъ устраивать частныхъ отношеній между начальникомъ и подчиненнымъ, дисциплина не можетъ захватывать, не можетъ парализовать, уничтожать обще-человѣческія права, потребности, интересы. Если въ настоящее время мы видимъ другое, то, не будучи пророкомъ, мы можемъ предсказать, что современныя пониманія дисциплины, современное ея положеніе въ войскахъ должны будутъ уступить напору требованій, которыя заявитъ сама жизнь; въ войска проникнутъ и пріобрѣтутъ тамъ право гражданства идеи о личномъ достоинствѣ человѣка, о томъ, что каждый человѣкъ имѣетъ свои права, свои интересы, которые не должны быть приносимы въ жертву другой личности хотя бы эта другая требовала себѣ подчиненія подъ предлогомъ общаго дѣла. Дѣлу могутъ быть приносимы жертвы, но не личности.

Такое заключеніе дисциплины въ разумные предѣлы нисколько не грозитъ опасностью справедливымъ, истиннымъ интересамъ военной службы. Военная служба, приготовленіе массы къ бою, способность ея къ перенесенію извѣстныхъ лишеній, приведеніе массы въ такое состояніе, чтобъ она двигалась и дѣйствовала какъ одинъ человѣкъ, все это останется не тронутымъ, не поколебленнымъ. Масса въ настоящее время состоитъ изъ личностей разумныхъ, эти личности, при вѣрно понимаемой дисциплинѣ, будутъ еще разумнѣе, а при этомъ условіи съ массою можно всегда достигнуть потребныхъ результатовъ. Масса людей разумныхъ, одушевленная извѣстной идей, сознающая извѣстныя потребности, всегда съумѣетъ стать въ

такое положеніе, что она будетъ дѣйствовать и двигаться какъ одинъ человѣкъ, и напротивъ, масса людей надрессированныхъ разстроится при первомъ внѣшнемъ препятствіи. — Мало ли мы знаемъ примѣровъ, что масса, вовсе не сжившаяся съ извѣстнымъ порядкомъ, вовсе не выдрессированная, при извѣстныхъ условіяхъ, сплачивалась въ одно неразрывное цѣлое, имѣвшее одну волю и одинъ умъ; мы не говоримъ только о какихъ нибудь вспышкахъ, моментахъ, способныхъ наэлектризировать массу; нѣтъ, сознаніе, убѣжденіе способно держать массу въ постоянномъ, неослабномъ расположеніи дѣйствовать, желать и мыслить какъ одинъ человѣкъ; но конечно сознаніе, убѣжденіе всегда укажетъ и тѣ предѣлы, дальше которыхъ человѣкъ не долженъ поступаться своими правами, своею индивидуальностью. Намъ, сжившимися съ крѣпостническимъ строемъ жизни, при которомъ унижается личность, у нея отнимается свобода дѣйствій, и все это на пользу барина, а въ военномъ быту на пользу начальника, конечно, трудно понять, трудно освоиться съ понятіемъ, что человѣкъ свободный, человѣкъ живущій полною гражданскою жизнью, можетъ сдѣлаться такимъ послушнымъ, пригоднымъ подчиненнымъ, разъ онъ будетъ исполнять обязанности военной службы, явится солдатомъ. Нашимъ военнымъ начальникамъ, стремящимся извлекать возможныя выгоды, возможно эксплоатировать все въ пользу своего положенія, стремящимся расширить свою власть, силу, проникнуть своими интересами всюду гдѣ только, и насколько возможно, конечно, необходимо и дисциплинѣ придать такое же всеобъемлющее значеніе, опутать этою дисциплинною всѣ отношенія, заставить служить себѣ дисциплину такъ же, какъ помѣщикамъ служило крѣпостное право. Ничто не ускользало отъ крѣпостнаго права, все имъ опутано было, ничто не уходитъ отъ дисциплины, все ею опутано и въ военно-судебной практикѣ и въ военной службѣ вопросъ такъ и поставленъ, что подчиненный всегда въ подчиненіи, а начальникъ всегда, безпрерывно находится при испол-

неній обязанностей службы; подчиненный принадлежитъ начальнику всецѣло, какъ помѣщику принадлежалъ крестьянинъ, и дисциплина помогаетъ начальнику, но такая дисциплина можетъ держаться только принужденіемъ, точно такъ какъ мало было крѣпостныхъ людей искренне преданныхъ своимъ господамъ; потому думаютъ дисциплину сдѣлать второю природою посредствомъ привычки, посредствомъ практики, путемъ дрессировки; неувѣрены въ томъ, что люди прочно восприняли дисциплину, сроднились съ нею, потому испытываютъ постоянно степень дисциплинированія, дрессируютъ солдатъ.—Стараются ставить людей въ положеніе безъисходное,—въ положеніе, при которомъ можетъ высказаться насколько человѣкъ проникся дисциплиною, и при этомъ требуютъ отъ людей, чтобъ они продѣлывали такія штуки, которыя сами по себѣ не имѣютъ разумнаго значенія, разумной цѣли, а какъ бы сами для себя составляютъ цѣль; дисциплина какъ бы является не средствомъ, а цѣлью, тогда какъ мы думаемъ, что совершенно неразумно заставлять напрягать нравственныя и физическія силы, не ставя для такихъ напряженій достиженія какой нибудь высшей, разумной, полезной цѣли.—Человѣкъ долженъ всю свою службу къ чему-то приготовляться, къ чему-то стремиться, но къ чему именно—это для него неизвѣстно; совершенно такъ какъ, приготовляя собаку для охоты, заставляютъ ее по командѣ «пиль», приносить брошенную поноску.—Въ этомъ отношеніи мы не далеко ушли отъ временъ Петра Великаго.—Извѣстно какъ Петръ, желая похвалиться передъ бранденбурскимъ курфюрстомъ успѣхами достигнутыми въ его арміи, приказалъ преображенцу прыгнуть въ окно съ третьяго этажа, и тотъ, неразсуждая, готовъ уже былъ выпрыгнуть изъ окна, но былъ удержанъ Петромъ; какое право имѣлъ Петръ требовать отъ единицы, чтобъ она пожертвовала жизнью? развѣ въ томъ была какая нибудь общественная нужда? Нѣтъ, это просто была прихоть державнаго властелина.—Тоже и теперь. Солдату время ложиться спать, его, на-

противъ, безъ всякой надобности, ради одной дрессировки, ставятъ во фронтъ, подъ предлогомъ осмотра одежды; для осмотра не время, въ немъ нѣтъ надобности, всѣмъ это очевидно; солдатъ возмущенъ такимъ произвольнымъ распоряженіемъ его личностью; онъ становится небреженъ; дрессирующій замѣчаетъ это расположеніе солдата и это-то и подбиваетъ его къ дальнѣйшей дрессировкѣ; ему любо, какъ говорятъ солдаты, «гнушаться» надъ личностью. Дрессирующій держитъ солдатъ во фронтѣ, командуетъ безцѣльныя эволюціи, солдатъ поворачивается на право кругомъ, когда скомандовано на лѣво кругомъ; дрессирующій замѣчаетъ это, но это-то ему и на руку; онъ придирается къ солдату, заставляетъ повернуться снова, дѣлаетъ не нужныя наставленія; солдатъ раздражается еще болѣе, поворачиваясь, размахивается и задѣваетъ дрессирующаго по физономіи и вотъ является преступленіе; масса преступленій вызывается такой дрессировкой, этимъ «куражеміемъ», какъ говоритъ солдатъ.

А между тѣмъ зачѣмъ все это. Вѣдь сказано, что и Господа Бога не нужно испытывать напрасно.

Дрессировки никакой не нужно. Солдаты, подчиненные не настолько не развиты, чтобы въ случаѣ, когда повиновеніе потребуется для очевидныхъ, разумныхъ, справедливыхъ цѣлей, они не понимали необходимости повиновенія. Неужели же нужна была какая нибудь подготовительная дрессировка, чтобы солдаты не побѣжали съ Шипки! Не дрессировка нужна, а сознаніе. Если теперь толкуютъ о паденіи дисциплины, то эти толки неизвѣстно откуда идутъ, совершенно выдуманы, ничѣмъ доказаны быть не могутъ. Мы можемъ удостовѣрить, что было время, когда паденіе дисциплины вызывало болѣе справедливые и болѣе серьезные толки, а именно въ 1857—1863 годахъ; мы знаемъ, что въ Петербургѣ тогда даже боялись сами офицеры ходить по ночамъ по улицѣ, но есть ли въ настоящее время что нибудь подобное? Конечно нѣтъ. Многое, что прежде скрывалось, теперь бы не могло быть скрыто, а оттого недальновидные могутъ

дѣлать такія заключенія, для которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ основаній. Напримѣръ, мы знаемъ, что въ 1858 году въ одномъ уланскомъ полку былъ слѣдующій случай. Командиръ 3 эскадрона, литовскій татаринъ Таль., плохо кормилъ лошадей; лошади были худы. Полкъ двигался изъ Лох. въ Кр. Х. губерніи; шелъ 3 эскадронъ, а за нимъ въ недалекомъ разстояніи 5 и 6. Командиръ 3 эскадрона скомандовалъ эскадрону «стой», «слѣзай»; всѣ слѣзли и повели лошадей въ поводу, но когда раздалась команда «садись», солдаты не сѣли, не сѣли и на повторенное приказаніе и начали ворчать, что эскадронный командиръ лошадей не кормитъ, а работы требуетъ; эскадронный командиръ началъ расправляться по своему, но солдаты остервѣнились, сдѣлались страшны и эскадронный командиръ бѣжалъ отъ своего эскадрона, ускакалъ по направленію къ Кр. и тамъ прямо явился къ командиру полка съ докладомъ о возстаніи; солдаты сначала близко слѣдовали за командиромъ и угощали его ударами древка пикъ, но потомъ отстали и къ крыльцу квартиры полковаго командира прискакали позже своего эскадроннаго командира. Сначала къ солдатамъ никто не выходилъ, но наконецъ вышелъ полковой адъютантъ. Солдаты шумѣли, а тѣмъ временемъ подошли 5 и 6 эскадроны и по командѣ своихъ эскадронныхъ командировъ окружили 3 эскадронъ. Солдаты 3 эскадрона обратились съ рѣчами къ солдатамъ 5 и 6 эскадроновъ, чтобы они не выдавали ихъ, своихъ товарищей, успѣли нанести нѣсколько ударовъ древками пикъ командиру 5 эскадрона, но все-таки были окружены и усмирены. Полковой командиръ ѣздилъ доложить объ дѣлѣ командиру корпуса боевому генералу Вр., квартировавшему, кажется, въ Ж. Будь это теперь, изъ дѣла сдѣлали бы Богъ знаетъ какую исторію. Судъ примѣнилъ бы и 110 и 111 и 112 ст. разомъ, и все-таки обвиняли бы судъ, что онъ своими приговорами потворствуетъ возстаніямъ. О случаѣ зналъ бы весь міръ. Но какъ же поступили въ 1858 году? Гораздо проще. Генералъ Вр. замялъ дѣло; солдаты остались со-

вершенно безнаказанны, и о дѣлѣ ни тогда, ни теперь никто ничего не знаетъ, и утверждаютъ, что все было благополучно.

Изъ массы дѣлъ дисциплинарныхъ, можно было бы почерпнуть достаточный матеріалъ для обвиненія суда и съ точностью указать, гдѣ судъ подорвалъ дисциплину, но такихъ доказательствъ нѣтъ.

Судъ въ своихъ приговорахъ излагаетъ свои соображенія, разсужденія о дисциплинѣ, а надъ всѣмъ наблюдаетъ зорко глав. воен. судъ— учрежденіе, которое нельзя заподозрить въ беззаботности о сохраненіи въ войскахъ дисциплины. Изъ практики мы видимъ, главный военный судъ не пропускаетъ безъ послѣдствій нарушеній дисциплины, допущенныхъ судомъ военнымъ; но изъ всей массы дисциплинарныхъ дѣлъ мы знаемъ весьма мало случаевъ, когда главный военный судъ порицалъ дисциплинарные взгляды военныхъ судовъ. Такимъ образомъ, изъ рѣшенія 1875 г. № 190, по дѣлу казака Иванова мы знаемъ, что главный военный судъ усмотрѣлъ изъ приговора военнаго суда, что въ немъ помѣщены соображенія, совершенно не свойственныя понятіямъ о значеніи военной дисциплины и обнаруживающія въ предсѣдательствовавшемъ по этому дѣлу въ судѣ неточное пониманіе обязанностей военной службы и опредѣлилъ: обстоятельство это разсмотрѣть въ порядкѣ, указанномъ 170 — 198 ст. XXIV св. воен. пост. Затѣмъ, изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1871 г. № 154, мы видимъ еще, что главный военный судъ нашелъ объясненія предсѣдательствующаго не согласными съ условіями военной дисциплины.

Чтобы имѣть возможность лучше эксплоатировать понятіе дисциплины, изъ этого слова сдѣлали что-то туманное, неопредѣленное, что-то таинственное, тогда какъ все значеніе этого слова въ тѣхъ составныхъ частяхъ, которыя входятъ въ понятіе дисциплины. Дисциплину составляютъ чинопочитаніе, подчиненность и исполненіе общаго порядка службы и потому не для чего говорить неопредѣленно «дисциплина обязываетъ»; къ чему она именно обязываетъ, все это можно

высказать точно и опредѣленно. Дисциплина, по понятіямъ нашихъ военныхъ крѣпостниковъ, есть средство держать всѣхъ подчиненныхъ въ крѣпости, ей придали значеніе «слова и дѣла» — чуть нужно усмирить какого нибудь непокойнаго воина съ проблесками гражданскаго чувства, сейчасъ является на сцену дисциплина, а такъ какъ дисциплина распространяется на все, то уловить въ нее любаго воина легко и удобно.

Нашъ законъ однако идетъ впереди дѣйствительной жизни въ войскѣ, и еслибъ мы знали только одинъ законъ, помимо дѣйствительной жизни въ войскѣ, мы бы представляли себѣ такой порядокъ, отъ котораго дѣйствительность стоитъ далеко. Нашъ законъ стремится поставить отношенія начальника къ подчиненному въ извѣстныя рамки, обозначаемыя потребностями службы; кромѣ того законъ стремится положительно опредѣлить кто именно является начальникомъ, и только приказъ такого начальника сдѣлать обязательнымъ для подчиненнаго, но законъ сдѣлалъ только первые, нерѣшительные шаги, и потому мы не имѣемъ еще статьи, которая бы прямо и положительно превозгласила что для подчиненнаго обязателенъ только приказъ прямаго начальника; къ этому положенію мы можемъ придти только путемъ толкованія закона; во вторыхъ нашъ законъ не выражаетъ, что обязателенъ только приказъ по службѣ

Говорятъ, будто бы пруссаки нашли чему поучиться у насъ, и перевели нашу XXIV св. воен. пост. на нѣмецкій языкъ, но вотъ что важно, что правовой порядокъ въ войскахъ Пруссіи, гораздо ближе къ справедливому, что тамъ всѣ отношенія между начальниками и подчиненными поставлены опредѣленнѣе, что тамъ всюду царитъ законъ, что тамъ гораздо меньше произвола. Справедливый, правомѣрный порядокъ коренится тамъ въ самихъ обычаяхъ, нравахъ, убѣжденіяхъ, онъ есть достояніе исторіи: кому не извѣстенъ знаменитый мельникъ изъ Санъ-Суси; тамъ не позволяютъ себѣ переходить извѣстные предѣлы, выходить изъ извѣстныхъ нормъ и

потому нѣтъ той массы преступленій, преступленія эти не вызываютъ превышеніемъ власти, насиліями, произволомъ, и потому тамъ недостатки судопроизводства не такъ даютъ себя чувствовать; положительный законъ въ свой чередъ заботиться тамъ объ установленіи разумнаго, справедливаго нравственнаго внутренняго порядка, тамъ не довольствуются однимъ внѣшнимъ порядкомъ; германское воен. улож. 1872 г. прямо и ясно признаетъ обязательнымъ приказъ только относящійся *до службы*, и во-вторыхъ. приказъ данный непосредственнымъ начальникомъ. Вотъ въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ германцевъ и никакія преимущества нашего судопроизводства не могутъ уравновѣсить, указанныхъ сейчасъ, преимуществъ германскаго уложенія; къ тому же наша практика значительно отстаетъ отъ закона, германская же практика можетъ только исправлять недостатки законовъ о судопроизводствѣ. Въ нашемъ законѣ выражено положительно только что не обязательно приказаніе, которое направлено къ нарушенію присяги и вѣрности службы, или къ совершенію явнаго преступленія (ст. 69 XXII), но всякое приказаніе, хотя и не по службѣ, если только не явно преступно, должно быть исполнено. Въ этомъ большой недостатокъ. По нашему закону приказаніе нижнимъ чинамъ работать какую нибудь частную работу обязательно, и начальникъ отвѣтитъ только тогда, если не заплатитъ нижнимъ чинамъ за работу (ст. 180, XXII св. воен. пост.); сколько заплатитъ? Это дѣло начальника; начальникъ отвѣтитъ также если употребитъ подчиненныхъ на работу не въ назначенное для того время (179 ст., XXII св. воен. пост.), при томъ начальникъ отвѣтитъ передъ закономъ, а подчиненные должны повиноваться начальнику, и идти на частную работу, такъ какъ приказаніе работать не требуетъ нарушенія присяги и вѣрности службы и совершенія чего либо преступнаго со стороны подчиненныхъ; преступленіе явится только тогда, когда начальникъ не заплатитъ за работу, но и то это будетъ его преступленіе, а не преступленіе подчиненныхъ. Въ Пруссіи же никакой начальникъ не можетъ употре-

бить подчиненнаго на работу, такъ какъ приказаніе работать было бы приказаніемъ не по службѣ. По нашему закону и практикѣ начальникъ напр. имѣетъ право приказать подчиненному свести кого либо въ публичный домъ; солдатъ пришелъ въ караулъ, а его заставляютъ свести арестованныхъ въ публичный домъ (рѣш. гл. воен. суда, 1876 г., № 241), а по прусскому закону такое приказаніе не обязательно, какъ данное не по службѣ. Все то, что мы говорили по поводу правовыхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику доказываетъ, что начальникъ у насъ имѣетъ право давать всевозможныя приказанія и всѣ они обязательны для подчиненнаго. Тамъ же мы доказали, что начальникъ имѣетъ право распоряжаться собственностью подчиненнаго, его личностью, нравственною природою, свободою и образомъ жизни, его умственными потребностями,—и все это въ силу того, что начальникъ имѣетъ право отдавать приказанія и если эти приказанія не требуютъ нарушенія присяги, явныхъ преступленій, то они обязательны. Все безправіе подчиненнаго исчезло бы, какъ только законъ скажетъ что для подчиненнаго обязательно только приказаніе по службѣ.

Условіе обязательности приказанія только непосредственнаго начальника, у насъ вовсе не затронуто какою нибудь спеціальною статьею, какъ то мы видимъ у германцевъ; оно можетъ быть выведено изъ общаго смысла закона, но къ несчастью наша практика держится совершенно противоположныхъ основаній, и такимъ образомъ въ этомъ важномъ вопросѣ мы далеко отстали отъ германцевъ.

Кто такой и чьимъ именно начальникомъ считается, это мы прежде всего почерпаемъ изъ дисциплинарнаго устава. У насъ было нѣсколько изданій дисциплинарнаго устава, и съ каждымъ новымъ изданіемъ дисциплинарный уставъ выигрывалъ въ ясности. По опредѣленію дисциплинарнаго устава начальникъ тотъ, кому принадлежитъ карательная власть, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находится часть, къ которой принадлежитъ подчиненный, и послѣднее изданіе

дисциплинарнаго устава, послѣдовавшее въ 1879 г., особенно категорично опредѣляетъ кому именно, какая карательная власть принадлежитъ. 59 ст. дисциплинарнаго устава говоритъ, что старшій чиномъ не имѣетъ права подвергать дисциплинарному взысканію младшаго, если послѣдній ему не подчиненъ; право наложенія дисциплинарнаго взысканія принадлежитъ тому начальнику, въ вѣдѣніи котораго виновный состоитъ, или которому онъ подчиненъ по порядку службы хотя и временно. Только тотъ унтеръ-офицеръ, который на самомъ дѣлѣ командуетъ *отдѣленіемъ*, имъ завѣдываетъ, который командуетъ взводомъ, пользуется карательною дисциплинарнаго властью, и надъ тѣми только нижними чинами, которые къ этому отдѣленію или взводу принадлежатъ. Субалтернъ-офицеръ, которыхъ можетъ быть нѣсколько въ ротѣ, можетъ наказывать не каждаго солдата роты, а только той части роты, которая ему вслѣдствіе спеціальныхъ распоряженій подчинена. Точно также ротный командиръ имѣетъ право наказывать только солдатъ своей роты; баталіонный своего баталіона, полковой своего полка и т. д. Очевидно, что военная дисциплина, какъ мы то не разъ говорили, требуетъ, чтобъ обязательно было только приказаніе прямыхъ начальниковъ, и то только для прямо имъ подчиненныхъ. Это прямо слѣдуетъ изъ XXII св. воен. пост., карающей неповиновеніе только начальникамъ. Вездѣ законъ выражается такъ: за неисполненіе общихъ или лично до кого либо относящихся приказаній *начальника* (104 ст.); за неповиновеніе, т. е. умышленное неисполненіе приказанія *начальника* (105 ст.) за сопротивленіе исполненію приказаній, или распоряженій *начальника* (106 ст.); за ропотъ противъ распоряженій *начальства* (108); тоже самое мы видимъ въ статьяхъ 110, 111, 112 т. е. во всѣхъ статьяхъ, предусматривающихъ разные виды неповиновеній, вездѣ говорится только о начальникѣ, а если военные наказываются только за неисполненіе приказаній прямыхъ начальниковъ, то значитъ только приказанія этихъ начальниковъ и обязательны, и потому при-

казаніе командира полка, обращенное къ солдату другаго полка—не обязательно; приказаніе субалтернъ-офицера для солдата той же роты, но подчиненнаго другому субалтернъ-офиперу, не обязательно. Такой выводъ можно провѣрить въ различныхъ направленіяхъ.

Статьи о нарушеніи чинопочитанія, то есть оказаніе неуваженія, оскорбленія на словахъ, дѣйствіемъ, статьи 96, 97, 98 вездѣ говорятъ о начальникѣ только, какъ объ объектѣ преступленія, и еслибъ законъ кончилъ на 98 ст., то мы тоже утверждали бы, что и чинопочитаніе можно нарушить только въ отношеніи къ начальнику. Но дѣло въ томъ, что въ уставѣ есть 100 ст., которая постановленія 96, 97, 98 ст. ст., распространяетъ и на старшихъ въ отношеніи младшихъ, а для нижнихъ чиновъ оскорбленія офицеровъ, какого бы то ни было вѣдомства, приравниваетъ къ оскорбленію начальника. Вотъ въ виду только этой статьи оскорбленіе капитаномъ маіора или солдатомъ офицера есть воинское преступленіе, что же касается до неповиновенія, то, такъ какъ 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112 статьями, исчерпывается понятіе подчиненности, и нѣтъ никакой статьи, которая бы къ этимъ статьямъ относилась, такъ какъ 100 ст. относится къ 96—98 ст. ст., то значитъ неповиновеніе солдатъ, въ разныхъ его видахъ, въ отношеніи всякаго офицера и вообще младшаго къ старшему не преступно и приказаніе старшаго не обязательно.

По многимъ соображеніямъ нельзя допустить, чтобъ отсутствіе въ отношеніи 104—112 ст., статьи, подобной статьѣ 100 въ отношеніи 96—97 ст., было бы недосмотромъ, пропускомъ со стороны законодателя. Во-первыхъ, въ самомъ дѣлѣ невозможно, чтобъ для младшаго приказаніе старшаго было бы обязательно; страшная путаница, страшный безпорядокъ были бы результатомъ противоположныхъ отношеній. Солдатъ получилъ извѣстное приказаніе и, затѣмъ получаетъ другое отъ встрѣчнаго офицера и что-же, солдатъ долженъ спѣшить исполнить это второе приказаніе, оставивъ неисполненнымъ первое'

приказаніе своего прямого начальника? Во-вторыхъ, необязательность приказанія, отданнаго не начальникомъ, у насъ не новость. Такимъ образомъ, часовой, стоящій у денежнаго ящика, не смѣетъ уйдти отъ этого ящика, допустить въ ящикъ офицера, сколько бы разъ офицеръ этого ему не приказывалъ. Ни одинъ офицеръ не можетъ проникнуть въ запертое помѣщеніе, у дверей котораго стоитъ часовой, если его туда не проведетъ разводящій ефрейторъ. Вообще вся служба въ караулѣ отличается тѣмъ характеромъ, что никакое приказаніе не прямаго начальника не обязательно. Вообще въ дѣлахъ днежныхъ нашъ законъ не стѣсняется общими взглядами на подчиненность и напр. 125 ст., 2 к., IV ч. св зак. воен. пост., изд. 1859 г., ставитъ вахтера продовольственнаго магазина, подчиненнаго, надъ смотрителемъ магазина начальникомъ, обязывая вахтера слѣдить за дѣйствіями смотрителя и доносить по начальству о всѣхъ вообще противныхъ закону и пользѣ казенной дѣйствіяхъ смотрителя. Во многихъ и многихъ случаяхъ сами ортодоксальные защитники военныхъ интересовъ отказались бы отъ исповѣданія доктрины, что всякій офицеръ есть начальникъ всякаго солдата; нужно только въ вопросъ замѣшать личные интересы. Каждый начальникъ ревниво оберегаетъ свои начальническіе права и яро отстаиваетъ ихъ противъ всякаго, отъ кого видитъ покушеніе на нихъ. Положимъ, кто нибудь, желая оставаться послѣдовательнымъ ученію, что всякій офицеръ есть начальникъ, и его приказанія обязательны для солдата, явился бы въ казармы и приказалъ солдатамъ одѣваться и выходить на ученье. Мы посмотрѣли бы, какъ отнесся бы къ подобному дѣйствію прямой начальникъ солдатъ. Прямой начальникъ конечно взбѣсился бы, наговорилъ бы дерзостей и выгналъ бы вонъ, если надо то и силою нарушителя священныхъ правъ прямого начальника. Приведенный примѣръ кажется ясно показываетъ, что не всякій офицеръ начальникъ для солдата и приказаніе не всякаго офицера обязательно для солдата.

Наконецъ, если не въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ есть от-

носительно подчиненности, статья подобная 100 въ отношеніи чинопочитанія, то въ дисциплинарномъ уставѣ есть статья 56, которая говоритъ, что за нарушеніе младшими въ присутствіи старшаго общаго порядка военной службы и дисциплины или общественнаго въ публичномъ мѣстѣ благочинія и не отданіе установленной чести, старшій не только вправѣ, но обязанъ сдѣлать младшему напоминаніе и можетъ его арестовать. Такая обязанность возлагается въ отношеніи штабъ и оберъ офицеровъ на генераловъ, въ отношеніи оберъ-офицеровъ на штабъ-офицеровъ, въ отношеніи нижнихъ чиновъ на всѣхъ офицеровъ.

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ законъ считаетъ нужнымъ приравнять права младшаго къ правамъ начальника, тамъ онъ этого не упустилъ и сдѣлалъ. Но нужно держаться точныхъ предѣловъ 56 ст., и тогда опять мы должны заключить, что *вообще* приказанія старшаго не обязательны для младшаго; они обязательны для младшаго только въ извѣстномъ, опредѣленномъ случаѣ, опредѣленномъ въ 56 ст. Если современный законъ не имѣетъ спеціальной статьи, въ которой положительно было бы выражено, что обязателенъ только приказъ непосредственнаго начальника, то только потому, что настоящее состояніе нашего законодательства переходное, что оно не рѣшилось еще стать прямо противъ господствующихъ крѣпостническихъ воззрѣній; но общій смыслъ, но общій духъ нашего законодательства таковъ, что обязателенъ только приказъ непосредственнаго начальника.

Таковъ военный законъ о подчиненности; онъ не рѣшителенъ, не рѣшителенъ потому, что идетъ впереди нашей практики, опережаетъ взгляды на этотъ вопросъ со стороны начальниковъ, со стороны офицеровъ. Мы говорили, что все міросозерцаніе начальства крѣпостническое, а въ силу этого міросозерцанія всѣ помѣщики представляли власть для всѣхъ и каждаго крестьянина и въ примѣненіи къ организаціи войска, всѣ офицеры суть начальники каждаго любаго солдата. Выше мы приводили примѣры такого расширенія по-

нятія начальнической власти; здѣсь мы прибавимъ только къ сказанному, что, какъ видно изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1877 г. № 99, въ нашихъ войскахъ привлекаютъ къ суду и обвиняютъ тѣхъ, которые признаютъ, что для нихъ обязательны только приказанія извѣстныхъ опредѣленныхъ начальниковъ, и что не обязательны приказанія, напр., присвоивающихъ власть надъ караулами; одинъ такой случай, дошедшій до главнаго военнаго суда, былъ, какъ мы видимъ, изъ рѣшенія № 99 разрѣшенъ правильно, но въ массѣ случаевъ до глав. воен суда не дошедшихъ, все-таки суды держатся принципа, что приказаніе всякаго старшаго обязательно (дѣло Ястрембскаго и бомбардира Калашникова), что обязательны даже приказанія офицера полицейскаго. Затѣмъ, мы должны сказать, что рѣшенія главнаго военнаго суда, въ виду ихъ разнорѣчій, въ виду шаткости принциповъ, которыхъ держался главный военный судъ въ своей практикѣ, не могутъ приносить полезныхъ результатовъ, и мы видимъ, что главный военный судъ, удаляясь отъ вопроса о караульной службѣ, своею практикою поддерживаетъ крѣпостническіе взгляды. Такимъ образомъ, главный военный судъ въ рѣшеніи 1877 г. № 191, призналъ, что начальникомъ въ отношеніи нижнихъ чиновъ, приказанія котораго обязательны, является всякій офицеръ россійскаго войска. Главный военный судъ основалъ такое свое рѣшеніе на старинномъ законѣ, именно на ст. 408 ч. III кн. I изд. 1859 г., главный военный судъ не могъ вывести изъ военно-судеб. устав, своего положенія, что для нижняго чина обязательно приказаніе всякаго офицера россійскаго войска, и потому главный военный судъ въ своемъ рѣшеніи обходитъ вопросъ о томъ, признаетъ ли воин. уст. о нак. приказаніе всякаго офицера обязательнымъ для нижняго чина и возможно ли неповиновеніе солдата въ отношеніи посторонняго офицера.

Писарь Федорченко не исполнилъ приказанія офицера, но не начальника, выйдти къ нему изъ своей квартиры и гл. воен. судъ призналъ это неповиновеніемъ, но глав. судъ, какъ мы сказали, основалъ свой вы-

водъ не на воин. уст. о нак., а на старомъ законѣ, и тѣмъ подтвердилъ нашъ выводъ, что по воин. уст. о нак. неповиновеніе возможно со стороны солдата только въ отношеніи своего прямаго начальника, а не всякаго офицера. Правда, глав. воен. судъ сослался на 96 ст. воин. уст. о нак., но нужно знать, что глав. воен. судъ разрѣшалъ два вопроса: кому можно оказать неуваженіе и затѣмъ, чье приказаніе обязательно, и вотъ если въ рѣшеніи 96 ст. объясняетъ что-либо, такъ только первый вопросъ, а второй вопросъ, вопросъ о томъ, чье приказаніе обязательно, глав. воен. судъ, за невозможностью опереть свой выводъ на новомъ законѣ, разрѣшилъ на основаніи единственно 408 ст. ч. III кн. I изд. 1859 г.; статья эта стоитъ въ ряду другихъ статей, давно забытыхъ, давно потерявшихъ свою силу статей о томъ, что бороды носить нельзя, что бакенбарды надо сводить съ усами и т. п. Но что же за дѣло главн. воен. суду, что статья 408 представляетъ изъ себя старый законъ, что онъ противорѣчитъ прямому смыслу и духу новаго закона; глав. воен. судъ сознаетъ, что новый законъ ему не союзникъ и на него и не ссылается, глав судъ видитъ только, что 408 ст. нигдѣ въ продолженіяхъ не отмѣнена спеціальнымъ указаніемъ и этого для него довольно, чтобы признать, что 408 ст. дѣйствуетъ, чтобы на нее сослаться, хотя бы этимъ глав. воен. судъ и становился въ противорѣчіе съ новымъ закономъ. Забылъ глав. воен. судъ или не знаетъ, такъ же какъ не знаетъ и все военно-судебное вѣдомство, что мы излагали, напоминали выше, то-есть, что старый законъ отмѣняется новымъ, что въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія закона, законы толкуются по ихъ смыслу и духу и т. д.; глав. воен. судъ не обратилъ даже вниманія на то, что 408 ст. сама по себѣ, что ея содержаніе неудовлетворительно, что въ ней перемѣшано много разнородныхъ предметовъ, и потому не отличается ни строгою обдуманностью, ни точностью, а все-таки примѣняетъ 408 ст. Въ 408 ст. сказано, что по вечерамъ, послѣ переклички, солдаты должны быть наставляемы смѣло и учтиво говорить со всякимъ на-

чальникомъ, чтобы они знали въ чемъ состоятъ обязанности ихъ званія и какому наказанію они подвергаются за невыполненіе своей обязанности. Солдатамъ каждое воскресенье слѣдуетъ читать вслухъ уголовные законы съ истолкованіемъ смысла оныхъ, причемъ всѣ вообще офицеры, въ особенности ротные и эскадронные командиры, обязаны внушать имъ, что совершенное повиновеніе начальству есть душа военной службы и что подъ именемъ начальника должно разумѣть не только офицера своего полка или унтеръ-офицера своей роты, но и всякаго офицера россійскаго войска. Такъ вотъ та знаменитая 408 ст., которая удержала свое значеніе, силу, даже при новыхъ законахъ, введшихъ въ дѣйствіе новые принципы, новыя начала; понятіе начальника, понятіе, какія приказанія обязательны, столь важныя, столь существенныя, столько спутанныя, столько сложныя, разрѣшаются слегка, безъ помощи юридической науки, старою статьею, въ которой вопросъ рѣшается, между прочимъ, попутно, вскользь, слишкомъ частно. Можемъ сказать здѣсь, что нашъ сенатъ держится совершенно противоположной практики. Припомнимъ хотя бы состоявшееся рѣшеніе сената въ послѣднее время по вопросу объ обязанности подписи на документахъ, учиненной на еврейскомъ языкѣ. Существуетъ Высочайшее повелѣніе 1860 г., что въ Польшѣ подпись на документахъ на еврейскомъ языкѣ почитается ничтожною; но сенатъ, по дошедшему до него спору, призналъ дѣйствительнымъ документъ съ еврейскою подписью, причемъ высказалъ, что Высочайшее повелѣніе не имѣетъ силы за введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ въ Польшѣ.

Требованія военно-судебныхъ практиковъ заходятъ далѣе даже того опредѣленія начальника и обязательности приказанія, которое далъ глав. воен. судъ въ рѣшеніи 1877 г. № 191. Такимъ образомъ, изъ рѣшенія глав. воен. суда 1877 г. № 47, мы знаемъ слѣдующее. Варшавскій воен. окруж. судъ призналъ городоваго варшав. полиціи Кучерявенко виновнымъ въ томъ, что когда старшій околодочный

надзиратель унтеръ-офицерскаго званія Лясковскій, но другаго участка, приказалъ городовому Титову взять Кучерявенко, то послѣдній разорвалъ первому шинель, а когда Титовъ и Лясковскій хотѣли посадить его на повозку, то онъ толкался, рвался и барахтался, и приговорилъ Кучерявенко къ наказанію какъ за ослушаніе полицейскаго стража и оскорбленіе одного изъ нихъ дѣйствіемъ. Помощникъ воен. прокурора, подполковникъ Платоновъ, въ поданномъ имъ на приговоръ суда протестѣ, объяснилъ, что судъ установилъ, что подсудимый Кучерявенко находился въ извѣстныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ Лясковскому, вытекающихъ *изъ понятія воинскаго чинопочитанія*, и, признавая затѣмъ, что Лясковскій *выразилъ ему служебное требованіе*, долженъ былъ оказанное подсудимымъ сопротивленіе этому требованію отнести *къ сопротивленію распоряженію начальника*, не смотря на то, что Лясковскій *не былъ непосредственнымъ начальникомъ подсудимаго*, такъ какъ *въ военной службѣ понятіе начальника переносится вообще на старшаго въ чинѣ, когда этотъ послѣдній требуетъ исполненія обязанностей службы.*

Все это весьма можетъ быть по военному, но не юридически и не по военно-уголовному закону, и стоитъ нашего вниманія, потому что объясняетъ понятія о подчиненіи, о приказаніи, господствующія у военныхъ и въ военномъ вѣдомствѣ. Имъ бы хотѣлось какъ можно больше путъ надѣть на живаго человѣка безъ всякой надобности, такъ, ради особаго распорядка, гармоніи, пріятной для глаза. Во-первыхъ, тутъ смѣшано чинопочитаніе съ подчиненностью, что, какъ мы доказали, различается и имѣетъ каждое свои особыя условія. Во-вторыхъ, выходитъ, что какъ только выражено служебное требованіе, то тотъ, къ кому выражено служебное требованіе, уже непремѣнно является подчиненнымъ, но далеко не такъ; для существованія отношеній подчиненности, необходимо, кромѣ выраженія служебнаго требованія, еще извѣстныя, точно опредѣленныя отношенія подчиненности со стороны того, къ кому служебное требованіе обращено. Да-

лѣе, всѣ требованія, выраженныя въ протестѣ, имѣютъ, по мнѣнію протестанта, значеніе въ военной службѣ, а дѣло шло между двумя полицейскими. Наконецъ, совершенно невѣрно утвержденіе протестанта, что въ военной службѣ понятіе начальника переносится на старшаго въ чинѣ, когда этотъ послѣдній требуетъ исполненія обязанностей службы; во-первыхъ, по закону 100 ст. XXII св. воен. пост., старшій въ чинѣ всегда только и остается старшимъ въ чинѣ, хотя и можетъ быть признанъ дѣйствующимъ при исполненіи обязанностей службы, да и это только въ дѣлахъ о нарушеніи чинопочитанія; въ дѣлахъ же о подчиненности, слѣдовательно повиновеніи, сопротивленіи, какъ мы доказали, старшій въ чинѣ никакихъ правъ не имѣетъ—оказать старшему въ чинѣ неповиновеніе невозможно. Есть статья, которая ставитъ старшаго въ положеніе начальника, когда этотъ старшій требуетъ исполненія обязанностей службы; именно статья 56 дисциплинарнаго устава, но въ этой 56 ст. съ точностью обозначены тѣ служебныя обязанности, которыя дѣлаютъ изъ старшаго начальника. Эти служебныя обязанности суть: нарушеніе младшимъ въ присутствіи старшаго общаго порядка службы и дисциплины, или общественнаго въ публичномъ мѣстѣ благочинія и неотданіе установленной чести; но затѣмъ въ этой же 56 статьѣ обозначено, кто именно пользуется въ этихъ случаяхъ правами начальника, а именно: генералы въ отношеніи штабъ-офицеровъ, генералы и штабъ-офицеры въ отношеніи оберъ-офицеровъ, и офицеры въ отношеніи солдатъ; но 56 и затѣмъ 57 ст. не даютъ никакихъ правъ ни въ какихъ случаяхъ унтеръ-офицерамъ въ отношеніи нижнихъ чиновъ, а между тѣмъ Лясковскій былъ только унтеръ-офицеромъ для Кучерявенко, а потому протестъ подполковника Платонова доказалъ, что подполковникъ ревностный служака, но что ему недостаточно извѣстны военно-уголовные законы. Мы думаемъ, что достаточно разобрали вопросъ, чье приказаніе обязательно для военнаго по военному закону, мы указали, чего недостаетъ нашему закону въ этомъ отно-

шеніи и думаемъ, что еслибы въ воинскій уставъ была бы введена прямая статья, категорично опредѣляющая, что обязателенъ только приказъ прямаго начальника, то нашъ законъ удовлетворилъ бы только назрѣвшей потребности; вреда же интересамъ военной службы не было бы нанесено; напротивъ. Мы знаемъ, что такая статья существуетъ въ прусскомъ военно-уголовномъ законѣ и, однако, тамъ дисциплина находится въ положеніи, не оставляющемъ желать ничего лучшаго; у насъ у самихъ въ уставѣ о караульной службѣ прямо говорится, чье приказаніе обязательно для караульнаго, для часоваго; число имѣющихъ право приказывать низведено до минимума и все-таки мы видимъ, что служба въ карауле исполняется у насъ весьма удовлетворительно.

Съ вопросомъ о томъ, чье приказаніе обязательно, тѣсно связанъ вопросъ, какъ мы уже говорили—вопросъ, какія приказанія обязательны.

Крѣпостническій строй нашей военной службы требуетъ, чтобъ всякое приказаніе начальника было обязательно. Всякое приказаніе, всякая повинность, назначенная помѣщикомъ, до jus prima noctis, была обязательна для крестьянина; такой порядокъ выгоденъ для современныхъ крѣпостниковъ, и вотъ они энергично его отстаиваютъ, хотя интересы военной службы того вовсе не требуютъ; интересы военной службы могутъ быть только справедливы. Нѣтъ никакой разумной и справедливой основы, для того, чтобъ признавать обязательнымъ всякое приказаніе начальника. Солдатъ, подчиненный вообще, служитъ не личности, а государству, интересамъ общественнымъ и потому очевидно, что начальникъ можетъ требовать подчиненія, исполненія приказаній вытекающихъ изъ служенія государству, обществу, т. е. только приказанія по службѣ могутъ быть обязательны для подчиненнаго. Примѣръ Германіи доказываетъ, что въ такой постановкѣ вопроса нѣтъ никакой опасности для истинныхъ интересовъ военной службы; въ германскомъ военномъ законодательствѣ

положительно выражено, что только приказаніе начальника *по службѣ* обязательно, а однакоже военная дисциплина въ германской арміи составляетъ предметъ подражаній для другихъ армій, другихъ государствъ.

Въ нашемъ военномъ законодательствѣ существуетъ 69 ст., въ которой сказано, «въ случаѣ совершенія по приказанію начальника дѣянія, признаннаго судомъ преступнымъ, подчиненные подлежатъ отвѣтственности только тогда, когда они превысили данное имъ приказаніе, или же, исполняя приказаніе начальника, не могли не видѣть, что онъ имъ предписываетъ нарушить присягу и вѣрность службы или совершить дѣяніе явно приступное». Эта статья новая въ нашемъ военно-уголовномъ законодательствѣ, такъ и видно, что она внесена въ нашъ законъ съ стѣсненнымъ сердцемъ; это видно изъ ея тяжелой редакціи, изъ неловкаго оборота рѣчи. Сущность ея, то что наиболѣе интересно, читается въ ней не прямо, а между строкъ, только путемъ вывода можно придти къ тому, что именно важно въ этой статьѣ, то есть, что незаконное приказаніе начальника для подчиненнаго не обязательно. Но законодательство можетъ считаться удовлетворительнымъ только тогда, когда оно высказываетъ извѣстные принципы, начала прямо и положительно, а не бродитъ близко да около. Еслибъ теперь военный законъ высказался прямо, что незаконное приказаніе начальника не обязательно для солдата, то этого было бы уже недостаточно; мы полагаемъ, что пришло время, когда нашъ законъ долженъ пойдти дальше и положительно высказать то, что уже имѣется въ германскомъ законодательствѣ 1872 года, то есть, что для подчиненнаго обязательно только приказаніе *по службѣ*; тогда мы отстали бы отъ Германіи только на 10 лѣтъ. Между фразами: «обязательно приказаніе только такое, которое не принуждаетъ подчиненнаго къ дѣянію явно противузаконному» и «обязательно только приказаніе по службѣ», какъ мы то уже показали—цѣлая пропасть. Правовой порядокъ въ войскахъ, только тогда былъ бы удовлетво-

рительнымъ, справедливымъ, когда фраза, послѣдняя изъ приведенныхъ, превратилась бы въ положительную статью закона.

И такъ вотъ въ какомъ положеніи находятся взгляды военнаго начальства на военные интересы, вотъ какіе интересы преслѣдуетъ военное начальство, вотъ какъ принимается дисциплина, вотъ каково правовое положеніе подчиненнаго.

Понятно, что при гласности судопроизводства, при публичности его, при участіи въ процессѣ сторонъ, при тѣхъ гарантіяхъ судопроизводства, которыхъ все-таки весьма достаточно въ XXIV, наши военные суды не могутъ же оставаться безучастными зрителями тѣхъ драмъ съ начальствомъ въ главныхъ роляхъ, которыя проходятъ передъ ихъ глазами, не могутъ же суды не обращать ровно никакого вниманія на дѣятельность начальствъ, выясняющуюся изъ разсматриваемыхъ судомъ дѣлъ; волею-неволею суды раскрываютъ всю неприглядность правоваго быта въ войскахъ, беззаботность, халатность, нерадивость, все своекорыстіе, всѣ неправды начальства; волею-неволею у судовъ выходятъ рѣшенія, приговоры, не имѣющіе въ виду щадить, прикрывать начальническія неправды, напротивъ того, суды подъ-часъ весьма рѣзко порицаютъ ихъ. Судъ, въ основаніе котораго положена правда, справедливость, не можетъ всегда и вездѣ забывать собственное назначеніе и цѣли, и не боится дѣйствовать по правдѣ, не щадящей личныхъ интересовъ начальниковъ, и вотъ гдѣ причина, гдѣ корень всѣхъ порицаній, которымъ подпадаютъ суды военные. Какъ бы ни были далеки отъ совершенства военные суды, но во всякомъ случаѣ не могутъ же они, видя что виноватъ не только часовой, а устройство помѣщенія, у котораго стоялъ часовой, наказывать часоваго и ни слова не сказать о начальствѣ; видя что крадутъ, растрачиваютъ высшіе, наказывать несчастнаго солдата, козла отпущенія, видя, что начальникъ унизительно обращается съ подчиненными, обойдти начальника въ своемъ приговорѣ. А это-то начальникамъ и не нра-

вится и они кричатъ противъ военныхъ судовъ; и замѣтьте какъ странно, тогда какъ съ одной стороны раздаются голоса противъ жестокости военныхъ судовъ, начальники обвиняютъ военные суды въ слабости.

Съ военными судами случилось тоже, что съ гражданскими судами: суды военные имѣютъ совершенно тѣхъ же противниковъ, что гражданскіе. Полиція и вообще администрація, таможни, губернаторы возставали противъ судовъ гражданскихъ за то, что они ограничиваютъ произволъ, выводятъ на чистую воду ихъ беззаконія, точно также и противъ военныхъ судовъ возстаетъ начальство военное— администрація, интенданство, полиція. Противъ гражданскихъ судовъ стали люди, среди которыхъ дѣйствовали матушка Митрофанія, Гулакъ-Артемовская, Овсяниковъ, Юханцевы; точно также противъ военныхъ судовъ возстаютъ такіе начальники какъ З., какъ генералъ Гер., прославившійся въ дѣлѣ Сал.; уклонялись отъ суда Р. и всѣ важные свидѣтели по его дѣлу съ Б., потому что на судѣ предстояло раскрытіе важныхъ ихъ беззаконій. Противъ новыхъ гражданскихъ судовъ съ яростью возстали крѣпостники, люди незаслуженныхъ привилегій, эксплоататоры другихъ, люди партіи «Вѣсти», а этимъ людямъ въ военномъ вѣдомствѣ отвѣчаетъ тоже начальство вообще. Всѣ нападки перечисленныхъ нами людей на военные суды, выражаются одними фразами; никто изъ нихъ не рѣшится формулировать свои нападки, дать подробный, положительный отчетъ въ своихъ неудовольствіяхъ, такъ какъ при этомъ пришлось бы раскрыть такіе мотивы, побужденія, которыя не могутъ выдержать свѣта, гласности, критики. Говорятъ вообще, что суды нарушаютъ интересы военной службы, говорятъ, что военные суды должны служить арміи, а между тѣмъ они разошлись съ арміей такъ, что ничего не имѣютъ съ нею общаго. Но если разошлись, то это еще не вина судовъ; суды и не должны заботиться о томъ, чтобъ идти на буксирѣ за искателями тѣхъ военныхъ интересовъ, которые

мы выше подробно разсмотрѣли, не должны заботиться о томъ, чтобъ идти рука объ руку съ арміей. Это невозможно прежде всего потому, что мы не знаемъ, чего хочетъ эта армія, что ей нужно, потому что за армію говорятъ нѣсколько единицъ, арміей не уполномоченные, имѣющіе свои особенные интересы, а во-вторыхъ, судъ долженъ знать, долженъ изслѣдовать только интересы правосудія, справедливости, а затѣмъ уже суду нечего заботиться о томъ, чтобъ на пути къ добру, справедливости, идти рука объ руку съ арміей; если армія тоже стоитъ и движется къ этому пути, то она неизбѣжно соединится на этомъ пути, со всѣми тѣми, кто самостоятельно, по своимъ собственнымъ побужденіямъ вышелъ на этотъ путь, а слѣдовательно, и съ справедливымъ судомъ. При правильной постановкѣ дѣла въ судѣ и въ арміи, движеніе рука объ руку, тѣсная связь между арміей и судомъ получатся сами собой. Судъ долженъ искать только истины и правды, и къ нему применетъ все, что не живетъ неправдою, безправіемъ, беззаконіемъ, чей интересъ не идетъ съ правдою въ разрѣзъ.

Судъ военный имѣетъ также и услужливыхъ защитниковъ, но они опаснѣе враговъ, потому что могутъ указать врагамъ пути и средства, возможность сохранить внѣшнее приличіе, внѣшнее благообразіе. Всѣ такіе защитники спрашиваютъ, какимъ образомъ судъ можетъ не удовлетворять военныхъ, если этотъ судъ состоитъ изъ военныхъ же, гдѣ же доказательства того, что судъ идетъ въ разрѣзъ съ такъ называемыми военными интересами? Эти защитники доказываютъ, что военный судъ и теперь вѣдь у ногъ администраціи, что военное начальство и безъ того имѣетъ много законныхъ правъ дѣйствовать въ судѣ и на судъ, какъ ему вздумается, и потому зачѣмъ же измѣнять, ломать настоящее положеніе; защитники даютъ понять начальству, что ему стоитъ только помилостивѣе обращаться съ военно-судебнымъ персоналомъ, и персоналъ этотъ готовъ къ его услугамъ.

Къ числу такихъ друзей военныхъ судовъ относятся напр. Мартыновъ и Анисимовъ, написавшіе свою брошюрку «возможны ли измѣненія въ военныхъ судахъ», и прокуроръ С., пользовавшійся отъ штаба войскъ округа денежными пособіями, пользующійся вѣстовыми и др. болѣе или менѣе крупными выгодами отъ войскъ. Такіе друзья военныхъ судовъ увѣряютъ, что готовы къ услугамъ начальства, что будто бы законъ даетъ въ руки начальства громадныя средства; будто бы 463 ст. XXIV даетъ начальству право руководить слѣдствіемъ; и т. д., и т. д. Но читатель можетъ оцѣнить невѣжество, нравственную несостоятельность всѣхъ подобныхъ увѣреній послѣ всего того, что мы говорили о 463 ст. и др. Эти друзья готовы измыслить всевозможныя уступки самыхъ существенныхъ гарантій правосудія, безцеремонно увѣряя, что всѣ такія уступки касаются неважныхъ, незначительныхъ порядковъ. Тотъ же С., который донесъ коменданту на свидѣтеля по дѣлу З. какъ мы о томъ говорили выше, что свидѣтель свободно выражался на судебномъ слѣдствіи, для наказанія свидѣтеля за оказаніе неуваженія офицеру, выразившемуся въ формѣ его свидѣтельскаго показанія, тотъ же С. увѣряетъ между прочимъ теперь, что онъ такъ почитаетъ начальство, что въ случаѣ маловажныхъ нарушеній совершаемыхъ офицерами, предусмотрѣнныхъ мировымъ уставомъ, даетъ всегда почти условное заключеніе, предоставляя усмотрѣнію начальства предать ли виновнаго суду, или наказать дисциплинарно, и слѣдовательно, чего же еще нужно начальству. А между тѣмъ это совершенная неправда, и такъ поступаетъ прокуроръ С. только послѣ того, какъ пошли новыя вѣянія о томъ, что начальству нужно предоставить побольше власти надъ судами, или же до новыхъ вѣяній, когда дѣло шло о крупныхъ личностяхъ, напр. о сынѣ генерала Д., о полковникѣ З. Прежде же того и въ другихъ случаяхъ прокуроръ С. всегда настаивалъ на преданіи суду за такіе проступки, которые могли бы окончиться дисциплинарнымъ взысканіемъ;

настоять на этомъ Се. удавалась, и тогда когда ближнее начальство было противъ преданія суду и желало воспользоваться правомъ, представляемымъ ему 10 ст. XXIII; таковы дѣла объ офицерахъ Ж. и Б. Непрошенные защитники военныхъ судовъ стараются успокоить начальство, увѣряя начальство, что судъ, его организація, сами уставы все въ пользу начальства, убѣждаютъ, что необходимо оставить все по старому, все это изъ боязни, что при всеобщей ломкѣ могутъ полетѣть всѣ должности и оклады; имъ важно сохранить только это, а услуживать начальству легко, возможно; топтать въ грязь уставы, гарантіи они всегда будутъ готовы, пусть только требованія на ихъ услуги будутъ заявлены.

Съ своей стороны мы прямо и открыто можемъ сказать, что дѣйствительно и судъ, его организація и законы судебнаго процесса противны настоящему безправному положенію подчиненныхъ въ войскахъ, и что судъ и судебные уставы могутъ служить разрушенію крѣпостническаго порядка вещей. Начальники это хорошо знаютъ и не довѣрятся фальшивымъ друзьямъ военныхъ судовъ и военнаго начальства. И дѣйствительно, эти фальшивые друзья не успокоятъ, не утѣшатъ начальства. Правосудіе находится не въ рукахъ одного военнаго суда. Пока еще дѣло попадаетъ въ судъ, оно проходитъ черезъ руки слѣдователя и прокуратуры, и какъ бы ни были испорчены военно-судебные дѣятели, хорошіе законы сдѣлаютъ все-таки что нибудь; и нѣтъ надежды, чтобъ это что нибудь становилось все меньше и меньше; жизнь, общій прогрессъ, будутъ все расширять и расширять это что нибудь, и наконецъ придется-таки разстаться съ старинной совсѣмъ. Какъ не увѣряютъ начальство, что оно многимъ пользуется, но начальство видитъ, что это не такъ; пусть твердятъ, что 463 ст. XXIV св. воен. пост. даетъ начальству возможность руководить слѣдствіемъ, но будутъ же личности, которыхъ все въ большемъ и большемъ количествѣ будетъ выдвигать жизнь, подобные тому слѣдователю, который не допустилъ, какъ мы видѣли, при-

сутствовать при слѣдствіи начальника, не показалъ ему слѣдственнаго дѣла; пусть только будутъ хорошіе законы, а исполнители найдутся. А мы видимъ, что нашъ законъ не все оставилъ въ рукахъ начальства. Такимъ образомъ мы видѣли, что во многихъ случаяхъ уголовное преслѣдованіе можетъ быть начато безъ воли начальства, что слѣдствіемъ вполнѣ самостоятельно распоряжается слѣдователь, что слѣдователь принимаетъ предупредительныя мѣры противъ обвиняемыхъ самостоятельно, что все что сдѣлано начальствомъ по дѣлу, все то можетъ быть отмѣнено, провѣрено слѣдователемъ, что начальство при слѣдствіи играетъ роль полиціи, что слѣдователь можетъ принимать дѣйствительныя мѣры для раскрытія истины, которымъ начальство не можетъ воспротивиться; что слѣдователь можетъ расширять предѣлы слѣдствія до размѣровъ, которыхъ не желало бы давать дѣлу начальство; по окончаніи слѣдствія дѣло поступаетъ къ прокурору, который даетъ по нимъ заключеніе, съ которымъ начальство можетъ не согласиться, но которое весьма трудно парализовать. Начальство можетъ потребовать преданія суду обвиняемаго, но обвинителемъ передъ судомъ является прокуроръ, и законъ даетъ возможность прокурору явиться не обвинителемъ, а въ сущности защитникомъ, преданнаго суду по требованію начальства; съ другой стороны пререканія между начальствомъ и прокуроромъ разрѣшаются главнымъ военнымъ судомъ. На судѣ по закону вліяніе начальства совершенно устраняется, судьи и суды по закону достаточно самостоятельны, начальство по закону является лишь въ извѣстныхъ случаяхъ свидѣтелемъ на судебномъ слѣдствіи; ходъ процесса отъ начальства не зависитъ, оно само можетъ быть преслѣдуемо по почину суда; приговоры суда окончательно отъ начальства не зависятъ; оно не можетъ вліять въ законномъ порядкѣ на измѣненіе приговора. Много, много сдѣлано закономъ въ пользу устраненія начальства отъ дѣла, разъ оно попало въ руки судебной власти.

Все это военному начальству извѣстно, все это военное на-

чальство испытываетъ на себѣ, и потому оно не можетъ слушать тѣхъ, которые думаютъ его успокоить, увѣрить, что оно всемогуще въ судебномъ дѣлѣ; начальство успокоилось бы только тогда, когда судъ безусловно, всецѣло вернулся бы въ его руки; только судъ, построенный на совершенно старыхъ началахъ, удовлетворилъ бы начальство, начальство не пойдетъ на компромисы. Вотъ что настоящій военный человѣкъ, писатель, Гребенщиковъ говорилъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Голосѣ» за 1882 г. № 20. «Не подлежитъ сомнѣнію, что смѣшеніе управленія съ командованіемъ въ сферѣ мѣстныхъ военныхъ управленій при существующей организаціи резервовъ и запасовъ, могло весьма вредно отразиться на положеніи командной части дѣйствующихъ войскъ, если допустить въ принципѣ, что она можетъ подчиниться управленію. Отсюда, какъ послѣдствіе дѣятельность центральнаго управленія могла получить не соотвѣтствующій ей характеръ и явилась возможность существованія суда не какъ органической части вооруженной силы, а какъ части управленія, причемъ компетенція его, выйдя за предѣлы военнаго быта, наводнила всю область военнаго устройства, тѣмъ самымъ обособляя ее отъ остальной части государственнаго устройства». Все это мало понятно, но все-таки видно изъ этихъ строкъ чего желаютъ, о чемъ жалѣютъ военные люди. Гребенщиковъ, ставя выше всего такъ называемую имъ командную часть въ арміи, считая, что ея цѣлямъ и интересамъ должно все уступить, все подчиниться, негодуетъ на судъ и утверждаетъ, что, напротивъ, онъ подчинилъ себѣ все; Гребенщиковъ считаетъ, что судъ долженъ быть частью органической вооруженной силы. Гребщиковъ ни во что ставитъ интересы правосудія, справедливость, права человѣка, которымъ только и можетъ служить отдѣленный военный судъ; все это по его мнѣнію должно уступить командной части.

Совѣтуя начальству завладѣть судомъ, доказывая начальству, что оно можетъ подчинить себѣ судъ, ему говорятъ—вѣдь что же вы

говорите, что суды военные не дорожатъ военными интересами, много даютъ оправдательныхъ приговоровъ, слабо наказываютъ, вѣдь судятъ-то сами военные, которыхъ вы же, начальство, посылаете; отъ васъ зависитъ назначить такихъ судей, какихъ вы желаете; вѣдь судей вы держите въ рукахъ своихъ; дѣйствуйте и достигнете чего желаете. И въ самомъ дѣлѣ, что это значитъ, откуда это идетъ, что судьи берутся изъ военныхъ и этими же судьями недовольны начальники, тѣже военные? Обстоятельство это въ самомъ дѣлѣ интересно и стоитъ того, чтобъ потрудиться надъ его разъясненіемъ. Мы думаемъ, что намъ удастся его разъяснить сущностью всего того, что мы уже говорили и тѣмъ еще разъ доказать справедливость всего сказаннаго. Судъ при нынѣшней его организаціи, при нынѣшнемъ уставѣ судопроизводства не можетъ быть всегда въ рукахъ начальства; судъ изъ 6 военныхъ самъ себѣ не владыка, и что всего важнѣе, интереснѣе, самъ того не подозрѣваетъ.

Правда, въ военномъ судѣ засѣдаютъ все военные, присланные изъ полковъ, но что же изъ этого; все это тѣже люди, что засѣдаютъ и въ полковыхъ судахъ, но не узнаешь ихъ, когда увидишь ихъ, возсѣдающими на судейскихъ креслахъ въ военномъ судѣ, такъ ихъ измѣняетъ, перерождаетъ порядокъ уголовнаго процесса, обстановка уголовнаго процесса по судебнымъ уставамъ. Тѣже люди сидятъ въ военныхъ судахъ, что и въ полковыхъ, но какая разница, какая разница въ разборѣ дѣла, какая разница въ пониманіи дѣла. Тамъ, въ полковыхъ судахъ, все поверхностно, тамъ не разберешь что люди дѣлали, куда шли, чего хотѣли; здѣсь все это лучше; тамъ обвиняемые не довѣряютъ справедливости судовъ, ругаются, а здѣсь ничего подобнаго. Мы не знаетъ примѣра оскорбленія военнаго суда, а полковой судъ постоянно терпитъ оскорбленія. Мы знаемъ только единственный случай, когда въ военномъ судѣ обвиняемый пустилъ камнемъ въ прокурора, но это былъ прокуроръ, про котораго говорили что онъ за все и про все требуетъ разстрѣла. Случаи оскорбленій

полковаго суда были многочисленны и вотъ они. О полковомъ судѣ въ самомъ судѣ обвиняемый выразился «это дневной разбой!» (рѣш. гл. воен. суда 1872 г. № 31). На вопросъ председателя бригаднаго суда доволенъ ли обвиняемый приговоромъ, послѣдній отвѣчалъ, что не признаетъ надъ собой бригаднаго суда и знать его не хочетъ и даже не хочетъ ничего слушать, и махнувъ съ неудовольствіемъ рукою, бросился къ выходной двери, говоря, что къ нему несправедливы, причемъ добавилъ, что хочетъ быть судимъ въ военномъ судѣ (1874 г. № 98). Обвиняемый въ письменномъ отзывѣ на приговоръ о немъ полковаго суда выразился: «я дурацкимъ судомъ не доволенъ» (1874 г. № 222). Рядовой Кучунинъ, по прочтеніи ему въ присутствіи полковаго суда приказа о преданіи его полковому суду, произнесъ «да я, гг. судьи, вовсе не желаю судиться этимъ судомъ и показывать ничего не буду, пускай меня предаютъ военному суду, а этотъ судъ незаконный, неправедный (1873 г. № 236). Полковой судъ оскорбленъ рядовымъ Быстроковымъ (1873 года, № 266) и другимъ рядовымъ (1877 г. № 7). Призванный въ полковой судъ, обвиняемый, обращаясь къ суду, сказалъ: «гг. судьи, зачѣмъ вы меня призвали; вамъ не меня, а пьяныхъ бабъ судить» и прибавилъ площадную брань (1879 г. № 179). Откуда же все это? Прежде всего отъ обстоятельствъ вовсе не зависящихъ отъ личности. Отчего самъ начальникъ, полковой командиръ гораздо строже относится къ обвиняемому, чѣмъ даже полковой судъ? Отъ того, что, полковой командиръ есть сторона въ дѣлѣ, отъ того, что онъ знаетъ что отъ количества и свойства преступленій въ его части зависитъ его репутація; съ количествомъ преступленій въ части тѣсно связанъ его личный интересъ; мало въ его части преступленій, онъ можетъ получить награду, благодарность, такъ что каждый преступникъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ личный врагъ полковаго командира, посягатель на его интересы, отсюда и раздраженіе полковаго командира, отсюда желаніе болѣе строгихъ наказаній, при пониманіи наказанія, какъ

устрашенія, отсюда жажда какъ можно большаго числа обвиненій. Мало того, вѣдь всякое преступленіе нарушаетъ спокойствіе полковаго командира, отвлекаетъ его отъ болѣе выгодныхъ для него занятій съ частью; понятно, что гнѣвъ его падаетъ на того, кто ему мѣшаетъ. Полковой командиръ имѣетъ весьма узкій кругозоръ; передъ нимъ является проступокъ или преступленіе безъ сравненія съ другими, безъ сопоставленія преступника съ другими, безъ сравненія съ болѣе широкими потребностями въ правдѣ и правосудіи, чѣмъ можетъ представить изъ себя полкъ, а извѣстно, что и маленькій предметъ, ничтожное явленіе, въ отсутствіи другихъ, большихъ, можетъ показаться значительныхъ размѣровъ самъ по себѣ; вообще путь сравненій есть одно изъ средствъ добраться истины, а его-то лишенъ полковой командиръ.

Затѣмъ вы имѣете полковой судъ, тутъ кругозоръ можетъ быть еще уже по субъективнымъ качествамъ судей, но за то меньше личной злобы, чѣмъ у полковаго командира, меньше личныхъ интересовъ, оттого и приговоръ мягче; полковой командиръ весьма часто приговоры полковыхъ судовъ находитъ уже мягкими; хотя приговоры судовъ являются вполнѣ неправильными, такъ какъ судьи предоставлены собственнымъ ничтожнымъ силамъ, такъ какъ полковые суды все-таки близко стоятъ къ каждому дѣлу, случившемуся у нихъ же въ полку, знаютъ часто лично обвиняемыхъ, ихъ біографію. Совсѣмъ въ другой обстановкѣ, въ другихъ условіяхъ являются тѣже люди, когда ихъ призвали засѣдать въ военномъ судѣ. Вспомнимъ, что дѣйствія людскія опредѣляются обстоятельствами. Офицеръ, дѣлаясь временнымъ членомъ на 6 мѣсяцевъ, отрывается отъ полковой жизни, отъ своихъ ближайшихъ начальниковъ, отъ заѣдавшей его рутины, въ полку его дѣйствія опредѣляются предшествующею жизнью; становясь членомъ военнаго суда, онъ можетъ начать дѣйствовать безъ всякой связи съ предшествующими грѣхами; онъ можетъ обновиться, явиться добрѣе, безпристрастнѣе, разумнѣе. Во временныхъ судьяхъ нѣтъ мотивовъ

для личной злобы ко всякому, кто предстанетъ предъ ними въ качествѣ обвиняемаго; въ большомъ городѣ интересы временнаго члена не могутъ такъ сосредоточиться на одномъ объектѣ; нѣтъ опредѣленныхъ мотивовъ для злобы къ тому или другому обвиняемому, лицу вполнѣ дотолѣ неизвѣстному; интересы судей не имѣютъ даже отдаленной связи съ преступникомъ, все это настолько дѣйствительно и важно, что если случайно бываетъ не такъ, то и результаты получаются другіе. Передъ глазами военныхъ судей проходитъ масса обвиняемыхъ изъ разныхъ сферъ, съ разными побужденіями, разною степенью злой воли, разными послѣдствіями, вредомъ, слѣдующимъ за преступленіемъ; для временныхъ судей является болѣе широкая возможность сравнивать, выбирать; на многое, что они считали прежде крайне преступнымъ, проливается новый свѣтъ; временные судьи видятъ, что тѣ строгія наказанія, тѣ крайнія мѣры и степени наказаній, которыя они расточали прежде безъ разбора, надо экономизировать, скупо расходовать, приберегать для случаевъ выходящихъ изъ ряда вонъ, что ихъ нельзя прикладывать безъ разбора ко всякому; временные военные судьи видятъ, что преступники вовсе не ихъ личные враги и смягчаются. Жизнь судей временныхъ въ теченіи 6-мѣсячной сессіи сталкиваетъ ихъ съ большимъ числомъ противоположныхъ теченій и вліяній и они смягчаются. Все это не можетъ не отразиться на судьяхъ и ихъ приговоры выходятъ менѣе строгими, чѣмъ тѣ, которыхъ алкали начальники, предававшіе обвиняемыхъ суду.

Затѣмъ судьи временные находятся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ сторонъ. — Какъ ни самонадѣянны судьи, какъ ни часто они говорятъ прокурорамъ и защитникамъ: говорите поменьше, ведите слѣдствіе поскорѣе, вѣдь намъ все извѣстно, мы все знаемъ, мы все заранѣе рѣшили, взвѣсили, но этимъ не должны смущаться прокуроры и защитники и должны дѣлать свое дѣло; временные судьи сами не замѣчаютъ, какъ они подчиняются тому, что приходится имъ слышать на судѣ. — Иначе, откуда бы у судей временныхъ явились тѣ знанія

судейскія, которыхъ мы вовсе не замѣчаемъ въ полковыхъ судахъ, откуда въ ихъ приговорахъ явились бы слѣды права и справедливости, слѣды знанія, что придерживало бы ихъ на томъ пути, который начертанъ въ судебныхъ уставахъ, еслибъ то не было между прочимъ участіе сторонъ; какъ ни мало воспріимчивы, какъ ни мало приготовлены временные военные судьи къ усвоенію того, что имъ приходится узнать отъ сторонъ, но вѣдь и камень долбится по каплѣ. Мы полагаемъ, что если наша военные суды пользуются какимъ нибудь довѣріемъ въ войскахъ сравнительно съ судами полковыми, что многіе униженные и оскорбленные возлагаютъ свои надежды на военные суды, то благодаря, между прочимъ, тому, что въ военномъ судѣ есть стороны; какъ ни слабы до сихъ поръ эти стороны, потому ли что встрѣчаютъ на каждомъ шагу препятствія, или по другимъ причинамъ, но онѣ все-таки способствуютъ осуществленію гарантій справедливости.

Трудна задача сторонъ; онѣ имѣютъ передъ собою судей, которые не привыкли къ настойчивому, усиленному, продолжительному вниманію, сосредоточенію на одномъ вопросѣ, къ чему способны люди постоянно мыслящія, а вѣдь въ частяхъ, въ которыхъ временные судьи проводятъ свою жизнь, имъ твердятъ «не разсуждай»; не велико къ тому же, какъ мы увидимъ, образованіе временныхъ судей, но за то и велика заслуга сторонъ. Въ какой бы несовершенной формѣ не доходили до временныхъ судей тѣ принципы и начала, которые должны руководить судьей при обсужденіи и рѣшеніи дѣла, все-таки знакомство ихъ со всѣмъ этимъ отражается плодотворно на ихъ дѣятельности. Передъ военнымъ судомъ и обвинитель является, только во имя какого нибудь права; вѣдь онъ и не смѣетъ явиться если, дурно или хорошо, не защищаетъ какой нибудь правды; если эта правда, если интересы защищаемые обвинителемъ не прямо справедливы, безсодержательны, то фальшъ сейчасъ же дастъ себя чувствовать въ рѣчи самаго обвинителя. Судьи отъ сторонъ постоянно слышатъ

о волѣ, о побужденіяхъ, о совѣсти, объ осторожности, о судебныхъ ошибкахъ, о ненужности неправды, имъ твердятъ, что лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго; хотя это и чужая, но авторитетная фраза, что тѣмъ лучше; авторитетъ лучшее орудіе дѣйствія на людей изъ такой среды, какъ военные судьи; судьямъ твердятъ о безплодности мести; они слышатъ возраженія, споры; они слышатъ, что нельзя рѣшать дѣло по впечатлѣнію, что нужно твердое убѣжденіе, основанное на твердыхъ доказательствахъ, что каждый долженъ нести отвѣтственность только за себя; судьи все это слышатъ и разъ и тысячу разъ; волею-неволею все это впитываютъ въ себя, и невольно, незамѣтно для себя подчиняются слышанному; имъ становится извѣстнымъ, что вездѣ, за стѣнами того суда, гдѣ они сами функціонируютъ, руководствуются принципами права и справедливости, что это вѣчная основа, вѣчная цѣль, къ которой должны стремиться судьи, и потому и военные судьи смѣло берутъ себѣ въ руководители правду и справедливость. Вліяніе сторонъ на судъ является такимъ образомъ цивилизующимъ, просвѣтительнымъ, и судьи смягчаются, судятъ всестороннѣе, разумнѣе, справедливѣе. Военные суды отправляютъ правосудіе въ большихъ городахъ, гдѣ общественное мнѣніе, какъ бы ни было слабо, а все-таки существуетъ, и тѣмъ или другимъ путемъ, подъ-часъ весьма кривымъ, доходитъ до судей, и вліяетъ на нихъ, и судьи, зная, что надъ ними хотя и слабо, но все-таки бдитъ общественное мнѣніе, становятся осторожнѣе. Изъ рѣчей сторонъ судьи наконецъ знакомятся съ положительнымъ правомъ, и взгляды и понятія ихъ становятся отчетливѣе, основательнѣе, яснѣе. Судъ военный, процессъ военно-уголовный является школою права для временныхъ судей и чѣмъ дольше они сидятъ въ военныхъ судахъ, тѣмъ дѣлаются лучше; чѣмъ ближе они подходятъ къ концу 6 мѣсячнаго срока, тѣмъ приговоры ихъ становятся гуманнѣе, справедливѣе, основательнѣе, умнѣе, тѣмъ меньше въ нихъ отражается той рутины, нетерпимости,

жестокости, несправедливости, съ обильными запасами которыхъ временные судьи приступаютъ къ своей дѣятельности. Временные военные судьи временныхъ судовъ, дѣйствующіе въ менѣе значительныхъ городахъ, всего только въ продолженіи 2, 3 недѣль, всегда даютъ менѣе удовлетворительные съ точки зрѣнія справедливости приговоры, чѣмъ приговоры постоянныхъ военныхъ судовъ. Временные судьи расходясь по своимъ частямъ, по окончаніи сессіи, разносятъ туда тѣ полезные и болѣе справедливые взгляды, которыми они пропитались въ судахъ; судъ военный дѣйствуетъ какъ школа права, потому является полезнымъ для арміи; еслибъ суды гражданскіе замѣнили военные, то, находясь въ меньшей связи съ войскомъ, они не могли бы имѣть того благодѣтельнаго вліянія на войско, какъ можетъ оказать отдѣльный военный судъ, изъ котораго судьи возвращаются въ войска. Вотъ одна изъ причинъ, которая побуждаетъ насъ высказаться за отдѣльные военные суды.

Все нами сейчасъ сказанное о военныхъ судахъ представляетъ также причины, почему начальство не можетъ забрать окончательно въ свои руки судъ, почему судъ ускользаетъ изъ рукъ начальства, а потому приговоры военныхъ судовъ часто противорѣчатъ ожиданіямъ высшаго начальства, которое преслѣдуетъ вовсе не тѣ цѣли, руководится при разрѣшеніи дѣлъ другими началами, чѣмъ правосудіе, какъ это мы уже достаточно развили и доказали. Судъ военный весьма часто является зеркаломъ, въ которомъ отражаются всѣ неправды, весь произволъ начальства, все безправіе подчиненнаго передъ начальствомъ, понятно почему у начальства является желаніе разбить это зеркало въ дребезги. Пока будетъ существовать настоящая организація суда, пока процессъ судебный будетъ вестись по началамъ устава уголов. судопроиз., до тѣхъ поръ начальство при его нынѣшней организаціи, нынѣшнемъ правовомъ порядкѣ, не будутъ удовлетворено, и не успокоится никакими увѣреніями будто судъ у ногъ его. къ услугамъ его. Можетъ быть отдѣльныя личности вро-

дѣ прокуроровъ Мор. М. и С. судей Ак., Це.. Мор. Наз. Стр., Гир. Тим. Уш, Кар, Ан, и многихъ, весьма многихъ другихъ и готовы будутъ стоять въ повиновеніи у начальства, можетъ быть слѣдователи А, Др. и многіе другіе и будутъ производить слѣдствія подъ руководствомъ начальства, какъ то Анисимовъ заявилъ въ своемъ печатномъ проектѣ; можетъ быть прокуроры Ост. Сак. и Ры, и искренне заблуждаются, что само начальство призываетъ ихъ къ искорененію хищенія въ войскахъ, но жизнь, обстоятельства, интересы начальства будутъ сильнѣе говорить и требовать.

И дѣйствительно мы видимъ, что начальство добилось своего: въ главѣ прокурорскаго надзора и управленія военно судебн.-вѣдом., поставленъ человѣкъ который, суди по его рѣкамъ въ газетахъ поставилъ себѣ задачею сблизить съ войсками, удалившійся отъ нихъ, судъ; при глав. воен. судномъ управленіи составлена коммисія, которой поставлено задачей разработать слѣдующія общія положенія: прежде всего, говорятъ, суды нужно преобразовать въ томъ отношеніи, чтобъ сблизить суды съ войсками, отъ которыхъ суды будто бы удалились; нужно заставить суды служить военнымъ интересамъ; а что это значитъ, мы уже достаточно говорили. Кругъ вѣдомства полковыхъ судовъ хотятъ расширить; предоставить имъ разсматривать преступленія, за которыя въ законѣ положены дисциплинарные баталіоны; а это составитъ значительную долю воинскихъ преступленій; несогласія полковыхъ командировъ съ приговорами полковыхъ судовъ, разрѣшавшіяся прежде военнымъ судомъ, предоставить усмотрѣнію начальниковъ дивизіи. Нужно вспомнить, что такое представляютъ изъ себя полковые суды? Суды, основанные на старой процедурѣ, вполнѣ зависимые отъ начальства, организованные изъ личностей не имѣющихъ совершенно юридическаго образованія, вполнѣ зависимыхъ отъ полковаго командира, имъ назначаемыхъ, смѣняемыхъ, наказываемыхъ, суды закрытые, гдѣ не допускается защита, жалоба подсудимаго;

приговоры ихъ утверждаются, измѣняются въ извѣстныхъ предѣлахъ полковымъ командиромъ, т.-е. властью предающею суду; затѣмъ очевидно, что значеніе администраціи военной сильно подымется если несогласія теперь будутъ разрѣшаться начальникомъ дивизіи. Развѣ такія измѣненія не доказываютъ, что судъ въ военномъ вѣдомствѣ пойдетъ назадъ, въ смыслѣ исключительнаго преобладанія начальства? Не лучше ли было бы совсѣмъ уничтожить судъ и предоставить всѣ дѣла личнымъ усмотрѣніямъ начальства; было бы гораздо дешевле! а экономія, вѣдь, такая вещь, передъ которой все, будто бы, должно уступать. Дальше въ военныхъ судахъ будутъ сдѣланы слѣдующія измѣненія: военно-судебный персоналъ и производство дѣлъ въ судахъ будутъ прямо подчинены власти начальниковъ округовъ, то есть независимость судовъ вполнѣ уничтожена; будетъ введено то, что до сихъ поръ считалось величайшимъ вредомъ, какъ то видно изъ настоящаго труда; если въ законы будетъ положительно введена статья о подчиненіи судовъ начальникамъ округовъ, то тѣмъ самимъ будетъ сдѣлано все для подчиненія судовъ всякому, любому начальнику, потому что черезъ начальниковъ округовъ всякіе начальники будутъ проводить свои желанія, свои взгляды, свои требованія.

Дѣла будутъ возбуждаться единственно военными начальниками; до сихъ поръ этого не было, какъ мы излагали, несмотря на 214 ст. XXIV св. зак. воен. пост.; — несогласія прокуроровъ по вопросу о преданіи суду лицъ, о которыхъ кончено слѣдствіе, будутъ разрѣшаться не главнымъ судомъ а высшимъ начальствомъ обвиняемыхъ, приговоры судовъ будутъ опротестовываемы начальствомъ; въ самомъ процессѣ будутъ введены мѣры уничтожающія публичность, устность, ограничена защита; слѣдствія будутъ производиться лицами взятыми изъ фронта, независимость слѣдователей будетъ уничтожена; прокуроры приданы начальникамъ. Всѣ эти мѣры конечно могли быть толь-

ко внушены военнымъ начальствомъ, и осуществлены только при торжествѣ начальнической партіи, видящей въ правильномъ судопроизводствѣ помѣху для себя.

Впрочемъ, видны въ основныхъ положеніяхъ, надъ которыми работаетъ коммиссія, слѣды либерализма; между прочимъ, имѣется въ виду постановку вопросовъ сдѣлать публичною; но къ чему это? что изъ этого можетъ выйдти, когда вмѣстѣ съ тѣмъ хотятъ ограничить защиту; вѣдь постановка вопросовъ публично можетъ имѣть смыслъ только при полной свободѣ защиты.

Мы бы почитали себя счастливыми, еслибъ настоящимъ трудомъ намъ удалось бы отнять возможность у начальства, у принявшихъ на себя служеніе начальству, проповѣдывать, что судъ съ его гарантіями вовсе не нуженъ, что онъ можетъ быть съ успѣхомъ замѣненъ дѣятельностью начальниковъ, ихъ личными усмотрѣніями на томъ основаніи, что начальники такъ совершенны нравственно, такъ доброжелательны, проникнуты идеями добра, что конечно всѣ ихъ рѣшенія, дѣйствія есть сама справедливость; все это не можетъ быть опровергнуто общими фразами, но мы сгруппировали такую массу фактовъ, данныхъ, о которую разобьются всякія общія фразы. Мы думаемъ, что доказали положительно, что для войска нуженъ судъ, судъ независимый, судъ дѣйствующій при всѣхъ возможныхъ гарантіяхъ справедливости, что только такой судъ можетъ явиться однимъ изъ важныхъ дѣятелей для того, чтобъ ввести правовой порядокъ въ войскахъ, чтобъ поставить военную службу на настоящій путь, указываемый современными требованіями; и затѣмъ чѣмъ судъ будетъ устроенъ правильнѣе, чѣмъ военно-судебный уставъ будетъ меньше дѣлать отступленій въ пользу такъ называемыхъ интересовъ военной службы, тѣмъ вліяніе суда будетъ рѣшительнѣе и благотворнѣе. Сказаннымъ опредѣляется характеръ тѣхъ измѣненій въ организаціи суда и въ процессѣ судебномъ, которыя желательны въ интересахъ арміи справедливо понимаемыхъ. Всѣ эти измѣненія прямо, само собою вытекаютъ

изъ предыдущаго изложенія и перечисленіе ихъ мы откладываемъ подъ конецъ нашего труда.

Кромѣ отправленія правосудія на раціональномъ основаніи, есть еще другой агентъ, который могъ бы поднять военный правовой порядокъ съ того низкаго уровня, на которомъ онъ стоитъ; это именно образованіе,—образованіе общее и юридическое, но и то и другое, какъ это мы сейчасъ докажемъ, стоитъ на низкомъ уровнѣ въ офицерской массѣ, и будетъ стоять низко, потому надежды съ этой стороны напрасны.

Общее образованіе въ нашихъ войскахъ просто пренебрегается; не могутъ понять какое значеніе, какую пользу могутъ принести общія знанія въ дѣлѣ стрѣльбы, маневрированія, постройки укрѣпленій, дѣйствія при орудіяхъ и т. д., но едва ли возможно сомнѣваться, что только глупость или недобросовѣстность можетъ довольствоваться офицерами годными лишь для дѣйствія при орудіяхъ, или служить пушечнымъ мясомъ. Общее образованіе важно потому, что оно вообще развиваетъ человѣка, что только образованный человѣкъ способенъ толково, умѣючи и маневрировать и строить укрѣпленія, дѣйствовать при орудіяхъ; въ каждомъ индивидуумѣ важенъ прежде всего человѣкъ, а затѣмъ уже спеціалистъ, ремесленикъ, рабочій. Человѣкъ образованный иначе смотритъ на жизнь, на свои права, и обязанности; общее образованіе потому и необходимо, что человѣкъ съ общимъ образованіемъ сознаетъ, что, являясь маленькою крупинкою, онъ частица цѣлаго, сознаетъ солидарность интересовъ, что долженъ работать на пользу цѣлаго, что въ цѣломъ, въ его интересахъ, потребностяхъ, пользахъ, цѣль для дѣятельности каждаго, отдѣльнаго индивидуума, что только процвѣтаніе интересовъ каждой отдѣльной личности создаетъ благосостояніе цѣлаго, и потому личность каждаго имѣетъ свою общественную стоимость, что въ обществѣ каждая личность имѣетъ право на обезпеченіе ея правъ, на уваженіе къ ея правамъ. Но потому же самому человѣкъ съ общимъ обра-

зованіемъ вредень въ такой средѣ, гдѣ господствуетъ крѣпостническій строй, гдѣ масса приносится въ жертву, эксплоатируется немногими личностями, гдѣ всякій изъ массы имѣетъ значеніе настолько, насколько онъ, отказавшись отъ своихъ правъ, служитъ пользѣ, выгодѣ отдѣльныхъ личностей, гдѣ все опредѣляется произволомъ нѣсколькихъ, гдѣ права принадлежатъ лишь нѣкоторымъ, а остальные знаютъ только обязанности. Нѣтъ надежды чтобъ при теперешнемъ положеніи вещей образованные люди шли и оставались въ войскахъ. Та атмосфера, среда, какую мы представили въ нашемъ трудѣ, та обстановка, въ которой приходится дѣйствовать и жить подчиненнымъ, какими являются сначала всѣ, а громадное большинство весьма долго остается, такъ тяжела, такъ удушлива, что едва ли образованный человѣкъ можетъ въ ней жить.

Вы можете услышать въ обществѣ офицеровъ такую иронію надъ своими собственнымъ существованіемъ: почтовая лошадь, да русскій офицеръ это самыя несчастныя существа; и дѣйствительно, офицеръ необразованный, приниженный, неимѣющій своего я, слишкомъ дешево оплачиваемый, способенъ только влачить печальное существованіе; низкіе интересы, низкія воззрѣнія, печальный образъ. Ничего гордаго, смѣлаго, энергичнаго, и какъ ни кажутся въ противорѣчіи со сказаннымъ понятія о мундирной чести, кровавыя расправы со штатскими за поруганную честь, но въ сущности все это не болѣе какъ слѣдствіе печальнаго положенія, того ничтожества, которое вездѣ чувствуется офицеромъ. Приниженный, безсодержательный, но одѣтый въ мишуру, никѣмъ не признанный, становится на ходули, дѣлается притязательнымъ, придирчивымъ, во всякомъ видитъ недоброжелателя, непризнающаго за нимъ того, чего въ немъ и нѣтъ, не способный чѣмъ нибудь серьезнымъ заявить себя, офицеръ ищетъ выхода, поддержки въ фейерверкѣ, въ насиліи, въ расправѣ, которая на время хотя бы ослѣпила зрителей, и привлекла бы вниманіе другихъ къ герою. Если идутъ въ настоящее время и удер-

живаются въ войскахъ, такъ только люди, дошедшіе до 2 или 3 класса гимназіи, а затѣмъ, продолжавшіе свое образованіе въ, невыдерживающихъ ни малѣйшей критики, юнкерскихъ училищахъ, гдѣ программы такъ слабы, невысоки, преподаваніе жалкое, гдѣ заниматься науками некогда, такъ какъ время поглощается фронтомъ, чисткой одежды, амуниціи, ружей, гимнастикой и т. п. Юнкерское училище можетъ удовлетворять, съ нимъ могутъ мириться только весьма недалекіе умы. Мы не будемъ долго говорить о недостаткахъ общаго и спеціальнаго образованія среди офицеровъ и сошлемся только на голосъ офицеровъ генеральнаго штаба, стоящихъ близко у фронта, у военной среды. Вотъ что одинъ изъ офицеровъ писалъ въ № 2076 «Новаго Времени»: «главная болячка нашего строя, надо сказать истину, это весьма слабое развитіе теоретическихъ военныхъ познаній среди строевыхъ офицеровъ, а вслѣдствіе того недостатокъ предпріимчивости, самостоятельности въ ихъ дѣйствіяхъ; научно-образованный офицеръ — большая рѣдкость; полковыя библіотеки наполняются преимущественно романами; военныхъ книгъ почти никто не читаетъ; страницы единственнаго нашего общественнаго журнала «Военнаго Сборника» остаются часто не разрѣзанными. Вотъ почему на войнѣ, въ бою мы опирались болѣе на нравственныя доблести арміи — выносливость, стойкость, храбрость засвидѣтельствованныя передъ лицемъ всего міра, чѣмъ на искусство соображеній и дѣйствій. Щадя солдатскую кровь, намъ необходимо работать на поприщѣ теоретическаго образованія, ради вполнѣ сознательнаго отношенія къ своему дѣлу. Тутъ-то образовательная дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба пріобрѣтаетъ особенную важность и имѣетъ большое значеніе, чѣмъ гдѣ бы то ни было». Если здѣсь сказано, что замѣчается недостатокъ предпріимчивости и самостоятельности въ офицерахъ, то и мы тоже самое утверждали, но въ настоящемъ трудѣ были указаны широко коренныя причины этихъ явленій, и образовательная дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба не, можетъ, помочь;

что такое сами офицеры генеральнаго штаба? Еслѝъ они и въ самомъ дѣлѣ были достаточно образованы, то какъ сторонники и опора того порядка, который мы описывали, они одной рукой уничтожали бы то, что дѣлали бы другіе, вѣдь офицеры генеральнаго штаба и есть ревностные поборники порабощенія всѣхъ проявленій человѣческой природы требованіями нужными только для строя. Во всякомъ случаѣ мы должны, изъ приведенной выписки изъ газеты, замѣтить особенно, что научно-образованный офицеръ большая рѣдкость въ арміи.

Затѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ статей генерала Бобровскаго въ «Голосѣ» о томъ, что такое наши юнкерскія училища, отсылающія для болѣе подробнаго изученія этого вопроса къ отдѣльному сочиненію того же генерала Бобровскаго. Но мы не имѣемъ никакой надобности обращаться къ этому сочиненію и для нашей цѣли совершенно достаточно тѣхъ данныхъ, которыя изложены въ первой статьѣ, помѣщенной въ «Голосѣ». Для насъ важно то, что генералъ Бобровскій разсматриваетъ армію какъ какой-то пріютъ для неспособныхъ. По подлиннымъ словамъ генерала П. Б., способные идутъ въ богословы, юристы, медики, технологи, искусные мастера, а неспособные принимаются съ распростертыми объятіями въ юнкерскія училища. Генералъ П. Б. положительно утверждаетъ, что въ юнкерскія училища идутъ мальчики не одаренные достаточными умственными силами для прохожденія систематически нормальной школы; въ юнкерскія училища попадаютъ такіе, которые не могутъ осилить курса 3, или 5 класса гимназіи. П. Б. утверждаетъ, что юнкерскія училища даютъ хотя и не высоко образованныхъ, но достаточно подготовленныхъ для принятія почетной обязанности офицера въ арміи; но очевидно, что эта послѣдняя фраза поставлена г. П. Б. кверху ногами. Выходитъ, что знанія достаточны потому, что даютъ почетное званіе; нѣтъ, г. П. Б. прежде нужно доказать, что знанія достаточны, тогда мы и сами будемъ знать, что званіе, пріобрѣтаемое этими знаніями — почетное, а то чтоже

въ званіи, когда знаній нѣтъ; какое угодно высокое званіе въ наше время можетъ быть унижено, если нѣтъ знаній. Самъ генералъ П. Б. въ концѣ, концовъ утверждаетъ, что питомцы юнкерскихъ училищъ только и заслугъ имѣютъ, что умираютъ наравнѣ съ солдатами; г. П. Б. восторженно отзывается, что боевыя качества молодыхъ офицеровъ были испытаны въ турецкую войну и ахалтекинскую экспедицію, и въ этомъ отношеніи они ни на мало не уступали офицерамъ изъ военныхъ училищъ; русскій офицеръ обезсмертилъ себя, такъ же, какъ и русскій солдатъ. Въ самомъ дѣлѣ заслуга не малая, но все она не больше той, какую оказалъ и русскій солдатъ; а вѣдь русскій солдатъ нигдѣ не учился, слѣдовательно трудно доказать качество образованія, получаемаго въ юнкерскомъ училищѣ тѣмъ, что бывшіе юнкера падали на полѣ брани наравнѣ съ солдатами, и не уступая офицерамъ изъ училищъ; офицеры изъ военныхъ училищъ падали также какъ и солдаты, да притомъ еще были полезны и своими знаніями, такъ вотъ въ чемъ разница. Генералъ П. Б. можетъ восторгаться юнкерскими училищами, созданіе и веденіе которыхъ приписываютъ именно ему генералу П. Б., но намъ-то нужны доказательства. Генералъ П. Б. говоритъ, что питомцы нѣкоторыхъ юнкерскихъ училищъ отличаются основательнымъ усвоеніемъ элементарныхъ свѣдѣній безъ той широты въ объемѣ и безъ той глубины въ детальномъ развитіи научныхъ вопросовъ, какая можетъ быть доступна только головѣ, обладающей достаточною умственною зрѣлостью и достаточнымъ запасомъ воспріимчиваго духа; но что это такое? какое можетъ быть *основательное* усвоеніе свѣдѣній безъ *широты* и *глубины*, да еще въ головѣ не достаточно умственно зрѣлой. Мы твердо увѣрены, что только при широтѣ и глубинѣ знаній они могутъ быть основательны, только зная предметъ во всѣхъ подробностяхъ, можно распоряжаться своими знаніями съ пользой; знаніе возможно только полное, всякое полузнаніе все равно, что незнаніе, также безполезно; нельзя имѣть основательныхъ элементарныхъ свѣ-

дѣній, не зная предмета вполнѣ. Генералъ, восхваляя дальше юнкерскія училища, говоритъ, что нельзя расширить ихъ программу, что расширеніе программы, несоразмѣрное съ силами учащихся, ведетъ къ результатамъ противоположнымъ задачамъ школы, вмѣсто солидныхъ знаній получается полузнаніе, вмѣсто основательныхъ свѣдѣній, понятій, пріобрѣтается шаткое поверхностное знакомство съ массой свѣдѣній слегка воспринятыхъ и потому не прочныхъ. И такъ генералъ П. Б. называетъ солиднымъ знаніемъ знакомство съ азбукой предметовъ, усвоенной подобно тому, какъ научается говорить попугай. Но вотъ что хуже всего; наговоривши о системѣ юнкерскихъ училищъ такъ много дурнаго, какъ это сдѣлалъ г. П. Б. въ «Голосѣ» затѣмъ тотъ же г. П. Б. приходитъ въ восторгъ, въ неописанную радость, и выходитъ страшный вздоръ, который очень вреденъ, такъ какъ всякое самообольщеніе, всякій телячій восторгъ, лицемѣрное самоудовлетвореніе, въ корнѣ подрѣзываетъ прогрессъ. Еслибъ воспитанникамъ юнкерскихъ училищъ откровенно объяснили, что они мало образованы, у многихъ изъ нихъ явилось бы стремленіе къ самоусовершенствованію, но этого-то и нѣтъ, благодаря, между прочимъ, генералу П. Б., которому такъ свойственно хвалить созданіе рукъ своихъ. Генералъ П. Б. восхищается также и дешевизною юнкерскихъ училищъ и говоритъ, что за 1 милліонъ рублей правительство получаетъ отъ 2 т. до 2,500 офицеровъ; но если эти офицеры способны только умирать наравнѣ съ солдатами, тогда этотъ милліонъ есть брошенныя въ воду деньги; ужъ кто лучше умираетъ, какъ умираютъ солдаты! не лучше-ли на нихъ истратить этотъ милліонъ. Эти 2,500 офицеровъ составляютъ $^3/_4$ всего количества офицеровъ, нужныхъ для комплектованія корпуса офицеровъ въ годъ, слѣдовательно эти офицеры составляютъ большинство всей массы офицеровъ; они сами пребываютъ въ самообольщеніи, а еще тутъ генералъ П. Б. является къ нимъ на помощь съ своими статьями, и они вправду думаютъ, что вполнѣ удовлетворительны, почему и понятно то направленіе, на которое мы ука-

зывали, что дѣйствительно образованнымъ людямъ не мѣсто въ арміи, что люди выдающіеся принуждаются судомъ офицеровъ, прямо или косвенно, къ выходу изъ арміи, и вездѣ господствуютъ офицеры, не бывшіе въ силахъ подняться выше 3 класса гимназіи. Вотъ гдѣ вредъ литературы генерала П. Б.

Горячій защитникъ юнкерскихъ училищъ, генералъ Кренке, въ публичной рѣчи, доказывалъ необходимость развитія этихъ разсадниковъ, потому что дознанъ фактъ, что способные юноши не поступаютъ въ военныя училища, что способные изъ военныхъ гимназій охотно, но по окончаніи военныхъ гимназій, сворачиваютъ съ военной дороги.

Мы перейдемъ теперь къ изображенію отъ себя уровня юридическихъ собственно познаній офицеровъ, служащихъ въ войскахъ; посмотримъ, на сколько въ дѣятельности начальства, офицеровъ заключается гарантій, что подчиненный, совершившій кражу, не будетъ осужденъ за мужеложство.

Мы изложили уже состояніе юридическихъ познаній, обнаруженныхъ военными судами, военно-судебными дѣятелями; низкій уровень этихъ познаній, безъ сомнѣнія, долженъ же превышать то, что мы можемъ встрѣтить въ войсковомъ начальствѣ и у офицеровъ вообще, такъ какъ они же дѣйствуютъ съ судами, они же учатся въ этой школѣ и, слѣдовательно, предоставленные самимъ себѣ, они должны и обнаружить болѣе слабыя познанія. Мы припомнили объ этомъ потому, чтобы читатель не упустилъ изъ виду того, что намъ остается по этому предмету сказать немного. Въ брошюрѣ Мартынова да и вообще въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, гоняющемся нынѣ за сокращеніями расходовъ во что бы то ни стало, хотя бы то и въ ущербъ достоинству дѣла, весьма забавляются мыслью о томъ, что производство слѣдствій можно поручить строевымъ офицерамъ, какъ доказавшимъ своими дознаніями способности къ производству слѣдствій. Мысль эта, выраженная въ брошюрѣ Мартынова, противорѣчитъ другимъ частямъ той же брошюры; производить слѣдствія будутъ, конеч-

но, тѣ же офицеры, которые сидятъ въ полковыхъ судахъ и временными членами въ военныхъ судахъ, а между тѣмъ, говоря о временныхъ судьяхъ и полковыхъ судахъ, Мартыновъ, чтобы имѣть возможность взвалить на временныхъ и полковыхъ судей упреки, дѣлаемые начальствомъ судамъ, рисуетъ въ чрезвычайно мрачныхъ краскахъ познанія офицеровъ по части юриспруденціи. Но въ такомъ случаѣ не понимаемъ, какъ это могутъ производить слѣдствія тѣ, которые оказываются плохими судьями, и какъ эти плохіе судьи могли производить дознанія лучше, чѣмъ слѣдователи производили слѣдствія. Послѣднее утвержденіе составляетъ любимую тему разговоровъ постоянныхъ военныхъ судей. Они утверждаютъ, что дознанія особенно въ таможенномъ вѣдомствѣ лучше производятся, чѣмъ слѣдствія; но во-первыхъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что постоянные-то судьи сами не обладаютъ достаточными свѣдѣніями и потому ихъ голосъ не есть голосъ людей компетентныхъ; во-вторыхъ, говорятъ такъ судьи потому, что скверно изучаютъ слѣдствія и дознанія, о которыхъ произносятъ свои сужденія; что судьи не изучаютъ дѣлъ, это мы уже не разъ говорили и теперь еще подтвердимъ. Вѣдь наши судьи тѣ же бюрократы, тѣ же офицеры вообще, старающіеся какъ нибудь отбыть барщину. По дѣлу канонировъ Кор. и Ксен. оказалось, что избитый ими унтеръ-офицеръ переодѣвался въ статское платье; судъ постановилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія военнаго начальства, а также о томъ, что производившій дознаніе офицеръ не обратилъ вниманія на это обстоятельство; но тутъ нужно было бы довести до свѣдѣнія начальства объ упущеніи самого суда, потому что какъ разъ въ дознаніи обстоятельство о статскомъ платьѣ было изслѣдовано. Можно послѣ того полагаться на отзывы военныхъ судей. Затѣмъ, упомянемъ еще о слѣдующемъ случаѣ. По дѣлу о рядовомъ Сем. въ судъ не явился свидѣтель, показаніе котораго имѣлось въ дознаніи, но который, за дальнею отлучкою, не былъ спрошенъ при предварительномъ слѣдствіи; показаніе его было существеннымъ. Прокуроръ просилъ при-

знать свидѣтеля существеннымъ и, въ случаѣ надобности, прочесть его показаніе. Судъ согласился; произведено слѣдствіе судебное и обстоятельство, о которомъ показывалъ на дознаніи не явившійся на судъ свидѣтель, вполнѣ выяснилось при слѣдствіи допросомъ другихъ свидѣтелей, почему прокуроръ не счелъ нужнымъ просить о прочтеніи показанія. Но предсѣдатель отъ себя дѣлаетъ распоряженіе прочесть показаніе. Порылся въ дѣлѣ секретарь, порылся въ дѣлѣ предсѣдатель, и показаніе не было прочтено, по какой-то невѣдомой причинѣ, о которой не было объявлено для свѣдѣнія; предсѣдатель спросилъ прокурора, считаетъ ли онъ нужнымъ дополнить слѣдствіе чѣмъ-либо, тотъ отвѣчалъ отрицательно. И что же оказывается? Оказывается, что ни секретарь, ни предсѣдатель не нашли въ дѣлѣ показанія свидѣтеля; а между тѣмъ оно было въ дознаніи и подлежало, на основаніи рѣшенія глав. воен. суда, прочтенію. Хорошо значитъ былъ знакомъ съ дѣломъ предсѣдатель; довѣряй потомъ предсѣдателямъ, что они будто изучаютъ дѣла и, на основаніи такихъ изученій, могутъ давать отзывы о достоинствѣ слѣдствій, или дознаній. Предсѣдатели, судьи, какъ мы говорили, а также и прокуроры, любятъ унижать слѣдователей. Судьи порицаютъ прокуроровъ и слѣдователей, прокуроры порицаютъ судей и слѣдователей; слѣдователи порицаютъ прокуроровъ и судей, но такъ какъ слѣдователи разбросаны по захолустьямъ, потому не могутъ составить хора и ихъ голоса не слышны, то со стороны и кажется, что одни слѣдователи во всемъ виноваты. Хотя бы обратили вниманіе и руководствовались тѣмъ, что дѣлается въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Развѣ тамъ поручатъ слѣдствіе о кражѣ со взломомъ полиціи? А полицейскіе, уже конечно, въ состояніи лучше производить слѣдствія, чѣмъ офицеры. За первыми по крайней мѣрѣ практика. Передача слѣдствія офицерамъ вовсе не ускоритъ дѣлъ. Слѣдствія, произведенныя офицерами, конечно, будутъ по нѣсколько разъ возвращаться для дополненій. Будучи не въ состояніи возвысить себя

знаніями, просвѣщеніемъ, прогрессомъ, прокуроры и судьи думаютъ казаться выше, унижая слѣдователей.

Но возьмемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ производятся дознанія; пусть эти дознанія послужатъ пробнымъ камнемъ юридическихъ познаній офицеровъ и начальниковъ.

Прежде всего общая характеристика дознаній. Протоколы этихъ дознаній пишутся всегда старательно, въ формѣ слѣдственныхъ протоколовъ, такъ и видѣнъ разсчетъ, что де прочтутъ мое дознаніе и скажутъ вотъ слѣдователь, такъ слѣдователь. Однако же, и при общемъ стараніи, не смотря на то, что полковые командиры возвращаютъ дознанія по нѣсколько разъ для дополненій, дознанія почти всегда написаны непонятно, безграмотно. Особенно длинныя дознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно безтолковыя дознанія производятся въ таможенномъ вѣдомствѣ. Мы бы предложили тѣмъ, кто подаетъ шаловливые проекты, подобно Мартыновскому, обязать прочитывать такія дознанія въ теченіе нѣсколькихъ дней. Это было бы наказаніе почувствительнѣе, чѣмъ бывшее когда-то въ ходу наказаніе, состоявшее въ чтеніи Телемахиды.

Производимыя офицерами дознанія сразу обличаютъ въ производителяхъ отсутствіе всякихъ юридическихъ познаній; видно сейчасъ, что человѣкъ пишетъ, пишетъ и хорошенько не знаетъ, что пишетъ, куда идетъ, куда кривая его вывезетъ; подбираются данныя, которыя никакого значенія, никакого юридическаго смысла не имѣютъ, и опускаются вещи весьма важныя. Такъ и видно, что человѣкъ не знаетъ состава преступленія, не понимаетъ, чѣмъ преступленіе можетъ быть доказано, чѣмъ опровергнуто; въ цѣломъ дознаніи не откроешь никакой системы, все совершенно случайно. Такова общая характеристика.

Въ частности мы вотъ что имѣемъ.

Простое, кажется, и весьма обыкновенное дѣло о побѣгѣ, а между тѣмъ вотъ какія дознанія выходятъ изъ рукъ офицеровъ. Суще-

ствуетъ громадная разница въ одиночномъ побѣгѣ, или въ побѣгѣ по уговору съ другими. Совершенъ былъ побѣгъ по уговору и одинъ изъ бѣжавшихъ солдатъ возвращается, его разспрашиваютъ и слова его такимъ образомъ вносятся въ дознаніе, будто онъ стоялъ на часахъ у арестантовъ, одинъ изъ которыхъ подговорилъ его бѣжать; по уговору, на другой день, обвиняемый встрѣтился съ подговорщикомъ въ условленномъ мѣстѣ; туда же пришли еще такой-то и такой-то, тоже бывшіе въ сговорѣ. Но гдѣ же эти остальные присоединились къ уговору; содержались-ли они тоже на гауптвахтѣ, или были на свободѣ; былъ ли посредникъ между участниками, содержавшимися на гауптвахтѣ и на свободѣ? Всѣ эти вопросы были дознаніемъ не затронуты. Потребовалось дознаніе дополнить, было предложено разъяснить всѣ изложенные вопросы и оказалось, что весь разсказъ бѣжавшаго выдуманъ, потому что и тотъ, кто будто бы подговорилъ стоявшаго на часахъ, бѣжавшаго и возвратившагося, и тѣ, которые прямо пришли въ условленное мѣсто, ничѣмъ не виноваты въ уговорѣ. Всѣ названные участники содержались на гауптвахтѣ и бѣжали въ разное время, но раньше чѣмъ бѣжавшій и возвратившійся, и о которомъ производилось дознаніе, сталъ ходить въ караулъ на гауптвахту. Очевидно, что производившій дознаніе вовсе не могъ справиться съ дѣломъ.

Находя, что дѣло просто, начальникъ отдаетъ приказъ о преданіи суду безъ производства слѣдствія и присылаетъ прокурору дознаніе; свѣряете приказъ съ дознаніемъ и видите, что въ дознаніи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что написано въ приказѣ. Напр. рядовой Л. мѣстной команды Анд., между прочимъ, въ приказѣ предавался суду за растрату денегъ, ввѣренныхъ ему Зуб.; но въ дознаніи ни слова о томъ, Зуб. вовсе не спрошенъ, Анд. тоже; а между тѣмъ въ перепискѣ, послужившей началомъ дознанію, о растратѣ сказано.

Писарь Гут. обвинялся въ томъ: что похитилъ дѣла изъ канцеляріи.

установлено время, когда кража совершена Гутовскимъ, а между тѣмъ дознаніе свалило на Гут. покражу, которая совершилась раньше, по неумѣнію различить, что прежде сдѣлано, что послѣ.

Ротный командиръ, о рядовомъ Пол. П. П. Мон. рапортовалъ, что онъ ушелъ съ дневальства, и дѣйствительно въ дознаніи значилось, что взводный унтеръ-офицеръ и другіе показали, что Мон. ушелъ съ дневальства, на предварительномъ же слѣдствіи Мон. показалъ, что помѣщался въ отдѣльной казармѣ, гдѣ по малому числу людей дневальныхъ не назначалось. Взводный унт.-оф. на слѣдствіи подтвердилъ показаніе Мон., и добавилъ, что почему его показаніе въ дознаніи написано иначе, то ему неизвѣстно. Въ лучшемъ случаѣ нужно допустить, что, производившій дознаніе, самъ не вѣдалъ, что писалъ; впрочемъ тутъ кстати вспомнить дѣло Т. и П., въ которомъ очутилось двѣ инструкціи, доставленныя начальствомъ одна съ 17, другая съ 18 §§ и т. п. Въ дѣлѣ Мон. военный слѣдователь легко возстановилъ, гдѣ была правда; онъ потребовалъ только отъ полка свѣдѣній о томъ, кто сдавалъ Мон. дневальство и кто отъ него принялъ, и если такіе окажутся, выслать ихъ для допроса въ качествѣ свидѣтелей. Скорехонько былъ полученъ отвѣтъ отъ командира полка, что никого выслать не можетъ, потому что во взводѣ, въ которомъ состоялъ Мон. дневальныхъ не назначали, и вмѣстѣ съ тѣмъ препровождался рапортъ ротнаго командира, который сознавался, что, донося что Мон. отлучился съ дневальства, онъ ошибся.

Обвинялся надзиратель надъ больными уланскаго полка Б., въ томъ, что небрежно смотрѣлъ за раздачей чая больнымъ; такъ выяснило дѣло дознаніе, въ томъ былъ признанъ виновнымъ Б. полковымъ судомъ; по несогласію командира полка, который находилъ, что Б. съ корыстною цѣлью примѣшивалъ цикорій къ чаю, дѣло перешло въ военный судъ, который утвердилъ приговоръ суда, признавшій Б. виновнымъ въ слабомъ за подчиненными надзорѣ; прокуроръ согласно съ тѣмъ, что выяснилось на судѣ изъ допроса офи-

цера завѣдывавшаго лазаретомъ, изъ приказа по полку, основаннаго на дознаніи, опротестовалъ приговоръ военнаго суда, доказывая, что Б. виновенъ въ растратѣ; главный военный судъ, имѣя въ виду данныя дознанія, уважилъ протестъ и дѣло было передано военному слѣдователю, который доказалъ, что не только растраты, но и слабаго надзора не было, что показанія завѣдывавшаго лазаретомъ на судѣ были вымышленныя.

Возьмите любую растрату кантенармусомъ, артельщикомъ и др. продуктовъ, денегъ и т. п., ни въ одномъ дознаніи вы не встрѣтите, чтобы была установлена исходная точка для растраты, никто не устанавливаетъ, что, какъ и кѣмъ было сдано и принято, и затѣмъ все дознаніе принимаетъ видъ какого-то безсвязнаго нагроможденія ненужныхъ подробностей.

Въ дознаніи напр. объ стр. Эк., обвинявшемся въ кражѣ рубашки и простыни, встрѣчаемся съ такимъ знаніемъ грамоты: простыня находилась у прячки, и эта прячка, повторяется нѣсколько разъ; свидѣтель показываетъ, что «осматривалъ рубашку на Эк. и сказалъ унтеръ-офицеру Лям., что видѣлъ на Эк. *ту* рубашку, но не знаю *туже ли* самую, или *другую*». Свидѣтель показываетъ: «17-го февраля, *будучи* за старшаго въ караулѣ, Эк. сказалъ мнѣ и т. д.»; читающій дознаніе подумаетъ, что Эк. былъ за старшаго въ караулѣ, а между тѣмъ на самомъ-то дѣлѣ Эк. содержался подъ арестомъ на гауптвахтѣ, а 17-го февраля, за старшаго въ караулѣ былъ свидѣтель. Далѣе въ дознаніи пишется, что свидѣтель показалъ, «что касается простыни, принадлежащей молодому солдату Т., могу сказать только, что Эк., уходя подъ арестъ, сдалъ мнѣ всѣ казенныя вещи и одну простыню, которую я сдалъ ефрейтору Сер. покрывать тюфяки, а что тотъ по мѣткѣ, которая была выпорота, узналъ свою простыню, то этого не знаю». Но кто узналъ по мѣткѣ: Т., Сер. или кто третій? не ясно; на самомъ дѣлѣ узналъ Т. Далѣе въ дознаніи написано: «молодой солдатъ Я. прійдя съ бани», и да-

лѣе: «тогда я доложилъ объ этомъ своему дядькѣ Минке, который сталъ слѣдить; черезъ двѣ недѣли Минка увидалъ мою рубашку на Эк. и сказалъ мнѣ я узналъ ее; тогда онъ (т. е. Минка) доложилъ взводному и въ присутствіи *ихъ* (кого *ихъ*? солдатъ могъ такъ выразиться, но производившій дознаніе долженъ былъ понять въ чемъ дѣло, и написать какъ слѣдовало, означало ли «ихъ» взводнаго, или многихъ третьихъ лицъ?) сказалъ, что рубашка моя», кто сказалъ? На самомъ дѣлѣ вся эта фраза, какъ оказалось по дѣлу, имѣла слѣдующій смыслъ: въ присутствіи взводнаго и Минки, Эк. сказалъ, что рубашка была его собственная. Неправда ли, какъ это далеко одно отъ другаго.

Но еще не все, продолженіе было слѣдующее. Ефрейторъ Сер. показалъ: «не имѣвъ ни одной простыни такъ (*какъ*?) одна пропала, а другая была у прячки; *по* этому я попросилъ взводнаго унт.-оф. Ч. одну простыню, чтобъ покрыть тюфякъ. Когда я покрылъ (чѣмъ и что?), то молодой солдатъ Т. узналъ свою простыню и хотѣлъ взять, но я ему отвѣтилъ, что спрошу взводнаго, такъ какъ не знаю твоя ли эта или другаго. Сказавъ взводному, *то* онъ приказалъ не отдавать, а когда было ротному командиру доложено, то получилъ приказаніе снять ее (что?) съ койки и положить въ сундукъ». И на подобное дознаніе употреблено 2 мѣсяца; событіе совершилось 8-го февраля, а дознаніе кончилось 7-го Апрѣля.

Кажется простое преступленіе кража на часахъ, и гдѣ какъ не тутъ можно было ограничиться однимъ дознаніемъ, безъ слѣдствія. Совершилъ преступленіе нѣкто Х. резервн. пѣхот. бат., и въ дознаніи сказано, что Х., стоя на часахъ, укралъ сумку изъ цейхгауза; между тѣмъ на самомъ-то дѣлѣ оказалось, что Х. укралъ вовсе не изъ цейхгауза; стоялъ онъ на часахъ въ швальнѣ у дверей цейхгауза, и кромѣ того у него подъ сдачей были разныя казенныя вещи, разложенныя въ швальнѣ на столахъ и ящикахъ, и вотъ изъ этихъ ящиковъ была похищена сумка, а цейхгаузъ былъ цѣлъ, не тронутъ.

Украденную сумку разводящій замѣтилъ у Х. подъ шинелью, когда ставилъ его на часы, а въ дознаніи сказано, что въ то время, когда смѣнялъ его съ часовъ.

Привлекаются къ дѣлу въ качествѣ участниковъ люди вовсе къ дѣлу не причастные. Такимъ образомъ, командиръ Пант. бат., препроводилъ къ военному слѣдователю дознаніе, въ которомъ еврейка, давшая на дознаніи ложное показаніе о вещественномъ доказательствѣ, разсматривалась, какъ укрывательница преступленія.

Сдѣлаютъ ли описаніе мѣстности преступленія, и непремѣнно окажется невѣрно; то что имѣетъ значеніе опущено, помѣщеніе, изъ котораго напр. совершена кража, вмѣсто того, чтобъ въ описаніи стоятъ рядомъ съ помѣщеніемъ изъ котораго проникъ обвиняемый, представляется стоящимъ подъ этимъ послѣднимъ. (дѣло рядов. гусарс. полка Лаб.).

По параграфу 38 инструкціи, надзирателямъ таможенной стражи поимщикамъ контрабанды не воспрещается принимать подкупъ отъ задержанныхъ проносителей контрабанды, но съ тѣмъ, что этотъ подкупъ по полученіи его долженъ быть представленъ въ таможню, заявленъ тамъ и тогда задержатель получаетъ всѣ обыкновенныя награды за поимку, и кромѣ того еще деньги, данныя въ подкупъ. И чтоже, посмотримъ, какъ эти спеціалисты, таможенное вѣдомство знаетъ свою спеціальность. Военный слѣдователь получаетъ дознаніе, въ которомъ подробно изложено, какъ стражникъ старался предлагавшійся ему подкупъ взять при большомъ числѣ свидѣтелей, дѣйствительно взялъ подкупъ и затѣмъ представилъ проносителей съ товарами въ таможню; по этимъ даннымъ требовалось производство слѣдствія по обвиненію въ вымогательствѣ; но въ цѣломъ довольно длинномъ дознаніи, ни слова, представилъ ли В. деньги въ таможню. Слѣдователь спросилъ объ этомъ особо начальство таможенное, и получилъ свѣдѣніе, что В. деньги дѣйствительно внесъ въ таможню; тогда слѣдователь возвра-

тилъ дѣло начальству и указалъ ему, что на основаніи ихъ же собственныхъ законовъ въ дѣяніяхъ В. преступленія нѣтъ; начальство согласилось и прекратило дѣло.

Производители дознаній вовсе не знакомы съ уголовнымъ правомъ и постоянно поступаютъ какъ въ лѣсу. Въ П. Мур. полку, въ одно несчастное утро, аптечный фельдшеръ Ш. заявилъ, что его аптеку обокрали; начальство производитъ дознаніе о кражѣ; дѣйствительно обстановка придавала преступленію видъ кражи, и производитель дознанія далъ направленіе дѣлу какъ кражѣ; въ дознаніе попадаетъ фактъ, что фельдш. Ш. вату, бумазею, коленкоръ, находившіеся у него на храненіи по его должности, подарилъ своей любовницѣ, а затѣмъ показалъ украденнымъ. Фактъ этотъ, намекающій на характеръ всего дѣла, такъ и остается непонятымъ въ полку, ни произвидившимъ дознаніе, ни полковымъ командиромъ, и дознаніе все задавалось вопросомъ о кражѣ, и конечно ничего не открыло. Дознаніе было передано слѣдователю съ указаніемъ, что слѣдуетъ произвести слѣдствіе о кражѣ; но слѣдователь, получивши дѣло въ руки, сразу повернулъ его на растрату, и по этой дорогѣ слѣдствіе явилось не безплоднымъ.

Стражникъ пограничной стражи *Пучко* обвинялся въ побѣгѣ въ Австрію. Дознаніе было поручено производить оберъ-офицеру для порученій М. Р.; бился, бился этотъ офицеръ, добиваясь чтобъ Пучко сказалъ то, что М. Р. считалъ правдой, но никакъ ему это неудавалось; а и преступленіе-то было формальное, пустячное, и добиваться то было нечего; нужно было установить только время, когда бѣжалъ, когда возвратился и больше ничего; почему ушелъ, для чего, все это было лишнее и для суда и для слѣдствія; но М. Р. хотѣлось непремѣнно вывернуть на изнанку всю душу Пучко, проникнуть во всѣ тайники его души. Пучко сознавался, да все мало было М. Р.; и вотъ въ дознаніи, имъ произведенномъ, красовалось такое примѣчательное опредѣленіе: «допросивъ

вторично стражника Пучко, и не будучи увѣренъ, что онъ и на этотъ разъ показалъ справедливо, я просилъ іеромонаха П. Лавры Іону 2, дать ему духовное наставленіе, по возможности привести его къ чистосердечному сознанію, и что Пучко покажетъ, сообщить объ этомъ мнѣ».

А вотъ и увѣдомленіе іеромонаха Іоны. «Оберъ-офицеру для порученій штабсъ-капитану господину М. Р. Согласно личной просьбѣ В. В., я спрашивалъ препровожденнаго ко мнѣ рядоваго Пучко, который, послѣ даннаго мною духовнаго наставленія ему, объяснилъ слѣдующее; что въ ночь на 1-го іюля, будучи въ ночномъ обходѣ на границѣ съ своимъ товарищемъ, они сговорились отправиться въ ближайшее заграничное селеніе къ сапожнику, чтобъ тотъ подчинилъ ему сапоги, такъ какъ ему было объявлено прежде, что скоро будетъ смотръ, чтобъ всѣ были исправны, но такъ такъ ближайшаго сапожника нигдѣ не было, то рѣшились идти заграницу, и *подходя* къ заграничному селенію, *сабаки залаяли* (кто подходилъ къ селенію — собаки или Пучко?) и они боясь быть замѣченными возвратились домой, но были задержаны австрійскими жандармами, которые ихъ арестовали, отняли оружіе и повели въ мѣстечко. О чемъ имѣю честь сообщить В. В. іеромонахъ П. Лавры Іона 2» Стоило за этимъ обращаться къ силамъ духовнымъ! но М. Р., этимъ удовлетворился, былъ доволенъ, что дѣло разъяснилось. Нужно знать что все это происходило, въ 1877 г. Только отъ производителей дознаній мы и можемъ ожидать подобныхъ штукъ. Всякій слѣдователь ужъ настолько знаетъ свой уставъ, что помнитъ, что 528 ст. запрещаетъ ему домогаться сознанія обвиняемаго обѣщаніями, угрозами, ухищреніями, или тому подобными мѣрами вымогательства.

А вотъ другое дознаніе, но только въ другомъ совершенно вкусѣ. Стражникъ К. послѣ дознанія подвергся обвиненію «въ притворствѣ невозможности произнесенія словъ съ цѣлью уклоненія отъ службы», а между тѣмъ изъ самаго-то дознанія, что изъ него

видно? Никакого притворства. Изъ дознанія видно, что К. на всѣ служебные вопросы давалъ удовлетворительные отвѣты, но только не былъ разговорчивъ.

Эта неразговорчивость не видно, чтобъ мѣшала К. исполнять службу; затѣмъ дознаніемъ не было установлено какое именно время неразговорчивость, мѣшала исполнять службу. а между тѣмъ отъ этаго, въ виду 126 и 127 ст. XXII св. воен. пост., зависѣлъ составъ преступленія; съ К. случались непритворные болѣзненные припадки, такъ 2 апрѣля 1881 г. онъ вдругъ онѣмѣлъ, утверждаетъ дознаніе, ротъ у него былъ крѣпко стиснутъ, шея опухла, лице стало краснымъ, горячечнымъ, чтобъ влить въ ротъ воды, пришлось употребить большія усилія, чтобъ раскрыть ротъ; языкъ былъ бѣловатый, горячечный съ замѣтными по краямъ оттисками зубовъ; но дознаніе вовсе не интересовалось этими фактами, не выяснило вовсе ихъ связи съ обвиненіемъ, и продолжало доказывать обвиненіе, выставляя на видъ, какъ ближайшіе начальники старались вылечить К. отъ нѣмоты и слѣдующія безобразія называетъ хитростями: приносятъ розги показываютъ ихъ К., предупреждаютъ, что будутъ его сѣчь, приказываютъ ему раздѣваться и удивляются, что К. возражаетъ имъ, что сѣчь его никто не смѣетъ, старается уйдти. Въ этомъ дознаніе видитъ доказательства притворства. Или напр. въ кузницѣ показываютъ К. раскаленное желѣзо, предупреждаютъ, что будутъ ему жечь языкъ и т. д. Вмѣсто того, чтобъ удивляться догадливости испытателей, стоило бы подумать, не отъ того ли К., малороссъ по происхожденію, былъ неразговорчивъ, что съ нимъ устраивали такія хитрости.

Въ запискѣ въ которой излагался результатъ ревизіи нѣкоторыхъ военныхъ судовъ и прокурорскаго надзора при нихъ, составленной ревизоромъ товарищемъ главнаго военнаго прокурора Милютинымъ, мы читаемъ слѣдующее его замѣчаніе (11 по порядку): «по дѣлу о хорунжемъ, обвинявшемся въ нарушеніи установленныхъ правилъ производства слѣдствій по старому порядку, прокурорскій надзоръ,

признавъ доказаннымъ, что слѣдователь безъ особой надобности не только арестовалъ двухъ заподозрѣнныхъ, но привязывалъ ихъ къ деревьямъ, далъ заключеніе о прекращеніи дѣла на томъ основаніи, что упомянутое дѣяніе не подходитъ подъ статьи улож. о наказ. уголов. и испр». Хотя это дѣло минувшихъ дней, но настоящіе производители дознанія вѣдь тѣже хоружіе, и могутъ они рѣшаться на старое, потому что, какъ видно, имъ покровительствуетъ прокурорскій надзоръ настоящихъ дней.

Въ доказательство того, что въ настоящее время тоже начальство и военные вообще не отказались отъ пытокъ, мы имѣемъ громкій примѣръ, по которому состоялось рѣшеніе 1882 г. № 62. Дѣло было важное, былъ убитъ унтеръ-офицеръ, какъ предполагало начальство, цѣлою командою подчиненныхъ и начальство во что бы то ни стало хотѣло открыть виновныхъ. Изъ упомянутаго рѣшенія, во-первыхъ, ясно видно то, что мы говорили, что начальство горячо берется за такія дѣла, которыя оно считаетъ важными, а затѣмъ не останавливается ни передъ какими средствами для того, чтобъ достигнуть желаемаго результата, не останавливается передъ пыткой. Мы видимъ, что ближайшій начальникъ убитаго и подозрѣваемыхъ добивается того, чтобъ его допустили присутствовать при слѣдствіи, вмѣшиваться въ допросъ. Мало того, начальство приглашаетъ для обезпеченія успѣшнаго хода слѣдствія жандармскаго офицера капитана Подгайнова. И все это допускаетъ производившій слѣдствіе и. д. военнаго слѣдователя Дзенціолъ, кончившій университетъ и прослушавшій 3 курсъ в.-юрид. акад. Конечно же не ротмистръ Хованскій пригласилъ жандармскаго офицера, а начальникъ повыше, конечно же сильныя пружины были пущены въ ходъ, чтобъ заставить слѣдователя нарушить законъ. Вотъ какъ начальство расположено поддерживать законъ! Затѣмъ солдатъ, прежде чѣмъ они являлись къ слѣдователю для допроса, пытали, мучили, чтобъ заставить ихъ показывать то, что нужно было начальству. При разсмотрѣніи дѣла на судѣ

оказалось, между прочимъ, что подсудимый Кузнецовъ былъ введенъ къ слѣдователю послѣ того, какъ надъ нимъ учиненъ былъ цѣлый рядъ насильственныхъ дѣйствій; въ комнату къ слѣдователю онъ былъ введенъ связанный, слѣдователь замѣтилъ, что Кузнецовъ шатается, и спросилъ его отъ чего онъ шатается, на что Кузнецовъ отвѣчалъ, что его мучили, причемъ бывшій тутъ же князь Хованскій, ближайшій начальникъ Кузнецова, замѣтилъ Кузнецову, что про такіе пустяки нечего говорить. И слѣдователь игнорировалъ все это. Такъ вотъ какъ начальство добивается своихъ интересовъ, передъ какими средствами оно не останавливается. Главный военный судъ призналъ всѣ дѣйствія Дзенціола неправильными, подлежащими дисциплинарѣ и отнесъ это все къ тому, что Дзенціолъ производилъ слѣдствіе всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи курса, но главн. военный судъ забылъ вѣроятно дѣло С., о которомъ мы выше говорили; изъ этого дѣла, доходившаго до глав. воен. суда, могли усмотрѣть, что цѣлый судъ, изъ старыхъ судей, преслѣдовалъ слѣдователя С. за то, что онъ не допустилъ таможенное начальство присутствовать при слѣдствіи и управлять слѣдствіемъ. Не въ томъ дѣло, что Дзенціолъ только что вышелъ изъ академіи, гдѣ его навѣрно не тому учили, что онъ выкинулъ, а въ томъ, что военные судьи недостаточно образованы, не знаютъ законовъ, что давленіе на нихъ начальства велико, а со стороны судей нѣтъ противодѣйствія начальническимъ вліяніямъ.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, дознанія требуютъ много времени; мы уже указывали на это и здѣсь прибавимъ на выдержку еще нѣсколько примѣровъ. 22 іюля 1879 г., командиръ пѣхотнаго полка предписалъ пор. Сем. произвести дознаніе о рядовомъ Ко. и предоставить это дознаніе непремѣнно къ 3 августу. Между тѣмъ изъ отмѣтки на предписаніи командира полка видно, что Сем. получилъ его только 3 августа; затѣмъ изъ отмѣтки на представленіи пор. Сем. видно, что дознаніе получено въ полку только 9 января 1880 г. Рядовой С. пѣхотнаго полка совершилъ преступленіе, предусмотрѣн-

ное 177 ст. уст. о наказ. налагаемыхъ мир. судьями 20 марта, онъ же совершилъ преступленіе предусмотрѣнное 169 ст. у. о н. м. с., и самую незначительную форму преступленія, предусмотрѣннаго 106 ст. XXII св. воен. пост., 1 апрѣля, и все о немъ дѣло поступило къ слѣдователю только 28 мая. Рядов. пѣхот. полка въ ночь на 19 апрѣля совершилъ кражу со взломомъ у своего товарища, а дознаніе окончено и получено слѣдователемъ 6 іюня. Дѣло о рядовомъ Сбр. пѣхотнаго полка, обвиняемаго въ оскорбленіи ун.-оф. М. дѣйствіемъ, внесено въ судъ безъ слѣдствія по дознанію, слѣдовательно оно было до очевидности просто, а между тѣмъ дознаніе производилось съ 16-го октября 1881 г. по 19 января 1882 г. и т. д. и т. д.

Таковые-то юристы наши фронтовики, таковыя-то дознанія они производятъ, но пойдемъ дальше.

Попался одинъ прыткій офицеръ, артилеристъ, подп. К, многонько думавшій о своихъ дипломатическихъ способностяхъ, о знаніи судебной практики по крайней мѣрѣ. Производилось о немъ дознаніе по обвиненію его въ оскорбленіи смотрителя К. продов. магазина Эн. и чиновника особыхъ порученій Х.; производилось два дознанія, во второмъ дознаніи должны были давать показанія тѣ же свидѣтели вахтера, которые показывали противъ К. въ первомъ дознаніи, и вотъ К., готовясь ко второму дознанію, прося заступничества начальства, обращается къ нему съ заявленіемъ о томъ, что онъ отводитъ вахтеровъ вовсе отъ допроса на дознаніи, причемъ ссылается на 779 ст. XXIV, какъ на дающую ему право отвести вахтеровъ вовсе отъ дачи показаній, какъ состоящихъ подъ начальствомъ Эн. и Х.; но К. недоразумѣлъ бездѣлку—779 ст. говоритъ лишь объ отводѣ свидѣтелей на судѣ, и то отъ дачи показаній подъ присягою. К. просилъ также привлечь къ отвѣтственности вахтеровъ на основаніи 942 ст., за кривыя показанія, но вся ложь состояла въ томъ, что вахтера показывали не такъ какъ бы то хотѣлось К.

Вопросъ о лжесвидѣтельствѣ есть вопросъ весьма темный для

начальства. Баталіонный судъ сдѣлалъ постановленіе, а командиръ баталіона съ этимъ согласился, о необходимости предать ряд. Т. суду за лжесвидѣтельство въ баталіонномъ судѣ. Командиру баталіона разъяснили, что, во-первыхъ, показаніе Т. не во всѣхъ частяхъ несогласно съ истиной, во-вторыхъ, что невѣрности въ показаніи Т. не превосходятъ, встрѣчающихся обыкновенно въ показаніяхъ свидѣтелей, которые однако не преслѣдуются какъ лжесвидѣтели, такъ какъ невѣрности свидѣтельскихъ показаній могутъ зависѣть отъ положенія дающаго свидѣтельскія показанія на судѣ, вслѣдствіе того что дававшій показанія не могъ окончательно высказаться, вслѣдствіе характера и сущности предлагаемыхъ вопросовъ, вслѣдствіе непониманія самихъ вопросовъ; судъ баталіонный, нашедшій показанія Т. лжеприсяжными, не вошелъ даже въ ближайшее опредѣленіе самихъ предметовъ обвиненія, что было весьма важнымъ, такъ какъ сдѣлай это судъ, увидѣли бы, что во многомъ показанія Т. послужили основаніемъ для обвиненія Алек., и К., по дѣлу которыхъ Т. былъ вызванъ свидѣтелемъ. Въ баталіонномъ судѣ Т. предлагались вопросы, изобличавшіе его самого въ нарушеніи обязанностей караульной службы, а на эти вопросы самъ законъ даетъ право или вовсе не отвѣчать, или отвѣчать не съ полною откровенностью; все это узналъ баталіонный командиръ болѣе не требовалъ преданія Т. суду за лжеприсягу.

Между отцами командирами есть такіе какъ пл. уѣзд. воинскій начальн., который съ удовольствіемъ и наивностью при всѣхъ сознается, что въ уголовномъ дѣлѣ ничего не понимаетъ (въ чемъ онъ понимаетъ? спросить бы его), а потому на полковой судъ онъ смотрѣлъ, какъ на какой-то консиліумъ; начальникъ всякую переписку, въ которой есть хотя малѣйшій намекъ на уголовщину, отсылаетъ въ полковой судъ, требуя суда; дѣло проваляется у начальника, затѣмъ въ полковомъ судѣ, возвращается къ начальнику, какъ не подсудное, и тогда только начальникъ направляетъ къ слѣдователю, такъ что дѣла поступали къ слѣдователю спустя годъ по совершеніи преступленія,

и въ какихъ дѣлахъ это бывало—въ растратахъ самыхъ запутанныхъ, въ которыхъ черезъ годъ уже ничего нельзя возстановить. Когда полковнику указывали на такія неудобства его политики, то онъ только гордился своимъ смиренномудріемъ.

Другіе избираютъ другой путь; возникаетъ дѣло, а съ нимъ и вопросъ куда его направить? Не домекаютъ, присылаютъ дѣло къ прокурору, а тотъ направляетъ его къ слѣдователю. Такой порядокъ былъ вездѣ и въ кіевскомъ военномъ судѣ въ особенности, гдѣ дѣйствовалъ прокуроръ Стрѣльниковъ, таланты котораго уважались зѣло военнымъ начальствомъ, пока такой порядокъ не прорвался по такъ наз. сухарному дѣлу. Окруж. интендантъ, возьми да и направъ дознаніе къ Стрѣльникову, а тотъ возьми да и передай дѣло слѣдователю; слѣдователь приступилъ къ слѣдствію; дѣйствія слѣдователя были обжалованы кіевскому суду; судъ одобрилъ дѣйствія слѣдователя; постановленіе суда было обжаловано передъ главнымъ военнымъ судомъ. Главный военный судъ призналъ дѣйствія прокурора Стрѣльникова и суда кіевскаго неправильными. Но такъ случилось по одному дѣлу, что дѣло дошло до главнаго военнаго суда, а сотни дѣлъ не доходятъ до суда. А дошло это дѣло до главнаго военнаго суда потому, что сухарное дѣло касалось кн. Урусова, да Пряпишникова, да полковниковъ, словомъ все князья да бояре; а развѣ простой солдатъ будетъ хлопотать такъ о своемъ дѣлѣ.

Случилось столкновеніе въ К. продовольственномъ магазинѣ между прапорщикомъ артилеріи К. и смотрителемъ магазина Эн. и чиновникомъ особыхъ порученій Х. Начальникъ артиллерійской бригады В., получивъ рапортъ отъ прапорщика К., прямо назначаетъ отъ себя слѣдствіе надъ лицами ему не подчиненными Эн. и Хм. и потребовалъ отъ прокурора, чтобъ онъ передалъ дѣло подлежащему военному слѣдователю для производства слѣдствія. Прокуроръ объяснилъ В., что назначать слѣдствіе могутъ только непосредственные начальники, а такимъ относительно Х. и Эн. является интендантъ, а

не В. Получивъ такой отзывъ, В., не долго думая, пишетъ жалобу начальнику артиллеріи округа, въ которой, полагая себя основательнымъ, излагаетъ, что прокуроръ вѣроятно откажется отъ своего взгляда, если узнаетъ тѣ мотивы, которыми руководился онъ В; эти мотивы въ томъ состояли, что В., какъ старшій начальникъ изъ всѣхъ военныхъ, квартировавшихъ въ К., имѣлъ право ревизовать мѣста складовъ, провіантскій магазинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ *немедленно* доводить до свѣдѣнія начальства, назначая въ тоже время слѣдствіе для разбора дѣла. Вспомнимъ при этомъ, что мы говорили выше о томъ, что всякій стремится въ начальники всякаго; такимъ образомъ В., полковникъ, будучи только старшимъ въ К., разсматриваетъ себя начальникомъ всего К., не подозрѣвая той громадной разницы, какая существуетъ между начальникомъ и старшимъ. Онъ не понимаетъ, что право ревизіи не дѣлаетъ его начальникомъ, и что по судебному уставу дѣйствительно только прямой и непосредственный начальникъ имѣетъ право назначать слѣдствіе. По этому же дѣлу о прапор. К. оказалось еще разъ, что военные вовсе не знаютъ такой кажется простой вещи—кто старшій, кто младшій, которая однако такъ положительно разрѣшается и XXII и XXIII св. воен. пост. Полковникъ, которому поручено было дознаніе, писалъ кому слѣдуетъ, что ему поручено произвести дознаніе отсительно обвиненія, упадающаго на прапорщика К. въ нанесеніи ротмистру Х., какъ *старшему* въ чинѣ оскорбленія. А что же 100, XXII и 56 ст. XXIII, которыя оберъ-офицеровъ считаютъ равными, конечно полковнику неизвѣстны. А вотъ еще примѣръ: капитанъ артиллеріи Л., будучи вызванъ къ слѣдователю тоже капитану хотя и по арміи, не явился къ нему, опираясь на то, что онъ, Л, старше чиномъ слѣдователя. Не оберешься этихъ поразительныхъ недоразумѣній въ области права, которыя высказываетъ начальство, офицерство. Начальство положительно не знаетъ на кого простирается его власть. Можно положительно сказать, что изъ 100 пол-

ковыхъ командировъ, которыхъ бы спросили подлежатъ ли ихъ власти архіереи, 50 сказали бы, что архіереи подлежатъ, 40 замялись бы отвѣтомъ и 10 только безъ колебаній отвѣчали бы, что нѣтъ.

Такимъ образомъ къ слѣдователю поступило требованіе командира л.-г. у. полка о производствѣ слѣдствія надъ бывшимъ писаремъ, находившемся на сверхъ-срочной службѣ и затѣмъ по выходѣ въ отставку, написавшемъ письмо къ адъютанту; въ этомъ письмѣ начальство узрѣло оскорбленіе бывшимъ писаремъ адъютанта. Писарь В. былъ уволенъ въ отставку 15 апрѣля, а письмо было написано имъ 25 мая. Полковой командиръ, требуя слѣдствія надъ В., пустился въ юридическія соображенія и указалъ на то, что В. подлежитъ военному суду въ виду рѣшенія главнаго военнаго суда 1869 г. № 93, которое говоритъ, что отпускные нижніе чины подлежатъ военному суду за дѣйствія, совершенныя ими до передачи ихъ въ вѣдѣніе полицейскаго начальства. Военный слѣдователь (гражданскій) принялъ къ производству дѣло о В., кончилъ слѣдствіе и только помощникъ воен. прокурора (военный) далъ заключеніе о прекращеніи слѣдствія. Полковой командиръ, опираясь на рѣшеніе глав. воен. суда 1869 г. № 93, надѣлалъ массу ошибокъ и въ юридическомъ отношеніи и въ спеціально военномъ. Во-первыхъ отпускной, до котораго касалось рѣшеніе № 93 и отставной, какимъ былъ В., двѣ вещи совершенно разныя; къ тому же въ 1880 г., когда было совершено преступленіе В., были только запасные, а не безсрочно-отпускные, чины же запаса по 245 ст., XXII с. в. п., подлежатъ воен. суду только за дисциплинарныя проступки во время ношенія форменной одежды, или во время сборовъ. Затѣмъ В. былъ въ отставкѣ, а не запасный; запасный все-таки считается на службѣ, отставной же со дня отдачи приказа объ отставкѣ прекращаетъ всякія обязательныя отношенія ко всему военному. В. состоялъ на вторичной добровольной службѣ, выслужилъ свои года давно, и по собственному желанію 15 апрѣля

выпущенъ въ отставку, тогда же исключенъ изъ списковъ, и никакой передачѣ въ вѣдѣніе полиціи не подлежалъ. Передача въ вѣдѣніе полицейскаго начальства существовала въ 1869 г., а въ 1876 году состоялся приказъ по военному вѣдомству о томъ, что запасные подвергаются преданію военному суду за преступленія, совершенныя въ то время, пока находятся въ распоряженіи уѣзд. воинс. начал.; слѣдовательно о передачѣ въ вѣдѣніе полиціи несвоевременно было говорить въ 1880 года, даже относительно запасныхъ. Командиръ стрѣлковаго баталіона требовалъ преданія суду музыканта Ст. за оскорбленія капельмейстера, еврея, мѣщанина, о чемъ мы уже говорили подробно. П. губернскій воин. начал. требовалъ отъ военнаго слѣдователя производства слѣдствія надъ жителемъ города Пл., оскорбившимъ часоваго, но слѣдователь такого слѣдствія не принялъ. Командиръ пѣхотнаго полка предложилъ военному слѣдователю произвести слѣдствіе о жителѣ города М., Луб. по обвиненію его въ томъ, что онъ вошелъ безъ позволенія въ полковой лазаретъ, тамъ переговаривался съ новобранцемъ Гум., затѣмъ, обращаясь къ солдату Заверухѣ, сказалъ ему: «ей ты, баба, какой дуракъ принялъ тебя въ военную службу», подозвалъ къ себѣ фельдшера Сат. и просилъ научить Гум. притворяться и обманывать доктора, за что обѣщалъ взятку, а когда Сат., доложивши полковому врачу о томъ, что его подкупаетъ Луб., съ разрѣшенія доктора вмѣстѣ съ фельдшеромъ Ци., пришелъ на квартиру къ Луб., то и тамъ Луб. продолжалъ подговаривать обоихъ фельдшеровъ. Слѣдователь отказалъ въ производствѣ слѣдствія на томъ основаніи, что дѣяніе Луб. есть самое большое преступленіе, предусмотрѣнное 38 ст., мир. устава, за которое на основаніи 251 и 1179 ст. XXIV гражданскія лица не подсудны военному суду; во-вторыхъ, только подговоръ къ содѣянному преступленію наказывается, а такъ какъ ни фельдшера, ни Гум., ни въ чемъ не обвиняются, то и Луб. не можетъ быть обвиняемъ. Полковой командиръ продолжалъ указывать, что о Луб. слѣдствіе должно про-

изводятся военнымъ слѣдователемъ на основаніи 3 п. 253 ст. XXIV св. в. п.; Это до очевидности показываетъ, какъ важно знать весь уставъ; какъ важны образованные юристы. Вѣдь 3 п. 253 ст. становится понятнымъ только при соображеніи его съ 394, 390, 405 ст. XXIV. Необразованный законовѣдъ схватитъ, гдѣ нибудь, одну статью, одну букву, смыслъ которой къ тому же ему не вполнѣ ясенъ, привяжется на этой статьѣ, и затѣмъ его никакими усиліями не убѣдишь, что онъ ошибается. Полковому командиру было указано обратиться со своими претензіями на Луб. въ мировой судъ, и чего только за это не пришлось наслушаться слѣдователю отъ полковаго командира; полковой командиръ, увѣрялъ, что послѣ того нѣтъ возможности командовать полкомъ, что дисциплина падаетъ, и что новые порядки только ведутъ къ тому, что преступленія остаются безнаказанными, что если такъ, въ казармахъ полка совершится убійство, то и оно останется безъ преслѣдованія и т. д.—Вотъ образчикъ пониманія интересовъ военной службы. Очевидно, что полковой командиръ хотѣлъ настоять на своемъ капризѣ, смотрѣлъ на дѣло какъ на свое личное. Слѣдователь успокоивалъ полковаго командира, что дѣло вовсе не въ безнаказанности преступленія, а въ томъ, что всякое преступленіе должно преслѣдоваться въ порядкѣ закономъ указанномъ, что подсудность военному или гражданскому суду разграничена главнымъ образомъ состояніемъ субъекта, свойствомъ преступленія, а вовсе не мѣстомъ совершенія преступленія, что гражданское лицо, хотя и совершившее преступленіе въ мѣстности, находящейся въ вѣдѣніи военнаго начальства, преслѣдуется общимъ судомъ, если оно не участвовало съ военнымъ въ воинскомъ преступленіи.

Начальникъ А. таможеннаго округа потребовалъ преданія суду, находящагося въ запасѣ рядоваго Г. за оскорбленіе офицера, поданію на него доноса о томъ, что офицеръ занимается контрабандным промысломъ; но дѣло было остановлено въ прокурорскомъ надзорѣ, какъ не подходящее подъ 245 ст. св. воен. постанов.

Начальники видятъ преступленіе тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ.— Такимъ образомъ командиръ пѣхотнаго М. полка потребовалъ слѣдствія надъ фельдфебелемъ М., который оскорбилъ подпрапорщика Ш. какъ офицера, въ то время когда Ш. не вступилъ еще въ отправленіе должности офицера, и на основаніи 25 ст. XXIII правами офицера еще не пользовался.

Рядовой резервнаго пѣхотнаго баталіона Бар. бѣжалъ, затѣмъ добровольно возвратился; на дознаніи о причинахъ побѣга онъ далъ объясненіе, объяснилъ какъ и гдѣ пробылъ. Правильно ли онъ объяснилъ или неправильно, это для дѣла, согласно съ тѣмъ, что мы говорили о значеніи побѣга, вовсе никакого значенія не имѣло. Если его разсказъ былъ не правдоподобенъ, то это могло бы служить только обстоятельствомъ увеличивающимъ вину, но судъ этого никогда не дѣлаетъ и сознается, или не сознается обвиняемый въ томъ куда бѣжалъ, у кого проживалъ, смягчаетъ наказаніе елико возможно. Баталіонный же командиръ возсталъ противъ прокурорской квалификаціи и потребовалъ, чтобъ Бар. обвиняли передъ судомъ въ побѣгѣ, и кромѣ того въ томъ, что онъ преступилъ клятву; Бар. поступая въ службу клялся, что будетъ служить вѣрою и правдою, а между тѣмъ преступилъ клятву и бѣжалъ, да еще не сознается. Послѣ такой группировки предметовъ обвиненія можно было думать, что командиръ баталіона потребуетъ преданія Бар. суду за клятвопреступленіе, но баталіонный командиръ призналъ, что, замѣченное имъ, клятвопреступленіе и несознаніе представляетъ изъ себя неисправимо дурное поведеніе; а между тѣмъ законъ для признанія неисправимо дурнаго поведенія требуетъ, чтобъ былъ совершонъ какой нибудь дисциплинарный проступокъ—пьянство, промотаніе казенныхъ вещей, неисправное содержаніе оружія, неопрятность въ одеждѣ, послѣ того какъ субъектъ былъ наказанъ за подобные же проступки въ дисциплинарномъ порядкѣ. Изъ дѣла же было видно, что Бар. ни разу въ дисциплинарномъ порядкѣ не былъ наказанъ. И такъ, такой простой вещи

начальство не понимаетъ, и выводитъ такія чудовищныя обвиненія, какъ клятвопреступленіе, изъ преступленія, точно закономъ опредѣленнаго — побѣга. Или можетъ быть до баталіоннаго командира дошли слухи о желаніи высшаго начальства поднять дисциплину, стоящую и безъ того высоко, защищать военные интересы, которымъ никакой опасности не угрожаетъ, и баталіонный командиръ захотѣлъ быть ревностнѣе самаго закона.

Начальство вообще не знаетъ въ чемъ его права и потому постоянно выходитъ изъ того круга, который ему начертанъ судебнымъ уставомъ; оно не понимаетъ своихъ отношеній къ суду. Изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1872 г. № 74, мы знаемъ слѣдующій случай: состоявшій при казачьемъ юнкерскомъ училищѣ, урядникъ Коврешкинъ преданъ былъ начальствомъ этого училища баталіонному суду, который призналъ Коврешкина невиновнымъ. По утвержденіи приговора командиромъ баталіона, приговоръ былъ сообщенъ для исполненія начальнику училища, а послѣдній вошелъ въ главный военный судъ съ представленіемъ о возобновленіи дѣла, объясняя, что, при производствѣ его въ баталіонномъ судѣ, были нарушены установленные формы и обряды судопроизводства, что приговоръ этотъ не былъ ему, начальнику училища, сообщенъ немедленно, вслѣдствіе чего онъ не имѣлъ возможности воспользоваться, предоставленнымъ ему 366 ст., правомъ обжаловать приговоръ. Глав. воен. судъ нашелъ, что ни одно изъ приведенныхъ въ рапортѣ начальника училища обстоятельствъ не соотвѣтствуетъ, означеннымъ въ статьѣ 979 причинамъ, по которымъ дѣло могло быть возобновлено, а самое представленіе имъ этого ходадайства непосредственно въ главный военный судъ не согласно съ требованіями 981 ст., на основаніи которой военноначальствующія лица о возобновленіи дѣлъ въ порядкѣ подчиненности обращаются къ военному министру. Въ виду изложеннаго, не входя въ оцѣнку основаній, по которымъ начальникъ училища ходатайствовалъ о возобновленіи дѣла, главный военный судъ представленіе

начальника училища оставилъ безъ послѣдствія, а приложенное къ нему дѣло возвратилъ баталіонному командиру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что начальникъ училища, не имѣя никакихъ начальническихъ правъ по отношенію къ баталіонному суду, вопреки существующимъ постановленіямъ, потребовалъ отъ этого суда для провѣрки судебнаго производства дѣло, а баталіонный командиръ исполнилъ это требованіе безъ всякихъ законныхъ основаній, главный военный судъ опредѣлилъ о дѣйствіяхъ этихъ предоставить глав. воен. прокурору сообщить ихъ начальству по принадлежности. Примѣръ годный для иллюстраціи стремленія начальства властвовать надъ всѣмъ и всѣми.

Съ другой стороны, вслѣдствіе незнанія закона, военное начальство не пользуется тѣми правами, преимуществами, которыя принадлежатъ ему по праву, и законъ остается мертвымъ.

Начальство вовсе не пользуется правами предоставленными ему 253, 399, 400, 401, 406 и др. ст. XXIV св. воен. пост.

Такимъ образомъ, часовой конной батареи, поставленный у цейхгауза, взламываетъ замокъ, которымъ былъ запертъ цейхгаузъ и совершаетъ кражу и самъ командиръ батареи К. теряется и призываетъ для производства дознанія въ цейхгаузѣ, въ батареѣ полицію.

На учебной стрѣльбѣ пѣхотнаго муромскаго полка убиваютъ выстрѣломъ солдата Ш., и вмѣсто того, чтобы вслѣдствіе отсутствія военнаго слѣдователя назначить кого нибудь, кто бы могъ замѣнить слѣдователя въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ не терпящихъ отлагательства, начальство призываетъ судебнаго слѣдователя, который не зная условій военной службы, не съумѣлъ ничего сдѣлать. Въ библіотекѣ пѣх. полка офицеръ покончиваетъ самоубійствомъ, а начальство въ ожиданіи военнаго слѣдователя зоветъ къ себѣ судебнаго слѣдователя. Не довѣряетъ значитъ начальство собственнымъ силамъ, съ какой же стати мы, со стороны, будемъ возлагать на начальство упованія, которыхъ само начальство не питаетъ, утверждать, что дознанія лучше слѣд-

ствій, что строевымъ офицерамъ можно поручать производство слѣдствій. Рѣдко приходится начальству квалифицировать преступныя дѣянія, за него всегда это дѣлаютъ прокуроры, но все таки видно, что не понимаетъ начальство состава преступленія, не знаетъ оно что такое преступленіе; хромаютъ въ этомъ военные суды съ главнымъ судомъ, такъ чего же ждать отъ начальствъ. Къ тому что уже сказано, здѣсь добавимъ слѣдующее. Рядовой Цѣх., сторожъ вещеваго склада, совершаетъ покушеніе на кражу со взломомъ, остановленную независившими отъ него обстоятельствами и смотритель склада пишетъ: такъ какъ солдатъ не причинилъ никому ни вреда, ни убытка, такъ какъ не успѣлъ унести вещей, то преданіе суду отмѣняется въ виду 404 ст., которая, однако, говоритъ о случаяхъ, въ которыхъ при дознаніи не окажется ни преступленія, ни преступника. Всякая жалоба на рѣшеніе суда, начальствомъ считается преступленіемъ (1869 г., № 25).

Рядовой К. мѣстной команды Ефимъ Тр., завѣдуя цейхгаузомъ на оборномъ пунктѣ, имѣя на своихъ рукахъ ключи отъ цейхгауза, обязанный хранить сложенное въ цейхгаузѣ казенное имущество, вынесъ изъ цейхгауза разныя вещи, продалъ ихъ евреямъ. К—й уѣздный воинскій начальникъ, видя въ дѣйствіи Т. кражу казенныхъ вещей, не обращая вниманія на то, что мѣсто совершенія преступленія находится въ исключительномъ вѣдѣніи начальства, передаетъ дѣло для производства слѣдствія гражданскому слѣдователю, который считалъ, что Т. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 162 ст. XXII св. воен. пост., то естъ промотаніе вещей, выданныхъ для употребленія, а не для сохраненія и возвратилъ дѣло воинскому начальнику для направленія его въ полковой судъ. К. уѣздный воинскій начальникъ въ точности исполняетъ наставленіе судебнаго слѣдователя, и полковой судъ съ своей стороны, находя, что преступленіе слѣдователемъ квалифицировано вѣрно, но усматривая лишь изъ показаній Т., что евреи, покупавшіе у него вещи, были под-

стрекателями, только на этомъ послѣднемъ основаніи, такъ какъ дѣло съ участіемъ гражданскихъ лицъ, ни въ какомъ случаѣ, не подсудно полковому суду, прекратилъ у себя дѣло, а не догадался, что преступленіе Т. предусмотрѣно 232 ст. XXII св. воен. пост.

Полковые суды хотя и состоятъ изъ маленькихъ начальниковъ, но маленькіе вѣдь когда нибудь да сдѣлаются болѣе крупными, и потому нельзя пропустить полковые суды безъ вниманія. Изъ практики военныхъ судовъ и главнаго военнаго суда вѣдь извѣстно, что за приговоры постановляются въ полковыхъ судахъ; такимъ образомъ, мы знаемъ, что полковые суды не умѣютъ отличить кражи простой отъ кражи со взломомъ и отъ грабежа, повторенія отъ совокупности, истязанія отъ обиды, мошенничества отъ находки, назначаютъ наказанія вовсе для нижнихъ чиновъ воинскимъ уставомъ о наказ., не предназначенныя, напр. гауптвахту. Слишкомъ частыя и грубыя ошибки полковыхъ судовъ, вызываютъ обширную практику главнаго военнаго суда по отмѣнѣ приговоровъ, постановленныхъ полковыми судами съ нарушеніемъ предѣловъ власти полковаго суда и нѣтъ надежды на то, чтобъ суды полковые исправились; лишенные общаго образованія, а тѣмъ болѣе юридическаго, предоставленные сами себѣ, такъ какъ въ полковыхъ судахъ защита не допускается, а прокуратура считается излишнею, полковые суды осуждены вѣчно постановлять приговоры, сквозь которые проглядываетъ незнаніе.

Мало того, въ полковыхъ судахъ не замѣчается даже и желанія прогрессировать; начальство покрупнѣе и низшее ничего не изучаетъ, такъ какъ судопроизводство, если не обуза для полковъ, то во всякомъ случаѣ дѣло постороннее, безъ котораго тамъ считали бы возможнымъ вовсе обойтись. Главная сторона военной службы—фронтъ, дисциплина своеобразно понимаемая и затѣмъ, сейчасъ же за фронтомъ, хозяйство; зачѣмъ еще тутъ правосудіе, при чемъ тутъ правосудіе, какую услугу правосудіе можетъ оказать дисциплинѣ, фронту и хозяйству, этого начальники конечно не понимаютъ; по ихъ по-

нятіямъ правосудіе скорѣе всего можетъ быть вредно, мѣшаетъ желательному ходу фронтоваго, хозяйственнаго дѣла, и дисциплинѣ. Что начальство не прогрессируетъ въ своихъ юридическихъ познаніяхъ, это видно изъ слѣдующаго. Въ 1881 году, рядовой С. былъ приговоренъ судомъ 12 резерв. пѣхотнаго баталіона за кражу къ заключенію въ военной тюрьмѣ на 4 мѣсяца и 2 недѣли. Баталіонный судъ руководствовался первымъ изданіемъ XXII св. воен. пост., въ которомъ высшая мѣра 2 степ. 51 ст., по которой было назначено наказаніе С., соотвѣтствовала 4 м. и 2 нед., между тѣмъ во второмъ изданіи XXII, 1875 г., 2 степ. 51 ст., опредѣляетъ въ высшей мѣрѣ 3 мѣс.; а 1 степ., 51 ст., въ высшей мѣрѣ составляетъ 4 мѣс. По дѣлу Б.[1] баталіонный судъ приговорилъ обвиняемаго къ оставленію, въ подозрѣніи и главный военный судъ принужденъ былъ объяснить въ своемъ рѣшеніи, что баталіонный судъ поступилъ въ нарушеніе дѣйствующаго порядка судопроизводства, по которому оставленіе въ подозрѣніи не допускается (1871 г. № 24).

Теперь послѣ сказаннаго мы можемъ съ положительностью отвѣчать: можно ли такимъ теоретикамъ и практикамъ, какими показали себя офицеры поручать производство слѣдствій. Будемъ же послѣдовательны и положительно выскажемъ, что офицерамъ служащимъ во фронтѣ невозможно поручать производить слѣдствія, или надѣяться, что дознанія, ими производимыя, могутъ сдѣлать слѣдствія не нужными.

Мы изложили такимъ образомъ, каково военное начальство, сколь оно добросовѣстно, одушевлено желаніемъ добра, справедливости, сколь широки, безпристрастны, возвышенны его взгляды на всякое дѣло, сколь оно сильно въ юридическихъ познаніяхъ; мы не сомнѣваемся, что всякій кто прочтетъ все нами изложенное, неизбѣжно придетъ къ заключенію, что чѣмъ меньше отправленіе правосудія будетъ въ рукахъ начальства, тѣмъ лучше, и наоборотъ, всякое усиленіе вліянія начальства на правосудіе должно отзываться соотвѣтственнымъ ухуд-

шеніемъ правосудія въ войскахъ, а въ тотъ день, когда правосудіе перешло бы всецѣло въ руки начальства, мы съ полнымъ правомъ могли бы воскликнуть: погибло правосудіе!

Не смотря на то, что въ настоящее время военный судъ ограничиваетъ власть начальства; эта власть все-таки въ отношеніи отправленія правосудія является громадною. Мы уже говорили объ этомъ въ самыхъ общихъ чертахъ, когда мотивировали необходимость изслѣдованія правоваго порядка въ войскахъ, теперь ближе разсмотримъ, въ чемъ власть начальства сказывается въ отправленіи правосудія.

Начальство безраздѣльно господствуетъ надъ внутреннимъ порядкомъ въ войскахъ,—порядкомъ, который охватываетъ жизнь подчиненнаго со всѣхъ сторонъ, какъ въ служебномъ, такъ и въ частномъ отношеніяхъ; начальство имѣетъ въ своихъ рукахъ безконтрольную дисциплинарную власть, которая, благодаря различнымъ комбинаціямъ, тяжело ложиться на подчиненныхъ. По дѣламъ дисциплинарнымъ и противъ военной службы уголовное преслѣдованіе возбуждаетъ единственно начальникъ, слѣдовательно, по волѣ начальства всякія беззаконія въ этихъ случаяхъ могутъ остаться не обнаруженными и не наказанными. Пользуясь только властью, начальникъ имѣетъ право и возможность давать любое направленіе службѣ, покровительствовать противузаконіямъ. Какъ начальство пользуется этимъ правомъ, мы уже видѣли, и потому военнымъ судамъ и приходится судить только мелкія нарушенія нижнихъ чиновъ, вродѣ промотанія портковъ. Растратитъ инженеръ нѣсколько тысячъ, о немъ сейчасъ говорятъ: да стоитъ ли изъ за этого хлопать. Суды весьма часто постановляютъ о привлеченіи къ отвѣтственности лицъ суду не преданныхъ за преступленія, оставленныя начальствомъ безъ преслѣдованія и начальство все это прекращаетъ своею властью.

Во время производства предварительнаго слѣдствія и суда, начальство имѣетъ полную возможность мѣшать раскрывать истину

мѣшать своевременному производству слѣдственныхъ дѣйствій разсылая свидѣтелей съ мѣста производства слѣдствія, отвлекая ихъ будто бы для исполненія различныхъ служебныхъ порученій; начальство пользуясь податливостью слѣдователей и прокуроровъ, можетъ вертѣть дѣломъ какъ хочетъ, вступаться въ дѣло какъ оно хочетъ. Вспомнимъ дѣло Дзенціола. Недавно читали въ «Голосѣ», что военный слѣдователь, пріѣхавшій въ Дубосары для разслѣдованія дѣйствій войскъ во время еврейскихъ безпорядковъ, долженъ былъ убраться во свояси, ничего не сдѣлавши. Мы знаемъ еще случай, когда военный слѣдователь долженъ былъ уѣхать и подать рапортъ о болѣзни, вслѣдствіе давленія на него начальства.

Начальство можетъ подъ разными предлогами невыдавать слѣдователямъ документовъ, которыя нужны слѣдователю, и слѣдователь не въ состояніи ничего сдѣлать при сопротивленіи начальства и при апатичномъ отношеніи суда къ дѣлу; не нужно и злоупотребленій, достаточно одной апатіи. Начальство можетъ ставить тысячу препятствій осмотру мѣстностей, канцелярій, казенныхъ помѣщеній, самыми невинными по наружности мѣрами, различными оттягиваніями въ присылкѣ понятыхъ и т. п.; 463 ст., XXIV ст., при податливости судебныхъ органовъ, при своей внѣшней неопредѣленности можетъ послужить основаніемъ къ различнымъ притязаніямъ начальства. Начальство имѣетъ право безотчетно отводить слѣдователя, который ему почему нибудь непріятенъ, и передать слѣдствіе другому слѣдователю. Пользуясь своимъ правомъ требовать отъ прокурора преданія суду военныхъ даже тогда, когда прокуроръ того не находитъ нужнымъ, начальство имѣетъ возможность предавать суду людей вовсе невиновныхъ; съ другой стороны начальство имѣетъ право противится преданію суду людей виновныхъ.

Временные военные судьи находятся подъ полною властью начальства; этихъ судей въ нѣкоторыхъ особенныхъ дѣлахъ начальство назначаетъ на одно только дѣло; а въ общемъ порядкѣ въ нѣкоторыхъ

случаяхъ, при извѣстной ловкости начальство можетъ ввести въ составъ суда нарочитыхъ людей на одно дѣло; независимо того вообще, всегда, назначеніе судей, на шести-мѣсячный періодъ дѣлается по произволу начальства; законъ требуетъ въ назначеніи временныхъ военныхъ судей соблюдать болѣе разнообразія, очередь, а между тѣмъ нѣкоторыя личности назначаются въ судьи всегда и вездѣ безъ всякой очереди, всѣ изъ одного рода оружія напр. и. т. д. Что касается до постояннаго состава военныхъ судовъ, то благодаря обычаямъ, нраву, характеру, способностямъ, привычкамъ постоянныхъ судей, благодаря неопредѣленно толкуемымъ вкривь и вкось 172 и 181 ст., XXIV и постоянный составъ судей находится, какъ бы легально, во власти войсковаго начальства. Противъ строптивыхъ, которые бы вздумали толковать 172 и 181 ст., готовы обвиненія въ нарушеніи дисциплины какъ «слова и дѣла».

И начальство всѣми своими законными правами, и сверхъ этихъ правъ и пользуется сколько хватитъ на то его умѣнья; пользовалось бы и еще больше чѣмъ теперь, если бы только на то хватало его умѣнья, хотѣнья же есть сколько угодно, но изъ за неумѣнья какъ мы то видѣли, часто опускаетъ свои прерогативы.

Военный слѣдователь, вызывая военныхъ, долженъ обращаться за высылкою свидѣтелей къ ихъ начальству и послѣдствія неявки состоятъ въ томъ, что слѣдователь можетъ сообщить о неявкѣ на усмотрѣніе начальства, изъ чего обыкновенно ничего не выходитъ. Начальство, не желая дать возможности слѣдователю допросить кого нибудь, отправляетъ такого въ командировку, или напримѣръ просто не пуститъ свидѣтеля вовсе къ допросу по военнымъ обстоятельствамъ (ст. ст. 529, 530,743 XXIV ст.). Мы не можемъ представимъ себѣ, придумать такихъ военныхъ обстоятельствъ въ мирное время, которыя были бы важнѣе интересовъ правосудія и въ силу которыхъ начальство могло бы не высылать свидѣтелей къ слѣдователю. Начальство просто можетъ медлить умыш-

ленно въ высылкѣ свидѣтелей и прикидываться, что то, или другое требованіе пришло поздно, или что нибудь вродѣ того, и провѣрить начальство невозможно, вся переписка хранится въ тайнѣ въ канцеляріи, не слѣдствіе же о подлогѣ начинать. Мы думаемъ, что въ ст. ст. 529, 530 и 743, законодатель далеко ушелъ въ желаніи своемъ спасти интересы военной службы насчетъ интересовъ правосудія. Въ гражданскомъ быту дѣлается иначе, все въ виду права привода свидѣтелей. Всѣ эти обстоятельства однако, не такъ важны при предварительномъ слѣдствіи, какъ важны они при судебномъ слѣдствіи; настойчивый слѣдователь можетъ все-таки добиться чего нибудь, выждать свое время и все-таки допросить кого нужно, но на судѣ это дѣло непоправимое, тамъ дѣло выслушаютъ безъ неявившихся свидѣтелей, откладывать не станутъ. Въ военномъ вѣдомствѣ кто покрупнѣе всегда можетъ не явиться къ слѣдствію по болѣзни; что стоитъ начальнику получить свидѣтельство отъ своего доктора, или и не своего, но съ которымъ, благодаря своему вліянію, начальникъ находится въ извѣстнаго рода обязательныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ полковникъ З. не явился на дѣло Кал. подъ предлогомъ болѣзни; а свидѣтель важный; и Кал. на судѣ много инсинуировалъ насчетъ мнимой болѣзни З., то самъ Кал., то иной свидѣтель на его вопросъ отвѣчалъ, что видѣлъ З. вчера здоровехенькимъ, или встрѣтилъ его такимъ же на томъ же поѣздѣ, на которомъ пріѣхалъ свидѣтель. Насколько въ уклоненіяхъ отъ свидѣтельства не уважаются не только интересы правосудія, но и истинные интересы военной службы понятно каждому. Иногда и такъ бываетъ, что сановитый свидѣтель явится уже, но старается придумать какой нибудь предлогъ и уходитъ изъ суда; такъ для свидѣтеля генерала Т., явившагося свидѣтелемъ по дѣлу Бл., но потомъ наскучившаго ждать очереди, и не желавшаго давать показанія, придумали-таки предлогъ и онъ, вовсе не спрошенный, услужливымъ предсѣдателемъ съ большими реверансами былъ отпущенъ уже изъ залы засѣданія.

Начальники всегда расширяютъ въ свою пользу законъ, и если существуетъ законъ о томъ, что начальство имѣетъ право не увольнять свидѣтеля, будто бы, по военнымъ обстоятельствамъ, то напр., такіе начальники какъ командиръ 1 гвард. кавалер., дивизіи кн. Шаховской самъ себѣ разрѣшилъ не явиться въ судъ по военнымъ обстоятельства на дѣло Бланка. Бланкъ указывалъ суду, что Шаховской не могъ себѣ разрѣшить не явиться въ судъ: какъ ни высокъ постъ имъ занимаемый, а все-таки есть начальство надъ нимъ, которое только имѣло право разрѣшить ему неявку въ судъ, но втунѣ раздавался протестъ В. передъ судомъ; судъ не уважилъ его справедливаго заявленія и дѣло прошло безъ свидѣтеля.

Мы знаемъ, что одинъ военный слѣдователь, собравши цѣлый рядъ нарушеній подобныхъ тѣмъ, о которыхъ говорили сейчасъ, со стороны командира пѣхотнаго полка, представилъ эти нарушенія, на двухъ листахъ, начальнику дивизіи, который однако не обратилъ вниманія на справедливыя заявленія слѣдователя.

Производится напр. слѣдствіе о такомъ крупномъ субьектѣ какъ полковникъ З., начальникѣ цѣлаго управленія; и удобно же было производить слѣдствіе, когда обвиняемый есть въ тоже время и начальникъ свидѣтелей по дѣлу; слѣдователь, по закону обязанный вызывать свидѣтелей черезъ ихъ начальство, долженъ былъ обращаться къ обвиняемому, чтобъ онъ выслалъ свидѣтелей для допроса по его дѣлу. Нужно-ли было собрать какія нибудь данныя для слѣдствія о полк. З., изъ его управленія, и слѣдователь долженъ былъ просить этихъ данныхъ отъ самаго обвиняемаго. Слѣдователь просилъ начальство объ удаленіи З. отъ должности, но этого не уважили; и чтоже вышло? З. во всякое время уѣзжалъ изъ мѣста производства слѣдствія; слѣдователь назначаетъ З. время для явки, а онъ отвѣчаетъ: не хочу явиться, потому что уѣзжаю въ В.; явлюсь когда вздумается. Арестовать бы нужно было такого обвиняемаго, но проводить постановленіе объ арестѣ пришлось бы черезъ началь-

ство, а между тѣмъ начальство отказало даже въ устраненіи З. отъ должности. З. является наконецъ къ слѣдователю, просидитъ сколько угодно и потомъ убѣгаетъ, когда вздумаетъ; неужели же въ самомъ дѣлѣ отъ него можно было ожидать, что онъ будетъ церемониться съ слѣдователемъ, который младше его чиномъ; онъ полковникъ, а слѣдователь капитанъ. Но слѣдователь дѣлалъ такія представленія полк. З., обвиняемому, съ которымъ ему приходились считаться, и противъ которыхъ З. нужно быть, какъ нибудь, баррикадироваться. Слѣдователь доказывалъ, что считаться чинами излишне; что слѣдователь имѣетъ извѣстныя права, обязанности, въ силу которыхъ можетъ предъявлять извѣстныя требованія, которыя подлежатъ безотговорочному исполненію; противъ человѣка дѣйствующаго именемъ закона нечего выставлять свои случайныя права и атрибуты; законное требованіе слѣдователя также обязательно для всякаго, какъ и требованіе часоваго, стоящаго у казначейской кассы не покушаться на взломъ и разграбленіе кассы. Да простятъ намъ за то, что мы часто дѣлаемъ это сравненіе; если мы желаемъ провести идею о подчиненіи старшаго законнымъ требованіямъ младшаго,—идею, которая затрогиваетъ за-живо интересы, стремленія, взгляды начальствъ, съ которыми они свыклись, за которые готовы бороться, то лучше всего ослаблять ихъ указаніемъ на примѣръ практикующійся уже, рѣзкій, но въ который не вдумались, который безсиленъ только потому, что не умѣютъ обобщать, логически мыслить; но который, если только его усвоятъ, долженъ послужить, сильнымъ аргументомъ въ пользу того, что у насъ возможно построить отношенія на законѣ, на правѣ, на службѣ только, и что при такихъ отношеніяхъ люди будутъ оставаться въ извѣстныхъ границахъ, и порядокъ будетъ непоколебимъ.

Но возвратимся къ прерванному повѣствованію о З.

Для того, чтобы дать, какую нибудь, легальную подкладку своимъ капризамъ, полковникъ З. представилъ свидѣтельство отъ док-

тора, въ которомъ заключалось удостовѣреніе, что З. не можетъ просиживать болѣе получаса. Слѣдователю было извѣстно, что З. за картами просиживалъ по 10 часовъ, къ тому же свидѣтельство доктора было до-нельзя общаго характера; кому не извѣстно, что не только такому тузу, какъ З., а всякому легко достать какое угодно свидѣтельство, и вотъ слѣдователь, какъ только З. вручилъ ему свидѣтельство, сдѣлалъ постановленіе освидѣтельствовать здоровье З. черезъ врача.

Слѣдствіе производилось въ крѣпости Н., но слѣдователь не жилъ въ самой крѣпости для сохраненія за собою возможной свободы дѣйствій, чтобы избѣжать столкновеній, придирокъ со стороны крѣпостнаго начальства, которое могло на почвѣ дисциплины надѣлать много непріятностей изъ-за разстегнутой пуговицы и т. п. Выборъ мѣста жительства не въ крѣпости, а въ предмѣстьи крѣпости, въ Н. Д., оказалъ долю пользы и въ дѣлѣ освидѣтельствованія. Выслушавъ постановленіе слѣдователя о томъ, что его здоровье будетъ освидѣтельствовано черезъ врача, З. ничего бы не стоило подготовить извѣстнымъ образомъ врача, еслибъ только было извѣстно, кто будетъ этотъ врачъ; слѣдователь же, предвидя желаніе З. узнать, кто именно изъ врачей будетъ его свидѣтельствовать, держалъ фамилію намѣченнаго врача въ секретѣ до поры до времени. З. считалъ безплоднымъ обратиться къ слѣдователю съ вопросомъ кто врачъ, потому обратился къ содѣйствію коменданта. Одному З. было извѣстно, что его будутъ свидѣтельствовать, а между тѣмъ слѣдователь въ Н. Д. получилъ бумагу отъ коменданта крѣпости Н., который требовалъ донесенія, кого избралъ слѣдователь въ качествѣ врача для изслѣдованія здоровья З., такъ какъ ему, коменданту, должно быть извѣстно все, что дѣлается въ крѣпости. Слѣдователь рѣшился, однако, до поры до времени держать и коменданта въ невѣдѣніи, на что, имѣлъ нѣсколько законныхъ средствъ и основаній. По уставу военнымъ слѣдователямъ предоставлено непосредственно, по соб-

ственному ихъ усмотрѣнію, помимо начальства, приглашать любаго врача, не только военнаго, но даже и вольнопрактикующаго; во-вторыхъ, слѣдователь намѣревался и имѣлъ возможность пригласить врача хотя и военнаго, но не подчиненнаго коменданту, именно врача одной изъ частей войскъ, расположенныхъ въ Н. Д. Объяснять все это коменданту, слѣдователь считалъ безполезнымъ и предпочелъ отмолчаться. Наканунѣ освидѣтельствованія, слѣдователь лично передалъ письменное требованіе о назначеніи врача одному изъ небольшихъ начальниковъ войскъ, стоявшихъ въ Н. Д., а утромъ предполагался осмотръ; такимъ образомъ, незаконное давленіе коменданта крѣпости было парализовано и З. не имѣлъ возможности приготовить врача.

Начальство имѣетъ полную возможность не выдавать слѣдователю документовъ и бумагъ, которыя нужны для дѣла, о чемъ мы уже говорили, и слѣдователь безсиленъ противъ начальства. Что можетъ сдѣлать слѣдователь? Писать высшему начальству, но таковое еще погладитъ по головкѣ того, кто *ослушается* слѣдователя. Слѣдователь имѣетъ право сдѣлать осмотръ, выемку документовъ. Да, имѣетъ но это стоитъ многихъ усилій, трудовъ, настойчивости, чего не у всякаго хватитъ; нужно много усилій, потому что навѣрное будетъ встрѣчено сопротивленіе. Тому же слѣдователю, производившему слѣдствіе о З., приходилось дѣлать осмотръ канцеляріи; но передъ осмотромъ слѣдователю приходилось выслушать много заявленій, что слѣдователь осмотра сдѣлать не вправѣ. Мысль, что слѣдователь, всего капитанъ, можетъ быть такъ дерзокъ, что рѣшится осматривать цѣлое управленіе—особенно возмущала пропитаннаго до мозга костей начальническимъ произволомъ, начальника крѣпостной артиллеріи, нѣмца, сдѣлавшаго даровую, быструю карьеру. Вообще, къ слову сказать, въ войскахъ имѣютъ самыя невѣрныя понятія о дѣятельности слѣдователей; вся дѣйствительность вѣдь окутывается туманомъ ложно понимаемыхъ дисциплинарныхъ отношеній. Когда узнали, что по

дѣлу К. слѣдователь свое постановленіе о привлеченіи къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ полковника З. и генералъ-маіора Д., представилъ прямо командующему войсками то этоказалось верхомъ продерзости, и такъ и ждали, что пришлютъ заплечнаго мастера снять голову слѣдователю; не могли понять, что если законъ, ужъ конечно, лучше разныхъ маленькихъ и большихъ людей, понимающій интересы военной службы, призналъ возможнымъ поставить слѣдователя въ такія отношенія, то опасности въ томъ нѣтъ никакой; этимъ маленькимъ и большимъ людямъ трудно понять, что капитанъ не капитанъ, а онъ обязанъ и имѣетъ право дѣлать то, къ чему его обязываетъ законъ, что важенъ законъ, а не личности, не чины.

Въ академіи юридической, во время юридическихъ бесѣдъ, на которыхъ разбирались различные процессуальные вопросы, слушатели высказывали сомнѣнія относительно того, чтобы имъ на дѣйствительной службѣ, въ качествѣ слѣдователей, удалось произвести осмотръ канцеляріи, мѣстности въ тѣхъ случаяхъ, когда начальство заинтересовано въ дѣлѣ. Професоръ возражалъ, что, могущія встрѣтиться, затрудненія не должны останавливать, ихъ придется преодолѣть, а нельзя же уклоняться отъ обязанностей, возлагаемыхъ закономъ, что стоитъ сдѣлать съ гражданскою твердостью одинъ обыскъ, чтобы затѣмъ уже никогда не возникало сомнѣнія въ правѣ слѣдователей. Съ тѣхъ поръ были произведены осмотры не разъ, но въ правѣ слѣдователей производить обыски сомнѣніе не только не исчезло, но увеличилось. Гарнизонъ крѣпости еще силенъ и всѣ поврежденія въ валу быстро исправляются. По дѣлу З. была осмотрѣна канцелярія управленія. Слѣдователь попросилъ коменданта назначить понятыхъ для присутствія при осмотрѣ. Комендантъ удивился дерзости слѣдователя; тогда слѣдователь въ рапортѣ подробно изложилъ законныя основанія права слѣдователя производить осмотры, обыски и выемки всюду, а для вящщаго назиданія богобоязненнаго коменданта, присовокупилъ, что даже церкви можно обыскивать. Комендантъ покорился

и съ стѣсненнымъ сердцемъ назначилъ понятыхъ, разрѣшилъ, о чемъ, впрочемъ, его никто не просилъ, произвести осмотръ, но съ условіемъ, чтобы осмотръ былъ произведенъ въ присутствіи помощника военнаго прокурора, полковника. Комендантъ думалъ спасти внушительную наружность ложной дисциплины присутствіемъ при осмотрѣ полковника. Комендантъ думалъ, что онъ все же имѣетъ право приказывать слѣдователю; увы! онъ и не зналъ, что сколько бы онъ ни писалъ слѣдователю предписаній, слѣдователь имѣлъ полную возможность игнорировать всѣ его приказанія, игнорировать въ виду 435 ст. XXIV' обязывающей слѣдователя дѣйствовать самостоятельно.

Начальство думаетъ, что оно имѣетъ право приказывать слѣдователямъ, и по дѣлу З., его начальникъ то въ длинныхъ телеграммахъ, то въ длинныхъ бумагахъ предписывалъ слѣдователю не касаться такихъ-то вопросовъ, не разъяснять такихъ-то вопросовъ, такъ какъ то разрѣшено уже военнымъ начальствомъ, а то военнымъ совѣтомъ. Начальство опираетъ свои претензіи предписывать слѣдователямъ на 463 ст., о которой мы уже говорили. Мы говорили о дѣлѣ по столкновенію въ К. продовольственномъ магазинѣ и какія тамъ шли предписанія отъ начальства къ слѣдователю.

Начальство имѣетъ право отводить слѣдователей безконтрольно, по причинамъ опредѣленіе которыхъ законъ предоставилъ произволу начальства. Такимъ образомъ, военно-уголовный законъ передалъ вопросъ объ отводѣ безусловно сторонѣ, такъ какъ въ каждомъ почти дѣлѣ, особенно дисциплинарномъ, начальство заинтересовано, является стороною, то горою стоящею за обвиняемыхъ съ извѣстнымъ положеніемъ, то энергично требующею осужденія обвиняемыхъ во имя военныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, вотъ какимъ опаснымъ оружіемъ законъ нашъ вооружаетъ начальство, но справедливость требуетъ сказать, что начальство этимъ правомъ не пользуется, не пользуется не по чему другому, почему не пользуется и другими своими правами, по незнанію этихъ правъ, по неумѣнію ихъ эксплоатиро-

вать, неразумѣнію закона. Примѣръ, доказывающій справедливость сказаннаго, есть дѣло капитана Ш., о которомъ мы говорили. Ш., обвиняемый, желая отвести слѣдователя, предъявляетъ этотъ отводъ по командѣ; начальство, не менѣе Ш., желающее отвести слѣдователя, посылаетъ отводъ прокурору; послѣ испытанной неудачи Ш. предъявляетъ жалобу на слѣдственныя дѣйствія самому слѣдователю и называетъ это отводомъ, почему ему возвращается его бумага, объясняется разница между жалобой и отводомъ и указывается, какъ надо предъявлять отводъ; но онъ упорствуетъ на своемъ и продолжаетъ называть жалобу отводомъ.

Вліяніе начальства въ преданіи суду по закону весьма велико, но такъ какъ практика показала, что начальство ничего въ юриспруденціи не понимаетъ, и готово заявлять самыя несостоятельныя требованія, то практика и ограничила права начальства. Въ законодательныхъ мотивахъ сказано, что отвѣтственное положеніе начальниковъ не только за себя, но и за своихъ подчиненныхъ обязываетъ законодательство облечь начальниковъ властью, въ силу которой они могли бы всегда потребовать суда надъ подчиненными имъ лицами. Въ законѣ это выражается слѣдующимъ положительныхъ правиломъ. Начальство имѣетъ право требовать отъ прокурора преданія такого то, за то-то, и прокуроръ безъ возраженій обязанъ внести въ судъ обвинительный актъ.—Но главный военный судъ въ распорядительномъ засѣданіи отъ 6 октября 1870 г. рѣшилъ, что прокуроръ не можетъ быть стѣсненъ въ предметахъ обвиненія указаніями начальства. Почему и выходитъ такъ, что начальникъ требуетъ преданія суду за клятвопреступленіе, а прокуроръ предаетъ за побѣгъ; начальство требуетъ преданія суду за мужеложство, а прокуроръ предаетъ за простую кражу, начальство требуетъ преданія суду за растрату, а прокуроръ предаетъ суду за утрату. При такой постановкѣ дѣла, право начальства сводится къ весьма ничтожнымъ размѣрамъ; вѣрно только то, что если начальство требуетъ преданія

суду, то субъектъ суду преданъ будетъ, вопросъ только за что будетъ преданъ.—И начальство, чувствуя свое юридическое безсиліе, рѣдко пререкается съ прокурорами; только въ случаѣ когда интересы начальства глубоко затронуты дѣломъ, только тогда начальство рѣшается вступить въ пререканіе.

Въ рукахъ у прокуроровъ по нынѣ дѣйствующему уставу, есть еще совершенно законныя средства парализовать несостоятельныя требованія начальства, а именно 630 ст. XXIV св. воен. пост. говоритъ, что когда военный прокуроръ полагалъ прекратить дѣло по недостатку основаній для преслѣдованія обвиняемаго на судѣ, а военнымъ начальствомъ обвиняемый преданъ суду, то исполненіе обязанностей обвинителя можетъ быть поручено кому либо другому изъ лицъ прокурорскаго надзора. Высшія въ порядкѣ подчиненности лица прокурорскаго надзора не вправѣ требовать отъ прокурора давшаго заключеніе о прекращеніи судебнаго преслѣдованія, чтобъ онъ поддерживалъ обвиненіе вопреки своему убѣжденію.—Такимъ образомъ дѣло, не смотря на требованіе начальства, можетъ не дойдти до суда за недостаткомъ лицъ прокурорскаго надзора, которые бы согласились поддерживать обвиненіе; конечно, однако, нельзя ожидать такого поведенія отъ прокурорскаго надзора, и несостоятельныя обвиненія по требованію начальства доходятъ-таки до суда.

Повторяемъ, столкновенія между прокурорскимъ надзоромъ и начальствомъ, представляютъ весьма рѣдкіе случаи, начальство имѣетъ возможность, и развиваетъ свою силу въ другіе моменты дѣла, а не тогда, когда дѣло разсмотрѣно прокуроромъ.—Но за то прокуроры охотно прикрываютъ свои грѣшки, прячась за начальство.—Такъ напр. по дѣлу Сол., главный военный прокуроръ запросилъ военнаго прокурора Стр., почему онъ не предалъ Сол. суду за промотаніе прогонныхъ денегъ, а Стр. отвѣчалъ, потому, что начальникъ того не требовалъ. Чтобъ пояснить сказанное, мы приведемъ

нѣсколько примѣровъ того, какія метаморфозы бываютъ съ требованіями начальствъ.

Кан. уѣздный воинскій начальникъ передалъ военному слѣдователю дѣло объ ун.-оф. С. по обвиненію его въ томъ, что онъ, будучи старшимъ на конюшнѣ, самовольно отлучился, и въ его отсутствіе украли двухъ лошадей; начальникъ считалъ это бездѣйствіемъ власти, такъ, какъ отлучаясь, С. не сдѣлалъ никакихъ распоряженій о томъ порядкѣ, который долженъ соблюдаться въ конюшнѣ, и прежде не принималъ никакихъ мѣръ, не назначалъ дневальныхъ и т. п., хотя и имѣлъ на то право; военный слѣдователь взглянулъ на это дѣло, какъ будто бы совершилось одно воровство изъ конюшни, и требовалъ передачи дѣла судебному слѣдователю. Начальникъ такъ и поступилъ. Судебный слѣдователь произвелъ дѣло только о кражѣ лошадей, и С. былъ спрошенъ въ качествѣ свидѣтеля. Отъ слѣдователя дѣло перешло къ прокурору, который и далъ заключеніе о томъ, что дѣло о кражѣ слѣдуетъ прекратить, а С., прокуроръ совѣтовалъ привлечь къ отвѣтственности, и предать его суду по 129 и 229 ст. XXII св. воен. пост., такъ дѣло и устроилось.

Начальникъ требовалъ напр. преданія суду рядоваго Каг. Ах. за 3-ю кражу, а прокуроръ предалъ его суду за совокупность 3-хъ кражъ.

Пѣхотнаго полка Чер., командиръ 12 роты, предавался суду за уклоненіе отъ службы, и оказаніе неуваженія командиру полка К., прокуроръ Ус. не согласился съ начальствомъ, находилъ Чер., невиновнымъ. Начальникъ настаивалъ на преданіи Чер. суду, и прислалъ о томъ приказъ по дивизіи. Ус. долженъ былъ подчиниться но черезъ нѣсколько дней начальникъ одумался, и потребовалъ отъ прокурора возвращенія къ себѣ дѣла, и своего отзыва съ требованіемъ преданія суду. Прокуроръ все это исполнилъ, и дѣло кануло въ вѣчность.

Нижніе чины предаются суду даже безъ испрошенія согласія начальства.

Такимъ образомъ ряд. Нак., Уш. команды, преданъ военному суду за кражу со взломомъ, обвинительный актъ уже былъ о немъ внесенъ въ судъ, черезъ нѣсколько времени получается слѣдствіе о присвоеніи Ник. 175 руб., найденныхъ въ Уш.; прокуроръ уже неспрашиваетъ согласія начальства о преданіи суду Ник. за присвоеніе денегъ, а прямо съ этимъ обвиненіемъ вносится дополнительный обвинительный актъ въ судъ. Это раціонально, однакоже нельзя сказать, чтобъ этимъ не нарушалось то основаніе, что начальникъ долженъ все знать о своихъ подчиненныхъ, за нихъ отвѣчать, держать ихъ только въ своихъ рукахъ, что будто бы безъ воли начальника волосъ съ головы подчиненнаго не спадетъ, что только начальникъ за все и про все можетъ предать суду. Все это старинныя притязанія неосуществимыя, и потому на практикѣ невозможныя къ исполненію.

Поручикъ Сол. получилъ изъ Ка окружнаго интенданства прогоны до Ки. пріѣхавши въ М. Сол. объявляетъ, что прогоны потерялъ. Уѣздный воинскій начальникъ, разобравши дѣло, нашелъ, что Сол. деньги дѣйствительно потерялъ по небрежности, потому не счелъ нужнымъ предавать Сол. суду, выдалъ ему прогоны отъ М. до Ки Въ Ки Сол. получилъ деньги на проѣздъ до К. и промоталъ ихъ въ Ки. Ки, комендантъ предалъ Сол. суду за промотаніе 31 р. 75 к. прогонныхъ денегъ отъ Ки до К. и подъемныхъ денегъ, преданъ же суду прокуроромъ Сол. былъ за проматаніе прогонныхъ денегъ отъ Ка. до К. и подъемныхъ денегъ. Такимъ образомъ Сол. обвинялся на судѣ въ такомъ преступленіи, въ какомъ его не обвиняло начальство; начальство не преслѣдовало Сол. за промотаніе денегъ отъ Ка до Ки. Военный судъ призналъ Сол. виновнымъ въ томъ, что хранилъ небрежно прогонныя деньги отъ Ки до К и потерялъ ихъ, а промотаніе прогонныхъ денегъ отъ Ка до Ки и подъемныхъ денегъ призналъ не

доказаннымъ. Прокуроръ протестовалъ, главный военный судъ отмѣнилъ приговоръ суда, судъ во второй разъ разсматривалъ дѣло и призналъ Сол. виновнымъ въ небрежномъ храненіи прогонныхъ денегъ отъ Ка. до Ки. промотаніи прогонныхъ денегъ отъ Ки. до К. и подъемныхъ денегъ. Изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1874 года № 181 мы видимъ, что начальство возбудило дѣло относительно дѣйствій комиссіи по отопленію воинскихъ зданій Кіевской крѣпости за 3 отопочныхъ періода 1870—1871 г.г. 1871—1872 г.г. 1872—1873 гг., между тѣмъ по обвинительному акту коммисія была предана суду и за дѣйствія ея въ 1869—1870 гг.; обвиняемые жаловались на такое нарушеніе закона главному военному суду, но жалоба оставлена была безъ послѣдствій.

Само начальство даетъ широкій просторъ дѣятельности прокуроровъ, къ чему оно принуждается незнакомствомъ своимъ съ юридическими вопросами; такимъ образомъ законъ предоставляетъ полковому командиру право, передавая прокурору дѣло, которое полковымъ судомъ признано ему не подсуднымъ, излагать свое мнѣніе, но командиры очень рѣдко даютъ свои мнѣнія. Начальство имѣетъ свою область, въ которой оно дѣйствуетъ самостоятельно, произвольно, но въ юридическихъ тонкостяхъ оно сознавалась, иногда, въ своемъ невѣдѣніи; хотя это было такъ только до послѣдняго времени. Начальство досихъ поръ, какъ оно ни было недовольно судомъ, не рѣшалось спорить съ судомъ на каждомъ шагу; за судомъ всетаки была извѣстная, доля значенія и вотъ это-то и возмущало начальство, это-то и увеличивало желаніе начальства взять судъ въ свои руки; начальство было бы только тогда удовлетворено, когда увидѣло бы судъ въ своей власти вполнѣ. Это наконецъ свершилось; объ этомъ свидѣтельствуетъ приказъ военнаго министра 20 апрѣля 1882 года. Этимъ приказомъ, изложеннымъ сокращенно, коротко, занимающимъ $^1/_4$ газетнаго столбца, замѣнена цѣлая XXIV св. воен. пост., написанная все-таки на основаніи опытовъ нѣсколькихъ вѣковъ, на основаніи выводовъ об-

мирной науки. Военный министръ излагаетъ, что такое преступленіе, что такое судъ, чѣмъ онъ долженъ руководствоваться въ своей дѣятельности, каковы должны быть приговоры, въ чемъ состоятъ права сторонъ, какія должны быть доказательства, предъявляемыя суду; военный министръ заявляетъ, что суды военные непогрѣшимы, что сторонамъ нечему ихъ учить, что суды военные примѣняютъ военные законы, которые совершенно опредѣленны; военный министръ уничтожаетъ самостоятельность судовъ, говоря, что имъ объ ихъ обязанностяхъ могутъ напоминать только ихъ начальники и старшіе въ чинѣ. Все это министръ предписываетъ судамъ для руководства черезъ ихъ предсѣдателей, которыхъ такимъ образомъ положительно дѣлаетъ начальниками судовъ. И все это не смотря на то, что законъ не ставитъ начальниковъ надъ судомъ въ его судебной дѣятельности, что кромѣ прямого закона для судовъ, какъ они и что они должны судить, не можетъ быть никакихъ указаній, не можетъ быть никакихъ приказовъ; права военнаго министра опредѣлены въ статьяхъ 164 и 168, права эти чисто прокурорскаго свойства, но далеко до того, чтобъ министръ могъ писать приказы, замѣняющіе законъ. Замѣчая какой нибудь безпорядокъ, накопленіе дѣлъ, медленность или остановку въ движеніи оныхъ (166 ст.) или нарушеніе правилъ внутренняго устройства и дѣлопроизводства въ военно-судебныхъ мѣстахъ (168 ст.), военный министръ имѣетъ право принять мѣры къ устраненію безпорядка, и если нужно возбудить дисциплинарное производство противъ виновныхъ; но все это далеко отъ того, чтобъ приказами предписывать судамъ, для ихъ публичной судебной дѣятельности, какъ понимать законъ, теорію доказательствъ, необходимость стѣсненія сторонъ, права сторонъ прямо вопреки существующимъ законамъ.

Къ тому же все, заключающееся въ приказѣ показываетъ, что мы были правы утверждая, что люди военные не знаютъ того, что происходитъ въ военномъ вѣдомствѣ. Въ настоящемъ трудѣ мы дали

обширный матеріалъ для оцѣнки утвержденій военнаго министра въ его приказѣ 20 апрѣля, и разрѣшили положительно вопросъ въ томъ смыслѣ, что, вопреки утвержденіямъ военнаго министра, наши военные уголовные законы безусловно неопредѣленные, что наши военные суды далеко не непогрѣшимы, что наше начальство, среда, изъ которой назначаются судьи временные, лишена всякихъ юридическихъ знаній и опытности для того, чтобъ постановлять удовлетворительные приговоры, что участіе, вліяніе сторонъ сильно замѣчается въ дѣятельности судовъ, что суды нуждаются въ руководительствѣ сторонъ, что, правда, отъ разныхъ, наиболѣе впрочемъ неудовлетворительныхъ временныхъ судей, приходится слышать то, что мы читаемъ въ приказѣ министра, что они утомляются правильнымъ ходомъ судебнаго процесса, но мы доказали, какіе грустные результаты отъ того происходятъ, и какъ все-таки временные судьи, сами того не замѣчая, пропитываются человѣческими, здравыми взглядами на судъ, на свои судебныя обязанности.

До послѣднаго времени, пока не рѣшались унижать значеніе суда, начальство энергично вступало въ споръ съ органами судебной власти, съ прокурорской властью только въ исключительныхъ случаяхъ. Такія пререканія мы излагали уже. Конечно начальство побѣждало въ такихъ пререканіяхъ; оно слишкомъ сильно закономъ, дающимъ ему право не назначать слѣдствія о томъ, о комъ оно не считаетъ этого нужнымъ, начальство сильно той поддержкой, которую встрѣчаетъ всегда, подымаясь выше; наконецъ и сами судебные органы охотно уступали. Имѣется въ виду придать прокуроровъ въ качествѣ совѣтниковъ начальству, но чтобъ показать напримѣръ, чего можно отъ того ждать, укажемъ на поведеніе прокуратуры по дѣлу З., о которомъ мы уже распространялись выше, въ которомъ начальство считало дѣломъ чести и интересовъ военной службы отстоять З.

По этому дѣлу мы видимъ, что когда кончилось бурное слѣд-

ствіе о З. и прокурору пришлось давать заключеніе, то прокуроръ, вопреки положительнымъ даннымъ слѣдствія, представлялъ начальству З., что З. не превысилъ власти, такъ какъ нарушеніе контракта съ подрядчицей В., и передача подряда К. совершена была не З., а властью его высшей, къ тому уполномоченной контрактомъ и военнымъ совѣтомъ; актъ, составленный объ измѣреніи нечистотъ 10 іюня, въ прокурорскомъ заключеніи признавался имѣющимъ силу доказательства относительно количества нечистотъ, имѣвшихся въ отхожихъ мѣстахъ 7 іюня, и законно составленнымъ; въ заключеніи совершенно было умолчено объ уничтоженіи рапорта 7 іюня; въ заключеніи удостовѣрялось, что по контракту З. имѣлъ право назначать штрафы за неочистку отхожихъ мѣстъ до дна; притѣсненія В. и льготы К. были отвергнуты, и въ заключеніи удостовѣрялось, что и отъ К. требовалось рытье глубокихъ ямъ, въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости; утверждалось, что З. не принуждалъ В. къ роспискѣ на повѣсткѣ, которою бы она лишилась какихъ нибудь правъ. Въ заключеніи однако было признано, что З. заставилъ В. росписаться на повѣсткѣ въ томъ, что она ее приняла, а въ повѣсткѣ было сказано, что если она черезъ часъ по принятіи повѣстки не дастъ отвѣта желаетъ ли сохранить за собою подрядъ на условіяхъ, предложенныхъ ей З., то тѣмъ добровольно отказывается отъ своихъ правъ на подрядъ.—В. не хотѣла отказываться отъ подряда, не хотѣла принимать условій ей предложенныхъ, и потому еслибъ и росписалась на повѣсткѣ, то черезъ часъ не дала бы согласія, а между тѣмъ еслибъ ея росписка имѣлась на повѣсткѣ, а отвѣта черезъ часъ не было бы, то этимъ самымъ, по содержанію повѣстки, удостовѣрялось бы, что В. отказалась отъ своихъ правъ добровольно; слѣдовательно принужденіе къ роспискѣ на повѣсткѣ — было принужденіемъ къ отреченію отъ своихъ правъ; потому то В. не хотѣла росписаться въ полученіи повѣстки, а ее къ тому принуждали. Заключеніе признавало, что В., не желая дать подписку, хотѣла уйдти изъканцеляріи, но З. загородилъ ей дорогу, не выпустилъ ее, и В., усту-

пая насилію, подписалась на черновой повѣсткѣ въ полученіи таковой, но затѣмъ отвѣта, желаетъ ли удержать за собою подрядъ на условіяхъ ей предложенныхъ—не дала. Черновое заключеніе находило, что со стороны З. было совершено такимъ образомъ преступленіе, предусмотрѣнное 142 ст. мир. устава, но, выражалось заключеніе, такъ какъ В. на насиліе, предусмотрѣнное 142 ст. не жаловалась, то значитъ З. не подлежитъ преслѣдованію.—Удивительная логика. Дѣло началось по жалобѣ В., а заключеніе утверждаетъ, что жалобы не было, В. жаловалась на принужденіе, насиліе квалифицированное, предусмотрѣнное 1686 ст. улож., оказалось, что на лицо только насиліе, предусмотрѣнное 142 ст. и дѣло прекращается; такъ что, если напр. кто нибудь жалуется мировому судьѣ на оскорбленіе дѣйствіемъ, а мировой судья усматриваетъ оскорбленіе словами, то онъ будто бы обязанъ дѣло прекратить за отсутствіемъ жалобы со стороны потерпѣвшаго.—Пусть такъ, но вѣдь тогда жалоба потерпѣвшаго весьма легко можетъ появиться; какъ только потерпѣвшій узнаетъ, что отъ него ждутъ жалобы, онъ сейчасъ ее и представитъ; для чего же такіе крючки ставить въ дѣлѣ; вѣдь это только возможно было въ старыхъ судахъ.—Если допустима такая логика, тогда прокуроръ положимъ обвиняетъ въ кражѣ со взломомъ, а судъ находитъ простую кражу и обвиняемый долженъ быть отпущенъ на всѣ четыре стороны, потому что прокуроръ не обвинялъ въ кражѣ простой.—Но какъ мы изложили, вопросъ стоялъ въ черновомъ заключеніи, въ бѣловомъже, представленномъ начальству, излагалось, что въ дѣлѣ есть несомнѣнно насиліе со стороны З., которое для него, какъ власти, составляетъ превышеніе власти, но, какъ извиняемое ревностью къ службѣ, и кромѣ того, не имѣвшее вредныхъ послѣдствій, можетъ повлечь только дисциплинарное взысканіе съ З., съ чѣмъ начальство охотно и согласилось.—Можемъ здѣсь напомнить, какъ легко всякое преступленіе и проступокъ передѣлать въ превышеніе власти.

В. не успокоилась и подала 5 прошеній высшей власти, въ ко-

торыхъ просила возобновить дѣло; прошенія эти были препровождены къ прокурору для того, чтобъ онъ далъ свои объясненія, и прокуроръ отрицалъ существованіе въ дѣлѣ обстоятельствъ, требующихъ возобновленія дѣла. Военный прокуроръ находилъ, что утвержденіе В., что З. извратилъ дѣло въ своемъ представленіи начальству въ рапортѣ 7 іюня невозможно провѣрить, потому что рапортъ 7 іюня какъ бѣловой, такъ и черновой были уничтожены З., а черновая, представленная В., хотя и удостовѣряется бухгалтеромъ, составлявшимъ черновой рапортъ 7 іюня, что она та самая по содержанію, что и подлинный рапортъ 7 іюня, но такъ какъ черновая копія В. никѣмъ не засвидѣтельствована, то и не можетъ быть принята за основаніе обвиненія. То есть прокуроръ отказывается возстановить истинный смыслъ бумаги, путемъ свидѣтельскихъ показаній, и на основаніи другихъ многочисленныхъ обстоятельствъ, и затѣмъ ни во что ставитъ уничтоженіе бумаги З., не видитъ въ томъ никакого преступленія, не видитъ сознанія того, что рапортъ 7 іюня представлялъ дѣло въ извращенномъ видѣ.

Затѣмъ прокуроръ признаетъ, что, составленный 14 іюня актъ измѣренія нечистотъ въ крѣпости, происходившаго 10 іюня, долженъ былъ имѣть для военно-прокурорскаго надзора значеніе законнаго документа, такъ какъ соотвѣтствовалъ вполнѣ законнымъ условіямъ составленія и засвидѣтельствованія такого рода актовъ, и это говорится тогда, когда тутъ же приводятся доказательства недостовѣрности акта. Многіе свидѣтели, утверждаетъ прокуроръ, прямо показали, что при измѣреніи нечистотъ они не были, измѣренія не дѣлали, а между тѣмъ подписями удостовѣрили, какое количество нечистотъ, гдѣ именно было найдено; все это прокуроръ обобщаетъ фразою, что изъ свидѣтельскихъ показаній можно вывести предположеніе, что не всѣ присутствовали при измѣреніи нечистотъ; какое тутъ предположеніе, когда свидѣтели прямо такъ и показали. Для признанія документа недѣйствительнымъ, говоритъ прокуроръ, необ-

ходимо было путемъ предварительнаго слѣдствія доказать невѣрность включенныхъ въ актѣ свѣдѣній, то есть возбудить противъ лицъ его подписавшихъ судебное преслѣдованіе по обвиненію въ подлогѣ по службѣ. Принятіе же такой мѣры выходитъ изъ предѣловъ военно-судебной власти въ виду 214 и 421 ст., XXIV, уполномочивающихъ исключительно одно военное начальство на возбужніе судебнаго преслѣдованія по дѣламъ относящимся до нарушенія обязанностей службы. Здѣсь, что ни слово, то невѣрность. Нечего еще было испрашивать разрѣшенія на какое-то новое слѣдствіе, такъ какъ и безъ того всѣ свидѣтели подробнѣйшимъ образомъ были допрошены обо всѣхъ рѣшительно обстоятельствахъ; оставалось только испросить разрѣшеніе о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ по даннымъ совершенно положительнымъ. Правда, что привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго невозможно безъ согласія начальства, но нужно было сдѣлать представленіе, а его-то однако сдѣлано не было. Согласилось-ли бы начальство или нѣтъ? но нужно было исполнить свой долгъ, а не прикрывать преступленіе спутанными фразами.

Такимъ образомъ ясно, что прокуратура не дѣятельна и въ рѣшительныхъ дѣлахъ идетъ на буксирѣ у начальства, служитъ ему въ тушеніи дѣлъ. Между тѣмъ прокуратура имѣетъ всѣ способы дѣйствовать и при энергіи прокуратуры начальство волею-неволею было бы справедливѣе. Вѣдь согласился же начальникъ округа на привлеченіе къ дѣлу о Б. полковника Р., и былъ онъ преданъ суду по обвиненію въ убійствѣ, не смотри на то, что въ приказѣ по округу было сказано, что Р. предается суду за маловажное превышеніе власти.

Все это приводитъ къ тому заключенію, что отвѣтственность за положеніе правосудія въ войскахъ, за правовой порядокъ, за существующія отношенія между подчиненными и начальниками, въ значи-

тельной степени должна падать и на органы судебной власти, которые слишкомъ покорны и послушны передъ начальствомъ.

Помимо всѣхъ отдѣльныхъ правъ вліять на судъ, на процессъ, начальство еще можетъ эксплоатировать общія основанія дисциплины военной, такъ какъ начальство ее понимаетъ. Дисциплина, эксплоатируемая какъ оружіе, представляетъ могущественное средство для усмиренія непокорныхъ, потому что обвиненія дисциплинарныя не требуютъ доказательствъ, а между тѣмъ дѣйствуютъ также сильно и вѣрно какъ въ старину «слово и дѣло»; стоитъ сказать за кѣмъ нибудь дисциплинарную вину, чтобъ оговоренный терялъ всякое право быть выслушаннымъ, на справедливость; здѣсь уже господствуетъ безъ малѣйшаго ущерба принципъ: старшій всегда правъ, младшій всегда виноватъ.

Льготно, очень льготно положеніе военнаго слѣдователя при производствѣ слѣдствія надъ солдатомъ; слѣдователь тутъ является начальникомъ; но обратно настолько же жалко положеніе слѣдователя, когда свидѣтель, а тѣмъ болѣе обвиняемый старше слѣдователя чиномъ. Слѣдователь долженъ тогда твердо быть увѣреннымъ въ своихъ знаніяхъ, въ своемъ умѣніи вести слѣдствіе, слишкомъ высоко ставить свое общественное значеніе и слишкомъ мало нуждаться въ милостяхъ, въ поощреніяхъ начальственныхъ. Если строго соблюдать всѣ обычныя дисциплинарныя отношенія, то слѣдователь, имѣя передъ собою старшаго, не имѣетъ права безъ его разрѣшенія ни встать, ни сѣсть, не имѣетъ права спросить обвиняемаго, пока тотъ не заговоритъ самъ; комично должно быть вообще положеніе слѣдователя, а чтобъ слѣдователь могъ понять себя, могъ стать твердо въ приличное положеніе, долженъ онъ толковать, соображать, сопоставлять законы, а такая трудная работа не дается легко нашимъ военно-судебнымъ дѣятелямъ, какъ это мы говорили. Чтобъ стать въ совершенно независимое положеніе въ отношеніи обвиняемаго старшаго въ чинѣ, необходимо пользоваться 54 ст. XXIV св.

воен. пост., о которой мы уже говорили, и которую не лишнимъ считаемъ напомнить еще разъ. По этой статьѣ, какъ только права младшаго опредѣлены закономъ, онъ уже дѣйствуетъ самостоятельно; тутъ же имѣютъ значеніе статьи 69 XXII, ст. 435 XXIV св. воен. пост. и другія, о которыхъ мы не разъ говорили. На основаніи этихъ статей слѣдователь совершенно вправѣ управлять, распоряжаться ходомъ предварительнаго слѣдствія; въ своей камерѣ онъ одинъ господинъ и имѣетъ право также относиться къ обвиняемому старшему въ чинѣ, какъ и къ солдату.

Вотъ рядъ тѣхъ затрудненій, въ которыя можетъ стать военный слѣдователь. Слѣдователь, обращаясь къ офицеру, говоря о другомъ офицерѣ, не смѣетъ произносить его фамилію, не присоединивъ къ ней чина, и слѣдователь нарушаетъ дисциплину соблюдая этихъ прерогативъ офицерскихъ. Въ этомъ отношеніи военный слѣдователь можетъ по истинѣ позавидовать гражданскому слѣдователю; вѣдь китайскія церемоніи вообще тяжелы, а тутъ нужно думать о дѣлѣ, и затѣмъ еще соблюдать китайщину. Слѣдователь С., производя слѣдствіе о З., чувствовалъ тягость китайщины, какъ онъ передавалъ намъ; по этому дѣлу было много свидѣтелей офицеровъ, самъ обвиняемый чуть-чуть что не генералъ, и тутъ нужно было быть на сторожѣ. С. на каждомъ шагу промахивался въ титулованіи по чинамъ, и сидѣвшій около С., наблюдавшій за слѣдствіемъ, помощникъ военнаго прокурора Р. постоянно наклонялся къ С. и напоминалъ ему о пропускѣ титула, или толкалъ въ бокъ при каждой такой ошибкѣ.

С. производилъ слѣдствіе надъ полковникомъ З., самъ же былъ въ чинѣ капитана, и много долженъ былъ соблюдать осторожности, чтобъ не быть арестованнымъ обвиняемымъ на основаніи 56 ст. XXIII св. воен. пост. за не соблюденіе общихъ правилъ дисциплины. Требованія дисциплины вѣдь растяжимы, и чего только старшій не можетъ выдумать относительно младшаго? особенно если старшій знаетъ, что за его спиною стоятъ многочисленные и влія-

тельные ревнители ложной дисциплины — барщины и китайщины и ненавистники непокорныхъ военно-судебныхъ дѣятелей. Какъ ни убегался С., однакоже отъ обвиняемаго З. получилъ-таки дисциплинарное замѣчаніе. Дѣло происходило такъ. С. назначилъ допросъ З. на высокоторжественный день, не то 26, не то 30 августа, значеніе которыхъ въ прошлое царствованіе вѣроятно еще многими не забыто.

Насталъ торжественный день, всѣ въ крѣпости собрались въ церковь, парадировали; а С. пришелъ въ свою камеру въ сюртукѣ, при оружіи. Черезъ нѣсколько минутъ явился З. въ полной парадной формѣ и сдѣлалъ С. замѣчаніе, что онъ одѣтъ не по формѣ и требовалъ отъ С. составленія протокола о томъ, что С. нарушилъ дисциплину. С. отказался составить протоколъ, тѣмъ болѣе что З. стоялъ не на законной почвѣ. По уставу во время домашнихъ занятій всѣ могутъ быть въ сюртукахъ, а конечно для слѣдователя производство допроса есть домашнее занятіе, которое на основаніи закона можетъ имѣть мѣсто и въ высокоторжественные дни; къ тому же З. на себѣ доказалъ неумѣстность парадной формы во время допроса. Какъ только начался допросъ, полковникъ былъ уже не спокоенъ, вставалъ, выбѣгалъ изъ камеры, велѣлъ позвать въ камеру плацъ-маіора, военную полицію, чтобъ констатировать отступленіе С. отъ формы, затѣмъ полковникъ просидѣлъ не болѣе часа и побѣжалъ переодѣваться, такъ какъ и воротникъ мундира высокъ и мундиръ и шарфъ стягиваютъ грудь, животъ; шитье, пуговицы на рукавахъ мѣшаютъ писать, быть внимательнымъ, записывать.

Поведеніе З. было возмутительное и невозможное для правильнаго и спокойнаго веденія дѣла; хорошо что въ дѣлѣ формы С. былъ правъ, но надо согласиться, что положеніе слѣдователя, который на общихъ основаніяхъ можетъ быть арестованъ обвиняемымъ, за нарушеніе дисциплины, которое опредѣляется единственно усмотрѣніемъ обвиняемаго, такое положеніе — не нормально. При такихъ условіяхъ слѣдствія невозможны. З. жало-

вался суду на нарушеніе С. дисциплины, и эти жалобы, сообразно съ характеромъ дисциплинарныхъ обвиненій, на который мы указывали, были лишены совершенно фактической основы; З. между прочимъ ни словомъ не проговорился чего ему хотѣлось, но С. понималъ его, хотя и не думалъ угождать ему. Дѣло въ томъ напр., что съ одной стороны являлся обвиняемый полковникъ З., а съ другой стороны жалобщица, потерпѣвшая подрядчица еврейка; С. держалъ и того и другую на ровной ногѣ; и той и тому стулъ, и той и тому ровное вниманіе; это страшно бѣсило полковника. Читатель можетъ помнить какъ только что по введеніи мировыхъ судей въ Петербургѣ, артилерійскій генералъ Сим. бѣсился отъ того, что ему мировой судья оказывалъ одинаковый почетъ на судѣ, что и истцу. Точно то же было и съ З.; ему удалось таки добиться своего при слѣдователѣ М., смѣнившемъ С. Въ дѣлѣ имѣется протоколъ о томъ, что при слѣдователѣ М. З., взойдя въ камеру, увидя, сидѣвшую на стулѣ, В., сказалъ ей встать со стула и уступить стулъ ему, З. на томъ основаніи, что то былъ его стулъ, такъ какъ вчера онъ сидѣлъ на томъ стулѣ. При содѣйствіи слѣдователя З. удалось согнать В. со стула и она, оскорбленная, удалилась изъ камеры, рѣшившись лучше не слушать своего дѣла.

Такихъ бы слѣдователей давай Богъ побольше на утѣху такихъ обвиняемыхъ какъ З. Съ тѣхъ поръ какъ стали заботиться о преобладаніи военныхъ интересовъ, военные офицеры позволяютъ себѣ давить слѣдователей. Производитъ слѣдователь слѣдствіе, въ его камеру врывается офицеръ и требуетъ, чтобы слѣдователь прекратилъ слѣдствіе, удалилъ бы свидѣтелей солдатъ, такъ какъ онъ, офицеръ, хочетъ говорить съ слѣдователемъ; робкій слѣдователь уступаетъ офицеру, высылаетъ солдатъ, прекращаетъ слѣдствіе; офицеръ даетъ выговоръ слѣдователю, какъ онъ можетъ вести слѣдствіе въ избранномъ направленіи, кто его уполномочилъ придать такое направленіе слѣдствію объясняетъ что онъ, офицеръ и командиръ, узналъ о направленіи

приданнымъ слѣдователемъ слѣдствію изъ перепросовъ, спрошенныхъ слѣдователемъ свидѣтелей; что онъ доложитъ обо всемъ полковому командиру; что такъ какъ полковой командиръ уѣхалъ изъ штаба полка и вернется на другой день, то слѣдователь обязанъ выждать полковаго командира. Слѣдователь отвѣчаетъ, что онъ самъ имѣетъ въ виду остаться въ штабѣ полка день, такъ какъ ему предстоитъ еще допросить нѣсколькихъ свидѣтелей, но офицеръ его останавливаетъ и говоритъ, что онъ обязываетъ слѣдователя остаться такъ какъ въ противномъ случаѣ офицеръ будетъ имѣть съ нимъ дѣло личное. И слѣдователь остается изъ страха передъ удалымъ офицеромъ.

Мы истощили весь матеріалъ, который могли собрать, и подвергли этотъ матеріалъ возможной обработкѣ, теперь мы позволимъ себѣ начертать тотъ рядъ преобразованій, въ которыхъ нуждается правосудіе и правовый порядокъ въ войскахъ. Мы будемъ коротки теперь, такъ какъ, смѣемъ думать, достаточно положительно и ясно разработали поднятые нами вопросы, достаточно положительно выставили настоящее положеніе правосудія, а затѣмъ правовый порядокъ въ войскахъ, то направленіе, въ которомъ должна быть произведена работа, тѣ основанія, на которыхъ должны покоиться мѣры, которыя мы намѣрены предложить.

Мы думаемъ, что имѣемъ полное право на основаніи всего изложеннаго утверждать, что положеніе правосудія и правовый порядокъ въ войскахъ оставляютъ желать многаго, и затѣмъ изъ изложеннаго положительно слѣдуетъ, что и правосудіе, и правовой порядокъ находятся въ тѣсной взаимной связи.

Мы доказывали, что наши законы военно-уголовные и матеріальные и формальные требуютъ улучшенія, дальнѣйшаго движенія впередъ. Мы видѣли, что между военно-судебными дѣятелями есть люди съ такими качествами, при которыхъ невозможно надѣяться на удовлетворительное состояніе правосудія; благодаря строгости, неопредѣленности военныхъ законовъ и неудовлетворительности судебной организаціи, военное правосудіе часто является жестокимъ, несправедливымъ, неравномѣрнымъ, случайнымъ, поражающимъ несообразностями, уничтожающимъ право и личность подчиненнаго. Подсудимые приговариваются къ наказаніямъ несообразнымъ винѣ, а часто и вовсе невинные въ угоду администраціи, предразсудкамъ, питаемымъ среди офицеровъ; мы имѣемъ правосудіе неустойчивое, такъ что никто не можетъ впередъ сказать преступно или нѣтъ, совершенное имъ дѣяніе, никто не можетъ быть увѣренъ въ исходѣ процесса; всѣ

говорятъ онъ *выигралъ* дѣло, онъ *проигралъ* дѣло. Большая доля власти судебной находится въ рукахъ военнаго начальства, которое имѣетъ возможность проводить свои взгляды, интересы помимо суда и его дѣятелей, или даже вліять на судъ, а между тѣмъ начальство къ судебной дѣятельности вовсе не пригодно.

Но однако же мы доказали, что всѣ эти отрицательныя качества не составляютъ неизбѣжной природы судовъ военныхъ. Суды гражданскіе представляютъ тоже примѣры несправедливостей, поразительнаго незнанія. Мы говорили уже объ этомъ. Существуетъ даже цѣлая литература, цѣлые журналы, напр., журналъ «Судебные порядки», которые безпрерывно, безпристрастно знакомятъ публику съ неправдами, безпорядками, съ правонарушеніями съ низкимъ уровнемъ знаній въ судахъ гражданскихъ. Отъ времени до времени въ періодической печати появляются свѣдѣнія о плохомъ положеніи судебнаго дѣла; напр., что можетъ быть возмутительнѣе того, что сообщено въ № 109 «Голоса» по дѣлу частнаго повѣреннаго Кулябко-Корецкаго. Такимъ образомъ, все, что мы доказывали въ настоящемъ трудѣ, не представляетъ ничего безпримѣрнаго, единственнаго въ своемъ родѣ. Только судъ присяжныхъ стоитъ до сихъ поръ безупречнымъ, не смотря на всѣ усилія такихъ газетъ, какъ «Московскія Вѣдомости». Напротивъ, мы доказали, что военные суды, гдѣ не заинтересованы сами судьи, гдѣ они въ состояніи вникнуть въ сущность дѣла, тамъ они справедливы, гуманны, выражаютъ правду общественную, общественную совѣсть не хуже судовъ присяжныхъ и для преступленій совершенныхъ военными дѣйствительныя военные суды имѣютъ къ тому средства, потому что только военные знаютъ среду, въ которой рождаются преступленія совершенныя военными; затѣмъ между военно-судебнымъ персоналомъ есть люди, которые стоятъ на высотѣ своего призванія, люди знающіе, люди образованные; наконецъ, законы, опредѣляющіе военно-уголовный процессъ все-таки такого рода, что самые злонамѣренные люди, люди, могущіе только ронять правосудіе.

и тѣ не могутъ испортить въ концѣ дѣло правосудія. Военные суды въ настоящемъ ихъ устройствѣ все-таки далеко выше старыхъ судовъ, и между современными судами можно сдѣлать выборъ и отдать рѣшительное предпочтеніе военнымъ судамъ передъ полковыми; это превосходство прямо пропорціонально превосходству организаціи и судебнаго процесса въ томъ и другомъ судѣ. Военный судъ гораздо выше стоитъ, благодаря тѣмъ гарантіямъ правосудія, которыя присущи процессу и, между прочимъ, благодаря участію сторонъ. Военный судъ съ его процессомъ, военный судъ, въ которомъ все-таки есть дѣятели, отвѣчающіе своему высокому призванію, до сихъ поръ имѣлъ-таки нѣкоторое благотворное вліяніе на внутренній правовый порядокъ въ войскахъ. И такое вліяніе тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что до сихъ поръ только одинъ судъ и могъ имѣть его; все-таки та доля правды и справедливости, которая давала свободно дышать подчиненнымъ, исходила изъ суда и много, много насилій, произвола застывало на степени намѣренія, много преступныхъ рукъ опускалось при воспоминаніи, а вѣдь «есть же судъ въ Санъ-Суси»; съ другой стороны, много подавленныхъ и униженныхъ ждало суда съ вѣрою, съ нетерпѣніемъ, съ надеждою, какъ конца страданій, какъ момента, когда правда восторжествуетъ надъ неправдой.

И есть средства все это добро, знакомое намъ въ зародышѣ, являющееся случайно, урывками, сдѣлать дѣломъ твердымъ, надежнымъ широкимъ; средства эти въ движеніи впередъ, въ развитіи, въ прогрессѣ, въ наукѣ, въ свѣтѣ, и, напротивъ того, погибель всему въ движеніи назадъ.

И такъ вотъ что нужно для суда.

Мы высказываемся за отдѣльный судъ военный; въ этомъ военномъ судѣ статскіе дѣятели возможны въ качествѣ прокуроровъ, слѣдователей, но тогда еслибъ была гарантія какая нибудь, что эти статскіе прійдутъ въ военный судъ не потому, что они ни къ чему

другому неспособны. Могли бы быть принимаемы кончившіе университетъ и практикой доказавшіе свою способность, но такъ какъ такіе статскіе въ военный судъ не пойдутъ, то по необходимости прійдется удовольствоваться тѣмъ, что постоянный персоналъ военныхъ судей будетъ изъ военныхъ. Какъ ни низка военная среда, но изъ нея могутъ выдаваться болѣе способные, попавшіе и задержанные въ военной службѣ случайными, побочными обстоятельствами и конечно 30 слишкомъ тысячъ офицеровъ могутъ дать достаточный контингентъ для малочисленнаго судебнаго вѣдомства. Вопросъ въ военно судебномъ вѣдомствѣ уже рѣшонъ въ смыслѣ исключенія статскихъ, потому могутъ сказать, что наше изслѣдованіе запоздало. Мы не думаемъ этого потому что не извѣстно, чѣмъ руководились при осуществленіи этой мѣры; очень можетъ быть что расположеніемъ къ симметріи, однообразію; наконецъ вѣянія, времена измѣнчивы, что сегодня изгоняется то завтра призывается, и потому мы считали необходимымъ дать подробное, всестороннее, безпристрастное изслѣдованіе вопроса *). Всегда хорошо имѣть вопросы обстоятельно разработанные.

---

*) 46—64 страницы настоящаго труда были уже напечатаны, когда мы прочли въ газетахъ, что въ Петербургѣ, въ юридическомъ обществѣ г. Ахшарумовъ докладывалъ о военно-судебномъ дѣлѣ и между прочимъ указывалъ на тѣ улучшенія въ матеріальномъ правѣ, которыя по его мнѣнію необходимы; такъ онъ говорилъ, что, встрѣчающійся въ законѣ, терминъ «въ виду непріятеля» страдаетъ неопредѣленностью, неизвѣстно значитъ-ли это выраженіе, что непріятель такъ близко, что его можно разсматривать простыми глазами, или то что непріятеля можно видѣть только при помощи зрительныхъ инструментовъ. Но мы должны сказать, что требованія Ахшарумова столь же основательны, какъ еслибъ онъ утверждалъ, что законъ не будетъ понятенъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ не объяснятъ, что значатъ слова убить человѣка. Заявленіе Ахшарумова, подтверждаетъ справедливость всего сказаннаго нами на стр. 46—64, а во-вторыхъ то, что онъ былъ не на мѣстѣ, служа прокуроромъ Петерб. воен. суда. Выраженіе «въ виду непріятеля» понятно для военнаго столько же, сколько для всякаго слово убійство; военный и изъ теоріи военнаго искусства, и изъ практической службы знаетъ массу признаковъ, для того чтобы всегда вѣрно сказать находится-ли

Военный судъ долженъ составляться изъ судебнаго персонала постояннаго и временныхъ судей, соотвѣтствующихъ во всемъ, вполнѣ присяжнымъ засѣдателямъ. Судъ долженъ быть вполнѣ независимъ; независимъ совершенно отъ администраціи военной; военно-судебный персоналъ не можетъ быть сравненъ со всѣми другими офицерами, а независимость его должна быть особенная; потому суды должны быть связаны съ территоріей, а не съ организаціей войскъ, какъ это вѣрно соображали составители дѣйствующихъ воен.-судебн. уставовъ; ни начальникъ округа, ни какая другая административная власть не можетъ пользоваться въ отношеніи лицъ судебнаго вѣдомства, судей, слѣдователей и прокуроровъ общими правами основанными на 56 и 57 ст. дисциплинарнаго устава; иначе судебный персоналъ будетъ самостоятеленъ, не болѣе того какъ и офицерство. Изъ судебнаго устава должны быть вычеркнуты 172 и 181 ст., о которыхъ мы говорили; военные слѣдователи должны имѣть право жалобы по дѣламъ дисциплинарнаго о нихъ производства Многіе думаютъ, что такое положеніе военно-

---

онъ, или кто другой въ виду непріятеля, или нѣтъ. Въ виду непріятеля войско можетъ или двигаться или оставаться на мѣстѣ; и существуетъ цѣлый рядъ мѣръ, средствъ, пріемовъ, которые отвѣчаютъ такому положенію. Стоя въ виду непріятеля въ цѣпи, на аванпостахъ каждый такъ близокъ къ непріятелю, что самъ долженъ соблюдать величайшую осторожность, быть всегда на готовѣ говорить шопотомъ, и напротивъ высмотрѣть у непріятеля расположеніе его численность, гдѣ разведены огни, гдѣ палатки раскинуты, малѣйшее измѣненіе въ его расположеніи, подробности формы одежды, въ которую одѣтъ непріятель Аванпосты могутъ даже переговариваться. Вотъ что значитъ быть въ виду непріятеля. Часть войска иногда завязываетъ бой съ непріятелемъ, чтобъ дать возможность другой части, въ тылу у себя, скрытно передвинуться, и нѣтъ сомнѣнія, что такое движеніе будетъ движеніемъ въ виду непріятеля; вообще всякое движеніе, которое производится при такомъ условіи, что въ каждый моментъ можно ожидать встрѣчи съ непріятелемъ, есть движеніе въ виду непріятеля и этому соотвѣтствуютъ извѣстныя мѣры, значеніе которыхъ извѣстно военнымъ. Если же г. Ахшарумову штатскому, было непонятно, безъ особыхъ объясненій, что значитъ выраженіе въ виду непріятеля, то это только доказываетъ непригодность штатскихъ къ дѣятельности въ военныхъ судахъ.

судебнаго персонала означало бы анархію, что странно имѣть какое нибудь военное учрежденіе, которое не подчинялось бы начальнику округа по крайней мѣрѣ. Мы же думаемъ, что никакой анархіи, никакой странности не будетъ. Военно-судебныя учрежденія все-таки будутъ имѣть надъ собою власть и власть весьма сильную—главный военный судъ, военный судъ, главнаго военнаго прокурора; военно-судебные органы будутъ дѣйствовать по закону и, слѣдовательно, никакой розни не будетъ потому что всякая власть, которая будетъ дѣйствовать по закону, та сойдется всегда съ судебными органами, будетъ съ ними идти рука объ руку, а уклоняющихся отъ закона судить будетъ судъ; какъ же послѣ того судъ можетъ быть подчиненъ администраціи. Подчиненіе хотя бы и начальнику округа весьма опасно, надо не забывать, что черезъ начальника округа будутъ властвовать надъ судомъ всѣ начальники. Это понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій. Независимость органовъ судебнаго вѣдомства коренится еще и въ самомъ способѣ назначенія. Назначеніе должно быть основано на правѣ на службу. Офицеры, кончившіе курсъ въ военной академіи юридической, съ извѣстными успѣхами, должны имѣть права на службу въ военно-судебномъ вѣдомствѣ; всѣ они должны считаться кандидатами на военно-судебныя должности и должны заниматься практикой въ судахъ; всѣ не заявившіе себя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ способностямъ въ отрицательную сторону, должны быть по очереди назначаемы на открывающіяся мѣста слѣдователей и помощниковъ прокуроровъ. Судебная практика есть видная работа, она всегда можетъ быть проконтролирована. Конечно, гоняться за геніями невозможно, да геніевъ не открывала, и прежняя система назначенія, она могла только отталкивать; для дѣятельности въ судебномъ вѣдомствѣ достаточно имѣть лишь способныхъ людей, вѣдь не богиже горшки лѣпятъ. Такой порядокъ будетъ обезпечивать въ томъ отношеніи, что будетъ полная гарантія, что мѣста будутъ занимать лица способныя и, затѣмъ, что

на мѣста не будутъ попадать лица неспособныя, благодаря происканъ, подкупамъ, связямъ и т. п., всякій будетъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, не будетъ никому обязанъ кромѣ себя, своимъ способностямъ, ему не нужно унижаться, подличать, ползать. Опасенія, которыя высказываются, что тогда прокуроры будутъ имѣть помощниковъ, которыхъ они не знаютъ, съ которыми они не могутъ служить и т. п.; все это остатки крѣпостничества все это лицемѣріе; экзаменъ, практика откроютъ людей, не позволятъ неспособнымъ оставаться на службѣ, а напротивъ того мы видимъ, что при настоящемъ порядкѣ мѣста занимаются по большей части неспособными. При настоящемъ порядкѣ, когда каждый прокуроръ самъ избиралъ себѣ помощниковъ, ошибка въ назначеніи одного имѣла результатомъ то, что и всѣ окружавшіе этого одного тоже были плохи; конечно, какъ мы уже указывали, каждый плохой окружалъ себя еще худшими. Затѣмъ, развѣ можетъ быть рѣчь о томъ, что прокуроры могутъ, или не могутъ служить съ тѣмъ или другимъ помощникомъ. Если и прокуроръ и помощники будутъ служить одному дѣлу, пользѣ общей, и будутъ ходить по законамъ, то они другъ другу мѣшать не могутъ; если бы и экзаменъ и практика относительно опредѣленія способностей кого нибудь оказались бы не вѣрны и на мѣсто попалъ неспособный, тогда практика и дѣло, по занятіи уже должности, показали бы неспособность; само дѣло говорило бы за себя и такой неудачникъ, еслибъ самъ не оставилъ мѣсто, легко и справедливо могъ бы быть удаленъ: по больше только свѣту и гласности. Въ настоящее же время и неспособные вѣчно остаются въ должностяхъ, благодаря покровительству назначившихъ ихъ на должность. Мы думаемъ, что если хотятъ искренне пользы дѣлу, то должны принять предлагаемый порядокъ. Еслибъ дѣйствительно положеніе каждаго было независимо въ силу *яснаго* и положительнаго закона, еслибъ были приняты предлагаемыя гарантіи относительно того, что на должности будутъ поступать и удерживаться только способ-

ные, тогда мы ничего не имѣли бы, чтобы помощники прокурора находились при войскахъ, а не въ сборѣ при прокурорѣ. Отъ этого выиграло бы правосудіе и въ быстротѣ и въ правильности, а слѣдовательно въ дешевизнѣ. Вообще еслибъ работали въ судахъ способные, дѣятельные, энергичные, образованные, то отъ этого проистекала бы экономія; дѣла шли бы быстрѣе, правильнѣе и каждый бы дѣлалъ больше, чѣмъ теперь. Вотъ тутъ то вопросъ о реальномъ значеніи умственнаго и нравственнаго развитія судебныхъ дѣятелей получаетъ ясный смыслъ. Стоитъ исполнять законы разумно, безъ тѣхъ ошибокъ, на которыя мы указывали, тогда и слѣдствія, и судъ производились бы быстрѣе, настоящія же старанія объ экономіи несущественныя, не искреннія — плохое выходитъ дороже хорошаго; стоитъ вспомнить что мы говорили о практикѣ 403 ст., XXIV св. воен. пост. и другихъ.

Экономія, и вмѣстѣ съ тѣмъ польза, можетъ послѣдовать отъ преобразованія глав. военно-суд. управленія. Глав. военно-суд. управ., какъ мы говорили, это единственный въ цѣлой Россіи остатокъ старой системы судоустройства; разборъ практики глав. военно-суд. управ. доказалъ всю нераціональность организаціи глав. воен. суда; въ чемъ состоитъ въ общихъ чертахъ эта организація мы уже излагали и теперь повторять не станемъ. Главное военно-судное управленіе и главный военный судъ должны быть такъ организованы, какъ уголовный кассаціонный департаментъ сената съ его канцеляріею. Вся дѣятельность кассаціонная должна отправляться самими членами главнаго военнаго суда; всѣ дѣла, по которымъ принесены протесты и жалобы, должны прямо поступать къ членамъ главнаго военнаго суда, которые должны сами, своими трудами составить докладъ и, затѣмъ, написать рѣшеніе, а вовсе это не дѣло главнаго военно-суднаго управленія и тогда четыре отдѣленія главнаго военно-суднаго управленія съ ихъ начальниками отдѣленій, многочисленными столоначальниками, упразднятся и останется только канцелярія главнаго военнаго

суда съ секретаремъ и нѣсколькими—4-мя или 5-ю помощниками секретаря.

Кромѣ главнаго военнаго суда долженъ быть переобразованъ и полковой судъ въ своемъ устройствѣ. Полковой судъ можетъ состоять всего изъ одного судьи, и вообще судъ полковой долженъ быть организованъ по образцу мироваго суда. Въ судѣ должна быть допущена защита подсудимыхъ; подсудимымъ должно быть предоставлено право апелляціи въ военные суды, тогда только приговоры могутъ быть сколько нибудь разумны.

Временные судьи въ военныхъ судахъ должны быть организованы иначе чѣмъ теперь. Во первыхъ число ихъ не только не должно быть уменьшено, какъ теперь предполагаютъ, до 4, а напротивъ того число ихъ должно быть увеличено до 12 подобно суду присяжныхъ засѣдателей. Количество временныхъ судей имѣетъ рѣшительное вліяніе на качество приговора. Въ рѣшеніи дѣлъ 12 лицами можно конечно найдти и болѣе справедливости и больше разумности. Въ настоящее время, желая уменьшить число временныхъ судей до 4, опираются на то, что будтобы начальства затруднены въ назначеніи судей, что большимъ числомъ временныхъ судей ослабляется фронтъ, что очень мало способныхъ людей въ войскахъ; но всѣмъ этимъ причинамъ начальники будто посылаютъ временными судьями офицеровъ не удовлетворительныхъ. Всѣ такія соображенія не искренни и не справедливы и скрываютъ настоящія настроенія и желанія. Стремятся уменьшить число судей только единственно потому, что понимаютъ, что если будетъ 4 судьи, то на нихъ легче будетъ вліять; пославши тогда въ засѣданіе двухъ постоянныхъ судей извѣстнаго закала навѣрно можно получить искомый приговоръ; мы говорили уже что предсѣдатели сильно вліяютъ на временныхъ судей, а при меньшемъ количествѣ временныхъ судей на нихъ черезъ предсѣдательствующаго легче вліять. Вотъ истинная причина уменьшенія количества временныхъ судей, а вовсе не то что нѣтъ способныхъ, что начальство затруд-

нется въ посылкѣ способныхъ. Странно противорѣчатъ себѣ. Попробуйте сказать правду о неудовлетворительности тѣхъ, или другихъ порядковъ въ войскахъ, и противъ васъ возстанутъ, заподозрятъ въ недобросовѣстности, въ неспособности; но нужно послушать этихъ самыхъ не безкорыстныхъ радѣтелей военныхъ интересовъ, когда имъ нужно для своихъ цѣлей, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ извѣстныхъ мѣропріятіяхъ, ссылаться на неспособность, неподготовленность людей; они въ грязь топчутъ офицеровъ, отъ нихъ вы только и услышите: «мы знатные, да счастливые все дѣлаемъ, въ насъ только умъ, намъ платите деньги не считая». Старая пѣсня, знакомый недобросовѣстный пріемъ. Мы думаемъ, что говорить, что число судей временныхъ нужно умепьшить, потому что войска затрудняются въ высылкѣ способныхъ офицеровъ, значитъ взводить напраслину. Въ каждый данный моментъ отъ войска требуется только 72 офицера, (9 судовъ, по 8 въ каждомъ судѣ временныхъ судей съ запасными); это число увеличивается когда дѣйствуютъ временные суды, но это бываетъ только 2 раза въ годъ и каждый разъ на весьма короткое время—на недѣлю, на 2, такъ что смѣло можно говорить только о 72 временныхъ судьяхъ, которые дѣйствуютъ постоянно, и потому говорить что армія, имѣющая 35 тыс. офицеровъ затрудняется выдѣлить изъ среды себя всего 72 способныхъ офицера, это значитъ говорить неправду, быть недобросовѣстнымъ, это значитъ имѣть заднія недобросовѣстныя мысли. Мы увѣрены, что и вдесятеро большее число достойныхъ офицеровъ можетъ быть выдѣлено арміей безъ всякаго затрудненія. Очевидно, что утверждающіе противное, располагаютъ языкомъ только для того чтобъ скрывать свои мысли. Мы предлагаемъ назначать 14 временныхъ чиновъ въ каждый судъ, что составитъ постоянный расходъ 126 офицеровъ и убѣждены, что всѣ они, будучи правильно назначены, будутъ достойны занять судейское кресло и съ достоинствомъ отправлять правосудіе. Если начальство затрудняется теперь назначать офицеровъ, то мы можемъ указать на мѣру, которая сниметъ съ начальства заботу объ назначеніи временныхъ су-

дей и вмѣстѣ съ тѣмъ мы увѣрены дастъ лучшіе результаты. Мы думаемъ, что съ великою пользою для дѣла при составленіи списка временныхъ судей на каждую ссесію можетъ быть принятъ порядокъ, практикуемый для присяжныхъ засѣдателей въ гражданскихъ судахъ, какъ мы уже о томъ говорили. Эта мѣра сдѣлаетъ временныхъ судей болѣе самостоятельными и отъ начальства. Затѣмъ временные судьи, для избѣжанія давленія на нихъ постоянныхъ судей, для того чтобъ ихъ рѣшенія были болѣе самостоятельны, сознательны, должны быть отдѣлены отъ постоянныхъ военныхъ судей и рѣшать только вопросъ о виновности обвиняемаго, а постоянные судьи должны примѣнять законы къ признанной временными судьями виновности. То есть мы должны стать ближе къ порядкамъ гражданскаго суда.

Теперь мы изложимъ тѣ измѣненія которыя слѣдовало бы ввести въ уголовный процессъ — предварительное слѣдствіе, и судебный процессъ. Общая характеристика желаннаго положенія дѣла по нашему мнѣнію должна состоять въ томъ, что процессъ въ военномъ судѣ долженъ быть какъ можно ближе къ судебному процессу въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Прежде всего необходимъ особенный институтъ военныхъ слѣдователей для производства предварительныхъ слѣдствій. Мы прямо должны высказаться противъ тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ, чтобъ слѣдствія производились офицерами, взятыми прямо изъ фронта; мы видѣли что они прямо не пригодны для производства слѣдствій, они безусловно лишены необходимаго для того образованія и навыка. Дознанія, производимыя офицерами, плохи, какъ мы говорили; смѣшно въ военныхъ судахъ слѣдствія поручать офицерамъ изъ фронта, въ то время какъ въ гражданскихъ судахъ, что только подлежитъ суду присяжныхъ, о всемъ томъ производится слѣдствіе черезъ слѣдователя. Справедливо что было много весьма неважныхъ и простыхъ дѣлъ о кражахъ со взломомъ, которыя не нуждались въ слѣдствіяхъ,

но этотъ вопросъ уже разрѣшенъ инымъ путемъ; всѣ незначительныя кражи со взломомъ новымъ закономъ отнесены къ вѣдомству мировыхъ судей и полковыхъ судовъ и потому слѣдствій по нимъ вовсе не будетъ и тогда останется ненарушеннымъ тотъ принципъ, что по дѣламъ подлежащимъ суду военному должны производится слѣдствія военными слѣдователями. Доказательствъ, что такъ должно быть, мы представили много въ своемъ мѣстѣ.

Конечно при соблюденіи тѣхъ основаній, которыя мы предлагали для назначенія на должности военно-судебныя, которыя дадутъ болѣе образованный, лучшій личный составъ, болѣе независимый сравнительно съ настоящимъ, слѣдуетъ ожидать что слѣдствія будутъ производиться и лучше и быстрѣе. Не будетъ такого формализма въ дѣлѣ; не будетъ тѣхъ напрасныхъ возвращеній дѣлъ къ дослѣдованію, о которыхъ мы говорили, не будетъ той неудовлетворительной практики 403 ст., которую мы видѣли выше. Передача многихъ, какъ говорятъ, слѣдствій по маловажнымъ дѣламъ фронтовымъ офицерамъ вовсе не ускоритъ хода судебныхъ дѣлъ; такъ какъ слѣдствія производимыя офицерами будутъ по нѣсколько разъ возвращаться для дополненій, и будетъ болѣе дѣлъ, которыя будутъ поступать въ судъ не выясненными, потому что прокуроры, видя безплодность возвращеній дѣлъ для дополненій, махнутъ рукой, не захотятъ взять на себя трудъ вожденія на помочахъ слѣдователей изъ офицеровъ и будутъ доводить дѣла до суда вовсе не выясненныя, разсчитывая на русское авось; авось и такъ сойдетъ. Ускоренія производства дѣлъ можно ожидать если дознанія будутъ совсѣмъ уничтожены, то есть дознанія въ ихъ теперешнемъ смыслѣ. Мы говорили уже о той безплодной подробности и полнотѣ, которыми отличаются нынѣшнія дознанія, являющіяся пародіями слѣдствій; очевидно, что отъ такихъ дознаній можно отказаться, особенно если слѣдствія будутъ производиться удовлетворительнѣе. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ приблизиться къ порядку существующему въ гражданскомъ вѣдомствѣ

Совершенно достаточно будетъ если начальство будетъ сообщать краткое изложеніе событія преступленія, и перечислитъ только доказательства и свидѣтелей преступленія, остальное будетъ дѣломъ слѣдователя. Достаточно словомъ ограничиться тѣмъ, что въ гражданскомъ вѣдомствѣ представляютъ изъ себя протоколы полиціи. Затѣмъ дѣло съ такимъ дознаніемъ начальство, если преступленіе общее, и по своей *тяжести* подсудно военному суду, должно немедленно передавать слѣдователю. Если же дѣло идетъ о преступленіи спеціально военномъ, и преступленіе очевидно то оно прямо должно поступать къ прокурору въ противномъ случаѣ также должно поступать къ слѣдователю. Власть военныхъ слѣдователей должна быть расширена, имъ должно быть предоставлено право привлекать въ качествѣ обвиняемыхъ по всякаго рода преступленіямъ лицъ, которыхъ они признаютъ нужнымъ. Этимъ мы не предлагаемъ ничего радикальнаго, ничего безпримѣрнаго до сихъ поръ. Вѣдь фраза, что военно-служащій можетъ подпасть уголовному преслѣдованію только по волѣ начальства, мы доказали совершенно не отвѣчаетъ сущности дѣла, и судебный слѣдователь имѣетъ безусловное право привлечъ къ отвѣтственности солдата за общее преступленіе, а офицера послѣ нѣкотораго незначительнаго пререканія; военный же слѣдователь лишенъ соотвѣтствующаго права, почему? конечно ссылаются на дисциплину, но стоитъ только издать законъ и дисциплинарныя чувства и усмотрѣнія должны замолчать передъ закономъ. Между тѣмъ предлагаемое нами расширеніе правъ военнаго слѣдователя имѣло бы послѣдствіемъ, то что многія преступленія неоставались бы безъ преслѣдованія, прикрываемыя начальствомъ.

Мы говорили много о значеніи 463 ст. въ военно-судебномъ уставѣ, и считаемъ себя вправѣ здѣсь ограничиться простымъ указаніемъ, что 463 ст. должна быть вовсе исключена изъ устава. Участіе начальства въ слѣдствіи совершенно достаточно опредѣляется 390 ст., то есть что слѣдствіе производится слѣдователемъ при

участія полиціи, или начальства. Начальство должно потерять право не высылать свидѣтелей по военнымъ обстоятельствамъ; странно предполагать, что могутъ быть такія военныя обстоятельства въ мирное время, которыя бы мѣшали свидѣтелямъ прибывать къ слѣдователю по его требованію. Начальство должно безпрекословно исполнять всѣ законныя требованія военнаго слѣдователя; начальство не должно имѣть права требовать отъ слѣдователя, чтобъ онъ производилъ слѣдствіе въ томъ, или другомъ мѣстѣ. Окончательное рѣшеніе объ отводѣ слѣдователя должно принадлежать суду а не начальству.

Правила и порядокъ преданія суду могутъ остаться тѣ, которыя теперь заключаются въ XXIV св. воен. пост.

Слѣдуетъ измѣнить практику по составленію обвинительныхъ актовъ; мы указывали въ чемъ состоитъ эта практика, въ чемъ она грѣшитъ; достаточно если практика въ этомъ отношеніи не будетъ уклоняться отъ закона.

Въ самомъ военно-судебномъ процессѣ должны быть сдѣланы такія измѣненія, какъ и при предварительномъ слѣдствіи, то есть что всѣ законы опредѣляющіе процессъ, гарантіи его справедливости, должны вполнѣ быть согласованы до мельчайшихъ подробностей съ общеуголовнымъ процессомъ.

Въ частности мы укажемъ на слѣдующее. Власть предсѣдателя и суда должна быть ограничена, въ томъ отношеніи, что судъ не долженъ быть разслѣдователемъ дѣла, необходимо чтобъ было положительно выражено въ законѣ, что предсѣдатель не имѣетъ права отъ себя предлагать вопросы раньше сторонъ; участіе сторонъ въ процессѣ должно быть совершенно свободно, всѣ гарантіи производства должны быть соблюдаемы въ точности, полная гласность, устность равноправность сторонъ, непрерывность; стороны должны быть въ предѣлахъ указанныхъ закономъ совершенно свободны, обвиняемый долженъ пользоваться полною возможностью доказать свою невинность; у военнаго начальства должно быть отнято всякое вліяніе на процессъ,

въ этомъ отношеніи должны быть запрещены всякія прочтенія письменныхъ сообщеній, которыми начальство старается вліять на исходъ процесса. Начальство не должно имѣть права, отказывать въ высылкѣ свидѣтелей подъ предлогомъ военныхъ обстоятельствъ. Судъ долженъ основываться на доказательствахъ провѣренныхъ на судѣ, потому судъ не долженъ имѣть права по заключеніи преній уносить съ собою дѣла въ комнату для совѣщаній и тамъ восполнять свои свѣдѣнія о дѣлѣ чтеніями документовъ безъ участія сторонъ; необходимо изгнать изъ процесса, все что ведетъ къ формализму. Необходимо ввести въ процессъ правило о постановкѣ вопросовъ публично съ участіемъ сторонъ. Необходимость этаго является также послѣдствіемъ, предлагаемой нами мѣры отдѣленія временныхъ судей отъ постоянныхъ и приданія подобающаго значенія сторонамъ; необходимость публичной постановки вопросовъ является столь очевидною, что даже и тѣ, которые стараются какъ можно больше искалѣчить судъ, какъ можно ближе подойти къ старому, даже и тѣ предлагаютъ публичную постановку вопросовъ, хотя она противурѣчитъ другимъ мѣрамъ предлагаемымъ реакціонерами, а именно устраненію сторонъ изъ процесса, и подчиненію временныхъ судей постояннымъ.

Въ матеріальномъ уголовномъ правѣ необходимо всѣ положительные законы сдѣлать опредѣленными. Необходимо сдѣлать опредѣленнымъ составъ преступленій особенно въ статьяхъ о чинопочитаніи и подчиненности, для всего для этого мы собрали достаточный матеріалъ въ настоящемъ трудѣ. Необходимо чтобъ законъ призналъ личныя человѣческія права за подчиненнымъ, необходимо выбросить изъ воин. уст. о нак. всѣ статьи, преступленіяхъ по службѣ, являющіяся повтореніемъ статей уложенія. Необходимо чтобъ лѣстница наказаній была приведена въ соотвѣтствіе съ существомъ и тяжестью нарушеній.

Вотъ что мы считаемъ необходимымъ для улучшенія правосудія въ войскахъ; но этаго мало. Мы знаемъ что помимо суда судьба,

личность подчиненнаго гораздо болѣе зависитъ отъ администраціи отъ войсковаго начальства. Начальство слишкомъ близко стоитъ къ солдату, къ подчиненному; вліянію, власти начальства подпадаютъ вся жизнь и всѣ стороны дѣятельности солдата, подчиненнаго; можно сказать подчиненный шагу не можетъ ступить безъ того, чтобъ этотъ шагъ не былъ замѣченъ, контролируемъ начальствомъ; начальство слишкомъ тяжело ложится на всѣ проявленія жизни подчиненнаго. Изъ этаго очевидно какъ важно урегулировать отношенія начальника къ подчиненному, какъ важно достигнуть правды, справедливости, гуманности въ отношеніяхъ начальника къ подчиненному; важность всего этаго выростаетъ когда мы вспомнимъ что военная служба обязательна, что подчиненному нѣтъ средствъ устраниться, уйдти изъ подъ власти начальства. А между тѣмъ мы говорили что въ правовой сферѣ, въ бытовой сторонѣ военной службы не сдѣлано никакихъ измѣненій; все остается по старому, какъ было лѣтъ 30 назадъ, такъ и теперь остается. И такъ съ одной стороны все остается безъ движенія, съ другой же стороны вокругъ вся жизнь ушла впередъ; и въ правовомъ быту, нѣтъ сомнѣнія, приспѣло время для измѣненій; дольше не возможно не только идти назадъ, но даже оставаться на мѣстѣ. Невозможно быть слѣпымъ, и съ легкимъ сердцемъ дѣлать различные эксперементы, гнуть въ какую угодно сторону и сколько угодно; нужно вспомнить что есть предѣлъ для упругости, нельзя надѣяться что сколько-бы не наваливали все свезутъ; нельзя этаго дѣлать въ настоящее время когда матеріалъ сталъ чувствительнѣе, хрупче. Настало время, когда вездѣ и всѣми сознается необходимость строгой законности и невозможность безправнаго состоянія. Потому-мы думаемъ, что для того чтобъ, прававой порядокъ поднять до современнаго уровня нужно отдѣлить службу отъ частныхъ дѣлъ, установить законность вмѣсто произвола, что можетъ быть достигнуто введеніемъ въ законъ точныхъ указанія, кто такой прямой начальникъ, что только приказанія такого начальника при-

томъ приказанія законныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ *приказанія по службѣ* обязательны. Только при такой постановкѣ закона, и при удовлетворительномъ положеніи правосудія установиться справедливый порядокъ, не только справедливый, но прочный, не только прочный но внутренній, а не формальный, внѣшній, обманчивый. При такомъ положеніи дѣла и преступленій будетъ меньше, меньше будетъ надобности въ судахъ, въ тюрьмахъ въ мѣстахъ заключенія, а слѣдовательно будетъ экономія въ силахъ и средствахъ. Дисциплина будетъ твердая, строгая, крѣпкая разумная будетъ такова, какова она въ Пруссіи. Отпадетъ необходимость въ дрессировкѣ на всякій случай, явится дѣятельность сознательная, всегда въ свое время, въ своемъ мѣстѣ; условія будутъ всегда соразмѣрны цѣли дѣйствія, всегда будетъ развита сила достаточная, сбереженная, свѣжая не надорванная. исчезнетъ масса притязаній, а потому отпадетъ масса дисциплинарныхъ нарушеній; не будетъ лишнихъ страданій, мученій, наказаній; миръ, любовь, довѣріе войдутъ въ отношенія; жизнь потечетъ мирно, свободно, правильно.